This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

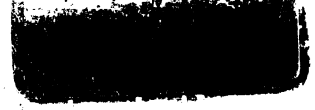
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 81 709



СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ

ОЧЕРКИ

НАШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Законодательство. — Высшая администрація. — Министерства. — Генералъ-губернаторы. — Чиновники. — Самоуправленіе. — Дворянство и духовенство. — Крестьяне и фабричные. — Сепаратизмъ и инородцы. — Евреи. — Финансы. — Статистика и Комиссіи. — Судъ. — Школа. — Печать. — Театръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1889

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ

А вѣдь русскій то фибринъ или церебринъ еще сыроватъ—оттого и мы не умѣемъ ничего довести до конца. Это вина не личности, а расы и ея возраста.

А. Герценъ.

La Russie en est au règne des apparences, qui, en toutes choses, est le grand obstacle á ses progrés.

A. Leroy—Beaulieu.

восточнымъ (черезъ монгольское иго) сложилась эта власть, въ сущности не важно, разъ она удовлетворяетъ потребности, соотвѣтствуетъ интересамъ государства и направляетъ его по истинному пути. „Нигдѣ правительство замѣтилъ еще Герценъ, не становилось настолько передъ народомъ, какъ въ Россіи; можетъ отъ этого оно не всегда было исторически справедливо, но всегда послѣдовательно".

Вырабатывающія законодательные проекты учрежденія, отрывочно скопированныя съ французскихъ образцовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, требуютъ реформы. Въ настоящее время проекты министровъ подвергаются оцѣнкѣ главнымъ образомъ людей, которые не остались во власти не соотвѣтствуя потребностямъ минуты. Понятно, что они дѣлаютъ исправленія въ проектахъ часто несоотвѣтствующія цѣли этихъ послѣднихъ. Измѣненныя въ такомъ видѣ по существу, противорѣчивыя узаконенія нагромождаются въ нашемъ Сводѣ, лишенномъ системы, и къ этой „конституціи Сперанскаго" безъ каламбура можно приложить стихъ Теренція: Summum jus summa injuria.

Высшей администраціи, de facto всесильной и ограниченной лишь слабымъ общественнымъ мнѣніемъ петербургскихъ салоновъ и пяти шести органовъ печати, недостаетъ единства. Пререканія вѣдомствъ и взаимная ревность ихъ болѣе вредны для успѣшнаго дѣйствія государственной машины, нежели это кажется. Перетасовка министерскихъ департаментовъ и учрежденіе новыхъ министерствъ, многократно рекомендовавшіяся, особаго значенія не имѣютъ. Гораздо настоятельнѣе необходимо искорененіе рутины, того, что называется l'inertie des bureaux.

Россія такъ велика, что полная централизація государственнаго управленія въ ней рѣшительно недостижима. При невозможности, частью по условіямъ географическимъ, частью политическимъ и историческимъ, даровать окраинамъ автономію, децентрализація поневолѣ должна выражаться въ учрежденіи генералъ-губернаторскихъ управленій. На окраинахъ необходима весьма послѣдовательная политика, поэтому перемѣны личнаго персонала должны дѣлаться тамъ съ большою осторожностью.

Чиновники составляютъ у насъ издавна всемогущее сословіе. Новѣйшія реформы не только не ограничили значенія бюрократіи, но всячески его распространяютъ, даже сфера казеннаго хозяйства чрезмѣрно расширяется; народъ давно оцѣнилъ это свойство бюрократіи размножаться, назвавъ ее „крапивнымъ сѣменемъ". Особ-

някомъ въ чиновномъ сословіи стоятъ дипломаты: „могущество Россіи велико, различные представители его малы“ очень вѣрно замѣтилъ ген.-адъют. графъ Граббе о дипломатахъ въ своихъ запискахъ.

Самоуправленіе наше исторически слагалось не какъ право, но какъ повинность извѣстныхъ сословій; созданіе по этому по заграничнымъ образцамъ безсословнаго представительства явилось не соображеннымъ съ бытовыми условіями русскаго народа, почему и не принесло ожидаемыхъ плодовъ; даже сословное управленіе до сихъ поръ, вѣроятно по „незрѣлости русскаго перебрина“, не можетъ считаться функціонирующимъ нормально. Среднее сословіе у насъ только въ зародышѣ, табель о рангахъ дѣйствуетъ на него разлагающимъ образомъ, отъ того нельзя и мечтать о self-government въ Россіи по заграничнымъ образцамъ.

Жизнь нуждается въ прогрессѣ, но прогрессъ можетъ быть и самобытный и заимствованный. Н. Данилевскій блистательно въ своей книгѣ („Россія и Европа“) доказалъ, что нѣтъ общей цивилизаціи, прогресса нѣкотораго общаго разума. Существуютъ только частныя цивилизаціи — развитія отдѣльныхъ культурно-историческихъ типовъ. Маркизъ Поза, радѣющій о благѣ „человѣчества“, долженъ быть причисленъ къ разряду жалкихъ маніаковъ. Реформы, взятыя изъ чужаго быта, справедливо сравнивали съ чужимъ платьемъ. Надѣньте самый изящный парижскій фракъ на мужика и мужикъ покажется уродливымъ и неловкимъ, а фракъ черезъ нѣсколько дней обратится въ какую то отвратительную тряпку. Такова участь заимствованныхъ съ чужаго плеча реформъ. Бываетъ и хуже. Государство и общество суть не механическіе аппараты, а живые организмы; желаніе сдѣлать въ организмѣ одинъ палецъ длиннѣе или короче вызываетъ уже судороги, подвергающія весь организмъ сильнымъ страданіямъ. Тэнъ прекрасно объяснилъ это въ своей исторіи Революціи. Каковы же эксперименты надъ милліонами людей! У насъ, впрочемъ, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Леруа Болье, довольствуются наружными признаками и считаютъ реформу сдѣланною, разъ она явилась на бумагѣ.

Послѣ Дарвина равенство можно почитать только неудачнымъ парадоксомъ. Хотя исторически Россія слагалась совсѣмъ иначе, чѣмъ западныя государства, тѣмъ не менѣе сословія явились у насъ уже изстари и возникновеніе высшаго сословія не можетъ считаться плодомъ исключительно правительственной политики. Существованіе дворянства, пользующагося извѣстною долею правительственнаго вліянія, не только не противорѣчитъ идеѣ свободы, а, напро-

тивъ, оно безусловно необходимо для послѣдней, иначе нашъ народъ порабощается бюрократіей и, при отсутствіи вліятельныхъ городскихъ классовъ, невольно складывается китайскій порядокъ вещей. Созданіе „интеллигенціи“ помощью экзаменовъ и привилегій, вмѣсто ожидаемаго прогресса, также все болѣе и болѣе приближаетъ насъ къ китаизму. Различіе заключается въ томъ, что въ Китаѣ государство атеистично, наше же законодательство въ значительной степени включаетъ въ себѣ христіанскія и церковныя начала. Одною изъ главныхъ заботъ правительства должно быть закрѣпленіе связи дворянства съ провинціей. Прежде достигалось это крѣпостнымъ правомъ, нынѣ оно можетъ быть достигнуто разумной переорганизаціей мѣстнаго управленія и хозяйства и мѣрами противъ абсентеизма внутренняго и заграничнаго.

Къ духовенству правительство наше относилось всегда суровѣе, нежели народъ. Это имѣло и свои выгоды и свои дурныя стороны. Въ интересахъ духовенства нельзя желать ни поднятія его научнаго ценза,—что разстроитъ это сословіе, сливъ его съ интеллигенціей, враждебной у насъ религіи,—ни удовлетворенія стремленія духовенства получить казенное жалованіе:—оно станетъ тогда частью бюрократіи; въ обоихъ случаяхъ оно потеряетъ свое полезное вліяніе на народъ.

Крестьянская реформа, одна изъ важнѣйшихъ операцій in anima vili, кажущаяся успѣшно законченною, содержитъ задатки многихъ серьезныхъ осложненій въ будущемъ. Какъ отразилась она на крестьянахъ, въ пользу которыхъ сдѣлана, идутъ еще споры, пожертвованія со стороны дворянства оцѣнить легче. Считая приблизительно, что каждая душа мужского пола давала дохода въ 10 р., потеря отъ эмансипаціи составила 100 милл. дохода, между тѣмъ проценты по выкупнымъ бумагамъ (включая и погашенный казенный долгъ) составляютъ менѣе 45 милл. руб. Дефицитъ 55 милліоновъ. Это не лишнее запомнить для оцѣнки причинъ разстройства мѣстной жизни.

Мысль оградить крестьянъ отъ вліянія на него высшихъ сословій, настойчиво проведенную авторами реформы 19 февраля, нельзя признать удачною. Опека для нашего крестьянства необходима еще на значительный періодъ времени и выгоды этой опеки далеко превосходятъ ея неудобства. Бѣдность нашего народа зависитъ не отъ размѣра надѣловъ и тягости налоговъ (какъ силятся увѣрить радикалы), а отчасти по причинамъ климатическимъ и почвеннымъ, болѣе же всего отъ низкой культуры и малаго раз-

витія промышленности. Культура насадится, однако, не школами, а постепеннымъ пріученіемъ населенія къ извѣстнымъ потребностямъ. Быстрое развитіе промышленности хотя полезно и при нашихъ условіяхъ, какъ показалъ опытъ, весьма возможно, при примѣненіи покровительственной таможенной системы, но имѣетъ и вредныя стороны, съ которыми правительство должно считаться.

Сепаратизмъ представляется у насъ явленіемъ неизбѣжнымъ, вслѣдствіе происхожденія нашего государства, не только собиравшаго, но и отвоевавшаго нѣкоторую часть своихъ земель. Отчасти сепаратизмъ искусственно созданъ былъ неосторожными и неудачными правительственными мѣропріятіями. Распространеніе образованія само по себѣ весьма опасно съ этой точки зрѣнія и должно по этому идти рука объ руку съ весьма твердою и послѣдовательною правительственною политикою. Политика эта прямо противуположна той, которая господствовала въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, и должна напоминать мудрую политику Московскаго государства, вообще недостаточно оцѣненную. Экономическая почва одна изъ тѣхъ, гдѣ сліяніе разнородныхъ племенъ Россіи совершается наиболѣе успѣшнымъ образомъ. Такое явленіе мы видимъ и на примѣрѣ другихъ странъ, на Эльзасѣ и Лотарингіи.

Ограниченія въ правахъ иностранцевъ не должны превосходить мѣръ государственной безопасности. Въ экономическомъ отношеніи роль иностранцевъ, за весьма немногими исключеніями, скорѣе полезна, нежели вредна Россіи.

Евреи составляютъ наиболѣе вредную часть населенія и по отношенію къ нимъ соображенія высшихъ государственныхъ интересовъ должны, къ сожалѣнію, идти впереди соображеній гуманности. Законодательство о евреяхъ должно быть измѣняемо не въ смыслѣ расширенія, а въ смыслѣ постепеннаго ограниченія круга ихъ дѣятельности.

Въ финансахъ нашихъ надобно избѣгать теорій и смѣлыхъ экспериментовъ и предпочитать имъ бережливость и строгій порядокъ. „Кто желаетъ разбогатѣть въ годъ, говоритъ мудрая итальянская пословица, долженъ быть повѣшенъ черезъ полгода“. Какія бы улучшенія въ фискальной системѣ ни дѣлать, но, разъ крестьянство составляетъ четыре пятыхъ населенія, финансы въ Россіи должны быть основаны на косвенныхъ налогахъ. Непрочная денежная единица составляетъ старую болѣзнь Россіи, она требуетъ осторожнаго излеченія. Государственный долгъ не такъ опасенъ, въ виду быст-

раго прироста населенія и соотвѣтственнаго возростанія государственныхъ доходовъ.

Постоянное изученіе экономическихъ и другихъ потребностей государства и отдѣльныхъ сословій необходимо для хорошаго управленія—поэтому, не имѣя почти органовъ для непосредственнаго выясненія нуждъ страны, собраніе разнородныхъ свѣдѣній помощью комиссій, экспертизъ, мѣстныхъ изслѣдованій, а равно отличной организаціи статистики, вещь для Россіи очень важная. Еще Гете сказалъ Эккерману, что „міромъ управляютъ цифры".

Въ странѣ, гдѣ четыре пятыхъ населенія руководствуется обычнымъ правомъ, судъ не можетъ быть организованъ по умозрительнымъ теоріямъ. Въ Россіи, какъ въ восточныхъ государствахъ, во всѣхъ низшихъ инстанціяхъ судебная власть не должна быть отдѣляема отъ административной. Въ Китаѣ каждый, кто забилъ въ барабанъ, повѣшенный у дверей полицейскаго управленія, немедленно и безвозмездно получаетъ судъ и расправу. Это есть идеалъ юстиціи для простаго народа и въ 999 случаяхъ изъ тысячи, встрѣчающихся въ повседневной жизни, онъ удовлетворяетъ практической потребности. Такой же практической потребности удовлетворяютъ тѣлесныя наказанія; для примѣненія ихъ надобна извѣстная привычка, которая лучше всего пріобрѣтается употребленіемъ того же исправительнаго пріема въ школѣ. И на высшихъ ступеняхъ судъ долженъ быть у насъ органомъ администраціи, институтъ присяжныхъ слѣдуетъ упразднить, а адвокатуру сдѣлать казеннымъ учрежденіемъ, обязаннымъ помогать не тѣмъ, у кого много денегъ, а у кого ихъ мало.

Нигилизмъ есть произведеніе нашей школы. Въ сословномъ государствѣ школа должна быть приноровлена къ потребностямъ сословій, а не производить искусственное перебалтываніе ихъ, при чемъ естественно подымается на верхъ грязная пѣна. Образованіе должно быть пропорціонально достатку учащихся. Женское образованіе въ Россіи почти предметъ забавы, во всякомъ случаѣ роскоши. Техническое образованіе должно удовлетворять дѣйствительной потребности. Одно распространеніе спеціальныхъ знаній еще не развиваетъ техники, если нѣтъ почвы для приложенія этихъ знаній.

Печать при нашемъ государственномъ строѣ не можетъ пользоваться полною свободою; это было бы необъяснимымъ противорѣчіемъ, все равно что несмѣняемость судей. Но правительство само заинтересовано, въ интересахъ лучшаго контроля своихъ органовъ и для выясненія настроенія общественнаго мнѣнія, допус-

тить извѣстную свободу для серьезной печати. Потребность знать истину такъ велика, что въ аллегорической формѣ свобода слова существовала въ самыя мрачныя эпохи исторіи человѣчества.

Искусства развились у насъ исключительно подъ вліяніемъ правительственной опеки. Покровительство заходило иногда далеко — такъ, на счетъ русскаго бюджета содержалась итальянская опера въ Финляндіи! Но отымать опеку рано. Хорошій театръ можетъ быть у насъ только при дворѣ и на началахъ монополіи. Театральныя и другія зрѣлища не заключаютъ сами по себѣ ничего дурного, почему онѣ не могутъ считаться противорѣчащими интересамъ церкви. Они могутъ, однако, легко дѣлаться источникомъ соблазна и потому требуютъ строгаго надзора. Зрѣлища, какъ и все въ Россіи, должны соотвѣтствовать раздѣленію общества на классы.

Всѣ изложенные тезисы, по всей вѣроятности, отъ профессорской коллегіи заслужили бы единицу. Многими публицистами будутъ признаны они „дикими“ и „отсталыми“. Авторъ не боится этого упрека. Теперь и на Западѣ происходитъ просвѣтленіе умовъ, и тамъ многіе мыслители находятъ, что римское право, возрожденіе классическаго искусства, уничтоженіе сословій и корпорацій, тѣ реформы, которыя дураки до сихъ поръ продолжаютъ называть régénération sociale et affranchissement humain, accomplies par la Révolution française, и т. п., подвинуло человѣчество назадъ, а не впередъ на пути его къ самобытному развитію и достиженію счастья. Прогрессъ обусловливается успѣхами техники, но и здѣсь зло идетъ рядомъ съ добромъ. Одинъ алкоголь принесъ человѣчеству болѣе бѣдствій, чѣмъ всѣ другія химическія открытія сдѣлали пользы. Затѣмъ прогрессъ состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы нѣсколько банкировъ жуировали въ роскоши, передъ которою жизнь какого нибудь короля XIII-го столѣтія кажется нищенскою, а рядомъ сотни тысячъ людей обращались въ автоматы и, по мѣткому выраженію Мальтуса, „не находили своего прибора на пиру жизни“. Прогрессъ болѣе правильно считать итогомъ благополучія отдѣльныхъ людей.

Конечно, сыщутся зоилы, которые поставятъ автору въ упрекъ, что онъ о такихъ высокихъ, спорныхъ и важныхъ предметахъ говоритъ съ юморомъ, но онъ опять сошлется на Гейне, справедливо замѣтившаго, что „чѣмъ важнѣе предметъ, тѣмъ съ большею веселостью и легкостью надо говорить о немъ“.

ГЛАВА I.

Законодательство.

Законодательная дѣятельность.—Государственный совѣтъ, недостатки его организаціи. — Необходимость высшаго совѣщательнаго учрежденія для дѣлъ по окраинамъ.—Кодификація.

Извѣстно, что большая часть нашего дѣйствующаго законодательства совершенно устарѣла; въ немъ имѣются такіе пробѣлы, которые необходимо во что бы то ни стало пополнить; новыя законоположенія, издававшіяся въ послѣдніе три десятка лѣтъ, не были во многомъ согласованы съ остальными частями Свода Законовъ, почему получились противорѣчія и неясности; огромное число статей Свода было сочтено отмѣненными или потеряло силу само собою вслѣдствіе сдѣланныхъ преобразованій, и вмѣсто нихъ ничего не было издано. Такъ, весь почтовый уставъ былъ цѣликомъ отмѣненъ въ 1871 году, новаго же устава взамѣнъ того не появлялось. Можно себѣ представить, сколько одни эти обстоятельства даютъ пищи къ усиленной законодательной работѣ, а между тѣмъ предстоятъ еще огромныя работы кодификаціонныя.

На практикѣ случаи установленія у насъ новыхъ законовъ именными указами Правительствующему Сенату чрезвычайно рѣдки. Даже по военной и морской части законы предварительно подвергаются тщательному разсмотрѣнію въ Военномъ и Адмиралтействъ-Совѣтахъ и нерѣдко въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ гражданскомъ же управленіи Государственный Совѣтъ совмѣщаетъ почти всѣ функціи законодательнаго учрежденія.

Такой важной задачѣ далеко, однако, не соотвѣтствуетъ организація этого высшаго государственнаго учрежденія. Мы не будемъ входить въ оцѣнку направленія дѣятельности, которое приняло

твореніе Сперанскаго, но что механизмъ его нуждается въ преобразованіи,—не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; то, что было возможно въ десятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, стало неудобнымъ, когда приближается двадцатое.

Государственный Совѣтъ образовался въ эпоху, когда требованія отъ законодательныхъ работъ были весьма незначительныя; тогда за цѣлое царствованіе не издавалось столько законовъ, сколько теперь за одинъ годъ, да и прежніе законы имѣли по большей части случайный характеръ, почему одинаково удобно могли являться и въ формѣ именныхъ указовъ. Бюджетъ, который занимаетъ теперь мѣсяцы, въ прежнее время разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ въ одно, два засѣданія. Между тѣмъ, въ организаціи Государственнаго Совѣта почти никакихъ существенныхъ перемѣнъ со времени его основанія не произошло, если не считать упраздненія департаментовъ Военныхъ дѣлъ и Царства Польскаго, и Совѣтъ, обремененный своими прямыми обязанностями, попрежнему остается еще и высшимъ судебнымъ мѣстомъ въ Имперіи, гдѣ разбираются дѣла, по которымъ не состоялось единогласія въ общихъ собраніяхъ не кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

Мало того, на Государственный Совѣтъ возложено еще много такихъ дѣлъ, для которыхъ прежде имѣлись отдѣльныя законодательныя учрежденія. Такъ, дѣла бывшаго Главнаго Комитета по устройству сельскаго состоянія, Комитета по дѣламъ Царства Польскаго и Совѣта Намѣстника Царства, Кавказскаго Комитета, рѣшавшіяся помимо Государственнаго Совѣта и имѣвшія для своего производства отдѣльныя канцеляріи, поступаютъ теперь въ Государственный Совѣтъ и увеличиваютъ его ordre du jour.

Въ настоящее время разсмотрѣніе нѣсколькихъ неотложныхъ проектовъ законовъ и бюджета поглощаетъ большую часть сессіи и не оставляетъ времени на разсмотрѣніе другихъ важныхъ предположеній. Между тѣмъ, таковыхъ всегда имѣется въ Государственномъ Совѣтѣ въ запасѣ не мало и дальнѣйшее лежаніе ихъ тѣмъ невыгодно, что въ случаѣ какихъ либо перемѣнъ въ составѣ министровъ, проекты эти снова должны будутъ вернуться въ министерскіе департаменты и канцеляріи для пересмотра.

А кромѣ дѣлъ, лежащихъ по нѣсколько лѣтъ въ Государственной Канцеляріи, сколько возникаетъ важныхъ вопросовъ, скорѣйшее разсмотрѣніе которыхъ крайне желательно, такъ какъ многіе изъ этихъ вопросовъ только изданіемъ новыхъ законовъ и уставовъ могутъ быть урегулированы и приведены въ положеніе, соотвѣт-

ствующее потребностямъ Россіи. Между проектами, которые, по своей первостепенной важности, не должны быть долѣе откладываемы разсмотрѣніемъ въ законодательномъ порядкѣ безъ ущерба для народнаго благосостоянія, находятся, напримѣръ, проекты правилъ о подрядахъ и казенныхъ заготовленіяхъ, ипотечнаго устава, портоваго управленія, устава о внутреннемъ судоходствѣ, вексельнаго, торговаго судопроизводства, пересмотръ земскаго положенія.

Комиссія по выработкѣ правилъ о подрядахъ и казенныхъ заготовленіяхъ работала слишкомъ тридцать лѣтъ. Кто знаетъ, какую роль играютъ казенныя заготовки въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ, сколько милліоновъ теряется отъ неупорядоченія этого дѣла, легко поймете, насколько желательно скорѣйшее разсмотрѣніе законодательнаго проекта комиссіи статсъ-секретаря Философова. Этотъ проектъ есть первый шагъ къ уничтоженію тѣхъ злоупотребленій по интендантской и провіантской части, которыя въ теченіи послѣдней войны показали, какъ мало успѣховъ сдѣлано нами въ этомъ отношеніи, сравнительно съ пресловутыми до-реформенными порядками.

Неудовлетворительность вексельнаго устава и устава торговаго судопроизводства также составляетъ одну изъ крупныхъ язвъ русской экономической жизни. Вексель — душа, можно сказать, торговыхъ операцій и кредита, развитіе банковъ дало ему еще новую силу, а наше вексельное право, скопированное въ 1832 г. съ французскаго, отстало отъ Европы ровно на полвѣка. Тысячи людей теряютъ ежедневно отъ неудовлетворительности взысканія, торжествуютъ же только люди безсовѣстные.

Три милліона не снятыхъ запрещеній сбиваютъ съ толку всѣхъ, кому приходится имѣть дѣло съ недвижимыми имуществами, между тѣмъ въ русской же Польшѣ ипотечный уставъ дѣйствуетъ десятки лѣтъ съ полнымъ успѣхомъ и доказываетъ полную примѣнимость его къ нашимъ условіямъ.

Временное положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 28 лѣтъ остается безъ измѣненія, между тѣмъ и опытъ, и здравый смыслъ говоритъ, что этотъ плодъ канцелярской мудрости чрезвычайно неудовлетворителенъ и ведетъ только къ разоренію сельскаго населенія и деморализаціи крестьянскаго общества.

Таковы законодательные вопросы, крупная важность которыхъ бьетъ особенно въ глаза; рядомъ съ ними въ портфели Государственнаго Совѣта лежатъ всегда въ ожиданіи очереди еще десятки проектовъ не столь крупныхъ, но также существенныхъ и крайне

полезныхъ. Нельзя и думать объ отсрочкѣ разсмотрѣнія всѣхъ подобныхъ проектовъ на нѣсколько лѣтъ, ибо въ будущемъ Государственному Совѣту придется заняться не менѣе важными дѣлами, а между тѣмъ каждый годъ что нибудь мѣшаетъ нашему высшему законодательному учрежденію разсмотрѣть ихъ.

Въ 1881 году сессія Государственнаго Совѣта не могла быть очень оживлена, ибо перемѣна царствованія вызвала перемѣну почти всѣхъ министровъ, а и на Западѣ принято за правило останавливать разсмотрѣніе закона, пока новый министръ не изъявитъ согласія поддерживать проектъ своего предшественника, на что, естественно, требуется время. Въ 1882 году сессія была гораздо короче обыкновеннаго вслѣдствіе торжества коронаціи. Такимъ образомъ къ слѣдующей сессіи скопилось въ Государственномъ Совѣтѣ очень много дѣлъ. Продолжительное разсмотрѣніе вопроса объ элеваторахъ, университетскаго устава и желѣзнодорожнаго закона поглотили все время. То же самое повторялось и въ слѣдующихъ годахъ. Хотя графъ Д. А. Толстой справедливо придавалъ чрезвычайно важное значеніе своему проекту мѣстной реформы, но и этотъ проектъ пролежалъ два года, прежде чѣмъ началось его обстоятельное разсмотрѣніе.

Такая медленность законодательныхъ работъ должна обратить вниманіе. Она прежде всего обусловливается системою служебныхъ занятій въ Петербургѣ. Лѣтомъ, т. е. около полугода, Государственный Совѣтъ, какъ извѣстно, не дѣйствуетъ ради вакацій; въ прежнее время хотя Департаментъ экономіи не имѣлъ вакаціоннаго времени, но нынѣ и ему предоставлено таковое. Равнымъ образомъ и чиновники всѣхъ министерствъ считаютъ себя въ правѣ имѣть четыре мѣсяца вакацій, почему съ мая по сентябрь у насъ, не смотря на то, что на тропическую жару въ Петербургѣ, кажется, нельзя пожаловаться, административная жизнь замираетъ. Безчисленныя комиссіи, подготовляющія и пересматривающія законодательные проекты, вовсе не собираются. Оживленіе начинается только съ осени. Но въ октябрѣ же начинаются и засѣданія Государственнаго Совѣта; обыкновенно проекты начинаютъ вноситься въ Совѣтъ къ концу года, когда идетъ горячая работа по разсмотрѣнію государственной росписи, а наиболѣе проектовъ поспѣваетъ лишь къ веснѣ, когда уже остается очень мало времени для ихъ разсмотрѣнія. Почему съ половины февраля всѣ министры получаютъ приглашеніе сложныхъ проектовъ не вносить,

ибо законодательная сессія приходитъ-де къ концу и нѣтъ шансовъ проекту ко времени закрытія сессіи быть разсмотрѣннымъ.

Разсмотрѣніе бюджета работа серьезная. Согласно установленному Высочайше утвержденными 22-го мая 1862 г. смѣтными правилами порядку, финансовыя смѣты, первоначально составленныя въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ, разсматриваются и повѣряются Департаментомъ государственной экономіи Государственнаго Совѣта въ связи съ замѣчаніями на нихъ Министерства Финансовъ и Государственнаго Контроля и съ объясненіями на эти замѣчанія подлежащихъ министерствъ и главныхъ управленій. Затѣмъ уже смѣты вносятся съ проектомъ государственной росписи въ общее собраніе Государственнаго Совѣта.

И по закону, функціи Государственнаго Совѣта у насъ немногимъ отличаются, по отношенію къ бюджету, отъ функцій палатъ; на дѣлѣ въ Россіи смѣты урѣзываются, даже пожалуй, энергичнѣе, чѣмъ въ палатахъ, гдѣ министерства вынуждены входить въ компромиссы съ интересами разныхъ мѣстностей, имѣющихъ своихъ представителей. Опытъ послѣднихъ сорока лѣтъ указалъ также, что народное представительство вообще плохая гарантія бережливости государственныхъ расходовъ: съ расширеніемъ представительства и пониженіемъ выборнаго ценза расточительность увеличивается. И у насъ въ маломъ видѣ это можно наблюдать на земскихъ учрежденіяхъ, болѣе щедрыхъ въ расходахъ, чѣмъ казна.

Что провѣрка смѣтъ Департаментомъ государственной экономіи не есть мертвая буква, видно изъ того, что, напримѣръ, въ 1881 г. Департаментъ экономіи сократилъ расходы по росписи противъ предположеній министерствъ слишкомъ на 19 милл. рублей, а въ 1882 году болѣе чѣмъ на 21 милл. рублей. Не менѣе важную роль игралъ Государственный Совѣтъ при разсмотрѣніи сверхсмѣтныхъ кредитовъ, испрашивавшихся безпрерывно министерствами и главными управленіями. И здѣсь дѣятельность Департамента государственной экономіи не ограничивалась только формальнымъ разсмотрѣніемъ представленій; онъ сократилъ сверхсмѣтныя требованія министерствъ и главныхъ управленій въ 1881 году слишкомъ на 10 милл. рублей, въ 1882 г. почти на 7 милл. рублей и т. д.

Казалось бы, что въ виду такихъ сложныхъ обязанностей во время сессіи дѣятельность Государственнаго Совѣта должна быть чрезвычайно напряженною, но и этого далеко не видно. Въ то время когда заграничныя законодательныя учрежденія собираются ежедневно, иной разъ по два раза въ день, или засиживаются, какъ

англійскій парламентъ, до утра, у насъ plenum Совѣта бываетъ не чаще раза въ недѣлю, причемъ пренія въ общемъ собраніи рѣдки, а разногласія членовъ бываютъ разъ или два въ годъ. Рѣчи произносятся также разъ или два въ годъ, и хотя бываютъ блестящими, но имѣютъ характеръ академическій. Такимъ образомъ разрѣшаются дѣла, собственно говоря, въ департаментахъ, которые представляютъ изъ себя какъ бы законодательныя комиссіи, но такъ какъ подобныхъ комиссій только три или, вѣрнѣе, двѣ, ибо Департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ скорѣе судебное учрежденіе, то легко себѣ представить медленность работы. Въ то время когда у насъ работаютъ двѣ комиссіи, во французской палатѣ ихъ 100, не считая бюро и комиссій иниціативы и мѣстныхъ дѣлъ. Такъ какъ однако, число членовъ въ каждомъ департаментѣ Совѣта крайне ограничено и часто недостаетъ спеціалиста по законодательному вопросу, подлежащему разсмотрѣнію, то приходится постоянно для важныхъ дѣлъ изъ департаментовъ дѣлать еще соединенныя собранія, что приводитъ къ тому, что большинство важнѣйшихъ законодательныхъ проектовъ рѣшаются въ сущности въ одной небольшой комиссіи.

При обширности и разнообразіи дѣлъ Совѣта это приводитъ къ двумъ результатамъ. Во первыхъ, къ преобладанію его канцеляріи, а во вторыхъ, къ застою въ движеніи дѣлъ. Въ настоящее время дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ и направленіе ихъ находится въ полной почти зависимости отъ Государственной Канцеляріи, ея наличныхъ средствъ и добраго желанія. Каждый проектъ во власти Канцеляріи затормозить на неопредѣленное время справками и сношеніями съ разными вѣдомствами, имѣющими иногда весьма отдаленное отношеніе къ проекту. При маломъ составѣ департаментовъ пренія сводятся къ состязанію между министромъ (или его товарищемъ), внесшимъ проектъ, и кѣмъ либо изъ членовъ департаментовъ, въ коихъ въ послѣднее время получилъ преобладаніе элементъ новой судебной реформы. При подобномъ обмѣнѣ мыслей трудно установить рѣзкое мнѣніе за и противъ, почему составленіе журналовъ даетъ новое широкое поле вліянію Государственной Канцеляріи, тѣмъ болѣе, что журналы иногда подписываются три или четыре мѣсяца послѣ происходившаго засѣданія.

Еще болѣе страдаетъ законодательная дѣятельность отъ оставленія проектовъ вовсе безъ движенія. Быстро проходятъ въ Совѣтѣ только вопросы, имѣющіе фискальное значеніе, всѣ же сложные законодательные проекты подолгу дожидаются очереди, причемъ ихъ,

подъ благовидными предлогами, Государственная Канцелярія, для своего облегченія, посылаетъ „на заключеніе“ разнымъ министрамъ (хотя ни одинъ проектъ не вносится въ Совѣтъ безъ предварительнаго сношенія съ дѣйствительно заинтересованными вѣдомствами, требовать же заключенія всѣхъ министровъ излишне); когда же посылать болѣе уже некому, то проектъ и просто остается въ Канцеляріи, пока не перемѣнится кто либо изъ спрошенныхъ министровъ, хотя бы его вѣдомство имѣло самое малое отношеніе къ предмету, затрогиваемому проектомъ *), тогда посылается онъ на новое заключеніе его преемнику, а замѣчанія послѣдняго сообщаются внесшему проектъ министру. Если мѣняется послѣдній, то проектъ совсѣмъ возвращается въ предположеніи, что новый министръ откажется защищать измышленія прежняго; каждое подобное сношеніе, при быстротѣ нашей бюрократической дѣятельности, требуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, иногда одного и двухъ лѣтъ; особенно не торопилось въ прежнее время заключеніями Министерство Юстиціи. Очевидно, такой канцелярскій пріемъ нисколько не помогаетъ дѣлу. Въ концѣ концовъ проекты остаются неразсмотрѣнными. Если дѣло очень спѣшное и министръ сомнѣвается въ возможности передать его на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, приходится прибѣгать къ изданію закона, помощью именнаго указа Правительствующему Сенату, къ чему, впрочемъ, наша законодательная практика, какъ мы сказали, прибѣгаетъ лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Еслибы брать голыя цифры въ отчетахъ Государственнаго Совѣта, то, конечно, окажется, что какъ будто большая часть внесенныхъ за годъ проектовъ разсматривается, но если провѣрить по тѣмъ же отчетамъ качество и значеніе разсмотрѣнныхъ законовъ, то выйдетъ, что большею частію разсматриваются дѣла текущія или безотлагательныя финансовыя, большія же законодательныя работы ждутъ очереди. Да и въ текущемъ законодательствѣ, еслибы Комитетъ Министровъ не былъ у насъ настолько же законодательнымъ, насколько и высшимъ административнымъ учрежденіемъ, то законодательная машина шла бы еще медленнѣе. Въ придачу съ 1888 г. и Комитетъ Министровъ началъ пользоваться чѣмъ то вродѣ вакацій.

*) Такъ, реформа мѣстнаго управленія была задержана въ ожиданіи отзыва Министерства Императорскаго Двора; правила о горныхъ разработкахъ на земляхъ казенныхъ изъ-за мнѣнія военнаго министра.

Всѣ вышеисчисленные недостатки и затрудненія не зависятъ, отъ доброй воли отдѣльныхъ лицъ, — въ Совѣтѣ и его канцеляріи не мало, конечно, людей, искренно желающихъ работать, но затрудненія кроются въ самомъ устарѣломъ механизмѣ нашего высшаго законодательнаго учрежденія. Въ 1881 году, напримѣръ, происходило только 120 засѣданій департаментовъ и 27 общихъ собраній Совѣта. Въ послѣднихъ было разрѣшено 213 дѣлъ, затѣмъ осталось нерѣшенныхъ къ 1882 году за общимъ собраніемъ 22, да за департаментами 319, по большей части дѣлъ наиболѣе сложныхъ, ибо изъ рѣшенныхъ многія были такія, которыя соединились съ другими дѣлами или, были какъ экстраординарныя смѣты, рѣшены прямо журналами департаментовъ и даже просто отношеніями. Мы взяли еще годъ, когда, по естественнымъ событіямъ, за перемѣною главныхъ начальниковъ почти во всѣхъ вѣдомствахъ, законодательная дѣятельность не могла быть оживленною и новыхъ проектовъ вносилось мало на разсмотрѣніе Совѣта.

Намъ кажется въ виду всего вышеизложеннаго, что настало время переорганизаціи системы законодательныхъ работъ. И безъ какихъ либо радикальныхъ реформъ въ личномъ составѣ или устройствѣ высшаго законодательнаго учрежденія въ Россіи, возможна гораздо лучшая утилизація его силъ, лучшій распорядокъ его дѣятельности. Устраняя упреки будто бы Государственный Совѣтъ искажаетъ вносимые проекты, относительно ускоренія теченія дѣлъ нельзя не рекомендовать средствъ весьма простыхъ, которыя будутъ, однако, дѣйствительными, и помощію коихъ дѣятельность Государственнаго Совѣта ускорится и сдѣлается болѣе живою и плодотворною.

Этого можно бы достигнуть двумя путями. Во-первыхъ необходимо привести сессіи Государственнаго Совѣта въ соотвѣтствіе съ административными нравами Петербурга. Если у насъ дѣйствительно — на что въ законѣ указанія нѣтъ — лѣто стало по обычаю временемъ вакацій для министерствъ, то необходимо сессію Государственнаго Совѣта позже оканчивать, а именно продолжать ее примѣрно отъ 15-го сентября до 15-го іюня и даже до 1-го іюля. Во-вторыхъ, требуется преобразованіе въ распорядкѣ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Государственная Канцелярія довольно многочисленна и ее едва ли придется расширять; впрочемъ, еслибы пришлось усилить составъ Государственной Канцеляріи, то жалѣть на это денежныхъ средствъ нечего. Застой въ законодательныхъ дѣлахъ отражается

гораздо болѣе вредно на финансахъ государства *). Полезно также усилить Государственную Канцелярію спеціалистами по разнымъ предметамъ, особенно техническимъ, и т. д. Еще необходимѣе, измѣнить устройство и распредѣленіе департаментовъ Совѣта. Департаменты Государственнаго Совѣта соотвѣтствуютъ подготовительнымъ комиссіямъ въ заграничныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ. Понятно, что для разбора такой массы проектовъ, которая приготовляется ежегодно четырнадцатью нашими министерствами и главными управленіями, совершенно недостаточно двухъ комиссій. Поэтому или необходимо увеличить число департаментовъ, что затрудненій не составитъ, ибо въ Государственномъ Совѣтѣ теперь не мало членовъ въ департаментахъ не присутствующихъ, или же вовсе отмѣнить раздѣленіе самаго Государственнаго Совѣта на департаменты, сохранивъ послѣдніе только для Государственной Канцеляріи. Обязанности же нынѣшнихъ департаментовъ по предварительному разсмотрѣнію вопросовъ могли бы быть возложены на комиссіи или комитеты изъ членовъ Государственнаго Совѣта, пользуясь для этого по возможности большимъ числомъ членовъ. Нѣкоторыя изъ подобныхъ комиссій, напримѣръ для разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ, для вопросовъ объ обязательномъ отчужденіи или для рѣшенія въ апелляціонномъ порядкѣ гражданскихъ дѣлъ, переносимыхъ изъ Сената, и т. п., могли бы быть постоянными. Учрежденіе комитетовъ или особыхъ совѣщаній для Государственнаго Совѣта не новость—они учреждались уже по разнымъ случаямъ, необходимо только расширить примѣненіе подобнаго порядка обсужденія дѣлъ.

Такое преобразованіе не представляетъ никакихъ особенныхъ трудностей; программа его сама собою намѣтилась уже изъ практики Государственнаго Совѣта за послѣднее время; во всякомъ случаѣ откладывать это преобразованіе безъ вреда для дѣла не возможно. Мы ничего не говоримъ о преобразованіи личнаго состава Совѣта, пополняемаго преимущественно бывшими министрами и генералъ-губернаторами. Въ послѣднее время дѣлались уже по-

*) Эти отсрочки иногда не дешево обходятся. Обложеніе желѣзнодорожныхъ акцій налогомъ рѣшено было въ принципѣ 20-го мая 1885 г., но отложено на время изъ-за составленія точнаго списка желѣзныхъ дорогъ, не подлежащихъ налогу. На составленіе списка потребовалось $1^1/_2$ года! Такимъ образомъ, считая, что налогъ съ желѣзнодорожныхъ акцій далъ 800 тыс. руб. въ годъ, небольшая канцелярская работа, требовавшая лишь пересмотра печатныхъ уставовъ десяти дорогъ, обошлась правительству въ милліонъ двѣсти тысячъ рублей!

ытки (Галаганъ и графъ Бобринскій) привлечь въ Совѣтъ элементы не изъ административныхъ сферъ. Желательно, чтобы на этомъ опытѣ не останавливались, ибо этотъ элементъ необходимъ для уравновѣшенія законодателей изъ юристовъ, которые для заторможенія дѣлъ любятъ ссылаться какъ на аргументъ, что новый законъ или предположеніе не согласуются-де съ нашими гражданскими законами, причемъ число этихъ несогласій доводится до безконечности. Что же это за законы, съ которыми не ладятся необходимѣйшія проявленія современной гражданской жизни?

Добро бы еще X-й томъ выражалъ собою стройное законодательство, которымъ руководился долгими годами русскій народъ и которое вытекло изъ народныхъ началъ. Ничего подобнаго нѣтъ, какъ извѣстно. Каждый спеціалистъ вамъ скажетъ, что $^{9}/_{10}$ населенія Россіи не подозрѣваетъ существованія X-го тома Свода законовъ и руководится обычнымъ правомъ, не считая еще обширныхъ мѣстностей Имперіи, гдѣ имѣются спеціальные гражданскіе кодексы (Польша, Прибалтійскій край, Бессарабія и пр.). Далѣе, каждый юристъ скажетъ, что никогда этотъ кодексъ не вырабатывался систематически, а механически скомпилированъ, съ величайшими пробѣлами по самымъ существеннымъ частямъ права, изъ противорѣчивыхъ и несоотвѣтствующихъ другъ другу остатковъ каноническаго права Византіи, изъ законовъ Московскаго государства, писанныхъ въ эпоху когда юридическія понятія были очень слабы и сбивчивы, изъ клочковъ Литовскаго статута, военныхъ законовъ Петра, переведенныхъ со шведскаго, изъ домашнихъ распоряженій императрицъ XVIII столѣтія, сдѣланныхъ подъ вліяніемъ того или другого лица, изъ нѣсколькихъ новѣйшихъ узаконеній, заимствованныхъ по большей части съ французскаго и т. д.; все это графъ Сперанскій и его сотрудники по Своду не затруднились еще „исправлять“ по своему вкусу, безъ малѣйшаго изученія обычнаго права большинства русскаго народа, почему даже важнѣйшіе законы, напр. о правѣ наслѣдованія, основаны на постановленіяхъ, вытекшихъ изъ отдѣльныхъ случаевъ. Наконецъ, каждый юристъ скажетъ, что переработать по новой системѣ X-й томъ признано почти безплодной задачей, почему комиссія по составленію гражданскаго уложенія предпочла начать дѣло съизнова.

И вотъ такое-то казуистическое законодательство, которымъ приходится довольствоваться только за неимѣніемъ другого, законодательство не развитое, а запутанное долголѣтней судебной практикой, выставляется какимъ-то кореннымъ препятствіемъ для улуч-

шеній нашего государственнаго управленія. Мы того мнѣнія, что если какія либо статьи X-го тома не сходятся съ необходимыми улучшеніями, то слѣдуетъ исправлять эти статьи, не дожидаясь новаго уложенія, которое не явится и черезъ двадцать лѣтъ, а не ломать и подчинять новые законы подъ мѣрку, признаваемую не соотвѣтствующею болѣе современному росту Россіи.

Съ огромными препятствіями совершаются также реформы, хотя бы и вполнѣ справедливыя, если только онѣ малѣйшимъ образомъ касаются матеріальныхъ интересовъ. Доказательствомъ служитъ лѣсной законъ. Онъ разсматривался такъ долго, переходя изъ одной канцеляріи въ другую, что всѣ думали, что разрѣшится онъ только тогда, когда никакихъ владѣльческихъ и общественныхъ лѣсовъ не останется, по крайней мѣрѣ, въ южной и средней Россіи.

Въ этомъ случаѣ мы положительно пошли назадъ, а не впередъ. Еще Петръ Великій настолько понималъ, что интересы государственные первенствуютъ надъ частными, что всѣ владѣльческіе лѣса взялъ въ казенное управленіе. Такъ длилось до Екатерины II, которая въ извѣстной ревности къ интересамъ дворянскаго сословія отдала ему обратно лѣса въ безусловное распоряженіе и прибавила еще нѣдра земли и воды, отчудивъ послѣднія почеркомъ пера изъ государственной въ частную собственность. Съ тѣхъ поръ идея, что разъ уступленное добровольно государствомъ навсегда ушло изъ его компетенціи и что малѣйшее желаніе урегулировать хищническое частное хозяйство есть нарушеніе священнаго принципа собственности, чуть не соціализмъ,—только укрѣплялось и нашими юристами также выставлялось за основаніе русскаго права.

Есть еще одинъ важный пробѣлъ въ нашей законодательной дѣятельности. Публика обращала нерѣдко вниманіе на поѣздки главныхъ начальниковъ дальнихъ окраинъ въ Петербургъ и на продолжительное пребываніе въ послѣднемъ. По общепринятому объясненію, генералъ-губернаторамъ и чиновникамъ ихъ канцелярій пріятнѣе проживать въ столицѣ, нежели у себя въ глуши, тѣмъ болѣе, что эти переѣзды взадъ и впередъ оплачиваетъ государственное казначейство. Въ сущности, это объясненіе несправедливо, и не по ихъ винѣ приходится нашимъ генералъ-губернаторамъ совершать прогулки въ десятки тысячъ верстъ, и еще менѣе они виноваты въ своемъ по большей части праздномъ пребываніи въ

Петербургѣ. Здѣсь есть недостатокъ государственнаго механизма, который сознаетъ и правительство.

Дѣло въ томъ, что наше управленіе окраинами очень централизовано,—за малыми исключеніями, управленіе какой-либо Якутской области мало отличается отъ управленія Псковскою или Новгородскою губерніями, находящимися отъ столицы въ двухъ шагахъ. Предоставить нашимъ окраинамъ извѣстную самостоятельность невозможно; въ нихъ нѣтъ почти интеллигентныхъ силъ, а если и есть гдѣ какая своя собственная интеллигенція, то упаси Боже отъ ея воззрѣній. Стоитъ почитать такъ называемые органы тифлисской или сибирской „прессы“, чтобы получить отвращеніе отъ этой интеллигенціи, представляющей уродливую прививку радикально-опереточныхъ идей къ полудикому организму.

Не представляя изъ себя автономныя области, наши окраины имѣютъ, однако, очень много дѣлъ, имъ однимъ свойственныхъ, и каждая изъ нихъ не только по своимъ размѣрамъ и по численности населенія, но и по разнородности возбуждающихся ежедневно вопросовъ представляетъ изъ себя цѣлое государство. Одна Сибирь превосходитъ раза въ полтора Канаду по числу населенія, а въ послѣдней семь мѣстныхъ парламентовъ, да одинъ общій, итого восемь учрежденій занятыхъ лишь разработкою законодательныхъ вопросовъ. У насъ это сводится къ работѣ нѣсколькихъ канцелярій, но и труды послѣднихъ остаются по большей части безъ дальнѣйшаго движенія.

Каждый новый генералъ-губернаторъ отправляется на окраину въ розовой надеждѣ принесть пользу краю. Но съ первыхъ же шаговъ онъ видитъ, что его личное воздѣйствіе почти безсильно, такъ какъ недостаетъ, можно сказать, всего: всѣ отрасли и администраціи и государственнаго хозяйства въ полномъ застоѣ и запущеніи, нѣтъ законовъ, денегъ и людей. Побившись немного, генералъ-губернаторъ рѣшаетъ, что писать и просить объ этомъ за тысячу верстъ — напрасная потеря времени. „Съѣзжу, поговорю, попрошу и дѣло живо сладится“, говоритъ онъ себѣ и мѣстнымъ жителямъ. Приготовляется обширный отчетъ о нуждахъ края; генералъ-губернаторъ везетъ его въ Петербургъ, здѣсь отчетъ производитъ впечатлѣніе. Всѣ только руками разводятъ надъ вопіющими безпорядками въ той или другой мѣстности и хвалятъ генералъ-губернатора за то, что онъ мужественно не скрываетъ правды и не старается замазать глаза.

Но старые, опытные бюрократы заранѣе знаютъ, что отъ озна-

ченныхъ разоблаченій, какъ послѣднія ни поразительны, а иной разъ и возмутительны, не произойдетъ большихъ послѣдствій. Генералъ-губернаторъ, похлопотавъ годъ, полтора, уѣдетъ обратно безъ денегъ и безъ людей и сочтетъ себя счастливымъ, если изъ пятидесяти намѣченныхъ имъ крупныхъ проектовъ ему удастся провести, съ большими уступками и урѣзками, одинъ или два.

Причиною подобной неудачи главнымъ образомъ—организація нашего законодательнаго и высшаго административнаго механизма. Какимъ образомъ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ могутъ найти время для дѣлъ окраинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, напр. польская, прибалтійская, сибирская, туркестанская, кавказская, каждая потребовала бы для своихъ безотлагательныхъ вопросовъ цѣликомъ одну или двѣ сессіи, когда общія нужды Имперіи, какъ мы выше указывали, не успѣваютъ быть обсужденными. Если у насъ есть дѣла первоклассной важности, которыя болѣе десяти лѣтъ дожидаются чести быть разсмотрѣнными, такъ гдѣ же тутъ можетъ дойти очередь до обсужденія судебъ несчастныхъ инородцевъ въ Камчаткѣ? Поэтому для окраинъ ограничиваются лишь обсужденіемъ самыхъ настоятельныхъ мѣропріятій, а если что издается, то затѣмъ надолго останется неизмѣняемымъ, хотя бы сразу выказало свою непримѣнимость; таково, напримѣръ, положеніе объ управленіи Киргизской степью, оказавшееся непрактичнымъ еще въ 1869 году.

Въ старой Россіи, гдѣ также господствовала централизація управленія, для дѣлъ окраинъ имѣлись въ Москвѣ спеціальныя учрежденія — различные приказы. Въ новѣйшее время въ Петербургѣ для дѣлъ окраинъ существовали особые комитеты: по дѣламъ Царства Польскаго, Сибирскій, Кавказскій, съ особыми при нихъ канцеляріями. Упраздненіе означенныхъ учрежденій, было ошибкою, хотя въ свое время привѣтствовалось и публикою, и печатью; послѣднія всегда любятъ нивеллировку и централизацію, видя въ нихъ прогрессъ. Но наружное единство вовсе еще не служитъ доказательствомъ, что объединеніе въ самомъ дѣлѣ послѣдовало и что высшая администрація съ аптекарскою точностью распредѣляетъ свою заботливость между столицею и какою нибудь Тургайскою или Семирѣченскою областями. Безпрерывныя поѣздки генералъ-губернаторовъ въ Петербургъ и малое число законодательныхъ и высшихъ государственныхъ мѣропріятій, касающихся окраинъ, доказываютъ, что нужды послѣднихъ не удовлетворяются въ надлежащей мѣрѣ. Это, впрочемъ, ни для кого не секретъ.

Мы полагаемъ поэтому, что разъ будетъ сохранена нынѣшняя централизація управленія, — а она, по причинамъ, объясненнымъ ниже, еще долго должна быть сохраняема,—то необходимо создать въ Петербургѣ, хотя бы и на другихъ началахъ, спеціальное высшее учрежденіе для обсужденія дѣлъ нашихъ окраинъ. Сила вещей вызывала недавно, хотя и временное, учрежденіе особаго Совѣщанія по приамурскимъ дѣламъ; Остзейскій Комитетъ также существуетъ еще на бумагѣ, хотя никогда и не собирается. Очень было бы полезно этотъ остатокъ бывшихъ окраинныхъ учрежденій упразднить, а взамѣнъ того создать что-либо новое, приспособленное къ потребностямъ нашихъ отдаленныхъ областей, нынѣ достаточно выяснившимся. На первый разъ казалось бы возможнымъ учредить особый для дѣлъ окраинъ департаментъ, или, если департаменты будутъ упразднены, отдѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Законодательная дѣятельность выражается не только въ писаніи новыхъ законовъ, она проявляется и въ кодификаціи, т. е. въ примѣненіи и присобленіи новыхъ законовъ къ старымъ, что весьма важно особенно у насъ, вслѣдствіе положенія нашего Свода Законовъ.

Немногимъ теперь памятно время, когда появленіе Свода положило конецъ новообразимому хаосу противорѣчивыхъ указовъ, составлявшихъ русское законодательство до того времени. Безъ сомнѣнія, Сводъ страдалъ отсутствіемъ системы и опредѣленныхъ началъ и не внесъ въ наше законодательство подлежащей стройности, но уже одно матеріальное облегченіе справокъ и доступность закона для всѣхъ, а не для небольшого круга опытныхъ подьячихъ, составляли немаловажную заслугу Свода. Практическая польза Свода выказалась довольно наглядно, когда съ 1857 года почти въ теченіе двадцати лѣтъ новаго изданія Свода Законовъ не появлялось, а коренное различіе вновь издаваемыхъ многочисленныхъ узаконеній съ прежними вынудило не издавать также по нѣкоторымъ уставамъ и „продолженій“ Свода. Къ сожалѣнію, если Сводъ былъ полезенъ, то нельзя сказать, чтобы онъ издавался удовлетворительно. Если первое изданіе грѣшило во многомъ, то дальнѣйшія изданія Свода дѣлались уже совсѣмъ по-канцелярски, и каждое новое изданіе Свода Законовъ было положительно хуже предыдущаго. II-е отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи не только искажало статьи законовъ, но, по ошибкѣ и недоразумѣнію, пропускало въ новыхъ изданіяхъ Свода многія весьма важныя статьи законовъ, не замѣняя ихъ ничѣмъ. На это не мало было въ свое время указаній въ юри-

дической печати, и можно привести безчисленное множество тому примѣровъ изъ разныхъ томовъ Свода.

Исполняя, такимъ образомъ, крайне неудовлетворительно то, что г. Анисимовъ и другіе частные издатели дѣлали гораздо лучше, а, главное, даромъ, II-е отдѣленіе поглощало на свое содержаніе громадныя суммы, составлявшія довольно чувствительное бремя для государственнаго бюджета. Расходы были велики оттого, что факторы типографіи и т. п. служащіе состояли въ чинѣ тайныхъ совѣтниковъ! Чтобы опредѣлить размѣръ непроизводительно поглощавшагося капитала, достаточно вспомнить, что Отдѣленіе расходовало ежегодно около полумилліона рублей. Вычислено, что, напримѣръ, на составленіе неполнаго еще Свода Законовъ 1876 г., продолжавшееся съ 1857 г., т. е. въ теченіе 19 лѣтъ, израсходовано $9^1/_2$ милл.! Считая, что во всемъ Сводѣ, съ примѣчаніями и приложеніями, имѣется приблизительно 45 тыс. статей, оказывается, что кодификація каждой статьи обошлась болѣе 200 рублей!

Новому Кодификаціонному Отдѣлу Государственнаго Совѣта придется въ сущности передѣлать Сводъ Законовъ заново. Сводъ представляетъ постоянное смѣшеніе закона съ инструкціей (наказомъ), но какъ ни кажется простой съ перваго взгляда мысль объ отдѣленіи закона отъ наказа, а практическое исполненіе ея встрѣчаетъ огромныя затрудненія. Хотя еще графъ Сперанскій пытался объяснить различіе между учрежденіями, уставами и наказами, но опредѣленіе его очень мало разъясняетъ спорный вопросъ. Новыя работы Отдѣла не могутъ быть распубликованы къ руководству безъ предварительнаго тщательнаго разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ. Во многихъ случаяхъ вновь кодифицированный уставъ явится совершенно новымъ уставомъ; но мы рѣшительно недоумѣваемъ, какимъ путемъ подобные обширные законодательные труды могутъ быть осуществлены при нынѣшней организаціи нашей законодательной дѣятельности. А впереди еще предстоятъ такія работы, какъ разсмотрѣніе новаго гражданскаго уложенія.

Намъ думается, что при принятой системѣ уложеніе это не появится и черезъ десять, пятнадцать лѣтъ, между тѣмъ, не говоря о штатахъ Америки, имѣющихъ каждый свой кодексъ, на нашихъ глазахъ быстро завершаются работы по составленію новыхъ гражданскихъ уложеній въ Германіи, Венгріи, Сербіи, Черногоріи и Японіи. Во всякомъ случаѣ если мы по отношенію къ Имперіи, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, начинаемъ выходить изъ запутаннаго

состоянія, то законодательство десяти губерній, образующихъ теперь Варшавское генералъ-губернаторство, продолжаетъ оставаться въ хаотическомъ состояніи.

Подъ вліяніемъ исключительныхъ условій, особенно ряда преобразованій въ сферѣ мѣстнаго управленія, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ съ начала нынѣшняго столѣтія, узаконенія Царства Польскаго не были сводимы въ одно систематическое цѣлое. Неудобства, отъ этого проистекавшія, давно уже обратили на себя вниманіе. Въ 1838 году бывшій Совѣтъ Управленія Царства поручилъ правительственнымъ комиссіямъ составить систематическіе сборники административныхъ узаконеній по образцу Свода Законовъ Имперіи. Работы продолжались два года, матеріалы были собраны и расположены въ хронологическомъ порядкѣ въ сорока-четырехъ отдѣлахъ и затѣмъ переданы въ бывшую кодификаціонную комиссію, но труды послѣдней никогда не появились въ свѣтъ. Крестьянская реформа и предположенія правительства о переустройствѣ разныхъ частей управленія въ Царствѣ заставили снова обратить вниманіе на вопросъ объ изданіи свода мѣстныхъ законоположеній.

Въ 1864 году, по представленію Н. А. Милютина о необходимости продолжать кодификацію, послѣдовало распоряженіе о напечатаніи собранныхъ уже матеріаловъ съ необходимыми исправленіями и дополненіями, съ тѣмъ, чтобы „составленіе систематическихъ сводовъ узаконеній было отнесено къ послѣдующему времени“. Независимо отъ этихъ сборниковъ, въ 1866 году повелѣно было издать сборники постановленій собственно лишь въ руководство губернскимъ и уѣзднымъ управленіямъ въ Царствѣ.

Такова въ общихъ чертахъ сущность мѣръ, принятыхъ съ цѣлью собрать въ одно цѣлое узаконенія Царства Польскаго. Конечно, мѣры эти принесли свою пользу; безъ нихъ познаніе мѣстныхъ служебныхъ порядковъ, правъ и обязанностей было бы еще затруднительнѣе чѣмъ прежде; но и съ осуществленіемъ этихъ мѣръ прежнія затрудненія далеко не уменьшились.

Въ настоящее время источниками для познанія законовъ Царства Польскаго служатъ, между прочимъ, семьдесятъ пять томовъ „Дневника законовъ“, шестьдесятъ девять томовъ „Сборника административныхъ постановленій“, тридцать два тома „Постановленій, относящихся къ дѣйствіямъ губернскихъ правленій и уѣздныхъ начальниковъ“ и семь томовъ „Сборника постановленій Учредительнаго Комитета“. Одни эти изданія составляютъ библіотеку въ 183 тома, не считая еще весьма часто употребляемыхъ для справокъ

21 тома „Справокъ постановленій Учредительнаго Комитета". Кромѣ того, по случаю подчиненія центральнымъ учрежденіямъ Имперіи большинства административныхъ вѣдомствъ Царства Польскаго, послѣднія во всѣхъ случаяхъ, не разрѣшаемыхъ мѣстными законами, обязаны руководствоваться Сводомъ Законовъ Имперіи, а также циркулярами, инструкціями и пр. своихъ министерствъ.

„Дневникъ законовъ" Царства представляетъ собраніе узаконеній въ хронологическомъ порядкѣ и притомъ безъ всякаго различія между законами дѣйствующими и отмѣненными. Еще бо́льшія препятствія представляютъ для руководства мѣстныя правительственныя распоряженія, не вошедшія въ „Дневникъ законовъ" и внесенныя въ вышеупомянутые сборники. Сборники эти раздѣлены, по вѣдомствамъ, на отдѣлы, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, а послѣднія изъ нѣсколькихъ томовъ. Матеріалъ распредѣленъ на группы въ порядкѣ хронологическомъ. т. е. самомъ неудобномъ, причемъ, какъ и въ „Дневникѣ законовъ", встрѣчаются рядомъ циркуляры и отмѣненные, и сохранившіе свою силу. Въ сборникахъ, за исключеніемъ изданныхъ по вѣдомству юстиціи, нѣтъ никакихъ указателей, вслѣдствіе чего пользоваться ими возможно только при обстоятельномъ знакомствѣ съ ихъ содержаніемъ.

Дѣйствительно, не легко, почти невозможно для непосвященнаго, догадаться, что, напримѣръ, узаконенія о службѣ гражданской слѣдуетъ искать въ томъ самомъ томѣ сборника, въ которомъ помѣщены правила о производствѣ торговъ, о возведеніи новыхъ и перестройкѣ старыхъ зданій, о выборѣ кандидатовъ на должности мировыхъ судей, объ экспропріаціи, о порядкѣ подачи прошеній на высочайшее имя, о засвидѣтельствованіи актовъ и документовъ, о порядкѣ составленія приходо-расходныхъ смѣтъ по вѣдомству внутреннихъ дѣлъ, о демаркаціонной линіи, объ устройствѣ крестьянъ, о торговлѣ, о провинціальныхъ театрахъ и пр.; а между тѣмъ всѣ эти узаконенія заключаются въ одномъ объемистомъ сборникѣ и расположены въ томъ порядкѣ, какъ сейчасъ сказано. Не менѣе трудно розыскать по сборникамъ и другія узаконенія; такъ, напримѣръ, постановленія о рыболовствѣ напечатаны частью въ сборникахъ о городскомъ хозяйствѣ, частью въ сборникахъ по финансовому вѣдомству, частью, наконецъ, въ сборникахъ по вѣдомству путей сообщенія.

При этомъ, со времени изданія сборниковъ прошло уже болѣе двадцати лѣтъ, въ теченіе которыхъ въ Царствѣ Польскомъ совершилось много новыхъ реформъ; большая часть прежнихъ учре-

жденій упразднены, дѣятельность, кругъ власти и взаимныя отношенія мѣстныхъ правительственныхъ органовъ существенно измѣнились и въ руководство имъ издано множество новыхъ инструкцій и правилъ. Въ виду всего этого самъ собою выдвигается вопросъ о необходимости соединенія въ одно цѣлое того матеріала, который разбросанъ въ разныхъ не представляющихъ между собою никакой связи изданіяхъ, въ многочисленныхъ томахъ „Дневника законовъ“ и сборникахъ, а также въ отдѣльныхъ распоряженіяхъ и правилахъ.

При этомъ рождается вопросъ, не проще ли было, съ объединеніемъ администраціи, ввести въ Царствѣ Польскомъ въ дѣйствіе цѣликомъ русскіе законы, но это предположеніе, соблазительное съ виду, не выдерживаетъ критики. Подобное введеніе было возможно, хотя и съ извѣстною постепенностью, въ Закавказскомъ краѣ, въ Бессарабіи и вообще тамъ, гдѣ наше владычество застало устарѣлыя, а частью совершенно варварскія законоположенія; совсѣмъ другое въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ въ основаніи гражданскаго и уголовнаго законодательства еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ положенъ „Code Napoléon“, самый совершенный изъ всѣхъ писанныхъ кодексовъ. Затѣмъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ въ законодательство края были введены, въ подражаніе Европѣ, очень много весьма важныхъ и полезныхъ постановленій, нарушеніе или измѣненіе которыхъ было бы шагомъ назадъ, и ни въ какомъ случаѣ нежелательно. Поэтому для облегченія какъ жителей Царства, такъ и прибывающихъ туда русскихъ чиновниковъ и переселенцевъ, остается пока принять только мѣры для кодификаціи и сокращенія массы разбросанныхъ законовъ и административныхъ распоряженій въ небольшой сводъ мѣстныхъ постановленій, подобный тому, который имѣется для Прибалтійскаго края.

ГЛАВА II.

Высшая администрація.

Комитетъ и Совѣтъ Министровъ.— Правительствующій Сенатъ.— Необходимость образованія болѣе однороднаго министерства.—Святѣйшій Синодъ.

Административный механизмъ нашъ во многомъ неудовлетворителенъ и такъ же, какъ и законодательный ,требуетъ подновленія. Механизмъ этотъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ, былъ устроенъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда государственныя коллегіи, состоявшія подъ верховнымъ надзоромъ Сената, а по части гражданскаго управленія подъ единымъ контролемъ генералъ-прокурора, были замѣнены министерствами. Душою этого преобразованія былъ графъ В. П. Кочубей. Всѣмъ извѣстно, что оно было встрѣчено обществомъ далеко неодобрительно и, между прочимъ, подверглось рѣзкой критикѣ Карамзина въ его знаменитой запискѣ „О древней и новой Россіи".

Но еще ранѣе Карамзина графъ С. Р. Воронцовъ, нашъ посолъ въ Лондонѣ, въ дружескомъ письмѣ на имя графа Кочубея, въ то время (въ 1803 году) министра внутреннихъ дѣлъ, подвергъ его проектъ критикѣ еще болѣе рѣзкой, нежели критика Карамзина. Письмо это напечатано въ XV книгѣ „Архива князя Воронцова" и, не смотря на проглядывающую мѣстами мимолетную досаду на униженіе Петровскаго Сената и на назначеніе на министерскіе посты лицъ, по мнѣнію Воронцова, недостойныхъ, не потеряло своего теоретическаго значенія до сихъ поръ.

По словамъ Воронцова, при новой системѣ „государь останется въ невѣдѣніи того, какъ его подданные управляются, и онъ не будетъ выслушивать докладовъ другихъ лицъ, кромѣ тѣхъ, которые имъ избраны, а они будутъ являться въ одно и то же время и

судьями, и отвѣтчиками; такимъ образомъ государь лишается средства знать дѣйствительно ли онъ избралъ людей непогрѣшимыхъ и честныхъ..." Сенатъ, говоритъ Воронцовъ, учрежденъ потому, что „не смотря на свои таланты и свой геній, или, вѣрнѣе, благодаря этимъ талантамъ и генію, Петръ чувствовалъ, что большое государство не можетъ управляться непосредственно государемъ, порученіе же администраціи 10 или 12 лицамъ, не подчиненнымъ никакому контролю, послужило бы лишь къ созданію 10 или 12 деспотовъ, которые, по свойственной людямъ слабости, конечно, вольно или невольно, злоупотребляли бы своею властью, государь же, имѣя сношенія только съ этимъ небольшимъ числомъ лицъ, былъ бы обманываемъ и не зналъ ничего о вредѣ, ими приносимомъ..."

„Я всегда, — пишетъ далѣе Воронцовъ, — ненавидѣлъ злоупотребленія власти и министерскій произволъ, который изсушаетъ страну наиболѣе цвѣтущую, унижаетъ людей..." Не забудьте, обращается Воронцовъ къ Кочубею въ заключеніи письма, что Россія вамъ обязана изобрѣтеніемъ, введеніемъ и укорененіемъ министерскаго деспотизма, то-есть величайшаго несчастія, величайшаго бича, которому можетъ подвергнуться страна,—дѣлающаго подданныхъ несчастливыми и уменьшающаго ихъ любовь къ государю...

Эти строки, рисующія критикуемую авторомъ систему, очевидно, въ крайне преувеличенномъ видѣ, вѣроятно не остались неизвѣстными Александру I и произвели свое дѣйствіе. Учрежденіемъ въ 1810 г. Государственнаго Совѣта желали хотя отчасти замѣнить, потерявшій свое правительствующее значеніе, Сенатъ. Къ сожалѣнію, Сперанскій Совѣтъ скопировалъ съ государственнаго совѣта Наполеона I, а прочіе проекты Сперанскаго, служившіе дополненіемъ и коррективомъ къ учрежденію Совѣта, были забыты послѣ ссылки этого государственнаго человѣка по интригамъ Армфельдта и Балашева. Правда еще ранѣе, въ 1802 г. былъ, образованъ Комитетъ Министровъ съ цѣлью объединить дѣйствія отдѣльныхъ вѣдомствъ и затѣмъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ—Совѣтъ Министровъ, но эти поправки не измѣнили, строго говоря, сущности дѣла. Совѣтъ Министровъ почти никогда не собирается, а Комитетъ Министровъ обратился въ учрежденіе, похожее на государственные совѣты въ другихъ странахъ: здѣсь по преимуществу разсматриваются второстепенные законодательные вопросы.

Такимъ образомъ въ смыслѣ администраціи каждое министерство остается въ своей сферѣ всемогущимъ и министръ, власть котораго по закону довольно ограничена, на дѣлѣ полновластенъ,

потому что въ большинствѣ вопросовъ, даже второстепенныхъ, онъ имѣетъ возможность свою отвѣтственность сложить за высочайшимъ разрѣшеніемъ. Такимъ образомъ, косвенная отвѣтственность переходитъ къ государю, дѣйствія котораго, по самому существу монархической власти, должны въ глазахъ подданныхъ не только находиться всегда въ сторонѣ отъ критики, но и казаться священными.

Это умаленіе власти, при ея наружной безграничности, давно обращало на себя вниманіе. Знаменитый корифей консервативной партіи, человѣкъ близко знавшій Россію, графъ Жозефъ де-Местръ, еще въ 1812 году писалъ: „посреди этой бури страстей я восторгаюсь императоромъ. Что могъ онъ сдѣлать? Въ Европѣ много говорятъ о неограниченной власти русскаго государя, но забываютъ, что государь наименѣе сильный тотъ, который все можетъ сдѣлать. Никто не въ состояніи отучить простаковъ отъ маніи судить государей по тому, что они могутъ сдѣлать, тогда какъ ихъ надобно оцѣнивать именно по тому, что они не въ силахъ сдѣлать...“

Въ парадоксальной формѣ здѣсь высказана глубокая истина, поясняющая многія явленія въ нашей исторіи. Приблизительно ту же мысль въ иронической формѣ выразилъ покойный императоръ Николай въ извѣстной фразѣ, что „Россіей управляютъ столоначальники“.

Недостатки бюрократіи, ставшей, по выраженію славянофиловъ, „стѣною“ между государемъ и Землею, и выдающей верховную власть каждому недовольному вовсе не этою властью—преданность къ которой въ русскомъ народѣ вошла въ плоть и кровь — а отдѣльными органами администраціи, обусловливается еще отсутствіемъ единства. Между тѣмъ именно въ единствѣ власти, въ строгой отвѣтственности ея по закону и въ полной по возможности неприкосовенности державнаго начала лежатъ основанія для преобразованія нашего государственнаго механизма. Pour fortifier la monarchie, говоритъ тотъ же де Местръ il faut l'asseoir sur les lois, éviter l'arbitraire“.

При существующемъ порядкѣ вещей, когда каждое вѣдомство могло идти въ разрѣзъ съ другими, иногда дѣйствуя и прямо враждебно, объединеніе администраціи совершалось лишь въ лицѣ верховной власти; эта власть, стоящая внѣ партій и кружковъ высшимъ осуществленіемъ народнаго единства и живымъ олицетвореніемъ закона, какъ бы низводилась на степень перваго министра, перваго слуги государства.

Измѣнить подобное положеніе вещей необходимо въ интересахъ

верховной власти и всего народа. Администрація не должна быть всѣмъ, а только частью общественнаго организма, какъ церковь, армія, судъ, сословія. Государь—покровитель церкви, главнокомандующій, верховный судья, первый дворянинъ и т. д., но прежде всего онъ государь, а вышеозначенные титулы, льстя тѣмъ, въ чью честь онъ ихъ носитъ, не прибавляютъ ничего къ полнотѣ его верховной власти и значенію.

Администрація свое единство должна найти въ самой себѣ, для этого нѣтъ пути, кромѣ образованія болѣе однороднаго министерскаго кабинета, отвѣтственнаго передъ Государемъ и состоящаго изъ членовъ, тѣсно связанныхъ между собою общностью взглядовъ и убѣжденій. Неоднородное министерство, можно сказать, осталось только въ Россіи; даже въ странахъ менѣе цивилизованныхъ пререканіе вѣдомствъ устранено по возможности созданіемъ министерства, которое если не назначается одновременно, то во всякомъ случаѣ состоитъ изъ лицъ сговорившихся на извѣстной программѣ и подчиняющихся руководству одного наиболѣе вліятельнаго или талантливаго министра, ближайшимъ образомъ поставленнаго къ верховной власти и пользующагося ея безусловнымъ довѣріемъ.

Неудобства полной независимости одного министра отъ другого у насъ всѣми чувствовались, хотя вполнѣ разъяснятся они, когда будетъ написана безпристрастная исторія нашихъ административныхъ учрежденій. Война министерствъ принимала иногда гомерическіе размѣры; кому неизвѣстна, напримѣръ, борьба Орлова съ Клейнмихелемъ, Канкрина съ Киселевымъ и др., война главнымъ образомъ канцелярская, не въ интересахъ дѣла, а своихъ вѣдомствъ; при Александрѣ II очень занимала публику оживленная борьба между вѣдомствами военнымъ и учебнымъ.

Другая невыгодная сторона раздѣленія состояла въ желаніи каждаго вѣдомства обособиться въ совершенно отдѣльное и независимое „государство въ государствѣ“. Это раздѣленіе дошло одно время до каррикатурныхъ размѣровъ, каждое вѣдомство имѣло не только свои учебныя заведенія, но свой судъ, свою цензуру и даже своихъ собственныхъ священниковъ. Реформы Александра II уничтожили по большей части эти оригинальныя попытки „автономіи“, тѣмъ не менѣе идея неприкосновенности интересовъ каждаго вѣдомства осталась. На передачу какого нибудь департамента изъ одного министерства въ другое, заграницею совершающуюся безпрестанно,

у насъ продолжаютъ смотрѣть едва ли не какъ на экспропріацію частной собственности въ видахъ государственной пользы.

Даже чиновники входятъ въ интересы своего начальства, и подчиненные считали покойнаго генерала Мельникова чуть не измѣнникомъ за то, что онъ допустилъ половину своихъ департаментовъ разобрать по разнымъ министерствамъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ чиновники тутъ были правы, такъ какъ перетасовку департаментовъ можно допустить въ пользу дѣла, но никакъ не поличнымъ соображеніямъ. У насъ же не хотятъ отрѣшиться отъ воззрѣнія на должность, какъ на нѣкоторую вотчину, дарованную извѣстному лицу. Потому, случалось, что когда рѣчь шла о томъ, что какой либо государственный человѣкъ оказался по тѣмъ или другимъ соображеніямъ неудобнымъ, то никому и въ голову не приходило, что такому лицу естественнѣе и достойнѣе всего обратиться къ частной жизни, а сейчасъ же являлся вопросъ: чѣмъ вознаградить правительство увольняемое лицо за потерю казенной квартиры и другихъ преимуществъ?

За два послѣдніе десятка лѣтъ едва ли не одинъ графъ А. П. Бобринскій 2-й, послѣ увольненія, былъ обращенъ въ прежнее состояніе состоящаго по запаснымъ войскамъ; остальные министры широко воспользовались щедростью государства, получивъ сохраненіе полнаго содержанія и назначеніе въ члены государственнаго совѣта. Но и этого инымъ казалось мало и для оставляющихъ свои посты лицъ проектировалось выкраиваніе новыхъ, хотя и маленькихъ, портфелей. У каждаго департамента дѣла не много, но если отдѣлить его, прибавить канцелярію, совѣтъ, состоящихъ, причисленныхъ, чиновниковъ особыхъ порученій и т. д., смотришь вышло бы прехорошенькое министерство.

При этомъ упускалось изъ виду, что если бы каждый изъ уходящихъ министровъ, уносилъ по одному департаменту, то чрезъ десять лѣтъ получилось бы въ Россіи сорокъ отдѣльныхъ министерствъ.

Наиболѣе страдалъ отъ отсутствія единства въ высшемъ управленіи нашъ бюджетъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что улучшеніе финансовъ невозможно безъ однороднаго министерства. Поставленный, какъ равный съ равными, министръ финансовъ не въ силахъ, въ большинствѣ случаевъ, сопротивляться требованію денегъ со стороны другого вѣдомства, а особенно если это вѣдомство изъ важныхъ; важность же опредѣляется, главнымъ образомъ, количествомъ затрачиваемыхъ денегъ; поэтому юстиція, народное просвѣще-

ніе, государственный контроль считаются, съ административной точки зрѣнія, „не важными“ и этимъ вѣдомствамъ труднѣе иногда найти десять тысячъ рублей, нежели другимъ милліонъ. Однородное министерство, гдѣ каждое вѣдомство не искало бы случая забѣжать ранѣе другого и округлить по возможности свои расходы, служило бы отличнымъ средствомъ для болѣе правильнаго распредѣленія суммъ въ государственной росписи и облегчило бы чрезвычайно задачу министра финансовъ.

Едва ли однако, по характеру нашего правительства и въ духѣ нашей исторіи было бы возможно роль перваго министра въ кабинетѣ, какъ въ Англіи предоставить министру финансовъ; да и въ въ Англіи нынѣ первый лордъ казначейства совсѣмъ не министръ финансовъ, а бывали примѣры, что первый лордъ казначейства не состоялъ премьеромъ кабинета. Практически эта, необходимая для Россіи, реформа могла бы осуществиться назначеніемъ вицепредсѣдателя въ Совѣтъ Министровъ (предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ, какъ извѣстно, самъ Государь). Тогда собранія Совѣта могли бы дѣлаться несравненно чаще, установилась бы общая программа дѣйствій и послѣдствіемъ реформы было бы преобразованіе, если не упраздненіе, съ передачею дѣлъ Совѣту Министровъ, Государственному Совѣту и Сенату, Комитета Министровъ.

Изложенный выше проектъ, напечатанный въ 1880 г. въ „Новомъ Времени“, вызвалъ нѣсколько серьезныхъ возраженій. Находили, что мы „предлагаемъ *великаго визиря* съ единомысленнымъ кабинетомъ“. Слово визирь казалось настолько страшнымъ, что оно одно должно-де рѣшить вопросъ. Между тѣмъ насъ оно нисколько не пугаетъ. Дѣло не въ названіи, а въ сущности. Въ восточной системѣ визирата антипатична не форма, а тотъ произволъ, который скрывается подъ этою формою. Если же власть визиря опасна по ея безграничности, то во сколько разъ оказалась бы вреднѣе параллельная власть десяти визирей. Власть же нашихъ министровъ весьма широка. Сперанскій еще въ 1827 г. писалъ что: „причины, по коимъ прежнія коллегіи были введены въ составъ министерствъ и отмѣнены коллегіальные обряды, были весьма уважительны; но если симъ преобразованіемъ съ одной стороны усилены скорость и единство управленія, то съ другой стороны ничѣмъ не преграждены самопроизвольность дѣйствій и не удостовѣрена зрѣлость соображеній“.

По мнѣнію нашихъ критиковъ, „настоящій нашъ государственный порядокъ представляетъ и свои выгоды, и притомъ существенныя.

Разностью направленій въ правительствѣ отчасти замѣняется та борьба мнѣній, которая необходима для торжества истины и которая полнѣе достигается въ европейскихъ государствахъ парламентскими преніями...“ „Полная стачка министровъ не воздвигнетъ ли еще выше бюрократическую стѣну“, замѣчали намъ.

Спрашивается, на чемъ основано подобное фантастическое воззрѣніе на нашу высшую администрацію? „Борьбы мнѣній“, на самомъ дѣлѣ не существуетъ и не можетъ существовать. Если бы было два министра финансовъ, или два морскихъ министра, то возможно еще представить, что каждый бы старался проводить свои мнѣнія и контролировать своего товарища Но такъ какъ такое раздѣленіе абсурдъ, то при спеціализаціи портфелей борьбы быть не можетъ. Морскому министру нѣтъ дѣла до коннозаводства, если онъ знаетъ, что главноуправляющій послѣдними не вмѣшивается въ кораблестроеніе и т. д. При нынѣшнемъ-то порядкѣ и существуетъ, конечно, негласно и даже, такъ сказать, невольно, та „стачка“, о которой говорится выше. Passez moi la rhubarbe je vous passerai la séné, думаютъ, если не говорятъ министры тамъ, гдѣ нѣтъ кабинета, точно мольеровскіе доктора. По большей части имъ даже нѣтъ нужды въ соглашеніи, такъ какъ развѣ одна сотая часть дѣлъ, и не всегда первостепенной важности, подвергается совокупному разсмотрѣнію.

Однако, замѣтятъ намъ, бывали же въ Россіи столкновенія между министрами, и даже систематическая вражда, длившаяся по нѣсколько лѣтъ. Дѣйствительно бывали, но тутъ дѣло не шло, да и не могло идти далѣе личныхъ вопросовъ. Если борьба ожесточалась, то именно, когда одинъ министръ почему-либо хотя слегка касался компетенціи другого министра, что ясно доказываетъ какъ труденъ контроль одного министра надъ другимъ при ихъ взаимномъ равенствѣ между собою и при отсутствіи кабинета.

Другое возраженіе основано на томъ, что у насъ-де партій не существуетъ, а имѣются только „люди старыхъ порядковъ и люди новыхъ порядковъ, иначе сказать люди произвола и люди законности“. Прекрасно. Но это развѣ не партіи? Судя по разнообразію нашихъ газетъ, потому, что тѣ изъ нихъ, которыя стараются потрафить на всѣ вкусы, вліяніе никакого не имѣютъ, тѣ же, которыя, какъ „Московскія Вѣдомости“, проводили опредѣленное направленіе, пріобрѣтали многочисленныхъ почитателей, очевидно, что и у насъ политическія партіи существуютъ. Отсутствіе представительства не сложило ихъ въ рѣзкія внѣшнія формы, у партій

нѣтъ завѣдомыхъ коноводовъ, знаменъ, клубовъ; но отсутствіе рѣзкихъ границъ между партіями замѣтно и во многихъ даже конституціонныхъ государствахъ: въ Италіи, Испаніи, отчасти Франціи, гдѣ партіи ежедневно переформировываются и распадаются.

Предвидѣли еще новую бѣду. Положимъ, говорили намъ одномысленные министры у насъ будутъ люди новыхъ порядковъ; слѣдовательно вполнѣ возможно, что завтра можетъ образоваться кабинетъ противоположнаго направленія. „Единство кабинета при современномъ государственномъ устройствѣ и при состояніи нашего общества будетъ централизаціею, доведенною до послѣдняго предѣла, и больше ничего. Можно даже указать предшествующіе примѣры изъ исторіи; конецъ царствованія Александра I имѣлъ тоже кабинетъ и перваго министра, хотя они такъ не назывались. Аракчеевъ былъ на дѣлѣ первымъ министромъ, съ кабинетомъ, подобраннымъ ему подъ масть. Того ли нужно?“..

Перспектива имѣть новаго графа Аракчеева премьеромъ не пугаетъ насъ. Если Россія хочетъ жить самостоятельною политическою жизнью, то должна допускать колебанія общественнаго мнѣнія и въ ту и въ другую сторону. Какъ ни прискорбна кажется многимъ рѣзкая реакція, но она не можетъ быть въ иныхъ случаяхъ предотвращена и чѣмъ будетъ реакція дѣйствовать откровеннѣе, тѣмъ по всей вѣроятности она просуществуетъ менѣе.

Положимъ всѣ бы министры дѣйствовали въ родѣ Аракчеева, мы убѣждены, что подобный кабинетъ не выдержалъ бы напора общественнаго мнѣнія и полугода. Между тѣмъ, весьма не популярные министры сидѣли десятки лѣтъ. Почему? Потому, что рядомъ съ ними другіе вели дѣло въ раціональномъ и національномъ направленіи, вводили порядокъ въ свои вѣдомства и т. д. Общество, понятно, не могло съ достаточною ясностью оцѣнить— впередъ или назадъ движемся мы.

Въ то же царствованіе, ту же, что и Аракчеевъ, роль премьера или визиря игралъ и графъ Сперанскій, еще въ скромной должности государственнаго секретаря. Да и управленіе Аракчеева кажется дурнымъ не отъ власти, которою онъ пользовался, а отъ личныхъ свойствъ этого бездушнаго человѣка и особенно отъ его несчастной идеи военныхъ поселеній. Аракчеевъ, строго говоря, премьеромъ не былъ, дѣла иностранныя, напримѣръ, его не касались, въ военныя онъ только отчасти вмѣшивался, но если даже считать Аракчеева полновластнымъ, то не видно, чѣмъ его управленіе было хуже послѣдующаго времени Клейнмихелей, Чернышевыхъ, Орло-

выхъ. При Аракчеевѣ судился и былъ осужденъ военный министръ князь Горчаковъ со своими помощниками за дурное управленіе — единственный случай преданія у насъ суду министра. Аракчееву обязаны прекращеніемъ мистическихъ глупостей, гг. Руничей, Магницкихъ; обязаны графомъ Канкринымъ, замѣнившимъ неспособнаго графа Гурьева, и т. д. Наконецъ, Аракчеевы возможны лишь въ такомъ обществѣ, которое ихъ терпитъ, и которому справедливо былъ противенъ семинарскій либерализмъ Сперанскаго.

Ненадобно еще упускать изъ виду, что положеніе графа Аракчеева было, такъ сказать, экстралегальное. Онъ былъ „случайный человѣкъ", какихъ наша исторія представляетъ десятки примѣровъ. Другое дѣло быть премьеромъ по праву, другое — захватить мало-по-малу власть въ свои руки темными путями въ ущербъ товарищамъ; такой захватъ не только не напоминаетъ кабинета, но не имѣетъ ничего общаго и съ визиріатомъ.

Намъ остается объяснить еще одинъ весьма существенный вопросъ. Въ сдѣланныхъ намъ возраженіяхъ сквозила мысль, что въ единствѣ министерства мы видимъ какой-то вѣнецъ нашихъ государственныхъ реформъ. Ничего подобнаго мы никогда не полагали. Государство преобразовывается мало-по-малу, шагъ за шагомъ, каждая реформа должна быть настолько обдумана, чтобы не мѣшать дальнѣйшимъ улучшеніямъ, но это не значитъ, что какая нибудь реформа въ состояніи замѣнить собою всѣ остальныя. Однообразный кабинетъ съ ясною программою, съ даровитымъ и твердымъ человѣкомъ во главѣ кажется намъ предподчтительнѣе „пререканій" разныхъ вѣдомствъ и противоположныхъ толканій — выражаясь аллегорически — колесницы государства въ противоположныя стороны. Объединеніе власти не предрѣшаетъ, однако, вопроса объ ея законной отвѣтственности.

Въ числѣ проектовъ предложенныхъ въ послѣднее время для улучшенія нашихъ административныхъ порядковъ, въ смыслѣ приданія администраціи единства и установленія надлежащей отвѣтственности, было предложено преобразованіе Правительствующаго Сената, именно расширеніе компетенціи 1-го департамента Сената, съуженнаго административной практикой, вопреки мысли законодателя. Извѣстный профессоръ А. Д. Градовскій полагаетъ, напримѣръ, что „несмотря на всѣ колебанія нашего законодательства, учрежденіе Сената остается твердою точкою опоры для дальнѣйшихъ усовершенствованій".

Подобный проектъ возникалъ и въ прежнее время. Даже въ

правительственныхъ сферахъ многократно жаловались на умаленіе власти Сената и нѣсколько разъ эта власть возстановлялась указами по возможности въ ея первоначальномъ значеніи. Несостоятельность этихъ попытокъ не доказываетъ ли, однако, что самое учрежденіе Сената давно не удовлетворяетъ ни потребностямъ усложнившейся жизни большаго государства, ни измѣнившимся отношеніямъ между правительственными органами.

Какъ большинство учрежденій Петра Великаго, Сенатъ возникъ почти случайно. Въ московской Россіи только текущія дѣла рѣшались царемъ единолично по докладамъ начальниковъ приказовъ. По болѣе важнымъ дѣламъ государь призывалъ на думу или однихъ ближнихъ, комнатныхъ бояръ и окольничихъ, или всѣхъ бояръ, окольничихъ, дворянъ, и это называлось *сидѣніемъ великаго государя съ боярами о дѣлахъ*. Если дѣла были не такъ важны или по какимъ нибудь обстоятельствамъ государь не могъ самъ присутствовать при совѣщаніи о нихъ, то приказывалъ рѣшить ихъ боярамъ безъ себя, приказывалъ имъ *сидѣть* о какомъ нибудь дѣлѣ.

При Петрѣ сидѣнія бояръ продолжались въ началѣ его царствованія, преимущественно подъ руководствомъ Нарышкина, но со времени шведской войны деспотическія привычки все болѣе и болѣе входили въ натуру царя и онъ прибѣгалъ почти исключительно къ именнымъ указамъ для выраженія своей желѣзной воли.

Когда къ шведской войнѣ прибавилась турецкая, денегъ и рекрутъ понадобилось еще болѣе, царю же снова предстояло пребывать въ постоянной отлучкѣ, а неисправность и казнокрадство быстро увеличились, Петръ, по примѣру прежнихъ боярскихъ сидѣній, а частью по заграничнымъ образцамъ, въ 1711 году: „опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія“.

Такъ возникло учрежденіе, на которое особымъ наказомъ Петръ возложилъ обязанность имѣть судъ нелицепріятный, наблюдать за расходами, „денегъ какъ можно сбирать“, набирать рекрутъ, исправить вексельныя дѣла, вѣдать откупа, о соли пещись, китайскіе и персидскіе торги умножить, „армянъ какъ возможно приласкать и облегчить“ и „фискаловъ учинить во всѣхъ дѣлахъ“.

По уже при Петрѣ, прежде чѣмъ армяне были облегчены, а фискалы повсюду разставлены, значеніе Сената подорвалось дѣятельностью такъ называемаго Кабинета и его всемогущаго кабинетъ-секретаря Макарова. Этотъ Макаровъ былъ типъ ловкаго чиновника новой формаціи. Извѣстно какъ напр., онъ увѣдомилъ главное лицо

въ Москвѣ графа Мусина-Пушкина объ избраніи Петра II; въ письмѣ послѣдній является государемъ по завѣщанію, по избранію и по наслѣдству: „по ея императорскаго величества *тестаменту*, учинено *избраніе* на престолъ россійской новымъ императоромъ *наслѣдственному* государю, его высочеству великому князю Петру Алексѣевичу"... Въ смыслѣ боярскаго сидѣнія о дѣлахъ Сенатъ имѣлъ значеніе лишь въ первую половину царствованія Елисаветы Петровны. Остальное время надъ Сенатомъ, непосредственно у верховной власти, стояли учрежденія или лица, имѣвшія въ своемъ вѣдѣніи важнѣйшія государственныя дѣла. Верховный Тайный Совѣтъ Петра II, кабинетъ-министры Анны Ивановны, Конференція Елисаветы Петровны, учрежденная передъ семилѣтней войной, ограничивали значительно власть Сената. Раздѣленіе послѣдняго на департаменты, вслѣдствіе естественнаго увеличенія судебныхъ дѣлъ, еще болѣе уменьшило значеніе Сената. При Екатеринѣ и Павлѣ коллегіи иностранная, военная, адмиралтейская, дѣла финансовыя и придворныя, т. е. четыре пятыхъ администраціи непосредственно управлялись государями черезъ президентовъ коллегій и генералъ-прокурора, помимо Сената.

Александра I и окружающихъ его лицъ, какъ видно изъ сохранившихся протоколовъ извѣстнаго „неоффиціальнаго комитета", очень заботило неопредѣленное положеніе Сената. Въ 1802 г. при учрежденіи министерствъ на Сенатъ возложена „важнѣйшая и сему верховному мѣсту наипаче свойственная должность—разсматривать дѣянія министровъ по всѣмъ частямъ ихъ управленію ввѣреннымъ и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи дѣлать свои заключенія и представлять докладомъ". Это постановленіе осталось, однако, мертвою буквою. Молодые сподвижники царя знать не хотѣли устарѣвшаго, по ихъ мнѣнію, Сената, и при учрежденіи Государственнаго Совѣта и расширеніи значенія Комитета Министровъ собственно правительствующая власть Сената снова чрезвычайно уменьшилась, проявляясь лишь изрѣдка въ ревизіяхъ мѣстныхъ административныхъ учрежденій.

Такое положеніе вещей, по нашему мнѣнію, создалось естественно и не можетъ быть измѣнено существеннымъ образомъ, особенно въ настоящее время. Сенатъ, если посмотрѣть внимательно, уже въ XVIII вѣкѣ потерялъ свое правительствующее значеніе, или, вѣрнѣе говоря, никогда не имѣлъ его.

Въ XVII вѣкѣ наша система управленія имѣла полный и по своему законченный органическій составъ: начальники приказовъ

замѣняли министровъ, по дѣламъ важнымъ почти ежедневно собиралась дума, по дѣламъ особливой важности созывались государственные чины или соборы, опять таки въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, смотря по крупности дѣла. Сходный порядокъ былъ и въ Западной Европѣ. Въ XVIII вѣкѣ, а въ Западной Европѣ въ XVII и частью даже въ XVI, абсолютная власть почти повсемѣстно торжествуетъ, сословныя представительства теряютъ силу, государства управляются par le bon plaisir верховной власти. Абсолютизмъ явился, однако, на Западѣ не безъ борьбы, онъ основался на интересахъ третьяго сословія или буржуазіи, при помощи легистовъ, т. е. по нашему судебныхъ и административныхъ чиновниковъ. Верховная власть должна была считаться съ ними. Во Франціи, гдѣ борьба очевиднѣе и торжество королевской власти вышло блистательнѣе, единственнымъ тормазомъ ея оставались такъ называемые парламенты.

Парламенты сосредоточивали высшую власть судебную, помощью прокуратуры они имѣли надзоръ за администраціею, а вслѣдствіе права регистрировать или нѣтъ королевскіе указы сохраняли и извѣстный законодательный контроль.

Нашъ Правительствующій Сенатъ несомнѣнно былъ копіей подобнаго учрежденія. Ему принадлежала высшая судебная власть, его прокуроры и фискалы смотрѣли за администраціей, наконецъ, законъ, по которому каждый указъ получалъ силу лишь послѣ распубликованія его черезъ Правительствующій Сенатъ, являлся въ сущности тѣмъ droit d'enregistrement, которое играло такую роль въ исторіи французскихъ парламентовъ.

Сходный по теоретическимъ условіямъ, нашъ Сенатъ не имѣлъ и не могъ имѣть, однако, ничего общаго съ французскими нарламентами. Отчего это?

Объясненіе очень просто. Вопервыхъ, учрежденіе, являющееся копіей, никогда не имѣетъ значенія учрежденія, создавшагося органически. Вовторыхъ, никакой борьбы средняго сословія съ аристократіей у насъ не было, не было и аристократіи, которую не ранѣе конца XVIII вѣка стали опять-таки копировать съ иностранныхъ образцовъ. Сенатъ поэтому не представлялъ какой-либо независимой политической силы, какъ старинные парламенты. Онъ выходилъ изъ того же служилаго сословія, на которое государство смотрѣло лишь какъ на матеріалъ для военной силы, палками наказывая тѣхъ, кто уклонялся отъ службы. Никакой разницы между званіями военнымъ, гражданскимъ и судебнымъ не было, каждый

отправлялъ тѣ должности, которыя ему поручались, а спеціализація послѣднихъ зависѣла не отъ подготовки, а отъ состоянія здоровья: человѣкъ неспособный ѣздить верхомъ, дѣлался судьею и т. п.

При такихъ порядкахъ, отчасти сохранившихся и до сихъ поръ, понятно, что наша магистратура не могла имѣть даже и отдаленнаго сходства съ французской. Поэтому и оппозиціи ждать было отъ нея нельзя, никакихъ lit de justice не требовалось и если Яковы Долгорукіе рвали указы, то это представлялось отдѣльною вспышкою человѣка, личное положеніе котораго ставило его въ состояніе переносить гнѣвъ царскій.

Спрашивается теперь, какъ учрежденіе, которое полтораста лѣтъ назадъ не имѣло силы, можетъ получить ее теперь незначительными переправками? Указываютъ, что каждый мужикъ знаетъ у насъ названіе Сената, что доказываетъ-де популярность этого учрежденія. Странная логика. Микола Чудотворецъ еще болѣе популяренъ въ простомъ народѣ, но эта отвлеченная популярность не можетъ быть также утилизирована, какъ и предлагаемая популярность Сената.

Если нашъ народъ знаетъ Сенатъ, то лишь какъ высшую апелляціонную инстанцію суда. Въ этомъ смыслѣ судебная реформа обратила сенатъ въ кассаціонный судъ и ничего противъ означеннаго превращенія сказать нельзя въ принципѣ, хотя, оно, какъ всякое заимствованіе, не приноровлено къ народнымъ понятіямъ о юстиціи. Другое дѣло правительствующее значеніе Сената. Оно почти окончательно испарилось. Типографія для законовъ, производство низшихъ чиновниковъ, судъ надъ нѣкоторыми чиновниками съ согласія ихъ начальства, начеты и сложеніе со счетовъ также съ согласія начальства, вотъ, кажется, и всѣ функціи правительствующаго сената, кромѣ второстепенныхъ—утвержденія мировыхъ судей, выдачи гербовъ и т. п. Трудно изъ этихъ матеріаловъ создать „отвѣтственность“ министровъ.

Мы думаемъ, что министерская отвѣтственность должна достигаться совсѣмъ другими путями, правительствующее же значеніе Сената не только не расширяться, а постепенно уничтожаться, какъ de facto уже давно почти не существующее. Публикація законовъ могла бы дѣлаться государственной канцеляріей, на которую возложена уже кодификація законовъ. Дѣла герольдіи могли бы вѣдаться частью министерствомъ юстиціи, частью министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а для административнаго суда, рядомъ съ кассаціонными департаментами Сената, можно бы образовать новый

департаментъ административнаго суда, куда кстати присоединить и нынѣшній совѣтъ государственнаго контроля, имѣющій скорѣе судебное, нежели административное значеніе. Изъ старыхъ департаментовъ сената межевой остается таковымъ лишь по названію, собственно межевыхъ дѣлъ у него очень мало, а новый департаментъ крестьянскій (2-й), также имѣетъ временный характеръ и съ окончаніемъ крестьянской реформы потеряетъ свой raison d'être.

Высшее церковное правительство сосредоточивается у насъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, со времени Петра Великаго находившаго, что „сила во опредѣленіи дѣла большая здѣ есть, понеже вящая по увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ". Кѣмъ то, очевидно кабинетнымъ дѣятелемъ, былъ поднятъ вопросъ о возстановленіи въ Россіи, взамѣнъ Синода, патріаршаго достоинства. Намъ кажется, что добросовѣстное изученіе исторіи Никона можетъ служитъ лучшимъ доказательствомъ непрактичности и несвоевременности подобнаго преобразованія. Въ своихъ замѣчаніяхъ къ отвѣтамъ Стрѣшнева на вопросы Паисія Лигирида патріархъ Никонъ, считаемый у насъ нѣкоторыми писателями за либерала, формулировалъ слѣдующую теорію отношеній церкви къ государству:

„Не отъ царей начальство священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются; явлено много разъ, что священство выше царства. Какими привиллегіями подарилъ насъ царь? Привиллегіею вязать и рѣшить? Мы другого себѣ законоположника не знаемъ, кромѣ Христа. Не давалъ онъ намъ правъ, а похитилъ наши права... Церковью обладаетъ, священными вещами богатится и питается, славится въ нихъ, ибо митрополиты, архіепископы, священники и всѣ причетники *покоряются,* работаютъ, *оброки даютъ,* воюютъ. *Судомъ, пошлинами владѣетъ.* Господь Богъ всесильный, когда небо и землю сотворилъ, тогда двумъ свѣтиламъ, солнцу и мѣсяцу, свѣтить повелѣлъ, и черезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами; царская въ вещахъ міра сего; мечъ царскій долженъ быть готовъ на непріятелей вѣры православной, архіерейство и все духовенство требуетъ, чтобы ихъ обороняли отъ всякой неправды и насилій; это мірскіе люди дѣлать обязаны. Мірскіе нуждаются въ духовныхъ для душевнаго избавленія, духовные нуждаются въ мірскихъ для обороны внѣшней; въ этомъ власть духовная и мірская другъ друга не выше, но каждая происходитъ отъ Бога"...

Въ приведенныхъ выше словахъ сжато изложены всѣ тѣ при-

тязанія церкви относительно государства, которыя составляютъ отличительную черту папской власти и стали программою клерикальныхъ партій во всѣхъ ultra-католическихъ государствахъ. Никонъ отрицаетъ не только всякій авторитетъ государства по отношенію къ церковной іерархіи, но даже право подвергать духовенство и его имущество суду гражданскому и облагать налогами въ пользу государства. Онъ требуетъ также, какъ требовали папы и инквизиторы, чтобы свѣтская власть стала „мечемъ", поражающимъ „непріятелей вѣры православной", то-есть иновѣрцевъ.

Подобныя воззрѣнія совершенно не соотвѣтствуютъ ни духу православной вѣры, ни еще менѣе духу русскаго народа. Расколъ и отношенія къ иновѣрцамъ и иностранцамъ доказываютъ, что извѣстная свобода религіозной критики и извѣстная вѣротерпимость — коренныя черты массы русскаго населенія. Изъ этого легко понять, съ какими опасностями сопряжено было бы въ Россіи укрѣпленіе патріаршей власти. Если она усилилась случайно, вслѣдствіе близкихъ родственныхъ отношеній Филарета къ царю Михаилу, то уже при Алексѣѣ Михайловичѣ ясно обозначилась несовмѣстимость ея съ существующей формой правительства.

Если же патріаршество признано неудобнымъ и опаснымъ въ XVII столѣтіи, то насколько эти неудобства возросли съ измѣненіемъ нашихъ общественныхъ порядковъ и нравовъ. Совершенно немыслимо теперь вообразить, чтобы какое угодно духовное лицо, хотя бы самое высокопоставленное, могло, какъ Никонъ, самовольно бросить свое пастырство и пять лѣтъ оставаться внѣ закона, оправдываясь тѣмъ, что „досаждать царю всѣмъ запрещено, но обличать по правдѣ не возбранено". Съ другой стороны нисколько не желательно, чтобы наши патріархи играли ту незначительную, вѣрнѣе, унизительную роль, которую играютъ патріархи восточные, давно превратившіеся въ скромныхъ турецкихъ чиновниковъ, поглощенныхъ почти исключительно финансовыми заботами.

Въ этомъ случаѣ коллегія духовныхъ лицъ, каковъ нашъ Св. Синодъ, конечно, всегда можетъ быть независимѣе отъ давленія свѣтскаго правительства и съ большимъ достоинствомъ поддерживать авторитетъ церковной власти, насколько послѣдняя мирится теперь съ верховными правами государства. Если наша церковь требуетъ оживленія или обновленія, то это должно совершиться помощью собственнаго нравственнаго пробужденія, какое испытала, напри-

мѣръ, англиканская церковь во второй половинѣ XVIII столѣтія, а не централизаціей церковной власти въ однихъ рукахъ, которы дали бы необходимый толчекъ. Дѣятельность отца Іоанна въ Кронштадтѣ показываетъ, какое значеніе можетъ имѣть у насъ личная инициатива духовнаго лица, проникнутаго сознаніемъ своего истиннаго призванія.

ГЛАВА III.

Министерства.

Министерства.— Проектъ министерства торговли.— Министерство Финансовъ.— Торговый флотъ, горная часть.— Министерство Государственныхъ Имуществъ.— Главное управленіе коннозаводства.— Министерство Путей Сообщенія.

За немногими исключеніями высшая администрація вездѣ сосредоточивается въ министерствахъ, завѣдывающихъ каждое отдѣльною отраслью государственнаго управленія. Но какъ число портфелей, такъ и число департаментовъ, входящихъ въ составъ каждаго министерства, чрезвычайно разнообразны.

Число министерствъ не есть какая-либо фантастическая величина. Оно основано обыкновенно на извѣстной потребности и тѣсно связано съ государственнымъ устройствомъ. Равномѣрное раздѣленіе труда между двумя лицами, конечно, полезнѣе сосредоточенія его въ однихъ рукахъ, и безъ того обремененныхъ; но на практикѣ противъ этого встрѣчаются серьезныя возраженія. Въ такомъ государствѣ, какъ Пруссія, чѣмъ ограниченнѣе число министровъ, тѣмъ лучше, потому что меньше централизаціи въ дѣлахъ и больше простора мѣстному самоуправленію. При англійской системѣ дѣло представляется въ иномъ видѣ. Въ Англіи управленіе мало централизовано; тамъ кабинетъ состоитъ изъ представителей одной партіи, опытныхъ и болѣе молодыхъ, поэтому въ Англіи министровъ очень много: тамъ есть министръ для иностранной торговой статистики — должность, исполняемая въ Россіи начальникомъ отдѣленія департамента таможенныхъ сборовъ; министръ, ведущій списки нищихъ, наконецъ, канцлеръ Ланкаширскаго герцогства, у котораго нѣтъ даже и такого скромнаго занятія. Однако всѣ эти должности вовсе нельзя назвать ненужными; напротивъ того, онѣ не-

бходимы. Въ Англіи, какъ извѣстно, управляетъ полновластно министерство большинства; при такой власти, и особенно при такой обширной отвѣтственности, первый министръ не беретъ на себя рѣшенія множества вопросовъ; онъ нуждается въ постоянныхъ совѣщаніяхъ, а совѣтъ не долженъ быть многолюденъ, но и не долженъ быть малочисленъ, чтобы всѣ мнѣнія рѣшительныя и осторожныя были въ немъ представлены. Кромѣ того, на второстепенныхъ портфеляхъ молодые англійскіе государственные люди приготовляются къ занятію важнѣйшихъ должностей. Занимая второстепенные портфели, они, изучая дѣла, помогаютъ министерству вести борьбу въ палатахъ. Въ этой странѣ понятны поэтому второстепенныя министерства. Наоборотъ, министерства артиллеріи или благотворительныхъ учрежденій гдѣ-нибудь въ Турціи могутъ быть только синекурами.

Въ Америкѣ мы видимъ опять другой порядокъ. Тамъ всего семь министровъ, изъ которыхъ одинъ лишь юрисконсультъ, и этого числа достаточно, потому что американскіе министры только чиновники, вполнѣ подчиненные президенту и исполняющіе его указанія и постановленія конгресса. Въ Америкѣ народное просвѣщеніе первое въ мірѣ, между тѣмъ тамъ нѣтъ министерства народнаго просвѣщенія; въ Америкѣ 240,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, хотя нѣтъ никакого министерства путей сообщенія; наконецъ, въ Америкѣ почти вся нація состоитъ изъ торговцевъ-промышленниковъ, но не существуетъ никакого учрежденія, напоминающаго министерства торговли и промышленности; не въ устройствѣ административныхъ учрежденій считаютъ тамъ разрѣшеніе извѣстныхъ государственныхъ экономическихъ и политическихъ задачъ.

Распредѣленіе департаментовъ въ каждомъ отдѣльномъ министерствѣ, или точнѣе—опредѣленіе круга дѣятельности министерства, чрезвычайно разнообразно въ каждой странѣ, разнообразно даже въ различныя эпохи. Но какъ ни отлично оно въ разныхъ государствахъ, но общее мнѣніе таково, что одни министерства обременены чрезвычайно многочисленными и сложными дѣлами, другія же имѣютъ меньше работы, а потому нерѣдко представляютъ только выгодныя синекуры.

Между министерствами, наиболѣе важными и потому обремененными дѣлами, повсюду считаются министерства: военное, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, особенно послѣднее. Кромѣ финансовъ и кредита, къ этому министерству относятся еще въ разныхъ государствахъ многочисленныя обязанности: въ Россіи —

управленіе торговлей, промышленностью, торговымъ флотомъ, выкупомъ крестьянъ; во Франціи—порохомъ и государственными имуществами; въ Соединенныхъ Штатахъ — статистикою и портами; въ Италіи — государственными имуществами и кадастромъ, въ Испаніи — государственными имуществами и контролемъ и т. д. Широкій кругъ дѣятельности нѣкоторыхъ министерствъ вызываетъ конечно различные проекты новаго распредѣленія департаментовъ, для возможно болѣе раціональнаго раздѣленія дѣлъ между министерствами. При этомъ какъ есть государства, постепенно округляющія свои владѣнія, а другія постепенно теряющія провинціи, такъ есть министерства распространяющія свою компетенцію и ее съуживающія. Одно время всѣ вѣдомства расширялись у насъ на счетъ Министерства Путей Сообщенія, и остряки увѣряли, что покойный Мельниковъ, растерявъ свои департаменты, останется министромъ Исаакіевскаго собора и Николаевскаго моста. Въ послѣдніе годы публика обращала особое вниманіе на пріятную полноту Министерства Финансовъ, которое, и за отдѣленіемъ отъ него графомъ Валуевымъ горнаго департамента, сохранило въ Петербургѣ 2 канцеляріи, 5 департаментовъ, 6 государственныхъ кредитныхъ установленій, Главное казначейство, Коммиссію погашенія долговъ, фабрику кредитныхъ билетовъ, Монетный дворъ, 169 чиновниковъ особыхъ порученій*) и множество казенныхъ зданій съ казенными квартирами.

Даже купцы на нижегородской ярмаркѣ находили, что Министерство Финансовъ черезчуръ ужъ располнѣло, и проектировали для его облегченія устройство министерства торговли, куда отошли бы дѣла торговли, промышленности и торговаго флота, разбросанныя у насъ, кромѣ департамента торговли и мануфактуръ и въ другихъ вѣдомствахъ. Ожиданіе министерства торговли стало для московскихъ купеческихъ тузовъ чѣмъ-то въ родѣ ожиданія Мессіи для евреевъ. Банки не учитываютъ болѣе бронзовыхъ векселей, фабричные рабочіе не хотятъ болѣе брать въ счетъ заработной платы гнилой солонины, въ лампадное масло торговцы подмѣшиваютъ тюленій жиръ, начальство мало даетъ къ праздникамъ медалей—москвичи охая приговариваютъ: „вотъ кабы министерство коммерціи, да Тимофей Саввича министромъ, совсѣмъ бы другое дѣло“...

Такъ всегда люди легкомысленные, наблюдая симптомы какой-нибудь болѣзни, не вникаютъ въ сущность ея происхожденія, а

*) Эта цифра взята изъ „Адресъ-Календаря“ 1866 г.

готовы приписать ее всякаго рода внѣшнимъ причинамъ и потому взваливаютъ вину на обстоятельства второстепенныя или совершенно постороннія. Нѣчто подобное наблюдается и при жалобахъ на разнаго рода наши административныя неустройства. Рѣдко кто изучаетъ ихъ достаточно близко; обыкновенно ограничиваются порицаніемъ извѣстныхъ лицъ, учрежденій и вѣдомствъ, не желая взять во вниманіе, что эти лица и учрежденія — продуктъ такого порядка вещей, который перемѣной лицъ или формъ, конечно, измѣненъ быть не можетъ.

Подобныя соображенія весьма полезно имѣть въ виду при оцѣнкѣ проекта устройства особаго министерства торговли, который неоднократно предлагался, какъ нѣкоторая панацея для нашего экономическаго порядка. Предлагали устроить министерство, гдѣ былъ бы обширный совѣтъ изъ почетныхъ лицъ, съ большими правами, въ которое вошло бы нѣсколько департаментовъ, между прочимъ цѣлый департаментъ для иностранной переписки и печатанія переводовъ съ иностранныхъ языковъ; предлагали даже подобному учрежденію составить прежде всего обзоръ экономическаго состоянія Россіи, для чего собрать свѣдѣнія не только отъ губернаторовъ, исправниковъ, но и отъ становыхъ.

Какъ ни интересна программа, для удовлетворенія которой даже становые пристава, вмѣсто полицейскихъ обязанностей, займутся политической экономіей, мы считаетъ ее однако совершенно неудовлетворительною. Каждая реформа, даже самая скромная, должна вызываться извѣстною настоятельною потребностью. Какая же потребность вызываетъ созданіе въ Россіи новаго вѣдомства, съ особымъ бюджетомъ расходовъ, большимъ штатомъ всякихъ совѣтниковъ, чиновниковъ, писцовъ, курьеровъ, многочисленными органами въ провинціяхъ.

Въ Россіи министръ торговли будетъ, конечно, проникнутъ благими намѣреніями содѣйствовать всякаго рода преуспѣянію, но роль его, естественно сдѣлается второстепенною, потому что онъ будетъ представлять только отвлеченные интересы промышленности и торговли, не внося въ доходъ государства ничего реальнаго; съ другой стороны, и представительство это будетъ на столько неполно и недостаточно, какъ и всякое представительство частныхъ интересовъ чиновниками, которые, конечно, какъ бы учены ни были, но не могутъ замѣнить собою ни фабрикантовъ, ни торговцевъ, ни сельскихъ хозяевъ. Задаваясь „экспертизой отъ потребителей“, предлагавшейся нѣкогда В. П. Безобразовымъ, чиновники могутъ смо-

трѣть шире такъ-называемыхъ практическихъ людей, но все-таки дѣйствительная жизнь съ ея разнообразными интересами останется для нихъ закрытою книгою.

Франція, Австрія и Пруссія имѣютъ, правда, по министерству торговли, но эти вѣдомства служатъ только предметомъ постоянныхъ жалобъ со стороны промышленниковъ и торговцевъ. И въ этихъ государствахъ есть публицисты, предлагающіе плодить министерства, но есть и другіе, едва ли не болѣе благоразумные писатели, которые доказываютъ, что еще лучше было бы вовсе упразднить нѣкоторыя министерства, такъ какъ каждое вѣдомство болѣе всего заботится, чтобы обособиться въ отдѣльное государство въ государствѣ, и затѣмъ начать ту канцелярскую войну, которая на нашемъ оффиціальномъ языкѣ называется пререканіями между разными вѣдомствами. А чѣмъ болѣе вѣдомствъ, тѣмъ обыкновенно болѣе пререканій.

Практическое осуществленіе у насъ министерства торговли, промышленности и земледѣлія очень просто. Стоитъ присоединить къ Министерству Государственныхъ Имуществъ департаментъ торговли и мануфактуръ, да передать тому же министерству нѣкоторыя дѣла по торговой части изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, вознаградивъ послѣднее уступкою всѣхъ незаконченныхъ еще дѣлъ по надѣлу государственныхъ крестьянъ—и требуемое новое министерство готово. Большой вопросъ, однако, насколько выиграетъ отъ такой перетасовки департаментовъ наше общественное благосостояніе?

Будь на мѣстѣ нижегородскихъ и московскихъ купцовъ чиновники, мы поняли бы цѣль ихъ ходатайства. Чиновники вѣрятъ, или по крайней мѣрѣ обязаны вѣрить, въ волшебную силу канцелярскаго писанія. Они могутъ пребывать въ счастливомъ убѣжденіи, что есть вѣдомства „содѣйствующія“ промышленности, другія ее „поощряющія“ и третьи, наконецъ, „развивающія“. Профессора-доктринеры и прямолинейные публицисты также могутъ желать перетасовки департаментовъ въ интересахъ правильнаго и логическаго порядка, желать, чтобы у каждаго министра былъ приблизительно одинаковый объемъ занятій и чтобы кругъ дѣйствій каждаго вѣдомства былъ правильно и симетрично очерченъ. Но купцы?

Купцы, какъ люди практическіе, должны знать, что правильность и красота на бумагѣ еще ничего не выражаютъ; что слово человѣка состоятельнаго солиднѣе ста векселей, написанныхъ по всѣмъ правиламъ человѣкомъ, кредитъ котораго ослабѣлъ. Они знаютъ, что какъ существуютъ фирмы, которыя ведутъ съ боль-

шимъ порядкомъ многомилліонныя дѣла, чѣмъ тѣ фирмы, у которыхъ вся забота въ какой нибудь лавкѣ, такъ и вѣдомство можетъ быть и сложно и обширно, а все-таки по своему управляться лучше, чѣмъ вѣдомство маленькое, у котораго, казалось бы, все время и всѣ заботы должны быть обращены на извѣстный предметъ.

У насъ было и остается много отдѣльныхъ вѣдомствъ на правахъ министерствъ, о которыхъ нельзя вовсе сказать, чтобы они лучше вели дѣла свои, нежели остальныя министерства. Въ Россіи имѣются особыя вѣдомства для контроля расходовъ, для коннозаводства, для дѣлъ православнаго духовенства, для путей сообщеній, для женскихъ и благотворительныхъ заведеній; такихъ министерствъ нигдѣ заграницею нѣтъ. Нельзя сказать однако, чтобы означенныя учрежденія въ Россіи отличались какимъ либо особымъ искусствомъ въ веденіи дѣлъ и не вызывали бы нареканій отъ публики. Наши почты нисколько не были лучше, когда почтовый департаментъ образовалъ отдѣльное вѣдомство; политическая полиція не искуснѣе велась бывшимъ III-мъ Отдѣленіемъ; упраздненное II-е Отдѣленіе—цѣлое министерство, устроенное для кодификаціи законовъ, уступало, какъ мы говорили, въ своей дѣятельности частному лицу: книгопродавцу Анисимову. Словомъ всѣ эти учрежденія дѣйствовали не лучше обширныхъ министерствъ съ самыми разнородными управленіями, каковы, напримѣръ, министерства военное и финансовъ. Судя даже по болѣе рѣдкому измѣненію системы и лицъ, можно думать, что въ послѣднихъ дѣла шли ровнѣе и взгляды на потребности государственныя были болѣе устойчивы.

Гдѣ поэтому гарантіи, что при учрежденіи новаго министерства торговли русская торговля и промышленность начнутъ процвѣтать и развиваться?

Обыкновенно говорятъ, что торговля и промышленность наши не развиваются потому, что Министерство Финансовъ, занятое извлеченіемъ доходовъ, не можетъ заниматься экономическими вопросами съ должнымъ вниманіемъ, что роль Министерства Финансовъ только выжимать сокъ, или производить „осторожныя кровопусканія“. Тутъ есть доля правды, и справедливо можно указать, напримѣръ, на то, что Министерство Финансовъ игнорировало иногда важнѣйшіе государственные вопросы, вотъ хоть бы вопросъ о торговомъ флотѣ. Но, съ другой стороны, не нужно забывать, что подчиненіе торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ Министерству Финансовъ, а не какому либо другому вѣдомству, имѣло и огромныя вы-

годы, которыя потеряются съ учрежденіемъ особаго министерства торговли.

Во-первыхъ, министръ торговли и промышленности, не останется, конечно, при однихъ благихъ намѣреніяхъ, но пожелаетъ для ихъ осуществленія увеличивать свой бюджетъ, а для этого ему останется только попросить министра финансовъ сдѣлать еще нѣсколько „осторожныхъ кровопусканій".

Во-вторыхъ, едва ли въ Европѣ есть теперь министры финансовъ, которые щипали бы курицу такъ, чтобъ она только не кричала. „Садовнику ближе плоды своего сада нежели постороннему человѣку", писалъ г. Бунге. Не только министры, но даже послѣдніе столоначальники знаютъ, что, не посѣявъ, жать нельзя, и что однимъ повышеніемъ налоговъ далеко не уѣдешь. Истины эти такъ элементарны, что для ихъ новаго разъясненія едва ли необходимо устройство цѣлаго министерства.

Что нужнѣе всего для нашей промышленности, какъ не таможенное покровительство и кредитъ. Имѣя въ своихъ рукахъ таможенный тарифъ, государственное казначейство и государственный банкъ, министръ финансовъ можетъ сейчасъ же приходить на помощь къ торговлѣ и промышленности, разъ онъ убѣждается въ пользѣ того или другого мѣропріятія. При министерствѣ торговли надобно будетъ, чтобы министръ торговли самъ убѣдился, да еще съумѣлъ убѣдить министра финансовъ и государственнаго контролера. А гдѣ три головы, трудно ожидать единогласія.

Наше предположеніе вовсе не теоретическое. Земледѣліе вѣдалось до сихъ поръ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, торговля и промышленность—Министерствомъ Финансовъ, которымъ купцы такъ недовольны. Но если сосчитать, что было отпущено за двадцать пять лѣтъ изъ государственнаго казначейства на торговлю и промышленность, и что на земледѣліе—почитаемое, однако, у насъ главнымъ промысломъ, то окажется, что первыя получили въ десять разъ болѣе противъ послѣдняго.

Въ Россіи министры есть только точные исполнители высочайшей воли, объемъ власти ихъ весьма ограниченъ, сравнительно съ министерскою дѣятельностью на Западѣ, и, къ тому же, министры не образуютъ нѣчто цѣлое, подъ именемъ кабинета. Финансовыя средства находятся у насъ въ рукахъ министра финансовъ и отпускъ ихъ производится, по дѣйствительной потребности, или по Высочайшему усмотрѣнію, или чрезъ Государственный Совѣтъ; въ обоихъ случаяхъ соглашеніе съ министромъ

финансовъ имѣетъ важное значеніе. Это не то, что въ странахъ, гдѣ утвержденіе бюджета лежитъ въ рукахъ лицъ, которыя сочувствуютъ тому или другому министру, находятся подъ вліяніемъ того или другаго направленія, и гдѣ однимъ краснорѣчіемъ ловкій министръ можетъ испросить для своего вѣдомства средства, въ которыхъ будетъ отказано другимъ.

Мы, впрочемъ, дѣлаемъ всѣ вышеозначенныя возраженія и замѣчанія вовсе не съ цѣлью помѣшать осуществленію замысловъ купечества. Заграницей, особенно во Франціи, министерскіе департаменты перетасовываются ежегодно и даже по нѣсколько разъ въ годъ. Можно бы и у насъ сдѣлать опытъ подобной перетасовки и посмотрѣть, что выйдетъ изъ министерства торговли и земледѣлія. Опасности, во всякомъ случаѣ, для государства никакой тутъ не предвидится, а при упраздненіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, новая комбинація департаментовъ не вызоветъ даже никакихъ новыхъ расходовъ для государственнаго казначейства.

Министерство Финансовъ дѣйствительно велико и требуются чуть на геніальныя способности для его добросовѣстнаго управленія. Заграницею находятъ, что и одна чисто финансовая часть въ большомъ государствѣ превосходитъ силы одного человѣка.

По мнѣнію Субейрана, весьма опытнаго въ финансовыхъ дѣлахъ, во Франціи министерство финансовъ должно быть непремѣнно раздѣлено на двѣ части: одной, подъ именемъ министерства государственной казны, слѣдуетъ занѣдывать составленіемъ бюджета, кассовымъ движеніемъ суммъ, государственнымъ долгомъ и частными кредитными учрежденіями, монетою, казенными взысканіями и взиманіемъ податей и сборовъ; другая, собственно министерство финансовъ, должна вѣдать прямые и косвенные налоги, гербовые сборы, таможни, регаліи, табакъ и порохъ, государственныя имущества. Выгода отъ подобнаго раздѣленія, испытаннаго при первой имперіи, состояла бы въ томъ, что одинъ министръ старался бы удовлетворять денежнымъ потребностямъ минуты и отчетливому исполненію бюджета, а другой смотрѣлъ бы шире и, не связанный насущными интересами, ближе изучалъ бы денежныя средства страны, лучшія системы налоговъ и пр., чтобъ предлагать необходимыя улучшенія въ финансовой политикѣ. При такомъ раздѣленіи отвѣтственность министра финансовъ увеличилась бы вдвое.

Наиболѣе существенныя возраженія противъ проекта Субейрана, при разсмотрѣніи въ Національномъ Собраніи, сдѣлали Леонъ Сэ и

Мань, оба бывшіе министры финансовъ. По мнѣнію Сэ, опытъ первой имперіи былъ неудаченъ, и министръ финансовъ всегда оставался подчиненнымъ министру казначейства. Первый былъ министромъ предусмотрительности безъ всякаго права дѣйствовать, второй дѣйствовалъ по произволу, необязанный быть предусмотрительнымъ. Мань прибавилъ къ этому, что при первой имперіи подобный порядокъ могъ еще существовать, потому что настоящимъ министромъ финансовъ былъ тогда Наполеонъ I, т. е. все-таки одно лицо; когда въ 1814 году императоръ вздумалъ умѣрить свое самовластіе, то немедленно было уничтожено и министерство государственной казны. Мань остроумно сравнилъ государственный бюджетъ съ вѣсами, на одной чашкѣ которыхъ лежатъ доходы, на другой расходы. Можно-ли установить между ними равновѣсіе, если обѣ чашки находятся въ разныхъ рукахъ? Кромѣ того, новое министерство повѣдетъ къ развитію и безъ того уже многочисленнаго чиновничества. На всѣ эти возраженія Субейранъ возразилъ только, что, какъ показываетъ безпрерывное увеличеніе бюджета, министру финансовъ нѣтъ вовсе времени изучать потребности страны.

Намъ кажется, что этотъ доводъ не выдерживаетъ критики. Очень плохъ былъ бы тотъ министръ финансовъ, который вздумалъ бы изучать финансы своей страны во время своего управленія. Онъ долженъ знать ихъ очень близко или по службѣ, или теоретически, прежде нежели принять такой важный портфель. У каждаго министра финансовъ въ головѣ должна быть готова извѣстная финансовая система, которая только отчасти можетъ дополняться или видоизмѣняться во время его управленія. Но завѣдывать такою сложной отраслью администраціи и изучать въ то же время всѣ мелочи ея механизма — на это не хватитъ ничьихъ силъ, да и излишне, потому что въ финансовой администраціи, какъ и во всякой другой, множество чисто-спеціальныхъ вопросовъ, въ которыхъ мнѣнія спеціальныхъ людей или коммисій будутъ всегда важнѣе личнаго взгляда самого министра.

Въ простѣйшемъ своемъ видѣ проектъ Субейрана, который осуществленъ въ послѣднее время въ Италіи, сводится къ тому, чтобъ были два министра: министръ доходовъ и министръ расходовъ. Подобное дѣленіе противорѣчитъ не только финансовой практикѣ, но ежедневному опыту каждаго отдѣльнаго лица. Бережливость и состоитъ въ искусствѣ сочетать свои расходы съ доходами. При раздѣленіи этихъ занятій, министръ расходовъ, полагаясь на своего товарища, будетъ убѣжденъ, что послѣдній всегда изыщетъ средства по-

крыть какіе угодно расходы. При этомъ Субейранъ дѣлалъ еще очень важную ошибку, отдавая кредитъ—легчайшее орудіе для безпредѣльныхъ расходовъ—въ руки министра расходовъ. Такимъ образомъ, ничего не измѣнится, потому что каждый дефицитъ будетъ покрываться не сокращеніемъ расходовъ, а съ помощью публичнаго кредита, и вся изобрѣтательность министра доходовъ останется не причемъ. Взиманіе податей—также вопросъ слишкомъ деликатный, чтобъ поручать его лицу, исключительно вѣдающему расходы и не обязанному заботиться о будущей состоятельности плательщиковъ.

Болѣе вѣскими кажутся проекты выдѣленія тѣхъ вѣдомствъ изъ министерства финансовъ, которыя связаны съ нимъ только косвенно, а между тѣмъ обременяютъ министра излишнимъ числомъ дѣлъ, не позволяя ему посвящать имъ достаточно времени. У насъ, однако, вмѣсто подобной ампутаціи Министерства Финансовъ произведена другая операція, а именно, по евангельскому изреченію „у неимущаго отымется и имущему дастся“, Министерство Финансовъ расширилось на счетъ Министерства Путей Сообщенія, этой административной Даніи, которая хотя успѣла потерять и Николаевскій мостъ и Исаакіевскій соборъ, но, благодаря расширенію желѣзнодорожной сѣти сохраняла еще маленькія владѣнія, дѣлающія ея голосъ замѣтнымъ въ общемъ административномъ концертѣ.

Предлогомъ для новаго усѣкновенія Министерства Путей Сообщенія послужило то соображеніе, что роль означеннаго вѣдомства должна быть исключительно техническая, тарифами же желѣзныхъ дорогъ затрогиваются интересы торговли и финансовъ—послѣднихъ потому, что интересы желѣзныхъ дорогъ тѣсно связаны съ государственнымъ казначействомъ. Поэтому тарифы правильнѣе перенести въ то учрежденіе, въ которомъ находится у насъ торговля, т. е. Министерство Финансовъ, а это министерство кстати близко заинтересовано и въ возвышеніи дохода желѣзныхъ дорогъ, также обусловливаемаго въ большинствѣ случаевъ провознымъ тарифомъ.

Противъ означенной передачи можетъ быть сдѣлано, однако, много вѣскихъ возраженій, начиная съ того, что завѣдываніе тарифами желѣзныхъ дорогъ нигдѣ не отдѣлено отъ завѣдыванія самими дорогами и принадлежитъ заграницею спеціально желѣзнодорожнымъ учрежденіямъ, соотвѣтствующимъ нашему Министерству Путей Сообщенія.

Тарифы желѣзныхъ дорогъ настолько же затрогиваютъ интересы торговли и мануфактурной промышленности, подчиненной у

насъ Министерству Финансовъ, насколько они касаются и интересовъ сельскаго хозяйства и горнаго промысла, завѣдываемыхъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. Прочія вѣдомства также не мало заинтересованы въ желѣзнодорожныхъ тарифахъ, особенно военное. Затѣмъ провозный тарифъ находится въ тѣсной зависимости отъ эксплоатаціонныхъ техническихъ условій желѣзныхъ дорогъ (профиля, типа подвижного состава, рода топлива, водоснабженія и пр.). На тарифъ вліяютъ и другія условія эксплоатаціи: способъ перевозки, упаковка, срочность, отвѣтственность и пр. Въ оцѣнкѣ этихъ условій компетентнѣе, конечно, то вѣдомство, которое завѣдываетъ желѣзными дорогами, нежели Министерство Финансовъ. Поэтому разъ тарифы будутъ сосредоточены въ Министерствѣ Финансовъ, то туда, по всей вѣроятности, придется очень скоро передать и Совѣтъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ.

Этотъ Совѣтъ дѣтище комиссіи покойнаго графа Баранова; для рожденія его было воздвигнуто много препятствій, но оно сразу выказало свою пользу, возбудивъ, въ числѣ другихъ весьма важныхъ вопросовъ, вопросъ — разрѣшенный законодательнымъ путемъ — о признаніи за правительствомъ права регулировать тарифы. Дѣло это давно требовало вмѣшательства правительства, обратившись въ рукахъ желѣзныхъ дорогъ въ источникъ безчисленныхъ злоупотребленій.

Вообще если руководиться связью съ торговлею, то и остальныя части Министерства Путей Сообщенія съ такимъ же правомъ должны бы войти въ составъ Министерства Финансовъ; таковы напр. коммерческіе порты, имѣющіе тѣсное отношеніе съ торговымъ мореходствомъ, сборы на водяныхъ путяхъ, вліяющіе на внутреннюю торговлю и т. д. Вообще, такъ какъ на торговлю и финансы все болѣе или менѣе вліяетъ, начиная отъ плановъ петербургскихъ гешефтмахеровъ до высшихъ дипломатическихъ соображеній, то, исходя лишь изъ этой связи, три четверти всѣхъ управленій пришлось бы подчинить Министерству Финансовъ.

По всей вѣроятности, реформа вызвана не столько соображеніями о лучшей организаціи разныхъ вѣдомствъ, сколько соображеніями личными. Эти соображенія не лишены значенія, ибо у насъ рѣдки случаи, чтобы извѣстными дѣлами вѣдали тѣ, которые съ ними знакомы, но вопросъ, однако, возможно ли министру, имѣющему у себя шесть обширныхъ отраслей государственнаго управленія, заниматься такимъ мелочнымъ и сложнымъ дѣломъ, какъ контроль надъ тарифами нѣсколькихъ десятковъ желѣзныхъ

дорогъ? Эта черная работа менѣе всего доступна лицу, стоящему во главѣ извѣстнаго вѣдомства. Поэтому собственно отъ перемѣщенія ея изъ одного министерства въ другое едва ли можно ожидать значительныхъ послѣдствій; зато несомнѣнно, что у министра финансовъ останется менѣе времени, необходимаго на изученіе вопросовъ чисто финансоваго характера: налоговъ, кредита, финансовой администраціи и пр.

Надобно сказать однако, что проектъ передачи желѣзнодорожныхъ тарифовъ Министерству Финансовъ былъ печатью встрѣченъ довольно сочувственно. Газеты не выходили, впрочемъ, изъ двухъ положеній: что Министерство Путей Сообщенія—это инженеры, а инженерамъ-де хоть трава не расти, а затѣмъ, что Министерство Путей Сообщенія дурно управляло желѣзными дорогами.

Но противъ перваго положенія легко возразить простою перепечаткою нѣсколькихъ страницъ адресъ-календаря, изъ которыхъ можно убѣдиться, что на нѣсколько инженеровъ въ Министерствѣ Путей Сообщенія армія чиновниковъ, хотя пропорціонально менѣе, конечно, значительная, чѣмъ въ Министерствѣ Финансовъ. Да и затѣмъ, что такая за бѣда быть инженеромъ? Вотъ во Франціи инженера путей сообщенія сдѣлали президентомъ республики. Неужели легче быть главою большой страны, нежели исправлять тарифы желѣзной дороги?

„Гражданинъ", наоборотъ, упрекалъ Министерство Путей Сообщенія въ томъ, что оно состоитъ изъ бюрократовъ, т. е. чиновниковъ-рутинеровъ. Но, спрашивается, изъ кого состоитъ Министерство Финансовъ? Подумаешь, право, что въ финансовомъ вѣдомствѣ служатъ купцы или фабриканты. Между тѣмъ не все ли отличіе чиновниковъ двухъ вѣдомствъ въ околышахъ и кантахъ. Извѣстно, что таможни—въ Министерствѣ Финансовъ, но никто не слыхалъ еще панегириковъ за ихъ глубокое знаніе торговыхъ интересовъ. Да и непонятно, почему путеецъ, если даже предположить, что Министерство Путей Сообщенія переполнено инженерами, строившій дороги въ разныхъ концахъ Россіи, имѣвшій дѣла съ помѣщиками, торговцами, подрядчиками и рабочими, знаетъ менѣе Россію, чѣмъ столоначальникъ, дѣлящій свое время между винтомъ въ Благородкѣ и чтеніемъ брошюръ о геморроѣ.

Второе положеніе кажется еще болѣе курьезнымъ. По этой теоріи пришлось бы сдѣлать chassé croisé между всѣми вѣдомствами. У насъ, напримѣръ, долгое время кораблестроеніе шло плохо и вмѣсто крейсеровъ строились поповки. По здравому смыслу, слѣдовало Мор-

скому Министерству измѣнить свою программу или личный составъ. А по новой теоріи выходитъ, что для улучшенія кораблестроенія нужно было его отъ морского вѣдомства отобрать и отдать другому вѣдомству — Контролю или Министерству Юстиціи, напримѣръ.

Необходимо также замѣтить, что наше Министерство Финансовъ хотя и вѣдаетъ торговлю, но оно далеко не то, что заграницею называется министерствомъ торговли. Функціи нашего Министерства Финансовъ по отношенію къ торговлѣ, кромѣ собиранія таможенныхъ и гильдейскихъ сборовъ, очень немногочисленны. Съ одинаковымъ правомъ на титулъ министерства торговли могло бы въ Россіи претендовать Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ сосредоточены дѣла по отношенію торговли къ городамъ и земству, о торговыхъ путяхъ сообщенія, коммерческихъ портахъ, страхованіи, ярмаркахъ, торговлѣ скотомъ, торговая и санитарная полиція, справочныя цѣны и т. д. Еще съ меньшимъ правомъ можно утверждать, какъ это дѣлали нѣкоторыя газеты, что Министерство Финансовъ завѣдываетъ у насъ „всею финансово-экономическою дѣятельностью страны". Весьма важныя части государственной экономической дѣятельности: земледѣліе, скотоводство, рыболовство, звѣриные промыслы, горное и соляное дѣло находятся у насъ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ. Затѣмъ весьма крупныя отрасли экономической дѣятельности сосредоточены въ Министерствѣ Военномъ, Главномъ управленіи государственнаго коннозаводства, въ Кабинетѣ Его Императорскаго Величества, Министерствѣ Путей Сообщенія и пр.

Какъ на доказательство того, что вопросъ о томъ, у какихъ чиновниковъ находится та или другая отрасль экономической дѣятельности, не имѣетъ еще значенія, можно привести, что финансовое вѣдомство, держа въ рукахъ исключительное завѣдываніе не менѣе важнымъ, чѣмъ желѣзныя дороги, орудіемъ перевозки—торговымъ флотомъ — за 50 лѣтъ ничего для торговаго флота не сдѣлало. Обвинительный актъ противъ Министерства Финансовъ за его бездѣятельность по части торговаго флота заключается въ книгѣ г. Скальковскаго *), хотя и въ сдержанной формѣ, такъ какъ она—отчетъ, поданный бывшему министру финансовъ г. Бунге. Изъ книги видно, что у нашего торговаго флота теперь семь нянекъ, и эти няньки явились потому, что главная нянька, приставленная

*) *К. Скальковскій.* Русскій торговый флотъ. Спб. 1887 г.

къ двухсотлѣтнему ребенку, называемому русскимъ торговымъ флотомъ, ничего дѣлать не хотѣла.

„Московскія Вѣдомости“ увѣряли правда, что торговый флотъ внѣ прямого подчиненія Министерству Финансовъ, ибо категорическая статья объ этомъ въ I томѣ II части Свода Законовъ отмѣнена; но такое заявленіе несправедливо, ст. 409 никогда не отмѣнялась. Для этого достаточно взять и посмотрѣть Продолженіе Свода Законовъ 1886 года, часть I-ю; тамъ противъ статьи 409 пояснено, что она, наравнѣ съ ст. 407 — 412, замѣнена правилами, указанными въ ст. 405 и 406. Эти же двѣ послѣднія статьи гласятъ, что „распредѣленіе дѣлъ по отдѣленіямъ и столамъ департаментовъ торговли и мануфактуръ и таможеннаго (преобразованныхъ въ 1864 г.) предоставляется ближайшему усмотрѣнію министра финансовъ“. А это значитъ, что обязанности министра финансовъ по отношенію къ торговому флоту не измѣнились ни на одну іоту противъ того, какъ онѣ изложены въ Сводѣ Законовъ 1857 года, но что министръ не обязанъ вѣдать флотомъ черезъ несуществующій болѣе 2-й столъ отдѣленія внутренней торговли несуществующаго департамента мануфактуръ и внутренней торговли, а можетъ передать какому ему угодно столу и отдѣленію вновь учрежденныхъ департаментовъ торговли и мануфактуръ и таможеннаго.

Дѣла о торговомъ флотѣ сосредоточены теперь по преимуществу въ одномъ изъ столовъ 3-го отдѣленія департамента торговли и мануфактуръ. Но это сосредоточеніе само собою ничѣмъ не измѣнило существа власти и обязанностей Министерства Финансовъ, какъ они изложены въ 409 статьѣ. Но обязанности Министерства Финансовъ вовсе не одною ст. 409 опредѣлялись; эти обязанности указаны въ разныхъ статьяхъ уставовъ таможеннаго и торговаго, которыя поясняютъ ст. 409.

Замѣна послѣдней въ томъ видѣ, какъ она сдѣлана въ продолженіяхъ Свода, есть только новое, едва не тысяча первое, доказательство крайней небрежности нашей кодификаціи. Впрочемъ, въ административной практикѣ на подобныя кодификаціонныя ошибки большого вниманія не обращается и, когда нужно, подлежащія вѣдомства ссылаются на соотвѣтствующія статьи прежнихъ Сводовъ, даже на подлинный законъ въ „Полномъ собраніи“, а нерѣдко просятъ Кодификаціонный Отдѣлъ (а прежде просили 2-е Отдѣленіе, главнымъ образомъ виновное въ сдѣланныхъ ошибкахъ) исправить ошибку и возстановить прежній смыслъ статьи.

Затѣмъ существеннымъ аргументомъ противъ завѣдыванія Ми-

нистерствомъ Финансовъ торговымъ флотомъ „Московскія Вѣдо-ости“ выставляли то обстоятельство, что министерство это, по ст. 09, входитъ по нѣкоторымъ вопросамъ въ сношеніе съ вѣдом-твами морскимъ, государственныхъ имуществъ и иностранныхъ ѣлъ. „Вѣдомости“ не знали вѣроятно, что эти сношенія осно-аны на томъ содѣйствіи, которое вышеозначенныя вѣдомства олжны дѣлать торговому судостроенію и мореходству на основа-іи „Дополнительныхъ правилъ 12-го февраля 1830 года“. Но то, то заботы о вышеозначенныхъ пособіяхъ возложены на Министер-тво Финансовъ, и доказываетъ, что именно послѣднему, а не кому ругому, поручено завѣдываніе торговымъ флотомъ.

Много разъ газеты и разныя общества поощренія мореходства торговли писали относительно безпомощности въ Россіи торго-аго флота, въ виду господствовавшихъ относительно его въ Мини-терствѣ Финансовъ воззрѣній. Между прочимъ для лучшей защиты усскому торговому флоту и въ мирное время рекомендовалось по-тупить подъ охрану военнаго, а для этого дѣла торговаго флота одчинить несравненно болѣе компетентному въ нихъ Морскому инистерству. Такое подчиненіе сдѣлано въ Италіи, и дѣйствительно тальянскій торговый флотъ оказывается однимъ изъ наиболѣе про-рессирующихъ въ Европѣ.

Въ 1888 году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня учрежде-ія Министерства Государственныхъ Имуществъ. Подобнаго мини-терства не существуетъ ни въ какой другой странѣ, да и въ оссіи оно было создано по причинамъ чисто спеціальнаго свойства. ъ моментъ учрежденія министерста подъ „имуществомъ“ разу-ѣлась чуть ли не половина русскаго населенія, юридически оста-авшагося внѣ помѣщичьей власти, но укрѣпленнаго землѣ. Казен-ыя земли и лѣса, доставлявшіе сами по себѣ ничтожный доходъ, мѣли цѣнность лишь при эксплоатаціи этимъ „имуществомъ“, со-ояявшимъ въ завѣдываніи Министерства Финансовъ.

Мысль, вложенная въ идею учрежденія новаго министерства, ыла гуманная. Какъ III Отдѣленіе, устроенное въ 1826 году, имѣло ѣлью „утирать слезы невиннымъ“, такъ Министерство Государствен-ыхъ Имуществъ, учрежденное въ 1837 году, должно было госу-арственныхъ крестьянъ обратить въ образцовыхъ хозяевъ. Читая ставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, можно было по-мать, что нѣкоторыя мѣста взяты прямо изъ описанія Эльдорадо „Candide“ Вольтера. Но то, что было хорошо въ малыхъ раз-ѣрахъ для іезуитовъ въ Парагваѣ, оказалось не совсѣмъ практи-

ческимъ для обширныхъ размѣровъ Россійской имперіи. Доходы от государственныхъ имуществъ возросли при выдѣленіи послѣдних изъ Министерства Финансовъ очень мало, благоденствовали тольк такъ называемые окружные начальники да лѣсничіе.

Первымъ министромъ государственныхъ имуществъ былъ граф Киселевъ, человѣкъ по своему времени очень либеральный и про свѣщенный, но администраторъ неопытный и судившій о положе ніи вещей по получаемымъ рапортамъ. Желая написать панегирик покойный Заблоцкій-Десятовскій написалъ въ сущности довольн злую сатиру на этого популярнаго въ свое время государственнаг человѣка. Послѣ мимолетнаго министерства д. т. с. Шереметева министромъ государственныхъ имуществъ сдѣлался М. Н. Муравьевъ управлявшій въ то же время еще двумя вѣдомствами: удѣловъ и межевымъ. Управленіе государственными имуществами не много прибавило къ славѣ этого замѣчательнаго государственнаго чело вѣка, оказавшаго Россіи въ польское возстаніе неоцѣнимыя услуги Противникъ крестьянской реформы, Муравьевъ шелъ въ разрѣз съ господствовавшимъ тогда въ Петербургѣ направленіемъ, при немъ также развилась система пожалованія и отчужденія государствен ныхъ имуществъ, принявшая потомъ такіе безобразные размѣры Муравьевъ, впрочемъ, принесъ пользу сокращеніемъ мѣстной адми нистраціи государственныхъ имуществъ, а также и центральнаго управленія. Это былъ администраторъ, не любившій новыхъ затѣй но и не спускавшій воровству. Вѣдомство расширилось при немъ присоединеніемъ департаментовъ корабельныхъ лѣсовъ и военныхъ поселеній.

Преемникъ Муравьева генералъ Зеленый, какъ его креатура оказалъ услуги, представляя въ смутную эпоху польскаго возстанія чисто русскій элементъ въ моментъ, когда въ правительствѣ был столько вліятельныхъ голосовъ за уступки полякамъ; онъ энерги чески поддерживалъ всѣ мѣры обрусѣнія въ Западномъ краѣ, также и въ прибалтійскихъ губерніяхъ. По отношенію къ государ ственнымъ имуществамъ внутренней Россіи, Зеленый дѣйствовалъ наоборотъ, въ очень либеральномъ духѣ, соотвѣтствовавшемъ эпох Изданныя при немъ правила о надѣлѣ государственныхъ крестьян привели не только къ огромному сокращенію казенныхъ земель, что было естественно, но и къ отдачѣ въ придачу болѣе 6 мил. дес тинъ казеннаго лѣса и всѣхъ нѣдръ въ то время, когда министер ство выработывало уже законы объ ограниченіи у частныхъ вла дѣльцевъ права распоряженія ихъ лѣсами и нѣдрами земли.

Передача попеченія о казенныхъ крестьянахъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ настолько уменьшила обязанности Министерства Государственныхъ Имуществъ, что серьезно зашла рѣчь о его упраздненіи за безполезностью. Одинъ годъ даже кредиты были ассигнованы министерству лишь условно. Спасъ министерство графъ Валуевъ. Занявъ мѣсто министра, онъ испросилъ присоединеніе къ министерству горнаго департамента (за исключеніемъ монетной и пробирной части), а затѣмъ министру (но не министерству) государственныхъ имуществъ было подчинено Главное управленіе государственнаго коннозаводства, входившее уже ранѣе въ составъ министерства. Управленіе графа Валуева ознаменовалось главнымъ образомъ усиленнымъ отчужденіемъ и просто раздачею государственныхъ имуществъ въ частныя руки. Одна изъ частей этой раздачи, такъ называемая исторія съ башкирскими землями, составитъ любопытную страницу въ исторіи нашего времени. Надобно замѣтить, что и ранѣе, впрочемъ, случались не менѣе курьезныя исторіи, въ родѣ надѣлавшаго при Зеленомъ шуму проекта отдачи государственныхъ имуществъ въ аренду компаніи барона Френкеля.

Графа Валуева смѣнилъ свѣтлѣйшій князь Ливенъ, который хотя былъ его креатурой, но подъ вліяніемъ эпохи „новыхъ вѣяній“ желалъ дѣйствовать самостоятельно и внести въ свое вѣдомство другія начала. Управленіе его было, однако, слишкомъ для этого кратковременно, а слѣдовавшее затѣмъ управленіе графа Игнатьева продолжалось только шесть недѣль. Съ начала 1881 года Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ управляетъ статсъ-секретарь Островскій. При немъ вѣдомство увеличилось присоединеніемъ лѣсовъ Царства Польскаго, соляной части и государственныхъ имуществъ Кавказа и Сибири, а уменьшилось отдѣленіемъ государственнаго коннозаводства.

Такимъ образомъ, постепенными измѣненіями за истекшія 50 лѣтъ Министерство Государственныхъ Имуществъ измѣнило совершенно свое первоначальное назначеніе. Оно состоитъ теперь изъ четырехъ главныхъ частей, слабо связанныхъ между собою органически, хотя вѣдающихъ довольно важныя отрасли народной и государственной дѣятельности. Департаментъ общихъ дѣлъ министерства, кромѣ занятій, свойственныхъ каждой канцеляріи министра, по раздачи добавочнаго жалованья, называемаго „арендами“, заканчиваетъ устройство государственныхъ крестьянъ, которое едва ли скоро будетъ окончено, если еще, въ виду неточности плановъ и постоянныхъ захватовъ крестьянъ, не придется всю операцію на-

дѣла продѣлывать вторично. Въ департаментѣ сохраняются такж остатки кадастровыхъ и люстраціонныхъ работъ. Департамент земледѣлія и сельской промышленности имѣетъ довольно разно образныя обязанности, хотя компетенція его и не соотвѣтствует его громкому названію. По части земледѣлія роль департамент ограничивается болѣе статистикою, сельскохозяйственными учеб ными заведеніями и поощрительными мѣрами; кромѣ того, онъ за вѣдываетъ переселенческимъ дѣломъ, казенными рыбными и зве риными промыслами, остатками земельныхъ оброчныхъ статей дѣлаетъ опыты орошенія, осушенія, торфодобыванія и вывоза соле ной свинины за границу, а теперь принялъ подъ свое начало ку старную промышленность.

Лѣсной департаментъ имѣетъ болѣе опредѣленный кругъ дѣя тельности. Онъ издавна вѣдаетъ казенными лѣсами и лѣсным оброчными статьями, занимающими болѣе трети всей территорі Россіи, а недавно на него возложенъ надзоръ и за частным лѣсами въ тѣхъ губерніяхъ, на которыя распространится новы лѣсоохранительный законъ. Вѣдомство горнаго департамента и за отдѣленіемъ отъ него въ 1873 г. монетной и пробирной части и за сохраненіемъ независимости для горнаго дѣла въ области Вой ска Донскаго и Кабинета Его Величества, довольно обширно. Кром корпуса горныхъ инженеровъ, учебныхъ заведеній, геологическихъ и ученыхъ работъ, горный департаментъ вѣдаетъ казенными и част ными заводами, добычею каменнаго угля и др. минераловъ, золо тою и платиновою промышленностью, соляным и нефтянымъ дѣ ломъ и нѣкоторыми минеральными водами.

Очевидно, что подобный составъ и организація министерства чисто случайные, требуютъ преобразованія. Устройство быта госу дарственныхъ крестьянъ и переселенческое дѣло ближе подходил бы къ обязанностямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а Министер ство Государственныхъ Имуществъ, какъ несоотвѣтствующее уж болѣе своему названію — ибо нельзя же земледѣліе, частные лѣс частные горные промыслы, кустарную промышленность и т. п. сч тать „государственными имуществами“ — должно быть преобразован въ министерство народнаго хозяйства, нѣчто въ родѣ испанска Ministerio de Fomento, или еще лучше въ министерство земледѣ лія, промышленности и торговли.

Если когда нибудь осуществится послѣдняя комбинація, то, з замѣнъ отдѣляемыхъ отъ министерства частей, присоединятъ к нему вѣроятно нѣкоторыя дѣла изъ Министерства Финансовъ, час

озяйственнаго департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, ентральный статистическій комитетъ и Главное управленіе государственнаго коннозаводства. Такимъ образомъ министерство получило бы болѣе законченный кругъ дѣятельности.

Впрочемъ, говоря объ этихъ комбинаціяхъ, мы можемъ только вновь повторить, и опытъ всѣхъ государствъ Европы это доказываетъ, то болѣе или менѣе удачное въ теоріи распредѣленіе департаментовъ особаго значенія на практикѣ не имѣетъ. Въ администраціи главное дѣло въ людяхъ. Мало ли въ исторіи министровъ, которые и съ однимъ департаментомъ не знали что дѣлать, когда другіе и съ десятью отлично справлялись.

Выше было сказано что въ 1873 г. горный департаментъ отдѣленъ былъ отъ Министерства Финансовъ и переданъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ. Реформа эта вытекла изъ желанія сохранить Министерство Государственныхъ Имуществъ, которое должно было упразднится за незначительностью круга дѣйствій. Какъ бы то ни было, но горная администрація, по важности затрогиваемыхъ ею народно-хозяйственныхъ интересовъ, такъ значительна, что то или другое устройство ея центральнаго учрежденія составляетъ вопросъ довольно видный въ ряду прочихъ нашихъ административныхъ вопросовъ.

Центральная горная администрація въ Россіи въ послѣднія два столѣтія много разъ подвергалась различнымъ преобразованіямъ, вѣдомство ея то сокращалось, то расширялось. Въ первый разъ создалъ высшее горное управленіе Петръ Великій въ 1700 году, подъ названіемъ приказа рудныхъ дѣлъ, превратившагося въ 1711 году въ бергъ-коллегію. Въ 1731 году бергъ-коллегія была уничтожена и замѣнена бюрократическимъ учрежденіемъ — бергъ-директоріумомъ. Неудачныя дѣйствія послѣдняго вынудили въ 1746 году возстановить бергъ-коллегію. При Екатеринѣ II возникла мысль децентрализовать промышленныя дѣла, почему въ 1784 году бергъ-коллегія была вторично уничтожена, и горную часть вѣдали казенныя палаты, крайне, впрочемъ, неудачно. Поэтому въ 1796 году бергъ-коллегія была въ послѣдній разъ возстановлена, но въ 1806 году обратилась въ горный департаментъ при Министерствѣ Финансовъ.

При существованіи бергъ-коллегіи, управлявшей, если вѣрить отзыву извѣстнаго кн. Щербатова, безъ всякаго понятія о горныхъ наукахъ, горный промыселъ былъ, по мѣстному управленію, въ тѣсномъ подчиненіи гражданскимъ властямъ. Бергъ-коллегія была

учрежденіемъ не столько техническимъ и административнымъ, сколько судебнымъ. При ея помощи заводчики плодили процессы, тянущіеся отчасти до-сихъ-поръ. Самый кругъ дѣятельности берггъ-коллегіи былъ ограниченъ: заводы кабинетскіе, дѣла монетныя и о соли не входили въ ея вѣдѣніе.

Горный департаментъ былъ преобразованъ въ 1811 году въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, въ составъ котораго вошли существовавшіе прежде отдѣльно монетный департаментъ и комиссія снабженія государства солью. Дерябинъ, руководитель этого преобразованія, устроилъ также и мѣстную горную администрацію на началахъ status in statu, что̀ считалось въ то время верхомъ чиновничьей премудрости. Поэтому до 1861 года существовали не только горные инженеры, горнорабочіе и горные заводчики, но также горные линейные батальоны, горные казаки, горные судьи, горное духовенство, почты, исправники, горные аптекари, города и т. д., и т. д.

Въ тогдашнемъ видѣ центральная горная администрація была, конечно, во многомъ неудовлетворительна, но по идеѣ представляла удачную группировку въ одно цѣлое всѣхъ однородныхъ учрежденій, требовавшихъ для своего руководства спеціальныхъ техническихъ познаній. Въ 1834 году единство это нарушилось устройствомъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ, учрежденнаго болѣе для помѣщенія въ главу его Чевкина. Въ 1855 году заводы Кабинета Его Величества были отдѣлены въ вѣдомство Министерства Императорскаго Двора. Въ то же время горное управленіе Кавказа было вполнѣ обособлено и подчинено намѣстнику; Военное Министерство для горнаго дѣла казачьихъ земель устраивало свои особыя управленія.

Въ 1863 году штабъ, вѣдавшій личный составъ и ученыя работы горнаго вѣдомства, былъ уничтоженъ и присоединенъ къ департаменту горныхъ и соляныхъ дѣлъ, который былъ снова превращенъ въ горный департаментъ, потому что соляная часть, съ закрытіемъ казеннаго солянаго производства, была передана въ департаментъ неокладныхъ сборовъ. Въ 1870 году вѣдомство горнаго департамента было расширено присоединеніемъ заводовъ Царства Польскаго и ограничено отдѣленіемъ завѣдыванія физическими и метеорологическими обсерваторіями, мѣрами и вѣсами; въ 1873 году вновь значительно сокращено оставленіемъ въ Министерствѣ Финансовъ монетной и пробирной части. Съ 1881 года начинается опять объединеніе горнаго вѣдомства, къ нему вернулась соляная часть,

кавказское горное управленіе и подчинены всѣ металлургическіе заводы.

Сохраненіе этого единства мы считаемъ весьма важнымъ. У насъ, правда, раздавались въ печати голоса противъ существованія самостоятельнаго горнаго управленія, но это, очевидно, основывалось или на недоразумѣніи, или на незнаніи дѣла. Въ наше время смѣшно, конечно, думать о существованіи горнаго духовенства и горныхъ казаковъ, но все законодательство о нѣдрахъ земли составляетъ и всегда будетъ составлять совершенно особый отдѣлъ гражданскаго права, гдѣ, безъ спеціальныхъ техническихъ познаній, всѣ разсужденія праздны. Эта то отдѣльность горной собственности и даетъ совершенно особую физіономію всей горной промышленности, которая руководится совсѣмъ другими соображеніями, чѣмъ остальная промышленность. Опытъ всѣхъ государствъ Европы (кромѣ Англіи—по причинамъ историческимъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться) призналъ спеціальность горнаго дѣла и необходимость, какъ особеннаго законодательства о немъ, такъ и администраціи, основанной на извѣстныхъ техническихъ условіяхъ.

Сравнительно съ вопросомъ объ отдѣльности высшаго горнаго управленія, вопросъ о томъ, къ какому именно министерству причисляется это управленіе, существенно не важенъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Государственномъ Совѣтѣ возникала даже мысль объ отдѣльномъ существованіи главнаго горнаго управленія, по примѣру прошлаго столѣтія. Горное вѣдомство отъ этого, безъ сомнѣнія, выиграло бы; но едва-ли благоразумно, при настоящихъ ограниченныхъ размѣрахъ нашего горнозаводства, создавать для него новое министерство, съ огромнымъ непроизводительнымъ штатомъ. Въ теченіе слишкомъ шестидесяти лѣтъ горное управленіе было тѣсно связано у насъ съ Министерствомъ Финансовъ. Подобное соединеніе, не существующее почти нигдѣ въ Европѣ, вызывалось, съ одной стороны, тѣмъ, что Министерство Финансовъ, вообще, вѣдало дѣла промышленности и торговли, а во вторыхъ—взглядомъ на горную промышленность, какъ на крупный источникъ финансовыхъ доходовъ. Но взглядъ этотъ, справедливый лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда горные доходы составляли значительный процентъ нашего бюджета, лишился теперь своего значенія.

Нигдѣ, въ цѣломъ мірѣ, не смотрятъ на горное дѣло съ фискальной стороны: это взглядъ XVII и XVIII вѣка. Благоразуміе

требовало наоборотъ—не искать въ русскомъ горномъ дѣлѣ источника новаго дохода, а скорѣе употреблять прямо или косвенно милліоны на развитіе его и въ Россіи. Въ этомъ случаѣ соединеніе горнаго вѣдомства съ Министерствомъ Финансовъ, которое располагаетъ ближайшимъ образомъ значительными денежными средствами, было довольно благопріятно. Но не даромъ французская пословица говоритъ, что le mieux est l'ennemi du bien. Въ Министерствѣ Финансовъ, по крайней мѣрѣ во время господства фритредеровъ, роль горнаго вѣдомства была самая жалкая.

Безъ сомнѣнія, учрежденіе особаго Главнаго управленія коннозаводства прошло не безслѣдно для развитія нашего коннозаводства и коневодства, получившихъ спеціальнаго представителя ихъ интересовъ передъ высшей властью; но едва ли подобное учрежденіе соотвѣтствуетъ задачѣ которая должна разрѣшаться образованіемъ отдѣльнаго министерства. Трудъ каждаго министра долженъ захватывать по возможности извѣстную, довольно обширную и важную область государственной жизни. Съ этой точки зрѣнія, существованіе отдѣльнаго главнаго управленія или министерства для коннозаводства представляется аномаліей, въ особенности въ то время, когда другія первостатейныя отрасли государственнаго хозяйства не имѣютъ у насъ особыхъ министерствъ, защищающихъ ихъ интересы передъ верховною властью.

Если отдѣльное существованіе Главнаго управленія государственнаго коннозаводства не выдерживаетъ критики съ политической точки зрѣнія, то необходимость его представляется довольно сомнительною и съ точки зрѣнія хозяйственной. Бюджетъ расходовъ этого управленія составляетъ ежегодно до милліона рублей—цифра довольно значительная, особенно если сравнить съ нею суммы, ежегодно расходуемыя у насъ по бюджету на поощреніе сельскаго хозяйства, торговли и промышленности въ другихъ министерствахъ. Но изъ этой цифры около половины уходитъ на содержаніе центральной и мѣстной администраціи—содержаніе главноуправляющаго, его совѣта, канцеляріи, и т. д.; затѣмъ, значительная часть денегъ идетъ на хозяйственно-операціонные расходы государственныхъ конскихъ заводовъ, и только незначительная—собственно для поощренія частнаго коннозаводства: на призы, скачки, изданіе журналовъ и пр. Такое распредѣленіе расходовъ между тѣмъ неизбѣжно при отдѣльномъ существованіи Главнаго управленія государственнаго коннозаводства, которое, по необходимости, не-

сетъ всѣ накладные расходы, вызываемые содержаніемъ особаго министерства и спеціальной администраціи.

Мы не отрицаемъ необходимости спеціалистовъ для нашего коннозаводскаго дѣла: но во всякомъ случаѣ технический комитетъ въ Петербургѣ и нѣсколько лицъ для завѣдыванія казенными конскими заводами и случными конюшнями удовлетворили бы вполнѣ потребности въ этого рода спеціалистахъ, которые, къ тому же, никакого особаго воспитанія не требуютъ, а пріобрѣтаютъ свои познанія практически. Содержаніе же ради подобной несложной спеціальности цѣлаго обширнаго штата служащихъ совершенно излишне. Публикѣ нашей вообще мало знакомо положеніе, въ которомъ находится теперь государственное коннозаводство. Успѣхъ конскихъ выставокъ, воспѣтый на всѣ лады рьяными коннозаводскими публицистами — есть и такіе публицисты — показалъ, что, повидимому, дѣла идутъ отлично; но не подлежитъ сомнѣнію, что крестьянское коневодство успѣха не сдѣлало, число крестьянскихъ лошадей даже уменьшается, въ скаковомъ дѣлѣ польскіе заводы побиваютъ русскіе, а затѣмъ усиливается разведеніе рысистыхъ лошадей—практическая польза которыхъ весьма сомнительна.

Относительно того, къ какому вѣдомству должно быть отнесено завѣдываніе государственнымъ коннозаводствомъ, не можетъ быть большихъ сомнѣній. Только во Франціи однажды, въ 1870 году, конскіе заводы были отнесены къ вѣдомству министерства изящныхъ искусствъ, къ которымъ, будто бы, слѣдуетъ причислить и улучшеніе конскихъ породъ; во всѣхъ же почти другихъ странахъ завѣдываніе коннозаводствомъ сосредоточено тамъ же, гдѣ и завѣдываніе вообще сельскимъ хозяйствомъ, котораго коннозаводство составляетъ только небольшую часть. У насъ сельское хозяйство вѣдается Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ; туда естественно было причислить и управленіе государственнымъ коннозаводствомъ въ видѣ особаго департамента, хотя, строго говоря, и въ такомъ объемѣ администрація нашей конской промышленности кажется черезъ-чуръ роскошною. Овцеводство и разведеніе рогатаго скота составляютъ для Россіи отрасли хозяйства не менѣе важныя, чѣмъ коневодство, а въ торговомъ и промышленномъ отношеніи даже гораздо важнѣе; для нихъ, однако, нѣтъ не только особыхъ департаментовъ, но и какихъ-либо спеціальныхъ чиновниковъ. По смерти генерала Гринвальда, до 1881 г., Главное управленіе коннозаводства подчинялось уже министру государственныхъ иму-

ществъ, но это было личное соединеніе въ родѣ соединенія Норвегіи со Швеціей.

Съ назначеніемъ генерала Паукера министромъ путей сообщенія немедленно возникли толки, что Министерство Путей Сообщенія подвергнется новому преобразованію. Это уже будетъ пятое или шестое преобразованіе Министерства Путей Сообщенія въ довольно короткое время. Преобразованія начались при управленіи Мельникова, когда изъ вѣдѣнія Министерства Путей Сообщенія отошли телеграфы, публичныя зданія, грунтовыя дороги, арестантскія роты и пр.; за тѣмъ крупную реформу сдѣлали графы Бобринскіе. Они допускали во главѣ управленій только военныхъ, при нихъ сабли гремѣли въ корридорахъ министерства и нельзя было пройдти, не задѣвъ за чьи нибудь шпоры. Для просвѣщенія кавалеристовъ-администраторовъ потребовалось созданіе изъ инженеровъ разныхъ техническихъ комитетовъ съ довольно неопредѣленнымъ кругомъ обязанностей. При второмъ Бобринскомъ былъ учрежденъ статистическій отдѣлъ. Адмиралъ Посьетъ снова возвратилъ инженерамъ путей сообщенія подобающее значеніе, но въ составъ министерства онъ ввелъ моряковъ въ видѣ учрежденія навигаціонно-описной комиссіи, теперь упраздненной. Г. Посьетъ преобразовалъ также канцелярію министра, учредилъ особое управленіе для постройки казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, учебный отдѣлъ Министерства Путей Сообщенія и соединилъ завѣдываніе технически-инспекторскими комитетами и департаментами, т. е. технику и хозяйство, въ однѣхъ рукахъ, а какъ совѣщательное учрежденіе, преобразовалъ совѣтъ министра.

Послѣдовательныя преобразованія Министерства Путей Сообщенія вызваны были въ значительной мѣрѣ необходимостью, вслѣдствіе ограниченія круга дѣятельности министерства передачею значительнаго количества производившихся въ немъ дѣлъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, земствамъ и городамъ, частью же новыми потребностями, созданными временемъ. До начала 60-хъ годовъ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ почти не было, паровое судоходство только что начинало развиваться, и дѣятельность Министерства Путей Сообщенія сосредоточивалась на ремонтѣ шоссе и собираніи судоходныхъ сборовъ съ нехитраго устройства барокъ, тянувшихся лямкою и лошадьми по внутреннимъ водянымъ путямъ. Соотвѣтственно съ этимъ техническое образованіе чиновъ министерства не требовало особой заботливости.

Сооруженіе цѣлой сѣти частныхъ желѣзныхъ дорогъ, появленіе

типа дѣльцовъ-концессіонеровъ, постройка большихъ линій казенными средствами, огромные казенные заказы рельсовъ и подвижного состава, переустройство водяныхъ путей, вслѣдствіе увеличенія размѣра судовъ и преобладанія паровой тяги, постройка и расширеніе морскихъ портовъ—все это потребовало отъ министерства новой дѣятельности и новыхъ спеціальныхъ познаній. Удовлетворить такимъ быстро возникающимъ потребностямъ и старались прежде всего преобразованіемъ центральнаго управленія.

Реформы не удовлетворяли однако потребностямъ. Это объяснялось обыкновенно тѣмъ, что лучшія силы вѣдомства путей сообщенія отвлекаются частною службою, но при этомъ забывали, что всѣ преобразованія администраціи, какъ бы они ни казались полезными и какъ бы проектируемыя учрежденія на бумагѣ ни выходили симметрическими и логически необходимыми, имѣютъ множество неудобствъ. Каждая администрація не есть машина, а собраніе живыхъ людей—организмъ весьма сложный и тонкій. Какъ часто организмъ съ виду очень изящный оказывается слабымъ и непрактическимъ, а рядомъ человѣкъ, нескладно скроенный, дышетъ энергіей и здоровьемъ, такъ и администрація можетъ оказаться очень неудовлетворительною, хотя бы ее подвергали постояннымъ реформамъ и по наружности она представлялась идеаломъ канцелярской премудрости.

Дѣло въ томъ, что въ администраціи рутина играетъ отромную роль, рутина не въ смыслѣ тупоумнаго застоя и нежеланія слѣдить за вѣкомъ, а въ смыслѣ той ремесленной опытности, которая достигается лишь практикою многихъ лѣтъ. Административныя учрежденія, давно существующія, дѣйствуютъ какъ заведенные часы, масса дѣлъ разрѣшается бывшими примѣрами, чиновники самые неразвитые знаютъ и кругъ своихъ обязанностей, и тѣ дѣла, съ которыми имъ приходится постоянно имѣть дѣло. Нерѣдко случается, что составъ лицъ въ администраціи мѣняется, но по извѣстной инерціи административный механизмъ продолжаетъ работать безъ малѣйшей остановки.

Совсѣмъ не то въ новыхъ или преобразованныхъ учрежденіяхъ. Здѣсь никто не знаетъ, за что взяться, что дѣлать; каждый вопросъ, даже второстепенный, вызываетъ безконечныя сомнѣнія, недоумѣнія и запросы; отсутствіе опыта въ чиновникахъ заставляетъ къ послѣднимъ относиться недовѣрчиво ихъ начальниковъ и т. д. Словомъ, проявляется недостатокъ именно той практики дѣла, которая такъ же нужна для государственнаго управленія, какъ и для игры на

флейтѣ или для вязанія чулокъ. Стоящимъ сбоку кажется чего бы проще поскорѣе рѣшить то или другое дѣло, но кому извѣстна безконечная связь, существующая между всѣми колесами обширнаго административшаго механизма, тотъ легко пойметъ, что между желаніемъ и исполненіемъ цѣлая бездна. Оттого-то во всѣхъ странахъ ученые теоритики оказывались всегда очень плохими администраторами, и нерѣдко человѣкъ съ характеромъ, командовавшій батальономъ, выходилъ болѣе соотвѣтствующимъ на высокомъ постѣ, нежели знаменитый ученый, свѣтило науки.

Мораль всего этого та, что сами по себѣ реформы административныхъ органовъ не служатъ еще гарантіей успѣха, что постепенныя преобразованія административныхъ учрежденій всегда полезнѣе коренной ихъ ломки и что при всѣхъ подобныхъ реформахъ надобно тщательно сберегать годное старое и пользоваться, а не пренебрегать, опытомъ и рутиной. Постройки на „пустомъ мѣстѣ“, тщательно расчищенномъ и очищенномъ, которыя такъ рекомендуются иногда, оказываются обыкновенно нисколько не гарантирующими успѣха преобразованія. Успѣхъ послѣднихъ главнымъ образомъ въ лицахъ, которымъ это преобразованіе довѣряется. У насъ имѣются министерства, многократно преобразованныя, есть и такія, которыя за двадцать лѣтъ почти не прикасались къ своимъ штатамъ, и, по совѣсти сказать, едва ли кто въ общей ихъ дѣятельности найдетъ какую-либо существенную разницу. Чѣмъ, напримѣръ, театральная дирекція, перевернутая за восемъ лѣтъ вверхъ дномъ, лучше комиссіи погашенія долговъ, которую кажется и снаружи не красили лѣтъ шестьдесятъ?

Изъ преобразованій по Министерству Путей Сообщенія самое важное было учрежденіе временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Организація этого управленія была дѣломъ необходимымъ и безотлагательнымъ, потому что правительство владѣетъ уже сѣтью рельсовыхъ путей слишкомъ въ $5^1/_2$ тысячъ верстъ, хорошая эксплоатація которой дѣло не маловажное, и нѣтъ сомнѣнія, что въ руки казны перейдутъ мало-по-малу и нѣкоторыя другія бездоходныя линіи.

Для организаціи новаго управленія Министерство Путей Сообщенія взяло за образецъ временное управленіе по постройкѣ екатерининской и баскунчакской желѣзныхъ дорогъ. Собственно для постройки дорогъ оно оказалось неудовлетворительною. Въ управленіи преобладалъ медленный коллегіальный порядокъ, скопированный съ организаціи правленій частныхъ желѣзныхъ дорогъ, хотя нѣтъ

ничего общаго между казеннымъ хозяйствомъ и хозяйствомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ казенномъ дѣлѣ все основано на разрѣшеніи свыше и на фактическомъ контролѣ, въ частномъ отъ одного до другого годового общаго собранія акціонеровъ правленіе полновластно, поэтому во избѣжаніе случайныхъ увлеченій и для раздѣленія отвѣтственности дѣлаютъ его коллегіальнымъ. Въ казенномъ дѣлѣ отвѣтственность и безъ того слишкомъ раздѣлена между десяткомъ инстанцій, а потому коллегіальный порядокъ (прекрасный для суда, для работъ законодательныхъ, земскихъ) ведетъ въ исполнительныхъ органахъ лишь къ полной безотвѣтственности, между тѣмъ онъ стоитъ гораздо дороже.

Кромѣ того, въ составѣ новаго управленія казенными дорогами оставлены члены отъ разныхъ министерствъ. Для чего сохранены эти синекуры, понять трудно. Если встрѣчаются вопросы военные, финансовые или полицейскіе, то они, само собою разумѣется, разрѣшаются въ подлежащихъ департаментахъ; къ чему же означенные делегаты министерствъ? Съ точно такимъ же правомъ можно при каждомъ казенномъ управленіи назначить уполномоченныхъ отъ разныхъ вѣдомствъ и этимъ создать еще сотни новыхъ безполезныхъ и щедро оплачиваемыхъ должностей.

Вообще теперь мода создавать должности уполномоченныхъ-директоровъ отъ разныхъ вѣдомствъ, хотя обыкновенно правительственные директора и не подозрѣваютъ, что у нихъ дѣлается въ правленіи, такъ какъ давно обратили свои должности въ синекуры, живутъ за нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ верстъ не только отъ дорогъ, порученныхъ ихъ надзору, но и отъ мѣстопребыванія правленій, гдѣ они должны засѣдать.

Въ видѣ палліатива установлено несовмѣщеніе должности правительственнаго директора съ другими должностями — идея прекрасная, но недостаточная еще сама по себѣ. При установившейся практикѣ, можно и не занимая другихъ казенныхъ должностей ничего не дѣлать, состоя правительственнымъ директоромъ желѣзной дороги. Противъ этого-то ничего-недѣланія Министерство Путей Сообщенія должно принять надлежащія мѣры: обязать правительственныхъ директоровъ присутствовать во всѣхъ безъ исключенія засѣданіяхъ правленія, елико возможно чаще объѣзжать линіи, представлять подробные отчеты и постоянныя срочныя вѣдомости съ замѣчаніями о найденныхъ недостаткахъ и злоупотребленіяхъ. При такихъ требованіяхъ отъ директоровъ число лицъ,

желающихъ занимать эти злачныя мѣста, ничего не дѣлая, навѣрное уменьшится, дѣло же выиграетъ.

А то бывали такіе примѣры, что правленіе азовской желѣзной дороги объявляло, что въ виду задержки разсчетовъ и неплатежа денегъ донецкою дорогою, оно, сохраняя прямое сообщеніе, будетъ принимать грузы, идущіе на донецкую линію, лишь съ предварительно оплаченнымъ провозомъ, съ донецкой же на азовскую грузы будутъ передаваться и безъ предварительной оплаты. На обыкновенномъ языкѣ это означало, что донецкая дорога, имѣя порученіе отъ азовской дороги получать отъ третьихъ лицъ деньги, дѣйствительно получала оныя, но присвоивала себѣ. Такое дѣяніе для обыкновенныхъ смертныхъ называется мошенничествомъ или растратою, но для желѣзныхъ дорогъ изобрѣтали болѣе мягкое выраженіе „задержка разсчетовъ“. Хотя тутъ никакой задержки быть не можетъ, ибо донецкая дорога ни одной минуты не въ правѣ считать деньги, полученныя по комиссіи, своими. Это все равно еслибы почтовые чиновники прокучивали деньги, довѣряемыя почтовой пересылкѣ, и считали бы это „задержкою разсчетовъ“... Но то, что у бѣдныхъ почтовыхъ чиновниковъ показалось бы возмутительнымъ, то для желѣзныхъ дорогъ находили естественнымъ. Въ числѣ членовъ правленія донецкой дороги числятся два директора отъ правительства въ высокихъ чинахъ съ большими окладами жалованья. Спрашивается, что же дѣлали означенные чиновники, если дозволяли безнаказанно совершеніе уголовныхъ дѣяній со стороны того учрежденія, въ которомъ состояли членами?

Одновременно съ устройствомъ временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ нашей желѣзнодорожной политикѣ произошелъ рѣзкій поворотъ, выразившійся въ томъ, что въ моментъ, когда государственное казначейство было пусто, бюджетъ заканчивался съ крупнымъ дефицитомъ, обѣщалось погашеніе кредитныхъ билетовъ безъ указанія на источникъ, откуда возьмутся суммы для этого погашенія, — правительство начало покупать желѣзныя дороги. Мало того, рѣшено было приступить къ постройкѣ новыхъ желѣзныхъ дорогъ равнымъ образомъ на казенныя средства. Эти сооруженія предположены, какъ въ свое время объясняли, вслѣдствіе желанія Министерства Путей Сообщенія возстановить „честь путейскаго мундира“ и доказать, что казенные инженеры въ состояніи, состоя на казенной службѣ, строить также хорошо и дешево, какъ они это будто бы дѣлаютъ состоя на частной службѣ.

Честь путейскаго мундира, конечно, вопросъ съ извѣстной точки зрѣнія не лишенный значенія, но едва ли эта честь столь уже была скомпрометирована, что для возстановленія ея требовалась затрата десятковъ милліоновъ рублей казенныхъ денегъ, тѣмъ болѣе, что не было вполнѣ прочнаго убѣжденія, дѣйствительно ли потеря означенныхъ милліоновъ возстановитъ утраченную невинность нашихъ инженеровъ.

Въ одной изъ газетъ въ панегирическомъ тонѣ объясненъ былъ тотъ „новый путь", который министерство избрало, „чтобы организовать такой способъ постройки, который бы обезпечилъ быстрое производство работъ и свободу дѣйствій стоителей, не вовлекая казну въ излишнія издержки". Для этого, по словамъ панегирика, въ отношеніи дѣйствительнаго исполненія работъ временное управленіе дѣйствуетъ совершенно самостоятельно и по своему усмотрѣнію, распоряжается производствомъ изысканій, составленіемъ проектовъ сооруженій, заключеніями договоровъ по работамъ и поставкамъ, наймомъ рабочихъ, выдачею имъ задатковъ, заготовкою инструментовъ, матеріаловъ и проч. Ту же свободу дѣйствія предполагалось предоставить временному управленію и въ отношеніи распоряженія суммами. Одно изъ главныхъ особенностей новаго порядка составляло, по мнѣнію панегирика, совершенное отсутствіе строительной смѣты расходовъ! Сколько будетъ произведено работъ, какія окажутся дѣйствительныя цѣны, что скажетъ мѣстность и время, столько и будетъ заплачено. Смѣты, составлявшіяся въ прежнее время въ строительныхъ вѣдомствахъ, ловко и искусно возвышенныя, и давали, говорилъ панегирикъ, поводъ къ незаконной наживѣ и соблазну; а между тѣмъ та же смѣтная цѣна служила какъ бы оправданіемъ, когда „благоразумная экономія", плодъ хозяйственныхъ распоряженій строителя, оставалась у него въ карманѣ. „Конечно, если ужъ строитъ казна, то слѣдуетъ устраниться отъ вполнѣ законченныхъ предварительныхъ смѣтъ. Казна не можетъ строить ни дешево, ни дорого. Казна должна заплатить только то, что произведенная работа дѣйствительно стоитъ". Но разъ соображеніе составлено и деньги авансомъ отпущены, временное управленіе распоряжается суммами совершенно съ тою же свободою, съ какою распоряжаются концессіонеры строители. Само собою разумѣется, что такія права должны вызывать сильный контроль, и притомъ контроль не послѣдующій и не письменный, а мѣстный и фактическій. Устройство такого фактическаго контроля предоставлено, по словамъ панегирика, государственному контролеру. Контрольные

чины будутъ посылаться на мѣсто производства работъ и на нихъ падетъ: ревизія оборотовъ денежныхъ и матеріальныхъ капиталовъ, ревизія ассигновокъ по отпуску суммъ до отсылки въ кассу и соотвѣтственныхъ оправдательныхъ дукументовъ, фактическая повѣрка работъ, сооруженій, заготовокъ по отношенію къ числу, размѣру или вѣсу входящихъ въ составъ ихъ предметовъ.

Прочитавъ эти удивительныя соображенія, спрашивается: почему предполагаемая система можетъ назваться „новымъ путемъ“ и гдѣ отличіе этого пути отъ стараго, всѣмъ хорошо знакомаго? Отличіе, правда, есть, но уже никакъ не въ пользу новой политики. Это отличіе состоитъ въ томъ, что дороги будутъ строиться безъ смѣтъ, по какимъ то „статистическимъ приблизительнымъ соображеніямъ“. Но мыслима ли эта вещь въ казенномъ дѣлѣ? Казна не позволяетъ исправить полицейской будки безъ смѣты, и отлично дѣлаетъ, ибо какое же „казна“—понятіе отвлеченное—имѣетъ другое средство усчитать своего чиновника иначе, какъ связывая его урочнымъ положеніемъ и документальною отчетностью. Приложимъ ли принципъ „довѣрія“ къ затратѣ податныхъ денегъ? Да и любопытно, что будутъ провѣрять фактически чиновники Государственнаго Контроля, если въ принципѣ станетъ правило, будто бы: „казна не можетъ строить ни дешево, ни дорого, а должна платить лишь то, что работа стоитъ“. Да работа только и можетъ стоить или дешево, или дорого.

А она навѣрно будетъ стоить дорого. По „приблизительному статистическому разсчету“ цѣнность криворогской желѣзной дороги, исчисленная въ 73,000 руб. за версту, не считая цѣнности громаднаго моста черезъ Днѣпръ у Екатеринослава, обошлась въ 100 тысячъ, хотя послѣднія дороги строительными расходами обходились отъ 35 до 50 тысячъ за версту. Казна же имѣла преимущество передъ частными строителями въ томъ, что ей (въ теоріи) барышей не нужно, имущества своего она не погашаетъ, процентовъ на оборотный капиталъ не платитъ, никакихъ налоговъ не несетъ и имѣетъ возможность множество разныхъ побочныхъ издержекъ (на командировки и пр.) отнести на другіе источники бюджета. Наконецъ, казна имѣетъ и то преимущество, что концессіонеръ долженъ пройти во время постройки всѣ кавдинскія ворота, „смазывая“ петли у послѣднихъ, казнѣ же смазывать некого.

Затѣмъ, въ смыслѣ сохраненія государственнаго интереса, чѣмъ временная коллегія въ Петербургѣ изъ нѣсколькихъ никогда ничего не строившихъ чиновниковъ разныхъ министерствъ, за 2,000

верстъ отъ мѣста постройки, лучше существовавшихъ департаментовъ и техническихъ комитетовъ Министерства Путей Сообщенія и, съ другой стороны, почему фактически безконтрольный (несмотря на изобиліе чиновниковъ контроля) главный инженеръ отличается отъ подрядчика, оперировавшаго концессіоннымъ способомъ? Если онъ отличается, то развѣ тѣмъ, что, дѣйствуя на казенныя деньги, онъ рѣшительно ни за что не отвѣчаетъ и участвуетъ лишь въ выгодахъ, тогда какъ подрядчикъ—чему бывали примѣры и крупные (Меккъ потерялъ, напримѣръ, на ландварово-роменской желѣзной дорогѣ сразу 2 милл. рублей), всетаки подверженъ риску потери и разоренія, отзывающемуся и на лицахъ, довѣрившихъ ему свои капиталы.

ГЛАВА IV.

Министерства.

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ; наше представительство заграницею.—Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; упраздненіе III Отдѣленія, преобразованіе тюремнаго управленія.

Время съ 1815 по 1830 годъ считаютъ обыкновенно періодомъ, когда дипломатія первенствовала въ разрѣшеніи европейскихъ вопросовъ. Всемогущій Меттерних, многочисленные конгрессы и конференціи, безчисленныя ноты и протоколы наполняютъ исторію этого времени. Сила и вліяніе дипломатіи почитаются съ тѣхъ поръ значительно ослабѣвшими, и часто даже раздаются голоса въ печати и на парламентской трибунѣ, что дипломатическое представительство—почти ненужная роскошь. Если дипломаты необходимы еще иногда для разныхъ церемоній, то мнѣнія ихъ и наблюденія не имѣютъ никакого вѣса, потому что печать и публичное обсужденіе законовъ и государственныхъ вопросовъ позволяютъ теперь имѣть, при помощи желѣзныхъ дорогъ, почтовыхъ пароходовъ и телеграфа, свѣдѣнія гораздо быстрѣе и подробнѣе, чѣмъ изъ дипломатическихъ депешъ и донесеній.

Подобныя мнѣнія нельзя не признать крайне преувеличенными и односторонними. Конечно, дипломатіи отведено нынѣ гораздо болѣе скромное мѣсто чѣмъ въ XVIII вѣкѣ, когда какой нибудь красивый и ловкій дипломатъ, приволокнувшись за всемогущею фавориткой, а иногда за королевою, рѣшалъ вопросы войны и мира, но и въ настоящее время умная, энергическая и патріотическая дипломатія найдетъ себѣ достаточно дѣла. Не отдаляясь отъ настоящей минуты, мы въ одномъ примѣрѣ франко-прусской войны можемъ видѣть силу, значеніе и вліяніе на событія правильно

троеннаго дипломатическаго представительства. Еслибъ Напо-
онъ III имѣлъ свѣдущихъ представителей въ Мюнхенѣ и вообще
южной Германіи, то не сомнѣвался бы, что минута объедине-
я послѣдней очень близка; еслибъ въ Вѣнѣ, вмѣсто легкомы-
еннаго Граммона, сидѣлъ болѣе серьезный посолъ, то, конечно,
ранція не рѣшилась бы такъ скоро на объявленіе войны; еслибъ
Ферьерѣ, вмѣсто Жюль Фавра, переговаривался съ Бисмаркомъ
о либо другой, то не было бы знаменитой риторической фразы:
ни одного камня крѣпостей, ни одного вершка земли", оплачен-
ой потомъ Эльзасомъ, Лотарингіей съ Мецомъ и пятью милліар-
ами. Наконецъ, то, что касается насъ, развѣ мыслимъ бы былъ Бер-
инскій конгрессъ, еслибы графъ Шуваловъ не вообразилъ себѣ,
то Англія и въ дѣйствительности собирается воевать?

Мы не говоримъ уже о значеніи дипломатіи на Востокѣ. Бернсу
нглія обязана огромною частью своихъ остъ-индскихъ владѣній;
Стратфордъ-Редклифъ положительно выручилъ Турцію въ 1853
оду и причинилъ намъ много вреда. Но если дипломатія не по-
ряла своего вліянія и пользы, то нельзя кажется сомнѣваться,
то общій кругъ ея дѣятельности и относительное значеніе въ раз-
ныхъ мѣстностяхъ совершенно видоизмѣнились. Личныя интриги
играютъ теперь самую незначительную роль, аристократія въ не-
многихъ только странахъ сохранила вліяніе на дѣла, за то эконо-
мическіе вопросы, торговые и промышленные интересы, передвиже-
ніе путешественниковъ и капиталовъ, заморскія владѣнія и т. д.
выдвинулись на первый планъ. Нужно сознаться, что въ виду
этого переворота сдѣлано еще очень немного для преобразованія
дипломатической службы не только у насъ, но и во всей Европѣ.

Въ Россіи, если судить по организаціи Министерства Иностран-
ныхъ Дѣлъ, покажется, будто бы со временъ Вѣнскаго конгресса
не произошло никакихъ измѣненій ни въ системѣ европейскаго
равновѣсія, ни во внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ различ-
ныхъ государствъ земнаго шара. Между тѣмъ можно сказать, что
все измѣнилось, и абсолютно, и особенно по отношенію къ Россіи.

По нашему мнѣнію, съ тѣмъ же наличнымъ составомъ и при
той же цифрѣ денежныхъ расходовъ дипломатическое представи-
тельство Россіи можетъ быть устроено несравненно болѣе цѣлесо-
образно съ настоящими политическими потребностями Россіи и съ
взаимными отношеніями различныхъ государствъ; приэтомъ дипло-
матическіе представители наши болѣе справедливо оплачивались бы
за свои труды. Въ настоящее время высшіе дипломатическіе агенты

получаютъ достаточное по своему положенію содержаніе, но всетаки они не могутъ быть достаточно представительны, если не имѣютъ своихъ средствъ. Это дѣлается отчасти въ томъ разсчетѣ, чтобъ привлекать къ дипломатической службѣ людей преимущественно изъ высшаго класса общества; но при настоящемъ положеніи образованія подобное формированіе дипломатическаго персонала далеко неудобно; въ крайней мѣрѣ никто не будетъ серьезно отрицать, что знаніе и талантъ не менѣе полезны для дипломата, чѣмъ знаніе свѣтскихъ приличій. Кобденъ вовсе не былъ свѣтскимъ человѣкомъ, а между тѣмъ Англія обязана ему важнѣйшей своей дипломатической побѣдой: торговымъ трактатомъ 1860 года.

Содержаніе посла обходится значительно дороже, нежели содержаніе посланника, но излишній расходъ окупается болѣе выгоднымъ положеніемъ посла, который во всякое время имѣетъ доступъ къ государю, тогда какъ посланникъ долженъ переговариваться только съ министромъ. Удобство это очень важно, а въ тѣхъ государствахъ, гдѣ, какъ въ Испаніи, другія страны имѣютъ пословъ, а мы только посланника, тамъ послѣдній будетъ сидѣть на второмъ и третьемъ планѣ.

Вообще число нашихъ дипломатовъ и консуловъ измѣнено, но всетаки нельзя не сказать, что въ новомъ штатѣ попрежнему не приняты во вниманіе многія условія нынѣшняго положенія вещей на земномъ шарѣ. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ наши дипломатическія миссіи играютъ самую скромную роль потому только, что мы не имѣемъ съ этими государствами никакихъ серьезныхъ, не только политическихъ, но даже и торговыхъ сношеній: повѣренный въ дѣлахъ могъ бы въ этихъ случаяхъ очень удобно замѣнить посланника. Въ особенности это необходимо при республиканскихъ правительствахъ. Къ чему имѣть посланника въ Бернѣ, гдѣ сосредоточивается только ничтожная часть политической жизни швейцарской федераціи и члены правительства ведутъ буржуазный образъ жизни? Наоборотъ, постъ генеральнаго консула въ Пештѣ долженъ быть еще повышенъ въ своемъ значеніи. Въ политическомъ отношеніи Венгрія одно изъ тѣхъ государствъ Европы, которыя обѣщаютъ намъ въ будущемъ наиболѣе затрудненій, и потому дипломатическое и военное представительство тамъ чрезвычайно важно. Поддерживать же связи съ мадьярской аристократіей не легко и не дешево.

Мы имѣемъ посланника въ Бразиліи, которая когда то лежала на пути русскихъ судовъ въ Ситху, и акредитовали его къ Ар-

нтинской республикѣ, съ которою не имѣимъ никакихъ сношеній, жду тѣмъ въ болѣе къ намъ близкой и несравненно болѣе для съ важной Африкѣ наше дипломатическое представительство весьма удовлетворительно. Прежде всего казалось бы весьма полезнымъ идать нашему агенту въ Египтѣ поболѣе значенія, въ виду ного положенія, истекающаго изъ прорытія Суэзскаго канала и дворенія въ Египтѣ англичанъ. Затѣмъ въ Абиссиніи недостаочно ограничится духовною миссіею, а слѣдуетъ завести политическое агентство, которое располагало бы широкими денежными ѣдствами. Точно также не худо завести представителя и въ Маокко, именно въ Тангерѣ, гдѣ живетъ министръ иностранныхъ ѣлъ, съ которымъ и переговариваются аккредитованные въ Маокко дипломаты. Всѣ почти государства имѣютъ тамъ свои миссіи, а нглія, Франція и Испанія и свои почты. По географическому поженію и по свойству почвы Марокко—вторая Испанія и на этотъ акомый кусокъ давно заглядываются разные народы. Для Россіи оползновенія Франціи и особенно Испаніи — значенія не имѣютъ; о нельзя допустить, чтобы Марокко овладѣла Англія, или чтобы амъ укрѣпились нѣмцы.

Безъ большого затрудненія посты русскихъ посланниковъ могутъ быть понижены на степень повѣренныхъ въ дѣлахъ и въ Копенгагенѣ, и Брюсселѣ; посты же резидентовъ въ Дармштадтѣ, Ольденбургѣ и повѣренныхъ въ дѣлахъ въ Веймарѣ и Карльсруэ могутъ быть совсѣмъ упразднены. Мы, по крайней мѣрѣ, не можемъ вообразить себѣ для этихъ миссій какихъ-либо серьезныхъ занятій при современномъ устройствѣ Германской имперіи. По новой конституціи послѣдней Саксонія, Баварія, Ганзейскіе города и пр. на столько же должны считаться независимыми государствами, какъ любые штаты Америки или австралійскія колоніи. Посты эти нерѣдко излишни и для придворнаго представительства. Такъ, напримѣръ, король баварскій страдаетъ сумасшествіемъ. Подобное представительство могло бы еще имѣть мѣсто, еслибъ осуществились другія болѣе настоятельныя потребности нашей дипломатической организаціи. Въ этомъ случаѣ не принято во вниманіе первенствующее значеніе Россіи на Востокѣ. Центръ тяжести нашей политики лежитъ теперь не въ мелкихъ германскихъ дворахъ, которые совершенно безсильны передъ централизующимъ вліяніемъ берлинскаго правительства и являются только покорными орудіями въ желѣзныхъ рукахъ князя Бисмарка, а именно на Востокѣ, гдѣ мы представлены еще дипломатически весьма слабо и не полно, но гдѣ послы и агенты

сохраняютъ то значеніе, которое дипломаты имѣли въ Европѣ в прежнее время. Мы ничего не можемъ замѣтить по поводу настоя щей организаціи нашего представительства въ Константинополѣ Аѳинахъ, Бухарестѣ, Бѣлградѣ, Тегеранѣ и Іеддо, русская м миссія въ Пекинѣ обставлена, по нашему мнѣнію, недостаточно вн шительнымъ образомъ.

Съ учрежденіемъ русской миссіи въ Кореѣ пополненъ весьм существенный пробѣлъ въ нашемъ дипломатическомъ представи тельствѣ въ Азіи, но вся южная и центральная Азія, гдѣ значе ніе Россіи такъ важно, а положеніе также еще неопредѣленно, во все не имѣютъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ. Единственно улучшеніе, на которое можно указать въ новомъ штатѣ, это учре жденіе генеральнаго консульства въ Шанхаѣ, взамѣнъ вице-кон сульства въ этомъ городѣ, покровительствовавшаго, говорятъ, тор говлѣ куліями. Крайне необходимо устроить какъ можно скорѣе дипломатическія и военныя агентуры въ Афганистанѣ и другихъ независимыхъ еще средне-азіатскихъ земляхъ. Точно также слѣ дуетъ имѣть дипломатическаго и военнаго агента въ Калькутѣ, ко торый лѣтомъ жилъ бы въ Симлѣ. Почти пограничная намъ Индій ская имперія съ 240 милл. жителей, съ арміей въ 250,000 челов., съ военнымъ бюджетомъ въ 200 милл. руб. и завоевательной по литикой не можетъ быть оставлена болѣе безъ вниманія.

Обыкновенно возражаютъ, что при назначеніи нашего агента въ Индіи англичане поспѣшатъ назначить своего агента въ Тур кестанскій край, отчего будто бы пострадаютъ русскіе интересы. Подобный доводъ не выдерживаетъ критики. Мы полагаемъ, что Россіи нечего скрываться въ дѣйствіяхъ своихъ въ Азіи, особенно передъ англичанами; гласность въ этомъ случаѣ была бы даже полезна, потому что разсѣяла бы въ нейтральныхъ государствахъ Европы многіе пустые страхи. Извѣстная депеша г. Скайлера о туркестанскихъ дѣлахъ можетъ служить образчикомъ дипломати ческой нескромности, но, спрашивается, кто потерялъ отъ обнаро дованія этого документа и какія могло оно имѣть послѣдствія, кромѣ немедленнаго опроверженія фактовъ вымышленныхъ и раскрытія истины, буде таковая заключалась. Неимѣніе своего агента въ Остъ-Индіи, кромѣ неизвѣстности, что дѣлается въ этой странѣ, сопряжено съ другими важными неудобствами. Такъ, двукратно г. Пашино, бывшій дипломатическій чиновникъ, ѣздилъ въ Остъ-Индію и, по собствен ному описанію, напечатанному въ „Голосѣ“, оба раза подвергался тяжкимъ оскорбленіямъ. Не прискорбно ли это для русскаго

имени, столь уважаемаго на Востокѣ? И возможны ли были бы подобные факты, еслибъ мы имѣли агента въ Остъ-Индіи?

Отъ неимѣнія взаимныхъ сношеній и незнанія мѣстныхъ условій въ Азіи мы пока ничего полезнаго не извлекли, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ тѣ значительныя уступки, которыя мы сдѣлали въ афганистанскомъ вопросѣ для успокоенія мнительности англичанъ. Къ тому же вовсе изолироваться и недопускать агентовъ, не только явныхъ, но и тайныхъ, рѣшительно невозможно, а всегда выгоднѣе находиться подъ наблюденіемъ одного официальнаго агента, нежели десяти шпіоновъ.

Въ „La Nouvelle Revue“ была какъ то помѣщена статья, содержавшая свѣдѣнія объ устройствѣ министерствъ иностранныхъ дѣлъ въ Англіи и Франціи. Эти свѣдѣнія не лишнее сопоставить съ подобными же данными объ организаціи нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Такое сопоставленіе тѣмъ интереснѣе, что въ настоящее время несомнѣнно, что англійская организація болѣе удовлетворительна, по крайней мѣрѣ англійская дипломатія торжествуетъ на всѣхъ пунктахъ, тогда какъ французская играетъ довольно жалкую роль, особенно если сравнить ее съ блестящею ролью французской дипломатіи XVII и XVIII столѣтій.

Разница въ организаціи начинается съ центральнаго вѣдомства. Во Франціи имѣется только одинъ министръ иностранныхъ дѣлъ, получающій 24,000 руб. въ годъ жалованья, въ Англіи министръ имѣетъ 60,000 р., да у него четыре товарища, изъ которыхъ одинъ, независимый отъ парламентскаго большинства, съ жалованьемъ въ 20,000 руб. Каждый изъ товарищей завѣдуетъ какою либо частью дипломатическихъ сношеній. У насъ министръ имѣетъ товарища и оба вмѣстѣ получаютъ 39,200 руб.

Центральное управленіе иностранными дѣлами состоитъ въ Англіи изъ 8 департаментовъ и отдѣльныхъ частей, во Франціи изъ 6, у насъ также изъ 6 (въ томъ числѣ два главныхъ архива), и стоитъ въ Англіи 600,000 т. руб., въ томъ числѣ на канцелярскіе и хозяйственные расходы 160 тысячъ руб., во Франціи 400,000 руб., въ томъ числѣ канцелярскіе и др. расходы 100,000 руб., у насъ, включая награды чиновникамъ всего министерства, 430 тыс. руб., въ томъ числѣ канцелярскіе и хозяйственные расходы 106 тысячъ. Но эти цифры получаютъ другое значеніе, если сравнить ихъ съ числомъ служащихъ. Въ Англіи въ Foreign Office всего 85 чиновниковъ, а во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ 165, при этомъ въ Англіи только 14 изъ нихъ получаютъ менѣе 1,200 руб. въ годъ,

а во Франціи 90. Такая разница зависитъ отъ того, что въ Англіи молодые кандидаты на дипломатическія должности разсылаются по посольствамъ и консульствамъ, а не проводятъ годы, послѣ выдержанія дипломатическаго экзамена, безъ всякаго вознагражденія при центральномъ управленіи, занимаясь механическимъ трудомъ копированія депешъ. Англійская система, очевидно, лучшая; у нея мало чиновниковъ, но хорошо оплаченныхъ, молодежь же не бездѣльничаетъ въ столицѣ, а на мѣстѣ изучаетъ нравы, учрежденія и языки разныхъ странъ. По размѣрамъ окладовъ наши штаты приближаются скорѣе къ англійскимъ; такъ, начальники отдѣленія (junior clerks 1-го класса или redacteur) получаютъ въ Англіи среднимъ числомъ около 3,000 руб., а во Франціи только 2,200 руб. Для точности сравненій слѣдуетъ еще замѣтить, что въ Англіи у чиновниковъ никакихъ вычетовъ не дѣлаютъ, французы же и мы дѣлаемъ вычеты на пенсію.

Отношенія англичанъ и французовъ къ своимъ служащимъ по дипломатической части также весьма различныя. Въ Англіи министръ имѣетъ право, какъ и въ Россіи, увольнять своихъ чиновниковъ безъ объясненія причинъ (нашъ знаменитый 3-й пунктъ), за то онъ имѣетъ право давать чиновникамъ пенсіи даже за небольшое число лѣтъ службы и можетъ оставлять полезнымъ чиновникамъ заштатное содержаніе даже десять лѣтъ подъ-рядъ. Во Франціи увольненіе безъ прошенія чиновниковъ ограничено разными формальностями, за то заштатнаго содержанія почти не существуетъ, а пенсіи даются только при возрастѣ не менѣе 60 лѣтъ, за государственную службу свыше 30 лѣтъ и притомъ въ ничтожныхъ размѣрахъ, дѣлающихъ заслуженнаго чиновника на старости лѣтъ нищимъ. Въ Англіи законъ даетъ также право министру вовсе отказывать въ пенсіи, если онъ знаетъ, что увольняемый чиновникъ имѣетъ собственныя достаточныя средства къ жизни. Пенсіи въ Англіи очень велики и при этомъ предоставляется еще на выборъ чиновнику получать пожизненную пенсію или взять соотвѣтствующій ей капиталъ. Наши пенсіи по закону не велики, но извѣстно, что давно въ этомъ случаѣ руководствуются особыми правилами.

На подъемъ посылаемымъ и перемѣщаемымъ чиновникамъ англичане даютъ, повидимому, скупѣе французовъ, подъемныя особенно сокращаются при дальнѣйшихъ перемѣщеніяхъ, но такъ какъ англичане рѣдко мѣняютъ чиновниковъ, то въ сущности обѣ системы сводятся къ одному и тому же. Расходы на этотъ предметъ,

а равно на курьеровъ и пр. въ англійскомъ, французскомъ и русскомъ бюджетахъ почти одинаковы, около 300,000 руб. въ годъ.

Мы видимъ, что наше дипломатическое вѣдомство можетъ заимствовать кое-что у англичанъ, у французовъ же ему заимствовать ничего не приходится. Важны, однако, не эти формальныя стороны дипломатической службы, которыя легко могутъ быть измѣнены однимъ, двумя законами, — но тотъ духъ, который ни въ какія законодательныя и другія рамки не укладывается. Въ этомъ случаѣ англійская дипломатія въ особенности заслуживаетъ изученія. Нѣтъ народа, который громкую фразу: „держать высоко знамя своего государства“ съумѣлъ бы сдѣлать такою живою дѣйствительностью.

На свои посольства и миссіи Англія издерживаетъ 1.440,000 р. въ годъ, Франція 1,260,000 руб., Россія съ расходами по курсу около 1.585,000 руб. За десять лѣтъ послѣдняя сумма увеличилась на 400 слишкомъ тысячъ, но эта прибавка не составила, впрочемъ, какой-либо тягости для государственнаго казначейства, потому что одновременно всѣ консульскіе сборы разныхъ наименованій, а равно штрафы съ шкиперовъ положено обращать въ государственный доходъ, кромѣ, однако, сборовъ, взимаемыхъ консулами и агентами, не состоящими въ дѣйствительной службѣ и неполучающими содержанія отъ казны. Этимъ лицамъ предоставляется, попрежнему, обращать взимаемые ими консульскіе сборы въ свою пользу. Въ общемъ итогѣ выходитъ, что Россія какъ будто тратитъ болѣе всѣхъ, между тѣмъ наши вознагражденія въ среднемъ гораздо менѣе англійскихъ. Несогласіе зависитъ, очевидно, отъ того, что въ расходъ нашихъ посольствъ включено содержаніе ихъ зданій и пр., въ Англіи и Франціи показанное въ бюджетѣ особою статьею. Англичане даютъ среднимъ числомъ своимъ посламъ 80,000 р. въ годъ, мы—50,000 р., посланникамъ—отъ 30,000 р., мы—отъ 15 до 30,000 р., первымъ секретарямъ—отъ 7,200 до 9,000 р., мы—отъ 4 до 6,000 р. и т. д. При этомъ назначеніи окладовъ приняты во вниманіе не столько важность поста, сколько относительная дороговизна жизни въ разныхъ мѣстахъ. Вообще жалованье для Востока, особенно дальняго, и для Америки значительно выше окладовъ для Европы, что и вполнѣ справедливо, такъ какъ дипломатическая служба въ Европѣ можетъ привлекать и людей достаточныхъ, желающихъ только занимать извѣстное положеніе въ обществѣ, трудъ здѣсь также чрезвычайно облегченъ въ миссіяхъ

гласностью всѣхъ явленій политической жизни при помощи періодической печати.

Расходы на консуловъ находятся въ обратномъ отношеніи. Франція издерживаетъ на нихъ 2.096,000 р., имѣя 217 штатныхъ консуловъ и 517 нештатныхъ, Англія расходуетъ 1.771,000 р., имѣя 318 штатныхъ консуловъ и 347 нештатныхъ. Расходъ Россіи на консуловъ, включая и нѣкоторые хозяйственные расходы, только 770,000 р. Конечно, наша внѣшняя торговля, сравнительно съ англійскою, ничтожна, но во всякомъ случаѣ разница въ расходахъ на дипломатическую часть и консульскую по русскому бюджету не лишена значенія.

Консулъ всегда разсматривается какъ главный защитникъ интересовъ торговли и промышленности государства, его назначившаго, потому по мѣрѣ того, какъ развиваются торговые обороты между народами, возвышается значеніе консуловъ и увеличивается ихъ вліяніе на ходъ мирныхъ международныхъ отношеній. Этимъ обстоятельствомъ можно себѣ объяснить, почему число консуловъ постоянно увеличивается во всѣхъ странахъ. У насъ, очевидно, еще роль консуловъ недостаточно твердо опредѣлилась и ихъ положеніе относительно дипломатическихъ миссій считается второстепеннымъ.

Ни одно государство не имѣетъ средствъ оплачивать всѣхъ своихъ консуловъ изъ государственнаго казначейства и каждое предоставляетъ нештатнымъ консуламъ брать вмѣсто жалованья консульскіе сборы въ свою пользу; тутъ замѣчается, однако, большая разница. Подобное разрѣшеніе не обременительно въ Англіи. Англійскіе консулы не имѣютъ права облагать торговое судоходство, потому ихъ сборы немногочисленны и со всѣхъ концовъ міра англійское правительство получаетъ въ общемъ итогѣ отъ своихъ штатныхъ консуловъ 480,000 руб., у французовъ сборы уже гораздо отяготительнѣе, ихъ поступаетъ отъ штатныхъ консуловъ въ государственное казначейство 700,000 р. Наши сборы отъ штатныхъ консуловъ составляютъ среднимъ числомъ 225,000 рублей, столько же, вѣроятно, собирается нештатными. Такой сборъ чрезвычайно обременителенъ: наше мореходство и число путешественниковъ во сто разъ менѣе англійскихъ, сборовъ же взимается только въ половину противъ англійскаго, притомъ большая часть сборовъ взимается съ ничтожнаго числа русскихъ судовъ, плавающихъ заграницею.

Пошлины, собираемыя съ судоходства, не только высоки и не-

равномѣрны, но и нисколько не соотвѣтствуютъ услугамъ, оказываемымъ нашими консулами. Есть заграничные порты, гдѣ даже Русское общество пароходства и торговли, имѣя постоянныя и срочныя сношенія, не получаетъ доходовъ, достаточныхъ для покрытія консульскихъ сборовъ. Такъ какъ пошлины эти взимаются не съ груза, а съ валовой и ластовой вмѣстимости и судно должно платить 6 коп. за ластъ, вмѣсто 2 коп., если имѣетъ хотя одинъ пудъ груза, то наши суда, во избѣжаніе уплаты консульскихъ сборовъ, въ промежуточныхъ портахъ отказываются брать товары, т. е. заводить тамъ торговыя сношенія. Эти нелѣпые поборы давно слѣдуетъ отмѣнить; къ сожалѣнію, профессоръ Мартенсъ оставилъ ихъ въ своемъ проектѣ новаго консульскаго устава.

Организація консульскаго персонала совсѣмъ иная въ Англіи, чѣмъ во Франціи. У послѣдней консулы похожи на нашихъ, съ тою разницею, что французы безъ всякой надобности безпрерывно перемѣщаютъ своихъ консуловъ изъ Китая въ Чили, изъ Чили въ Норвегію, изъ Норвегіи въ Африку и т. д. Англичане, встрѣчая повсюду колоніи своихъ подданныхъ, образованныхъ и богатыхъ, находятъ возможнымъ имѣть особый классъ консуловъ, которые состоятъ въ службѣ, но, занимаясь собственными торговыми дѣлами, жалованья не требуютъ, а довольствуются лишь незначительнымъ вознагражденіемъ на канцелярскіе расходы. Подобные консулы имѣются даже въ такихъ важныхъ пунктахъ, какъ Амстердамъ или Батавія.

Не менѣе настоятельно требуются и измѣненія въ личномъ составѣ нашихъ консуловъ и въ способѣ ихъ дѣйствій.

До сихъ поръ наши консулы ограничивались болѣе исполненіемъ извѣстныхъ формальностей по прописке русскихъ судовъ, по заботамъ о русскихъ мореходцахъ, по охраненію наслѣдствъ русскихъ подданныхъ и т. п.; на Востокѣ они имѣли и судебныя функціи. Роль консуловъ въ смыслѣ содѣйствія русской внѣшней торговлѣ была самая скромная. Между тѣмъ, эта роль и имѣлась главнымъ образомъ въ виду еще при учрежденіи при Петрѣ Великомъ перваго русскаго консульства „въ Бурдо“ (Бордо). Содѣйствіе консуловъ торговлѣ выражалось въ неаккуратной пересылкѣ жиденькихъ отчетовъ, которые департаментъ внутреннихъ сношеній Министерства Иностранныхъ Дѣлъ присылалъ въ департаментъ торговли и мануфактуръ Министерства Финансовъ, съ просьбою возвратить „по минованіи надобности“. Надобность эта появилась лишь очень недавно, когда отчеты консуловъ стали публиковаться въ

„Вѣстникѣ Финансовъ"; но этого еще крайне недостаточно. Донесенія консуловъ получатъ значеніе только тогда, когда будетъ имѣться учрежденіе для разсмотрѣнія этихъ донесеній, для обработки ихъ и для извлеченія для правительства полезныхъ свѣдѣній. До того же консульскія донесенія—тѣ же газетныя корреспонденціи, только болѣе скучныя.

Объ организаціи центральнаго надзора за консулами по торговой части, подобнаго тому, который существуетъ въ англійскомъ Board of Trade, у насъ нѣтъ пока и рѣчи, да ему должно предшествовать пополненіе консуловъ спеціалистами тамъ, гдѣ въ этомъ предстоитъ безотлагательная надобность.

Странно, напримѣръ, что даже въ такихъ первоклассныхъ портахъ, какъ Антверпенъ и Роттердамъ, гдѣ сдѣлки съ русскими товарами совершаются ежегодно на десятки милліоновъ рублей и куда ежегодно заходятъ русскія торговыя суда, нѣтъ до сихъ поръ штатныхъ консуловъ и обязанности послѣднихъ исправляютъ иностранцы. Въ Портъ-Саидѣ, который съ развитіемъ движенія по Суэзскому каналу пріобрѣлъ такое огромное значеніе для торговли, также нѣтъ штатнаго консула и русское представительство довѣрено германцу.

Еще болѣе странно, что въ Остъ-Индіи, которую, по мнѣнію иностранцевъ, мы будто бы готовы проглотить во всякое время, нѣтъ до сихъ поръ русскихъ штатныхъ консуловъ. Лѣтъ десять назадъ было учреждено, правда, консульство въ Бомбеѣ, съ жалованіемъ 7,000 руб. золотомъ въ годъ, но оно никогда не замѣщалось, какъ слышно потому, что изъ нашихъ дипломатовъ не нашлось охотника жить въ городѣ съ такимъ непріятнымъ климатомъ! Возстановленіе консульства или еще лучше учрежденіе генеральнаго консульства въ Бомбеѣ и штатныхъ консульствъ въ Пойнтъ де-Геллѣ на Цейлонѣ, куда постоянно заходятъ суда, идущія изъ Россіи въ Тихій океанъ, и въ Карачи — нашемъ соперникѣ въ хлѣбной торговлѣ, безусловно необходимо.

Красное море, гдѣ сталкиваются теперь интересы англійскіе, турецкіе, итальянскіе и французскіе, также не можетъ быть оставлено безъ русскаго штатнаго консула. Выборъ мѣстопребыванія для послѣдняго въ Джеддѣ, Суакимѣ или Масовѣ долженъ быть предоставленъ ближайшему изслѣдованію. Лучше всего, кажется, избрать Джедду, ибо этотъ городъ, какъ портъ Мекки, постоянно посѣщается большимъ числомъ русскихъ подданныхъ.

Нельзя оставить безъ русскихъ консуловъ и южной и западной

Африки. Колоніальные интересы европейскихъ державъ здѣсь очень напряженны. Кромѣ того, тамошнія мѣстности могутъ играть роль на случай крейсерской войны. Штатный консулъ необходимъ поэтому въ Кептоунѣ, куда уже не рѣдко заходятъ русскія военныя суда и по сосѣдству съ которымъ лежатъ страны, конкурирующія съ нами по вывозу шерсти и др. продуктовъ. Консулъ понадобится и въ одномъ изъ пунктовъ новоиспеченнаго государства Конго.

Въ Америкѣ мы не имѣемъ штатныхъ консуловъ въ такихъ первоклассныхъ по торговому значенію пунктахъ, какъ Буэносъ-Айресъ, Новый-Орлеанъ и Гаванна. Два первые особенно важны. Буэносъ-Айресъ потому, что вывозимыя изъ него: шерсть, кожа, сало и пр. сырые продукты составляютъ сильную конкурренцію русской торговлѣ на европейскихъ рынкахъ; Новый-Орлеанъ—по значенію его для снабженія Россіи американскимъ хлопкомъ. Гаванна имѣетъ значеніе по болѣе частому посѣщенію ея порта русскими судами. По открытіи Панамскаго канала штатнаго консула придется по всей вѣроятности имѣть и въ Панамѣ или Аспинвалѣ.

Наконецъ, есть цѣлая часть свѣта, Австралія, гдѣ нѣтъ ни одного нашего штатнаго представителя. Иные подумаютъ, что Австралія такъ удалена, что тамъ рѣшительно нечего дѣлать представителямъ Россіи, но это великое заблужденіе. Австралія интересна для насъ въ очень многихъ отношеніяхъ. Прежде всего важнѣйшіе австралійскіе порты: Мельбурнъ и Сидней, и теперь посѣщаются русскими военными судами. Затѣмъ по торговлѣ сырьемъ Австралія представляетъ для Россіи одного изъ опаснѣйшихъ соперниковъ на всемірныхъ рынкахъ, и очень важно знать экономическое состояніе этой страны. Въ политическомъ отношеніи близкое знаніе Австраліи очень важно, какъ по отношенію къ Англіи ея богатыхъ австралійскихъ колоній, такъ и по дѣятельному участія въ австралійской колоніальной политикѣ нѣмцевъ и французовъ, отчасти испанцевъ и голландцевъ. Въ случаѣ крейсерской войны Австралія навѣрное будетъ очень важнымъ мѣстомъ для русскихъ военныхъ крейсеровъ, между тѣмъ мы такъ мало имѣемъ связей въ тѣхъ мѣстахъ. Учрежденія генеральнаго консульства въ Сиднеѣ или Мельбурнѣ и нѣсколькихъ штатныхъ вице-консульствъ въ другихъ пунктахъ (въ Брисбэнѣ, Аделаидѣ, Нумэа и т. п.), съ назначеніемъ на эти должности по преимуществу образованныхъ морскихъ офицеровъ, дѣло чрезвычайно полезное и своевременное.

Мы можемъ указать еще на одинъ пробѣлъ въ нашей дипломатической организаціи за-границею. Хотя консулы и др. агенты

назначаются для покровительства русской торговли, а отчасти для собиранія о ней точныхъ свѣдѣній, которыя могли бы служить съ пользою для нашихъ купцовъ и фабрикантовъ, но долгій опытъ показалъ, что наши консулы, отчасти за недостаткомъ времени, отчасти пополняясь обыкновеннымъ бюрократическимъ путемъ, за отсутствіемъ необходимыхъ познаній, довольно небрежно исполняютъ эту часть своихъ обязанностей. Свѣдѣнія доставляются ими рѣдко и вообще неаккуратно. Министерство Финансовъ имѣетъ еще, правда, въ Европѣ своихъ спеціальныхъ агентовъ, но эти агенты занимаются болѣе преслѣдованіемъ поддѣлывателей фальшивыхъ кредитныхъ бумагъ и другими служебными порученіями, къ тому же ихъ только трое на всю Европу, и нѣтъ ни одного агента въ Азіи и Америкѣ, гдѣ именно особенно желательно развитіе торговыхъ сношеній съ Россіей. Существующіе по закону агенты горнаго вѣдомства заграницею не замѣщаются, а вновь учрежденныя агенства Министерства Путей Сообщенія еще ничѣмъ себя не заявили. Намъ кажется, что, подобно тому какъ при важнѣйшихъ заграничныхъ миссіяхъ нашихъ учреждены уже посты военныхъ агентовъ, собирающихъ всѣ свѣдѣнія объ измѣненіяхъ въ организаціи иностранныхъ армій, слѣдовало бы образовать, хотя при нѣкоторыхъ миссіяхъ, особые посты торговыхъ агентовъ изъ лицъ спеціально образованныхъ и подготовленныхъ для этого дѣла. На первый разъ весьма полезно было бы назначеніе такихъ агентовъ въ Турцію, Ость-Индію, Китай, Японію и Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ имѣетъ у насъ чрезвычайно сложныя и разнообразныя обязанности, но по существу своему онѣ главнымъ образомъ касаются полиціи. Тѣмъ удивительнѣе было, что болѣе сорока лѣтъ государственная полиція составляла особое вѣдомство и сосредоточивалась въ такъ называемомъ III Отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи. Только въ 1880 г. послѣдовалъ указъ объ упраздненіи Третьяго отдѣленія и слитіи его съ департаментомъ полиціи исполнительной, подъ названіемъ департамента полиціи. Это перемѣщеніе департаментовъ, съ виду только актъ внутренняго административнаго распорядка, на дѣлѣ для тѣхъ, кому знакомы основанія нашего государственнаго устройства, являлось громадной государственной реформой.

Исполнилось завѣтное желаніе каждаго русскаго гражданина, чтобы верховная власть стояла лицомъ къ лицу съ народомъ, безъ посредства тайныхъ канцелярій, съ довѣріемъ къ спокойному до-

инству и благоразумію милліоннаго неселенія, исторически заявившаго свою преданность Царствующему Дому въ самыя трудныя минуты, а не къ искусству нѣсколькихъ лицъ, сокровенныя дѣйствія которыхъ лишены всякаго контроля съ обѣихъ сторонъ, т. е. какъ со стороны верховной власти, такъ и со стороны общества.

Славянофилы, одни сколько нибудь разумно формулировавшіе философію нашей исторіи, видя въ Россіи государство, создавшееся безъ завоеванія одной національности другою, а по свободному избранію, повторившемуся съ такою силою въ великомъ актѣ собора 1613 года, опредѣлили, что основное начало нашего государственнаго устройства есть „согласіе“ Государства (т. е. правительства) и Земли (т. е. народа). „Безъ государя, гласили грамоты, приглашавшія на соборъ, окончившійся единогласнымъ избраніемъ дома Романовыхъ, московскому государству стоять нельзя, печься объ немъ и людьми божіими промышлять некому; безъ государя въ достоль московское государство разорять все: безъ государя государство ничѣмъ не строится и воровскими заводами на многія части раздѣляется и воровство многое множится“...

Въ государствѣ, основанномъ на подобномъ согласіи, понятно, нѣтъ мѣста тайнымъ канцеляріямъ. Ихъ не было въ московской Россіи. Приказъ „тайныхъ дѣлъ“ симпатичнѣйшаго изъ царей московскаго періода, Алексѣя Михайловича, ровно ничего тайнаго не заключалъ, а служилъ домашней канцеляріей тишайшаго царя. Только съ Петра, когда нетерпѣніе въ проведеніи реформъ и нѣкоторое презрѣніе къ естественному консерватизму массы произвело розпь между правительствомъ и народомъ, устроилась первая тайная канцелярія подъ именемъ Преображенскаго приказа.

Въ XVIII вѣкѣ, когда по несчастному стеченію обстоятельствъ почти всѣ царствованія начинались переворотомъ, а во главѣ дѣлъ стояли иностранцы, или „случайные“ люди, роль тайныхъ канцелярій росла и укрѣплялась. Петръ III, или, вѣрнѣе, окружавшая его клика, которая нѣсколькими либеральными реформами хотѣла возстановить популярность императора, уничтожилъ тайную канцелярію. Въ манифестѣ, изданномъ по этому поводу, говорилось: „Со времени Петра Великаго отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ; но какъ тайная канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ, то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣй-

шими клеветами обносить своихъ начальниковъ или непріятелей. Манифестъ обѣщалъ уничтоженіе канцеляріи навсегда, тѣмъ не менѣе тайная канцелярія очень скоро возстановилась, называясь при Екатеринѣ II и Павлѣ тайною экспедиціей, при Александрѣ I министерствомъ полиціи, а съ царствованія Николая I Третьимъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи.

При каждомъ изъ этихъ преобразованій у правительства имѣлась повидимому полезная цѣль: создать коррективъ административному произволу и замѣнить отсутствіе правосудія, несуществовавшую гласность и молчавшее общественное мнѣніе наблюденіемъ агентовъ болѣе или менѣе независимыхъ и поставленныхъ въ прямое соотношеніе съ высшей администраціей. Но опытъ прямо говорилъ, что подобная цѣль не достигалась. Какъ еще при Петрѣ понятіе „фискала“ сдѣлалось ненавистнымъ народу, такъ и затѣмъ ни въ одномъ изъ своихъ видоизмѣненій политическая полиція не могла заслужить въ Россіи ни малѣйшей популярности.

Извѣстны были нѣкоторыя полезныя дѣйствія тайной канцеляріи, но смѣна нѣсколькихъ негодныхъ чиновниковъ, укрощеніе слишкомъ жестокихъ помѣщиковъ и заступничество за женщинъ, преслѣдуемыхъ съ корыстными и другими цѣлями мужьями и родными, не въ состояніи были примирить общество съ учрежденіемъ, основаніемъ которому служило недовѣріе къ этому обществу и дѣйствія котораго, по ихъ совершенной безконтрольности, могли истолковаться въ какую угодно сторону.

При вступленіи на престолъ покойнаго Государя, когда жизнь закипѣла въ застоявшемся тѣлѣ имперіи, Третье отдѣленіе съ его миѳическими креслами для сѣченія дамъ и глухонѣмыми чиновниками стало курьезнымъ анахронизмомъ. Подъ управленіемъ князя В. А. Долгорукова Отдѣленіе существовало болѣе номинально и не упразднялось развѣ потому, что у администраторовъ того времени чуть не съ дѣтства внѣдрилось преувеличенное понятіе о благодѣтельности учрежденія, стоявшаго внѣ закона и о которомъ даже составители Свода Законовъ изъ страха не рѣшились обмолвиться ни однимъ словомъ.

Рядъ преступныхъ покушеній на жизнь Александра II, начавшійся съ 1866 г. со стороны горсти одурѣвшихъ анархистовъ, далъ новую жизнь обреченному смерти Отдѣленію. Графъ П. А. Шуваловъ сдѣлалъ послѣднее центромъ нашей внутренней политики. При Шуваловѣ былъ изданъ рядъ мѣръ, по которымъ казалось, что Россія, эта исконная страна согласія верховной власти и народа,

такое государство, гдѣ политическія преступленія составляютъ чуть не повседневное явленіе. Понятно, что въ дѣйствительности Россія никогда не падала такъ низко и государственный строй ея всегда оставался въ существѣ здоровымъ.

Система графа Шувалова, поддерживаемая по рутинѣ его преемниками, состояла въ прискорбномъ смѣшеніи въ разрядъ государственныхъ преступленій не только преступныхъ дѣяній анархической — революціонной партіи, съ которою ведетъ теперь безпощадную войну вся образованная Европа, но и каждаго проявленія оппозиціи правительству и даже простого выраженія неудовольствія на дѣйствія администраціи, столь естественнаго въ странѣ обширной, молодой и далеко не устроенной. При подобномъ воззрѣніи количество государственныхъ преступленій росло очень быстро. Неосторожный споръ на полкѣ въ банѣ о судебной реформѣ двухъ лицъ представлялся событіемъ, требовавшимъ экстреннаго разслѣдованія. Въ погонѣ за мелочными фактами пропускались безъ вниманія крупныя проявленія злой воли и въ заключеніе всего вмѣсто успокоенія явилось неудовольствіе въ такихъ именно слояхъ общества, которыя составляютъ главную опору каждаго правительства. Расширяя кругъ своего недовѣрія, администрація дошла до того, что не только печать и выборныя учрежденія, но даже судъ по назначенію отъ правительства казался подозрительнымъ. При графѣ Паленѣ ни одинъ судебный слѣдователь не утверждался, напримѣръ, въ должности, очевидно отъ недовѣрія къ этому институту, на которомъ лежитъ разысканіе преступниковъ и который по принципу долженъ быть консервативнымъ.

Послѣдствія извѣстны. Ограниченія общества не умѣряли, а поощряли дерзость революціонеровъ-анархистовъ. Послѣдніе очевидно разсчитывали на усиленіе общаго неудовольствія. Графъ Лорисъ-Меликовъ вмѣсто усиленія строгостей обратился къ содѣйствію общества. Принявъ въ свое вѣдѣніе Третье отдѣленіе, графъ понялъ, что тайныя канцеляріи и застѣнки — устарѣлое, безсильное и вовсе непригодное оружіе въ наше время. Взволнованное общество успокоивается не подземными слѣдствіями и дознаніями, а ясной программой дѣйствій, полной довѣрія и къ силамъ народа, и къ его здравому смыслу. Вмѣсто хлопотъ объ увеличеніи значенія подчиненнаго ему учрежденія, расширенія денежныхъ средствъ Отдѣленія, прибавки числа агентовъ, графъ имѣлъ патріотизмъ ходатайствовать объ упраздненіи учрежденія, которое было не въ силахъ предупредить прискорбныя событія послѣднихъ лѣтъ и еще

менѣе имѣло возможность найти цѣлебное средство отъ угрожавшихъ намъ золъ. Ни одно изъ четырехъ покушеній на жизнь Александра II не было предупреждено, несмотря даже на чрезвычайную сложность приготовленій къ этимъ преступленіямъ. Когда передъ Государемъ представлена была вся правда о III Отдѣленіи, вся вредная безполезность для государства отъ этого учрежденія, онъ не задумался отмѣнить его и прибавилъ прекрасную страницу къ исторіи своего царствованія.

Администрація не отказалась, конечно, отъ права имѣть политическую полицію. Даже республиканскія государства, какъ Швейцарія, имѣютъ тайныхъ агентовъ и секретные фонды, но великая разница между неизбѣжнымъ зломъ и учрежденіемъ, стоявшимъ на такой высотѣ, на какой стояло Третье отдѣленіе. Политической полиціи отведено теперь въ Россіи подабающее ей спеціальное назначеніе. Тайная же канцелярія въ смыслѣ руководителя внутренней политики, съ лицомъ во главѣ, которое имѣетъ ежедневный доступъ къ государю и по своему положенію первенствуетъ передъ всѣми другими органами правительства, такая канцелярія похоронена надолго, надѣемся навсегда.

Годомъ ранѣе было положено начало преобразованію на совершенно новыхъ началахъ нашей тюремной части, учрежденіемъ въ составѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ главнаго тюремнаго управленія. Въ общемъ новое учрежденіе явилось въ томъ видѣ, какъ оно было проектировано комиссіею о тюремномъ преобразованіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота.

Новое учрежденіе образовалось изъ отдѣленія департамента полиціи исполнительной, вѣдавшаго дѣлопроизводствомъ по тюремной части, и изъ канцеляріи при президентѣ попечительнаго общества о тюрьмахъ, но устроено на началахъ нѣсколько отличныхъ отъ другихъ высшихъ административныхъ управленій.

Наши министерскіе департаменты, какъ извѣстно, имѣютъ по закону весьма небольшой кругъ собственной власти и представляютъ только канцеляріи министра по извѣстнымъ отраслямъ администраціи; начальникъ же тюремнагоу правленія собственною властью расходуетъ всѣ ассигнованные по смѣтамъ на тюремное управленіе кредиты и принимаетъ вообще всѣ распорядительныя мѣры, необходимыя для дѣйствія существующихъ законовъ по тюремной части, не испрашивая каждый разъ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

Совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ, вновь образованный при мин

стерствѣ внутреннихъ дѣлъ, также отличается отъ другихъ нашихъ административныхъ совѣтовъ. Предсѣдателю и членамъ этого совѣта не полагается никакого содержанія, членами совѣта могутъ быть даже лица, не состоящія вовсе въ государственной службѣ. Дѣятельность совѣта, между тѣмъ, довольно значительна. Въ совѣтъ поступаютъ всѣ новыя предположенія, касающіяся тюремнаго устройства, порядка пересылки арестантовъ, организаціи частныхъ тюремныхъ учрежденій и обществъ, нравственнаго исправленія заключенныхъ, улучшенія тюремнаго хозяйства, порядка управленія и отчетности, а также проекты общихъ смѣтъ доходовъ и расходовъ по тюремной части, годовые отчеты о дѣятельности тюремнаго управленія, и т. д. При главномъ тюремномъ управленіи состоятъ шесть инспекторовъ, которые командируются по мѣрѣ надобности для осмотра мѣстъ заключенія и ссылки. Согласно указаніямъ начальника главнаго тюремнаго управленія, инспектора собираютъ на мѣстахъ необходимыя свѣдѣнія и данныя, производятъ ревизіи мѣстныхъ учрежденій тюремнаго управленія и направляютъ ихъ дѣйствія, а также принимаютъ участіе въ составленіи предположеній и работъ по устройству тюремныхъ учрежденій.

Такова въ общихъ чертахъ организація новаго учрежденія. Безъ всякаго сомнѣнія, достоинство этой организаціи можетъ оказаться только на практикѣ; несомнѣнно одно, что тюремная часть въ Россіи давно требовала радикальныхъ преобразованій, унаслѣдовавъ отъ прошлаго весьма дурныя традиціи. Не говоря уже объ XVIII столѣтіи, когда пытка со всѣми ея ужасами царила во всѣхъ тюрьмахъ, даже въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, какъ видно изъ записки Магницкаго, напечатанной въ „Русской Старины“, въ тюрьмахъ господствовалъ ужасный произволъ.

Магницкій жаловался министру внутреннихъ дѣлъ, гуманному графу Кочубею, что въ тюрьмахъ, вопреки закону, употребляются истязанія въ видѣ колодокъ, рогатокъ и тяжелыхъ кандаловъ. Осматривавшій въ это время тюрьмы англичанинъ Веннингъ даже въ Петербургѣ въ смирительномъ домѣ видѣлъ „бѣдныхъ женщинъ въ желѣзныхъ рогаткахъ, на которыхъ по три острыхъ спицы длиною 8 дюймовъ и такъ вдѣланы, что онѣ не могутъ ложиться ни днемъ, ни ночью, хотя бы нѣсколько дней, сряду въ ней содержались“. Министръ юстиціи, князь Лобановъ-Ростовскій, возражалъ противъ записки Магницкаго, но императоръ Александръ I замѣтилъ, что онъ „самъ лично видѣлъ рогатки на шеѣ у многихъ

содержимыхъ въ петербургскомъ смирительномъ домѣ, равномѣрно и въ прочихъ губерніяхъ".

Введеніе новыхъ болѣе легкихъ кандаловъ было, однако, дозволено лишь тамъ, гдѣ устроены надежныя тюремныя зданія. Въ 1826 году императоръ Николай, по докладѣ, что преступниковъ приковываютъ на съѣзжихъ дворахъ цѣпями за шею, вновь повелѣлъ „не изобрѣтать ничего подобнаго". Нѣтъ сомнѣнія, что практика и въ позднѣйшее время была далека отъ гуманныхъ предписаній правительства.

Мы коснулись только одного вопроса — жестокаго обращенія, уничтожающагося быстро подъ вліяніемъ просвѣщенія, но сколько еще сохраняется въ нашихъ тюрьмахъ злоупотребленій по части продовольствія, одежды арестантовъ и др. сторонамъ тюремной жизни. Раскрытіе этихъ злоупотребленій и устройство тюремной части и ссылки въ возможно благообразномъ видѣ стало, конечно, одною изъ первыхъ задачъ новаго центральнаго тюремнаго управленія. Оно озаботилось также нравственнымъ просвѣщеніемъ арестантовъ и приняло мѣры, чтобы наши тюрьмы не оставались академіями разврата, гдѣ въ конецъ растлѣваются молодые преступники сообществомъ съ закоренѣлыми злодѣями. Благодаря новому тюремному управленію, упорядочилась также ссылка въ каторжныя работы на Сахалинъ и облегчилась служба нашей арміи порученіемъ охраны тюремъ спеціальной тюремной стражѣ.

Можно пожалѣть, однако, что не осуществилось предположеніе подчинить тюремное управленіе Министерству Юстиціи. Управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ превосходитъ силы одного человѣка, между тѣмъ министръ юстиціи, имѣя у себя только два департамента (юстиціи и межевой), могъ бы съ бо́льшимъ вниманіемъ заняться тюремною частью.

Нѣтъ также никакой необходимости, чтобы департаментъ иностранныхъ исповѣданій находился у насъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; съ августа 1880 г. по мартъ 1881 г. онъ былъ отдѣленъ отъ этого министерства, и никакихъ отъ того неудобствъ не происходило. Съ присоединеніемъ дѣлъ о раскольникахъ, производимыхъ теперь въ департаментѣ общихъ дѣлъ, и съ переименованіемъ въ департаментъ неправославныхъ исповѣданій или духовныхъ дѣлъ, онъ могъ бы быть соединенъ съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, дѣятельность котораго вращается въ слишкомъ узкомъ кругу и потому неизбѣжно односторонняя.

ГЛАВА V.

Министерства.

Почтовая часть.— Министерство Народнаго Просвѣщенія.— Вѣдомство учрежденій императрицы Маріи. — Государственный Контроль.— Проектъ министерства окраинъ.

Едва ли въ нашъ вѣкъ найдется болѣе важная функція въ общественномъ смыслѣ, какъ почтовая и телеграфная дѣятельность. При помощи ихъ—мысли всѣхъ головъ не только въ Европѣ, но и во всемъ мірѣ поддерживаются во взаимномъ общеніи, приводятся, такъ сказать, къ одному знаменателю. Уничтожить почты и телеграфъ равносильно было бы—въ одно поколѣніе вернуть человѣчество за пять вѣковъ назадъ. А между тѣмъ, не смотря на подобное культурное значеніе почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній, на нихъ у насъ не обращали никакого вниманія, и если организація телеграфовъ—дѣла новаго—еще сравнительно была удовлетворительна, то почтовая часть въ Россіи пребывала въ первобытномъ состояніи и чувствовалось полное отсутствіе сознанія первостепенной важности роли почты въ государственномъ организмѣ.

Когда послѣ заграничныхъ почтамтовъ, помѣщающихся во дворцахъ, съ ихъ удивительнымъ механизмомъ, приходилось знакомиться съ нашими почтовыми управленіями, то невольно воображеніе переносилось за сто лѣтъ назадъ, когда почта служила для перевозки казенныхъ пакетовъ, частная же корреспонденція была прихотью. Почта долго представлялась для насъ въ видѣ полупьянаго почталіона на перекладной, вязнущей по ступицу въ грязи, въ видѣ разорванныхъ кожаныхъ чемодановъ съ надписью: „1806 годъ“, наполненныхъ казенными рапортами и предписаніями, или письмами, которыя помѣщики не торопятся распечатывать, а откладываютъ до другаго

дня, недоумѣвая, кто это побезпокоилъ ихъ своимъ писаніемъ—сцена „художественно воспроизведенная г. Гончаровымъ въ „Обломовѣ“. Для сравненія стоило взглянуть на почту въ другихъ странахъ. Когда везутъ, напр., остъ-индскую почту, то едва съ обсерваторіи замѣчается на горизонтѣ дымокъ парохода, начинаютъ разводить паръ въ локомотивѣ; затѣмъ особый поѣздъ, состоящій только изъ этого локомотива и одного вагона съ почтовою корреспонденціей, немедленно отправляется черезъ Европу, съ невѣроятною скоростью 90 верстъ въ часъ, уплачивая тысячу фунтовъ стерлинговъ штрафа за каждый просроченный часъ. Такая система перевозки обходится конечно не дешево; сборы не покрываютъ, быть можетъ, и третьей части расходовъ; но англичане мало объ этомъ безпокоятся, зная, что почта, которая доставитъ правительству сто фунтовъ сбора, везетъ писемъ и приказовъ о дѣлахъ на десятки милліоновъ фунтовъ, отъ которыхъ Англія извлечетъ выгоды, далеко покрывающія приплаты на расходы почты или почтоваго пароходства.

Если публика наша сохраняла устарѣлый взглядъ на почту, то и почтовое вѣдомство долгое время держалось чисто-допотопныхъ традицій, не только не соображая, что цѣль его—удовлетворять интересамъ публики, а скорѣе полагая, кажется, что публика существуетъ только для излишняго безпокойства почтовыхъ чиновниковъ. Соотвѣтственно съ такимъ архаическимъ взглядомъ на почтовую часть, у насъ выработывался и персоналъ почтовыхъ чиновниковъ. О спеціальности тутъ не было и рѣчи. Женскій трудъ, который особенно удобно приложимъ къ почтовымъ операціямъ, не утилизировался, вознагражденіе почтовымъ чиновникамъ полагалось мизернѣйшее. Оно было нѣсколько повышено, но не достигло даже тѣхъ суммъ, которыя высшіе чиновники получали отъ хвостовъ и копытъ почтовыхъ лошадей на станціяхъ, а низшіе—отъ праздничныхъ подачекъ помѣщиковъ и купечества. Конечно, одними повышенными окладами почтовая часть не могла улучшиться, но и привлечь способныхъ людей въ почтовую службу, оставляя почтовыхъ чиновниковъ на пищѣ св. Антонія, было невозможно. Безъ способныхъ же людей какія могутъ быть улучшенія.

Образчикомъ порядковъ, существовавшихъ у насъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, можно привести тотъ фактъ, что, восемь лѣтъ спустя послѣ открытія Николаевской желѣзной дороги, почта между обѣими столицами перевозилась на лошадяхъ, вслѣдствіе того, что почтовое вѣдомство „въ такой короткій періодъ времени“ не успѣло составить соображеній объ измѣненіи способа передвиженія почтъ! Другой

примѣръ: между Кавказомъ и Константинополемъ существовало получающее номинальную плату русское почтовое пароходство; но бумаги „экстренныя“ и „секретныя“ посылались, изъ осмотрительности, сухимъ путемъ, т. е. приходили мѣсяцемъ позже бумагъ не экстренныхъ. Далѣе: почта изъ Одессы въ Поти, вмѣсто парохода, отправлявшагося туда еженедѣльно и приходившаго къ назначенію въ пять сутокъ, въ теченіе многихъ лѣтъ шла пароходомъ только до Керчи, а затѣмъ сворачивала на Таганрогъ, Ростовъ, Тифлисъ, и приходила въ Поти только на шестнадцатые сутки. Изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ можно было попасть, напримѣръ, въ Баку или другой городъ Каспійскаго побережья дней въ семь или восемь; газеты же туда доставлялись на двадцатый или двадцать-первый день, совершая безконечныя странствованія по кавказскимъ и закавказскимъ горамъ и ущельямъ на перекладной. Если это касалось отдаленнаго захолустья, то вотъ явленіе, уже прямо интересовавшее столицу. Когда было устроено прямое желѣзнодорожное сообщеніе, черезъ Бѣлостокъ, Петербурга съ Одессою, а слѣдовательно съ Крымомъ, Кавказомъ, Турціей, Румыніей, Греціей и Египтомъ и весь путь совершался въ 54 часа, почта между Петербургомъ и Одессою направлялась прежнимъ путемъ, на Курскъ, и газеты и письма, вмѣсто двухъ сутокъ съ небольшимъ, доходили по назначенію лишь на пятый день.

Улучшенія затягивались на полвѣка. Таковы введеніе почтовыхъ марокъ, открытыхъ писемъ, отмѣна частныхъ подорожныхъ и возвышеніе прогонной платы. Подорожная давно сдѣлалась вопіющею несообразностью. Можно было проѣхать въ какой-либо городъ по желѣзной дорогѣ и уѣхать свободно, положимъ, на пароходѣ за тысячу верстъ; если же требовалась поѣздка на почтовыхъ хотя бы за десять верстъ, то слѣдовало получить подорожную; но казначейство не выдавало послѣдней безъ разрѣшенія полиціи, на что, въ свою очередь, требовалась прописка и полученіе разрѣшенія на свободный выѣздъ; такимъ образомъ, вмѣсто полученія лошадей, если дѣло происходило ночью, приходилось ждать слѣдующаго дня, а затѣмъ странствовать въ полицію или ратушу, уѣздное казначейство, и, наконецъ, на почтовую станцію. Съ какою цѣлью продѣлывалась вся эта процедура—никто никогда объяснить положительно не могъ.

Возвышеніе прогонной платы, названное выше улучшеніемъ, объясняется организаціей нашего почтового хозяйства, основаннаго на приплатѣ казенныхъ денегъ. Подобная приплата естественна для передвиженія почты; но доставлять на казенный счетъ облег-

ченіе купцамъ и помѣщикамъ, сворачивающимъ съ желѣзныхъ дорогъ на побочные тракты — нѣтъ логическихъ основаній. Понятно, что подобное случайное движеніе должно вполнѣ окупать себя; а оно не окупалось, вслѣдствіе неномѣрно низкой прогонной платы; послѣдняя имѣла цѣлью облегчать переѣзды на большія разстоянія, но теперь, кромѣ Сибири и Туркестана, не приходится уже въ Россіи совершать большихъ переѣздовъ, пользуясь исключительно почтовыми лошадьми.

Кромѣ этихъ улучшеній, почтовое вѣдомство понижало таксу для писемъ, въ виду принятія Россіей участія въ международномъ почтовомъ союзѣ. Подобная мѣра оправдывалась опытомъ всѣхъ странъ, гдѣ пониженіе почтовой таксы, въ первый разъ испытанное въ Англіи, не только содѣйствовало распространенію почтовой корреспонденціи, торговыхъ дѣлъ и грамотности, но было выгодно и съ фискальной стороны, увеличивая замѣтно доходъ правительства. Къ сожалѣнію, рядомъ съ этимъ, почтовыя правила не пересматривались и изъ нихъ не исключалось множество совершенно излишнихъ и стѣснительныхъ формальностей, которыя безполезно раздражали чиновниковъ и приводили въ отчаяніе публику. Почтовый уставъ давно потерялъ силу, вслѣдствіе изданія въ 1871 г. временныхъ постановленій по почтовой части, равно вслѣдствіе состоявшихся въ 1872, 1873, 1874 и 1878 гг. международныхъ почтовыхъ договоровъ, а также другихъ распоряженій. Всѣ эти разнообразныя распоряженія оставались разсѣянными во множествѣ циркуляровъ по почтовому вѣдомству, гдѣ ихъ и почтовому чиновнику разыскивать было затруднительно, а для частнаго человѣка и совсѣмъ невозможно. Изученіе почтовыхъ правилъ по устарѣлымъ или неполнымъ руководствамъ и по массѣ большею частію измѣненныхъ циркуляровъ затруднялось еще и потому, что съ установленіемъ новыхъ распоряженій не всегда было опубликовано, какія изъ предшествовавшихъ узаконеній слѣдовало считать утратившими силу. Не включая разныхъ дополненій, существовало 1138 правилъ, которыми должны были руководствоваться наши почтовые чиновники, а ежедневно издавались еще новыя, вслѣдствіе развитія и преобразованія почтовыхъ операцій.

Водворился порядокъ въ нашемъ почтовомъ управленіи лишь послѣ слитія его съ телеграфнымъ и учрежденія въ составѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ. Послѣднее весьма энергически принялось за преобразованія: оно совершило съ успѣхомъ сліяніе почтовыхъ и телеграфныхъ

управленій, открыло спеціальное почтово-телеграфное училище въ Петербургѣ, издало новую телеграфную таксу, очень удешевившую сношенія съ отдаленными мѣстностями Россіи, повысило окладъ служащимъ и приступило къ устройству почтовыхъ сберегательныхъ кассъ.

Почтовая корреспонденція въ Россіи быстро увеличивается, хотя цифры общихъ итоговъ ничтожны сравнительно съ цифрами англійской или американской почтовой статистики, но надобно взять во вниманіе грамотность тамошняго населенія, развитіе торговли и затѣмъ быстроту почтовыхъ сообщеній. У насъ есть еще множество мѣстностей, откуда почта ходитъ только разъ въ недѣлю, разъ въ мѣсяцъ и даже разъ въ годъ! Самое же важное—это то, что нерѣдко даже большія поселенія удалены въ Россіи отъ почтовыхъ учрежденій, если только чрезъ нихъ не идетъ трактъ,—понятно, что письменныя сношенія жителей не могутъ быть при такихъ условіяхъ очень оживленны. Соотвѣтственно возрастанію корреспонденціи ростетъ почтовый доходъ. Онъ могъ бы быть еще болѣе, еслибы не пониженіе цѣны почтовой марки, вслѣдствіе вступленія Россіи во всемірный почтовый союзъ. Простыя письма пересылаются теперь въ Россіи дешевле, чѣмъ заграницею, ибо мы платимъ 7 коп. за лотъ, когда во Франціи, напр., берутъ 25 сантимовъ, т. е. по нынѣшнему курсу 9 и 10 коп.

Увеличенія сборовъ показалось, однако, мало ревнителямъ почтовыхъ доходовъ и для усиленія послѣднихъ было затруднено распространеніе по Россіи періодическихъ изданій, подъ предлогомъ, что пересылка ихъ не окупаетъ себя, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ. Подобный проектъ, сочиненный еще въ старомъ почтовомъ департаментѣ, очень страненъ потому, что нельзя вырывать одну операцію изъ общаго ряда почтовыхъ операцій, монополія которыхъ принадлежитъ правительству, и составлять для нея разсчеты прибыльности. Почтовое вѣдомство везетъ за 7 коп. письмо и въ Царское Село и въ Якутскъ, между тѣмъ не трудно доказать, что перевозка послѣдняго письма самому почтовому вѣдомству должна стоить не дешевле рубля. Неужели же письма въ Сибирь, какъ убыточныя для казны, слѣдуетъ обложить поэтому десятерною таксою?

Составители проекта, вычислявшіе убытки отъ газетной операціи, забывали, что почтовое вѣдомство имѣетъ операціи, прибыли отъ которыхъ вовсе не соотвѣтствуютъ производимымъ казною расходамъ — напр., по страхованію почтовой корреспонденціи. За страхъ

почтовое вѣдомство беретъ болѣе 3 милл. руб., а выплачиваетъ за утраченную корреспонденію только 200 т. р. Какой бы крикъ подняла публика, еслибы частное страховое общество позволило себѣ подобные переборы. Отсюда слѣдуетъ, что если почтовое вѣдомство теряло немного на газетной операціи, то выигрывало вдесятеро на страхованіи, и въ общемъ въ убыткѣ не оставалось. Если почтово-телеграфному вѣдомству было необходимо возвышеніе таксы для улучшенія положенія служащихъ, получающихъ все-таки малое, не соотвѣтствующее труду вознагражденіе, то оно должно было искать этого отъ повышенія цѣны почтовой марки на копѣйку, что, нисколько не нарушая интересовъ почтоваго союза и давая милліонъ лишняго дохода, не было бы обременительно для публики, ибо въ Россіи до сихъ поръ еще приходится въ годъ въ среднемъ только $1^1/_2$ письма на каждаго жителя, а курсъ рубля со времени учрежденія всемірнаго союза понизился на 40%.

Рядомъ съ увеличеніемъ доходовъ почтоваго вѣдомства увеличиваются и расходы. Но, для правильнаго сужденія о степени производительности въ Россіи почтовой операціи, изъ расхода на прислату за содержаніе лошадей на почтовыхъ станціяхъ необходимо исключить издержки на содержаніе лошадей, отпущенныхъ для перевозки проѣзжающихъ, такъ какъ эти издержки, какъ было сказано, не составляютъ дѣйствительной потребности почтоваго вѣдомства, между тѣмъ изъ числа содержащихся на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ Имперіи для перевозки почтъ и эстафетъ отпускается немного болѣе одной трети. Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что на почтовомъ вѣдомствѣ лежитъ обязательство безплатной пересылки разнаго рода корреспонденціи всѣхъ правительственныхъ и многихъ общественныхъ и частныхъ учрежденій.

Есть еще фактъ почтовой статистики, не лишенный интереса. Это то, что быстрое распространеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ и пароходства не уменьшаетъ числа проѣзжающихъ на почтовыхъ; такимъ образомъ тѣ, кто, вспоминая романсы „Тройка“, „Вотъ на пути село“ и проч., плачутся о гибели поэтическаго типа ямщика, плачутъ совсѣмъ напрасно. Это постоянство объясняется развитіемъ движенія по подъѣзднымъ путямъ къ желѣзнымъ дорогамъ, которое возмѣщаетъ сокращеніе движенія по шоссе и большимъ трактамъ.

Исторія Министерства Народнаго Просвѣщенія до 60-хъ годовъ была главнымъ образомъ исторіей цензуры. Даже министерство полиціи возставало противъ узкаго обскурантизма Министерства Просвѣщенія и во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1818 г. писало „Пра-

вила, пріемлемыя въ руководство народнаго просвѣщенія по сужденіямъ занимающихся науками и словесностью, кажутся преступающими своими предѣлы... Такимъ образомъ предначертывается образъ ученія, противный образованности вѣка... Всѣ умствованія человѣческія вообще ни что иное, какъ догадки. Неужели для того сжечь творенія Бюффона, Невтона и пр.? Неужели уничтожить глобусы и не смѣть болѣе полагать, что земля вращается вокругъ солнца, потому что сіе противно нѣкоторымъ мѣстамъ библіи?"...

Шестьдесятъ лѣтъ спустя III Отдѣленіе, замѣнившее министерство полиціи, жаловалось на увлеченіе со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія классицизмомъ. Водвореніе послѣдняго поглотило дѣятельность министерства за цѣлую четверть вѣка; эта настойчивость конечно не имѣла недостатка въ панегиристахъ. Заявлялось даже, будто бы „переворотъ, который начался 19-го февраля 1861 года въ области просвѣщенія, хотя отозвался самой необузданной, самой отчаянной борьбою нашей прессы; но означенная система обученія и создала величіе Пруссіи послѣ 1807 г.", а безъ этой системы „ничто въ свѣтѣ не можетъ обезпечить какую бы то ни было страну достаточнымъ запасомъ истинно просвѣщенныхъ ученыхъ и учебныхъ силъ".

Классическая реформа, по правдѣ сказать, ничего общаго съ 19-мъ февралемъ не имѣла, да и не съ 1861 года началась, а нѣсколько позже, когда Катковъ и Леонтьевъ принялись за это дѣло. Уставомъ гимназій 1864 года они были еще недовольны и только уставъ 1871 г. удовлетворилъ ихъ желаніямъ. Затѣмъ, если Пруссія обязана своимъ величіемъ классическимъ гимназіямъ, то надобно признать пруссаковъ весьма неблагодарными, ибо извѣстно, что пруссаки бросили теперь свою старую учебную систему, уменьшили число уроковъ древнихъ языковъ и почти уничтожили различіе между классическими гимназіями и реальными училищами.

Вопросъ о нашей школѣ мы разберемъ далѣе подробно, а теперь скажемъ собственно о кругѣ занятій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Мы не можемъ одобрить неоднократно высказанное предположеніе о пользѣ подчиненія всѣхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній этому министерству. Начало такому сосредоточенію было положено г. Абазою, передавшимъ большинство учебныхъ заведеній Министерства Финансовъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія простымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, безъ какого либо предварительнаго обсужденія въ одномъ изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій. Неизвѣстны мотивы мѣропріятія, но они

могли быть двоякіе: или Министерство Финансовъ, обремененное другими заботами, тяготилось своими заведеніями, или же объединеніе заведеній сдѣлано было въ надеждѣ, что сосредоточеніе учебныхъ заведеній въ одномъ вѣдомствѣ внесетъ въ нихъ необходимую дисциплину.

Противъ перваго предположенія можно однако возразить, что департаментъ торговли и мануфактуръ, которому были подчинены учебныя заведенія Министерства Финансовъ, не только не былъ обремененъ дѣлами, но принадлежалъ къ числу учрежденій съ весьма небольшимъ кругомъ дѣятельности; касательно же дисциплины можно замѣтить, что и Министерству Народнаго Просвѣщенія не удалось водворить его въ собственныхъ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, поэтому нельзя было заранѣе предсказывать, что одинъ фактъ передачи послужитъ началомъ улучшенія въ нравственномъ воспитаніи молодежи. Между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что Министерство Народнаго Просвѣщенія съ его скуднымъ бюджетомъ, не хватающимъ на самыя необходимыя нужды народнаго образованія, не въ состояніи будетъ выказывать такой щедрости, какъ Министерство Финансовъ, по отношенію къ техническому образованію, что въ свою очередь отзовется на успѣхахъ этого образованія въ будущемъ.

У насъ есть не мало учебныхъ заведеній, которыя могли бы быть подчинены Министерству Народнаго Просвѣщенія; таковы напримѣръ, александровскій лицей, училище правовѣдѣнія, женскіе педагогическіе курсы, женскія гимназіи, находящіяся въ особомъ вѣдомствѣ, и т. д.; но не слѣдуетъ однако заботиться непремѣнно, чтобы всѣ учебныя заведенія были сосредоточены въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Тутъ легко дойти до крайности. Такъ, ни военныя, ни духовныя академіи, ни морское, ни театральное училища, ни множество другихъ спеціальныхъ заведеній не могутъ быть отданы Министерству Народнаго Просвѣщенія безъ явнаго ущерба дѣлу, а равно школы техническія, ремесленныя, рисовальныя. Опытъ подчиненія этому министерству мореходныхъ классовъ былъ неудаченъ—классами этими должны руководить моряки, а не отставные филологи. Объ этомъ слѣдуетъ помнить, въ виду того, что и нѣкоторыя другія спеціальныя заведенія могутъ привлечь къ себѣ вниманіе Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое, подобно другимъ нашимъ вѣдомствамъ, каждое пріобрѣтеніе отъ другого вѣдомства должно считать чѣмъ-то въ родѣ завоеванія, всегда почетнаго, хотя бы оно было невыгодно и даже безпо-

лезно. Таково уже свойство бюрократіи всѣхъ странъ и народовъ.

Есть не мало учебныхъ заведеній, которыя существуютъ для извѣстныхъ опредѣленныхъ цѣлей и не имѣютъ въ виду общаго просвѣщенія государства, они нужны лишь тѣмъ вѣдомствамъ, на деньги которыхъ содержатся; таковы, напримѣръ, институтъ путей сообщенія, горный, лѣсной и др. Подобныя заведенія и заграницею находятся въ спеціальныхъ вѣдомствахъ, а не въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, что дѣлается очень понятнымъ, если прослѣдить тѣсную связь, существующую между такимъ учебнымъ заведеніемъ и дѣятельностью вѣдомства, его учредившаго. Въ подтвержденіе этой мысли возьмемъ для примѣра хоть близко намъ извѣстный горный институтъ.

Горный институтъ съ формальной точки зрѣнія учрежденъ для приготовленія ежегодно десяти, пятнадцати горныхъ инженеровъ въ которыхъ нуждается наше горное дѣло, а главнымъ образомъ горная администрація и казенные горные заводы. Во Франціи горная школа исключительно даже существуетъ для приготовленія чиновниковъ горной администраціи. Такая цѣль уже указываетъ на тѣсную связь между горнымъ вѣдомствомъ и его заведеніемъ; на дѣлѣ эта связь еще болѣе тѣсна и неразрывна.

Институтъ обладаетъ музеемъ, который вовсе не учебный музей, а громадная коллекція всѣхъ работъ горныхъ инженеровъ по изученію почвы Россіи; онъ необходимъ горному вѣдомству для дальнѣйшихъ работъ, какъ необходимы и профессора института для участія въ геологическихъ описаніяхъ и рудныхъ развѣдкахъ. Такую же роль играетъ библіотека института. Горное вѣдомство издаетъ на пользу горной промышленности множество книгъ и картъ; эти изданія прежде всего соображаются съ потребностью преподаванія въ институтѣ и, наоборотъ, профессора института главные дѣятели въ этихъ изданіяхъ. Тѣ же профессора члены горнаго ученаго комитета, а какъ предметы горной спеціальности по преимуществу практическіе, то нерѣдко горная администрація изъ профессоровъ и адъюнктовъ института беретъ горныхъ начальниковъ и др. дѣятелей на заводы и, въ свою очередь, профессоры должны служить на заводахъ, дабы практически вполнѣ подготовиться къ своей спеціальности. Студенты лѣтомъ практикуются на заводахъ и рудникахъ, открытыхъ для нихъ горной администраціей, и та же администрація заботится помѣстить сначала на практику, а потомъ на службу возможно большее число лицъ, получившихъ патенты на званіе горнаго инженера. Въ этомъ собственная ея выгода.

Такимъ образомъ, сношенія института и горнаго вѣдомства безпрерывны и, безъ сомнѣнія, полезны, потому что первый получаетъ этимъ путемъ практическое значеніе для русскаго горнаго дѣла, а послѣднее находится подъ постояннымъ вліяніемъ горной науки. Мы не говоримъ уже объ извѣстной пользѣ корпоративнаго духа, который заставляетъ каждаго русскаго горнаго инженера гордиться научными трудами его заведенія, его вѣдомства и т. п. Совсѣмъ другое произойдетъ при передачѣ горнаго института въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Для этого министерства подобный институтъ будетъ одна изъ сотень и тысячъ школъ, находящихся въ его вѣдѣніи, никакого „горнаго" духа въ заведеніи министерство укрѣплять не можетъ. Имѣя чисто канцелярскія сношенія съ горнымъ департаментомъ и никакихъ съ частнымъ горнымъ дѣломъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія не можетъ знать потребностей послѣдняго, не можетъ оказать какую-либо поддержку молодежи и даже профессорамъ института. Способный горный инженеръ не оставитъ своей выгодной карьеры, чтобы посвятить себя исключительно преподаванію за скромное вознагражденіе, имѣя развѣ въ виду на склонѣ лѣтъ сдѣлаться инспекторомъ мореходнаго училища и т. п.

То, что сказано о горномъ институтѣ, прилагается и къ штейгерскимъ школамъ, существующимъ на горныхъ заводахъ прямо для приготовленія ученыхъ мастеровъ. Одинаково прилагается оно къ институту путей сообщенія и къ многимъ другимъ спеціальнымъ заведеніямъ. Единственную реформу, которую можно рекомендовать для нихъ—это учрежденіе со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія большого политехническаго института или школы; тогда можно будетъ упразднить всѣ низшіе курсы спеціальныхъ заведеній, съузить программы послѣднихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшить число студентовъ въ спеціальныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ. Эти заведенія потеряютъ тогда окончательно свой общеобразовательный характеръ, денежныя же средства Министерства Народнаго Просвѣщенія увеличатся.

Вообще же мы того мнѣнія, что для „народнаго просвѣщенія" было бы несравненно полезнѣе теперь, еслибы Министерство Народнаго Просвѣщенія, отказавшись отъ мысли приготовлять инженеровъ, шкиперовъ или агрономовъ, обратило бы свое вниманіе и свои средства на цѣлесообразное народное образованіе, находящееся у насъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что даже такой народолю-

ецъ, какъ Аксаковъ, признавалъ русскаго мужика стоящимъ по бразованію на уровнѣ XII столѣтія!

Затѣмъ если уже расширять непремѣнно кругъ дѣятельности инистра народнаго просвѣщенія, то безъ всякаго затрудненія къ го вѣдомству, хотя на особыхъ правахъ могла бы быть присоединена такъ называемая Собственная Е. И. В. канцелярія по учреждениямъ Императрицы Маріи, образующая теперь какъ бы отдѣльное министерство, причемъ хотя главноуправляющій его членъ Комитета Министровъ, но вѣдомство стоитъ совсѣмъ особнякомъ. Оно до послѣдняго времени считало почему-то нужнымъ держать свой бюджетъ въ тайнѣ. Только о нѣкоторыхъ доходахъ вѣдомства были сообщены г. Безобразовымъ свѣдѣнія въ книгѣ „Государственные доходы Россіи"—свѣдѣнія, полученныя съ большимъ трудомъ; о расходахъ же учрежденій Императрицы Маріи никакихъ данныхъ въ печати не имѣлось, если не считать отрывочныхъ указаній „Военно-статистическаго сборника", пока статсъ-секретарь Гротъ, вступивъ въ управленіе означеннымъ вѣдомствомъ, нашелъ какъ то, что „таинственность" въ расходахъ, касающихся учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій, но меньшей мѣрѣ курьезна, а выгодна развѣ для нѣсколькихъ служащихъ, опасающихся, что публикація суммы, выдаваемой въ пособіе чиновникамъ, возбудитъ зависть другихъ вѣдомствъ и повліяетъ на ограниченіе размѣра наградъ. Вслѣдствіе этого г. Гротъ приказалъ напечатать въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" извлеченіе изъ смѣты доходовъ и расходовъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. Отъ означеннаго разоблаченія финансовыхъ тайнъ цѣлаго вѣдомства, понятно, никакихъ бѣдствій не произошло, но оно однако вторично не повторялось.

По вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи не введены еще ни единство кассы, ни тѣ правила, которыя принимаются въ основаніе при составленіи государственной росписи и которыми руководствуется Государственный Контроль при разсмотрѣніи смѣтъ отдѣльныхъ министерствъ и составленіи государственной отчетности, вслѣдствіе чего и самый порядокъ составленія смѣтъ по этому вѣдомству разнится во многомъ отъ смѣтъ другихъ учрежденій. Ежегодныя смѣты по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи составляются лишь съ 1865 года. Поэтому опубликованная Гротомъ смѣта была такъ сложна и запутана, что разобраться въ ней не легко, не имѣя подъ рукою подробныхъ смѣтъ.

Доходы и расходы вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи

раздѣляются на спеціальные и общіе. Къ спеціальнымъ средствамъ относятся проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ и поступленія отъ различныхъ сословій, учрежденій и лицъ на какой либо извѣстный предметъ. Въ томъ и другомъ случаѣ назначеніе денегъ имѣетъ строго опредѣленный характеръ, обусловленный или волею жертвователей, или особо утвержденными правилами. Къ общимъ доходамъ вѣдомства относятся всѣ доходы, назначенные на покрытіе общихъ расходовъ по содержанію отдѣльныхъ его учрежденій. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда извѣстная часть процентовъ съ благотворительнаго капитала или дохода съ какого либо спеціальнаго источника назначена на расходы, входящіе въ составъ смѣты общихъ средствъ, то означенныя суммы перечисляются изъ смѣты спеціальныхъ въ смѣту общихъ средствъ, равно и изъ числа общихъ доходовъ суммы, назначенныя къ употребленію на расходы въ дополненіе къ спеціальнымъ источникамъ и на усиленіе этихъ послѣднихъ, перечисляются изъ смѣты общихъ въ смѣту спеціальныхъ средствъ. Такимъ образомъ по смѣтѣ спеціальныхъ доходовъ, считалось 2.245,750 р., а общихъ 10.512,532 р., всего 12.758,282 р. но съ разными вышеупомянутыми зачетами въ дѣйствительности ожидалось доходовъ въ 1883 году 11.966,451 р.

Разсматривая эти доходы, мы видимъ, что они составлялись главнымъ образомъ изъ пособій государственнаго казначейства—2.647,930 р., дохода отъ монополіи игральныхъ картъ—2.068,000 р. и отъ платы за учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ и больныхъ въ больницахъ—2.411,630 руб. Такимъ образомъ, не считая еще разныхъ второстепенныхъ доходовъ, около 60 проц. всѣхъ доходовъ вѣдомства ничего общаго съ капиталами, пожертвованными покойною Императрицею Маріею Ѳеодоровною и частными лицами, не имѣютъ. А именно ради этихъ-то капиталовъ учрежденія Императрицы Маріи и выдѣлены въ особое вѣдомство, не подчиненное ни единству кассы, ни смѣтнымъ правиламъ, ни Государственному Контролю.

Между тѣмъ, имѣя въ виду, что болѣе $^3/_5$ всѣхъ доходовъ вѣдомства ничѣмъ не отличаются отъ доходовъ прочихъ нашихъ казенныхъ вѣдомствъ, нѣтъ, казалось бы, повода откладывать слитіе бюджета учрежденій Императрицы Маріи съ общимъ государственнымъ бюджетомъ, оставляя въ спеціальныхъ средствахъ вѣдомства лишь доходы и расходы изъ пожертвованныхъ капиталовъ. Тогда смѣта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи провѣрялась бы предварительно Государственнымъ Совѣтомъ, а исполненіе ея кон-

ролировалось бы не собственными чиновниками вѣдомства, а по-
ороннимъ, болѣе независимымъ учрежденіемъ.

Безъ такой безпристрастной провѣрки трудно сказать теперь,
асколько чрезмѣрны или недостаточны тѣ 11.789,396 руб., кото-
ые ассигнованы были въ 1883 г. на расходы вѣдомства, хотя они
превышаютъ по смѣтѣ на 177,054 руб. доходы. Нѣкоторые рас-
оды сразу, однако, поражаютъ своею значительностью. Такъ по кругу
ѣятельности главное управленіе вѣдомствомъ учрежденій Импе-
атрицы Маріи не превосходитъ обыкновенный департаментъ ка-
ого либо министерства, стоющій отъ 40 до 100,000 руб. въ годъ,
ежду тѣмъ содержаніе главнаго управленія обходилось въ 1883 г.
ъ 283,867 руб., а съ пенсіями, пособіями, воспитаніями дѣтей
лужащихъ и пр. свыше 500,000 рублей, если даже не болѣе. На
кономію, которая могла быть сдѣлана въ этомъ случаѣ, можно
ы содержать нѣсколько новыхъ благотворительныхъ заведеній.

Другой, весьма крупный расходъ составляютъ закрытые женскіе
нституты. Они стоили въ 1883 г. 3.214,128 рублей. Вычитая изъ
того расходы на содержаніе воспитанницъ (пища, одежда, леченіе,
ытье бѣлья и пр.)—1.087,752 р., получимъ 2,126,376 руб.; на
то воспитывалось 7.964 дѣвицы; между тѣмъ воспитаніе 11.582 дѣ-
ицъ въ женскихъ гимназіяхъ того же вѣдомства стоило только
93,799 рублей. Другими словами, совершенно одинаковое образова-
ie (мы исключили выше содержаніе пенсіонерокъ) стоитъ въ инсти-
утахъ 263 руб. съ дѣвицы, а въ женскихъ гимназіяхъ 77 руб. съ
ѣвицы, или въ послѣднихъ въ три съ половиною раза дешевле.
о есть, говоря короче, не принимая въ разсчетъ содержаніе интер-
атокъ, гдѣ также сбереженія вѣроятно возможны, на сумму, назна-
аемую собственно на обученіе, на расходы, поглощаемые инсти-
утами, можно бы обучать не 8,000, а 26,000 дѣвицъ въ годъ. Раз-
ица довольно внушительная.

Не меньшія сбереженія по всей вѣроятности можно бы сдѣ-
ать и въ расходахъ по воспитательнымъ домамъ. Эти полезныя
ъ теоріи и далеко неудовлетворительныя на практикѣ учрежденія
бходятся ежегодно около $2^1/_2$ милл. руб. Интересно бы сравнить
ъ этимъ расходомъ дѣйствительную пользу, приносимую домами,
авно требующими коренной реформы.

Недурна также эксплоатація карточнаго дохода. Для полученія
ъ картъ дохода въ 2 милл., вѣдомство учрежденій Императрицы
аріи тратитъ ежегодно, не считая расходовъ центральнаго упра-
ленія по надзору, пенсій служившимъ по карточной операціи и пр.,

635,710 руб.; иначе говоря, взиманіе карточнаго дохода поглощаетъ болѣе 31%. Такой невыгодной пропорціи нѣтъ у насъ при взиманіи ни одного изъ косвенныхъ налоговъ, къ каковымъ несомнѣнно относится и сборъ съ игральныхъ картъ. Между тѣмъ, сборъ этотъ, при лучшей организаціи дѣла, могъ бы сдѣлаться полезнымъ источникомъ новаго дохода и для государственнаго казначейства.

Въ заключеніе мы должны прибавить, что нынѣшній главноуправляющій учрежденіями Императрицы Маріи ст.-секр. Дурново, одинъ изъ симпатичнѣйшихъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, сознаетъ недостатки своего учрежденія и онъ уже сдѣлалъ нѣкоторыя реформы, а именно передалъ значительную часть больницъ городамъ, а учебныхъ заведеній Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Россія по справедливости должна гордиться въ настоящее время точностью и быстротою государственнаго счетоводства. Въ то время когда во Франціи, чиновники которой отличаются педантизмомъ, а администрація сцентрализована весьма удобно для отчетности, контрольные отчеты утверждаются семь лѣтъ спустя, у насъ уже въ концѣ ноября всегда готовъ подобный отчетъ, т. е. черезъ десять мѣсяцевъ по окончаніи смѣтнаго года и черезъ шесть мѣсяцевъ по истеченіи льготъ, допускаемыхъ для пользованія этими кредитами, не считая расходовъ строительныхъ и именныхъ кредиторовъ казны.

Нѣтъ надобности объяснять всю пользу отъ тщательной и своевременной ревизіи счетовъ. Недалеко еще отъ насъ время, когда отъ безпорядка въ счетоводствѣ, министръ финансовъ дѣлалъ займы для покрытія дефицита, а разныя вѣдомства копили, въ то же самое время, значительные экономическіе капиталы, образованные не помощью искусства или бережливостью, а просто отъ несоразмѣрнаго требованія денегъ. До введенія единства кассы, ранѣе десяти лѣтъ отъ заключенія смѣтнаго періода, нельзя было составить себѣ даже приблизительнаго понятія о произведенныхъ расходахъ; конечно, никакой общей картины положенія государственнаго казначейства представить при такихъ порядкахъ было невозможно. Въ настоящее время, въ этомъ смыслѣ, контроль достигъ результатовъ блистательныхъ. Но не слѣдуетъ, однако, забывать что всетаки это контроль бумажный, а не фактическій. Безъ сомнѣнія, важно знать, на основаніи подлинныхъ, а не подложныхъ документовъ, что на данный предметъ издержано не двѣ тысячи

рублей, какъ было ассигновано, а полторы тысячи рублей, но еще важнѣе знать навѣрное, что на такой предметъ, дѣйствительно, было потребно и полезно ассигновать полторы тысячи рублей, а не полтараста рублей или полтора рубля.

Ревизіонъ-коллегія для провѣрки счетовъ была у насъ учреждена еще въ прошломъ столѣтіи, Государственный Контроль, какъ особое вѣдомство, возникъ еще при Александрѣ I, но только съ 1862 г. контроль получилъ подобающее ему значеніе; двадцатисемилѣтній опытъ доказалъ разумность, вѣрность и непреложность началъ, положенныхъ, по иниціативѣ покойнаго Татаринова, въ основаніе новой системы повѣрки государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Но контроль еще не достигъ своего полнаго приложенія, Министерство Императорскаго Двора и вѣдомство православнаго духовенства не подчиняются общему контролю даже для суммъ, отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства и, подобно вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, имѣютъ свой собственный контроль. Счетоводство и контроль казенныхъ кредитныхъ установленій также не могутъ почитаться образцовыми.

„Пока общество и служащіе не доросли до яснаго пониманія значенія казенныхъ и общественныхъ интересовъ, послѣдніе могутъ быть ограждены только формальнымъ образомъ—цѣлесообразными уставами и правильной организаціей контроля". Такова теорія, на основаніи которой г. Ободовскій предлагаетъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" измѣнить контроль надъ Государственнымъ банкомъ и его провинціальными учрежденіями.

Всякому, конечно, извѣстно, что по государственнымъ кредитнымъ учрежденіямъ совершался у насъ рядъ злоупотребленій, постоянно возроставшихъ и состоявшихъ не только въ неправильныхъ операціяхъ и нарушеніяхъ закона, но и въ растратахъ капиталовъ. Первый управляющій Государственнымъ банкомъ, баронъ Штиглицъ, торговый домъ котораго состоялъ до того комиссіонеромъ правительства (придворнымъ банкиромъ, какъ его тогда называли) по заграничнымъ его платежамъ, настоялъ на томъ, чтобы Государственный банкъ находился внѣ отвѣтственности передъ правительствомъ за всю совокупность финансовыхъ операцій, къ которымъ принадлежатъ и обороты съ кредитными билетами, а представлялъ бы изъ себя кредитное установленіе, непосредственно подчиненное ему, управляющему, который могъ бы совершать операціи за счетъ государственнаго казначейства, не исключая и обо-

ротовъ съ кредитными билетами, на основаніяхъ принятія ихъ на себя банкомъ отъ правительства „какъ бы на отвѣтственную комиссію“.

Таковая своеобразная организація управленія Государственнаго банка на началѣ „упраздненія правительства“, переходя отъ одного управляющаго къ другому, запутала банковый механизмъ до такой степени, что самые годовые отчеты банка заключаются лишь черезъ два, даже три года. Въ результатѣ оказалось, что правительство несло громадные убытки отъ операцій Государственнаго банка, подведеніе точнаго итога которымъ составляетъ еще достояніе исторіи, которая узнаетъ „тайны“ позанимательнѣе тѣхъ, которыя сочинилъ Эжень Сю. Новыя казенныя кредитныя учрежденія: Дворянскій и Крестьянскій земельные банки также быстро обнаружили многіе недостатки.

Несовершенства существующихъ порядковъ сводятся, по словамъ г. Ободовскаго, къ слѣдующему. Ссуды, выданныя подъ учетъ вымышленныхъ и безнадежныхъ векселей, часто не поступаютъ обратно; при этомъ члены учетныхъ комитетовъ остаются безотвѣтственными. По случаю пріема къ переучету векселей всѣхъ частныхъ банковъ безъ переоцѣнки, въ нихъ иногда учитываются векселя не только директоровъ, но и бухгалтеровъ, артельщиковъ и т. п. лицъ, кредитующихся нерѣдко на десятки тысячъ рублей. Управляющіе конторами и отдѣленіями Государственнаго банка позволяютъ себѣ рядъ злоупотребленій, которыя если и обнаруживались, но совершенно не могли быть доказаны. Дѣло доходило даже до оплаты вмѣсто купоновъ простыхъ нарѣзковъ газетной бумаги! Отчеты Государственнаго банка нерѣдко противорѣчили донесеніямъ депутатовъ, что своевременно не замѣчалось совѣтомъ государственныхъ кредитныхъ установленій. За храненіе процентныхъ бумагъ поступало менѣе процентовъ чѣмъ слѣдуетъ. Несвоевременное проведеніе въ теченіе болѣе пятнадцати лѣтъ по счетамъ выплаченныхъ тиражныхъ бумагъ и купоновъ, сданныхъ комиссіи для пріема и уничтоженія ихъ, было причиной разногласія отчетовъ Государственнаго Контроля и банка. Произведенное по Высочайшему повелѣнію изслѣдованіе обнаружило по этому случаю полное отсутствіе контроля и порядочнаго счетоводства даже по весьма несложнымъ операціямъ. Тиражъ 5 процентныхъ банковыхъ билетовъ 1 и 2 выпуска доставилъ возможность — настоятельно ходившимъ слухамъ — лицамъ, близко стоящимъ этого дѣла, составить себѣ значительныя состоянія. Нѣкоторые от

дѣлы ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій, выкупной и другихъ операцій не повѣрялись какъ слѣдуетъ. Наконецъ, служащіе въ Государственномъ банкѣ вредили нерѣдко интересамъ казны, принимая прямое или косвенное участіе въ частныхъ коммерческихъ дѣлахъ, въ особенности въ частныхъ банкахъ.

Всѣ эти неправильности и злоупотребленія явно выставляютъ недостаточность существующаго контроля, не смотря на то, что въ Государственномъ банкѣ и конторахъ до одной трети, а въ отдѣленіяхъ болѣе одной трети контрольныхъ чиновъ; кромѣ того, при банкѣ существуютъ главный контролеръ, нѣсколько инспекторовъ, депутаты отъ Государственнаго Контроля, дворянства, купечества и совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій.

Недостатки существующаго контроля состоятъ въ томъ, что онъ для высшихъ контрольныхъ чиновъ номинальный, низшіе же контрольные чины подчинены управленію банка, его конторъ и отдѣленій, почему никакой самостоятельности и независимости не имѣютъ. Случается также, что служащіе въ банкѣ (наприм. директоръ петербургскихъ сберегательныхъ кассъ) контролируютъ самихъ себя. Для поправленія дѣла г. Ободовскій предлагаетъ наблюденіе совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій распространить на всѣ операціи центральныхъ отдѣленій банка, его конторъ и отдѣленій, для чего назначить отъ Государственнаго Контроля и по выбору изъ мѣстныхъ дворянъ и отъ обществъ или земства потребное число депутатовъ, обязавъ послѣднихъ представлять свои заключенія при ревизіи и заявленія о безпорядкахъ комитету ревизоровъ Государственнаго банка, а въ важныхъ случаяхъ совѣту государственныхъ кредитныхъ установленій. Ревизіи текущихъ операцій и обязанности юрисъ-консульта возложить по банку на особыхъ контрольныхъ чиновъ и депутатовъ; повѣрки же книгъ и отчетовъ самого банка возложить на комитетъ ревизоровъ.

Контрольную и прокурорскую части Государственнаго банка вмѣстѣ съ инспекторами г. Ободовскій предлагаетъ совершенно отдѣлить отъ вѣдомства Государственнаго банка и министра финансовъ. Такимъ образомъ всѣ контрольные чины подчинятся совѣту государственныхъ кредитныхъ установленій, подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ государственнаго контролера, или особаго его товарища, и подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ старшаго депутатата или члена Государственнаго Контроля при Государственномъ банкѣ. Послѣдній на правахъ управляющаго банкомъ долженъ завѣдывать движеніемъ по службѣ и общей повѣркой дѣйствій кон-

трольныхъ и юрисъ-консультскихъ чиновъ. Затѣмъ предлагается учредить новый департаментъ ревизіи отчетовъ кредитныхъ установленій, въ которомъ сосредоточить подъ непосредственнымъ вѣденіемъ особаго товарища государственнаго контролера какъ инспекторскую часть надъ всѣми контрольными и инспекторскими чинами банковыхъ учрежденій, такъ и наблюденіе за повѣркой ихъ дѣйствій. Наконецъ, взамѣнъ сосредоточенія всего дѣлопроизводства по совѣту государственныхъ кредитныхъ установленій въ канцеляріи по кредитной части, рекомендуется открыть въ Государственной Канцеляріи особое отдѣленіе изъ лицъ, спеціально знакомыхъ съ финансовыми дѣлами государства и въ непосредственномъ завѣдываніи статсъ-секретаря.

Расходы на эти новыя учрежденія г. Ободовскій относитъ на прибыли Государственнаго банка, служащимъ же въ банковомъ контролѣ проектируетъ громадные оклады жалованья и несмѣняемость, подобную той, которою пользуются судьи. Само собою разумѣется, что подобный проектъ вызоветъ чувство умиленія въ средѣ чиновниковъ Государственнаго Контроля. Сколько новыхъ должностей, до товарища министра и статсъ-секретаря включительно! Сколько новыхъ окладовъ и въ придачу несмѣняемость! Къ сожалѣнію, есть интересы поважнѣе интересовъ чиновниковъ контроля, и съ точки зрѣнія этихъ-то общихъ интересовъ надобно признать—съ чѣмъ повидимому согласилась и редакція „Юридическаго Вѣстника“— что одинъ административный надзоръ безсиленъ въ данномъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ.

Принятіе проекта г. Ободовскаго было бы равносильно увеличенію до безконечности переписки по разнымъ запросамъ, отвѣтамъ, мелочнымъ начетамъ и т. п., крупныя же злоупотребленія продолжали бы процвѣтать въ Государственномъ банкѣ. И теперь Государственный банкъ страдалъ не отъ недостатка контролеровъ,—выше указано, что ихъ множество,—но отъ недостатка энергіи положить предѣлъ злоупотребленіямъ. Возьмемъ хотя два примѣра изъ указанныхъ г. Ободовскимъ — тиражъ банковыхъ 5% билетовъ и частную службу банковыхъ чиновниковъ.

Сколько лѣтъ всѣмъ въ Петербургѣ было извѣстно, что отъ прежней системы тиража банковыхъ билетовъ наживаются банковые чиновники, ни для кого также не секретъ, что, служа въ частныхъ банкахъ, чиновники Государственнаго банка, въ видахъ покровительства частныхъ банковъ, заводили въ Государственномъ нарочно самыя стѣснительныя и нелѣпыя правила, и что-жъ? Развѣ

контрольные чины указали бы здѣсь что нибудь новое противъ того, что было уже извѣстно? Очевидно нѣтъ. Если же злоупотребленія продолжались, если удалось, напр., въ казенномъ зданіи Государственнаго банка помѣстить частный с.-петерб. взаимный кредитъ и той же публикѣ противупоставлять рядомъ любезность одного учрежденія съ формалистикой другого,— то причемъ тутъ дѣятельность контроля? Еслибы контроль былъ не въ двухъ, а въ четырехъ министерствахъ, то и тогда не прекратились бы подобныя явленія, такъ какъ, по справедливой пословицѣ, нѣтъ человѣка болѣе глухого, нежели тотъ, который не желаетъ слышать.

Государственный банкъ требуетъ радикальной реформы, но не въ смыслѣ увеличенія числа чиновниковъ, а въ смыслѣ ограниченія его дѣятельности исключительно необходимѣйшими операціями за счетъ правительства, хотя нельзя не согласиться съ тѣмъ, что существующій контроль совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій совершенно фиктивенъ. Очевидно, исполняется лишь формальность, а фактически контроля государственныхъ кредитныхъ установленій почти не существуетъ. Одно время шла даже рѣчь о томъ, чтобы, по случаю отъѣзда предсѣдателя, вовсе не собирать совѣта.

Кромѣ пополненія этого пробѣла, въ нашемъ контрольномъ вѣдомствѣ необходимы еще нѣкоторыя реформы, характера впрочемъ чисто административнаго.

Важнѣйшая изъ проектированныхъ реформъ касается преобразованія совѣта Государственнаго Контроля въ контрольный департаментъ Правительствующаго Сената. Въ настоящее время совѣтъ Государственнаго Контроля разсматриваетъ дѣла по начетамъ, наложеннымъ контрольными учрежденіями первой инстанціи, на взысканіе коихъ не послѣдовало согласія подлежащихъ распорядительныхъ управленій. При разногласіи министровъ и главноуправляющихъ дѣла эти переходятъ въ 1-й департаментъ Правительствующаго Сената, изъ котораго за дальнѣйшимъ разногласіемъ восходятъ въ общее собраніе Сената и достигаютъ иногда Государственнаго Совѣта. При такомъ порядкѣ дѣла разсматриваются столь медленно, что начеты, служащіе главнымъ орудіемъ для огражденія казны отъ неправильныхъ расходовъ, теряютъ большую долю ихъ предупредительнаго вліянія, нерѣдко за смертью виновныхъ падаютъ на вдовъ и сиротъ, а часто вовсе не взыскиваются за давностью времени, къ которому относится производство неправильныхъ расходовъ.

Замѣна совѣта Государственнаго Контроля особымъ сенатскимъ департаментомъ, упраздняя лишнюю инстанцію и не требуя никакихъ почти новыхъ расходовъ, во многомъ бы ускорила и упростила крайне медленное и сложное движеніе контрольныхъ дѣлъ и придала бы рѣшеніямъ высшаго контрольнаго учрежденія Имперіи новую силу и значеніе. Учрежденіе контрольнаго департамента Правительствующаго Сената представляетъ еще ту пользу, что оно освободитъ 1-й департаментъ Сената, нынѣ очень обремененный занятіями, отъ контрольныхъ, недоимочныхъ и т. п. дѣлъ, которыя могли бы по принадлежности быть переданы въ департаментъ контрольный. Раціональность этого проекта не подлежитъ сомнѣнію. Заграницею въ наиболѣе благоустроенныхъ странахъ высшія счетныя учрежденія всегда имѣютъ характеръ судебнаго учрежденія, которое дѣлаетъ начеты безапелляціонно и независимо отъ распорядительныхъ управленій.

Другая болѣе скромная контрольная реформа касается сокращенія числа контрольныхъ палатъ въ губерніяхъ. Она уже начала осуществляться упраздненіемъ нѣкоторыхъ контрольныхъ палатъ, послѣ пожаровъ, истребившихъ дѣла этихъ учрежденій. Соединеніе контрольныхъ палатъ полезно, какъ средство увеличенія содержанія контрольнымъ чинивникамъ; кромѣ того, ограниченіе объема ревизіонной дѣятельности предѣлами губерніи, связывая палату съ житейскими интересами губернской среды, создаетъ отношенія, которыя могутъ вредить иногда безпристрастію контрольнаго надзора.

Во время учрежденія контрольныхъ палатъ въ нынѣшнемъ ихъ видѣ повсемѣстное почти отсутствіе желѣзныхъ дорогъ могло дать поводъ къ опасенію, что отдаленность ревизуемыхъ учрежденій отъ ревизующихъ помѣшаетъ своевременности ревизіи. Опытъ показалъ однакожъ, что своевременность эта не была достигнута, не смотря на близость отчетныхъ мѣстъ къ контрольнымъ палатамъ. Въ настоящее же время желѣзные пути прорѣзываютъ Россію во всѣхъ направленіяхъ и число ихъ съ каждымъ годомъ ростетъ. Все это убѣждаетъ, что неудобства, которыхъ можно было ожидать отъ соединенія палатъ, ничтожны, а польза во всѣхъ отношеніяхъ весьма значительна.

Заканчивая очеркъ современнаго положенія нашихъ министерствъ, мы считаемъ не лишнимъ коснуться вопроса о пользѣ учрежденія особаго вѣдомства для дѣлъ нашихъ окраинъ, получившихъ въ послѣднее время важное значеніе. Кому должно быть подчинено въ Петербургѣ высшее завѣдываніе окраинами? На этотъ

счетъ у насъ была и существуетъ весьма разнообразная практика. Хотя различныя центральныя учрежденія для Царства Польскаго, Сибири и Кавказа упразднены, но, напр., полное подчиненіе Кавказа разнымъ министерствамъ далеко еще не осуществилось. Не только казачьи земли, но и обширныя земли, подчиненныя военно-народному управленію, т. е. въ сущности большая часть Кавказа, остается въ завѣдываніи Военнаго Министерства, а Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не выказываетъ ни малѣйшаго желанія принимать въ свое вѣдѣніе инородческія территоріи Кавказа. Туркестанскій край всегда былъ подчиненъ Военному Министерству, кромѣ нѣкоторыхъ органовъ управленія. То же касается и Закаспійскаго края. И другія наши окраины имѣютъ свои отличія.

При такомъ разнообразіи трудно ожидать какого либо общаго руководства дѣлами нашихъ окраинъ. При этомъ въ судьбахъ ихъ принимаетъ еще большее участіе Министерство Иностранныхъ Дѣлъ черезъ свой азіятскій департаментъ, вѣдающій, впрочемъ, и многими вовсе не азіятскими дѣлами; компетентность же этого департамента не всегда достаточна. По крайней мѣрѣ, извѣстенъ изъ прошлаго фактъ, оглашенный въ печати, какъ князь Горчаковъ, прощаясь съ покойнымъ фонъ-Кауфманомъ, отправлявшимся завоевывать Хиву, просилъ его не заходить по дорогѣ въ Кашгаръ!

Разнообразіе вѣдомствъ, дающихъ направленіе нашимъ окраинамъ, создаетъ, и нерѣдко, противорѣчивое направленіе русской по отношенію къ нимъ политики. Мало того, Петербургъ постоянно запаздывалъ признавать даже существующіе факты и въ то время, когда наша дипломатія раскланивалась передъ Европою и извинялась въ сдѣланномъ шагѣ, наши войска далеко уходили впередъ. При каждомъ совѣщаніи Министерство Иностранныхъ Дѣлъ говорило одно, Министерство Военное—другое, а Министерство Внутреннихъ Дѣлъ обыкновенно не высказывалось, хотя по складу и нашего государственнаго управленія оно во многихъ вопросахъ внутренней политики невольно должно бы имѣть рѣшающій голосъ.

Намъ кажется, что для единообразнаго завѣдыванія нашими окраинами долженъ быть устроенъ новый, совершенно особый органъ, въ видѣ министерства окраинъ и надъ нимъ, какъ мы уже говорили, какое либо совѣщательное учрежденіе изъ министровъ и и нѣкоторыхъ спеціально знакомыхъ съ окраинами Россіи лицъ: бывшихъ генералъ-губернаторовъ, посланниковъ и т. п. При учрежденіи подобнаго органа большая часть административныхъ вопросовъ, касающихся окраинъ, за исключеніемъ, конечно, Финляндіи,

можетъ быть распредѣлена по подлежащимъ министерствамъ, въ министерствѣ же окраинъ сосредоточится только разрѣшеніе вопросовъ спеціальныхъ, вытекающихъ изъ мѣстныхъ въ различныхъ краяхъ положеній и изъ сношеній и столкновеній съ сосѣдними странами.

Совѣту по дѣламъ окраинъ или департаменту окраинъ въ Государственномъ Совѣтѣ будутъ предлагаться болѣе важные вопросы, касающіеся, такъ сказать, той политики, которой слѣдуетъ держаться по отношенію къ окраинамъ. Вопросы эти, по сношеніи съ мѣстною администраціею и другими министерствами, будутъ подготовляться министерствомъ окраинъ. Министръ окраинъ станетъ компетентнымъ лицомъ, которое, находясь au courant всѣхъ связанныхъ съ обладаніемъ нашихъ окраинъ вопросовъ, будетъ служить посредникомъ и регуляторомъ между стремленіями—военнаго вѣдомства идти постоянно впередъ и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ — сохранять призрачное европейское равновѣсіе...

Наше предложеніе не представляетъ ничего новаго. Это будетъ въ Россіи pendant къ существующимъ во многихъ государствахъ Европы министерствамъ колоній, съ тѣмъ отличіемъ, которое объясняется различіемъ русскихъ окраинъ отъ колоній западныхъ государствъ. Оно не представитъ также ничего новаго и въ кругу нашей административной практики. У насъ были и существуютъ нѣсколько органовъ для руководствъ дѣлами окраинъ. Главный недостатокъ ихъ былъ именно въ многочисленности и разнообразіи, отчего никакого общаго руководства не было, и по отношенію къ разнымъ окраинамъ Россіи существовала прямо противоположная политика. Ничего подобнаго не можетъ случиться при сосредоточеніи дѣлъ въ однѣхъ рукахъ, а особенно если министромъ окраинъ сдѣлается человѣкъ истинно русскій, съ энергіей и патріотизмомъ.

ГЛАВА VI.

Генералъ-губернаторы.

Наши окраины.—Главныя управленія: Царствомъ Польскимъ, Западнымъ краемъ, Кавказомъ и Финляндіей.

Генералъ-губернаторства были установлены повсемѣстно въ Россіи при Екатеринѣ II, когда отсутствіе путей сообщенія, крайнее неустройство суда и отсутствіе гражданскихъ правъ у большей части населенія, остававшагося закрѣпощеннымъ, ставило сколько-нибудь отдаленныя области Имперіи въ совершенную зависимость отъ произвола мѣстной администраціи. Имѣть въ то время лицо, облеченное довѣріемъ верховной власти и стоящее внѣ мѣстныхъ чиновничьихъ и дворянскихъ партій, было очень важно. Конечно, не всѣ генералъ-губернаторы оправдывали возлагавшіяся на нихъ надежды, но примѣръ неслыханныхъ злоупотребленій въ Сибири, лишенной въ началѣ нынѣшняго столѣтія какой-либо независимой власти, такъ какъ губернаторъ Сибири управлялъ ею изъ Петербурга, показываетъ, что идея учрежденія генералъ-губернаторовъ соотвѣтствовала требованіямъ времени. Ермоловъ на Кавказѣ, Ришелье и Воронцевъ въ Новороссійскомъ краѣ, Сперанскій и Муравьевъ-Амурскій въ Сибири, Броунъ и Головинъ въ Ригѣ и другіе оказали управляемымъ ими краямъ несомнѣнныя услуги.

Мало-по-малу, однако, при облегченіи сношеній съ Петербургомъ, при относительномъ улучшеніи центральной администраціи, при нарожденіи хотя и слабаго общественнаго мнѣнія въ столицѣ и даже въ провинціи, власть генералъ-губернатора, недостаточно опредѣленная въ законѣ, стала являться во многихъ мѣстахъ если не помѣхой, то во всякомъ случаѣ лишней инстанціей, которая замедляла и безъ того не очень быстрое у насъ теченіе дѣлъ. Поль-

зуясь неопредѣленностью круга своей власти, генералъ-губернаторы вторгались въ такія сферы, гдѣ, какъ напр. въ дѣлѣ суда, это вмѣшательство было не совсѣмъ пріятно и высшему правительству. Поэтому въ послѣдніе сорокъ и даже пятьдесятъ лѣтъ начинается постепенное упраздненіе генералъ-губернаторскихъ должностей.

Уже въ царствованіе Николая I должность эта, кромѣ столичныхъ генералъ-губернаторовъ, получила преимущественно политическое значеніе, и генералъ-губернаторства учреждались тамъ, гдѣ близость границъ и избытокъ иноплеменнаго населенія могли вызывать различныя политическія затрудненія, гдѣ на обширномъ районѣ необходимо было согласовать дѣйствія отдѣльныхъ административныхъ начальниковъ. Такимъ образомъ вся западная и южная границы наши отъ Нордкапа до береговъ Тихаго океана представляли непрерывный рядъ генералъ-губернаторствъ или намѣстничествъ. Исключеніе составляла Астраханская губернія, еще въ двадцатыхъ годахъ отдѣленная отъ кавказскаго управленія.

И до настоящаго времени нельзя отрицать пользу учрежденія главныхъ начальниковъ съ значительными полномочіями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ или политическіе вопросы вызываютъ изученіе особенностей края, часто вовсе неизвѣстныхъ петербургскимъ департаментамъ, каковы, напримѣръ, генералъ-губернаторства финляндское и варшавское, или гдѣ отдаленность отъ столицы ставитъ иногда администрацію въ невозможность ждать указаній изъ Петербурга. Въ такомъ положеніи находятся Закавказскій край, Туркестанъ и часть Восточной Сибири, прилегающая къ Тихому океану. Но затѣмъ уже въ остальныхъ мѣстностяхъ, связанныхъ съ Петербургомъ желѣзными и телеграфными путями, не предвидится никакой надобности въ нормальное время въ инстанціи, которая являлась бы посредницей между губернскою администраціей и земствомъ съ одной стороны и министерствами—съ другой.

Тѣмъ менѣе конечно необходимости въ генералъ-губернаторѣ въ самой столицѣ. Относительно мысли возстановить въ Петербургѣ генералъ-губернаторство мы можемъ только замѣтить, что считаемъ едва ли очень практическимъ имѣть особое высшее административное лицо въ городѣ, гдѣ пребываетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, къ которому и градоначальникъ и с.-петербургскій губернаторъ могутъ всегда обратиться за необходимыми указаніями въ экстренныхъ случаяхъ. Съ точки же зрѣнія политической безопасности достаточно припомнить, что во время покушеній Каракозова и взрыва въ Зимнемъ дворцѣ въ Петербургѣ были генералъ-губернаторскія

управленія. Они, однако, оказались безсильными предотвратить что-либо, равно какъ и блаженной памяти III Отдѣленіе.

Къ числу мѣстностей, въ которыхъ существованія генералъ-губернатора стало излишне, прежде всего относится Новороссійскій край, совершенно безопасный, соединенный отличными путями сообщенія со столицей, имѣющій земскія и новыя судебныя учрежденія и, наконецъ, мѣстную періодическую печать. Нѣтъ сомнѣнія, что обо всемъ, что дѣлалось въ Екатеринославѣ или Таганрогѣ, знали прежде въ Петербургѣ, чѣмъ въ Одессѣ, да и время, потребное для переѣзда по желѣзной дорогѣ, было не меньше въ обѣ стороны. Объясненіемъ существованія новороссійскаго генералъ-губернаторства могла служить близость Турціи, но конечно генералъ-губернаторъ не игралъ никогда роли въ дипломатическихъ сношеніяхъ, хотя и имѣлъ особаго для того чиновника. Безполезность генералъ-губернаторства было признана и оно было уничтожено, а затѣмъ хотя и возстановилось подъ именемъ временнаго одесскаго генералъ-губернаторства, но уже исключительно для дѣлъ полицейскихъ.

Въ другомъ положеніи наша западная окраина. Здѣсь время уничтоженія генералъ-губернаторствъ не наступило,—полезно было только уничтожить въ Царствѣ Польскомъ намѣстничество.

Съ административной точки зрѣнія это преобразованіе въ высшемъ управленіи Царства Польскаго имѣло немного значенія, такъ какъ фактически, съ реформами послѣднихъ лѣтъ и уничтоженіемъ отдѣльной независимой администраціи для Царства, власть намѣстника была приравнена къ власти обыкновеннаго генералъ-губернатора и, по своему значенію, далеко отставала, напримѣръ, отъ размѣра власти намѣстника кавказскаго. Гораздо больше значенія имѣла эта перемѣна названія съ точки зрѣнія политической. Заграничная польская печать встрѣтила ее не слишкомъ дружелюбно, такъ какъ увидѣла въ ней уничтоженіе послѣднихъ признаковъ автономіи Привислянскаго края, созданной Вѣнскимъ конгрессомъ. Еще болѣе выяснится этотъ вопросъ съ измѣненіемъ настоящихъ границъ Царства, т. е. присоединеніемъ Забужья: части Люблинской и Сѣдлецкой, населенной православными малороссами, къ Гродненской губерній. Справедливо указываютъ, что мы сами искусственно полячимъ тутъ крестьянскую массу. Давно уже поднятъ вопросъ о выдѣленіи этой территоріи изъ Царства Польскаго и полномъ слитіи ея съ русскими губерніями. Но ничего за двад-

цать лѣтъ не рѣшено, и мы продолжаемъ навязывать коренному русскому населенію несвойственные ему порядки.

Русская политика въ Царствѣ Польскомъ достаточно обрисовалась въ общихъ чертахъ. Ее нечего вновь выдумывать. Она даже, можно сказать, традиціонная, такъ какъ ея держались русскіе дипломаты въ XVII и въ XVIII столѣтіи. Все что нужно отъ варшавскаго генералъ-губернатора — это строгая послѣдовательность и твердый характеръ, т е. именно такія двѣ вещи, которыя труднѣе всего даются намъ, какъ по системѣ выбора у насъ людей, предоставленнаго странной случайности, которая для одного и того же дѣла употребляла почти одновременно Милютина и Потапова — двѣ совершенныя противоположности,—такъ и по отсутствію единства въ средѣ русскихъ дѣятелей. Послѣднее проявляется только въ трудныя минуты. Въ нормальное же время русскіе, какъ другіе славяне, точно козьи рога, въ одинъ мѣшокъ не лѣзутъ.

Какъ важна роль главнаго начальника на прочихъ западныхъ окраинахъ, лучше всего можно видѣть изъ напечатанной въ „Русской Старинѣ“ записки графа М. Н. Муравьева—le proconsul de Vilna, какъ прозвали его подкупленныя въ 1863 г. польскими революціонерами парижскія газеты. Конечно, инымъ не поздоровилось отъ разоблаченій, содержавшихся въ запискахъ; признавая даже, что покойный Муравьевъ—человѣкъ вообще желчный и пристрастный—кое что и преувеличилъ, нельзя не согласиться съ редакторомъ „Старины“, что въ интересахъ исторической правды нельзя было оставлять записокъ подъ спудомъ.

Записки Муравьева кажутся важными не столько еще по своимъ ретроспективнымъ разоблаченіямъ, сколько именно по содержащимся въ нихъ урокамъ для будущаго. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Муравьевымъ, видно, до чего можетъ довести ложная система дѣйствій, прикрытая снаружи яко бы искреннимъ стремленіемъ угодить всѣмъ сторонамъ. Гибельныя послѣдствія фальшивой политики по отношенію къ польскимъ претензіямъ въ Западной Россіи охарактеризованы Муравьевымъ чрезвычайно мѣтко и вмѣстѣ съ тѣмъ преподаны наставленія, какъ надобно дѣйствовать впредь, чтобы избѣжать повторенія прискорбныхъ ошибокъ, предшествовавшихъ мятежу 1863 г.

Насколько виноваты были мы сами, лучше всего явствуетъ изъ того обстоятельства, что бѣлорусскія губерніи пятьдесятъ лѣтъ назадъ, когда Муравьевъ былъ тамъ — губернаторомъ и вице-губернаторомъ, казались, по его словамъ, совершенно русскими за ма-

ными по крайней мѣрѣ исключеніями. Въ 1831 году мятежъ преимущественно распространялся въ Ковенской и Виленской губерніяхъ, гдѣ многочисленно фанатизированное католическое населеніе, и только кое гдѣ появлялись шайки мятежниковъ въ Минской и весьма немного въ Гродненской; въ бѣлорусскихъ же губерніяхъ шайки были въ одной Витебской губерніи, а именно въ Лепельскомъ уѣздѣ; кромѣ того возбужденіе было замѣтно въ уѣздахъ: Полоцкомъ, Дриссенскомъ и Динабургскомъ, гдѣ вокругъ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ утвердился католическій фанатизмъ.

Между тѣмъ въ 1863 году всѣ эти губерніи были одинаково объяты пламенемъ мятежа и если по недостатку средствъ вооруженія и отъ противодѣйствія православнаго сельскаго населенія не вездѣ проявлялись вооруженныя шайки, то тѣмъ не менѣе все дворянство, шляхта и ксендзы повсемѣстно явно и безбоязненно провозглашали владычество Польши и старались въ томъ увѣрить крестьянъ. Такимъ образомъ, при малѣйшемъ успѣхѣ мятежа въ литовскихъ губерніяхъ, Бѣлоруссія безъ всякаго затрудненія вошла бы въ составъ предполагаемой революціонерами Польши въ границахъ 1772 года.

Политическое и нравственное положеніе Сѣверо-Западнаго края въ 1831 году, въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ 1863 году, ясно показываетъ, по мнѣнію Муравьева, что въ теченіе тридцати лѣтъ не только не принималось мѣръ къ уничтоженію въ краѣ польской пропаганды, но напротивъ того, по крайнему неразумѣнію мѣстныхъ и главныхъ правителей, давались всѣ средства къ развитію польскаго элемента въ краѣ, уничтожая всѣ бывшіе зародыши русскаго начала.

„Я не стану входить въ подробности“, пишетъ Муравьевъ, „упоминать о дѣйствіяхъ тѣхъ лицъ, которыя съ 1831 г. были главными на мѣстахъ распорядителями, о ихъ безсмысленности и неразумѣніи положенія края, польскихъ тенденцій; о незнаніи исторіи ей искони русской страны и постоянномъ ихъ увлеченіи призраками польскаго высшаго общества, пресмыкавшагося передъ ними и выказывавшаго преданность правительству; но не только тайно, но явно обнаруживавшаго свои тенденціи къ уничтоженію всего русскаго: но все это привлекало на ихъ сторону генералъ-губернаторовъ, а въ особенности женскій полъ, жертвовавшій честью и цѣломудріемъ для достиженія сказанныхъ цѣлей...“

По словамъ Муравьева, изъ начальниковъ того края наиболѣе ознаменовали себя подобными тенденціями и нанесли огромный

вредъ могуществу Россіи кн. Хованскій, Дьяковъ, кн. Голицынъ, кн. Долгоруковъ, И. Г. Бибиковъ и Назимовъ. Вотъ рядъ людей, чисто русскихъ по именамъ, которые при содѣйствіи подобныхъ дѣятелей въ Петербургѣ въ глубокомъ невѣдѣніи своемъ положили въ Сѣверо-Западномъ краѣ твердое начало польской пропагандѣ и впослѣдствіи развитію мятежа, стоившаго такъ дорого Россіи.

Записки Муравьева хотя напечатаны 80-хъ годахъ, но въ рукописи онѣ давно извѣстны и въ 1866 году были распространены въ публикѣ. Этотъ фактъ весьма важенъ, ибо, не смотря на то, что выводы Муравьева сдѣланы были подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возстанія и вполнѣ подтверждались событіями, которыя произошли у всѣхъ передъ глазами, но уже вскорѣ послѣ перваго появленія записокъ уроки 1863 г. были забыты, и въ той же Вильнѣ мы видѣли администраторовъ съ русскими именами, по прежнему упорно продолжавшихъ несчастную политику, такъ рѣзко заклейменную Муравьевымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и эта политика принесетъ когда либо свои вредные плоды. Они даже сказались, какъ явствуетъ изъ разоблаченій, сдѣланныхъ профессоромъ Коялевичемъ, а что польскія претензіи ни на волосъ не умалились, доказывается не только тономъ заграничной польской печати, но и статьями польскихъ корреспондентовъ въ русскихъ газетахъ. Изъ этихъ статей видно, что твердую русскую политику въ Западномъ краѣ поляки по прежнему считаютъ не опредѣленною разъ навсегда системою правительственныхъ дѣйствій, а случайнымъ „набѣгомъ“ на Польшу Муравьева, Милютина и др. дѣятелей ультрарусофильской партіи, мѣрою не для организаціи края, а однимъ изъ видовъ наказанія ослушниковъ. Разъ открытаго возстанія нѣтъ, наказаніе молъ можно и отмѣнить.

Для тѣхъ, кто въ этомъ случаѣ продолжаетъ содѣйствовать, хотя и безсознательно, польскимъ иллюзіямъ, очень поучительно прочесть у Муравьева описаніе паники, охватившей петербургскія высшія сферы весною 1863 года, когда у насъ готовы были пожертвовать Польшей, чтобы только спасти Литву!

Кавказскій край также весьма нуждается въ генералъ-губернаторскомъ управленіи. Тамошній генералъ-губернаторъ, въ виду того что Закавказье граничитъ съ двумя азіятскими государствами, получилъ болѣе внушительный титулъ главноуправляющаго, которымъ носили начальники Грузіи до учрежденія для князя Воронцова намѣстничества. Измѣненіемъ титула главнаго начальника не ограничилась, однако, реформа кавказскаго управленія. Съ этимъ измѣ

еніемъ было связано уничтоженіе автономнаго управленія. Замѣ-
ительно, что послѣднее было создано не въ то время, когда Кав-
азъ, имѣя весьма непрочное сообщеніе съ „оказіями“ по военно-
рузинской дорогѣ, представлялъ совершенно отрѣзанную отъ Импе-
ии область, заключавшую въ себѣ нѣсколько полунезависимыхъ и
астью вовсе независимыхъ народовъ, а во время намѣстничества
нязя Барятинскаго, когда умиротвореніе Кавказа сдѣлало уже
ольшіе шаги впередъ.

При князѣ Барятинскомъ въ Тифлисѣ учредился рядъ депар-
ментовъ, соотвѣтствовавшихъ петербургскимъ министерствамъ, и
ществовало, повидимому, предположеніе совершенно отдѣлить кав-
азскую администрацію отъ общеимперской, причемъ Кавказскій
омитетъ въ Петербургѣ игралъ бы ту же роль, что Статсъ-секрета-
атъ играетъ для Финляндіи.

Сразу, однако, обозначилось неудобство подобнаго раздѣленія;
ольшинство департаментовъ оказалось излишними и при управле-
и великаго князя Михаила Николаевича они были упразднены.
ъ тѣхъ поръ автономное устройство края выражалось только въ
мъ, что издаваемые для Имперіи законы не распространялись
азу на Кавказъ, а примѣненіе ихъ тамъ обыкновенно предоста-
алось благоусмотрѣнію великаго князя намѣстника. Спеціальныхъ
законовъ собственно для Кавказа издавалось очень мало, если
считать нѣкоторыхъ распоряженій намѣстника, имѣвшихъ силу
кона. Затѣмъ бюджетъ Закавказскаго края, хотя былъ особый
ъ другихъ министерствъ, разсматривался обычнымъ порядкомъ
Государственномъ Совѣтѣ и исполненіе бюджета контролиро-
ются чинами того же Государственнаго Контроля. Совѣтъ на-
стника никакой серьезной компетенціи не имѣлъ и болѣе важ-
ія дѣла, касавшіяся Кавказа, рѣшались въ Петербургѣ по выслу-
ніи заключеній разныхъ министерствъ.

Такимъ образомъ, „автономія“ Кавказа не имѣла ничего об-
го съ тѣмъ понятіемъ, которое даетъ объ этомъ словѣ наука го-
арственнаго права. Въ дѣйствительности никакой автономіей
казъ не пользовался, а подъ предлогомъ политическаго несо-
шеннолѣтія населенія мѣстному управленію дозволялось созда-
ъ и поддерживать своеобразные порядки, пользуясь по вкусу
общеимперскихъ учрежденій лишь тѣмъ, что болѣе нравилось
азалось подходящимъ. Очевидно, что сохраненіе подобнаго про-
ла пользы принести не могло и чѣмъ скорѣе онъ могъ уни-
ится, тѣмъ лучше, не говоря уже о денежныхъ сбереженіяхъ

отъ упраздненія дорого стоившаго намѣстничества. Никакой осо
бенности края, соотвѣтствовавшей его національнымъ и экономи
ческимъ условіямъ, автономія не гарантировала, а сводилась глав
нымъ образомъ къ тому, что чиновники намѣстничества подчиня
лись не своимъ подлежащимъ министерствамъ, а одному лицу
жившему въ Тифлисѣ и носившему званіе начальника граждан
скаго управленія. Лицо это хотя подчинялось намѣстнику, но п
существу власти было почти равносильно министру.

Подобное подчиненіе имѣло, пожалуй, нѣкоторое значеніе в
смыслѣ надзора—хотя не достигало цѣли и въ этомъ отношеніи
но за то представляло много неудобствъ, требуя отъ начальник
гражданскаго управленія необыкновеннаго разнообразія спеціально
стей. Онъ одновременно завѣдывалъ и полиціей, и просвѣщеніем
и горнымъ дѣломъ, и финансами, и юстиціей, и т. д. Совершени
однородные вопросы, давно рѣшенные въ Петербургѣ, могли з
ставлять работать умы чиновниковъ въ Тифлисѣ и не находить себ
разрѣшенія, или разрѣшаться совершенно иначе.

Едва ли не этимъ обстоятельствомъ можно объяснить отсталост
Кавказа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Такъ, еще десять лѣтъ том
назадъ порядочная часть бюджета края, его финансовой силы, осно
вывалась на откупахъ! Точь въ точь какъ при персидскомъ вла
дычествѣ. Уничтоженіе кавказской автономіи было впрочемъ н
легко. Хотя категорически неоднократно повелѣвалось закон
чить всѣ предположенія о сліяніи тамошняго управленія съ общ
имперскимъ, но мѣстное управленіе находило обыкновенно, что в
сокращать его власть, а, наоборотъ, расширять составляетъ будто б
неотложную необходимость для блага края.

Въ подобныхъ увѣреніяхъ нѣтъ ничего удивительнаго. Удив
тельно было бы скорѣе противоположное явленіе, т. е. если б
мѣстное управленіе заявляло, что и дѣйствительно надобно поск
рѣе поурѣзать ему крылья. Достаточно вспомнить, что Кавказъ бы
долгіе годы вмѣстилищемъ разнаго беззаконія и гнѣздомъ хищен
Кому же изъ мѣстныхъ дѣятелей хотѣлось открывать средства
раскрытію прежнихъ дѣяній? Затѣмъ, даже и для честныхъ дѣ
телей реформа была непріятна. На Кавказѣ число военныхъ и ч
новниковъ значительно превышало дѣйствительную потребност
Реформа оставляла за штатомъ множество господъ, привыкши
двадцатаго числа аккуратно расписываться въ полученіи жалованы
Гдѣ люди, которые добровольно откажутся отъ этой пріятной ма
пуляціи?

Словомъ, вездѣ на Кавказѣ имѣлся существенный интересъ сохранять подолѣе statu quo, тѣмъ болѣе, что бумага все терпитъ и на бумагѣ очень легко росписать десятки причинъ, одна будто бы важнѣе другой, почему преобразованіе слѣдовало отложить. А въ Петербургѣ произошли перемѣны и первые иниціаторы кавказской реформы сошли со сцены; между тѣмъ только нѣкоторые вопросы административнаго устройства, особенно касающіеся сельскаго населенія, требовали болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія; преобразованія же по части военной, финансовой, государственныхъ имуществъ, судебной могли быть сдѣланы когда угодно, не дожидаясь отзывовъ изъ Тифлиса, ибо ничего почти спеціально приспособленнаго къ мѣстнымъ условіямъ тамъ не имѣлось, а что и имѣлось, то нисколько не измѣнилось и не пострадало, потому что стало вѣдаться въ Петербургѣ, а не въ Тифлисѣ.

Такимъ образомъ, упраздненіе намѣстничествъ рѣшительно не могло имѣть никакого дурного вліянія. Напротивъ, оно ускорило теченіе дѣлъ, отстраняя лишнюю посредствующую инстанцію, и отчасти даже улучшило ходъ дѣлъ, давая возможность центральной администраціи болѣе близко слѣдить за тѣмъ, что дѣлается на Кавказѣ. Говоря, о полномъ слитіи послѣдняго съ Имперіей, мы, само собою, подразумѣваемъ здѣсь административное только объединеніе, но вовсе не желаемъ, чтобы были затронуты особенности въ гражданскихъ законахъ, обусловливающихъ Кавказу или нѣкоторымъ частямъ его нѣсколько отличное отъ чисто русскихъ губерній существованіе. Подобныя различія должны оставаться, пока въ нихъ будетъ предстоять надобность, и искусственное объединеніе края въ смыслѣ руссификаціи было бы безполезнымъ насиліемъ, котораго, впрочемъ, ни у кого, кажется, нѣтъ и въ мысляхъ.

Нѣтъ, однако, надобности и усиливать чѣмъ либо различіе. А въ этомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на сѣверный Кавказъ.

Ставропольская губернія и ранѣе во многихъ отношеніяхъ подчинялась центральнымъ учрежденіямъ Имперіи. Западная часть этой губерніи ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ юго-восточныхъ русскихъ губерній; восточная очень похожа на Астраханскую губернію, управляемую также безъ генералъ-губернатора. Поэтому нѣтъ болѣе никакихъ резоновъ связывать Ставропольскую губернію съ отдѣльнымъ кавказскимъ управленіемъ и заставлять дѣла изъ Ставрополя переѣзжать въ Тифлисъ, чтобъ мимо того же Ставрополя нѣсколькими мѣсяцами позже прослѣдовать въ Петербургъ.

Не можемъ вполнѣ согласиться и съ проектомъ—Терскую и

Кубанскую области изъять вовсе изъ вѣдѣнія общаго гражданскаго управленія и непосредственно подчинить военному министру на томъ же основаніи, какъ подчинена послѣднему область Войска Донского, къ которой по тѣмъ же основаніямъ присоединена была часть Екатеринославской губерніи.

Прежде всего является вопросъ: какимъ это образомъ Военное Министерство — у насъ одно изъ самыхъ обширныхъ и сложныхъ, и безъ того обремененное множествомъ несоотвѣтствующихъ его компетенціи дѣлъ (въ родѣ педагогіи и постройки желѣзныхъ дорогъ)—найдетъ время заняться администраціей двухъ обширныхъ губерній, исключивъ участіе всѣхъ почти другихъ вѣдомствъ. Военное Министерство держитъ до сихъ поръ въ своихъ рукахъ администрацію Туркестанскаго края, а ревизія гг. Гирса и Веретенникова показала, насколько удовлетворителенъ подобный порядокъ вещей. И дѣйствительно, каждое вѣдомство, какъ бы оно слабо организовано ни было, все-таки имѣетъ составъ спеціалистовъ или людей опытомъ выработавшихся для извѣстнаго рода службы; Военное же Министерство, вынужденное черпать по преимуществу изъ среды офицеровъ генеральнаго штаба, по неволѣ прибѣгаетъ иногда къ помощи лицъ къ администраціи неподготовленныхъ и относящихся къ дѣлу поверхностно.

Военное управленіе въ области Войска Донского сложилось исторически. До извѣстной реформы Чернышева, въ 30-хъ годахъ, край этотъ пользовался почти совершенной административной автономіей, подъ условіемъ выставлять извѣстное число полковъ. Затѣмъ и послѣ реформы нѣсколько лѣтъ казачья исключительность продолжалась, и только попы не носили синихъ казакиновъ съ выпушками и не имѣли военныхъ чиновъ. Но мало-по-малу потребности цивилизаціи, приливъ „иногородныхъ“ и проведеніе желѣзныхъ дорогъ сдѣлали свое дѣло. Хотя и теперь можно встрѣтить на Дону въ мелочной лавочкѣ или кабачкѣ казака, сидящаго въ мундирѣ за прилавкомъ, но многія отрасли администраціи и суда находятся въ рукахъ общегражданскаго управленія и число исключительно казачьихъ учрежденій быстро сокращается. То же замѣчается и въ другихъ казачьихъ земляхъ.

Мы не сторонники насильственнаго разстройства казачьяго быта и не видимъ идеала въ томъ, чтобы непремѣнно на мѣсто какого нибудь заурядъ-хорунжаго, хотя и невѣжественнаго, но близкаго населенію и стоющаго грошъ, посадить чиновника столь же внутри невѣжественнаго, но получающаго вдесятеро болѣе жа

лованья. Не видя прогресса въ подобной перемѣнѣ, мы не считаемъ, однако, возможнымъ и полезнымъ возвращаться назадъ. Если, напримѣръ, инженеры путей сообщенія плохо инспектируютъ желѣзныя дороги, прорѣзывающія Донскую область, то нисколько они не станутъ инспектировать лучше, если ихъ перерядятъ въ казачьи казакины и подчинятъ не департаменту желѣзныхъ дорогъ, а главному казачьему управленію. Это ясно какъ день.

А именно нѣчто подобное произошло въ областяхъ сѣвернаго Кавказа. Области эти заключаютъ въ себѣ значительную часть туземнаго населенія, которое не можетъ пользоваться полнотою гражданскихъ правъ; преждевременно и безполезно давать лезгинамъ или чеченцамъ право судиться судомъ присяжныхъ или имѣть земскія собранія, но ради этихъ лезгинъ едва ли удобно лишать благъ гражданскаго управленія ту часть русскаго населенія сѣвернаго Кавказа, которая уже доросла до пониманія различія между благоустроенною администраціею и судомъ и произволомъ какихъ-нибудь станичныхъ атамановъ.

Вся будущность сѣвернаго Кавказа въ русской колонизаціи и въ привлеченіи туда капиталовъ. Отъ этихъ же двухъ факторовъ зависитъ и умиротвореніе края въ политическомъ отношеніи. При увеличеніи народнаго богатства чеченцы также быстро потеряютъ полудикую воинственность, какъ потеряли ее казаки Черниговской и Полтавской губерній, давно ли „промышлявшіе“ набѣгами на сосѣдей. Какая же можетъ быть серьезная колонизація и какіе капиталы завяжутся въ территоріяхъ, управляемыхъ по-казацки?

Да и затѣмъ не надобно забывать, что нынѣшняя система администраціи казачьихъ земель не имѣетъ ровно ничего общаго со старою системою казачьяго управленія, съ ихъ „кругами“ и широкою свободою выбора и контроля должностныхъ лицъ. Нынѣшняя система есть продуктъ чистѣйшаго военно-писарскаго канцеляризма, навязанный казакамъ изъ Петербурга. Въ извѣстной книгѣ генерала Фадѣева: „Вооруженныя силы Россіи“ неудобства означенной системы блистательно разобраны и оцѣнены.

Одно время поднимался вопросъ объ образованіи изъ Закаспійской области особаго генералъ-губернаторства, въ виду отдаленности ея отъ Тифлиса, которому эта область подчинялась. Такое подчиненіе представляло разныя неудобства, но справедливо не находятъ повода учреждать особое генералъ-губернаторство, съ которымъ обыкновенно связано у насъ образованіе новаго военнаго округа. Вмѣсто учрежденія въ Асхабадѣ дорого стоющаго генералъ-губернаторства

и военно-окружнаго управленія, достаточно выдѣленія Закаспійской области изъ состава Кавказскаго края и непосредственнаго подчиненія ея Петербургу. При существованіи телеграфа рѣшительно все-равно, откуда получать указанія, изъ столицы или изъ Тифлиса, по наиболѣе важнымъ дѣламъ; для текущихъ же и второстепенныхъ дѣлъ вполнѣ достаточно расширенія правъ мѣстнаго военнаго губернатора.

Собраніе сейма финляндскихъ государственныхъ чиновъ каждый разъ напоминаетъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ Финляндіи, по нашему мнѣнію генералъ-губернаторству, а по мнѣнію финновъ отдѣльному отъ Россіи государству, удалось не только сохранить свою старую шведскую конституцію, но и подчинить этой конституціи, уступленные въ 1809 году и никогда не входившіе въ составъ Финляндіи, Аландскіе острова и часть Вестерботніи, а затѣмъ и юго-восточное прибрежье Финскаго залива, принадлежавшее въ древности великому Новгороду и уже около ста лѣтъ находившееся въ непосредственной связи съ Россіей.

Финляндскіе законовѣды увѣряютъ, что все это совершилось не по великодушному изволенію Александра I, получившаго совѣты отъ нѣкоторыхъ шведскихъ патріотовъ, графа Армфельта и К°, а въ силу какого-то договора, заключеннаго между сеймомъ въ Борго и русскимъ императоромъ, договоромъ, въ силу котораго послѣдній былъ „признанъ“ финляндскимъ великимъ княземъ и съ своей стороны „обязался“ будто бы подтвердить конституцію страны. Эта нелѣпая историческая выдумка попала даже въ такое историческое сочиненіе, какъ книга Демомбина: „Constitutions européennes“, гдѣ глава о Финляндіи составлена на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ профессорами гельсингфорскаго университета, а нынѣ сенаторами Мехелинымъ и Монгомери.

Извѣстно, между тѣмъ, что мысль о созваніи сейма въ Борго, съ цѣлью разсѣянія сомнѣній тѣхъ изъ жителей Финляндіи, которые все еще считали возможнымъ возвращеніе подъ власть Швеціи, явилась послѣ побѣды при Оравайсѣ и заключенія олькіокиской конвенціи, по которой шведы обязались, очистивъ Улеаборгскую губернію, отойдти за рѣку Кеми, т. е. въ моментъ полнаго торжества русскаго оружія. Сеймъ открылся 16 марта 1809 года, но еще наканунѣ былъ обнародованъ манифестъ, подтверждавшій всѣ права, коими дотолѣ по конституціи пользовались жители Финляндіи. Объ этомъ Александръ I упомянулъ и въ своей привѣтственной французской рѣчи къ сейму въ словахъ: „Я обѣщалъ сохранить нена-

рушимо вашу конституцію, ваши основные законы; ваше собраніе служитъ залогомъ моего обѣщанія".

Гдѣ же тутъ намекъ на какой-либо договоръ съ сеймомъ? Далѣе въ своей рѣчи государь обѣщалъ сообщить сейму свои „распоряженія" на счетъ предметовъ обсужденія. Предметами этими были: распредѣленіе повинностей на содержаніе войска, измѣненіе системы податей, монетное обращеніе и организація высшаго административно-судебнаго мѣста — правительственнаго совѣта, переименованнаго потомъ въ финляндскій сенатъ. Только эти вопросы и обсудилъ сеймъ, при чемъ послѣдній вопросъ былъ разрѣшенъ уже по закрытіи сейма. Сеймъ, впрочемъ, въ нѣсколькихъ петиціяхъ обратилъ вниманіе государя и на другіе общественные вопросы. Сперанскій принималъ въ окончательныхъ трудахъ сейма дѣятельное участіе.

Такимъ образомъ, сдѣланныя Финляндіи уступки, находившіяся въ связи съ цѣлымъ рядомъ милостей, оказанныхъ населенію ея въ теченіе всей войны 1808 — 1809 года, были личнымъ изволеніемъ Александра I. Хотя онъ твердо желалъ получить Финляндію, о чемъ условился съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ, и отказался даже разсуждать о соблазнительномъ предложеніи шведскихъ дипломатовъ возвратить Финляндію подъ условіемъ возведенія на шведскій престолъ одного изъ русскихъ великихъ князей, либо принца Ольденбургскаго, супруга великой княгини Екатерины Павловны, но императора очевидно безпокоило сознаніе, какъ бы это завоеваніе, совершенно законное, не было истолковано въ Европѣ и въ Россіи какъ подачка Наполеона за содѣйствіе въ континентальной системѣ.

Великодушіе Алесандра I не было отдѣльнымъ явленіемъ, которое рѣзко противорѣчило бы общественному настроенію. Хотя немногіе русскіе люди, знакомые съ исторіей, благодарили небо за присоединеніе Финляндіи, и даже Сперанскій, руководитель сейма, вовсе не восхищался финляндской автономіей, но, по свидѣтельству Вигеля, фридрихсгамскій миръ, возвѣщенный 8-го сентября пушечными выстрѣлами съ Петропавловской крѣпости, далеко не былъ встрѣченъ изъявленіями общественной радости. „Всѣ спрашивали другъ у друга: въ чемъ состоятъ условія? Неужели большая часть Финляндіи отходитъ къ Россіи?—Нѣтъ, вся Финляндія.—Неужели по Торнео, съ частью Лапландіи? Неужели и Аландскіе острова?—И Аландскіе острова.—О, Боже мой! О, бѣдная Швеція, о бѣдные шведы! Вотъ что было слышно со всѣхъ сторонъ..."

Эти сантиментальныя глупости повторялись русской публикой

еще очень долго и ихъ съ выгодою эксплоатировали по заключеніи мира въ свою пользу финляндцы, или, вѣрнѣе, шведское меньшинство этой страны, желавшее сохранить свое господствующее въ администраціи, церкви и торговлѣ положеніе. Продолжается это эксплоатированіе и до сихъ поръ. Благодаря подобнымъ наивнымъ воззрѣніямъ, Финляндія возвратилась къ своему положенію до сейма въ Борго, т. е. она сохранила не только свои основные законы, гарантированные обѣщаніемъ Александра I, но и возстановила финскую армію, свою монету и бумажное обращеніе, и свои таможни. Мало того, возстановивъ прежніе шведскіе порядки, вытѣснивъ изъ старой Финляндіи русскихъ землевладѣльцевъ, водворившихся съ Нейштадскаго мира, и всячески заткнувъ для русскихъ подданныхъ возможность пользоваться въ Финляндіи какими-либо правами, кромѣ правъ иностранцевъ, финляндцы въ Россіи продолжали и продолжаютъ пользоваться не только всѣми правами коренного русскаго населенія, но и имѣли еще по торговлѣ огромныя и совершенно несправедливыя привилегіи, угрожавшія даже благосостоянію весьма крупныхъ отраслей русской промышленности.

Въ настоящее время только въ двухъ пунктахъ еще и сохранилась связь Россіи съ Финляндіей, кромѣ, конечно, династическаго единенія—это то, что финляндскія суда плаваютъ подъ русскимъ коммерческимъ флагомъ и встрѣчаютъ за границею консуловъ, считающихся въ русской службѣ, хотя изъ нихъ не мало финляндцевъ, и то, что телеграфы въ Финляндіи подчинены нашему Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Эти два предмета какъ бѣльмо въ глазу у финляндцевъ. Объ отдачѣ имъ телеграфовъ они недавно еще хлопотали, хотя и тщетно, въ Петербургѣ; объ учрежденіи особыхъ финляндскихъ консульствъ заграницею (такія ужъ заведены подъ другимъ названіемъ въ Петербургѣ, Ревелѣ и другихъ русскихъ портахъ!) также неоднократно заводилась рѣчь. Съ своей стороны, мы, конечно, можемъ пожелать только, чтобы эти петиціи, какъ и всѣ подобныя, имѣющія цѣлью разрушить окончательно связь Финляндіи съ Россіей, созданную русскою кровью, оставались безъ всякихъ послѣдствій.

Къ сожалѣнію финляндцы одними петиціями не ограничиваются. Быстро слѣдующія одна за другой анти-русскія демонстраціи въ Финляндіи показываютъ ненормальныя вообще отношенія къ намъ этой части Имперіи и должны, наконецъ, открыть глаза даже самымъ предубѣжденнымъ людямъ. Нельзя же думать, что въ нашей политикѣ мы махнули рукой на Финляндію и завѣдомо въ двухъ

шагахъ отъ столицы создаемъ себѣ великую опасность въ будущемъ. Такъ какъ самое предположеніе о чемъ либо подобномъ было бы преступнымъ, то пора бы заняться, кажется, нѣсколько урегулированіемъ нашихъ отношеній къ Великому Княжеству.

Вопросъ этотъ очень не новый, ибо еще Екатерина II, когда Россіи принадлежала только четверть нынѣшней Финляндіи, въ секретной инструкціи генералъ-прокурору князю Вяземскому, приведенной въ знаменитой запискѣ Карамзина о Древней и Новой Россіи, которая должна считаться Кораномъ нашей политики по отношенію къ окраинамъ, говорила что Финляндія, подобно Лифляндіи, Малой Россіи, хотя „нравятся конфирмованными имъ привилегіями и нарушать оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно было; однако же и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка". Слова эти и теперь должны быть руководящею нитью нашей политики.

Мы не стремимся, впрочемъ, несмотря на племенную рознь финновъ и шведовъ, отнять или ограничить органическіе законы этой страны. Такое подчиненіе обратило бы Финляндію, имѣющую хотя и устарѣлое, но все-таки недурное государственное устройство, въ обыкновенную русскую губернію, а выдерживаетъ ли какая нибудь наша губернія даже отдаленное сравненіе съ Финляндіей?

Въ Финляндіи менѣе двухъ милліоновъ жителей, почва скудна, народъ—финны не слишкомъ одаренъ отъ природы; сравнимъ ее, однако, съ русской губерніей такого же населенія, но въ несравненно болѣе благопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, напримѣръ, хоть Черниговской губерніей. Гдѣ въ послѣдней университетъ, масса учебныхъ заведеній, газетъ, отличныя дороги, фабрики, производительность которыхъ извѣстна въ цѣломъ мірѣ, гдѣ благоустроенные города, освѣщенные газомъ, порядокъ и уваженіе къ закону и т. д. Такъ можно ли серьезно толковать о насильственномъ обращеніи Финляндіи въ русскую область? Это значило бы отодвинуть Финляндію на степень Олонецкой, Архангельской или Вологодской губерній, умирающихъ съ голоду среди гигантскихъ богатствъ, ихъ окружающихъ и лежащихъ мертвымъ капиталомъ.

Если мы желаемъ объединенія и возстаемъ противъ усиленія обособленности, то вовсе не ради примѣненія къ Финляндіи становыхъ приставовъ. Есть почва, на которой, сохраняя за Финляндіей счастливыя особенности ея организаціи, мы могли бы за

двадцать лѣтъ достигнуть значительнаго сближенія. Таково общее устройство арміи, флота, общее таможенное и почтовое устройство, одинаковое торговое законодательство, общая монета, мѣры, вѣсы и т. д. Мы не говоримъ ужъ объ отмѣнѣ такихъ несправедливостей, какъ то, что финляндскіе подданные пользуются въ Россіи всѣми правами русскихъ подданныхъ, а русскіе въ Финляндіи считаются за иностранцевъ. Охрана Финляндіи составляетъ для нашего бюджета $2^1/_2$ милл. чистаго убытка въ годъ; финляндцы не принимаютъ также участія въ бюджетѣ Министерства Императорскаго Двора.

Въ отмѣнѣ подобныхъ несправедливостей и въ болѣе тѣсномъ экономическомъ и военномъ сближеніи мы и полагаемъ задачу русской политики по отношенію къ Финляндіи. Тѣсная экономическая связь гораздо лучше сблизитъ насъ, нежели платоническое чувство признательности. Народы не знаютъ признательности, но очень хорошо знаютъ свои интересы.

И по мнѣнію Ивана Аксакова, намъ нѣтъ повода измѣнять порядокъ управленія, существующій въ Финляндіи. Хотя Финляндія копируетъ до обезьянства шведскія учрежденія и тѣмъ ежедневно отдѣляется все болѣе отъ Россіи, но и въ этомъ нѣтъ еще непосредственной опасности; опасность будетъ, когда господствующее въ Великомъ Княжествѣ меньшинство отыметъ окончательно возможность для массы финскаго народа развиваться иначе, какъ въ узкихъ шведскихъ рамкахъ, и всячески закроетъ для финновъ путь къ сближенію съ Россіей. Въ предвидѣніи этого, не вторгаясь непосредственно въ законодательную и административную дѣятельность Великаго Княжества, Аксаковъ предполагалъ подчинить ихъ контролю какого либо высшаго русскаго государственнаго учрежденія.

Подобныхъ учрежденій три: Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ, первый департаментъ Сената. Финляндскія узаконенія и высшія правительственныя распоряженія не слѣдовало бы распубликовывать ранѣе, чѣмъ одно изъ этихъ учрежденій выскажется, не входя въ существо и детали проекта, нѣтъ ли въ немъ чего вреднаго по отношенію къ русскимъ интересамъ. Отчеты финляндскаго генералъ-губернатора также могли бы разсматриваться съ русской точки зрѣнія русскимъ компетентнымъ учрежденіемъ и на нихъ дѣлаться соотвѣтственныя замѣчанія.

При такой системѣ контроля нормальное теченіе финляндскихъ дѣлъ нисколько не было бы затруднено, Финляндія пользовалась бы своею автономіею, по скольку оная не противорѣчитъ интересамъ и достоинству Россіи, но верховная власть была бы обезпе-

чена, что нѣтъ ни малѣйшихъ поводовъ къ антагонизму двухъ нераздѣльныхъ частей Имперіи. Означенная система контроля сдѣлала бы конечно совершенно излишнимъ дальнѣйшее существованіе такъ называемаго Статсъ-секретаріата по дѣламъ Великаго Княжества Финляндскаго. Это учрежденіе скопировано со шведскаго, именно съ существующаго въ Стокгольмѣ для норвежскихъ дѣлъ. Но не надобно забывать великой разницы, что Норвегія — страна вполнѣ независимая, имѣющая со Швеціей только общаго короля, ограниченнаго настолько, что, отправляясь въ Норвегію, онъ не имѣетъ права брать съ собою въ свитѣ ни одного шведа, тогда какъ Финляндія—только часть Россіи, пользующаяся, изволеніемъ русскихъ самодержавныхъ государей, особымъ устройствомъ, какъ пользовались совершенно особымъ устройствомъ — Бессарабія, Мингрелія, Вольная Сванетія и пр.

Если Статсъ-секретаріатъ и можетъ быть сохраненъ въ будущемъ, то развѣ какъ высшая прокурорская власть Россіи надъ Финляндіей, а не какъ представительство финляндской державы при особѣ русскаго Императора, чѣмъ de facto Статсъ-секретаріатъ сталъ нынѣ.

ГЛАВА VII.

Генералъ-губернаторы.

Главныя управленія Оренбургскимъ и Степнымъ краями, Западно-Сибирскимъ, Иркутскимъ и Приамурскимъ генералъ-губернаторствами.

При учрежденіи въ 30-хъ годахъ Оренбургскаго генералъ-губернаторства ему былъ подчиненъ обширный, мало устроенный и неспокойный край. Близъ самаго Оренбурга шла граница и таможенная черта, за предѣлами которой двѣ киргизскія орды считались только въ поминальномъ подданствѣ Россіи и вызывали постоянныя экспедиціи для своего успокоенія. Нынѣшняя Самарская губернія еще только колонизировалась, а Оренбургская, т. е. нынѣшнія Уфимская и Оренбурская, частью состояла изъ земель, управляемыхъ на военныхъ началахъ, частью формировалась еще присоединеніемъ такъ называемой Новой линіи. Компетенція генералъ-губернаторства распространялась на Мангышлакъ и восточное прибрежье Каспійскаго моря, а генералъ-губернаторъ велъ дипломатическіе переговоры съ независимыми владѣтелями Средней Азіи. Очевидно, что въ подобномъ краѣ требовалась сильная центральная власть, и управленія Перовскаго, Обручева и Безака принесли значительную долю пользы.

Но за пятьдесятъ лѣтъ обстоятельства совершенно видоизмѣнились. Самарская губернія была изъята изъ вѣдѣнія Оренбурга, какъ ничѣмъ не отличающаяся отъ другихъ нашихъ приволжскихъ губерній. Съ уничтоженіемъ Башкиро-мещерякскаго казачьяго войска и съ введеніемъ земскихъ учрежденій, въ такое же положеніе стала и Уфимская губернія, изъ побережій Каспійскаго моря была образована Закаспійская область, подчиненная намѣстнику кавказскому. Внутренняя букеевская орда присоединена къ Астраханской губерніи.

Оренбургская губернія на двѣ трети состоитъ изъ земель оренбургскаго казачьяго войска, имѣющаго особое управленіе, подчиненное Военному Министерству и вовсе ничѣмъ не связанное съ общею гражданскою администраціей. Наконецъ, съ упраздненіемъ таможенной черты, удаленіемъ границы отъ Сыръ-Дарьи и образованіемъ туркестанскаго генералъ-губернаторства Оренбургскій край пересталъ былъ пограничнымъ и потерялъ стратегическое и военно-политическое значеніе. Въ административномъ же отношеніи генералъ-губернаторство приносило такъ мало пользы, что не могло содержать исправнаго почтоваго сообщенія между Оренбургомъ и Перовскомъ и даже казенные путешественники предпочитали дѣлать тысячи двѣ верстъ крюка, дабы избѣжать благъ странствованія по этому краю. А пути сообщенія служатъ лучшимъ мѣриломъ культуры данной мѣстности.

Въ ненормальномъ положеніи оставалась только часть Киргизской степи, входящая въ составъ областей Тургайской и Уральской. Ради ихъ собственно и признавалось необходимымъ имѣть въ Оренбургѣ особаго главнаго начальника. Но и по отношенію къ киргизамъ обстоятельства сильно перемѣнились. Съ учрежденіемъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства и съ усмиреніемъ Хивы, Киргизская степь стала внутренней областью и успокоилась. Вспышка 1869 г. была послѣдней попыткой противустоять русской гражданственности и русской администраціи. Съ тѣхъ поръ ничего въ этомъ краѣ выдающагося, кромѣ крупныхъ скотскихъ падежей отъ большихъ снѣговъ, не происходило. Большинство городовъ Тургайской области существовало попрежнему лишь на бумагѣ, а лучшая часть Уральской области, какъ земля Уральскаго казачьяго войска, была подчинена Военному Министерству, слѣдовательно необходимость въ особомъ для нея главномъ управленіи въ Оренбургѣ не ощущалась.

Впрочемъ Киргизскую степь не лишнее бы до времени подчинять какому либо лицу, облеченному значительною политическою и военною властью. Для этого не надобно имѣть особаго генералъ-губернатора, достаточно области Тургайскую и Уральскую подчинить туркестанскому генералъ-губернатору, имѣющему у себя къ краѣ не мало киргизовъ и слѣдовательно знающему, какъ съ ними обращаться. Хотя обязанности туркестанскаго генералъ-губернатора и безъ того довольно сложны, но не подлежитъ сомнѣнію, что управленіе двумя милліонами лишнихъ киргизовъ не особенно обременило бы его. Можно было вмѣсто двухъ существо-

вавшихъ генералъ-губернаторствъ, Оренбургскаго и Западной Сибири, образовать одно степное или Киргизскаго края съ центромъ управленія въ Акмолинскѣ или Омскѣ, смотря по удобству. Означеннымъ преобразованіемъ сокращались бы значительно расходы, а губерніи: Уфимская, Тобольская, Томская и не военная часть Оренбургской вошли бы въ нормальное положеніе. Новый же степной генералъ-губернаторъ обратилъ бы вниманіе на устройство своего непочатаго края, занялся бы тамъ русской колонизаціей, ирригаціей, проведеніемъ дорогъ и развитіемъ горнаго дѣла, для котораго восточная часть Киргизской степи представляетъ богатыя данныя.

Вопросъ былъ рѣшенъ иначе: для степныхъ областей Тургайской и Уральской правительство признало излишнимъ мѣстное главное управленіе, почему подчинило эти области непосредственно Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Военному. Само собою, что противъ такого порядка вещей ничего возразить нельзя. Децентрализація отличная вещь, но только тогда, когда она является въ формѣ широкаго мѣстнаго самоуправленія. Генералъ-губернаторскія же канцеляріи ничего общаго съ децентрализаціей неимѣютъ. Упраздненіе Оренбургскаго генералъ губернаторства полезно прежде всего въ смыслѣ сокращенія расходовъ. Конечно, тутъ ожидать крупныхъ сбереженій нечего, но и сотня тысячъ рублей, которую поглощала излишняя часть административнаго механизма, не лишена значенія. Ея можно съ пользою употребить въ томъ же краѣ на орошеніе, межеваніе, устройство дорогъ и т. п.

Упраздненіе оренбургскаго военнаго округа еще болѣе было настоятельно необходимо, нежели упраздненіе генералъ-губернаторства. Войска округа состояли преимущественно изъ двухъ казачьихъ войскъ Уральскаго и Оренбургскаго, имѣвшихъ свои особыя управленія; число линейныхъ войскъ въ краѣ было всегда ничтожно, нѣсколько баталіоновъ; между тѣмъ для этихъ баталіоновъ содержались особые штабы, отдѣльныя артиллерійскія, инженерныя, интендантскія, военно-медицинскія, военно-топографическія и др. управленія и канцеляріи, составляющія квинтъ-эссенцію военно-окружной системы, имѣющей цѣлью занять сотни чиновничьихъ рукъ микроскопическимъ трудомъ.

Съ упраздненіемъ округа, Оренбургскій край съ западною частью Киргизской степи подчинился казанскому, а не туркестанскому военному округу. По всей вѣроятности, соображенія стратегическія были здѣсь поставлены на второй планъ передъ интересами болѣе деше-

аго содержанія войскъ. Снабженіе степи изъ Приволжья удобнѣе, ежели изъ Туркестана, поэтому и безъ того всякаго рода торги заготовленія приходилось бы дѣлать въ Казани, а не въ Ташентѣ.

Упраздненіе Западно-сибирскаго генералъ-губернаторства, проуществовавшаго около пятидесяти лѣтъ, также давно составляло асущную потребность. Губерніи Тобольская и Томская ничѣмъ уществено не отличались отъ сосѣднихъ съ ними губерній Евроейской Россіи, а съ устройствомъ телеграфныхъ сношеній онѣ тали въ одинаковое разстояніе въ административномъ отношеніи тъ Петербурга съ остальными губерніями Россіи, управляемыми а общемъ основаніи. Томская и Тобольская губерніи гораздо лиже по своему быту къ чисто-русскимъ губерніямъ, чѣмъ больая часть южныхъ губерній Россіи, а по своему географическому оложенію не требовали никакой политической власти. На китайко-монгольской границѣ, прилегающей къ Томской губерніи, по тсутствію населенія, также никакихъ серьезныхъ дѣлъ возникнуть е могло.

Существованіе особаго генералъ-губернаторства въ Западной Сибири можно было бы еще допустить, еслибы мѣстное главное ачальство проявило чѣмъ либо свою попечительность о нуждахъ рая, но на этотъ счетъ, кажется, ни одинъ генералъ-губернаторъ Западной Сибири не могъ похвастать чѣмъ либо, если не считать окойнаго генерала Гасфорта, представившаго Министерству Внуреннихъ Дѣлъ проектъ „промежуточной“ вѣры между магометантвомъ и христіанствомъ, въ которую слѣдовало, по мнѣнію генеалъ-губернатора, обращать предварительно киргизовъ для облегенія имъ дальнѣйшаго перехода въ православіе. Проектъ предтавлялъ удивительный плодъ канцелярской премудрости, и желательно, чтобы онъ когда либо былъ опубликованъ для вразумленія рядущихъ администраторовъ нашихъ окраинъ.

Затѣмъ изъ генералъ-губернаторовъ Западной Сибири, прожиавшихъ съ 1839 году въ скучномъ Омскѣ (этотъ безжизненный ородъ также въ своемъ родѣ изобрѣтеніе канцелярской премудроти), только генералъ Казнаковъ, въ первый годъ своего управленія, т. е. въ 1875 г., проявилъ живую дѣятельность и представилъ ядъ предположеній довольно разумныхъ, въ особенности по части олонизаціи края, которыя, впрочемъ, застряли въ разныхъ петербургскихъ департаментахъ и остались безъ исполненія. Кромѣ того минутнаго одушевленія на благо общественное Омскъ служилъ

лишь совершенно ненужною инстанціей, куда совершали напрасны прогулки губернаторскія представленія изъ Тобольска и Томск прежде, чѣмъ пойти въ Петербургъ. Такимъ образомъ, упраздне ніе генералъ-губернаторства Западной Сибири повліяло лишь на скорѣйшее теченіе дѣлъ и не вызвало ничьихъ сожалѣній, кромѣ десятка оставшихся за штатомъ чиновниковъ.

Восточная часть Киргизской степи находится въ совсѣмъ другомъ положеніи, нежели губерніи Томская и Тобольская. Хотя киргизы народъ очень мирный и съ учрежденіемъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства опасность ихъ возстанія сдѣлалась совершенно ничтожною, но какъ народъ кочевой и находящійся въ младенческомъ состояніи цивилизаціи, онъ требуетъ власти твердой и снабженной обширными полномочіями. Эта власть должна служить для обузданія чиновничества, обыкновенно склоннаго къ злоупотребленіямъ среди инородческаго населенія, не знающаго ни русскаго языка, ни русскихъ законовъ. Здѣсь также необходимо, чтобы власть военная находилась въ однѣхъ рукахъ съ властью гражданскою. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что для восточной части Киргизской степи, какъ и для другихъ частей Средней Азіи, сохраненіе генералъ-губернаторскаго управленія еще надолго останется необходимымъ.

Вопросъ, однако: требовалось ли для областей Акмолинской и Семипалатинской учрежденіе новаго Степного генералъ-губернаторства? Послѣднее имѣло бы значеніе, еслибы оно распространялось на всю Киргизскую степь, но вся западная половина послѣдней, такъ называемыя области Уральская и Тургайская, остались, за упраздненіемъ Оренбургскаго генералъ-губернаторства, какъ мы говорили, въ непосредственномъ подчиненіи министерствамъ, а въ военномъ отношеніи онѣ подчинились отдаленному управленію Казанскаго военнаго округа. Новое Степное генералъ-губернаторство касается только восточной части степи, содержащей, включая и прибавленную для округленія Семирѣченскую область, менѣе $1^1/_2$ милл. жителей, изъ которыхъ не кочевого населенія не наберется одной десятой. Какъ на необходимость генералъ-губернаторства указывалось на границу съ Китаемъ, наши отношенія къ которому замѣтно ухудшились въ послѣднее время. Едва ли, однако, граница здѣсь имѣетъ такое важное политическое значеніе. Извѣстно, что Китай примыкаетъ къ намъ по западной своей границѣ весьма мало населенною частью своихъ внѣшнихъ областей, торговые обороты Россіи съ Китаемъ по означенной границѣ крайне

незначительны, наконецъ, дружба Россіи съ Китаемъ зависитъ не столько отъ современнаго устраненія мелкихъ безпорядковъ на отдаленныхъ границахъ, сколько отъ искусной дипломатіи въ Пекинѣ и отъ убѣжденія тамошнихъ заносчивыхъ мандариновъ въ нашей силѣ.

По этимъ соображеніямъ мы и полагали, что Степное генералъ-губернаторство могло бы въ одинаковой степени быть замѣнено простымъ подчиненіемъ въ военномъ и политическомъ отношеніи всей Киргизской степи Туркестанскому генералъ-губернаторству. Конечно, это имѣло бы свои неудобства, напримѣръ, по необходимости посылать нѣкоторые пакеты изъ Семипалатинска или Омска сначала въ Ташкентъ, а потомъ въ Петербургъ; но такое неудобство могло бы значительно уменьшиться благоразумнымъ расширеніемъ власти губернаторовъ отдѣльныхъ областей сноситься съ министерствами прямо по множеству второстепенныхъ вопросовъ, гдѣ заключеніе генералъ-губернатора совершенно не нужно.

Кромѣ немаловажныхъ расходовъ, существованіе рядомъ двухъ генералъ-губернаторствъ, не считая того, что половина степи управляется непосредственно изъ Петербурга и Казани, можетъ сдѣлаться при различіи взглядовъ главныхъ начальниковъ источникомъ столкновеній и пререканій въ вопросахъ средне-азіятской политики, требующей, наоборотъ, единства и строгой послѣдовательности.

На учрежденіи Степного и упраздненіи Оренбургскаго генералъ-губернаторствъ переустройство Киргизской степи не остановилось. Теперь возникаетъ проектъ объ упраздненіи Тургайской области и учрежденіи вмѣсто нея Казалинской, причемъ южная часть области отойдетъ къ Туркестанскому генералъ-губернаторству, а сѣверная—сольется съ Оренбургскою губерніею. Акмолинская область переименовывается въ Омскую.

Преобразованіе главнаго управленія, Восточной Сибири, вслѣдъ за упраздненіемъ Западно-сибирскаго генералъ-губернаторства, почти окончательно разрушило тотъ порядокъ устройства высшаго сибирскаго управленія, который былъ положенъ Сперанскимъ послѣ его знаменитой ревизіи.

Сибирь долгое время управлялась, какъ какой нибудь пашалыкъ, по произволу своихъ администраторовъ. Въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ многократно мѣнялись названія учрежденій: являлись воеводы, губернаторы, намѣстники, генералъ-губернаторы, но сущность оставалась та же—самовластіе, безконтрольность и лич-

ный произволъ развивались, благодаря отдаленности страны. Правительство мѣняло лицъ, но систему измѣнить было безсильно, и свѣжіе люди, пріѣзжавшіе на мѣсто, видѣли, что съ тѣми элементами, которые они имѣли въ рукахъ, и дѣйствовать было иначе невозможно.

Не все однако было дурно и въ это старое время. Многіе администраторы „желѣзнаго вѣка" выказали распорядительность и хозяйственную сметку. Мы видимъ по этому, что, несмотря на многочисленныя препятствія, въ Сибири устроились почтовыя сообщенія, развилось горное дѣло, упрочилась кяхтинская чайная торговля, нѣсколько упорядочилась ссылка, а крестьяне жили въ Сибири навѣрное богаче, чѣмъ внутри Россіи, конечно за исключеніемъ мѣстностей уже вовсе неблагопріятныхъ для культуры, въ родѣ Туруханскаго края или Якутской области.

Замѣнить старинную патріархальную систему управленія строго законнымъ порядкомъ было цѣлью реформы 20-хъ годовъ. Преобразованіе сибирскаго управленія, сдѣланное Сперанскимъ,—который свою командировку въ Сибирь, замѣтимъ, считалъ только почетной ссылкой,—не удовлетворило однако ожиданіямъ и страдало недостатками, которые съ перваго же раза были замѣчены. Оно повело къ послѣдствіямъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которыя были высказаны въ программѣ, начертанной въ основаніяхъ. Какъ всѣ созданія Сперанскаго, преобразованіе сибирскаго управленія имѣло характеръ чисто бюрократическій, увеличило до крайности письменное производство, и благія намѣренія остались на бумагѣ.

Произволъ начальниковъ края Сперанскій полагалъ ограничить учрежденіемъ при генералъ-губернаторахъ и губернаторахъ совѣтовъ изъ чиновниковъ мѣстнаго управленія и частью отъ министерства. Члены совѣта непринятое ихъ мнѣніе имѣли право представлять высшему начальству. Такимъ образамъ введеніе коллегіальнаго начала должно было ослаблять власть единоличную и устанавливался взаимный контроль одного учрежденія другимъ. Подобный же планъ преобразованія былъ предложенъ, какъ извѣстно, въ 1816 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевымъ для всей Россіи.

На дѣлѣ никакого существеннаго контроля совѣты не представляли, власти генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ они не ограничивали, пользуясь своимъ правомъ протеста лишь по дѣламъ второстепеннымъ. Коллегіальный же порядокъ велъ къ медленности, когда и безъ того, вслѣдствіе огромныхъ разстояній и недостатк

путей сообщенія, дѣлопроизводство въ Сибири отличалось и отличается крайнею медленностью.

Вслѣдъ за упраздненіемъ генералъ-губернаторства въ Западной Сибири предполагалось въ Восточной Сибири образовать два генералъ-губернаторства; первое изъ губерній: Енисейской, Иркутской и Якутской области; второе изъ областей: Забайкальской, Амурской, Камчатской, Уссурійской и Сахалинской. Центральнымъ административнымъ пунктомъ новаго генералъ-губернатора назначался Благовѣщенскъ, а для губернаторовъ областей Забайкальскаго — въ Читѣ, Амурскаго въ Хабаровкѣ, Камчатскаго въ Петропавловскѣ, Уссурійскаго — въ Владивостокѣ и Сахалинскаго — въ слободѣ Александровской, возникшей на западномъ берегу острова Сахалина, не въ далекомъ разстояніи отъ Дуэ. Сѣверная граница Уссурійской области, смежная съ Амурскою, должна была проходить по хребту Цехицыръ, часть Приморской области на сѣверъ отъ Цехицыра отойти къ Амурской, въ которую взамѣнъ того входилъ Охотскій округъ, наконецъ, самая сѣверная часть Приморской области образовала бы Камчатскую область.

Такое административное дѣленіе, по словамъ прожектеровъ, представляетъ „большія выгоды для гражданскаго развитія нашихъ восточныхъ окраинъ, а въ военномъ отношеніи облегчаетъ защиту нашихъ границъ, сосредоточивая власть въ Благовѣщенскѣ, какъ въ главномъ административномъ пунктѣ, находящемся почти на срединѣ граничнаго протяженія отъ р. Туменьулы на востокъ до границы Иркутской губерніи на западъ".

Признаться сказать, мы рѣшительно не понимаемъ мотивовъ, которые могли бы вызывать необходимость въ огромномъ и совершенно непроизводительномъ расходѣ на учрежденіе столькихъ новыхъ канцелярій и другихъ административныхъ учрежденій въ Восточной Сибири.

Проектъ учрежденія для Амурскаго и Приморскаго краевъ особаго генералъ-губернаторства давно существовалъ, но его обыкновенно связывали съ упраздненіемъ генералъ-губернаторства въ Иркутскѣ. Дѣйствительно, послѣ того какъ Тобольская и Томская губерніи благополучно существовали послѣ уничтоженія генералъ-губернаторства Западной Сибири, не было никакихъ резоновъ для сохраненія генералъ-губернатора для губерній Енисейской, Иркутской и области Якутской. Первыя двѣ въ политическомъ отношеніи не отличаются отъ губерніи Томской, также граничащей съ Китаемъ, а по части инородцевъ и малой населенности Якутская

область и Туруханскій край не далеко ушли отъ Обдорскаго края.

Это было настолько ясно, что при управленіи Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ графомъ Игнатьевымъ состоялось даже повелѣніе объ отдѣленіи Енисейской губерніи отъ генералъ-губернаторства Восточной Сибири. Если означенное повелѣніе не исполнено было въ свое время, то по чисто второстепеннымъ административнымъ соображеніямъ, а именно предстояло выяснить вопросъ, кому подчинить нѣкоторыя учрежденія въ Енисейской губерніи, напримѣръ, учебныя заведенія, вѣдавшіяся болѣе или менѣе самостоятельно изъ Иркутска.

Такимъ образомъ доказывать необходимость сохраненія генералъ-губернаторства въ Иркутскѣ, да еще въ уменьшенномъ противу прежняго объемѣ, почти излишне. Оно осталось однимъ изъ ненужныхъ административныхъ тормазовъ, такъ какъ въ затруднительныхъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы изъ Енисейска спросить разрѣшеніе прямо изъ С.-Петербурга, приходится спрашивать его черезъ Иркутскъ, т. е. терять понапрасну нѣсколько дней, иногда драгоцѣнныхъ. Всѣ вопросы сколько нибудь замысловатые легко могутъ быть разрѣшаемы сношеніемъ по телеграфу съ Петербургомъ, да и число подобныхъ вопросовъ не можетъ быть значительно, ибо вышеозначенныя области по складу жизни мало чѣмъ отличаются отъ сѣверныхъ и восточныхъ губерній Европейской Россіи, Архангельской, Пермской, Астраханской и др., давно управляющихся безъ генералъ-губернаторовъ.

Упраздненіе же генералъ-губернаторства дало бы суммы, на которыя могли быть увеличены содержанія крайне ограниченныя губернскихъ чиновниковъ, самое же важное—оно, упраздняя излишнюю административную инстанцію, ускорило бы теченіе дѣлъ и безъ того въ Сибири поражающее медленностью.

Приморскую и Амурскую области можно разсматривать какъ наши колоніи. Здѣсь не худо имѣть управленіе въ извѣстной степени самостоятельное и отъ С.-Петербурга мало зависимое, хотя по нѣкоторымъ соображеніямъ учрежденіе генералъ-губернаторства представляется и тутъ роскошью; скорѣе желательно бы расширеніе власти губернатора, даже исправника. Какая польза, напримѣръ, для Камчатки отъ генералъ-губернатора, живетъ ли онъ въ Иркутскѣ или Хабаровкѣ? Почта ходитъ въ Камчатку два или три раза въ годъ, и если Петропавловскъ имѣетъ еще экстренныя сношенія, то скорѣе съ Санъ-Франциско, а не съ портами Приморской области Восточной Сибири. Понятно, при такомъ отдаленіи, гдѣ

бы ни жилъ генералъ-губернаторъ, все равно отъ него для Камчатки своевременно нельзя получить никакихъ указаній, а отвѣта по почтѣ скорѣе можно дождаться черезъ Америку изъ С.-Петербурга, нежели изъ Иркутска или Хабаровки. Если такое важнѣйшее извѣстіе, какъ манифестъ о восшествіи на престолъ Государя Императора, хотя и посланное съ нарочными казаками, пришло въ 1881 году въ Камчатку лишь черезъ пять мѣсяцевъ, то какихъ Камчатка можетъ дождаться генералъ-губернаторскихъ наставленій по текущимъ дѣламъ?

Раздѣленіе Приморской области на три области также нельзя было признать мѣрою очень практическою. Если для созданія губерній брать за норму лишь одну площадь территоріи, то изъ Якутской области или Туруханскаго уѣзда Енисейской губерніи можно накроить двадцать нѣмецкихъ королевствъ, двѣсти губерній, пятьсотъ французскихъ департаментовъ. Очевидно, правильнѣе брать въ разсчетъ населеніе; но его въ Приморской области всего-то тысячъ пятьдесятъ, въ томъ числѣ треть китайцевъ, не состоящихъ въ нашемъ подданствѣ и, почти не признающихъ нашей власти, треть полудикихъ инородцевъ, живущихъ, такъ сказать, внѣ административной машины, и треть казаковъ, сухопутныхъ войскъ и моряковъ, имѣющихъ спеціальное начальство. Для кого же необходимы были новые административные органы и къ кому они могли прилагать свои попеченія?

У сахалинскаго губернатора не будетъ другого населенія въ области, кромѣ 2 или 3 тысячъ ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ и батальона конвойныхъ солдатъ. Не проще ли назначить сюда не губернатора, а энергическаго и толковаго смотрителя тюрьмы. Тоже и для Камчатки. Въ предполагавшемся губернскомъ городѣ Петропавловскѣ осталось 350 жителей и по городскому бюджету издерживается на „народное образованіе“ 2 р. 50 к., а на очистку города отъ палыхъ кошекъ и собакъ 10 рублей. Въ Камчатскомъ краѣ нѣтъ земледѣлія; торговля ограничивается приходомъ 3-хъ кораблей въ годъ. Еслибы губернаторъ пожелалъ посѣтить какой либо изъ населенныхъ пунктовъ своей области, состоящій изъ трехъ, четырехъ рыбачьихъ хижинъ, то на одинъ уголь, который сгоритъ на каменномъ пароходѣ въ эту поѣздку за нѣсколько тысячъ верстъ, можно облагодѣтельствовать всѣхъ жителей посѣщаемаго уголка; можно даже снять фотографическіе портреты всѣхъ жителей области и собрать ихъ въ альбомъ попечительнаго начальства.

По нашему мнѣнію, не созданіе новыхъ должностей и новыхъ

канцелярій требуется для Восточной Сибири, а сокращеніе существующихъ. Необходимо упразднить иркутское генералъ-губернаторство, а области Амурскую и Приморскую соединить въ одну губернію, назначивъ административнымъ центромъ Хабаровку. Губернатору этой области слѣдуетъ дать права генералъ-губернатора, а главное выбирать на этотъ постъ хорошаго хозяина, въ родѣ того, что въ старые годы были въ губерніяхъ Новгородской графъ Сиверсъ, Пермской—Модерахъ, а недавно въ Семирѣченской области—генералъ Колпаковскій. Кромѣ широкихъ правъ надобно новому губернатору предоставить въ полное распоряженіе на нужды края всѣ тѣ сбереженія, которыя будутъ сдѣланы отъ сокращенія излишнихъ должностей. Съ деньгами и полномочіями дѣятельный человѣкъ можетъ кое-что подѣлать, хотя и онъ противъ природы не пойдетъ. Серьезнаго же развитія Приморскаго края можно ожидать лишь когда удесятерится его населеніе, что сдѣлаютъ не губернаторы, а устройство срочнаго пароходства и облегченіе эмиграціи изъ малоземельныхъ уѣздовъ Европейской Россіи.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи проекта Государственный Совѣтъ призналъ излишнимъ сейчасъ же перекраивать край на новыя губерніи и области и создавать такимъ образомъ новыя административныя должности—въ краѣ, гдѣ жителей менѣе, чѣмъ въ какомъ либо уѣздѣ одной изъ нашихъ населенныхъ губерній, и эта горсть людей разбросана на территоріи, превосходящей въ четыре раза Австро-Венгерскую имперію, но генералъ-губернаторство признано необходимымъ въ видахъ политическихъ и военныхъ: по важности для Россіи ея положенія на Тихомъ океанѣ и на границѣ съ враждебнымъ намъ Китаемъ, предпринявшимъ цѣлый рядъ мѣръ для колонизаціи Манджуріи съ цѣлью созданія болѣе солиднаго операціоннаго базиса на случай войны съ Россіей. Тутъ требуется лицо достаточно полномочное для принятія въ случаѣ нужды быстрыхъ и энергическихъ рѣшеній. Тѣ же соображенія руководили учрежденіемъ Степного генералъ-губернаторства.

Приморская область важна и по возникающимъ сношеніямъ Россіи съ Японіей, по возможности завязать несравненно болѣе дѣятельныя и полезныя для края сношенія съ сосѣдней Кореей, которая сдѣлалась теперь доступною для иностранцевъ, по тому значенію, которое, въ случаѣ обще-европейской войны, можетъ имѣть дѣятельное крейсерство въ портахъ Тихаго океана.

Экономически Приморская область также заслуживаетъ вниманія. Южная часть ея, называемая Южно-Уссурійскимъ краемъ,

есть пунктъ весьма удобный для колонизаціи; сюда будутъ мало-по-малу перевозиться избытки безземельныхъ крестьянъ изъ средней и юго-западной Россіи и мѣста для новыхъ переселенцевъ хватитъ еще на десятки лѣтъ. Въ свою очередь, такое переселеніе, обезпечивая наше пароходство обратными фрахтами, станетъ содѣйствовать развитію русской торговли и мореходства на дальнемъ Востокѣ. Сахалинъ съ его огромными залежами каменнаго угля, лѣсными и рыбными богатствами, удобный пунктъ для каторжной колоніи, и надобно только радоваться, что стали закрывать дорогія и безполезныя центральныя тюрьмы внутри Россіи, чтобы сосредоточить каторжныя работы на островѣ. У насъ думали было, въ угоду нѣсколькимъ тупоумнымъ теоретикамъ, отказаться отъ ссылки въ Сибирь, но, къ счастью, очень скоро сознали свою ошибку и, если Сахалинъ долго еще конечно не будетъ имѣть ничего общаго съ раемъ земнымъ, то вѣдь въ такомъ дѣлѣ, какъ созданіе изъ отверженцевъ общества честнаго и трудолюбиваго населенія, надобно дожидаться по крайней мѣрѣ третьяго или четвертаго поколѣнія. Разбойники и убійцы не могутъ воспитать своихъ дѣтей въ духѣ благочестія и любви къ наукѣ; слава Богу, если дѣти ихъ будутъ только наполовину мазурики; дѣти послѣднихъ, сохраняя кое-какія дурныя наслѣдственныя черты отцовъ и дѣдовъ, станутъ уже почти хорошими гражданами, а правнуки бывшихъ каторжныхъ сдѣлаются и совсѣмъ джентельменами. Такъ было въ Австраліи, такъ будетъ несомнѣнно и на Сахалинѣ. Ничего же подобнаго не можетъ быть въ центральныхъ тюрьмахъ, гдѣ истинными каторжными является болѣе охрана, день и ночь дежурящая, а не сами заключенные, сидящіе сложа руки.

И сѣверная часть Приморской области не лишена значенія. Теперь это—гибнущій въ своемъ родѣ край; но примѣръ сосѣднихъ съ Камчаткою Командорскихъ острововъ, арендуемыхъ американской компаніей Гутчисона и Коля, доказываетъ, что и здѣсь при умѣніи можно существовать и даже благодушествовать. Какъ выгодны промыслы, видно изъ того, что за 8 лѣтъ до срока аренды Командорскихъ острововъ, заключенной бывшимъ директоромъ департамента полиціи г. Косаговскимъ, американская компанія предлагала немедленно же возвысить арендную плату, если согласятся продолжить договоръ. Пронюхавъ это, явились у американцевъ сейчасъ же конкуренты. Значитъ и въ сѣверной части новаго генералъ-губернаторства можно кое-что сдѣлать.

Приамурское генералъ-губернаторство должно главнымъ обра-

зомъ заняться содѣйствіемъ по мѣрѣ силъ развитію экономическихъ силъ края. Сообразно такому назначенію организовано и новое генералъ-губернаторское управленіе. Собственно канцелярскій элементъ въ немъ незначителенъ, но при управленіи назначены спеціалисты по тюремной, горной, лѣсной и др. частямъ, необходимые для обслѣдованія тѣхъ вопросовъ, которые будутъ постоянно представляться управленію.

Наиболѣе спорнымъ пунктомъ при учрежденіи Приамурскаго генералъ-губернаторства служилъ вопросъ о Забайкальской области. Одни доказывали, что безъ Забайкалья новое генералъ-губернаторство не будетъ имѣть смысла, ибо Забайкалье въ экономическомъ отношеніи базисъ для Приамурскаго края, а въ политическомъ, по пограничности съ Китаемъ, находится буквально въ томъ же положеніи, какъ и Амурская область и Уссурійскій край. Другіе, особенно иркутская администрація, не признавали этого, подозрѣвая, что съ отнятіемъ пограниченной черты Забайкальской области уничтожается послѣдній предлогъ для сохраненія въ Иркутскѣ особаго генералъ-губернаторства. Сторонники этого мнѣнія утверждали, то Забайкальская область присоединяется къ новому генералъ-губернаторству вѣроятно только ради того, что не ловко имѣть особаго генералъ-губернатора для населенія въ 100,000, т. е. такого, какое живетъ у насъ въ столицѣ въ Казанской и Спасской частяхъ, вѣдающихся нѣсколькими участковыми приставами, хотя людскія отношенія куда какъ сложнѣе и разнообразнѣе въ центрѣ столицы, нежели въ дебряхъ Восточной Сибири. Забайкальская область колонизирована русскими еще въ XVII столѣтіи и теперь немногимъ отличается отъ прочихъ русскихъ губерній. Искать въ ней какую то „политику“, требующую неусыпнаго надзора со стороны высшей мѣстной власти, нѣтъ-де основанія. Вмѣсто учрежденія подобнаго органа гораздо производительнѣе было бы построить въ области нѣсколько остроговъ для ссыльно-каторжныхъ, ежегодно разбѣгающихся отъ недостатка надзора во всѣ стороны, и снабдить каторжныхъ одеждою, въ которой они, по словамъ очевидцовъ, крайне нуждаются.

Государственный Совѣтъ призналъ присоединеніе Забайкальской области къ новому генералъ-губернаторству вполнѣ уважительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ кому слѣдуетъ скорѣйшее обсужденіе вопроса объ упраздненіи генералъ-губернаторства Восточной Сибири. Означеннаго упраздненія, однако, не послѣдовало и преобразованіе управленія Восточной Сибири свелось лишь къ уничтоженію при-

зрачнаго контроля коллегіальнаго учрежденія. Генералъ-губернаторъ и въ Иркутскомъ генералъ-губернаторствѣ сохранитъ за собою только высшій надзоръ за администраціей, а не будетъ непосредственно вмѣшиваться въ административныя и даже судебныя дѣла. До настоящаго времени генералъ-губернаторъ Восточной Сибири сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей исполнялъ обязанности главнаго начальника горныхъ заводовъ по отношенію къ горному управленію, попечителя учебнаго округа по отношенію къ учебной части и завѣдывалъ путями сообщенія въ краѣ. Эти обязанности съ него сняты. Уже учреждено въ Иркутскѣ самостоятельное горное управленіе, подобное тѣмъ, которыя имѣются въ Екатеринбургѣ, Томскѣ и Тифлисѣ, а затѣмъ вѣроятно учредится особый учебный округъ и управленіе путями сообщеній.

Всѣ эти преобразованія крайне желательны. Для контроля же надъ мѣстною администраціею и самимъ генералъ-губернаторомъ лучшею мѣрою будетъ не распложеніе чиновниковъ, какъ полагалъ Сперанскій, а развитіе мѣстнаго общества. Когда Сибирь соединится съ Европейскою Россіею, когда ея интеллигентный слой сдѣлается многочисленнѣе, образованнѣе, культурнѣе и матеріально болѣе обезпеченнымъ, тогда и надъ администраціей установится наиболѣе могущественный контроль общественнаго мнѣнія. Уже и теперь мы видимъ задатки этого, хотя и не совсѣмъ удачныя, въ мѣстной печати, которая неустанно обличаетъ мѣстные безпорядки и злоупотребленія, но рядомъ проводитъ и вредныя идеи.

Для развитія какой либо окраины первое условіе для начальника края проводить въ немъ лѣтъ десять, а если можно, то и долѣе. Оттого многія наши отдаленныя области до сихъ поръ такъ дурно управлялись, что администраторы ихъ, отправляясь туда, глядѣли на свою службу, какъ на временную ссылку.

Обыкновенно дѣло начиналось съ того, что посылаемый администраторъ, прежде принятія должности, просилъ объ уплатѣ его долговъ на казенный счетъ, затѣмъ, получивъ огромные подъемные, прогоны и т. д., администраторъ ѣхалъ, захвативъ въ Петербургѣ случайно штатъ молодежи, которой Кюба или Борель почему-то прекратили кредитъ. На мѣстѣ новый администраторъ старался оставаться обыкновенно не болѣе года и, составивъ наскоро проектъ реформъ, одна другой необходимѣе для края, просился въ Петербургъ, гдѣ и жилъ годъ или два, тщетно добиваясь, чтобъ петербургскіе департаменты удостоили взглянуть на его проектъ. Реформы, конечно, оставались подъ сукномъ, а администраторъ, получивъ

новые прогоны, подъемные и т. д. и освѣживъ свой штатъ, ибо Борель опять кому-нибудь закрывалъ кредитъ, возвращался, чтобы черезъ годъ или два совсѣмъ уже оставить край, куда, по уплатѣ вновь долговъ, назначался такой же администраторъ, повторявшій буквально всѣ пріемы прежняго, и т. д., и т. д. до безконечности.

Понятно, что подобная система продолжаться не можетъ. Если начальникъ отдаленнаго края пожелаетъ хотя что-нибудь сдѣлать серьезное, то для одного предварительнаго ознакомленія съ краемъ у него уйдетъ нѣсколько лѣтъ, что и неудивительно, взявъ въ разсчетъ трудность тамошнихъ сообщеній. Въ три, четыре года сдѣлать на подобномъ постѣ рѣшительно ничего нельзя. Князь Воронцовъ оттого оставилъ по себѣ такую хорошую память въ Новороссійскомъ краѣ, что управлялъ имъ двадцать лѣтъ почти безвыѣздно, да лѣтъ десять еще сохранялъ главное наблюденіе за краемъ, посвящая главнымъ образомъ свою дѣятельность Кавказу. Два другіе новороссійскіе генералъ-губернатора, сдѣлавшіе много для края, герцогъ Ришелье и графъ Коцебу, также оставались довольно продолжительное время на своихъ постахъ.

ГЛАВА VIII.

Чиновники.

Бюрократія, табель о рангахъ, государственные экзамены.—Число чиновниковъ, ихъ содержаніе.—Казенныя зданія.

Не углубляясь въ темный удѣльный періодъ нашей исторіи, нельзя не замѣтить, что въ московскій періодъ существовало выборное начало для дѣлъ судебныхъ, финансовыхъ и даже полицейскихъ, и хотя рядомъ дѣйствовалъ элементъ приказный, но окончательно онъ пріобрѣлъ перевѣсъ лишь съ бо́льшимъ развитіемъ государственной жизни, а именно со времени царя Михаила Ѳеодоровича,—движущею инициативою администраціи сталъ тогда интересъ казны, ослаблявшій значеніе общинъ. Земскіе выборы приняли характеръ повинности, ясно выраженной въ извѣстныхъ указахъ 1681 года; въ нихъ *о правѣ* выбора нѣтъ и рѣчи, существуетъ только *обязанность,* и правительство могло назначать другихъ лицъ вмѣсто избранныхъ, если находило это удобнымъ.

Выборное начало взяло опять нѣкоторый перевѣсъ, хотя и въ другомъ видѣ, при Екатеринѣ II, вслѣдствіе привилегій, дарованныхъ дворянству, но съ реформою 1861 г. приказный элементъ опять восторжествовалъ и продолжаетъ все болѣе и болѣе входить во вкусы общества. Въ этомъ случаѣ въ нашемъ общественномъ мнѣніи, какъ и въ печати, его отражающемъ, существуютъ даже неизъяснимыя противорѣчія. Съ одной стороны, безконечныя жалобы на неудовлетворительность административныхъ порядковъ, на слабость контроля, даже на невозможность имѣть его въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Между тѣмъ, безпрерывно предлагаются проекты улучшенія той или другой отрасли государственнаго управленія или хозяйства, помощью созданія штата новыхъ чиновниковъ. Какъ

будто бы эти нововымышленные администраторы будутъ взяты съ другой планеты и не будутъ заключать въ себѣ никакихъ человѣческихъ слабостей, свойственныхъ нашему чиновничеству.

Безпрестанно слышатся жалобы на неустройство у насъ полиціи за невозможностью найти людей для нея; желѣзныя дороги находятся въ отвратительномъ положеніи опять-таки по невозможности сыскать хорошихъ ревизоровъ; казенныя земли утекли изъ рукъ казны по слабости чиновнаго надзора и т. д., и т. д. А между тѣмъ являлись проекты и питейную торговлю—этотъ исконный корень всякаго соблазна и безчисленныхъ злоупотребленій—передать въ руки чиновнаго персонала, для чего потребовалось бы созданіе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ идеальныхъ въ нравственномъ отношеніи людей. Не странно ли это?

Безъ чиновниковъ, однако, никакое государство обойтись не можетъ и каждое государство для обезпеченія законности и направленія къ общему благу правительственной дѣятельности должно заботиться о правильной постановкѣ государственной службы. Отъ того, каково образованіе чиновниковъ, каково ихъ матеріальное положеніе, каковы ихъ іерархическія отношенія между собою и отношенія къ публикѣ, какова ихъ отвѣтственность—отъ всего этого въ значительной мѣрѣ зависитъ спокойствіе и благосостояніе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего государства.

Отъ должностныхъ лицъ государственная власть должна требовать, чтобы они служили достойными ея представителями, чтобы своими знаніями, законностью, безкорыстіемъ и благоразумною твердостью они все больше и больше увеличивали уваженіе къ ней общества. Не только на службѣ, но и внѣ службы, въ частной жизни, чиновники должны держать себя такимъ образомъ, чтобы не умалять достоинства государственной власти, ибо въ истинномъ уваженіи подданныхъ къ этой власти и заключается основаніе ея силы.

Извѣстно какое благопріятное впечатлѣніе въ обществѣ произвелъ у насъ приказъ объ увольненіи отъ службы по 3-му пункту, т. е. безъ прощенія и съ воспрещеніемъ принимать куда либо, бывшихъ оренбургскаго генералъ-губернатора Крыжановскаго, правителя его канцеляріи Холодковскаго, директора временнаго отдѣла Министерства Государственныхъ Имуществъ Климова и управляющаго государственными имуществами въ Уфимской губерніи Ивашинцова по извѣстному дѣлу о расхищеніи уфимскихъ казенныхъ земель.

Дѣло это разобрано сенаторской ревизіей М. Е. Ковалевскаго. Строгое взысканіе произвело въ обществѣ самое лучшее впечатлѣніе, такъ какъ, само собою разумѣется, весьма трудно было добраться до виновности лицъ, успѣвшихъ щедрою раздачею чужой собственности создать себѣ, въ видѣ признательности, вліятельныхъ друзей, готовыхъ всячески содѣйствовать потушенію дѣла, косвенно отражавшагося и на личныхъ интересахъ послѣднихъ.

Послѣ честности государство должно требовать отъ чиновниковъ знанія дѣла. Для этого теперь критеріумомъ служатъ экзамены. Только во Франціи опредѣленіе на государственную службу (кромѣ судебнаго, дипломатическаго и инженерныхъ вѣдомствъ) не подчинено еще никакимъ законамъ и правиламъ; все зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія и произвола начальниковъ, которые могутъ назначать на должности какъ высшія, такъ и низшія, безъ всякаго соображенія съ образованіемъ кандидатовъ; поэтому общій уровень французскаго чиновничества довольно низокъ, въ немъ господствуетъ канцелярская рутина и фаворитизмъ. Бельгія сходна въ этомъ случаѣ съ Франціей. Затѣмъ еще въ Голландіи государственные экзамены установлены только для нѣкоторыхъ отраслей службы; въ остальныхъ европейскихъ государствахъ пріемъ на службу строго ограниченъ условіями высшаго образованія. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ введены отчасти государственные экзамены, хотя общественное мнѣніе относится къ нимъ недружелюбно.

Въ Великобританіи порядокъ пріема на службу узаконенъ въ 1870 и 1887 годахъ и составляетъ въ настоящее время самый новый правительственный опытъ по этой части во всей образованной Европѣ. Никакая должность, кромѣ высшихъ не можетъ быть получена въ Великобританіи лицомъ, не выдержавшимъ установленнаго испытанія передъ „Комиссіей гражданской службы“ и не получившимъ удостовѣренія, что оно имѣетъ свѣдѣнія и способности, требуемыя для извѣстной должности. Англійское правительство старается еще всячески расширить дѣйствіе новаго закона, чтобы возможно болѣе устранить протекцію и личный произволъ по службѣ, хотя и англичане не очень сочувственно относятся къ принципу экзаменовъ.

Въ Италіи министерства назначаютъ на зависящія отъ нихъ низшія мѣста не иначе какъ по конкурсу, для чего производятся экзамены письменные и словесные. Эти экзамены замѣнили прежнее право допущенія на службу по аттестатамъ лицеевъ (послѣдніе равносильны нашимъ гимназіямъ). При одинаковыхъ правахъ, пре-

имущество отдается лицамъ, имѣющимъ докторскій дипломъ университетовъ, безусловно требуемый для нѣкоторыхъ отраслей службы. Въ Австріи точно также на службу не принимаются лица безъ университетскихъ аттестатовъ, причемъ слѣдуетъ еще выдержать въ университетѣ и государственный экзаменъ; исключенія составляютъ лишь нѣкоторыя техническія должности, для которыхъ требуется или спеціальный дипломъ, или ничего не требуется (телеграфы, таможни, желѣзныя дороги), на что однако жалуется общественное мнѣніе. Кромѣ того, при замѣщеніи нѣкоторыхъ особенныхъ должностей производятся еще вторичныя испытанія въ самыхъ вѣдомствахъ.

Въ Германіи поступающіе на службу подвергаются двоякому испытанію: во-первыхъ, въ университетахъ государственному экзамену и затѣмъ вторичному или практическому экзамену по истеченіи опредѣленнаго срока службы въ самомъ вѣдомствѣ. Въ Пруссіи идутъ еще дальше и требуютъ отъ лицъ, желающихъ достигать высшихъ мѣстъ, три рода испытаній: сперва чисто теоретическій, государственный экзаменъ въ университетахъ, потомъ, послѣ 18-мѣсячной дѣйствительной службы, практическій экзаменъ черезъ членовъ судебныхъ учрежденій и, наконецъ, еще третій экзаменъ, различный для кандидатовъ, предназначающихъ себя для судебной и для административной службы. Послѣдній экзаменъ производится особыми комиссіями въ Берлинѣ.

Понятное дѣло, что при такихъ порядкахъ поступленія въ государственную службу не можетъ быть и рѣчи о прямомъ переходѣ въ нее изъ службы военной; подобные переходы въ западной Европѣ являются только какъ рѣдкое исключеніе. Во Франціи, гдѣ, какъ мы выше сказали, экзаменовъ нѣтъ, переходъ также невозможенъ и потому, что общество смотритъ тамъ на военную службу какъ на почетную.

Нѣтъ сомнѣнія, что патріархальные порядки, существующіе у насъ относительно поступленія въ гражданскую службу, должны бы сильно измѣниться, еслибы мы пожелали, взявъ за образецъ Европу и Америку, преобразовать весь персоналъ нашего чиновничества, сокращая личный составъ упраздненіемъ множества должностей. Существованіе такихъ должностей оправдывается часто лишь неудовлетворительною подготовкою нашего административнаго персонала и необходимостью поручать троимъ то, что легко могло быть сдѣлано двумя и даже однимъ лицомъ, вполнѣ опытнымъ и знающимъ. Къ сожалѣнію, подобная реформа, если даже признавать

пользу государственныхъ экзаменовъ, не очень-то легка, ибо затрудненія кроются въ самомъ основаніи нашего государственнаго устройства.

При сравненіи нынѣшняго положенія вопроса объ условіяхъ поступленія на службу въ другихъ государствахъ и у насъ въ Россіи, сейчасъ же замѣчается весьма рѣзкое различіе, объясняющее различіе и въ практическихъ послѣдствіяхъ. Это различіе заключается, во-первыхъ, въ одномъ изъ фундаментальныхъ различій въ государственномъ строѣ. Во всѣхъ безъ изъятія иностранныхъ государствахъ не существуетъ болѣе государственныхъ сословій, т. е. никакихъ закономъ опредѣленныхъ правъ и преимуществъ различныхъ классовъ общества, сохраняющихъ до сихъ поръ свою силу и значеніе въ Россіи.

Нигдѣ, кромѣ Россіи, не можетъ быть теперь и рѣчи о какихъ-либо правахъ состоянія, ни наслѣдственныхъ, ни личныхъ, пріобрѣтенныхъ по государственной службѣ. Если гдѣ и жалуются какіе либо титулы, то они не имѣютъ другого значенія, кромѣ почетнаго званія. Правда, въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ въ Англіи и въ Германіи, сохранилось еще въ обществѣ понятіе о дворянскомъ или благородномъ сословіи, но только какъ понятіе, которое не связано ни съ какимъ конституированнымъ (корпоративнымъ) сословіемъ и ни съ какими законными различіями на почвѣ гражданскаго права. Только на почвѣ политическихъ правъ въ представительныхъ учрежденіяхъ (палата лордовъ, палата господъ) сохранились еще въ нѣкоторыхъ государствахъ слѣды сословій.

Отсюда возникаетъ весьма существенное различіе въ дѣйствіи самыхъ правъ и условій поступленія на государственную службу, прохожденія ея и назначенія на ту или другую должность. Условія эти имѣютъ совсѣмъ различныя практическія послѣдствія у насъ (при пріобрѣтеніи черезъ нихъ извѣстныхъ правъ состоянія) и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Точно также университеты и и другія учебныя заведенія служатъ заграницею лишь путемъ къ образованію, къ высшимъ профессіямъ въ государствѣ и къ положенію въ обществѣ (въ средѣ его интеллигенціи), у насъ же вмѣстѣ съ тѣмъ они служатъ и къ пріобрѣтенію нѣкоторыхъ привилегированныхъ гражданскихъ правъ.

Другое весьма существенное отличіе иностранныхъ государствъ отъ Россіи въ устройствѣ гражданской службы, это—отсутствіе чиновъ, права на которые составляютъ одно изъ важнѣйшихъ пре-

имуществъ, пріобрѣтаемыхъ у насъ на службѣ и вмѣстѣ главную привилегію всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеній.

Если гдѣ еще и остались въ другихъ государствахъ чины, то они имѣютъ тамъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ въ Россіи. Неразрывно связанныя съ должностью и безъ нея отпадая, они служатъ только почетнымъ титуломъ безъ всякихъ правъ служебныхъ и гражданскихъ. У насъ же чины имѣютъ гораздо болѣе значенія, и главнымъ образомъ они имѣютъ вѣсъ въ связи съ сословною организаціею, доставляя тѣ или другія права состоянія.

Такое же коренное различіе замѣчается у насъ и по вопросу объ отношеніяхъ военной службы къ гражданской и о переходѣ изъ первой въ послѣднюю, хотя въ организаціи военной службы и всѣхъ вообще военныхъ учрежденій очень много сходства между Россіей и остальной Европой, въ особенности послѣ введенія общеобязательной воинской повинности.

Военная служба, какъ и гражданская, влечетъ у насъ за собою сословныя права; при значеніи чина для правъ состоянія не можетъ не быть единства въ организаціи чиновъ военныхъ и гражданскихъ; поэтому табель о рангахъ, введенная Петромъ Великимъ, столько же учрежденіе гражданское, какъ и военное. Отсюда происходятъ многія близкія и столь сложныя у насъ связи между обоими родами службы и между личнымъ составомъ той и другой. Этимъ объясняется одна изъ главныхъ причинъ отсутствія въ Россіи той рѣзкой грани, какая существуетъ вездѣ между военнымъ должностнымъ составомъ и гражданскимъ.

Вопросъ объ упраздненіи гражданскихъ чиновъ и отмѣны табели о рангахъ недавно еще разбирался въ комиссіи статсъ-секретаря Танѣева, но трудамъ этой комиссіи, повидимому, суждено кануть въ Лету, какъ не имѣли послѣдствій подобные же труды предыдущихъ комиссій, начиная съ 20-хъ годовъ. Между тѣмъ, вопросъ объ уничтоженіи чиновъ въ гражданской службѣ сохраняетъ свою настоятельность и надобно сожалѣть, что къ нему относятся исключительно съ той точки зрѣнія, что существованіе табели о рангахъ никому будто бы не мѣшаетъ, а между тѣмъ для многихъ пріятно.

Не говоря о томъ, что нынѣшняя табель о рангахъ ничего не имѣетъ общаго съ предположеніями Петра I, а вытекла изъ совершенно противоположныхъ распоряженій Екатерины II и Павла I, значеніе дворянства, какъ высшаго сословнаго отличія, только тогда будетъ поставлено у насъ на подобающую ему высоту, когда

о перестанетъ быть необходимою принадлежностью чиновниче-
ıа. Вопросъ этотъ весьма обстоятельно былъ разобранъ въ инте-
:ной брошюрѣ „Замѣтка о мѣстной реформѣ“, принадлежавшей
ру Г. А. Евреинова, оберъ-прокурора 1-го департамента Пра-
гельствующаго Сената.

Чтобы поднять значеніе дворянскаго званія, нужно, по мнѣнію
Евреинова, ограничить его численный составъ и усилить въ
ıъ родовое начало — для этого требуется упразднить чины и
рянство личное. Сословныя прерогативы слѣдуютъ общему за-
ıу, въ силу котораго цѣнность вещи пропорціональна ея рѣд-
:ти. Убѣдительное тому доказательство представляетъ и исторія
ловныхъ отличій въ русскомъ государствѣ. Въ допетровское
:мя родовое начало было сильно развито только въ высшихъ
яхъ служилаго класса—и объясняется это тѣмъ, что число ихъ
:дставителей было крайне ограничено.

Табель о рангахъ несомнѣнно обнаруживаетъ весьма сильное
ıніе на весь строй нашей государственной и общественной
ıни. Какъ справедливо замѣтилъ еще графъ Уваровъ, она де-
ратизируетъ наше общество, ставя послѣдняго слугу государства
ıе неслужащаго барина. Съ одной стороны она придаетъ чи-
ную окраску всему высшему сословію дворянъ, а съ другой—
ѣляетъ всѣхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ,
особое чиновное сословіе или касту. Чинъ въ Россіи самъ по
ѣ составляетъ отличительное свойство принадлежности къ при-
легированному сословію, а градація чиновъ представляетъ по-
довательный рядъ чисто внѣшнихъ въ этомъ сословіи отличій.
ичія эти искусственно привлекаютъ на государственную службу
:у лицъ, для службы неспособныхъ или служить не желаю-
:ъ, только потому, что быть безъ чина въ извѣстной степени
досудительно. Одни отвлекаются такимъ образомъ отъ другихъ
:е производительныхъ занятій; другіе, зачисливъ себя на службу,
аютъ свое призваніе исполненнымъ и остаются на всю жизнь
ядцами, такъ какъ восхожденіе по лѣстницѣ ранговъ возможно
зъ исполненія какихъ либо служебныхъ обязанностей.

Русское дворянство,—непрерывнымъ дѣйствіемъ табели о ран-
,—включаетъ въ свой сословный союзъ громадное число лицъ
озможныхъ профессій. Это умаляетъ значеніе дворянскаго званія,
высшаго сословнаго отличія, и принижаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ,
инство такихъ общественныхъ элементовъ, какъ духовенство
омышленные классы, представители которыхъ, — сколько бы

они ни возвышались надъ народной массой своими дарованія образованностью и состоятельностью,—поставлены въ сословно отношеніи ниже всей остальной интеллигенціи, пріобщаемой чино благородному званію.

Табель о рангахъ плодитъ дворянство бѣдное, нуждающее впередъ обреченное на фальшивое общественное положеніе, всл ствіе невозможности жить „по состоянію", и для котораго с ловные предразсудки ограничиваютъ кругъ занятій, могущихъ д скромное обезпеченіе.

Званіе личнаго дворянина—это переходная ступень для полу нія затѣмъ дворянства потомственнаго. Посредствомъ учрежде личнаго дворянства, высшее сословіе, при обязательномъ содѣйст табели о рангахъ, и вбираетъ въ себя почти безъ остатка всѣ представителей интеллигентнаго труда и либеральныхъ профес родившихся въ другихъ состояніяхъ. Съ упраздненіемъ этого зв нія дворянское сословіе значительно сократится въ своемъ числе номъ составѣ, а среднее сословіе возвысится въ своемъ значен и облагородится, сохранивъ въ своей средѣ часть интеллиген страны.

Безъ этого упраздненія табель о рангахъ будетъ имѣть с ціальное значеніе, которое трудно даже предвидѣть. Оно изва четъ изъ нашего слабаго средняго сословія огромную массу люд и переведетъ ихъ въ служилое сословіе. Подобное перечисле только усилитъ рознь, существующую у насъ между высшими низшими сословіями и поведетъ къ постепенному раздѣленію нас ленія на два класса: народъ и бюрократію,—а это китайскій пор докъ вещей.

Кромѣ сословнаго своего значенія наша бюрократія поражаетъ е своею численностью. Въ генеральскомъ только рангѣ гражданск чиновниковъ состоитъ около 3000 лицъ. Это изобиліе давно озад чиваетъ правительство. Высшая комиссія по сокращенію госуд ственныхъ расходовъ, состоявшая подъ предсѣдательствомъ ста секретаря А. А. Абазы, испросила Высочайшее повелѣніе, вос щавшее впредь до пересмотра штатовъ назначать новыхъ чле совѣтовъ министровъ и другихъ высшихъ коллегіальныхъ учре ній при министерствахъ, а равно назначать содержаніе всѣмъ лицамъ, причисляемымъ къ министерствамъ, которыя не зан ютъ штатныхъ должностей. Повелѣніе это стало, однако, скоро не исполняться.

Въ принципѣ опредѣленіе содержанія членамъ коллегіаль

учрежденій и лицамъ, не занимающимъ штатныхъ должностей, не не можетъ быть отрицаемо. Правда, ничего подобнаго не существуетъ за границею, но тамъ совсѣмъ другія условія жизни. Только въ Россіи государственная служба составляетъ въ полномъ смыслѣ слова профессію, къ которой начинаютъ готовиться почти съ пеленокъ и которая заканчивается у гробовой доски. Худо это или хорошо—другой вопросъ, но правительство не можетъ не считаться съ условіями соціальнаго быта, сложившагося вѣками и отчасти по волѣ самого же правительства. За границею разныя высшія коллегіальныя административныя учрежденія очень легко формируются изъ разныхъ болѣе выдающихся по своему вліянію и положенію лицъ. Нѣсколько депутатовъ, богатыхъ капиталистовъ, заявившихъ свою дѣловитость, крупныхъ промышленниковъ или помѣщиковъ образуютъ спеціальные совѣты и комитеты министерствъ, не получая ни копѣйки вознагражденія. У насъ далеко не то: въ Россіи даже города и акціонерныя учрежденія во главѣ своихъ совѣтовъ и управленій ставятъ чиновниковъ, за недостаткомъ другихъ образованныхъ дѣятелей; очевидно, у правительства нѣтъ такого широкаго запаса людей, какъ за границею. Съ другой стороны, постоянная служба подготовляетъ мало по малу такихъ дѣятелей, которые не годятся уже по лѣтамъ на мѣстахъ отвѣственныхъ или требующихъ усидчивыхъ занятій, между тѣмъ лица эти еще очень могутъ быть полезны своею опытностью. Живя всю жизнь на казенномъ содержаніи, и въ высокихъ чинахъ подобныя личности очень рѣдко имѣютъ средства къ существованію, а если ихъ и имѣютъ, то, значитъ, пріобрѣли незаконными путями. Правительство, очевидно, должно, увольняя лицъ, „обезпечившихъ“ себя на службѣ, озаботиться участью людей заслуженныхъ. Коллегіальныя учрежденія являются въ этомъ случаѣ единственнымъ исходомъ.

Наша администрація постоянно преобразуется, поэтому съ одной стороны безпрерывное сочиненіе и изданіе для нея новыхъ штатовъ было бы дѣломъ крайне затруднительнымъ, даже безцѣльнымъ, а съ другой, учрежденія, образованныя по старымъ штатамъ, совсѣмъ оказываются несоотвѣтствующими, ни по числу лицъ, ни по размѣру вознагражденія, современнымъ потребностямъ. На нашихъ глазахъ выросли силою вещей огромныя, совершенно новыя административныя учрежденія въ родѣ департаментовъ земскаго, желѣзныхъ дорогъ, телеграфнаго, тюремнаго, тарифнаго и т. п., наоборотъ, нѣсколько департаментовъ, вѣдавшихъ казенными крестьянами, сократились; такая же ломка происходитъ и внутри каждаго от-

дѣльнаго административнаго учрежденія. Поэтому въ принципѣ нельзя сказать, чтобы всѣ сверхштатные чиновники были непремѣнно лишніе и для службы не нужные, или что выдача вознагражденія за ихъ трудъ всегда оказывалась синекурою.

Но если принципъ самъ по себѣ вѣренъ, то нельзя не признать что въ приложеніи его мы дошли почти до каррикатурныхъ преувеличеній. Число коллегіальныхъ учрежденій плодится у насъ постоянно, въ одномъ Военномъ Министерствѣ ихъ многое множество. Трудно даже понять, чѣмъ, напримѣръ, военно-медицинскій комитетъ отличался отъ главнаго госпитальнаго комитета. Какъ будто бы бываютъ военные медики безъ госпиталей или госпитали безъ медиковъ! Между тѣмъ каждое подобное учрежденіе состоитъ изъ членовъ, получающихъ опредѣленное жалованье, и имѣетъ обширную канцелярію. Возьмемъ для примѣра военно-ученый комитетъ. Судя по отчетамъ, печатавшимся въ „Русс. Инвалидѣ", дѣятельность этого комитета сводится къ рецензіямъ нѣкоторыхъ сочиненій и къ собиранію военно-статистическихъ свѣдѣній; дѣятельность безспорно полезная, но очевидно, что военное вѣдомство, имѣющее пять военныхъ академій и огромные штабы, очень легко можетъ изъ профессоровъ академій и др. лицъ образовать безъ всякихъ расходовъ подобный комитетъ. Конечно, у комитета можетъ быть свой правитель дѣлъ, но для чего, спрашивается, въ настоящемъ составѣ у военно-ученаго комитета управляющій дѣлами комитета генералъ, да у него пять или шесть помощниковъ въ полковничьихъ чинахъ?

То же самое можно сказать и относительно причисленныхъ къ министерствамъ. Списокъ чиновниковъ особыхъ порученій и причисленныхъ къ одному Министерству Финансовъ занимаетъ нѣсколько страницъ убористаго шрифра въ два столбца. Какъ бы ни были неудовлетворительны наши штаты, очевидно, что такое изобиліе сверхштатныхъ чиновниковъ трудно оправдать и оно объясняется единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что Министерству Финансовъ легче всѣхъ другихъ министерствъ дѣлать назначеніе содержаній изъ экстра-ординарныхъ суммъ.

Между тѣмъ содержаніе нашихъ чиновниковъ вообще очень невелико. Исключеніе составляютъ едва ли не оклады инженеровъ путей сообщенія, служащихъ въ временномъ управленіи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Эти оклады многіе называютъ „министерскими", такъ какъ по штату наши министры получаютъ по 18,000 руб. въ годъ. На дѣлѣ это не такъ. Не говоря о томъ, что

большинство получаетъ жалованья болѣе, даже до 40,000 руб., всѣ министры имѣютъ даровые дома или квартиры и дачи съ даровою прислугою, получаютъ аренды, совершаютъ поѣздки и путешествія на казенный счетъ и имѣютъ суммы въ безотчетное распоряженіе, доходящія до 60,000 руб. Все это вмѣстѣ взятое далеко отъ нормальныхъ 18,000 руб. Такъ оно, впрочемъ, и должно быть и вознагражденіе нашихъ министровъ нисколько не выше, чѣмъ въ другихъ большихъ государствахъ.

Директора департаментовъ, занимающіе довольно важныя и отвѣтственныя положенія въ администраціи, съ разными добавочными, остаточными, арендными, и пр. получаютъ не менѣе 10,000 руб., иные получаютъ и свыше 15,000 руб., не считая цѣнности казенныхъ квартиръ. Наконецъ, многіе второстепенные служащіе въ министерствахъ, занимающіе должности V — VI класса, получаютъ до 8, 10 до 15,000 рублей, исполняя по двѣ и по три обязанности разу.

Такимъ образомъ, оклады инженеровъ временнаго управленія не представляютъ еще рѣзкаго исключенія изъ порядковъ, установившихся въ нашей администраціи, хотя оправданіе такого размѣра окладовъ, именно для означенныхъ инженеровъ, мы считаемъ неосновательнымъ. Сравнительно высокіе оклады ихъ объясняютъ невозможностью удержать на казенной службѣ лучшихъ изъ инженеровъ, которымъ частная служба представляетъ несравненно болѣе высокое вознагражденіе. Частныя же дороги платятъ большіе оклады не только какъ жалованье, но какъ бы застраховывая свои барыши, потому что отъ болѣе или менѣе искуснаго управленія дорогами разница въ чистомъ доходѣ можетъ быть не только въ сотняхъ тысячъ, но и въ милліонахъ рублей. По подобному же разсчету наши коммерческіе банки соглашаются-де платить своимъ управляющимъ до пяти тысячъ рублей въ годъ.

Но въ такомъ же точно положеніи находятся у насъ и другіе спеціалисты. Многіе судьи и прокуроры заработали бы втрое, какъ адвокаты, горные инженеры — управляя большими частными заводами, моряки—служа въ субсидируемыхъ пароходныхъ обществахъ и т. д., слѣдовательно, причина высокихъ путейскихъ окладовъ скорѣе случайность, нежели необходимость.

Во всякомъ случаѣ и отрицая оффиціальныя объясненія причины сравнительно высокаго вознагражденія инженеровъ временнаго управленія, мы не можемъ не признать, что не только въ этомъ случаѣ, но и вообще вознагражденіе служащихъ у насъ весьма

неравномѣрно. Равномѣрность не должна быть, однако, достигаема урѣзкою окладовъ, уже обезпечивающихъ человѣка по службѣ, а, наоборотъ, повышеніемъ окладовъ тѣхъ лицъ, которыя вознаграждены недостаточно.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что существующіе оклады даже въ центральныхъ учрежденіяхъ весьма неудовлетворительны. Кому извѣстенъ строй нашей администраціи, знаетъ, какую важную роль играютъ въ ней, напримѣръ, начальники отдѣленія и столоначальники. Въ рукахъ начальниковъ отдѣленія нерѣдко цѣлыя отрасли государственнаго управленія и хозяйства, ихъ глазами поневолѣ смотрятъ и вышепоставленныя лица, у которыхъ не можетъ быть дара всезнанія. Столоначальники — это рабочая сила администрацій; они должны знать не только технику своего дѣла, но и быть опытными въ законахъ, владѣть перомъ, а кромѣ того сидѣть настолько долго на мѣстахъ, чтобы помнить важнѣйшіе случаи по своей части, такъ сказать ея исторію, иначе по каждому вопросу начинаются безконечныя справки, плодится переписка и теряется время.

Въ настоящее время, за исключеніемъ людей, имѣющихъ особое покровительство и занимающихъ по нѣсколько должностей, начальники отдѣленій получаютъ отъ 3 до $3^1/_2$ тыс. руб., столоначальники отъ $1^1/_2$ до 2 тыс. руб. Такое вознагражденіе для людей, получившихъ высшее или спеціальное образованіе, которые по лѣтамъ должны уже имѣть семейства и для которыхъ ихъ должности по большей части служатъ вѣнцомъ служебной карьеры, несомнѣнно незначительно. Въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, оно не соотвѣтствуетъ уже условіямъ жизни. Но государство не въ силахъ увеличить оклады, если число чиновниковъ останется то же, что и нынѣ. Вотъ въ этомъ-то и коренится разрѣшеніе вопроса. Требуется сократить число чиновниковъ. Возможно ли это?

На этотъ вопросъ можно прямо и положительно сказать, что чиновниковъ у насъ вдвое болѣе, чѣмъ необходимо. Только въ полиціи и на почтѣ чиновники работаютъ въ размѣрахъ похожихъ на трудъ служащихъ въ частныхъ учрежденіяхъ, въ остальныхъ администраціяхъ чиновничій трудъ сводится къ возможному минимуму. Если выключить куреніе папиросъ, завтраки, чтеніе газетъ, разговоры о винтѣ и о несправедливости начальствъ, то едва ли на долю чиновниковъ останется болѣе одного или двухъ часовъ производительнаго труда. Есть учрежденіе, гдѣ чиновники даже никогда не ходятъ на службу подъ предлогомъ, что они имѣютъ серьезныя служебныя занятія

на дому. Вычислено самыми опытными дѣльцами, что небольшое дѣло требуетъ въ Петербургѣ на свое окончаніе не менѣе года; только въ Мадридѣ и Константинополѣ можетъ быть замѣчается большая медленность, но тамъ оправданіемъ служитъ частая перемѣна министровъ, а въ Турціи еще и то, что чиновникамъ по году и болѣе не выдаютъ жалованья.

Нѣтъ сомнѣнія, что, не сравнивая даже мозговую работу чиновника съ механическимъ трудомъ приказчиковъ или фабричныхъ рабочихъ, возможно если не утроить, то во всякомъ случаѣ удвоить продолжительность занятій въ администраціяхъ. Въ настоящее время поступаютъ иначе. Чѣмъ хуже и лѣнивѣе составъ чиновниковъ извѣстнаго учрежденія, тѣмъ болѣе создаютъ параллельно разныя комиссіи и возлагается работы на разныхъ причисленныхъ и состоящихъ. Такимъ образомъ, какъ чужеядное растеніе, администрація разростается, а вмѣстѣ съ нею увеличивается число лицъ неудовлетворительно кормящихся на счетъ государственнаго бюджета и затѣмъ получающихъ пенсіонъ отъ государства не только для себя, но и для своего семейства.

Сократить число чиновниковъ не трудно, для этого лучшее средство—уже неоднократно практиковавшееся: позволить чиновникамъ поѣдать другъ друга. А именно предоставить каждому учрежденію сокращать число своихъ служащихъ съ тѣмъ, чтобы освобождающееся жалованье раздѣлялось между остающимися, причемъ трудъ послѣднихъ пропорціонально увеличивался бы. Мѣра эта требуетъ однако осторожности и извѣстной послѣдовательности.

Осторожность должна вытекать изъ того обстоятельства, что, какъ мы уже говорили, классъ чиновниковъ явился у насъ не самъ собою, а созданъ правительствомъ. И теперь все высшее образованіе въ Россіи направлено исключительно для фабрикаціи чиновниковъ и казенныхъ спеціалистовъ. Разъ же люди оставили полезныя профессіи и привлечены къ бюрократіи, они не могутъ быть пущены на „подножный кормъ“. Правительство вынуждено озаботиться ихъ участью, но такъ какъ раздача пенсій, при сохраненіи тѣхъ же штатовъ для остающагося меньшаго числа служащихъ, только удвоила бы расходы казны на жалованья, то поневолѣ приходится указанныя выше сокращенія дѣлать постепенно, не замѣщая вакансій очищающихся смертью, отставкою, повышеніемъ или переходомъ въ другія учрежденія.

Но при этомъ необходимо прекратить наплывъ новыхъ чиновниковъ, для чего неоднократно уже рекомендовались: отмѣна лич-

наго дворянства, сокращенія числа стипендій, уничтоженія служебныхъ привиллегій по образованію, и наблюденіе, чтобы лица, не занимающія штатныхъ должностей, не могли получать, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, жалованья и никоимъ образомъ пенсій. У насъ на этотъ счетъ держались другой системы: люди, состоявшіе для вида на службѣ, получали нерѣдко болѣе старыхъ служакъ, а пенсіи давались даже за частную службу *). Кто-то хорошо даже сострилъ, что нѣтъ въ Россіи лучше мѣста, какъ „исправляющаго должность сверхштатнаго члена упраздненной комиссіи".

Между мѣрами, которыя непремѣнно поведутъ къ сокращенію у насъ переписки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чиновничества, можно указать еще на то, чтобы казенныя учрежденія оплачивали свою корреспонденцію. Вопросъ объ этомъ поднятъ давно, но встрѣчаетъ противодѣйствіе разныхъ вѣдомствъ, хотя это одна изъ самыхъ важныхъ административныхъ реформъ. Польза оплаты корреспонденцій состоитъ не въ ясности только счетоводства и вѣрности оцѣнки стоимости почтовой регаліи, а именно—въ уменьшеніи канцелярскаго многописанія. Казенныя телеграммы у насъ оплачиваются, потому онѣ составляютъ не болѣе $2^1/_2$% общей телеграфной корреспонденціи, тогда какъ казенная почтовая корреспонденція, составляетъ около 40%. Что здѣсь много пишется и пересылается лишняго, видно изъ того, что средній вѣсъ частнаго письма былъ въ 1883 году 1,02 золотникъ, а казеннаго 3,14 золотника, частнаго пакета 1,45 золотн., а казеннаго 10,04 и даже 80,10 золотниковъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что при оплатѣ казенной корреспонденціи деньгами изъ канцелярскихъ суммъ сейчасъ же уменьшится и число ненужныхъ бумагъ: запросовъ, справокъ и вѣдомостей и вѣсъ пакетовъ; писать будутъ короче, другимъ почеркомъ, на болѣе удобной бумагѣ; такимъ образомъ сразу получится сбереженіе и времени, и чиновниковъ, и канцелярскихъ матеріаловъ.

Мы коснемся еще нѣсколькихъ вопросовъ, касающихся нашего чиновничества, прежде всего получаемыхъ ими денежныхъ выдачъ сверхъ жалованія и затѣмъ казенныхъ квартиръ.

Высочайше утвержденной при Министерствѣ Финансовъ комиссіей для составленія предположенія о мѣрахъ къ усиленію доходовъ Александровскаго комитета о раненыхъ въ первый разъ собраны и

*) Теперь уже невозможно какъ при Потемкинѣ, чтобы „мадаму" по протекціи прикомандировали къ какому нибудь толку, но на Кавказѣ не такъ давно еще одного чиновника, въ ожиданіи вакансіи участковаго начальника, назначили исправляющимъ должность уѣзднаго врача!

изданы свѣдѣнія о денежныхъ наградахъ и пособіяхъ, выдаваемыхъ у насъ служащимъ. Свѣдѣнія получены были за 1878 г., въ нихъ не включены, однако, свѣдѣнія о наградахъ и пособіяхъ по Министерству Императорскаго Двора и Удѣловъ, по вѣдомству Св. Синода (изъ спеціальныхъ средствъ), по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи и тѣ, которыя выдаются изъ прибылей Государственнаго Банка. Эти суммы не малы, такъ, напримѣръ одинъ банкъ роздалъ въ 1876 году своимъ служащимъ изъ прибылей 292,000 рублей, вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи роздало въ 1877 году наградъ и пособій служащимъ 449,196 рублей. За исключеніемъ указанныхъ выше вѣдомствъ, общая сумма единовременныхъ выдачъ служащимъ составляла 11.744,574 руб., изъ которыхъ, впрочемъ, было удержано въ инвалидный капиталъ 797,120 рублей.

Изъ общей суммы единовременныхъ выдачъ было выдано на воспитаніе дѣтей 908,645 руб., на леченіе болѣзней и ранъ 561,528 руб., на погребеніе 226,686 руб. Въ числѣ выдачъ мелкихъ пособій, на сумму не свыше 25 руб. по каждому случаю, было выдано 54,233 лицамъ всего 423,788 рублей.

Наиболѣе было сдѣлано выдачъ по департаменту неокладныхъ сборовъ, Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, главному интендантскому управленію и т. д. При этомъ замѣчается неравномѣрность: Министерство Путей Сообщенія съ его огромнымъ штатомъ роздало пособій и наградъ лишь 149,170 руб., а маленькое управленіе Государственнаго Контроля 148,214 рублей. Не слѣдуетъ упускать еще изъ виду, что въ число пособій включены процентныя деньги акцизнымъ и таможеннымъ чиновникамъ, составляющія въ сущности добавочное жалованіе. Въ общемъ выводѣ награды и пособія составляютъ, примѣрно, прибавку отъ 15 до 20 проц. къ содержанію служащихъ.

Хотя въ публикѣ укоренилось убѣжденіе, что нѣкоторыя вѣдомства въ изобиліи снабжены казенными домами и что содержаніе послѣднихъ правительству въ тягость, но это мнѣніе невѣрно, или по крайней мѣрѣ справедливо для отдѣльныхъ, весьма немногихъ случаевъ. Можно, указать, напримѣръ, на Конногвардейскія казармы, которыя занимаютъ нѣсколько лучшихъ кварталовъ въ столицѣ и содержаніе коихъ въ тягость военному вѣдомству, требуя дорогого ремонта, но такихъ полупустыхъ помѣщеній немного. Большая же часть вѣдомствъ крайне нуждается въ зданіяхъ. Такъ, только недавно главныя управленія казачьихъ войскъ и военно-медицинское

и комиссія прошеній получили возможность помѣститься въ казенномъ домѣ; главное межевое управленіе, Дворянскій и Крестьянскій банки, временное управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ нанимаютъ квартиры въ частномъ домѣ. По всей вѣроятности, найдутся и многія другія учрежденія, не менѣе неудобно помѣщенныя.

Между тѣмъ положительно надобно признать за правило, что правительственныя учрежденія должны помѣщаться въ собственныхъ домахъ. Только тамъ ихъ можно размѣстить достаточно удобно и безопасно; тамъ только возможно слѣлать требующіяся закономъ помѣщенія для храненія архивовъ и документовъ. Только въ казенныхъ домахъ возможны при правительственныхъ учрежденіяхъ библіотеки, музеи образцовъ, лабораторіи и т. п. Заграницею повсемѣстно правительственныя учрежденія имѣютъ свои собственные дома и въ этомъ отношеніи, напримѣръ въ Парижѣ, полицейскія части или окружныя мэріи помѣщены роскошнѣе большинства нашихъ министерствъ.

Затрата на казенныя зданія незначительна сравнительно съ расходомъ на наемъ помѣщеній въ частныхъ квартирахъ. Это объясняется простымъ ариѳметическимъ разсчетомъ. Затрата на каждое казенное зданіе погашается по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ. Если для найма помѣщенія какого либо департамента требовалось, напримѣръ, 15,000 руб. въ годъ, то очевидно, при постройкѣ дома въ 300,000 руб., расходъ погасится въ 20 лѣтъ. Между тѣмъ если за квартиру платилось 15,000 руб., то черезъ двадцать лѣтъ, вслѣдствіе повсемѣстнаго вздорожанія квартиръ, придется за то же помѣщеніе платить 25—30,000 рублей. Значитъ, въ общемъ итогѣ расходъ здѣсь постоянно возростаетъ и тогда, когда при казенномъ домѣ онъ, выключая ремонтъ и содержаніе, сводится къ нулю, въ частномъ домѣ онъ удвоивается и утроивается.

Противъ казенныхъ помѣщеній дѣлаютъ одно возраженіе, довольно существенное, именно, что казенныя зданія, устраиваемыя для разныхъ учрежденій, мало-по-малу обращаются подъ квартиры чиновниковъ. Служащіе при этомъ захватываютъ большія помѣщенія, и одна покупка дровъ казною поглощаетъ непроизводительно огромныя суммы. Мы не отрицаемъ, что здѣсь возможны злоупотребленія, легко впрочемъ устранимыя при нѣкоторомъ надзорѣ со стороны контроля; въ общемъ, однако, раздача чиновникамъ казенныхъ квартиръ для правительства только выгодна въ экономическомъ отношеніи. Это доказать вовсе не трудно.

Мы объяснили выше, что цѣнность каждаго казеннаго зданія

можно считать погашенною въ періодъ 20—40 лѣтъ; послѣ этого періода можно сказать, что квартиры, которыя казна даетъ чиновникамъ въ извѣстномъ домѣ, ей ничего не стоятъ, кромѣ расходовъ на ремонтъ и содержаніе зданія. Наоборотъ, если вмѣсто казенной квартиры полагаются чиновникамъ квартирныя деньги, то мы видимъ неизбѣжное явленіе, что если по какой либо должности въ 1858 году считалось соотвѣтственнымъ давать 800 руб. въ годъ квартирныхъ денегъ, то въ 1878 году навѣрное уже признано, въ виду вздорожанія всѣхъ предметовъ, назначить 1,200 руб., а по штатамъ 1898 года по всей вѣроятности цифра эта возрастетъ до 1,600 рублей. Другими словами, расходъ на квартирныя деньги, взамѣнъ казенныхъ квартиръ, чиновникамъ постоянно и прогрессивно возростаетъ. Приходится ихъ увеличивать, между тѣмъ при казенной квартирѣ чиновникъ, если имѣлъ въ 1858 году 3,000 руб. жалованья и квартиру, то считалъ, что получаетъ около $3^1/_2$—4 тысячъ, въ 1898 году онъ будетъ считать безъ всякой затраты казны, что получаетъ отъ 4 до $4^1/_2$ тысячъ въ годъ и менѣе будетъ жаловаться, чѣмъ оставаясь при тѣхъ же квартирныхъ деньгахъ.

По этимъ соображеніямъ мы полагаемъ, что продажа и отчужденіе какихъ бы то ни было казенныхъ зданій въ городахъ, а тѣмъ болѣе въ Петербургѣ должна производиться съ чрезвычайною осторожностью. Одно время у насъ была почти манія сбывать казенные дома; особенно много ихъ продало морское вѣдомство въ 50-хъ годахъ; отличный домъ министра финансовъ былъ проданъ такъ дешево, что затѣмъ отдѣлка квартиры для министра въ казенномъ домѣ обошлась дороже. Въ виду подобныхъ опытовъ осмотрительность очень не мѣшаетъ.

Мы говорили о томъ что даютъ чиновникамъ на службѣ, но надобно упомянуть и о томъ, что у нихъ отбираютъ. Между весьма практикуемыми у насъ способами собирать деньги со служащей братіи нельзя не обратить вниманія на постоянныя подписки, гуляющія по департаментамъ и канцеляріямъ. Какіе нибудь молодцы, желающіе отличиться передъ начальствомъ, или отличенные уже имъ не по заслугамъ, выдумываютъ подписку на юбилей, на стипендію, на премію и пойдетъ ходить подписной листъ въ разсчетѣ на то, что чѣмъ скромнѣе чиновникъ, тѣмъ менѣе рѣшится онъ отказаться отъ подписки, изъ опасенія не приняли бы этотъ отказъ за неумѣстное проявленія духа оппозиціи и неуваженія къ высшему начальству. Суммы вытягиваются такимъ образомъ, вопреки кате-

гическому воспрещенію закона, не малыя. Содержаніе же чиновниковъ, какъ извѣстно, не Богъ вѣсть какое.

Писцы въ департаментахъ, люди нерѣдко семейные, получаютъ отъ 200 до 400 руб. въ годъ жалованья. Между тѣмъ какъ велики подписки видно изъ того, что по одному только департаменту на премію по случаю увольненія одного сановника собрано въ 1880 г. 2,375 руб. 58 коп. Даже копѣйками не побрезгали! Цифра эта составляла около 5% содержанія всѣхъ чиновниковъ, а всякій знаетъ, что такое 5% въ годовомъ бюджетѣ: вѣдь это расходъ слишкомъ двухъ недѣль, цифра для бѣднаго человѣка очень чувствительная.

Притомъ никто не зналъ, за какія это именно заслуги предполагалось учредить премію. За шесть лѣтъ управленія никто подобныхъ заслугъ не осязалъ. Само собою, что лица, успѣвшія за эти шесть лѣтъ получить по двѣ или по три звѣзды, да притомъ тысячъ 12—18 изъ „остатковъ“, да землю въ казенныхъ дачахъ, да тысячи три на леченіе заграницею и въ придачу не только наслаждавшіяся лицезрѣніемъ сановника, но и выслушивавшія его афоризмы à la Шамфоръ или Ларошфуко, не сочли обременительнымъ удѣлить полсотни рублей или даже цѣлую радужную; но каково было тѣмъ, кто и до этого „радостнаго“ событія и послѣ онаго остался при прежнихъ шестистахъ, тысячѣ или полуторыхъ тысячахъ рубляхъ, зная при томъ сановника лишь по имени.

По военному вѣдомству уже обращено на это вниманіе, пора обратить вниманіе на этотъ вопросъ и въ гражданскомъ и не только не поощрять подписокъ, но, наоборотъ, строго взыскивать съ ихъ устроителей, особенно если о собранныхъ деньгахъ пишутся казенныя бумаги и для храненія жертвоприношеній употребляются казенные казначеи.

ГЛАВА IX.

Чиновники.

Наши дипломаты.— Финансисты-доктринеры, экономическіе обѣды.— Чиновники фиска.— Казенное хозяйство.

Въ предъидущей главѣ мы говорили о русской бюрократіи вообще. Теперь мы разсмотримъ нѣкоторыя типичныя разновидности нашего чиновничества, ограничиваясь важнѣйшими: дипломатами, финансистами-доктринерами и представителями казеннаго хозяйства, куда могутъ быть отнесены всѣ наши инженеры. Скажемъ также нѣсколько словъ о размноженіи представителей фиска. Карамзинъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу писалъ какъ-то: „Для насъ, русскихъ съ душею, одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ; все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе". Вотъ слова истиннаго патріота, ихъ никогда не слѣдуетъ забывать нашимъ дипломатамъ, для которыхъ Европа и ея „концерты" есть вещь, а прочее все гиль.

По адресу нашей дипломатіи въ послѣднее время написано много рѣзкихъ упрековъ, вызванныхъ событіями на Балканскомъ полуостровѣ. Какъ еще кончатся эти событія, къ чему они приведутъ—неизвѣстно; но они характеризовали отсутствіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ предусмотрительности у дипломатовъ. Правда, и у другихъ народовъ дипломатія невсегда хороша, ибо и Бисмаркъ писалъ какъ-то въ припадкѣ откровенности: „никто, даже самый злонамѣренный и недовѣрчивый дипломатъ не повѣритъ, сколько шарлатанства и напускной важности въ дипломатахъ". Но для насъ чужіе дипломаты менѣе интересны, а собственныхъ желательно всегда видѣть на высотѣ ихъ призванія.

Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ дипломатія была у насъ въ русскихъ рукахъ и надобно признаться, что русскіе выказали себя

отличными дипломатами, соединявшими горячій патріотизмъ съ гибкостью и тонкостью ума. Долгорукіе, Обресковы, Рѣпнинъ, Панинъ и мн. др. отлично устраивали наши дѣла. Со временъ графовъ Каподистрія и Нессельрода въ наше дипломатическое вѣдомство водворились греки и нѣмцы и характеръ нашей дипломатіи рѣзко измѣнился. Съ измѣнившимся въ нынѣшнемъ столѣтіи характеромъ нашей дипломатіи измѣнились и ея отношенія къ русскимъ заграницею. Ничѣмъ такъ нельзя было испугать нашихъ дипломатовъ, какъ предложеніемъ объ устройствѣ какихъ-либо русскихъ дѣлъ въ иностранныхъ государствахъ. Каждая изъ такихъ попытокъ представлялась имъ въ видѣ нескончаемыхъ запросовъ, разбирательствъ и пререканій, и каждый дипломатъ старался чашу сію пронести мимо себя. Торговые вопросы въ особенности тревожили дипломатовъ, пугали настолько, что не нашлось между ними никого, кто бы согласился, какъ мы говорили, занять мѣсто консула въ Бомбеѣ, несмотря на несомнѣнную важность подобнаго поста.

То же самое прилагается и къ Персіи. Любопытно даже знать, каковы могли быть мнѣнія о Персидскомъ заливѣ нашихъ дипломатовъ, когда никто изъ нихъ этого залива не видалъ, развѣ во снѣ. Да и о другихъ частяхъ Персіи читалъ ли кто либо когда-либо или даже слыхалъ про труды нашихъ дипломатовъ; жиденькая брошюрка одного изъ консуловъ о торговлѣ Решта и сосѣднихъ портовъ — вотъ все, что появилось изъ среды дипломатіи за двадцать лѣтъ о нашей сосѣдкѣ. Наши дипломаты безпрерывно мѣнялись и главная забота каждаго изъ нихъ была поскорѣе уѣхать въ болѣе гостепріимныя мѣста или хотя получить продолжительный отпускъ; гдѣ тутъ время по странѣ разъѣзжать и ее изучать „Всѣ посольства въ Тегеранѣ, говоритъ новѣйшая итальянская путешественница по Персіи г-жа Серена, чистѣйшія синекуры. Дипломаты берутъ жалованье, но дѣлаютъ за эти деньги очень мало или вѣрнѣе ровно ничего не дѣлаютъ... Только еще англійскіе чиновники и заботятся о своихъ соотечественникахъ. Это исключеніе имъ надобно поставить въ заслугу“... Таково свидѣтельство умной иностранки. Для русскихъ, бывавшихъ заграницею, понятно, такіе отзывы ничего новаго не представляютъ. Бывшій дипломатъ г. Татищевъ, который въ молодыхъ еще годахъ игралъ видную роль въ вѣнскомъ посольствѣ, сдѣлалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ родъ признанія, почему наши дипломаты нерѣдко не удовлетворяютъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя на нихъ возлагаютъ. По мнѣнію г. Татищева, главною виною тому слабая предварительная подготовка дипломатовъ, въ

особенности по части познанія всего, что касается исторіи русской политики.

Для дипломата необходимы, вонервыхъ, основательное знакомство съ политическимъ прошлымъ какъ своего отечества, такъ и прочихъ государствъ; вовторыхъ, тщательное изученіе современнаго положенія чужеземныхъ странъ, въ которыхъ имъ приходится жить и дѣйствовать. Если вторая часть этой задачи легко разрѣшима при внимательномъ отношеніи дипломата къ окружающимъ его лицамъ и предметамъ, то для первой нашему дипломату задача облегчена только по отношенію къ западной политической исторіи, хорошо разработанной; въ исторіи же русской политики дипломатъ всю свою службу будетъ пребывать во тьмѣ.

Впрочемъ и для повѣрки того, знаетъ ли что нибудь кандидатъ по дипломатической исторіи Запада, а равно по международному праву, политической экономіи и статистикѣ — т. е. въ наукахъ, познаніе которыхъ каждому дипломату обязательно, у насъ почти ничего не принято. По словамъ г. Татищева, существующій „дипломатическій экзаменъ“ есть чистая комедія, не достигающая цѣли— одна формальность. Экзаменъ ограничивается заданіемъ на французскомъ языкѣ нѣсколькихъ несложныхъ вопросовъ лицами, которыя сами не очень-то тверды въ тѣхъ предметахъ, изъ которыхъ они обязаны экзаменовать. Впрочемъ, прибавляетъ г. Татищевъ, еслибы кандидатъ и проявилъ случайно на экзаменѣ необычайныя познанія, то это не имѣло бы вліянія на дальнѣйшій ходъ его служебной карьеры.

Довольствуясь подобными недостаточными требованіями отъ лицъ, избирающихъ дипломатическое поприще, или, какъ выражается картинно г. Татищевъ, довольствуясь для дипломатической войны людьми вооруженными дрекольями, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ не думало вооружать своихъ ратниковъ болѣе современными усовершенствованіями науки и техники.

Дипломатъ, который пожелалъ бы научиться чему нибудь, встрѣчалъ огромныя затрудненія. Архивы нашихъ посольствъ содержатъ только новѣйшія дѣла, архивы Министерства Иностранныхъ Дѣлъ окружены непроницаемою тайною и даже такому, кажется, благонамѣренному человѣку, какъ покойный Соловьевъ, которому довѣрено было преподаваніе исторіи Государю Императору, когда онъ былъ наслѣдникомъ престола, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ не довѣрило доступа къ документамъ даже александровскаго времени. Само министерство начало, правда, кое-какія изданія, подъ

руководствомъ г. Мартенса; но это малая часть нашихъ архивныхъ матеріаловъ и исторія русской дипломатіи еще лежитъ подъ спудомъ.

Единственнымъ почти источникомъ остаются для русскаго дипломата иностранныя изданія, да сборники тѣхъ документовъ, которые выкрадены были за англійскія деньги польскими эмигрантами. Пользуясь подобными отрывочными данными, нашему дипломату трудно усвоить себѣ общую руководящую нить русской политики, а всѣмъ дипломатамъ въ сложности образовать „школу", подобную той, которую представляла блестящая французская дипломатія отъ временъ Ришелье до французской революціи.

Конечно, можно возразить, что въ дипломатіи тайна играетъ весьма важную роль и что дипломатіи невыгодно раскрывать свои карты даже десятки лѣтъ спустя послѣ событій, ибо однѣ и тѣ же политическія конъюнктуры, какъ любили выражаться въ прошломъ столѣтіи, нерѣдко повторяются. Французская дипломатія повторила, напримѣръ, по отношенію къ Пруссіи въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія буквально тѣ же ошибки, которыя она сдѣлала въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Но подобныя примѣры скорѣе можно истолковать и въ обратную сторону, какъ лучшее доказательство необходимости слишкомъ долго тайнъ переговоровъ не хранить и своевременно опубликовать документы. Знай твердо французскіе дипломаты, какія однажды, при сходныхъ условіяхъ, натворили глупости ихъ предшественники, можетъ быть они не сдѣлали бы ихъ вторично. Да и общественное мнѣніе было бы насторожѣ.

Впрочемъ, тутъ все дѣло такта и благоразумной середины. Смѣшно было бы требовать, чтобы государственные архивы обратились въ кабинеты для чтенія, гдѣ каждому, кто пожелалъ бы ознакомиться съ какимъ-либо событіемъ, сейчасъ предлагались подлинныя депеши. Но еще нелогичнѣе оставлять своихъ собственныхъ чиновниковъ бродить во тьмѣ и посылать ихъ защищать русскіе историческіе интересы, когда это понятіе твердо не установилось и никакой исторіи этого предмета не имѣется. Мало того, при легкости у насъ пожаровъ можетъ случиться, что архивы Министерства Иностранныхъ Дѣлъ какъ-нибудь погорятъ, какъ сгорѣли, напримѣръ, архивы Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и тогда исторія русской политики останется навѣки сфинксомъ.

Весьма извѣстный писатель и бойкій фельетонистъ Вейсъ назначенъ былъ во Франціи директоромъ политическаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ и ходили даже слухи о назна-

ін того же Вейса посломъ въ Берлинъ. Выборъ Вейса, сдѣлан-
і Гамбеттою, возбудилъ горячую полемику. Интересны тѣ аргу-
ты, которыми „République Française“, органъ Гамбетты, за-
щалъ Вейса и косвенно оправдывалъ своего хозяина.

Французская газета объясняла, что Вейсъ сдѣланъ дипломатомъ
по тѣмъ или другимъ соображеніямъ политическихъ партій, а
ому, что онъ „спеціалистъ“ своего дѣла. Спеціалистъ же Вейсъ
ому, что тридцать лѣтъ подъ-рядъ писалъ статьи объ иностран-
политикѣ. Примѣръ Вейса не первый во Франціи: Шальмель-
уръ былъ назначенъ посломъ въ Бернъ, а затѣмъ въ Лондонъ
жонъ Лемуанъ—въ Брюссель равнымъ образомъ за свои позна-
международныхъ отношеній, выказывавшіяся въ ихъ газет-
ъ статьяхъ.

Мнѣніе „République Française“ не лишено основательности.
ійствительно, если есть въ настоящій моментъ, при крайней слож-
ти политическихъ отношеній, лица, въ тонкости знакомыя съ
лѣдовательнымъ, такъ сказать, ежедневнымъ ходомъ разныхъ
просовъ“, то это именно публицисты, посвящающіе себя изуче-
внѣшней политики. Дѣятельность публициста по этой части
буетъ познанія языковъ и значительныхъ свѣдѣній въ исторіи,
тистикѣ, государственномъ и международномъ правѣ, т. е. въ
ихъ предметахъ, которые для дипломатовъ обязательны, но ко-
ые послѣдніе обыкновенно знаютъ меньше всего.

Примѣръ Франціи весьма важенъ, ибо Франціи всѣ охотно под-
аютъ. То что дѣлаетъ она, давно уже практикуетъ Америка;
ъ нѣтъ профессіи „дипломата“ въ томъ видѣ, какъ она суще-
етъ въ Европѣ, т. е. въ приготовленіи къ дипломатической
ьерѣ молодыхъ чиновниковъ хорошаго происхожденія, съ юно-
каго возраста въ качествѣ разныхъ „аташе“, причемъ эти мо-
ые люди изучаютъ близко нравы кокотокъ и актрисъ опереточ-
ъ театровъ, но забываютъ не только родные интересы, но даже
ной языкъ. Насчетъ же политическихъ вопросовъ подобные ди-
маты, понятно, весьма беззаботны.

Кромѣ означеннаго питомника дипломатическаго корпуса онъ
олнялся еще иногда военными. Какой нибудь адъютантъ, ловко
сирующій на паркетѣ, считался подходящимъ для дипломати-
ихъ переговоровъ, хотя нынѣ уже не XVIII вѣкъ и внѣшнія
ства дипломата не перевернутъ верхъ дномъ хитро сплетенныя
бинаціи.

Періодическая печать, при правильномъ на нее воззрѣніи, го-

раздо скорѣе можетъ выказать способности и проницательно будущаго дипломата, нежели вращеніе въ кругу „золотой мо дежи“, или ѣзда верхомъ въ манежѣ. Это быть можетъ покаже инымъ ужасно парадоксальнымъ, мы же въ этомъ совершен убѣждены и наше убѣжденіе высказали въ „Новомъ Времен Органъ нашей дипломатіи „Journal de St.-Pétersbourg“ не ос вилъ статью „Новаго Времени“ безъ вниманія и нашелъ, исполненіе нашихъ воззрѣній рѣшительно невозможно.

„Печать, говоритъ „Journal de St.-Pétersbourg“, претендуе на совершенную независимость, затѣмъ она располагаетъ на стол же общественнымъ мнѣніемъ, сколько и голосами, потому неудо поручать ея уполномоченнымъ заботы о внѣшней политикѣ. Пр положимъ, что заботы объ этомъ въ Вѣнѣ будутъ возложены редактора „Neue Freie Presse“, въ Парижѣ на редактора наибо читаемой газеты, т. е., вѣроятно, на Рошфора, у насъ на наш остроумнаго собрата, на шуткѣ котораго мы остановились,—неуж миръ Европы и общее благосостояніе были бы обезпечены таки путемъ надолго?..“

Если гдѣ была шутка, то именно въ подобномъ толкованіи шихъ словъ. Вопервыхъ, французская газета несправедливо при сывала намъ совѣтъ не брать дипломатовъ иначе, какъ изъ пуб цистовъ, вовторыхъ, не можетъ быть и рѣчи о соединеніи обяз постей редакторовъ независимыхъ изданій съ обязанностями оф ціальныхъ дипломатовъ.

О такихъ предложеніяхъ не было у насъ мысли. Мы тол указывали, что для многихъ дипломатовъ было бы полезнѣе по ботать нѣсколько лѣтъ въ серьезномъ политическомъ органѣ, жели фигурировать на плацпарадахъ или въ полусвѣтѣ. Зат допуская даже буквально объясненіе „Journ. de St.-Pétersbou мы не видѣли бы для Австріи бѣды поставить во главѣ сво политическаго департамента человѣка, съумѣвшаго создать од изъ вліятельнѣйшихъ органовъ печати въ Европѣ. Интересы Авс Венгріи навѣрное этому человѣку ближе извѣстны, чѣмъ ма австрійскихъ чиновниковъ. Скажемъ болѣе: мы убѣждены, и Рошфоръ при всей своей нервности и увлеченіяхъ, вѣрoя оказался бы болѣе понимающимъ французскіе народные интер нежели профессіональные дипломаты Бенедетти, герцогъ Грам или Ваддингтонъ съ его нумизматикой и Бартелеми-Сентъ-Илл съ его греческой грамматикой. Всѣ они имѣли репутацію оч „серьезныхъ“ людей, но дальше своего носа не видѣли.

Уже около двадцати пяти лѣтъ подъ-рядъ кружокъ высшихъ петер-бургскихъ чиновниковъ, банкировъ и концессіонеровъ собирается, по примѣру парижскаго экономическаго общества, разъ въ мѣсяцъ въ ресторанѣ Донона пообѣдать и потолковать о текущихъ экономическихъ вопросахъ. По поводу преній, происходившихъ на одномъ изъ подобныхъ собраній, „Московскія Вѣдомости“ остроумно назвали дононовскіе экономическіе обѣды: „праотцемъ всѣхъ нашихъ застольныхъ парламентовъ и другихъ говориленъ“ и „источникомъ необузданнаго фритредерства и никакими фактами неисправимой самодовольной болтовни на тему свободы экономическихъ отправленій“. Дѣйствительно чиновники особенно рьяно ораторствовали на этихъ обѣдахъ. Слушая неудержимыя рѣчи подобныхъ „спеціалистовъ“, одинъ острякъ припомнилъ анекдотъ, какъ однажды въ крѣпостномъ оркестрѣ контрбасъ крѣпко выпилъ и пилилъ не переставая не впопадъ. На замѣчаніе капельмейстера доморощенный артистъ отвѣчалъ: „Большой инструментъ, такую волю забралъ, справиться не могу“...

Ироническое прозвище „Московскихъ Вѣдомостей“ возмутило административно-учено-плутократическій муравейникъ. Раздались крики: караулъ! доносъ! „Голосъ“ съ свойственнымъ ему усердіемъ и по разуму утверждалъ, что „Московскія Вѣдомости“, „услыхавъ объ обѣдѣ, отнеслись къ нему съ сыскной точки зрѣнія“ и что описаніе застольныхъ преній на экономическомъ обѣдѣ „только начинъ, за которымъ послѣдуютъ дальнѣйшія вторженія въ частную жизнь, семейную, домашнюю“.

Не довольствуясь этимъ нелѣпымъ приравниваніемъ обѣда, гдѣ собираются десятки общественныхъ дѣятелей для обсужденія общественныхъ вопросовъ къ семейнымъ трапезамъ, газета завѣряла, что „о происходившихъ на обѣдахъ бесѣдѣ и спорахъ нигдѣ ни въ одной газетѣ не являлось ни отчетовъ, ни сообщеній, ни объявленій. Словомъ, печать, согласно самому характеру обѣда, относилась къ происходившимъ на нихъ разговорамъ, какъ явленію совершенно частному, *семейному* и потому уже изъятому изъ публичнаго обсужденія“...

Слова эти чистѣйшая ложь, ибо о преніяхъ на экономическихъ обѣдахъ у Донона писали и полемизировали многократно въ разныхъ газетахъ, если только пренія эти касались какого-либо вопроса, серьезно интересовавшаго публику. Были описанія дононовскихъ обѣдовъ и въ заграничной печати. Совершенно несправедливо называть „экономическіе обѣды“ частнымъ, семейнымъ явле-

ніемъ. Они, можетъ быть, частное явленіе въ глазахъ полицейскаго пристава мѣстнаго участка, такъ какъ обѣдающіе и препирающіеся мирно чиновники и капиталисты не представляютъ изъ себя никакой ассоціаціи, противной законамъ, но въ глазахъ мыслящаго публициста періодическій обмѣнъ мыслей по важнѣйшимъ экономическимъ и государственнымъ вопросамъ между наиболѣе выдающимися представителями нашей финансовой администраціи и биржевой плутократіи вовсе не частное явленіе, а, наоборотъ, весьма общественное и весьма крупное.

Главная цѣль обѣдовъ, несомнѣнно ими достигнутая, состояла въ поддержаніи въ сердцахъ нашихъ администраторовъ безусловнаго преклоненія къ тѣмъ псевдонаучнымъ формуламъ политической экономіи, которыя давно осмѣяны и подорваны на Западѣ, и отъ которыхъ отрекаются теперь даже патентованные профессора политической экономіи. Собранія у Донона были цитадели доктринерства, господствовавшаго въ нашей администраціи и особенно финансовой съ 1856 по 1880 годъ.

Любопытно бы, однако, посчитать, что стоила для Россіи безумная игра въ свободную торговлю? По одной горной промышленности убытки надобно считать въ нѣсколько десятковъ, если не сотенъ милліоновъ рублей, принесенныхъ въ жертву чему? Проповѣдь третьестепенныхъ экономистовъ, какъ Тенгоборскій, Вернадскій и т. п., которые сами то ничего не выдумали, а премудрость почерпнули изъ такихъ ничтожныхъ писателей, какъ Фредерикъ Бастіа, сочиненія коего имѣютъ такое же значеніе въ современной экономической наукѣ, какъ учебникъ Устрялова въ изученіи историческихъ судебъ Россіи.

Наполеонъ I терпѣть не могъ экономистовъ и называлъ ихъ презрительно „идеалогами“. „Ихъ теоріей, говорилъ онъ, можно гранитную скалу обратить въ мелкій порошокъ“. Эти слова доктринеры выставляютъ фразою человѣка, недоразвившагося до пониманія отвлеченныхъ истинъ. Между тѣмъ, слова эти полны глубокой правды и показываютъ геніальную проницательность Наполеона. Мы на своей шеѣ испытали, что значатъ въ жизни даже такого колосса, какъ Россія, непереваренныя теоріи и какъ фальшивыя теоремы, выдаваемыя книжниками за аксіомы, переходя изъ книгъ въ дѣйствующее законодательство, влекутъ за собою убытки и потери. На бумагѣ иное рѣшеніе представляется только десяткомъ строкъ, весьма логичныхъ съ виду и красивымъ почеркомъ написанныхъ, а на дѣлѣ оно выражается разореніемъ цѣлаго кр

обнищаніемъ многочисленнаго населенія и запустѣніемъ нѣкогда цвѣтущихъ мѣстностей *).

Экономическіе обѣды не только поддерживали ортодоксальную вѣрность выдохшимся политико-экономическимъ принципамъ школы laissez faire, laissez passer, но съ благословенія обѣдавшихъ разные администраторы ополчались, во имя непонятой и плохо усвоенной ими науки, противъ русскихъ финансовъ, русской промышленности и благосостоянія русскаго народа. Мы положительно убѣждены, что правдивая исторія экономическихъ обѣдовъ у Донона была бы мартирологомъ русской экономической жизни послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Въ высказанныхъ тамъ теоріяхъ надобно искать зерно той экономической и финансовой политики, которая со времени крымской войны и освобожденія крестьянъ, вмѣсто того, чтобы упрочить и улучшить наше положеніе, довела насъ до того униженнаго состоянія, когда дурное пищевареніе какого-нибудь берлинскаго биржевого жидка отзывалось болѣзненными судорогами на всемъ русскомъ государственномъ организмѣ.

Не касаясь современности и даже временъ болѣе близкихъ, напомнимъ, ссылаясь на печатныя свидѣтельства, что на экономи-

---

*) По этому поводу мы напомнимъ поучительный анекдотъ, ставшій историческимъ фактомъ.

Въ тарифной комиссіи 1867 года были двѣ партіи: фритредерская изъ чиновниковъ и протекціонистская изъ фабрикантовъ. Первыя, мня себя маленькими Гладстонами, предлагали повальное пониженіе всѣхъ пошлинъ, послѣдніе, хотя вовсе не были заинтересованы въ фискальныхъ пошлинахъ и даже, пожалуй, въ душѣ рады удешевленію шампанскаго и устрицъ, возставали все-таки противъ пониженія фискальныхъ пошлинъ, опасаясь, что потеря таможеннаго дохода на колоніальныхъ товарахъ заставитъ правительство искать возмѣщенія дохода въ усиленномъ привозѣ иностранныхъ фабрикатовъ. Зашла рѣчь о пошлинѣ на кофе. Фритредеры истощили всѣ аргументы въ пользу пониженія, тогда П. П. Семеновъ — ярый фритредеръ въ 1868 году — пришелъ на помощь, заявивъ, что пошлина „должна быть понижена, ибо всѣмъ извѣстно, что кофе развиваетъ умственныя способности человѣка“.

Фраза эта рѣшила дѣло. Не смотря на протесты спеціалистовъ, что пошлина вовсе не высока, сатирическіе стихи и т. п., пошлина была понижена на рубль съ пуда. Что же получилось въ результатѣ? А вотъ что: потребленіе кофе въ Россіи увеличилось очень мало, цѣна кофе вовсе не подешевѣла, правительство же за это время потеряло по самой скромной оцѣнкѣ около 6 милліоновъ рублей дохода, вполнѣ законнаго, потому что, сравнительно съ другими предметами потребленія, кофе обложенъ у насъ довольно низко. Самое же, однако, прискорбное не потеря казеннаго дохода, а то, что прогнозъ почтеннаго г. Семенова не сбылся. Нисколько мы за двѣнадцать лѣтъ существованія пониженной пошлины на кофе *поумнѣли.*

ческихъ обѣдахъ у Донона г. Ламанскій развивалъ планъ своего пресловутаго размѣна, что тамъ были заглушены аплодисментами робкія возраженія двухъ-трехъ практическихъ людей, находившихъ планъ г. Ламанскаго непрактичнымъ. Между тѣмъ, теоретическое увлеченіе г. Ламанскаго стоило Россіи ста милліоновъ явныхъ убытковъ и по крайней мѣрѣ милліарда косвенныхъ.

Не на экономическихъ ли обѣдахъ чествовали, какъ нѣкоего мессію бельгійскаго экономическаго commis-voyageur'а г. Густава де-Молинари, являвшагося къ намъ дважды на счетъ бельгійскихъ фабрикантовъ для развязной проповѣди самаго безсмысленнаго фритредерства. Между тѣмъ эта проповѣдь вовсе не осталась зерномъ, брошеннымъ на камень, о которомъ говорится въ Писаніи. Она дала обильную жатву, выразившуюся, съ одной стороны, въ невыгодномъ торговомъ балансѣ, въ огромной задолженности заграницу, въ постройкѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ изъ иностранныхъ матеріаловъ, а съ другой—въ упадкѣ кредитнаго рубля, въ созданіи биржевой игры, въ омертвѣніи цѣлыхъ промышленныхъ уѣздовъ, въ безжизненности многихъ русскихъ фабрикъ и заводовъ и въ тысячахъ оставшихся безъ куска хлѣба рабочихъ семействъ, которыхъ, конечно, не накормить остатками отъ гастрономическо-„семейныхъ“ экономическихъ обѣдовъ...

Финансовое доктринерство имѣло и другія послѣдствія. Подъ предлогомъ финансовыхъ реформъ, оно повело, къ измышленію многочисленныхъ новыхъ налоговъ, что, въ свою очередь, повело естественно къ увеличенію чиновниковъ фиска. Если сложить податныхъ и фабричныхъ инспекторовъ, новыхъ таможенныхъ и акцизныхъ чиновниковъ, членовъ разныхъ фискальныхъ присутствій, то выйдетъ маленькая армія, а наша пограничная стража вполнѣ равняется теперь по численности арміи государства порядочной величины, какъ напр. Баваріи.

Одобрить распложеніе безъ особой нужды финансовыхъ агентовъ никакъ нельзя. Въ этомъ случаѣ нельзя не вспомнить бывшаго министра финансовъ г. Рейтерна. Онъ былъ довольно щедръ въ расходахъ и охотно давалъ деньги на временныя командировки чиновниковъ, но систематически и упорно устранялъ всегда просьбы о сочиненіи новыхъ штатовъ. „Чиновники всегда останутся, будетъ ли для нихъ потомъ дѣло или нѣтъ“, говорилъ онъ. Это очень вѣрное замѣчаніе. Мало того, можно сказать, что созданіе однѣхъ должностей вызываетъ непремѣнно учрежденіе другихъ для лицъ наблюдающихъ и контролирующихъ первыя, и такъ безъ конца

По крайней мѣрѣ десять разъ сообщался въ газетахъ слухъ, что въ Министерствѣ Финансовъ вырабатывается проектъ соединенія въ одно цѣлое казенныхъ палатъ и губернскихъ акцизныхъ управленій; признаться мы не можемъ понять, почему такая простая и незамысловатая реформа можетъ заставить себя ожидать такъ долго. Въ прежнее время казенная палата имѣла обширный кругъ дѣйствій, сосредоточивая въ себѣ не только всѣ мѣстные органы Министерства Финансовъ, кромѣ банковыхъ и таможенныхъ, но и контрольную часть. Теперь у казенныхъ палатъ осталось очень мало дѣла: контрольная часть отошла въ контрольныя палаты, косвенные налоги вѣдаются акцизнымъ управленіемъ, рекрутская повинность-военными присутствіями, подушная подать отмѣнена и т. д.; остаются часть казначейская и выдача торговыхъ документовъ. Каждая изъ нихъ представляется весьма несложной операціей. При этомъ для сбереженія расходовъ слѣдовало бы давно губернскія казначейства и часть уѣздныхъ присоединить къ конторамъ и отдѣленіямъ Государственнаго банка.

Если у казенныхъ палатъ мало дѣла, то по крайней мѣрѣ онѣ стоютъ не дорого, но что сказать о губернскихъ акцизныхъ управленіяхъ, также весьма мало занятыхъ и поглощающихъ массу денегъ. Существуютъ акцизныя управленія, гдѣ вся обязанность акцизныхъ чиновниковъ сводится къ выдачѣ патентовъ на питейныя и раскурочныя заведенія, между тѣмъ управляющіе подобными учрежденіями получаютъ жалованья болѣе губернаторовъ и даже простые надзиратели болѣе предсѣдателей палатъ.

Отдѣльное существованіе акцизныхъ управленій объясняется желаніемъ каждаго департамента имѣть непремѣнно свои собственные органы на мѣстѣ, но и противъ подобнаго стремленія есть средство— можно упразднить не только губернскія акцизныя управленія, но и департаментъ неокладныхъ сборовъ, соединивъ его по прежнему съ департаментомъ окладныхъ сборовъ. Послѣдній уже около двадцати лѣтъ напрасно силится объяснить себѣ цѣль своего отдѣльнаго существованія, такъ какъ дѣлъ у этого департамента немного. Одинъ директоръ департамента неокладныхъ сборовъ обходится своими командировками въ огромныя суммы; а, что подобная трата не окупается, показалъ опытъ отмѣны солянаго акциза, когда казна сразу потеряла 11 милл. рублей, подаренныхъ нѣсколькимъ богачамъ-солепромышленникамъ. Денегъ этихъ, конечно, не вернуть, но государство могло бы хотя часть утраченныхъ денегъ наверстать на сокращеніи окладовъ. Отъ соединенія двухъ

департаментовъ въ одинъ, а равно отъ соединенія акцизныхъ управленій съ казенными палатами можно ожидать ежегоднаго сбереженія до 350—400,000 рублей. Сбереженіе превзойдетъ полмилліона рублей, если присоединить казначейства къ банковымъ конторамъ. Правда, у насъ есть финансисты, которые полмилліона считаютъ такими пустяками, о которыхъ не стоитъ и разговаривать, подъ тѣмъ предлогомъ, что небольшое-де измѣненіе въ военной амуниціи легко поглотитъ сбереженные полмилліона; но это не резонъ отказываться отъ экономіи тамъ, гдѣ она возможна, на томъ только основаніи, что другое вѣдомство, быть можетъ, не захочетъ также экономничать. Пользу отъ сокращенія числа излишнихъ чиновниковъ нельзя мѣрить еще по количеству сберегаемыхъ расходовъ; тутъ есть и нравственная сторона дѣла, не менѣе важная, не говоря уже о томъ, что каждая администрація, упрощенная и облегченная отъ ненужныхъ элементовъ, работаетъ живѣе и приноситъ болѣе пользы.

Послѣдняя образованная при Министерствѣ Финансовъ комиссія для объединенія финансовыхъ учрежденій въ губерніяхъ, подъ предсѣдательствомъ директора департамента неокладныхъ сборовъ, барона Розена, довольно оригинально закончила свои труды. Комиссія проектировала не сокращеніе, а новое увеличеніе государственныхъ расходовъ.

Комиссія признала, что полиція, являющаяся по окладнымъ налогамъ главнымъ сборщикомъ, не выполняетъ своего назначенія и нерѣдко своими дѣйствіями раззоряетъ плательщиковъ и подрываетъ платежныя силы населенія; поэтому комиссія нашла необходимымъ совершенно устранить у насъ полицію отъ взысканія разнаго вида податей, замѣнивъ ее какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ по отношенію къ финансовому дѣлу податными надзирателями. Такіе надзиратели должны были вѣдать взиманіе всѣхъ окладныхъ и нѣкоторыхъ видовъ неокладныхъ сборовъ въ предѣлахъ своего участка, собирать свѣдѣнія о цѣнности и доходности имуществъ, объ открывающихся наслѣдствахъ и проч. Нѣсколько надзирателей въ предѣлахъ одного или двухъ уѣздовъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, составятъ округъ и во главѣ округа будетъ находиться губернское податное управленіе, которое замѣнило бы казенную палату.

Комиссія соглашалась передать этому новому управленію часть акцизныхъ тягостей, напримѣръ наблюденіе за торговлею виномъ и табакомъ, за оптовыми складами вина и выдачею патентовъ и про-

Но существующія губернскія акцизныя управленія комиссія признала возможнымъ слить теперь же съ податными управленіями только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ акцизное дѣло, по числу заводовъ и фабрикъ, платящихъ акцизные сборы, не имѣетъ особенно серьезнаго значенія. Въ остальныхъ губерніяхъ комиссія находила болѣе осторожнымъ сохранить особыя акцизныя управленія, сдѣлавъ только въ ихъ составѣ нѣкоторыя сокращенія.

Основаніемъ къ принятію такого предложенія, которое преисполнило радости всѣ акцизныя сердца, послужило комиссій, „то обстоятельство, что въ настоящее время акцизные сборы, въ общей сложности, составляютъ болѣе трети нашего государственнаго бюджета, и при существующемъ высокомъ акцизѣ на спиртъ было бы неосторожно производить повсемѣстную и немедленную ломку акцизныхъ управленій, дѣятельность которыхъ, въ теченіе 20-ти лѣтъ опредѣлилась вполнѣ и сопровождается успѣшными результатами въ поступленіи налога. Такъ, въ 1882 году акцизные сборы увеличились противъ 1881 года на 26,000,000 руб.“.

Это указаніе прелестно! Подумаешь, что лишніе 26 мил. руб. поступили только благодаря усердію акцизныхъ чиновниковъ, отыскавшихъ гдѣ-то эти милліоны; въ сущности же доходъ увеличился потому, что отъ ежегоднаго прироста населенія слишкомъ на милліонъ косвенные сборы естественно должны возрастать въ Россіи, во-вторыхъ, потому что новое повышеніе акциза на одну копѣйку съ градуса спирта и новый налогъ на сахаръ только къ этому времени оказали вполнѣ свое дѣйствіе. Во всякомъ случаѣ, если акцизный доходъ не утратился по винѣ чиновниковъ, то губернское акцизное управленіе тутъ уже рѣшительно не причемъ.

Рѣшеніе комиссіи объясняется весьма просто. Комиссія барона Розена состояла на половину изъ управляющихъ казенными палатами, на половину изъ управляющихъ акцизными управленіями. Кто же себѣ врагъ, какой изъ присутствующихъ акцизныхъ управляющихъ рѣшился бы заявить въ комиссіи при своемъ начальникѣ, что онъ ненуженъ; напротивъ, каждый управляющій, и вѣроятно чистосердечно, доказывалъ, что заваленъ работой по горло и для блага Россіи безусловно необходимъ. Комиссія поэтому, чтобы помирить всѣ интересы, и произвела полюбовное размежеваніе Россіи на такія мѣстности, гдѣ будетъ одна финансовая голова, и на такія, гдѣ ихъ будетъ двѣ. Въ результатѣ однако и такое сокращеніе было признано ненужнымъ, податныхъ надзирателей учредили подъ именемъ податныхъ инспекторовъ, взысканіе прямыхъ

податей оставлено за полиціей, а акцизныя управленія и казенныя палаты продолжаютъ благополучно существовать.

Что государство плохой хозяинъ, считается почти аксіомой; между тѣмъ, подъ вліяніемъ соціалистическихъ идей, промышленныя функціи государства постоянно расширяются во всѣхъ странахъ. Нѣкоторымъ операціямъ, напр., почтѣ, требующей международныхъ сношеній, безъ всякаго сомнѣнія выгоднѣе находиться въ рукахъ правительства, но, при тенденціи расширять кругъ казеннаго хозяйства, та же почта не ограничивается уже пересылкою писемъ: она содержитъ мальпосты, перевозитъ посылки, совершаетъ банковыя операціи по переводу денегъ, замѣняетъ сберегательныя кассы, занимается страхованіемъ, участвуетъ въ изданіи газетъ и журналовъ, принимая подписку, и т. д. Насколько выгодна или невыгодна такая конкурренція казны частной промышленности, зависитъ, конечно, отъ условій, въ которыхъ находится страна и a priori рѣшена быть не можетъ.

Въ послѣднее время все чаще и чаще начали раздаваться и у насъ голоса въ защиту казеннаго хозяйства; казенная предпріимчивость выставлялась какимъ-то идеаломъ и ей все болѣе и болѣе отдавалось предпочтеніе. Люди, убѣжденные въ невыгодахъ казеннаго хозяйства, существенные недостатки котораго геніально очертилъ Тенъ въ одной изъ главъ послѣдняго тома своихъ „Origines de la France contemporaine“, ссылались обыкновенно на примѣръ Англіи, гдѣ все будто бы предоставлено частной предпріимчивости. Ссылка не вѣрна, хотя сущность дѣла отъ того нисколько не мѣняется. И въ Англіи казенныя промышленныя предпріятія размножаются, но и тамъ они могутъ служить скорѣе образчикомъ того, какъ не слѣдуетъ дѣйствовать на промышленномъ поприщѣ. Въ числѣ вопросовъ, особенно подлежащихъ спору, находится вопросъ о содержаніи арсеналовъ и казенныхъ заводовъ для выдѣлки военныхъ принадлежностей. Нѣтъ сомнѣнія, что полагаться въ дѣлѣ обороны страны исключительно на частную предпріимчивость очень рискованно, но, съ другой стороны, не подлежитъ спору, что казенные заводы работаютъ всегда невыгодно. Морское министерство во Франціи, для поддержанія своего завода въ Гериньи, приготовило на немъ якорей на тридцать семь лѣтъ впередъ, а цѣпей на сто двѣнадцать лѣтъ впередъ! По словамъ всѣхъ парламентскихъ комиссій, и на казенныхъ заводахъ въ Англіи нѣтъ ни серьезнаго наблюденія, ни контроля; все обходится дороже отъ равнодушія служащихъ; времени и денегъ теряется множество, а плодится только

канцелярская переписка безъ всякой пользы для дѣла. Разница въ расходахъ такая, что буквально одна и та же вещь обходится на 18 проц. дороже въ казенномъ арсеналѣ, между тѣмъ логически слѣдовало бы казнѣ работать дешевле, потому что, давая пенсіи, казна всегда имѣетъ болѣе дешевыхъ служащихъ и рабочихъ, а кромѣ того имѣетъ даровой оборотный капиталъ и не платитъ никакихъ налоговъ.

Означенныя данныя должны нѣсколько охладить восторги нашихъ ревнителей казеннаго хозяйства. А, впрочемъ, они можетъ быть обрадуютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Если, молъ, англичане, прирожденные механики, такъ плохо управляютъ своими казенными предпріятіями, такъ гдѣ ужъ тутъ требовать совершенства отъ насъ грѣшныхъ.

Вообще въ Россіи-то странно говорить о расширеніи сферы правительственнаго вмѣшательства въ промышленную жизнь, когда правительство и безъ того является у насъ на каждомъ шагу и купцомъ, и фабрикантомъ, и перевозчикомъ, и ремесленникомъ?

Несмотря на такое направленіе казенной дѣятельности, продолжающееся вѣками и объясняемое или малою иниціативою народа, или отсутствіемъ средняго сословія, все, что дѣлаетъ казна на промышленномъ поприщѣ, она дѣлаетъ крайне неудовлетворительно. Заводы казенные, имѣя даровой оборотный капиталъ, не погашая имущества и не платя налоговъ, никогда, кромѣ убытковъ, ничего не давали; казенные каналы верхъ неурядицы; пробовала казна строить желѣзныя дороги — вышло гораздо дороже, чѣмъ у частныхъ лицъ; образумилась, бросила, вновь принялась за перестройку—вышло вдвое дороже частныхъ; занимается казна кредитными операціями не лучше этого: двѣ трети конторъ и отдѣленій Государственнаго банка работаютъ въ явный убытокъ; взялась казна заключать за желѣзныя дороги займы, сама платитъ исправно проценты, но съ дорогъ никакъ не можетъ выручить должныхъ ей денегъ на уплату этихъ процентовъ. Хотѣла казна создать въ Россіи заводы для рельсовъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностей, издержала въ 5 лѣтъ болѣе 200 милліон., и что же въ результатѣ? Даже тѣ заводы, которые работали до этого „созданія“, приведены къ банкротству, а на рукахъ казны осталось на 100 милліоновъ имущества, съ которымъ она не знала, что дѣлать и отъ котораго не избавилась (не считая потеряныхъ процентовъ) и въ десять лѣтъ!

Извѣстенъ такой казусъ, какъ, напримѣръ, затрата $2^1/_2$ милліо-

новъ рублей казенныхъ денегъ на покупку ничего тогда не стоившихъ либаво-роменскихъ акцій и затѣмъ выдача г. Мекку ссуды тоже въ 2½ милліона рублей на обратную покупку имъ у казны тѣхъ же акцій, что лишило казну и акцій, и денегъ. На Путиловскомъ заводѣ казна имѣла долгъ въ 14 милліоновъ рублей; чтобы возвратить хотя часть его, казна отдала заводъ почти даромъ и въ придачу заказъ ненужныхъ для нея рельсовъ въ 7 милліоновъ съ задаткомъ въ 2 милліона! Вотъ какъ хозяйничаетъ казна! Да что заводы, каналы или адмиралтейства. Если есть домъ дурно содержимый, плохо ремонтируемый, съ неисправной мостовой, то уже заранѣе каждому извѣстно, что это домъ казенный. Правительство можетъ отлично исполнять свои функціи и все-таки быть плохимъ предпринимателемъ въ области казеннаго хозяйства. Защитникамъ казеннаго хозяйства слѣдовало бы указать, гдѣ это казенное хозяйство въ Россіи идетъ лучше частнаго и привести хотя одинъ примѣръ, гдѣ оно было бы выгодно для казны и для населенія и не дѣйствовало бы развращающимъ образомъ на служащихъ. Противоположныхъ же примѣровъ можно привести сколько угодно. Напомнимъ хотя самые извѣстные.

Съ 1819 года, вслѣдствіе несостоятельности многихъ откупщиковъ, послѣ 1812 года, бывшимъ министромъ финансовъ графомъ Гурьевымъ была введена казенная продажа вина. Каковъ же былъ результатъ? А вотъ какой. По словамъ правительственныхъ документовъ, чиновники стали заводить особые подвалы для корчемнаго вина и торговали имъ, а сами преслѣдовали корчемство, даже прибѣгая къ содѣйствію военныхъ командъ. Далѣе: тѣ же питейные чиновники черезъ подставныхъ лицъ брали себѣ лучшіе питейные дома и раздачу кабаковъ обратили въ торговлю, а сидѣльцы по кабакамъ, обремененные поборами, совершенно замѣнили собою откупщиковъ. Народъ пьянствовалъ по прежнему. „Нынѣ будни,—писалъ Карамзинъ въ 1824 году,—сдѣлались для крестьянъ праздникомъ и люди услужливые, *подъ вывѣскою орла,* вездѣ предлагаютъ имъ средства избавляться отъ денегъ, ума и здоровья; въ рѣдкой деревнѣ нѣтъ питейнаго дома".

Грабежъ казны и народа, производимый лицами, состоящими на государственной службѣ, и крупное уменьшеніе питейныхъ доходовъ, упавшихъ при казенномъ управленіи съ 139 милл. руб. въ 1819 году до 101 мил. руб. въ 1826 году обратили на себя вниманіе. Членъ Государственнаго Совѣта князь Куракинъ говорилъ, что „желательно было бы уничтоженіе казеннаго управленія пи-

тейными сборами, столь сильно разстроившаго нравственность чиновниковъ питейнаго сбора, кои вопреки званію своему участвовали въ неприличномъ для нихъ занятіи". Знаменитый адмиралъ Мордвиновъ, также недовольный казенной продажей вина, предлагалъ завести вольную продажу вина. Авторъ сочиненія „Мечты о благѣ отечества", представленнаго Государю, писалъ: „казенная палата старается усилить продажу горячительныхъ напитковъ и чѣмъ болѣе распоитъ вина и водки, и чѣмъ болѣе народа сидитъ въ кабакахъ, тѣмъ ей болѣе чести и славы, тѣмъ щедрѣе посыплются награды на винныхъ чиновниковъ". Надобно замѣтить, что казенная палата въ то время завѣдывала винною продажею, и предсѣдательствовавшій въ ней вице-губернаторъ имѣлъ такіе негласные доходы, что одинъ губернаторъ пресерьезно просилъ у графа Гурьева мѣста вице-губернатора!

Казенная продажа вина была уничтожена, начиная съ 1828 г., графомъ Канкринымъ, который писалъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ: „казенное управленіе показало то важное неудобство, что всѣ злоупотребленія по сей части обращаются непосредственно въ упрекъ правительству, а сословіе чиновниковъ развращается". Какъ было сильно воровство, показываетъ то, что съ 1819 г. по 1825 г. продажа казеннаго вина упала съ 18.545,531 ведеръ до 11.956,797 ведеръ, т. е. почти на 35 проц. Канкринъ исчислялъ, что чиновники, вмѣстѣ съ „вреднымъ классомъ винопродавцевъ", „поглощали" до 24 милл. руб. въ годъ. По тому времени — сумма громадная.

Не менѣе убѣдительный примѣръ невыгоды казенныхъ операцій представляетъ существовавшая въ Россіи съ 1705 по 1862 годъ съ небольшими перерывами монопольная система довольствія солью распоряженіемъ казны. Правительство, какъ владѣлецъ главныхъ соляныхъ источниковъ въ государствѣ, занималось черезъ своихъ агентовъ добычею соли изъ принадлежащихъ казнѣ источниковъ, развозило эту соль по различнымъ мѣстностямъ, содержало отъ источниковъ особые солевозные пути и продавало соль изъ своихъ магазиновъ.

Недостатки этой системы очевидны. Казна, принимая на себя соляную операцію на обширной территоріи, вынуждена была содержать значительный личный составъ чиновниковъ. Расходы по операціи въ періодъ 1855—59 гг. превосходили 2.669,370 руб. въ годъ, хотя жалованье чиновниковъ было ничтожно. Впрочемъ, не смотря на ничтожность жалованья, случалось, что за полученіе

нѣкоторыхъ мѣстъ въ соляномъ управленіи платилось въ Министерствѣ Финансовъ по 30,000 рублей. Стоимость казнѣ соли, при ея добычѣ, обходилась значительно дороже, чѣмъ частнымъ промышленникамъ; вычислено, что, противъ акциза, казна теряла по 8 коп. съ каждаго пуда, не считая убытковъ отъ соли, списанной изъ складовъ и бугровъ на промыслахъ. Само собою, что перевозка и продажа соли обходилась казнѣ также дороже, чѣмъ частнымъ лицамъ. Между тѣмъ, общій доходъ, несмотря на сложность операціи, былъ не великъ и разработка источниковъ производилась крайне неудовлерительно.

Представляя въ 1861 году объ отмѣнѣ казенной продажи соли въ Государственный Совѣтъ, бывшій министръ финансовъ Княжевичъ писалъ, что невыгодный результатъ казенной соляной монополіи „подтверждаетъ только *общеизвѣстную экономическую истину,* что казна ни въ какой отрасли промышленности не можетъ выдержать соперничества частныхъ промышленниковъ, такъ какъ всякое промышленное предпріятіе обходится казнѣ, даже при выборѣ самыхъ добросовѣстныхъ исполнителей, дороже, нежели частнымъ лицамъ".

Не менѣе характеренъ слѣдующій опытъ казеннаго хозяйства, хотя и относящійся къ области искусства, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно убѣдительный для сужденія, какъ каждое дѣло въ рукахъ чиновниковъ становится невыгоднымъ. Въ 40-хъ годахъ въ Петербургѣ процвѣтали два конные цирка и само собою содержались и доставляли владѣльцамъ барыши исключительно изъ доходовъ отъ представленій. По желанію императора Николая Павловича дирекція взяла, въ 1847 г., цирки въ казенное управленіе и сразу потребовала, кромѣ сборовъ, 50,000 руб. изъ государственнаго казначейства ежегодно и единовременно 10,000 руб. изъ Кабинета Его Величества. Уже черезъ нѣсколько дней понадобилась прибавка на фуражъ 8,895 руб. въ годъ, сверхъ того, черезъ годъ было прибавлено 13,850 руб. въ годъ, а черезъ два еще прибавлено изъ Кабинета 30,000 руб. въ годъ. Не смотря на прибавки, черезъ пять лѣтъ по убыточности представленія въ казенномъ циркѣ прекращены, причемъ въ антрактѣ на уплату долговъ дирекція выпросила къ отпуску изъ Сохранной казны 146,000 рублей!

Опытъ постройки и эксплоатаціи у насъ желѣзныхъ дорогъ казенными средствами до сихъ поръ былъ также самый печальный. Тутъ никакихъ недоразумѣній быть не можетъ. Казна эксплоатировала уже нѣсколько линій и большихъ и малыхъ, эксплоатировала

ьесьма продолжительное время и получила результаты, не оста-
ляющіе ни малѣйшаго сомнѣнія. Виною безпорядковъ на казенныхъ
дорогахъ были не люди, а именно система.

Тотъ же Кенигъ, при которомъ Николаевская желѣзная дорога
въ частныхъ рукахъ отлично работала, при казенномъ управленіи
завѣдывалъ самымъ важнымъ ея отдѣленіемъ и та же дорога была
въ это время въ неудовлетворительномъ положеніи: пассажирскіе по-
ѣзды ежедневно запаздывали, торговое движеніе стѣснялось до невѣ-
роятности, ремонта не было никакого, а между тѣмъ за этотъ ремонтъ
Уайненсъ клалъ ежегодно въ карманы милліоны, подсмѣиваясь надъ
бумажными громами, сыпавшимися изъ канцелярій и департамен-
товъ. Какъ страшны были эти громы, видно изъ того, что главный
ревизоръ со стороны казны за Уайненсомъ, г. фонъ-Штомпфъ, сдѣ-
лался потомъ его главнымъ уполномоченнымъ и alter ego. Мало
того, за устраненіе того же Уайненса казнѣ пришлось заплатить
нуть ли не семь милліоновъ. Виноватъ былъ не ловкій американецъ,
а система. Чевкинъ устранилъ было на время Уайненса и ремонтъ
Николаевской казенной желѣзной дороги поручилъ всѣмъ извѣст-
ному и уважаемому въ Европѣ парижскому дому Кайля, а дѣла
все-таки продолжали идти по прежнему прескверно.

На основаніи какихъ же соображеній и умозаключеній можно
придти къ убѣжденію, что въ будущемъ казенная эксплоатація желѣз-
ныхъ дорогъ дастъ болѣе удовлетворительные результаты? Почему
10—15 лѣтъ настолько измѣнили условія желѣзнодорожной адми-
нистраціи, что казенные инженеры станутъ вдругъ болѣе усердными,
чиновники предпріимчивыми и энергическими, а бумажный, чисто
формальный контроль дѣйствительнымъ?

Мы по крайней мѣрѣ не питаемъ на этотъ счетъ ровно никакихъ
иллюзій. Казенное хозяйство, касается ли оно почтовыхъ паро-
ходовъ, желѣзныхъ дорогъ, заводовъ, даже театровъ, вездѣ одина-
ково оказывается убыточнымъ и рутиннымъ. Да и быть другимъ
оно не можетъ, особенно при бюрократической организаціи, при ко-
торой никто ни за что не отвѣчаетъ, каждый сваливаетъ съ себя
отвѣтственность на спину другого и самое пустое дѣло требуетъ
разрѣшенія свыше, дожидаясь его по годамъ, причемъ продолжи-
тельность разсмотрѣнія вовсе не гарантируетъ серьезность послѣд-
няго.

Правда, Катковъ, защищая постройку казенныхъ элеваторовъ,
утверждалъ, будто „въ спеціальномъ кругу желѣзнодорожнаго міра
уже давно сложилось убѣжденіе, что постройка дорогъ казной и

лучше, и выгоднѣе, чѣмъ постройка ихъ частными предпринимателями", но признаться если такое убѣжденіе въ какомъ-либо кругу существовало, то кругъ этотъ не могъ считаться „спеціальнымъ". Ибо какіе же спеціалисты люди, которые не въ силахъ справиться даже съ ариѳметикой, а только незнаніемъ послѣдней можно объяснить утвержденіе, что казна строитъ желѣзныя дороги дешевле частныхъ лицъ. Пропуская древній періодъ постройки, когда все объяснялось новостью дѣла, достаточно за подтвержденіемъ противнаго обратиться къ послѣднимъ казеннымъ постройкамъ.

Баскунчакская дорога, хотя обошлась въ $2^1/_2$ раза дороже противъ первоначальнаго предположенія, нигдѣ не начинается и нигдѣ не оканчивается, мимо ея возятъ $^2/_3$ грузовъ соли и въ заключеніе оказывается, что пристань для дороги обойдется почти въ 3 мил., т. е. дороже самой дороги! Допустилъ ли бы частный человѣкъ такое легкомысленное сооруженіе? Между тѣмъ въ способѣ постройки казенныхъ дорогъ нѣтъ никакого различія противъ постройки частныхъ. Точно также всѣ работы сдаются крупнымъ подрядчикамъ изъ жидовъ, крупные жиды передаютъ подряды по частямъ мелкимъ жидкамъ и т. д. Всѣ безпорядки остаются, понятно, прежніе.

Нисколько казенная постройка не лучше частной и въ государственномъ отношеніи. Строители Екатеринбурго-Тюменской дороги начали съ того, что, по словамъ мѣстныхъ газетъ, стали поощрять хищеніе лѣса изъ казенныхъ уральскихъ лѣсовъ. Строители Полѣсскихъ казенныхъ дорогъ заказали всѣ мосты заграницей! Чѣмъ эти дѣянія лучше подвиговъ гг. Полякова или Варшавскаго?

А другія казенныя операціи? Чтобы разочароваться разъ навсегда въ ихъ выгодности, не достаточно ли прочесть отчеты Государственнаго Контроля. Кому не извѣстна, напримѣръ, курьезная исторія Обуховскаго завода, который всю жизнь работалъ на казенныя деньги, а когда сталъ давать барыши, то оказался частнымъ заводомъ и долженъ былъ выкупаться съ приплатою новыхъ казенныхъ денегъ?

Толковать о пользѣ казеннаго хозяйства могутъ у насъ лишь теоретики, слышавшіе, что вотъ-де въ Германіи есть доходныя дороги, умѣло управляемыя казенными инженерами, или что во Франціи казна купила и соединила въ одно казенное управленіе нѣсколько обанкрутившихся мелкихъ линій, но не дающіе себѣ труда уяснить смыслъ подобныхъ явленій. Люди дѣловые знаютъ, что у насъ случается, что какое-нибудь учрежденіе разсматриваетъ смѣту, т. е. предположеніе на какое нибудь сооруженіе, тогда какъ въ дѣй-

ительности это сооруженіе уже окончено лѣтъ восемнадцать тому
ядъ. Мало того, бываетъ, что подобная смѣта еще не разсмо-
ѣна, а уже построенное развалилось, срыто и на мѣстѣ его воз-
ено что нибудь другое. Бываетъ и такъ, что смѣта на разборку
одняго строенія утверждается ранѣе, чѣмъ утверждена смѣта на
ое сооруженіе этого строенія.

Вотъ каковы наши техническіе порядки, такъ къ мѣсту ли тутъ
латься на разсужденія Бисмарка и Фрейсинэ, или, еще лучше,
пользу казенной эксплоатаціи приводить какъ аргументъ то
тоятельство, что на всѣхъ соціалистическихъ конгрессахъ въ
падной Европѣ какъ desiderata постановлено отчужденіе желѣз-
хъ дорогъ въ пользу государства! Понятіе о „государствѣ" и
нь отвлеченное, и очень реальное. Государство, которое мы знаемъ
которое по отношенію къ казенному хозяйству выражается у
ъ въ „вѣдомствахъ", дѣятельность коихъ всѣмъ хорошо знакома
традиціоннымъ нравамъ и поползновеніямъ,—это государство не
авляетъ ни малѣйшей почвы для какого бы то ни было идеаль-
чанья. Разъ хозяйство будетъ казенное, отыщутся сейчасъ же
вые Уайненсы, какъ отыщутся и новые Штомпфы, чтобы ревизо-
ать послѣднихъ.

Защитники казеннаго хозяйства указываютъ еще на Финлян-
дію, гдѣ казенныя дороги построены дешево. Это указаніе такъ
убѣдительно, какъ примѣръ желѣзной дороги на лунѣ. Мало ли
дешево и хорошо въ Финляндіи, чего у насъ быть не можетъ.
тѣмъ намъ ходить въ Финляндію, когда у себя на каждомъ шагу
видимъ апатическое и рутинное отношеніе къ дѣлу. Почему же
дуетъ предполагать, что тотъ же чиновникъ, которымъ недо-
ьны въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, вдругъ станетъ пред-
имчивымъ, смѣлымъ и усернымъ, когда его перенесутъ куда
удь въ глушь.

Все заблужденіе основано на глубокомъ смѣшеніи двухъ по-
ій, очень строго различаемыхъ въ наукѣ государственнаго права:
вительства, какъ органа верховной власти, и казны, какъ соб-
енника и предпринимателя въ области казеннаго хозяйства. Не
етъ быть и рѣчи объ ограниченіи сферы вмѣшательства пра-
ельства въ экономическую жизнь. И не будучи государственнымъ
іалистомъ можно признавать, что самые священные интересы
аны заставляютъ каждое правительство, и монархическое, и рес-
ликанское, имѣть бдительный надзоръ и за желѣзными дорогами,
а внѣшней торговлей, и за фабриками, и за кредитомъ.

Но если правительство обязано содѣйствовать тому, чтобы ж
лѣзныя дороги возили дешево рабочій классъ, или чтобы таможенн
тарифъ поощрялъ желѣзное производство, или чтобы на бума
прядильныхъ фабрикахъ не увѣчили малолѣтнихъ, или чтобы бан
не обкрадывали вкладчиковъ, то это не значитъ, что правительст
обязано возить рабочихъ въ своихъ собственныхъ вагонахъ, постро
желѣзные заводы, прясть бумажную пряжу и въ торговлѣ деньга
замѣнять банкировъ и мѣнялъ.

Въ Россіи государство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ бывало бе
сильно только потому, что само связывало себѣ руки. Таково, напр
мѣръ, его отношеніе къ желѣзнымъ дорогамъ, къ владѣльцамъ не
тяныхъ источниковъ и тому подобное. Но казенное хозяйство
нуждается въ новомъ поощреніи. Нѣтъ ни одного министерства,
торое не имѣло бы въ той или другой формѣ различныхъ промышле
ныхъ операцій и которое не конкурировало бы съ частными л
цами. Расширять еще это казенное производство, когда оно суще
ствуетъ вопреки всѣмъ началамъ политической экономіи и на об
ротный капиталъ, собираемый системою тягостныхъ налоговъ, р
шительно нѣтъ никакого основанія.

Пора, наконецъ, перестать думать, будто казна неисчерпаем
колодезь богатствъ. Такъ могли думать развѣ въ XVI столѣтіи. О
опубликованіемъ бюджета уже ни для кого не секретъ, откуда
казнѣ берутся деньги. Деньги у казны могутъ быть двухъ родов
или изъ займовъ, или податныя. Есть ли разсчетъ дѣлать зай
изъ кармановъ публики, чтобы помѣстить взятый капиталъ непр
изводительно, за тотъ же процентъ? Еще менѣе возможно подоб
обращеніе съ податными деньгами. Извѣстно, какъ онѣ дорого д
стаются. Если у казны въ деньгахъ былъ бы какой избытокъ,
она не должна конкурировать съ частными лицами, а сбавлять
дати и облегчать участь народа; если же у казны денегъ мало,
каждая копѣйка ей должна быть дорога и затрачиваться только
очень производительною цѣлью.

„Постройте казенный элеваторъ, восклицалъ Катковъ, онъ сто
всего 700,000 рублей!“ Семьсотъ тысячъ, конечно, не Богъ вѣ
какія деньги, но когда вспомнишь, что для казны это годов
сборъ всѣхъ подушныхъ податей и повинностей съ *цѣлой* Смол
ской губерніи, податей, выбираемыхъ съ бѣднѣйшаго населен
такъ откажешься и отъ элеваторовъ...

Заканчивая о казенномъ хозяйствѣ, необходимо сказать нѣсколь
словъ и о главныхъ представителяхъ его—инженерахъ. Въ наше

обществѣ замѣчаются два противоположныя стремленія, казалось бы одное другое исключающія, но на самомъ дѣлѣ отлично уживающіяся въ русскихъ умахъ. Съ одной стороны, у насъ существуетъ преувеличенное уваженіе къ наукѣ, дипломъ кажется намъ патентомъ на всезнаніе и постоянно создаются новыя категоріи спеціалистовъ съ различными значками и проектируются новые экзамены для классификаціи людей на китайскій манеръ, на ученыхъ, полуученыхъ, малоученыхъ и т. д. Съ другой стороны у насъ жива еще ненависть къ наукѣ народа первобытнаго и каждая ошибка техниковъ принимается съ нескрытымъ злорадствомъ, и когда желаютъ указать на какія либо улучшенія въ извѣстномъ учрежденіи, то сейчасъ рекомендуютъ замѣну спеціалистовъ людьми простыми, неспеціальными.

Эти два теченія легко прослѣдить и въ административныхъ сферахъ. Съ одной стороны у насъ проектировалась академія даже для техническаго приготовленія интендантскихъ чиновниковъ, съ другой—въ тѣхъ вѣдомствахъ, гдѣ сосредоточены спеціальные предметы, стараются по возможности техниковъ по этимъ предметамъ держать на второмъ планѣ.

Пути сообщенія давно уже, напримѣръ, образуютъ въ Россіи отдѣльное вѣдомство, а между тѣмъ путейскіе инженеры очень рѣдко фигурировали въ немъ въ качествѣ руководителей. И въ настоящее время (февраль 1889 г.) только въ одномъ департаментѣ водяныхъ и шоссейныхъ сообщеній директоромъ, въ видѣ исключенія, состоитъ путейскій инженеръ, между тѣмъ изъ остального начальства: министръ—военный, товарищъ его—чиновникъ, директоръ канцеляріи — чиновникъ, директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ—чиновникъ, предсѣдатель временного управленія казенныхъ дорогъ—военный, начальникъ статистической части министерства—военный, начальникъ учебной части—чиновникъ. И въ другихъ вѣдомствахъ, имѣющихъ прямое соотношеніе съ путями сообщенія, то же самое. Начальникомъ желѣзнодорожнаго контроля состоитъ чиновникъ, желѣзнодорожная канцелярія въ министерствѣ финансовъ поручена разночинцу.

Короче говоря, путейскіе инженеры въ своемъ вѣдомствѣ, не смотря на многочисленность и корпоративную связь, играли далеко не выдающуюся роль. Но, по крайней мѣрѣ, исполнительная техническая часть находилась въ ихъ рукахъ, теперь же состоялось распоряженіе о томъ, чтобы и въ этомъ отношеніи никакихъ преимуществъ путейцы не имѣли; каждый техникъ, зачисляемый по Ми-

нистерству Путей Сообщенія, тѣмъ самымъ дѣлается инженеромъ путей сообщенія и можетъ носить мундиръ послѣдняго.

Это распоряженіе вызвало много толковъ въ нашихъ инженерныхъ сферахъ. Основано же оно отчасти на плохой кодификаціи свода, отчасти на бездѣятельности чиновниковъ разныхъ канцелярій, почему временныя положенія сохраняются у насъ въ законѣ долѣе постоянныхъ.

До 1867 г. въ Россіи были военные корпуса гражданскаго вѣдомства, въ томъ числѣ и корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Въ этомъ году, по временному положенію Комитета Министровъ, означенные корпуса были переименованы въ гражданскіе чины, но затѣмъ, казалось бы, корпоративное устройство ихъ не могло измѣниться, тѣмъ болѣе, что каждый корпусъ имѣлъ свои особыя права и привилегіи. Никакихъ, однако, положеній о корпусахъ въ ихъ новомъ устройствѣ издаваемо не было, между тѣмъ институтъ путей сообщенія, по новому уставу своему, готовитъ по названію не путейскихъ инженеровъ, а гражданскихъ инженеровъ (неудачный переводъ французскаго названія технологовъ). Отсутствіемъ статьи въ законѣ, которая для путейскихъ инженеровъ обусловливала бы безусловную необходимость (какъ, напр., для горныхъ инженеровъ) выдержать испытаніе въ спеціальномъ заведеніи своего вѣдомства, и воспользовались для открытія сословія путейскихъ инженеровъ всѣмъ желающимъ носить зеленые канты.

Такихъ охотниковъ, въ виду трудности поступленія въ институтъ путей сообщенія и трудности окончить тамъ курсъ съ успѣхомъ, найдется, конечно, очень много и корпусъ путейскихъ инженеровъ приметъ въ свою среду множество новыхъ элементовъ, жаждущихъ наживы. Принесетъ ли это широкое открытіе дверей пользу?

Мы понимаемъ, что, стоя на узкой точкѣ нивелирующаго радикализма, можно отвергать пользу всякихъ корпорацій. Во Франціи во время революціи уничтожили съ этою цѣлью даже академію, а лечить дали право всѣмъ и каждому. Но опытъ нисколько не оправдываетъ подобныхъ увлеченій. Весьма важное соображеніе въ пользу спеціальныхъ корпорацій является въ раздѣленіи труда: конечно, бываютъ счастливыя исключенія, что профессора фортификаціи пишутъ оперы, но это не значитъ, что въ инженеры надобно готовиться въ консерваторіи, а въ композиторы въ инженерной академіи. Если у насъ, по примѣру Франціи, учрежденъ давно институтъ путей сообщенія, то ему и приличествуетъ при-

отовлять путейскихъ техниковъ, такъ какъ не только программы и методы преподаванія приноровлены къ этой цѣли, но въ завеніи этомъ воспитанники принимаютъ извѣстный корпоративный ухъ своего сословія.

Существуетъ, правда, воззрѣніе, будто бы корпораціи и способствуютъ вкорененію злоупотребленій, скрываемыхъ яко бы ради „чести мундира“, но это мнѣніе несправедливо. Злоупотребленія являются въ силу вещей, почему въ однихъ вѣдомствахъ они велики, въ другихъ—малы. Въ интендантскомъ и таможенномъ вѣдомствѣ корпораціи нѣтъ, а злоупотребленія всегда были и будутъ не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ. Въ вѣдомствѣ путей сообщенія они также легки и потому весьма многочисленны, но корпорація и честь мундира скорѣе ограничиваютъ, нежели увеличиваютъ злоупотребленія. Изъ нашихъ бывшихъ военныхъ корпусовъ количество злоупотребленій (взявъ процентъ служащихъ, находящихся подъ судомъ и слѣдствіемъ) наиболѣе велико въ лѣсномъ вѣдомствѣ и это, вѣроятно, происходитъ отъ того, что корпусъ лѣсничихъ былъ всегда открытъ для свободнаго доступа лицъ, не получившихъ образованія въ лѣсномъ институтѣ, а потому не имѣлъ достаточно корпоративнаго духа и не гордился своимъ мундиромъ. Затѣмъ всѣ строители частныхъ желѣзныхъ дорогъ могутъ засвидѣтельствовать, что техники другихъ категорій, которыхъ они употребляли, рядомъ съ путейцами, по части стремленія къ наживѣ, значительно превосходили послѣднихъ. Это объясняется тѣмъ, что путейскій инженеръ считаетъ службу на желѣзныхъ дорогахъ какъ бы ему прирожденною, а посторонній техникъ, считая себя калифомъ на часъ, стремится поскорѣе набить карманъ.

Такимъ образомъ можно сомнѣваться, чтобы пониженіе значенія инженеровъ въ ихъ собственныхъ глазахъ расширеніемъ доступа въ ихъ корпораціи могло принести ожидаемые плоды. Наоборотъ, нужно ограничивать корпораціи, исключая изъ нихъ всѣ сколько нибудь сомнительные элементы, которыхъ, къ сожалѣнію, не мало. Самое же радикальное средство — это ограниченіе насколько возможно области казеннаго хозяйства.

ГЛАВА X.

Самоуправленіе.

Реакція въ Западной Европѣ. — Самоуправленіе въ Россіи. — Земскіе соборы. — Новѣйшее самоуправленіе. — Земскія учрежденія и земскіе финансы.

„Лучшіе люди сороковыхъ годовъ", которымъ мы обязаны не малою долею современнаго сумбура, если остались въ живыхъ и слѣдятъ за литературою, то должны приходить въ отчаяніе, читая, какъ ежедневно въ Западной Европѣ разбиваются ихъ идеалы. Подъ вліяніемъ грустнаго опыта западно-европейскіе мыслители: Спенсеръ, Менъ, Бержере и др. отрицаютъ теперь то, что еще двадцать пять лѣтъ назадъ считалось внѣ всякаго спора.

Только соціалисты и немногіе клерикалы дерзали сомнѣваться въ прелестяхъ парламентаризма, и свободы труда, и свободы торговли, и распространенія всѣми средствами народнаго образованія, и расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ и т. п. Прогрессъ считался sine qua non народнаго счастія и благополучія, и все, что не гармонировало съ доктриной, выставлялось случайнымъ явленіемъ, не заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Теперь полный переворотъ совершается во всѣхъ умахъ. Самые закоренѣлые доктринеры начинаютъ находить, что не все такъ дурно было и встарину, что „новое" вовсе не синонимъ „хорошаго", хотя бы это новое совершенно соотвѣтствовало тому, что сотни ученыхъ и философовъ проповѣдывали въ тысячѣ книжекъ.

Мы не можемъ коснуться подробно этого важнаго вопроса, но укажемъ на нѣсколько поразительныхъ примѣровъ измѣненія въ воззрѣніяхъ. Вотъ, напримѣръ, Поль Леруа Болье, другъ Ротшильдовъ и Леона Сея, профессоръ политической экономіи, пишетъ по поводу современнаго кризиса:

„Помѣщики и арендаторы въ Европѣ потеряли всякую надежду на будущее. Ихъ нужно пожалѣть, хотя и тѣ и другіе не всегда дѣлали то, что было нужно, дабы предупредить постигшую ихъ катастрофу. Несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ было слишкомъ много рутины, слишкомъ мало опытовъ надъ новыми продуктами; крестьяне жили *слишкомъ роскошно,* лѣниво и расточительно. Но виновато и правительство, отвлекшее отъ земледѣлія много рукъ, увеличивая безъ нужды общественныя работы и не давая народному просвѣщенію *скромнаго* и *успокоительнаго* направленія; рабочіе, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, стали оттого непослушны, дерзки, неаккуратны. Къ рукахъ вездѣ недостатокъ изъ-за постройки *ненужныхъ* желѣзныхъ дорогъ и *совершенно мишихъ* другихъ общественныхъ сооруженій“...

Это пишетъ самый заядлый доктринеръ. Болѣе свободомыслящій хотя также профессоръ политической экономіи и въ придачу бельгійскій буржуа, Эмиль Лавелэ, безъ церемоніи восхищается средневѣковыми корпораціями и тогдашнею регламентаціею труда, „которыя имѣли цѣлью не то, чтобы, какъ нынѣ, производить поболѣе и подешевле, а чтобы обезпечить работнику его насущный хлѣбъ, а потребителю хорошее качество продуктовъ. Работа производилась публично и подъ контролемъ публики, какъ и теперь на Востокѣ, гдѣ различные ремесленники, сохранившіе корпоративную организацію, работаютъ совмѣстно въ извѣстныхъ улицахъ, въ открытыхъ лавкахъ“.

Не лучшаго мнѣнія Лавелэ о современныхъ политическихъ порядкахъ, сравнительно со средневѣковыми.

„Теперь, говоритъ онъ, народы пользуются якобы всеобщею подачею голосовъ и казалось бы должны сдѣлаться хозяевами своихъ судебъ. Что же мы видимъ? Каждый день народъ обременяется налогами и долгами и его толкаютъ въ авантюры и экспедиціи въ страны, которыхъ онъ никогда не слыхалъ и названія, а то еще хуже — втягиваютъ въ огромныя войны, одинаково разорительныя и для побѣдителей, и для побѣжденныхъ“... Между тѣмъ, „въ средніе вѣка *власть также выходила изъ народа,* но не изъ безформенной толпы, а изъ различныхъ соціальныхъ силъ, правильно организованныхъ, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ порядокъ вещей былъ гораздо болѣе *представительнымъ*, нежели нынѣшній“...

Означенныя мысли Лавелэ высказалъ по поводу книги бельгійскаго публициста Ад. Пренса: „La démocratie et le régime parlamentaire“. Пренсъ, основываясь на мысли Монтескье, что „величайшая задача законодателя — это раздѣлить народъ на сословія

и что отъ этого дѣленія зависитъ прочность и благополучіе демократіи", требуетъ, чтобы „депутаты назначались не безличными избирателями, а выбирались, какъ встарину, извѣстными сословіями, корпораціями и другими прочно организованными собраніями людей. Депутаты должны представлять извѣстные интересы, строго опредѣленные и ясно сознаваемые, почему должны выбираться не отъ территоріальныхъ округовъ, а за разрушеніемъ корпорацій — отъ помѣщиковъ, домовладѣльцевъ, ученыхъ и преподавателей, судей и адвокатовъ, докторовъ, инженеровъ, арміи, духовенства и т. д.".

Каково это прочесть нашимъ доктринерамъ, которые даже для выборовъ въ городскія думы предлагаютъ дѣлить города на участки и ввести всесословную подачу голосовъ? Идеаломъ Пренса и Лавелэ оказывается даже не états généraux, а наши земскіе соборы XVII столѣтія. Вотъ до чего додумалась теперь Западная Европа въ лицѣ своихъ выдающихся публицистовъ послѣ столѣтней практики своихъ „говорилень".

Правда, и у насъ вопросъ о земскихъ соборахъ не перестаетъ занимать взволнованные умы „интеллигенціи", которые, усматривая смуту въ переживаемыхъ нами событіяхъ, надѣются водворить порядокъ при посредствѣ земскихъ соборовъ. Но, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ г. Пазухинъ въ своей замѣчательной статьѣ о современномъ состояніи Россіи и сословномъ вопросѣ, большинство сторонниковъ соборовъ, по странному, неразъяснимому недоразумѣнію, принадлежатъ къ тому лагерю, который благоговѣетъ предъ принципомъ безсословности и поклоняется реформамъ, лишившимъ Россію земско-сословной организаціи. Указывая на представительство отъ безсословнаго земства какъ на опору порядка, наши либеральные болтуны забываютъ, что безсословный элементъ въ Россіи былъ всегда источникомъ смутъ. „Царю Михаилу, говоритъ г. Пазухинъ, было естественно искать опору въ соборѣ преданныхъ ему земскихъ чиновъ, но немыслимо требовать отъ современнаго правительства довѣрія къ собору, избранному отъ оппозиціоннаго безсословнаго земства".

Поэтому г. Пазухинъ справедливо полагаетъ, что намъ не поможетъ историческая форма въ которой будетъ отсутствовать историческая жизнь. Если мы хотимъ пользоваться уроками исторіи, то должны приняться сначала скрѣплять разрушающіеся бытовые союзы и установлять болѣе правильныя, согласныя съ духомъ нашей исторіи, отношенія верховной власти къ сословіямъ и сословій между собой.

Послѣдній земскій соборъ происходилъ въ Москвѣ въ началѣ 1682 года и имѣлъ въ результатѣ радикальную въ свое время реформу — уничтоженіе мѣстничества. Въ 1682 же году происходилъ и послѣдній нашъ избирательный соборъ, имѣвшій, впрочемъ, скорѣе характеръ московскаго всенароднаго вѣча — съ цѣлью разрѣшить вопросъ о наслѣдованіи престола по смерти царя Ѳедора Алексѣевича.

О земскомъ соборѣ 1682 года сохранились различные документы, даже протоколы его, представляющіе полный перечень соборнаго производства. Призывныя граматы на соборъ приглашали выборныхъ для обсужденія мѣръ относительно устроенія земли вообще; сюда относились и законодательные вопросы. Собору 1682 года, куда были въ декабрѣ 1681 г. призваны по два выборныхъ отъ каждаго города, былъ особенно предложенъ вопросъ о лучшемъ устроеніи рати. Но выборные люди не ограничивались отвѣтомъ на предложенные имъ государемъ вопросы. Открытіе собора совершалось государевою рѣчью, рѣчь эта нерѣдко произносилась самимъ государемъ или читалась въ его присутствіи, отвѣты чины давали или совокупно, или отдѣльными сословіями, смотря по характеру вопроса. Вопросы рѣшались единогласно. Въ этомъ смыслѣ общаго соглашенія всѣхъ надо понимать и выраженіе, употребленное въ актѣ собора 1682 года. Отмѣняя мѣстничество, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ говорилъ, что онъ дѣлаетъ это „общимъ совѣтомъ всѣхъ“.

Не надобно, однако, по этимъ наружнымъ признакамъ сходства соборныхъ обрядовъ съ парламентскими порядками думать, что практика земскихъ соборовъ была опредѣлена въ какія либо точныя юридическія формы. Точныя юридическія опредѣленія были не въ духѣ людей Московскаго государства. Цари нуждались въ содѣйствіи русской земли, они пользовались имъ въ формѣ соборовъ, но никто не думалъ закрѣпить это содѣйствіе въ какія либо опредѣленныя нормы закона, а тѣмъ болѣе видѣть въ соборахъ ограниченія верховной власти или гарантіи отъ произвола послѣдней.

Число всѣхъ земскихъ соборовъ различными учеными (К. Аксаковъ, Соловьевъ, Чичеринъ) опредѣляется различно. По исчисленію профессора Сергѣевича, въ промежуткѣ между 1548 и 1682 годомъ было созвано 18 соборовъ. Между отдѣльными царствованіями они распредѣляются слѣдующимъ образомъ: при Иванѣ Грозномъ — 2, при Василіи Шуйскомъ — 1, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ — 9, при

Алексѣй Михайловичѣ — 4, при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ — 2. Кромѣ того, мы имѣемъ еще три избирательные собора и одинъ, опредѣлившій низложеніе Шуйскаго. Каждый изъ земскихъ соборовъ оставилъ слѣдъ въ русской исторіи. Они были полезны какъ средство непосредственнаго общенія государя съ землей, а изъ челобитныхъ выборныхъ людей государи знакомились съ потребностями государства, съ недостатками и злоупотребленіями управленія. На соборѣ 1682 года выборные указали, что для лучшаго военнаго устройства необходимо, чтобы „всѣ служилые люди были между собою безъ мѣста и безъ подбора, въ какомъ чинѣ великій государь быть укажетъ". Князь В. В. Голицынъ доложилъ государю объ этомъ челобитьи выборныхъ людей и 12-го января 1682 года, послѣ чрезвычайно „сидѣнія" съ боярами и высшимъ духовенствомъ, царь повелѣлъ разрядныя книги предать огню. Въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ разложили огонь и разрядныя книги запылали...

Разбирая причины прекращенія созыва соборовъ, г. Сергѣевичъ задается вопросомъ: были ли у насъ на соборахъ враждебныя царской власти партіи? Такихъ партій, оказывается, никогда не было. Выборные люди отличались преданностью монархическому началу и не обнаруживали ни малѣйшаго стремленія выйти изъ тѣхъ границъ, которыя указывались имъ волею государей; они всегда стояли на почвѣ закона и свои жалобы приносили въ самой почтительной формѣ; ихъ дѣятельность никогда не могла казаться опасною нашимъ государямъ; наконецъ, чины Московскаго государства не оказывались враждебными и тѣмъ реформамъ, которыя вызывались благомъ государства. Доказательство этому имѣемъ особенно въ послѣднемъ соборѣ 1682 г., который рѣшилъ отмѣну права мѣстничества, столь дорогого для большихъ московскихъ родовъ.

Если же въ жизни соборовъ не было ничего, что бы могло не нравиться самимъ государямъ, то рождается невольно вопросъ, почему же исчезли соборы? Г. Сергѣевичъ отвѣчаетъ на это, что если государи перестали созывать соборы, стоявшіе всегда на стражѣ закона и безопасности государства и оказывавшіе патріотическую поддержку благимъ начинаніямъ правительства, то причину этого надо искать въ сторонннхъ вліяніяхъ, которымъ будто бы было выгодно представить соборы какъ учрежденіе безполезное. Но кому именно дѣятельность выборныхъ людей могла быть непріятна? Изъ того, что мы знаемъ о дѣяніяхъ собора 1642 года и изъ челобитныхъ собора 1649 г. и изъ великодушнаго рѣшенія собора 1682 г., надобно сдѣлать заключеніе, что дѣятельность выборныхъ должна

была не нравиться боярамъ, окольничьимъ, ближнимъ и приказнымъ людямъ и едва ли не болѣе всего — духовнымъ властямъ Эти сословія и постарались будто бы разорвать непосредственную связь царя съ землею.

На самомъ дѣлѣ соборы стали излишни потому, что переорганизованная по иностраннымъ образцамъ бюрократія, всесильная уже въ XVII столѣтіи, считала себя знающею Россію и ея нужды лучше чѣмъ мѣстные жители; съ другой стороны завоевательная политика, которой мы слѣдовали съ Петра Великаго, включила въ составъ Россіи такіе элементы, участіе которыхъ въ соборахъ могло вызвать только рознь и раздѣленіе государства, а также несогласіе верховной власти съ землею.

Но если идея созывать уполномоченныхъ отъ земли для совѣта слабѣла и только однажды была испробована Екатериною II,—какъ свидѣтельствуетъ Наказъ,—болѣе по вдохновенію иностранныхъ мыслителей Монтескье и Беккаріи, нежели по настояніямъ страны, то сознаніе о необходимости извѣстной доли мѣстнаго самоуправленія укрѣплялось. Правительство сознавало невозможность полной централизаціи и организовало выборное начало. Наиболѣе сдѣлали въ этомъ отношеніи Екатерина II для дворянства и городовъ, Александръ I—для вновь пріобрѣтенныхъ окраинъ: Финляндіи, Царства Польскаго, Бессарабіи, Николай I—для государственныхъ крестьянъ и частью для городовъ. Наконецъ, Александръ II положеніями о земскихъ учрежденіяхъ и городскомъ общественномъ управленіи, по мнѣнію либеральной части нашего общества и тенденціозныхъ писателей въ родѣ князя Васильчикова, г. Скалона и т. п., положилъ не только прочное начало мѣстному самоуправленію, но заложилъ даже фундаментъ для постройки величественнаго зданія самоуправленія всероссійскаго.

Но прежде чѣмъ зданіе увѣнчалось, выяснилось, что фундаментъ слабъ, даетъ трещины и необходимо его перебрать заново. Записка г. Пазухина о современномъ состояніи Россіи была на этотъ счетъ своего рода откровеніемъ, хотя въ ней не было новаго противъ того, что ранѣе писали публицисты консервативнаго направленія, между прочимъ г. Фадѣевъ, недостаткомъ котораго была нѣкоторая расплывчатость изложенія. Успѣхъ г. Пазухина объясняется не новостью или оригинальностью его воззрѣній, а тѣмъ, что они высказаны были въ моментъ, когда общество, послѣ двадцатилѣтняго увлеченія фразою, начало болѣе отчетливо сознавать, что за красивою внѣшностью кроется нерѣдко весьма непривлекательное содержаніе

и что слово: „реформы", которое заставляло недавно еще замирать отъ восторга сердца, не есть магическій жезлъ, который извлекаетъ воду даже изъ такой скалы, гдѣ никакого источника не скрывается.

Г. Пазухинъ призналъ современное состояніе Россіи смутнымъ и неопредѣленнымъ и эту смуту въ умахъ объяснялъ не обычнымъ условіемъ переходнаго времени, борьбой новыхъ началъ жизни съ началами отживающими, не характеромъ русскаго общества, энергія котораго имѣетъ свойство быстро истощаться и смѣняться безпричиннымъ разочарованіемъ, а главнымъ образомъ тѣмъ, что въ основѣ всѣхъ преобразованій послѣдняго времени лежало начало, глубоко противное нашей исторіи и потребностямъ государственнымъ. Начало это—разрушеніе сословности, въ которомъ и слѣдуетъ искать главную причину современной дезорганизаціи.

Правительство, преувеличивъ значеніе оппозиціи, которая была выказана на первыхъ порахъ крестьянской реформѣ въ средѣ аристократіи и въ кругу нѣкоторыхъ государственныхъ людей, стало оказывать покровительство направленію, называвшемуся тогда прогрессивнымъ, но которое въ сущности было измышленіемъ бюрократической отвлеченной доктрины, весьма мало знавшей россійскую исторію и потребности страны.

Земское и Городовое Положенія, сочиненныя въ канцелярскихъ сферахъ,—хотя, надобно признать, по настояніямъ и какъ бы съ благословенія дворянскихъ собраній, городскихъ думъ и печати,—создали общественные органы для завѣдыванія мѣстными хозяйственными дѣлами, поставленные внѣ связи съ правительствомъ и внѣ всякой связи съ сословіями. Новые законы, имѣвшіе, повидимому благую цѣль призвать къ дѣятельности общественныя силы, оставили безъ вниманія наши историческія сословія и въ основу созданныхъ имъ учрежденій поставили случайныя группы собственниковъ. Эта замѣна живыхъ органическихъ силъ страны механическимъ сочетаніемъ единицъ и составляетъ основную черту преобразованій, слѣдовавшихъ за Крымскою войною.

„Искусственная смѣсь разныхъ народныхъ элементовъ, говоритъ г. Пазухинъ, есть тотъ фундаментъ, на которомъ построены земскія учрежденія. Въ первый разъ въ русской исторіи законодательство дѣлаетъ опытъ разрушить ту сословную организацію, въ которой жила и развивалась Россія въ теченіе вѣковъ, и обратить ее въ безсословную и безформенную"... Городовое Положеніе, въ свою очередь, отстранило отъ управленія городскимъ хозяйствомъ наши

старыя городскія сословія купцовъ и мѣщанъ и образовало безсословныя городскія думы.

Земскія учрежденія не могутъ быть серьезнымъ представительствомъ какихъ-либо опредѣленныхъ интересовъ; не имѣя никакой связи съ сословіями, не находясь подъ нхъ нравственнымъ контролемъ, гласные земскихъ собраній могутъ безнаказанно примѣнять на практикѣ свои личныя, случайныя воззрѣнія, идущія въ разрѣзъ съ интересами и взглядами этихъ бытовыхъ союзовъ, которые собственно и составляютъ русскій народъ. Тотъ же характеръ случайности, который лежитъ въ основѣ земскихъ избирательныхъ съѣздовъ, составилъ исключительную черту и городскихъ избирательныхъ группъ, дѣлящихся на разряды исключительно по количеству платимаго налога. „Интриги, руководящіяся корыстными побужденіями, проникающія въ земскіе выборы, являются необходимымъ, по словамъ г. Пазухина, условіемъ городской избирательной системы. Города, жившіе до реформы спокойною дѣловою жизнью, въ настоящее время представляютъ зрѣлище борьбы партій изъ-за права распоряжаться городскими имуществами и кассами городскихъ банковъ. Безсословная дума, собранія коей отличаются постоянно мѣняющимся случайнымъ составомъ, представляетъ самый удобный матеріалъ для эксплуатаціи общественныхъ интересовъ въ пользу кармана ловкихъ людей, грязныя дѣла которыхъ прикрываются рѣшеніями самоуправляющейся думы. Безсословная организація даетъ легкую возможность болѣе смышленнымъ представителямъ нашей разростающейся интеллигенціи забирать управленіе городскими дѣлами въ свои руки".

Такимъ образомъ ни Земское, ни Городовое Положенія самоуправленія у насъ не упорядочили и не упрочили, но за то создали и расплодили типъ земскаго и думскаго чиновника. Вообще, страннымъ образомъ, всѣ наши новѣйшія реформы неизбѣжно распространяютъ бюрократію, въ видѣ преобладающаго общественнаго элемента.

По мѣрѣ того, какъ реформы становились всесословными, изъ нихъ постепенно исчезало и вытравлялось вліяніе всѣхъ сословій въ отдѣльности, а образовывался и неимовѣрно разростался новый привилегированный классъ, вытѣснившій даже такое прочное, коренное сословіе, какимъ было дворянство. Вновь же образованное сословіе не имѣетъ ровно никакихъ связей и отношеній ни къ учрежденіямъ, ни къ землѣ, ни къ народу, кромѣ необходимости получать отъ него

готовое содержаніе и проектировать еще для того постоянно новыя должности.

Одинъ изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, г. Рагозинъ, произнесъ въ 1880 г. рѣчь въ новгородскомъ дворянскомъ собраніи, надѣлавшую много шуму. Онъ обратилъ вниманіе на то, что дворянству оставлено право ставить своихъ представителей во главѣ всѣхъ учрежденій, охватывающихъ общественную жизнь. Такое положеніе давало, казалось, возможность дворянству пользоваться вліяніемъ въ своей мѣстности, не смотря на недостатки Земскаго Положенія. На комъ же лежитъ, спрашивалъ г. Рагозинъ, нравственная отвѣтственность за апатію представителей дворянства? Кто подлежитъ осужденію, если представители дворянства недостаточно пользовались своимъ вліяніемъ? Признавая такое положеніе ненормальнымъ и компрометирующимъ дворянство, какъ общественныхъ дѣятелей, г. Рагозинъ возлагалъ на дворянство обязанность выработать программу своихъ отношеній къ земству, и, поставивши своимъ представителямъ извѣстныя требованія, обязать ихъ точнымъ ихъ исполненіемъ.

Практически эти широкія пожеланія свелись, впрочемъ, къ платоническому воспрещенію соединять званіе предводителей дворянства съ званіемъ предсѣдателей земскихъ управъ. Мы говоримъ платоническому, такъ какъ подобное постановленіе пріобрѣло бы силу лишь при законодательной санкціи. Новгородское дворянство горячо привѣтствовало рѣчь г. Рагозина и... выбрало губернскимъ предводителемъ биржевого „дѣльца“!

Земство наше съ самаго основанія стояло на фальшивой почвѣ. Хотя ни въ одной странѣ (кромѣ федеральныхъ республикъ) мѣстное самоуправленіе такихъ широкихъ правъ не имѣло, но по изданіи Положенія 1864 года наше общество и печать выказывали свое разочарованіе. Земцы увѣряли, будто въ „тѣсномъ кругу“ они дѣйствовать съ пользою не могутъ. „Лучшіе люди“, т. е. пустые празднословы, послѣ разныхъ попытокъ вызвать безконечныя пререканія съ администраціей—земства тверское и черниговское особенно отличались на этомъ пути — покинули земскую дѣятельность. На смѣну имъ пришло новое поколѣніе людей, которые, прикрываясь громкими фразами, искали только случая набить карманы и поживиться на земскій счетъ. Этотъ второй періодъ исторіи земства прошелъ спокойнѣе, но земство мало по малу возбудило общія антипатіи, и не мало губерній втайнѣ завидовали донскимъ казакамъ, которые рѣшительно сбросили съ себя земское иго, навя-

анное имъ графомъ Милютинымъ. Объ администраціи и говорить нечего. Одинъ губернаторъ слѣдующимъ образомъ характеризовалъ положеніе нашихъ хозяевъ губерній. „Счастливые губернаторы тѣ, въ губерніи которыхъ нѣтъ ни земства, ни жидовъ; значительно хуже положеніе тѣхъ, у которыхъ нѣтъ земства, но есть жиды; наконецъ, самые несчастные, это тѣ, которые одновременно возятся и съ земствами, и съ жидами"...

Въ уничтоженіи земства надобности, впрочемъ, не настоитъ; во всякомъ случаѣ органы для мѣстнаго хозяйства необходимы. Вполнѣ достаточно, оставивъ земскія собранія, упразднить земскія управы, замѣнивъ ихъ правительственными учрежденіями, а постановленія земскихъ собраній подчинить прокурорской власти губернатора, съ правомъ обжалованія постановленій послѣдняго по начальству. Это ограниченіе сейчасъ же отзовется съ выгодою на земскихъ финансахъ.

Хозяйственный департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ издаетъ своды свѣдѣній о доходахъ и расходахъ по земскимъ смѣтамъ и о капиталахъ, состоящихъ въ распоряженіи земскихъ учрежденій. Эти отчеты должны бы проливать свѣтъ на положеніе нашихъ земскихъфи нансовъ, но, къ сожалѣнію, они неполны; земство черниговское не доставило, напр., свѣдѣній въ 1881 г. за 1871 г., смоленское — за 1877 годъ, а Самарское — и за все десятилѣтіе! Это неполученіе свѣдѣній, обязательныхъ по закону, очень хорошо характеризуетъ наши политическіе нравы: земство постоянно жалуется на администрацію, которая будто бы всесильна относительно земства, а между тѣмъ десять лѣтъ та же всемогущая администрація не въ силахъ добиться даже представленія ей земскихъ смѣтъ.

Замѣтьте, что рѣчь идетъ не о „дѣйствительныхъ" доходахъ и расходахъ, свѣдѣнія о которыхъ имѣются только въ управахъ (если не имѣются, при нашей халатности?), а о смѣтныхъ. Земскія же смѣты должны быть и въ губернаторскихъ канцеляріяхъ и безъ труда могли бы быть извлечены изъ печатныхъ сборниковъ, издаваемыхъ земствами; эти сборники находятся не только въ рукахъ администраціи, но въ каждой редакціи. Но ужъ извѣстно общее правило, что, при собраніи официальныхъ свѣдѣній, гг. чиновники всегда предпочтутъ послать новые циркуляры и запросы, вмѣсто того, чтобы порыться у себя въ дѣлахъ, гдѣ навѣрное хранится все имъ нихъ необходимое.

Неопубликованіе дѣйствительнаго исполненія земскихъ смѣтъ (ибо между смѣтою и ея исполненіемъ должна быть непремѣнно значительная разница) не единственный еще недостатокъ земскаго

финансоваго хозяйства. По губерніямъ, о которыхъ имѣются достаточныя свѣдѣнія, видно, что по смѣтамъ за 13 лѣтъ ожидался дефицитъ, включая приблизительно нѣкоторые пропуски, свыше 56 милл. рублей. Цифра не маловажная, предполагая даже, что всѣ сборы поступили безъ недоимокъ, что невѣроятно, и что въ расходахъ не было передержекъ, что, зная нравы нашего земства, еще невѣроятнѣе. Интересно бы знать: откуда она была пополнена? Отчеты удостовѣряютъ, что „не слѣдуетъ дѣлать вывода о неимѣніи у земскихъ учрежденій средствъ на покрытіе смѣтныхъ расходовъ", такъ какъ, независимо отъ земскихъ сборовъ, у земства имѣются доходы отъ разныхъ спеціальныхъ капиталовъ, а также поступленія отъ содержанія земскихъ антекъ, земскихъ почтъ, возмѣщенія издержекъ за пользованіе лицъ въ земскихъ больницахъ и т. п. Мы полагаемъ, однако, что подобныя поступленія совершенно недостаточны для покрытія огромнаго хроническаго дефицита въ земскомъ бюджетѣ; онъ, очевидно, пополнялся насчетъ спеціальныхъ капиталовъ, переданныхъ земству правительствомъ при образованіи земскихъ учрежденій.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ этихъ запасныхъ капиталовъ не только важны, но просто священны. Не смотря на успѣхи, сдѣланные нами въ культурѣ, не смотря на устройство цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, дополняющей замерзающую, къ сожалѣнію, сѣть замѣчательныхъ водяныхъ сообщеній, Россія, по отношенію къ продовольствію, находится еще въ томъ положеніи, въ какомъ другія европейскія государства находились въ средніе вѣка. У насъ возможны голоданія цѣлыхъ обширныхъ областей и при томъ въ такое время, когда въ другихъ мѣстахъ Имперіи урожай оказывается удовлетворительнымъ.

Подобное явленіе мы видимъ только въ Остъ-Индіи, Китаѣ и др. обширныхъ азіятскихъ государствахъ и объясненіе ему лежитъ въ преобладаніи сельскаго хозяйства въ занятіяхъ жителей. Тамъ, гдѣ болѣе $^3/_4$ населенія живетъ исключительно отъ земли, результатъ урожая естественно обусловливаетъ участь этого населенія.

Поэтому въ Россіи для обезпеченія продовольствія населенія на случай неурожая и принимаются такія предохранительныя мѣры, которыя давно стали излишними въ Западной Европѣ. Одна изъ нихъ и самая существенная, это значительный продовольственный капиталъ въ зернѣ и деньгахъ. Оставляя безъ вниманія долги и переводя цѣнность хлѣба въ наличныя деньги и считая четверть хлѣба хотя въ 3 рубля, общій итогъ наличныхъ лишь капиталовъ

народнаго продовольствія въ разныхъ видахъ составляетъ въ сіи свыше 65 милл. рублей, т. е. такая сумма, которая доста-но обезпечиваетъ государство отъ несчастныхъ случайностей, е въ теченіи нѣсколькихъ неурожайныхъ лѣтъ. Но со введе-ъ земства и съ расширеніемъ крестьянскаго самоуправленія зна-ельная часть продовольственныхъ капиталовъ замѣнилась соот-ственнымъ количествомъ долговъ и недоимокъ. Такая система-еская убыль продовольственныхъ капиталовъ заслуживаетъ вни-пія.

Къ сожалѣнію, судить о томъ, насколько растаяли въ рукахъ ства, переданные ему въ 1864 году цѣликомъ, огромные казенные питалы трудно. Имѣя же въ виду, что наши земства распола-и капиталомъ въ общемъ итогѣ не свыше 40 мил. руб., надобно ать, что въ 90-хъ гг. ни одной копѣйки изъ спеціальныхъ ка-аловъ въ рукахъ земства не останется, ихъ поглотитъ дефицитъ. ною тому будутъ, конечно, сами земства, такъ какъ изъ свѣдѣ-за 13-ть лѣтъ, съ 1871 по 1883 г., видно, что въ то время, да расходы, обязательные для земства, увеличились съ 11.462,356 р. 16.565,505 руб., или только на 5.103,149 руб., расходы необя-ельные, т. е. такіе, которые всецѣло предоставлены усмотрѣнію ства, возросли съ 8.584,060 руб. на 24.658,220 руб., или на 074,160 руб. Другими словами, расходы необязательные увели-ались почти вчетверо скорѣе обязательныхъ. Неустройство скаго финансоваго хозяйства подтверждается еще весьма стран-ми колебаніями въ показаніи количества земель, облагаемыхъ скимъ сборомъ. Въ общемъ это количество возрастаетъ; именно ю обложено земствомъ (не считая Уфимской губерніи, получив-ѣ земскія учрежденія только въ 1876 году) въ 1871 году крестьян-хъ земель 70.494,728 десятинъ, прочихъ земель 105.151,816 де-инъ, въ 1880 году крестьянскихъ земель—73,320,731 десятина, чихъ—129.652,916 десятинъ; но въ частности замѣчается боль-е колебаніе. Такъ, въ 1872 г. земель значилось до $16^1/_2$ мил. ятинъ болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ 1871 г.; въ 1875 г. $1^1/_2$ мил. десятинъ болѣе противъ 1874 г.; наоборотъ, въ 1877 г. ѣе чѣмъ въ предшествующемъ 1876 г. до 9 мил. десятинъ.

Хозяйственный департаментъ заявляетъ, что въ полученныхъ данныхъ нѣтъ твердыхъ основаній для положительнаго объ-енія такого колебанія, но по многимъ частнымъ случаямъ онъ полагаетъ, что колебаніе находится въ зависимости отъ про-жающейся еще повѣрки документальнаго показанія земельныхъ

владѣній съ дѣйствительнымъ,—что нерѣдко представляетъ весь
существенную разницу,—отъ исключенія изъ счета земель неуд
ныхъ, неправильно зачисленныхъ въ разрядъ удобныхъ, и, нао
ротъ, отъ привлеченія къ земскому обложенію такихъ неудобны
земель, которыя стали приносить доходъ. Это объясненіе оче
вѣроятно, хотя показываетъ шаткость земскаго обложенія. Если
одинъ годъ вовсе можетъ исчезнуть изъ счета площадь земли, р
ная пяти такимъ государствамъ, какъ Голландія, то, конечно,
леко еще до момента, когда земское обложеніе надобно призна
равномѣрнымъ и справедливымъ. При этомъ значительную час
своихъ средствъ земство беретъ съ казны. Особенно курьезны от
шенія земства къ казеннымъ лѣсамъ. Хотя отъ земства съ е
управами, учеными акушерками и соціалистическою статистикою к
зеннымъ лѣсамъ ни тепло, ни холодно, но на этихъ лѣсахъ земс
чиновники нѣкоторыхъ губерній построили все свое благополу
и облагаютъ казенные лѣса безъ милосердія, хотя даже въ степны
безлѣсныхъ губерніяхъ средній доходъ отъ десятины казенна
лѣса не превосходитъ 2 р. 61 к. Общій платежъ въ пользу з
ства лѣсного департамента въ 1889 г. назначенъ 2.712,130 р
Цифра сама по себѣ не маленькая и составлявшая болѣе тре
всѣхъ расходовъ департамента, но любопытно, изъ какихъ данны
она составляется.

Въ 1883 г., когда платежи были болѣе 2½ мил. руб., казенн
лѣса дали убытка въ Ярославской губерніи 2,307 руб., а земст
взяло съ нихъ въ этой губерніи 12,887 руб., въ Костромской г
берніи—барыша 53,429 руб., а земство взяло 74,888 руб., въ Че
ниговской губ.—убытка 5,233 руб., а земство взяло—55,388 ру
въ Таврической—убытка 69,397 руб., а земство получило 36,948
На сѣверѣ же земство положительно живетъ казенными лѣса
получая въ губерніяхъ: Пермской 539 тысячъ, Вятской 285 т
сячъ, Олонецкой 264 тысячъ, Вологодской 265 тысячъ—въ губ
ніяхъ, гдѣ казенные лѣса доставляютъ только съ десятины 5 к
дохода! Въ то время, когда у насъ такъ долго колебались об
жить 3 проц. чистые доходы акціонерныхъ компаній, обложе
земствомъ лѣсовъ не съ чистаго, а съ *валоваго* дохода въ 30
40 проц. бываетъ сплошь и рядомъ, и только недавно это непос
жимое явленіе обратило на себя вниманіе, вызывая робкіе протес
которые, конечно, оставлены безъ послѣдствій, такъ какъ до
маго послѣдняго времени Сенатъ, куда только и можно жалова
на земскія раскладки, систематически оставлялъ протесты губер

овъ и министра внутреннихъ дѣлъ безъ вниманія, постоянно
подтверждая указами, что по отношенію къ обложенію земли
ва земства неограничены.

Въ ожиданіи разъясненія всѣхъ тайнъ или фокусовъ земскаго
оводства, мы можемъ изъ напечатанныхъ министерствомъ свѣ-
ій отмѣтить еще, что наибольшее увеличеніе сборовъ послѣдо-
о по обложенію недвижимыхъ имуществъ, именно сборовъ съ
ель на 52 процент., а съ прочихъ недвижимыхъ имуществъ на
проц. Земскій сборъ съ торговыхъ документовъ увеличился
ько на 25 %. Подобная разница зависитъ отъ того, что сборъ
торговыхъ документовъ нѣсколько огражденъ извѣстнымъ за-
номъ 1867 года, единственной полезной поправкой, сдѣланной за
лѣтъ въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ. Земельный сборъ,
къ и прежде, служитъ главнымъ источникомъ для покрытія зем-
хъ расходовъ. Въ 1883 г. онъ составлялъ 75 проц. суммы всѣхъ сбо-
въ и складывался изъ 14.621,152 р., уплаченныхъ крестьянами за
.026,285 десят. земли, и 12.093,399 руб., уплаченныхъ каз-
ю, удѣлами, помѣщиками и обществами за 129.773,602 десят.
ыхъ земель привлечено было къ обложенію въ 1883 г., сравни-
льно съ 1881 г., 1.171,835 десят. За земельнымъ сборомъ слѣ-
етъ по размѣру сборъ съ прочихъ недвижимыхъ имуществъ въ
родахъ и уѣздахъ и, наконецъ, сборъ съ торговыхъ документовъ,
ъ коихъ первый составлялъ 16 проц., а второй 9 проц. всей
ммы земскихъ доходовъ.

Разница въ среднемъ земскомъ обложеніи десятины крестьян-
ой и десятины казенной и помѣщичьей земли, по поводу чего
акались „Русскія Вѣдомости", объясняется весьма просто и есте-
венно. Земли крестьянскаго надѣла по большей части пахатныя,
этому и цѣнность и доходность ихъ несравненно выше земель
омѣщичьихъ и особенно казенныхъ, гдѣ крупный процентъ состав-
ютъ лѣса и степи. Понятно, что разница въ доходности вызы-
етъ и разницу въ размѣрѣ обложенія.

Увеличеніе расходовъ по различнымъ статьямъ земскаго бюд-
ета весьма неравномѣрное. Расходы на повинность постойную и на
держаніе мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій значи-
льно уменьшились, за то увеличились за десять лѣтъ расходы по
держанію судебно-мировыхъ учрежденій — на 6 проц., земскихъ
правъ—25 проц., подводной повинности—22 проц., дорожной по-
инности—4 проц., на народное здравіе и призрѣніе—141 проц.,
а народное образованіе—131 проц. Конечно, было бы пріятнѣе,

еслибъ дорожные расходы увеличились на 25 проц., а содержа
управъ на 4 проц., а не наоборотъ, но кто себѣ врагъ. Справе
ливость впрочемъ требуетъ замѣтить, что въ послѣдніе два и
три года въ самомъ земствѣ началась реакція противъ увеличе
безполезныхъ расходовъ. Такъ нѣкоторыя собранія уничтожили
себя безобразіе, носившее названіе земской статистики и имѣвш
цѣлью возбудить крестьянъ противъ помѣщиковъ.

ГЛАВА XI.

Самоуправленіе.

ородское общественное управленіе и городскіе финансы. — Хозяйство Петер рга. — Городскіе банки. — Стѣсненіе городскимъ самоуправленіемъ внутренней и внѣшней торговли. — Совѣтъ при спб. градоначальникѣ.

По общему мнѣнію городское самоуправленіе дѣйствуетъ у насъ це хуже земскаго. Благодаря несовершенству закона, предоста-вшаго все городское самоуправленіе и хозяйство въ руки нѣ-колькихъ ловкихъ людей безъ всякого контроля со стороны пра-вительства, наши думы сдѣлались ареною борьбы личностей и партій, в которыми стушевываются интересы массы городского населенія. Слѣдствіе этого и дѣятельность нашихъ органовъ городского само-управленія не могла получить того благотворнаго въ жизни горо-довъ развитія, какого ожидалъ отъ нея законодатель и на какое надѣялась печать. Въ городскихъ дѣлахъ — все направлено къ ому, чтобъ удовлетворить во что бы ни стало интересы коноводовъ, только. А такъ какъ отъ вниманія и расположенія этой темной илы зависитъ благосостояніе каждаго, то понятно, что всѣ лица, лужащія городу по выбору, или имѣющія въ виду устроить какое либо дѣльце для себя, стараются попадать въ тактъ дирижерамъ думскаго оркестра, располагающимъ большинствомъ, потакая ихъ всяческимъ низменнымъ стремленіямъ. Даже въ столицѣ все дѣло городскаго самоуправленія находится въ рукахъ какого-то слесаря-иностранца располагающаго выборами по своему усмотрѣнію.

Крайне неприглядная и нежелательная дѣятельность нашихъ думъ давно уже осуждена всею печатью безъ исключенія, съ тою только разницею, что либеральные органы причину всѣхъ неуря-диць видятъ лишь въ неполнотѣ закона, но оставляютъ непри-

косновеннымъ благодѣтельный якобы принципъ, положенный
основу Городоваго Положенія, другіе же, исходя изъ фактовъ, бо
основательно находятъ, что положеніе опередило общественное
знаніе и способность нашу къ самоуправленію. Защитники по
женія съ своемъ увлеченіи увѣряютъ даже будто лучшее средст
для исправленія дѣла—это пониженіе ценза и привлеченіе къ
родскому управленію уличной толпы, помощью замѣны выборовъ
разрядамъ выборами по территоріальнымъ участкамъ Можно се
представить въ какомъ видѣ тогда будутъ городскія финансы!

Хозяйственный департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣ
публикуетъ томы in 4^0 отчетовъ о денежныхъ оборотахъ городски
кассъ. Къ сожалѣнію и это изданіе выпускается, въ видѣ сыро
малообработаннаго матеріала. Къ таблицамъ, содержащимъ голы
цифры, не приложено надлежащаго объяснительнаго текста, нед
стаетъ также свѣдѣній о городахъ на Кавказѣ и въ Азіи. Такіе пр
бѣлы дѣлаютъ пользованіе вышеозначеннымъ изданіемъ для статист
ческихъ цѣлей затруднительнымъ. Тѣмъ не менѣе, за неимѣніемъ др
гихъ матеріаловъ оно все-таки интересно по сообщаемымъ свѣдѣніям
о современномъ положеніи нашихъ городскихъ финансовъ.

Доходы городовъ Имперіи достигаютъ до 50 милл. руб. и почт
покрываютъ расходы, но изъ доходовъ очень многіе такъ называем
чрезвычайные. Подъ этотъ терминъ подводятъ и такіе доходы, ко
торые поступаютъ изъ года въ годъ, напримѣръ взысканія по не
доимкамъ, прибыли городскихъ общественныхъ банковъ, т. е. из
операціи рискованной и ничего общаго съ городскимъ хозяйство
не имѣющей, пособія отъ казны и изъ земскихъ сборовъ. Складыва
одинъ итогъ заимствованій изъ городскихъ капиталовъ, накопившихс
въ прежнее время, суммъ отъ новыхъ займовъ и продажи городски
имуществъ и прочихъ подобныхъ, дѣйствительно чрезвычайныхъ до
ходовъ, получаемъ свыше 10 милл. такихъ средствъ, безъ которы
наше городское хозяйство осталось бы въ дефицитѣ.

Этотъ дефицитъ не можетъ, однако, считаться значительны
въ виду того, что города наши сохранили еще свыше 25 милл. руб
разныхъ капиталовъ, а долговъ имѣютъ около этой суммы, при
чемъ въ свою очередь считаютъ за разными лицами въ долгахъ
недоимкахъ до 10 милл. руб. Распредѣленіе долговъ и капиталов
очень различно. Долгъ превосходилъ капиталы свыше чѣмъ на мил
ліонъ рублей только въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ (въ послѣд
ней на $4^1/_2$ милл.); въ другихъ городахъ перевѣсъ долговъ надъ ка
питалами ничтожный и это въ то время, когда въ Западной Европѣ

Америкѣ города обременены гигантскими долгами, заставляющими весьма серьезно опасаться за ихъ состоятельность въ будущемъ. Принимая въ соображеніе, что до 25 проц. доходовъ, какъ показываетъ опытъ государственныхъ смѣтъ, можно смѣло употребить на платежъ процентовъ по займамъ безъ особаго раззоренія плательщиковъ, мы теоретически получимъ, что наши города въ настоящемъ сейчасъ же занять на свое благоустройство не менѣе 1000 милл. руб. Вопросъ, слѣдовательно лишь въ томъ, легко ли найти эти новые 25 проц. доходовъ.

Въ обыкновенныхъ доходахъ нашихъ городовъ около 30 проц. покрывается доходами съ городскихъ имуществъ, что показываетъ только щедрость, съ которою были снабжены правительствомъ наши города землями и др. угодьями, но нисколько не подтверждаетъ еще благосостоянія жителей. Второй по важности источникъ городскаго дохода — это разные виды косвенныхъ налоговъ на торговлю; налоги эти, безъ сомнѣнія, имѣютъ свое основаніе. Болѣе зажиточные классы платятъ оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ и въ немногихъ городахъ налогъ съ лошадей, экипажей и собакъ. Эти сборы даютъ немного болѣе одной шестой части городскихъ доходовъ, цифру во всякомъ случаѣ незначительную, сравнительно съ численностью городскаго населенія въ Россіи.

Всѣ обыкновенные доходы нашихъ городовъ едва превосходятъ половину доходовъ одного Парижа. Доходы отъ городскихъ имуществъ само собою никакой тягости для городскихъ обывателей не составляютъ; обложеніе жителей нашихъ городовъ сводится слѣдовательно къ какимъ нибудь 30 милл. рублей въ годъ и это для населенія слишкомъ въ 17 милл. Можно ли при этомъ толковать о тягости городскаго обложенія?

Очень можетъ быть, что нѣкоторыя статьи городскихъ налоговъ дурно распредѣлены, что по своей неравномѣрности ложатся преимущественно на бѣднѣйшій классъ городского населенія, что онѣ облагаютъ слишкомъ нѣкоторыя занятія, напр., трактирный и извозный промыслы, оставляя свободными другія не менѣе прибыльныя, что они, собираясь съ отпускныхъ товаровъ и мореходства, переторгаются въ область государственныхъ финансовъ, но въ общемъ доходы нашихъ городовъ, сравнительно съ Западною Европою, совершенно незначительны; правда, и достигаемое на эти доходы благоустройство городовъ оставляетъ желать еще большаго. Причина тому кроется отчасти въ томъ обстоятельствѣ, что порядочная часть

городскихъ доходовъ идетъ на предметы общей государственно
администраціи и прямого отношенія къ городскому хозяйству н
имѣетъ. Только городскіе бюджеты городовъ Царства Польскаг
представляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе.

Изъ общаго итога расходовъ нашихъ городовъ идетъ н
пособіе казнѣ 2 проц., полицію 10½ проц., военную повинност
и военный постой 8 процентовъ. Изъ остающихся трехъ четверте
расходовъ слишкомъ 13½ проц. стоитъ городское общественно
управленіе, 6 проц. его зданія и пенсіи, 5 проц. требуютъ про
центы по займамъ; на остальныя городскія нужды остается: учеб
ныя и общеполезныя заведенія 7 проц., пожарную часть 7 проц.
мостовыя 5 проц., благотворительныя заведенія 5 проц., освѣще
ніе улицъ 3 проц., медицинскую часть 1 проц. Расходы строитель
ные помѣщаются въ расходахъ единовременныхъ, превышающихъ
въ общей сложности 20 процент. Такимъ образомъ если изъ общаго
итога вычесть расходы на полицію, воинскую повинность, тюрьмы,
пособія казнѣ и пр., гдѣ города являются только посредниками въ
передачѣ части городскихъ доходовъ на надобности правительства
то окажется что двѣ трети муниципальныхъ расходовъ, не имѣютъ
ничего общаго съ городскимъ хозяйствомъ.

Изъ остальной трети городское управленіе, пенсіи и дома для
помѣщенія городскихъ и казенныхъ присутственныхъ мѣстъ по-
глощаютъ цифру громадную. Даже оставляя одни расходы на лич-
ный составъ городскихъ управленій, нельзя не удивляться величинѣ
этого расхода, сравнительно съ цифрою городскихъ бюджетовъ во-
обще. Если бы сохранить ту же пропорцію въ государственномъ
бюджетѣ, то пришлось бы на содержаніе однихъ чиновниковъ тра-
тить болѣе 100 мил. руб. въ годъ! Въ особенности поразительны
отношенія между итогомъ расходовъ и расходами на городское
управленіе въ маленькихъ уѣздныхъ городахъ. Въ иныхъ выхо-
дитъ, что всѣ городскіе доходы, не поглощаемые казною, идутъ на
содержаніе городскихъ управъ, и Городовое Положеніе является
лишь средствомъ имѣть муниципальныхъ чиновниковъ. Г. Щепкинъ
былъ совершенно правъ, выразивъ въ своей книгѣ о городскомъ
хозяйствѣ сомнѣніе въ необходимости городоваго устройства для
подобнаго рода поселеній.

Ничтожность нѣкоторыхъ расходовъ бросается въ глаза. Что
значитъ расходъ въ 2 милліона рублей на устройство и содержа-
ніе мостовыхъ въ 680 собственно русскихъ городахъ, или 1.200,000
рублей на освѣщеніе этихъ городовъ. За то у насъ и существуютъ

города даже губернскіе, напримѣръ Черниговъ, которые тратятъ на свои мостовыя 3,573 руб. въ годъ, на освѣщеніе 1,733 рублей? Нѣкоторые губернскіе города, какъ Чита, вовсе не освѣщаются. Въ городѣ Сердобскѣ около 10,000 жителей; а онъ издержалъ на свои мостовыя въ 1881 г. 4 руб. въ годъ; на ту же цѣль Кременчугъ съ 47,000 жителей и съ милліонными торговыми оборотами истратилъ въ 1881 г. только 306 рублей! При подобныхъ затратахъ неудивительно, что наши города, кромѣ Петербурга, Риги, Одессы и Варшавы, напоминаетъ неблагоустроенныя деревни и что жизнь въ нѣмецкой колоніи или финляндскомъ мѣстечкѣ представляетъ въ сто разъ болѣе удобствъ, нежели въ русскомъ городѣ средней величины.

Въ этомъ случаѣ широкое самоуправленіе, предоставленное нашимъ городамъ въ 1870 году и превосходящее далеко по своимъ правамъ самоуправленіе, напримѣръ, французскихъ городовъ, не принесло замѣтныхъ плодовъ. Наиболѣе осязательными результатами этого самоуправленія—была растрата запасныхъ капиталовъ, накопленныхъ старыми сословными думами, увеличеніе въ нѣсколько разъ расходовъ городского общественнаго управленія и прихотливое увеличеніе расходовъ на учебную часть. Вмѣсто мостовыхъ, водостоковъ и т. п. были заводимы гимназіи и прогимназіи, устройство которыхъ скорѣе дѣло правительства, нежели городовъ. Бывали и такіе расходы. Тихвинская—если не ошибаемся—дума, извѣстившись о смерти Аксакова, постановила: „узнавъ изъ газетъ, что Аксаковъ былъ великій гражданинъ“ воздвигнуть, въ честь его памятникъ... Петру Великому! Даже столичное городское хозяйство оказывается весьма неудовлетворительнымъ.

Кто путешествовалъ въ послѣднее время по Европѣ, былъ, конечно, пораженъ необыкновеннымъ оживленіемъ, господствующимъ тамъ во всѣхъ населенныхъ центрахъ. Повсюду прокладываются новыя улицы и бульвары, проводятся конно-желѣзныя дороги, строятся рынки, театры, цѣлые кварталы великолѣпныхъ домовъ, открываются отели, возвигаются памятники, фонтаны и т. п. Первоначально существовало мнѣніе, будто подобныя перестройки производились только въ Парижѣ Османомъ, желавшимъ, въ видѣ услуги Наполеону III, забавлять рабочихъ постройками, оплачиваемыми изъ кармановъ буржуа. Но османизмъ давно переселился изъ Парижа и охватилъ всѣ почти большіе города: Вѣна, Дрезденъ, Мадридъ, Генуя, Неаполь, Каиръ, Нью-Йоркъ и десятки другихъ городовъ соперничаютъ въ быстротѣ и роскоши сооруженій.

Видя эту картину дѣятельности и здоровой жизни, очень тяжело бываетъ возвращаться въ Петербургъ и, къ удивленію, любоваться, какъ въ этой столицѣ 120-тимилліоннаго государства городская жизнь и хозяйство идутъ себѣ по старому, какъ шли въ блаженныя времена 20-хъ и 40-хъ годовъ. Кое-гдѣ выстроятъ казенный домъ въ видѣ декораціи; частный домовладѣлецъ, сдѣлавъ всевозможныя надбавки на квартиры жильцамъ, догадается, наконецъ, пристроить лишній этажъ или флигель; дома строятся и въ центрѣ города по прежнему, со всѣми барскими угодьями, шестая часть населенія живетъ въ подвалахъ; мостовая безобразна; есть улицы, еще тускло освѣщаемыя керосиномъ; на красавицѣ Невѣ гніютъ деревянные мосты на плошкоутахъ; только въ полиціи замѣтно движеніе, и петербурженъ утѣшается, читая о подвигахъ полиціи наружной, внутренней, явной, неявной, городской, пригородной, уѣздной, сыскной, рѣчной, военной и т. д. Все благоустройство города, весь городской бюджетъ сосредоточиваются, главнымъ образомъ, на этой полиціи. И чего только не возлагаютъ на это учрежденіе: то полиція производитъ весну мѣсяцемъ ранѣе противъ календаря; то заботится о томъ, какъ доятъ коровъ, то хлопочетъ о мѣрахъ къ сокращенію истребленія лѣсовъ и дороговизны дровъ, или преподаетъ въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ поученія о томъ, что цѣнность есть отношеніе между запросомъ и предложеніемъ, и т. п.

Полиція—полиціей; можно безъ задней мысли одобрить ея усердіе, но жизнь города не можетъ сосредоточиваться исключительно въ узкомъ кругу благочинія и предупрежденія и пресѣченія преступленій. Есть интересы и повыше, и посущественнѣе этихъ. Наше городское управленіе вращается давно въ совершенно ложномъ кругѣ, даже преслѣдуя похвальную и полезную мысль — сведеніе концовъ съ концами. Между тѣмъ, нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній предполагать, что городскіе доходы могутъ вырости сами собою до такой степени, что городъ, за покрытіемъ полицейскихъ и административныхъ расходовъ, получитъ возможность широко черпать изъ своего казначейства на публичныя работы, больницы и общественное призрѣніе. Подобная надежда—чистая утопія; это все равно, что предполагать, будто Россія могла изъ своего бюджета удѣлить въ десять лѣтъ милліардъ рублей на желѣзныя дороги.

При полномъ застоѣ городской жизни, никогда городскіе доходы не получатъ той растяжимости, которую отъ нихъ ожидаютъ. Для

этого нужны совершенно другія условія: нужно, чтобъ торговля столицы быстро развивалась, притокъ населенія увеличивался, доходность всѣхъ имуществъ и занятій возрастала, капиталы легко собирались и охотно завязывались въ городскія предпріятія. Нѣчто подобное творится и въ Петербургѣ, но какая разница въ размѣрѣ съ прочей Европой? До сихъ поръ еще въ Петербургѣ живешь какъ будто только жизнью административною, а торговля ищетъ уже другіе пути къ болѣе удобнымъ портамъ; у насъ не только не думаютъ о закрѣпленіи ея за Петербургомъ, но биржевое купечество слышать даже не хотѣло о какихъ-либо улучшеніяхъ, которыя могли бы уменьшить барыши, получаемые цѣлымъ чужеяднымъ классомъ комиссіонеровъ-посредниковъ, царствующимъ на русскихъ биржахъ. Намъ кажется, что пора серьезно подумать о будущности Петербурга въ торговомъ отношеніи, и по одному розрастанію рабочаго населенія и дороговизнѣ квартиръ не считать еще его экономическаго роста прочно обезпеченнымъ.

Единственнымъ средствомъ творить что либо грандіозное былъ до сихъ поръ кредитъ, но его-то болѣе всего чуждались наши эдилы. Въ этихъ опасеніяхъ есть доля основанія; при наклонностяхъ нашего самоуправленія возможность покрывать всякаго рода расходы легкимъ путемъ кредита можетъ повлечь за собою весьма опасныя послѣдствія. Но, замѣтимъ, нѣтъ такого средства, которымъ нельзя было бы злоупотреблять; изъ опасенія какого нибудь прихотливаго расхода въ десятокъ и даже сотню тысячъ, несправедливо обрекать на застой и омертвѣніе городъ съ такимъ значеніемъ, какъ Петербургъ. До сихъ поръ столицы наши рѣдко пользовались могущественнымъ средствомъ кредита, а прежде они ухитрялись собирать даже запасные капиталы, польза которыхъ весьма сомнительна при хозяйствѣ, основанномъ на налогахъ.

Доходы Петербурга возрастаютъ оттого такъ медленно, что городское хозяйство совершенно не устроено; но и при настоящемъ ихъ состояніи городъ можетъ безъ затрудненія обременить свой бюджетъ процентами по долгу не въ одинъ десятокъ милліоновъ рублей. Подобная сумма не скоро и понадобится, а на нее можно сдѣлать очень много полезнаго и именно то, въ чемъ Петербургъ особенно отсталъ отъ другихъ столицъ. Кромѣ кредита, городъ долженъ будетъ дать болѣе производительное употребленіе и своимъ значительнымъ недвижимымъ имуществамъ. Въ рукахъ города, при системѣ, напоминающей казенное управленіе, доход-

ность этихъ имуществъ доведена до minimum'а. Только частная предпріимчивость придастъ имъ настоящую цѣнность.

Имущества и налоги не въ состояніи покрыть всѣхъ потребностей настоящаго времени, и, повторяемъ еще разъ, Петербургъ не составитъ исключенія изъ общаго правила. Онъ не можетъ надѣяться пожать не посѣявъ, а для хорошаго посѣва нужны средства, которыя въ состояніи доставить одинъ кредитъ. Поэтому, городскому управленію предстоитъ трудная задача разобрать безчисленныя предложенія по улучшенію и устройству города, такъ запущеннаго въ настоящее время, составить программу необходимѣйшихъ исправленій и новыхъ сооруженій, опредѣлить смѣту потребныхъ расходовъ и, распредѣливъ ихъ примѣрно на десять лѣтъ, приступить къ исполненію на возможно болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Вышеизложенное не доказываетъ, однако, что и всѣмъ нашимъ городамъ, дабы уподобиться Парижу и другимъ иностраннымъ городамъ, можно увеличить свои долги въ десять разъ. Такой выводъ былъ бы поспѣшнымъ.

С.-Петербургская дума впрочемъ объ изысканіи новыхъ источниковъ не думаетъ. Узкость ея воззрѣній лучше всего проявилась въ постановленіи относительно ходатайства объ отсрочкѣ въ платежѣ 400,000 руб. добавочнаго налога съ недвижимыхъ имуществъ. Съ финансовой стороны протестъ думы не выдерживалъ критики, ибо понятно, что для 20,000 домовъ въ столицѣ налогъ въ 400,000 р. сущіе пустяки, и если г. Семевскій увѣрялъ, что будто бы видѣлъ въ Венеціи дома, брошенные на произволъ судьбы, ради высокихъ налоговъ, то, какъ показалъ опытъ, послѣ новаго налога ни одинъ домъ въ Петербургѣ брошенъ не былъ. Правда г. Литвиновъ и другой гласный увѣряли думу, будто нѣтъ несчастнѣе на свѣтѣ положенія владѣльца дома въ Петербургѣ цѣнностью въ 100,000 р., будто этотъ владѣлецъ, не имѣя дохода, чуть не вынужденъ просить милостыню; но тысячи лицъ были бы очень не прочь стать въ положеніе этихъ „несчастныхъ“ домовладѣльцевъ. Всѣмъ извѣстно, что домъ, стоющій въ Петербургѣ 100,000 руб., двадцать пять лѣтъ назадъ стоилъ 50,000 р. и что, не смотря на „кризисъ“, цѣны на квартиры нисколько не понижаются.

Еще менѣе были умѣстны жалобы гласныхъ на ссуды изъ банковъ. Одно городское кредитное общество выдало здѣшнимъ домовладѣльцамъ 200 милліоновъ рублей. Если домовладѣльцы промотали эти деньги, то за что должно ихъ гладить за подобное мотовство по головкѣ правительство? Если же домовладѣльцы на 200

милліоновъ рублей настроили новыхъ домовъ или завели другія доходныя предпріятія, то какой резонъ считать заложенные съ такими производительными цѣлями дома бездоходными предпріятіями? Неужели домовладѣльцы воображали, что закладывая дома, они удваиваютъ свое имущество и свои доходы? Изъ элементарныхъ учебниковъ вѣдь всѣмъ извѣстно, что кредитъ есть только „перемѣщеніе“ капитала, а не „созданіе“ его изъ ничего. Наконецъ, если домовладѣльцы увѣряли, что за платежами въ банки у нихъ ничего не остается, то это опять вина банковъ, которые, вопреки уставамъ, выдавали въ ссуду полную стоимость домовъ. Правительство должно, значитъ, пересмотрѣть уставы ипотечныхъ банковъ, а вовсе не отказываться отъ справедливаго обложенія недвижимой собственности въ столицѣ. Да еще въ какой столицѣ! Въ Петербургѣ, съѣдающемъ почти половину всѣхъ государственныхъ доходовъ Имперіи.

Финансовая сторона протеста не такъ еще интересна. Болѣе всего поражало это по истинѣ трогательное „единогласіе“, съ которымъ городская дума вотировала свой протестъ. И консерваторы думы, и умѣренные и радикалы, словомъ всѣ партіи слились въ одномъ дружномъ хорѣ, когда рѣчь зашла о драгоцѣнныхъ интересахъ ихъ кармановъ. Были забыты всѣ споры и пререканія, всѣ ссоры изъ-за незахваченныхъ подрядовъ, забыты радикальныя и либеральныя фразы, не стало ни правыхъ, ни лѣвыхъ, ни эллиновъ, ни іудеевъ, были только тѣ „пропріетеры“, отъ одного имени которыхъ выворачиваетъ душу западно-европейскаго пролетарія.

А менѣе чѣмъ незначительная прибавка къ обложенію недвижимыхъ имуществъ Петербурга не представляла „новаго“ налога, и цѣль прибавки ея была не только вполнѣ гуманная, но сдѣланная въ угоду общественному же мнѣнію. Извѣстно, что главная тяжесть налоговъ лежала у насъ на мужикѣ и падала на личный трудъ. Прямо подушныхъ платежей, не включая косвенныхъ налоговъ съ мужика, сходило болѣе 200 милл. руб. въ годъ. Сколько объ этомъ было разговоровъ въ печати, земскихъ и городскихъ собраніяхъ, страсть! Государственные люди послѣдняго времени: графы Лорисъ-Меликовъ, Игнатьевъ, Абаза и Бунге обратили, наконецъ, вниманіе на эти жалобы и разговоры. Сдѣлана попытка переложить часть мужицкихъ платежей на имущество болѣе зажиточныхъ классовъ. На первый разъ изъ 200 мил. переложено было около 8 съ чѣмъ-то милліоновъ. Вотъ изъ-за этихъ-то 8 милл., изъ которыхъ

400,000 руб. пришлось по раскладкѣ на долю Петербурга, и загорѣлся сыръ-боръ въ думѣ.

Тѣ же радикалы, которые съ пѣною у рта тысячу разъ критиковали нашу финансовую систему, проклинали подушныя повинности, жалѣли бѣднаго мужика и увѣряли торжественно, что только въ подоходномъ налогѣ, который касался бы однихъ имущественныхъ классовъ, лежитъ ключъ къ нашему финансовому благоустройству и къ спасенію Россіи, возопили громче іерихонскихъ трубъ, когда переложили на нихъ только микроскопическую частицу мужицкой тягости. Замѣтьте, переложили, ибо, какъ мы сказали, никакой дѣйствительной прибавки къ доходамъ правительства не сдѣлало, а только вмѣсто того, чтобы бѣднѣйшая часть крестьянъ, имѣющая нищенскій отдѣлъ, платила 30—40% съ своего личнаго заработка, домовладѣльцы должны будутъ платить $^1/_4$% съ дохода отъ своихъ имуществъ.

Можно ли было не возмущаться этимъ безстыдствомъ, этимъ лицемѣріемъ людей, которые просили подоходнаго налога, который обложилъ бы ихъ не $^1/_4$%, а 5 или 15 (какъ въ Италіи) процентами съ дохода, людей, которые хоронили Тургенева на общественный счетъ за то, что онъ въ своихъ произведеніяхъ такъ гуманно относился къ „меньшой братіи“? Тѣ же господа горячо протестовали, когда имъ предложили заплатить нѣсколько рублей уже не на общественный, а на свой собственный счетъ въ пользу вышеозначенной меньшей братіи!

Впрочемъ, и у безстыдства, даже „радикальнаго“, имѣются свои границы и свои оттѣнки. Вотировавъ единодушно просьбу объ отсрочкѣ платежа новаго сбора, городская дума отвергла предложеніе городской управы заявить правительству, что въ случаѣ несогласія на отсрочку, дума заплатитъ сборъ изъ текущихъ доходовъ Петербурга, сокративъ на такую же сумму расходы на городское благоустройство. Другими словами, управа думала повліять на правительство, угрожая, что, въ случаѣ сохраненія сбора, она не станетъ мести улицы, зажигать фонарей и очищать городскія отхожія мѣста! Эти дѣтскія угрозы отлично иллюстрируютъ понятія нашего самоуправленія объ его правахъ и обязанностяхъ. Излюбленные люди городского самоуправленія думаютъ, что они содержатъ улицы въ порядкѣ или заботятся объ очисткѣ нечистотъ не ради потребности жителей, а для удовольствія правительства!

Между наиболѣе важными обвиненіями противъ нашего городскаго самоуправленія надобно поставить желаніе содержать города

на чужой счетъ, выражающееся въ поборахъ съ морскаго и рѣчнаго судоходства. Дѣйствительно, хотя бечевники по рѣкамъ у насъ свободны „словомъ закона“ и внутреннія таможни уничтожены „навсегда“ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, но оказывается, что берега рѣкъ захвачены во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ за уничтоженіемъ конной тяги судоходству они теперь не нужны и поборы городовъ съ судоходства совершенно соотвѣтствуютъ бывшимъ внутреннимъ таможнямъ съ придачею „сарынь на кичку“, взимавшагося волжскою ватагою.

Городскими управленіями права судоходства попираются самымъ безцеремоннымъ образомъ. Въ городахъ весь берегъ загроможденъ строеніями и для нуждъ судоходства оставляется лишь узкая, затопляемая полоска отъ урѣза воды до гребня, которая сплошь завалливается складами дровъ и лѣса. О какой-либо отдѣльной и удобной пристани нѣтъ и рѣчи; о какихъ-либо приспособленіяхъ берега къ нуждамъ судоходства тѣмъ болѣе. А между тѣмъ за такой, доведенный до крайнихъ неудобствъ въ нагрузкѣ и разгрузкѣ, берегъ неукоснительно взимаются сборы; всѣ мало-мальски лучшія мѣста отданы въ аренду наиболѣе сильнымъ гласнымъ; что же касается до всѣхъ остальныхъ судоходцевъ, то имъ приходится перебиваться Богъ знаетъ какъ, а подчасъ такъ и вовсе приставать негдѣ. Между тѣмъ, по закону, на бечевникахъ всѣ строенія по обветшаніи сносятся; затѣмъ хотя городамъ и разрѣшается не отводить полнаго размѣра бечевника, но съ тѣмъ, чтобы взамѣнъ того были отведены особыя пристани; а что касается до пристаней, то хотя за пользованіе ими и разрѣшается брать плату, но каждый разъ съ особаго высочайшаго повелѣнія. Ничего этого знать не хотятъ наши думы; по ихъ мнѣнію, берегъ рѣки составляетъ имущество города, который и можетъ имъ распоряжаться, какъ находитъ нужнымъ.

Но, скажутъ, для возстановленія закона есть судъ. Дѣйствительно, можетъ явиться какой-либо судоходецъ, который будетъ настаивать на своемъ правѣ пользоваться берегомъ и предъявитъ въ судѣ искъ о вознагражденіи за понесенные убытки. Въ лучшемъ случаѣ получится только частное удовлетвореніе отдѣльнаго настойчиваго судоходца—и только; общаго же значенія судебное рѣшеніе имѣть не можетъ и злоупотребленія остаются.

Болѣе другихъ терпитъ отъ городскихъ поборовъ пассажирское пароходство. Всѣ города не отстаютъ въ прогрессивномъ увеличеніи сборовъ; о Нижнемъ же Новгородѣ газеты, не пере-

стаютъ сообщать вопіющія беззаконія. И ничего — какъ будто не существуетъ ни статей закона, ни губернаторовъ, ни прокуроровъ, ни чиновъ путей сообщенія. Словомъ, кто палку взялъ, тотъ и капралъ. Отъ Ржева до Астрахани, пароходъ летитъ, точно сквозь строй; всѣ думы только и думаютъ, какъ бы съ него что сорвать, хотя, какъ справедливо замѣтилъ какъ-то г. Рагозинъ, пароходы по улицамъ городовъ не ходятъ. Даже сибирскіе города не отстаютъ отъ другихъ по части обиранія судоходства.

Добро бы еще города что-либо дѣлали для торговли, а то всѣ они на собранныя съ судоходства деньги прибавляютъ жалованье своимъ выборнымъ, устраиваютъ цвѣтники и бесѣдки, а о подъѣздахъ къ пристанямъ и удобствахъ нагрузки совершенно не заботятся.

Избѣжать городскихъ пристаней не могутъ ни пароходы, ни товары, потому что, какъ было выше сказано, другихъ пристаней нѣтъ. Всѣ удобные для нагрузки берега давно разобраны, а свободныхъ нѣтъ со временъ царя Алексѣя Михайловича, который, понимая важность рѣкъ въ государствѣ, писалъ въ уложеніи 1649 г., „чтобы мытовъ отнюдь не было“. Черезъ сто лѣтъ, въ царствованіе Анны Іоанновны, указъ 1734 г. всѣхъ „взымщиковъ“ повелѣвалъ бить нещадно батогами. Потомъ, спустя сто лѣтъ, въ Сводѣ Законовъ, изданномъ при Николаѣ Павловичѣ, явились статьи 386—388 и др. XII тома, запрещающія брать за пристани и бечевники. Согласно съ ними и Городовое Положеніе 1870 года, въ ст. 120, объясняетъ, что бечевники, оставаясь городскою собственностью, состоятъ въ общемъ всѣхъ владѣніи. Если же по ст. 388 т. XII даровано будетъ городу изъятіе изъ общаго правила, то и тогда не дается городу произвола брать сколько хочетъ, а онъ долженъ руководствоваться статьей 123 Гор. Пол. Но могутъ ли эти полезныя статьи помочь въ томъ дѣлѣ, гдѣ не помогали кнуты и батоги? справедливо замѣчаетъ одинъ изъ писавшихъ по этому вопросу, г. Крыловъ. „Двухвѣковой опытъ показываетъ, говоритъ онъ въ журналѣ „Русское Судоходство“, что нельзя обуздать самовольныхъ мытарей отъ поборовъ за бечевники и пристани; нельзя также поднять духъ водоходцевъ, чтобы они умѣли отстаивать свое. Тутъ лучше разъ навсегда принять Министерству Путей Сообщенія въ свое исключительное завѣдываніе расположенныя на бечевникахъ набережныя и пристани“.

Это безъ сомнѣнія было бы простѣйшимъ рѣшеніемъ вопроса, но, конечно, наши юристы-кривотолки найдутъ этому тысячи пре-

тствій; въ такомъ случаѣ не остается ничего болѣе какъ выку-
ть у городовъ право ихъ на обложеніе судоходства, т. е. вну-
енней торговли, капитализировавъ тѣ доходы, которые получаютъ
ерь законно или незаконно изъ этого источника. Тутъ не по-
ебуется даже значительнаго единовременнаго расхода. Города
жно будетъ удовлетворить процентными бумагами изъ громад-
го запаса ихъ, имѣющагося въ портфелѣ Государственнаго банка,
затѣмъ суммы, необходимыя на уплату процентовъ, правитель-
во могло бы найти въ преобразованномъ на раціональныхъ на-
лахъ необременительномъ сборѣ съ судоходства и въ сборахъ (а
поборахъ) за пользованіе на пристаняхъ разными необходимыми
я стоянки, выгрузки и нагрузки приспособленіями. Во всякомъ
учаѣ вопросъ этотъ требуетъ безотлагательнаго разрѣшенія и
ждая отсрочка его гибельно отзывается на внутренней и загра-
ичной торговлѣ и увеличитъ со временемъ расходы правительства
выкупъ.

Съ не меньшей свободой относятся наши города и къ морскому
доходству. Въ упомянутой выше книгѣ о торговомъ флотѣ былъ
зобранъ уже вопросъ о громадныхъ затрудненіяхъ, вытекающихъ
я торговли и мореходства отъ безобразныхъ сборовъ, которыми
ши портовые города облагаютъ незаконно и произвольно грузы.
отъ новѣйшее проявленіе городскаго самоуправства, доказывающее,
о наши городскіе дѣльцы дѣйствительно вообразили, что Россія
государство самодержавное, правительство котораго находится
Петербургѣ, а федеративный союзъ автономныхъ коммунъ.

Это открытіе принадлежитъ батумской коммунѣ, состоящей изъ
мянъ и турокъ. Батумъ какъ извѣстно, сталъ главнымъ отпуск-
мъ портомъ рускаго керосина и нефтяныхъ продуктовъ. Вывозъ
отъ достигъ уже до 40 милл. пуд. и 28 наливныхъ пароходовъ
ціально работаютъ на Черномъ морѣ для перевозки русскихъ
фтяныхъ продуктовъ, достигшихъ даже Японіи. Одна Закав-
зская желѣзная дорога выручаетъ отъ этого болѣе 6 милл. руб.
годъ и на такую же сумму сокращается приплата дорогѣ со
роны правительства. Казалось бы, чего лучше? Но нѣсколько
мскихъ цицероновъ въ Батумѣ рѣшило, что наша нефтяная
рговля приняла неправильное направленіе и, что надобно ее ре-
лировать.

Дѣло возникло изъ-за ходатайства „Каспійско-черноморскаго
фтепромышленнаго и торговаго общества“ о дозволеніи, сверхъ
ке существующихъ въ Батумѣ нефтепроводовъ, проложить къ

порту еще два. Дума, большинствомъ голосовъ рѣшила въ этомъ х
датайствѣ отказать, причемъ произошли весьма характерныя прені
гдѣ дума совсѣмъ вообразила себя всероссійскимъ парламентом

Мотивомъ для рѣшенія батумской думы было то, что чѣмъ п
ревозка керосина невыгоднѣе и дороже для торговли и потреб
телей, тѣмъ она лучше для города Батума, а потому дешеву
перевозку керосина наливомъ слѣдуетъ воспретить! Это совершенн
напоминаетъ шуточную петицію, сочиненную когда то Фридер
комъ Бастіа, якобы отъ фабрикантовъ стеариновыхъ свѣчей, к
торые просили французскія палаты воспретить солнцу свѣти
днемъ, ибо при такомъ воспрещеніи производительность свѣче
во Франціи утроится, сбытъ національнаго сала увеличится,
благосостояніе рабочихъ чрезвычайно увеличится, а съ нимъ и д
ходы казны. Батумская дума думала даже — ходатайствовать перед
правительствомъ о полномъ воспрещеніи вывоза керосина нал
вомъ изъ портовъ Чернаго моря заграницу, но затѣмъ нашл
что она своими рѣшеніями сама въ состояніи уничтожить эт
операцію. Она забыла только, что кромѣ Батума имѣется дл
вывоза нефти и другой портъ — Поти, и что въ Россіи, кром
батумскаго, существуетъ еще русское правительство, которое, ко
нечно, похеритъ постановленіе зарапортовавшейся думы, что сд
лать тѣмъ удобнѣе, что опасенія, будто бы отъ увеличенія вывоз
керосина наливомъ уменьшится производительность въ тарѣ, со
вершенно напрасны. Наливнымъ способомъ снабжаются преимуще
ственно европейскіе порты, между тѣмъ какъ подвозъ этого про
дукта тарою происходитъ къ азіятскимъ портамъ.

Судъ надъ Рыковымъ и другими дѣятелями Скопинскаго банка
полтора десятка лѣтъ безнаказанно обиравшими темную публик
подъ покровомъ городского самоуправленія и съ благословенія, так
сказать, Городоваго Положенія невольно вызываетъ вопросъ, как
могъ быть допущенъ подобный дневной грабежъ? Сколько мы знаем
жители города Скопина долго одолѣвали Министерства Финан
совъ и Внутреннихъ Дѣлъ просьбами и жалобами, но не получал
ни отвѣта, ни привѣта по той, вѣроятно, причинѣ, что правн
тельство и само не знало, какъ согласить противорѣчія Нормаль
наго устава городскихъ банковъ 1862 года съ Городовымъ Поло
женіемъ 1870 года.

Нормальный уставъ городскихъ общественныхъ банковъ—плод
канцелярской премудрости нѣсколькихъ доктринеровъ-фритредеров
имѣвшихъ силу въ началѣ управленія г. Рейтерна. Эти господ

оссію знали столько же, сколько внутреннюю Африку, всю же свою анковую премудрость почерпнули изъ книжекъ Коклена и Курель-Сенеля. Городовое Положеніе 1870 года также сочинено въ анцеляріи людьми, за Нарвскую заставу иначе какъ на „тройкахъ" е переѣзжавшими и потому не знавшими, что въ Россіи $^{9}/_{10}$ такъ азываемыхъ городовъ не болѣе какъ села или жидовскія мѣстечки, бращать которыя въ римскія муниципіи просто забавно.

Можно себѣ представить, что вышло изъ сочетанія двухъ выеозначенныхъ положеній, одинаково распространенныхъ на города гъ Аккермана до Владивостока, безъ малѣйшаго примѣненія къ ѣстнымъ условіямъ и характеру обывателей.

Большая часть городскихъ общественныхъ банковъ учредилась ъ маленькихъ уѣздныхъ городахъ. Число гласныхъ думы тамъ есьма ограничено, не великъ и уровень ихъ интеллигенціи. Какой е могъ быть контроль отъ думы, въ которой всѣ вліятельныя ица были одновременно и членами городской управы и правленія анка, и кліентами банка, а въ придачу близкими между собою одственниками? Очевидно, здѣсь рука руку мыла. Но если администрація безсильна какому нибудь Царевококшайску дать перонал общественнаго управленія, способный блистательно вести анковое дѣло, то она обязана была предохранить публику всей оссіи отъ того, чтобы тѣ же царевококшайцы заманчивыми публиаціями и обѣщаніями не привлекли въ свой банкъ чужихъ денегъ, оторыя разложили бы по карманамъ и въ заключеніе заставили ы расплачиваться бѣдныхъ жителей города ихъ имуществомъ. ласные выбираются въ думы на четыре года, и, строго говоря, ители весь этотъ періодъ лишены возможности держать въ рукахъ контролировать своихъ представителей. Само собою, что есть косенный контроль въ угрозѣ неизбранія въ гласные на слѣдующее етырехлѣтіе, но это слабая узда тамъ, гдѣ дѣло идетъ о кассѣ, оторая можетъ быть ежедневно расхищена.

Въ 1881 году, въ моментъ наибольшаго развитія дѣятельности ородскихъ банковъ, изъ числа ихъ ссудъ $38^{1}/_{2}$ мил. руб. было выано подъ недвижимыя имущества, между тѣмъ вѣчныхъ и срочныхъ кладовъ городскіе банки имѣли только на 17 мил. руб. Затѣмъ ъ портфелѣ банковъ числилось протестованныхъ векселей на .605,600 руб. и просроченныхъ ссудъ на 4.102,400 руб., т. е. на умму равную цѣлой трети складочныхъ капиталовъ всѣхъ городкихъ банковъ!

Опасное положеніе нашихъ городскихъ общественныхъ банковъ

вообще и Скопинскаго въ особенности не было никогда секрето
Объ этомъ всѣ сколько-нибудь свѣдующіе въ финансовыхъ вопр
сахъ знали давно и говорили громко. Не говоря уже объ указаніях
въ газетахъ, сомнѣнія высказывались громогласно и въ публичны
собраніяхъ. Въ 1870 г., по случаю мануфактурной выставки, прои
ходилъ въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ герцога Н.
Лейхтенбергскаго, съѣздъ фабрикантовъ и заводчиковъ и въ засѣдан
2 іюня въ лицо самому г. Рыкову за двѣнадцать лѣтъ до краха и
предсказывали неминуемое банкротство его дѣтища.

Затѣмъ въ 1872 году появилось обстоятельное сочиненіе поко
наго экономиста В. Я. Ососова: „Городскіе общественные банки
Россіи", гдѣ, на основаніи печатныхъ отчетовъ этихъ банковъ, так
было доказано какъ дважды два, что банковская бухгалтерія, а
числѣ ея бухгалтерія пресловутаго Скопинскаго банка, ведется
только неудовлетворительно, но даже наивно, ибо на основаніи
видно, что банковскіе заправилы не только не понимаютъ дѣла
ведутъ его рискованно, но совершаютъ явныя уголовныя прест
пленія, что за городскими банками нѣтъ никакого контроля и ч
непредусмотрѣна неизбѣжная для многихъ городскихъ банковъ ли
видація, при которой отвѣтчиками явятся, вѣроятно, только д
ректора банковъ, съ которыхъ взять будетъ нечего. Г. Ососовъ
ходилъ контроль правительства тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что кап
талы свои городскіе банки привлекаютъ помощью рекламъ о
крестьянъ, церквей, монастырей и вообще отъ людей темныхъ, н
разумно скупыхъ, недовѣрчиво смотрящихъ на преобразованіе ба
коваго дѣла и охотнѣе довѣряющихъ своему брату купцу, ставше
во главѣ управленія общественнымъ городскимъ банкомъ. Но
цифирные выводы г. Ососова остались гласомъ вопіющаго въ пусты
и только десять лѣтъ спустя убѣдились въ призрачности контро
городского самоуправленія, когда городскіе банки начали лопать
одинъ за другимъ какъ мыльные пузыри.

Такимъ образомъ и публика, и печать давно обратили вниман
на неправильности и злоупотребленія, допускаемыя въ городски
общественныхъ банкахъ; нерѣдко указывали на то, что контро
мѣстныхъ городскихъ управленій надъ этими банками крайне н
достаточенъ для огражденія ввѣренныхъ банкамъ интересовъ,
многократно возбуждали ходатайства объ обревизованіи банко
уполномоченными отъ Министерства Финансовъ. Но такъ какъ
силѣ Положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ 1862 го
эти послѣдніе состояли подъ наблюденіемъ мѣстныхъ городски

бществъ, предъ коими исключительно обязаны отчетомъ въ своихъ йствіяхъ, то упомянутыя просьбы и заявленія не могли быть довлетворены, и Министерству Финансовъ оставалось лишь посту-авшія къ нему жалобы и доносы передавать на разсмотрѣніе го-одскихъ думъ.

Надобно впрочемъ прибавить, что, въ виду свѣдѣній, подтверж-авшихъ, что надзоръ городскихъ управленій надъ общественными анками существуетъ только по названію, Министерство Финансовъ ва раза входило въ Государственный Совѣтъ съ представленіями о ополненіи Положенія 1862 г. Вслѣдствіе этого и состоялись за-оны: въ 1870 г. объ ограниченіи операцій общественныхъ банковъ 1879 г. объ учрежденіи при этихъ банкахъ учетныхъ комитетовъ. Этими законами и операціи общественныхъ банковъ приведены были въ болѣе правильное соотношеніе къ ихъ капиталами, тѣмъ не менѣе далеко не были устранены недостатки и злоупотребленія, вкоренившіеся въ общественныхъ банкахъ. Дѣло доходило до того, что имѣется уже нѣсколько примѣровъ, гдѣ взломы сундука и по-кража банковой кассы совершались директорами банковъ съ ихъ товарищами при содѣйствіи бухгалтеровъ! Такъ какъ за цѣнность банковыхъ капиталовъ города отвѣчаютъ всѣмъ своимъ имуществомъ, то, очевидно, подобный порядокъ вещей терпимъ быть не можетъ. Вотъ эта-то отвѣтственность и составляла самый интересный во-просъ. Разрѣшить же всѣ сомнѣнія, какъ предлагали „Московскія Вѣдомости", по поводу Скопинскаго банка, принявъ убытки город-скихъ банковъ на счетъ казны, очевидно, невозможно, ибо это дало бы поводъ немедленно обокрасть всѣ наши городскіе банки.

Въ 1862 году, когда явился Нормальный уставъ подъ город-скимъ обществомъ разумѣлись купцы и мѣщане—дворяне же, ду-ховенство, разночинцы, крестьяне въ городскомъ представительствѣ не участвовали. Такимъ образомъ въ Скопинѣ, напримѣръ, город-ской банкъ былъ учрежденъ и, судя по банковымъ балансамъ, обо-краденъ ранѣе, чѣмъ вышеозначенныя сословія получили право имѣть въ думѣ своихъ уполномоченныхъ. Что Скопинскій банкъ былъ обокраденъ очень быстро доказываетъ то обстоятельство, что по поводу отчетовъ банка за 1868 и 1869 годы многіе жители Скопина подавали уже обстоятельныя жалобы рязанскому губер-натору, министру финансовъ и министру внутреннихъ дѣлъ, объ-ясняя, что дѣла банка идутъ скверно и что болѣе двухъ милліо-новъ векселей можно считать совершенно безнадежными. Всѣ эти протесты и заявленія, послѣ справокъ у Скопинской думы черезъ

губернское правленіе, были оставлены безъ послѣдствій. Мало того, жалобщикамъ оффиціально было объявлено, чтобы они не утруждали напрасно высшее начальство, а подавали свои жалобы въ городскую думу.

Введеніе новаго Городоваго Положенія не исправило дѣла. Такъ какъ въ маленькихъ городахъ въ избирательныхъ комиссіяхъ явный перевѣсъ получило купечество и его приказчики, то понятно, что изъ разночинцевъ въ думу въ Скопинѣ попали только тѣ, которые служили уже у Рыкова и были причастны воровству: и такихъ „депутатовъ“ оказалось, впрочемъ всего двое.

Теперь спрашивается, за что же пришлось отвѣчать людямъ, которые объ учрежденіи банка не просили, которые за четырнадцать лѣтъ до банкротства предупреждали правительство и мѣстныя власти, что банкъ разворованъ; и которые уже послѣ этого воровства получили фиктивное право ревизовать банкъ, не получивъ, однако, возможности осуществить на практикѣ это право. Между тѣмъ за подобную-то фикцію контроля на людей, для которыхъ по ихъ занятіямъ, банкъ вовсе и не былъ нуженъ, возложена тягостная отвѣтственность!

Вотъ почему и слѣдовало въ точности опредѣлить размѣръ этой отвѣтственности. Намъ кажется, что объ отвѣтственности за банкъ въ томъ смыслѣ, какъ она понимается въ крестьянской круговой порукѣ, то есть, чтобы можно было продать съ молотка всѣ „животы“ жителей города и ихъ чуть не голыхъ пустить на улицу, не должно быть рѣчи. Затѣмъ у правительства остались двѣ задачи: первая—сплошная ревизія всѣхъ городскихъ банковъ особыми смѣшанными комиссіями и ликвидація всѣхъ банковъ, которые окажутся сомнительными; вторая — пересмотръ Нормальнаго положенія 1862 г. въ смыслѣ строжайшаго контроля со стороны финансовой администраціи и безусловной отвѣтственности не несчастныхъ городскихъ жителей, а банковыхъ заправилъ. Съ этою цѣлью слѣдовало усилить наши уголовныя наказанія за растраты, бывшія до недавнаго измѣненія слишкомъ легкими.

По новому закону для устраненія недостатковъ, обнаружившихся въ дѣятельности городскихъ общественныхъ банковъ, приняты слѣдующія мѣры: устранены изъ банковъ лица, занимающія должности по городскому общественному управленію, а также лица находящіяся между собою въ близкой родственной связи, и ограничены права учредителей относительно управленія банками. Обязательно учреждены учетные комитеты при тѣхъ банкахъ, въ коихъ

етная операція получила болѣе значительное развитіе. Уста-
влены болѣе дѣйствительные способы ревизіи банковъ какъ со
роны городскихъ думъ, такъ и при посредствѣ чиновниковъ
инистерства Финансовъ. Выяснены болѣе точно значенія и послѣд-
вія отвѣтственности городовъ по обязательствамъ банковъ. Огра-
чены по усмотрѣнію Министерства Финансовъ, права банковъ
инимать вклады и производить переучетъ векселей въ другихъ
нкахъ, и вообще развивать свои пассивныя операціи до суммы,
превышающей болѣе чѣмъ въ пять разъ основной и запасный
питалъ банка. Воспрещенъ дальнѣйшій пріемъ вѣчныхъ вкладовъ.

Всѣ эти мѣры нельзя не признать весьма благоразумными.
ожно пожалѣть только, что нѣкоторыя изъ нихъ не примѣняются
ъ существующимъ банкамъ, въ силу того, что законъ не имѣетъ
братнаго дѣйствія; особенно же важно было точное опредѣленіе от-
ѣтственности городскихъ обществъ. По смыслу 25 ст. Положе-
ія 1862 г. имущественная отвѣтственность города по обязатель-
твамъ банка можетъ найдти примѣненіе лишь при несостоятель-
ости банка, и когда, по ликвидаціи онаго, обнаружится, что кре-
иторы не могли быть удовлетворены сполна ликвидаціонною рас-
ладкою; но статья 25 не обязывала городъ пополнять потери
анка, пока несостоятельность послѣдняго еще не обнаружена.
Между тѣмъ своевременное предупрежденіе несостоятельности банка,
онечно, несравненно важнѣе не только для города, для котораго
енѣе обременительно пополнять текущія потери, нежели разсчиты-
аться съ кредиторами несостоятельнаго банка, но и для вклад-
иковъ, для коихъ современное покрытіе убытковъ, понесенныхъ
анкомъ, составитъ существенное дополнительное обезпеченіе. При
настоящемъ порядкѣ есть города, которые если и цѣликомъ про-
дать съ молотка, то не выручится суммы потребной для разсчетовъ
въ случаѣ ликвидаціи съ кредиторами его банка, судя по размѣ-
рамъ оборотовъ послѣдняго.

Говоря о нашемъ самоуправленіи, нельзя не упомянуть еще
объ одной попыткѣ, оставшейся впрочемъ безрезультатною, именно
объ учрежденіи временнаго совѣта при С.-Петербурскомъ градона-
альникѣ, сдѣланной послѣ злодѣянія 1-го марта. Выборы были
произведены по оригинальной системѣ, придуманной г. Барановымъ.
Они были двойные, но не избиратели являлись для выбора, а къ
нимъ приходили для опроса. Немедленно возникли жалобы, что въ
нѣкоторыхъ домахъ не было собираемо голосовъ для выбора изби-
рателей. Очень вѣроятно, что просто не хватило физической воз-

можности обойдти всѣ квартиры, такъ какъ въ каждомъ околоткѣ около 400 квартиръ, по довольно точному статистическому исчисленію, а сдѣлать въ день 400 визитовъ одному полицейскому чиновнику весьма трудно, между тѣмъ, въ виду множества обязанностей и экстренныхъ нарядовъ полиціи, едва ли предстояла возможность отрядить для выборовъ въ каждый околотокъ болѣе одного полицейскаго агента. Во всякомъ случаѣ, если бы и всѣ квартиры въ столицѣ были обойдены съ математическою точностью, то въ результатѣ оказалось бы то же самое.

Двойное избраніе повсюду признано теперь совершенно непримѣнимымъ, какъ способъ получить хорошіе выборы. Вмѣсто ожидаемаго процѣживанія кандидатовъ сквозь два сита и какъ бы улучшенія отъ того ихъ внутренняго достоинства, при двойныхъ выборахъ, наоборотъ, лишь усиливается случайность выбора. Это объясняется тѣмъ, что въ выборѣ собственно „избирателей“ очень мало кто заинтересованъ и большинство всегда относится къ этому выбору спустя рукава. Разъ же выборные избиратели попали случайно, то имъ и въ своей средѣ точно также очень трудно разобраться и сдѣлать хорошіе вторые или окончательные выборы. Двойные выборы, по мнѣнію всѣхъ авторитетовъ государственнаго права, возможны только тамъ, гдѣ посредствующая избирательная инстанція сама изъ себя представляетъ нѣчто законченное, а не случайное сборище людей.

Второе неудобство системы г. Баранова—это совершенная невозможность обсудить качества лица, которое необходимо было предложить въ члены совѣта при градоначальникѣ. Выборы производились такъ, какъ будто бы требовалось лишь указаніе „хорошихъ людей“, къ которымъ можно имѣть „довѣріе“. Но хорошимъ человѣкомъ еще недостаточно быть, чтобы имѣть право давать администраціи совѣты въ важныхъ и крайне смутныхъ обстоятельствахъ. Здѣсь важнѣе всего опредѣленная программа. Избиратели должны твердо знать, кого они избираютъ, его взгляды, убѣжденія, характеръ, образъ мыслей — либеральный ли консервативный ли онъ. Тутъ же положимъ, квартирантъ А подалъ голосъ за Б, въ надеждѣ, что онъ человѣкъ твердый, рѣшительный, готовый не отступить ни передъ чѣмъ для борьбы съ крамолой. Б—же, приглашенный для избранія совѣта, видя, что ему самому не пройти, подаетъ голосъ за В, извѣстнаго ему за „хорошаго человѣка“, но этотъ В можетъ быть держится такихъ взглядовъ, которые А вовсе не раздѣляетъ и выборъ В сочтетъ бѣдствіемъ.

Надобно имѣть еще въ виду, что подобныя недоразумѣнія возможны и при наилучшемъ механизмѣ двойныхъ выборовъ. Что же должно было получиться у насъ при случайномъ записываніи десятковъ тысячъ именъ? Большинство оказалось за тѣми домовладѣльцами, которые извѣстны уже были какъ гласные городской думы, но въ такомъ случаѣ новый совѣтъ ничѣмъ не могъ отличаться отъ какой нибудь комиссіи, избранной той же думой? Любопытно, что въ 70-хъ годахъ ни у кого не было столько порицателей, хотя нерѣдко и несправедливыхъ какъ у гг. Трепова и Ламанскаго, между тѣмъ они-то и получили наибольшее число голосовъ на выборахъ въ временной совѣтъ при градоначальникѣ. Это тоже своего рода черта русскихъ нравовъ.

ГЛАВА XII.

Дворянство и Духовенство.

Историческая роль дворянства. — Значеніе дворянства въ мѣстной жизни; необходимость охраненія его отъ вредныхъ элементовъ.—Абсентеизмъ, мѣры противъ него.—Наше духовенство, его имущества.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя благороднаго россійскаго дворянства 21 апрѣля 1885 г. высказано пожеланіе, чтобы дворяне привлекались къ постоянному пребыванію въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ предстоитъ имъ „преимущественно приложить свои силы къ дѣятельности, требуемой отъ нихъ долгомъ ихъ званія". При этомъ выражена надежда, что продолженію этой дѣятельности будутъ соотвѣтствовать „доблестные успѣхи и на другихъ поприщахъ, издавна указанныхъ дворянству исторіей и волею монарховъ".

Первое желаніе есть, такъ сказать, программа будущей дѣятельности дворянства, второе же есть только засвидѣтельствованіе того безспорнаго историческаго факта, что отличительною чертою нашего дворянства, сравнительно съ дворянствомъ Западной Европы, образчики котораго мы имѣемъ у себя въ чистомъ видѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, было то, что оно всегда являлось установленіемъ политическимъ, существовавшимъ и видоизмѣнявшимся сообразно потребностямъ государства. Конечно и у насъ, какъ и въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, замѣчалось стремленіе лучшихъ людей выдѣлиться въ особую привилегированную общественную группу, но разница въ томъ, что эти аристократическіе элементы въ Россіи слагались не сами собою, а были слагаемы государственною властью, сообразно ея интересамъ.

Въ этомъ и состоитъ радикальное и основное отличіе нашего служилаго дворянства отъ феодальной аристократіи западной Европы,

нашей идеи благородства, основанной на службѣ государству и на пожаловании государя въ награду за службу, отъ идеи западной аристократіи, основанной на договорѣ съ верховной властью предковъ, отличавшихся кровью и происхожденіемъ отъ массы народа.

Юридической подкладки, какъ у дворянства феодальнаго, права нашего дворянства и до и послѣ дворянской грамоты не имѣли. Подкладка этихъ привилегій всегда была политическая: верховная власть надѣляла однимъ правомъ, лишала другого, смотря по потребностямъ государства.

Наиболѣе широкими правами дворянство было „пожаловано" грамотою 21-го апрѣля 1785 года. Ею императрица Екатерина II не только подтвердила вольности, данныя россійскому дворянству Петромъ III, но и уничтожила въ пользу дворянства тѣ полезнѣйшія ограниченія права пользованія, введенныя Петромъ Великимъ, которыя относились къ нѣдрамъ земли, лѣсамъ, рыбнымъ ловлямъ, мельницамъ и другимъ угодьямъ. Этимъ актомъ, въ подражаніе Западной Европѣ и въ противорѣчіе съ нашимъ прошлымъ, высшее служилое сословіе какъ бы обращалось въ сословіе привилегированное и благородное, съ которымъ правительство дѣлилось частью своихъ верховныхъ правъ, уступивъ ему значительную долю самоуправленія и предоставивъ полицію, судъ и земское хозяйство.

Но что уступки эти были лишь дѣломъ личнаго усмотрѣнія, опредѣлялись потребностями самого правительства, видно изъ всей исторіи дворянства. Петръ III освободилъ дворянъ отъ обязательной службы, Павелъ I и особенно Николай I считали нужнымъ возвратиться къ ней; Екатерина II освободила отъ тѣлесныхъ наказаній, Павелъ I началъ подвергать ими дворянъ, лишенныхъ правъ состоянія: правительство брало назадъ то, что считало необходимымъ взять. Наконецъ, Александръ II произвелъ наиболѣе существенное ограниченіе въ привиллегіяхъ дворянъ, отмѣнивъ право владѣть крѣпостными, право, на столько считавшееся прочнымъ, что въ дворянской грамотѣ оно даже не упоминается, а лишь подразумѣвается въ правѣ „покупать деревни".

Но и не имѣя твердой подъ собою почвы и измѣняемая подобно другимъ законодательнымъ актамъ правительства, Дворянская грамота тѣмъ не менѣе не была лишена для Россіи въ свое время культурнаго значенія. Грамота 1785 года въ первый разъ въ нашемъ государственномъ строѣ, основанномъ на повинностяхъ всѣхъ сословій, признала классъ людей, личныя „права" котораго обезпечены закономъ. Въ первый разъ въ русскомъ обществѣ является лицо,

а не холопъ государства. Начала эти, внесенныя грамотою въ нашъ государственный строй и юридическій бытъ, не могли не имѣть огромнаго вліянія на нашу гражданственность. Правда, права эти составляли удѣлъ немногихъ, имѣли видъ привиллегіи, но въ нихъ было положено на русскую почву зерно тѣхъ человѣческихъ и общегражданскихъ правъ, которыя въ настоящее время дѣлаются достояніемъ почти всѣхъ сословій.

Если освобожденіе дворянства положило начало освобожденію и другихъ сословій отъ слишкомъ строгой и тягостной опеки правительства, то само дворянство воспользовалось ли въ достаточной мѣрѣ предоставленными ему преимуществами и оправдало ли оно ожиданія правительства видѣть въ Россіи землевладѣльческій классъ? На этотъ счетъ надобно сознаться, что надежды правительства далеко не оправдались. И потому новый призывъ правительства, высказанный въ столь категорической формѣ въ рескриптѣ 21-го апрѣля, не только не лишній, но и возбуждаетъ вопросъ, не останется ли онъ безъ отголоска?

Хотя несомнѣнно, что реформы послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ порвали связь дворянства съ землею и обратили мѣстную жизнь въ какую-то безформенную массу, лишенную разумной жизни, историческіе факты говорятъ, однако, что явленіе это не совсѣмъ ново. Отсутствіемъ крѣпкой связи между землею и дворянствомъ поражались наблюдатели русской жизни и при наивысшемъ развитіи крѣпостного права — при Николаѣ I. Гакстгаузенъ былъ удивленъ легкостью, съ которою въ Россіи продавались имѣнія, бывшія по двѣсти лѣтъ во владѣніи одной и той же фамиліи, и рѣдкостью имѣній, которыя назывались бы фамильными прозвищами владѣльцевъ. Сами дворяне увѣряли этого умнаго и наблюдательнаго путешественника, что губернское управленіе много бы выиграло, если бы дворянскіе выборы были уничтожены и всѣ должностныя лица губерніи замѣщались бы отъ правительства.

Фактъ несомнѣнный, что во время обязательной службы дворянство тянулось въ деревни, но не ради пристрастія къ сельскому хозяйству, а избѣгая слишкомъ обязательной службы. Послѣ ея отмѣны оно поспѣшило на государственную службу. Очевидно, въ дворянствѣ сохранилось твердо старое понятіе, что чинъ честнѣе сословія, а чинъ давался главнымъ образомъ государственною службою. Еще недавно въ Россіи весьма рѣдко можно было встрѣтить дворянина, который не служилъ бы добровольно въ гражданской и особенно военной службѣ. Такимъ образомъ и послѣ

указа Петра III и послѣ дворянской грамоты Екатерины II, дворянство продолжало быть болѣе *служилымъ*, чѣмъ *земледѣльческимъ* сословіемъ. Какъ служилый классъ, дворянство на всѣхъ поприщахъ: военномъ, морскомъ, гражданскомъ, науки, искусства, промышленности оказало Россіи неоцѣнимыя услуги; но этимъ же объясняется его критическое положеніе послѣ крестьянской реформы и тѣ затрудненія, которыя должна встрѣтить каждая попытка вернуть дворянство въ его помѣстья и на дворянскомъ элементѣ построить прочное зданіе нашего самоуправленія. Для этого требуется цѣлый рядъ мѣропріятій строго обдуманныхъ и систематически и настойчиво проведенныхъ.

Во главѣ этихъ мѣропріятій должна быть отмѣна табели о рангахъ. Теперь, помѣщикъ, военный офицерскаго званія, профессоръ, учитель, докторъ, художникъ, самый мелкій чиновникъ, — люди всѣхъ этихъ профессій, потомственно или лично, причисляются къ высшему сословію дворянъ; имъ присвоено „нарицаніе благородное“, и по противуположенію отъ нихъ городскіе обыватели и духовенство составляютъ сословія людей неблагородныхъ.

Петръ I и Екатерина II были весьма озабочены образованіемъ у насъ изъ городскихъ обывателей средняго между народомъ и дворянствомъ сословія, по примѣру западныхъ государствъ. Но эти пожеланія и законодательныя мѣропріятія остались безъ всякихъ практическихъ результатовъ, да они и не могли быть достигнуты при существованіи табели о рангахъ. На западѣ среднее сословіе получило значеніе нетолько вслѣдствіе болѣе сильнаго развитія тамъ городской промышленности и торговли, но главнымъ образомъ потому, что оно вмѣщало въ себѣ всю интеллигенцію страны, за исключеніемъ родовой аристократіи. У насъ же, напротивъ, весь верхній слой городскаго населенія, вся интеллигенція, всѣ такъ называемыя либеральныя профессіи вбирались почти безъ остатка сословіемъ служилаго дворянства.

Все это не могло, разумѣется, не отразиться крайне неблагопріятно на сословной организаціи нашихъ городскихъ поселеній. Въ царствованіе Николая I, съ цѣлью положить нѣкоторую преграду стремленію городскихъ обывателей къ переходу въ дворянство было учреждено званіе почетныхъ гражданъ, какъ высшая ступень въ сословіи городскихъ обывателей. Для купцовъ это, было въ свое время большимъ благодѣяніемъ, такъ какъ званіе почетнаго гражданина избавляло отъ подушнаго оклада, рекрутской повинности и тѣлеснаго наказанія. Но по снятіи послѣднихъ ограниченій

съ бывшихъ податныхъ сословій, званіе почетнаго гражданина утрачиваетъ всякое значеніе, а потому сохранять его только для удовлетворенія мелочнаго честолюбія необразованныхъ людей—нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній.

Съ упраздненіемъ табели о рангахъ, личнаго дворянства и почетнаго гражданства, дворянское званіе станетъ единственнымъ сословнымъ отличіемъ; только тогда оно пріобрѣтетъ то обаяніе, котораго оно не можетъ имѣть, когда полученіе его доступно по произволу каждому, избравшему своей профессіей государственную службу. Съ увеличеніемъ же этого обаянія усилится въ русскомъ дворянствѣ чувство сословнаго и родового достоинства, что въ свою очередь отзовется благотворно на всякой дѣятельности, которой посвятятъ себя дворяне, а также на окружающей средѣ, гдѣ примѣръ ихъ порядочности и сознанія долга не останется безъ подражанія.

Но чувства чести еще мало, потребна болѣе реальная подкладка и поэтому надобно съ радостью относиться къ проектированной реформѣ мѣстнаго управленія, гдѣ дворянскому элементу отводится почетное мѣсто. Само собою, что наша либеральная печать отнеслась критически къ этой мѣрѣ, доказывая ея нецѣлесообразность. Для этого, подъ личиною наружнаго безпристрастія, оставляя въ сторонѣ вопросъ о сословныхъ привилегіяхъ, она становились на точку зрѣнія яко бы исключительно историческую и экономическую.

На сѣверѣ и дальнемъ востокѣ европейской Россіи, говоритъ, напримѣръ г. Щ., авторъ статей о дворянствѣ въ „Вѣстникѣ Европы", нѣтъ, или крайне мало, землевладѣльческаго дворянства; на западѣ Россіи не установлены до сего времени выборныя дворянскія учрежденія; въ центральной части Россіи—землевладѣніе дворянъ сильно разстроено и перемѣшано съ купеческимъ землевладѣніемъ; въ малороссійской Украинѣ составляетъ подавляющее большинство мелкопомѣстное дворянство, набранное изъ казачьей среды; въ юго-восточной и южной части Россіи дворянская земля принадлежитъ, по преимуществу, крупному землевладѣнію, но купеческое землевладѣніе также проложило себѣ путь, и связь дворянства съ землей по большей части такая недавняя, что ее отнюдь нельзя признать исторической. Въ численномъ отношеніи дворянство распредѣлено вообще весьма неравномѣрно. Вдобавокъ, отношеніе дворянства къ землѣ во всей Россіи сложилось въ самыхъ невыгодныхъ формахъ: личная и земельная сила разъединены; средне-помѣстное дворянство составляетъ неразвитое и пе-

ріодически измѣняющееся въ личномъ составѣ явленіе. „На такой почвѣ нельзя воздвигнуть прочнаго административнаго зданія", заключаетъ г. Щ.

Авторъ не отрицаетъ, впрочемъ, роли дворянства; роль эта въ томъ, что дворянство — видная часть интеллигенціи. Поэтому будущность дворянства представляется ему не на поприщѣ сословной обособленности, а въ видѣ „разумнаго и нравственнаго вліянія дворянъ, *какъ отдѣльныхъ дѣятелей*, на современное теченіе жизни". Но какъ осуществить и эти жиденькіе идеалы, если дворянство будетъ лишено прочной организаціи и если оно какъ сословіе будетъ ежедневно лишаться и матеріальнаго благосостоянія и политическаго значенія?

По нашему мнѣнію, выставленныя авторомъ положенія, даже подкрѣпленныя цифрами статистиковъ à la Янсонъ, далеко неубѣдительны. Совершенно противоположныя заключенія можно вывести изъ тѣхъ же историческихъ и статистическихъ данныхъ.

Самъ авторъ не отрицаетъ, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ строй жизни крѣпостной Россіи представлялъ благопріятныя явленія: былъ порядокъ, и мѣстная, особенно деревенская жизнь представляла и болѣе комфорта и болѣе возвышенный уровень интеллигенціи. Первое понятно, если вспомнить, что правительство въ лицѣ помѣщиковъ имѣло 100,000 даровыхъ полицейскихъ чиновниковъ, которые замѣнены теперь нѣсколькими тысячами полуграмотныхъ волостныхъ писарей, и что тѣ же писаря управляютъ диктаторски двадцатью милліонами крестьянъ государственныхъ, находившихся прежде подъ весьма усердною административною опекою. Второе также понятно, ибо большія усадьбы, представлявшія маленькіе культурные центры, откуда распространялись знанія ремеслъ, замѣняются нынѣ хищническою эксплоатаціей кулаковъ. Гибельное вліяніе этого новаго послѣреформеннаго землевладѣльческаго элемента хорошо оцѣнивается и авторомъ. „Жизнь въ деревнѣ замѣтно сѣреетъ", говоритъ онъ. Новый же классъ землевладѣльцевъ въ лицѣ людей, составляющихъ его въ настоящее время, не можетъ пользоваться ничьимъ сочувствіемъ. „Онъ антигосударственъ и анти-соціаленъ, какъ представитель идеи самой грубой борьбы за существованіе. Онъ эксплоатируетъ все, что ему доступно: въ сферѣ землевладѣнія онъ является часто въ роли перекупщиковъ, эксплоатирующихъ производительную силу земли и обращающихъ землевладѣніе въ биржевую игру; въ отношеніяхъ къ крестьянамъ—ростовщикомъ, закабаляющимъ и запутывающимъ

ихъ въ своихъ сѣтяхъ; въ области общественнаго кредита—весьма часто матеріаломъ для уголовной статистики по рубрикамъ растратъ и иныхъ хищеній; и, наконецъ, въ области выборныхъ учрежденій—потайной силой, стремящейся низвести общественныхъ дѣятелей въ положеніе пассивныхъ орудій".

Если наша мѣстная жизнь приняла такое неприглядное направленіе, то не потому ли, что петербургскіе чиновники-доктринеры, сочинявшіе реформы шестидесятыхъ годовъ у себя въ кабинетѣ подъ вліяніемъ „Хижины дяди Тома", не понимая связи помѣщиковъ съ крестьянами, видѣли въ первыхъ лишь какъ бы случайныхъ эксплоататоровъ. Ихъ заботливость поэтому главнымъ образомъ и направилась на возможное уничтоженіе малѣйшаго вліянія прежнихъ землевладѣльцевъ. Помѣщики въ своихъ усадьбахъ очутились послѣ 19-го февраля какъ зачумленные въ карантинахъ. Конечно жизнь взяла свое и все-таки мы видимъ, что и въ земствѣ и въ судѣ и даже въ земской полиціи дворянскій элементъ численно продолжаетъ преобладать. Но это именно то безличное преобладаніе интеллигенціи, о которомъ мечтаетъ г. Щ., преобладаніе не дающее дворянству, какъ сословію, никакого политическаго значенія, а, наоборотъ, какъ бы заставляющее его собственными руками копать себѣ скорѣе могилу. Послѣднее заключеніе сдѣлается яснымъ, если припомнить участіе дворянской интеллигенціи въ званіи мировыхъ посредниковъ, въ крестьянскихъ присутствіяхъ, въ земствѣ, въ Крестьянскомъ и др. земельныхъ банкахъ.

Доктринеры говорятъ, что роль дворянства, какъ сословія, окончилась. Но это завѣреніе было бы справедливо, если бы мы шли прямымъ путемъ уничтоженія сословій и дѣйствительно обращали русскихъ подданныхъ въ русскихъ гражданъ. Но вѣдь этого не видно: крестьянство обособляется законодательнымъ порядкомъ болѣе прежняго, казачество строго бережется, чиновничество сохранило всѣ свои права и непомѣрно распложается съ развитіемъ бюрократіи, купечество и городскія сословія получили новыя привиллегіи и новое значеніе. Одно помѣстное дворянство почему-то въ такомъ строго сословномъ государствѣ, какъ Россія, должно обращаться въ безформенную, безсословную массу, безъ всякой организаціи, безъ всякой между собою связи. Отъ него отнято руководство землею, вооруженною защитою государства—двумя столпами, на которыхъ стоитъ Россія, съ другой стороны сословіе это столь открыто, что рисковало быть заполонено жидами, быстро овладѣвающими нашими учебными заведеніями.

Даже тѣ, которые признаютъ, что дворянство еще можетъ имѣть кое либо значеніе, отрицаютъ наиболѣе естественную для дворянства роль: руководительство мѣстнымъ управленіемъ.

Русское дворянство, говорятъ эти господа, слишкомъ немногочисленно и развѣ въ 28 губерніяхъ составляетъ достаточно вліятельный элементъ въ землевладѣніи. На это можно отвѣтить, что солютная многочисленность дворянства не такъ еще важна. Въ рибалтійскихъ губерніяхъ число дворянъ землевладѣльцевъ очень велико, между тѣмъ извѣстно, что не только земскія дѣла, доги и пр., но и полиція и судъ находились тамъ исключительно рукахъ дворянства и что послѣднее играло такую роль, что равительство вынуждено въ высшихъ политическихъ видахъ ограничивать ее. Если только въ 28-ми губерніяхъ можетъ быть прочно рганизовано мѣстное управленіе, то и это не бѣда, ибо означенныя губерніи составляютъ половину Россіи и половину самую населенную и богатую. Слава Богу, если и половина государства удетъ хорошо устроена, тогда болѣе останется досуга заняться стальною.

Говорятъ, что есть много губерній, гдѣ вовсе нѣтъ дворянства, ли гдѣ оно инородческаго происхожденія. Но вѣдь это явленіе не вое. И въ Московскомъ государствѣ уже были огромныя области, дѣ не было вовсе дворянства. Онѣ все-таки управлялись, управлялись какъ управляются теперь англійскія австралійскія колоніи, безъ частія помѣстнаго дворянства, въ самой Англіи всемогущаго. Это е значитъ, однако, что австралійскіе порядки слѣдуетъ ввести въ нглію. Инородческое происхожденіе дворянства, точно также само о себѣ ничему не мѣшаетъ. Въ большей части государствъ Европы ристократія и дворянство иноземнаго происхожденія, важно, что но получило національную окраску, имѣя общіе интересы. Примѣръ того же Московскаго государства показываетъ, что инородческимъ элементомъ можно пользоваться, только надобно умѣнье. Не такъ давно татарскіе мурзы Крыма, бывшіе руководители хищныхъ набѣговъ, очень быстро обратились въ русскихъ помѣщиковъ, а между тѣмъ русскіе по крови помѣщики Западнаго края совсѣмъ полячились въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, уже состоя въ подданствѣ Россіи. Дѣло значитъ не въ происхожденіи, а въ системѣ.

Наконецъ, у насъ не можетъ идти рѣчи о полной замкнутости ворянства, при которой оно, конечно, рано или поздно вымерло бы. словіе это, чтобы жить и имѣть значеніе, должно оставаться

открытымъ, конечно не для тѣхъ, кому удалось стащить что либ
тѣмъ или другимъ образомъ, а исторически указаннымъ путемъ—
службою государству. Россія требуетъ такихъ услугъ служилаг
элемента, такой процентъ этого сословія оказывается достойным
поощренія, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, что когда либ
оскудѣетъ притокъ свѣжихъ силъ къ дворянству. Не слѣдует
впрочемъ ради усиленія этого притока допускать жидовъ.

Послѣдніе дѣлали уже попытки пролѣзть въ дворянство. Извѣстна
послѣдняя исторія двухъ докторовъ, Моргулиса и Бернштейна, обра
тившихся въ херсонское депутатское собраніе съ просьбою внест
роды ихъ въ дворянскія родословныя книги Херсонской губерніи
на томъ-де основаніи, что просители, выслуживъ чины статскихъ
совѣтниковъ, получили Владимірскіе кресты. Несмотря на толпу
жидовъ, стоявшую съ ранняго утра около помѣщенія депутатскаг
собранія, очевидно, съ цѣлью импонировать послѣднему, предста
вители херсонскаго дворянства въ ходатайствѣ отказали, ссылаясь
на традиціи дворянства. Такого рѣшенія пельзя не одобрить и не
признать въ высшей степени благоразумнымъ. Господа Моргулист
и Бернштейнъ, какъ евреи, да еще доктора, должны быть либе
ральнаго образа мыслей, а въ либеральный кодексъ, по крайне
мѣрѣ русскихъ прямолинейныхъ либераловъ, входитъ пренебреже
ніе къ сословнымъ раздѣленіямъ. Дворянство же не можетъ отно
ситься равнодушно къ своему значенію.

Если правительство даетъ даже отдѣльнымъ мелкимъ корпора
ціямъ, напримѣръ клубамъ, право принимать или не принимать
въ свою среду извѣстныхъ лицъ, то не могло оно и дворянским
корпораціямъ не предоставить права полнаго контроля надъ своим
личнымъ составомъ. Какое же положеніе заняло бы наше дворян
ство, если бы оно открыло широко двери каждому, кто пожелал
бы фигурировать въ его средѣ? Если въ настоящее время, съ огра
ниченіемъ политическихъ правъ и роли дворянства, послѣднее со
храняетъ raison d'être въ Россіи, то главнымъ образомъ какъ кор
порація, которая ревниво охраняетъ честь своего сословія, поддер
живаетъ между отдѣльными его членами взаимныя связи и воспи
тываетъ членовъ своихъ въ извѣстныхъ возвышенныхъ понятіяхъ
и идеалахъ. Возможно ли будетъ осуществленіе подобныхъ задачъ
если всякій интендантскій подрядчикъ, нажившій отъ картонныхъ
подошвъ, или врачъ, дергавшій тридцать лѣтъ зубы, разъ они по
лучили извѣстные чины и ордена, могутъ сейчасъ же гостепріимно
приниматься въ сословіе, поставившее своимъ сочленамъ строгія

рамки. Пріятно, напротивъ, имѣть сознаніе, что есть еще такая среда, куда ни деньги, ни ловкость рукъ доступа не открываютъ, но куда приводятъ именно общіе съ русскимъ народомъ, интересы, единство воспитанія, традицій, симпатій и антипатій, подъ условіемъ, конечно, хорошаго воспитанія и дѣйствительныхъ заслугъ государству.

Намъ могутъ возразить, что русское дворянство приняло же въ свою среду разныхъ инородцевъ-татаръ, грузинъ, даже калмыковъ, но такое принятіе, вызываемое каждый разъ высшими соображеніями государственной мудрости, имѣло оправданіе въ томъ, что тѣ инородцы, которые принимались въ среду русскаго дворянства, занимали уже положеніе аристократіи, „мужей отличныхъ“, въ средѣ своихъ народностей, а народности эти поступали въ подданство Россіи на началахъ равноправности, отказываясь отъ своихъ особенностей и получая взамѣнъ того всѣ преимущества коренного русскаго населенія. И здѣсь были излишества въ родѣ дозволенія представителямъ инородства владѣть русскими крестьянами, когда законъ строго наказывалъ обращеніе въ крѣпостное состояніе инородцевъ; но эти противорѣчія уничтожены 19-го февраля, инородческое же дворянство окончательно скрѣпило свои узы съ русскимъ дворянствомъ, щедро проливая кровь за общее отечество.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся у насъ представители подрядной стороны войнъ за отечество — евреи. Въ собственныхъ глазахъ они — космополиты, представители „избраннаго народа“, для котораго всѣ страны свѣта одинаково представляютъ поле для эксплоатаціи и для котораго законъ духовный замѣняетъ гражданскую конституцію. Въ глазахъ русскаго народа евреи—иностранцы, которые стоятъ теперь лагеремъ на русской землѣ и которые могутъ завтра уйдти сосать Австрію, Турцію, Америку, Конго, что угодно, гдѣ будетъ только имѣться въ виду выгода. Нашъ законъ также не приравниваетъ евреевъ къ прочимъ разрядамъ подданныхъ; по его понятіямъ, евреи лишь терпимы на извѣстной, строго опредѣленной территоріи Имперіи, но и тамъ права ихъ существенно ограничены по важнѣйшимъ функціямъ частной и общественной дѣятельности.

Если евреи не могутъ въ Херсонской губерніи арендовать мукомольной мельницы и такое право считается въ интересахъ русскаго народа опаснымъ, то было бы совершеннымъ противорѣчіемъ тѣмъ же евреямъ предоставить въ той же губерніи право принадлежать къ привиллегированной корпораціи, имѣющей высшія по-

литическія и гражданскія права и представляющей въ понятіяхъ закона и народа „соль земли".

Есть одно явленіе, которое несомнѣнно служитъ коренною причиною дворянскаго оскудѣнія. Это постоянное и быстрое дробленіе имуществъ, вслѣдствіе нашего закона о наслѣдствѣ. Причина эта оказывала свое дѣйствіе и при существованіи крѣпостного права. Только исключительная привиллегія дворянъ на владѣніе населенными имѣніями охраняла тогда это сословіе отъ оскудѣнія. Когда дворянинъ бѣднѣлъ и продавалъ имѣніе, то оно уходило только изъ его рода, а не изъ рукъ сословія. Не надо притомъ забывать, что въ прошломъ столѣтіи дворянство было поддержано обильною раздачею земель въ Приволжскомъ и Новороссійскомъ краѣ. Если бы раздача эта не была произведена, то положеніе дворянства въ настоящую эпоху было бы еще печальнѣе. Но противъ этого можно возразить, во-первыхъ, что и въ настоящее время количество свободныхъ земель, находящихся въ рукахъ правительства, очень велико. Затѣмъ до сихъ поръ до 74% земли, принадлежащей дворянамъ, сосредоточивается въ крупномъ владѣніи, слѣдовательно, матеріаловъ для дальнѣйшаго дробленія дворянской собственности еще достаточно. Надобно только, чтобы, раздробляясь, эти земли попадали, по возможности, въ руки дворянства, а не купцевъ, иностранцевъ и всяческихъ спекулянтовъ. Въ этомъ смыслѣ редактированъ отчасти уставъ Дворянскаго банка.

При всемъ томъ нельзя отрицать, что постоянное раздробленіе имуществъ, хотя установившееся у насъ исторически и начавшее было распространяться и на крестьянское сословіе (такъ называемые семейные раздѣлы), несомнѣнно должно уничтожить земское значеніе дворянства въ будущемъ. На вопросъ этотъ, по его чрезвычайной важности, слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе. Г. Щ. касается его и доказываетъ, что созданіе майоратной системы землевладѣнія въ Россіи невозможно. Въ общемъ, это можетъ быть справедливо, но есть формы ограниченія дробленія поземельной собственности болѣе мягкія и современныя, нежели майораты.

На вредъ отъ безконечнаго дробленія поземельной собственности повсюду уже обращено вниманіе. Въ Америкѣ, несмотря на ея демократическій складъ жизни, почти во всѣхъ штатахъ установленъ уже minimum владѣнія, далѣе котораго земля не можетъ подлежать продажѣ по обременяющимъ ее долгамъ. Это такъ называемые Homestead exemption laws. Въ Калифорніи и Техасѣ цѣнность homestead (нераздробляемаго участка) опредѣлена въ 10,000 р.

Это почти цѣнность въ Россіи участка земли отъ 100 до 1,000 десятинъ, т. е. имѣнія, достаточнаго для прокормленія дворянской семьи. Можетъ быть у насъ можно что нибудь выработать подобное. Наши гражданскіе законы заслуживаютъ пересмотра не съ той отвлеченно-византійской точки зрѣнія, какъ ею занимается извѣстная комиссія юристовъ-доктринеровъ, а съ практической точки зрѣнія въ средѣ людей жизни и здраваго слысла. Въ дворянскихъ собраніяхъ началась уже агитація въ этомъ смыслѣ, но Богъ вѣсть къ чему приведетъ она. Во всякомъ случаѣ надобно прежде всего, чтобы дворянское сословіе не смотрѣло на государство, какъ на дойную корову и не разсчитывало жить только службою, а тянуло само къ землѣ; правда все дѣлалось, чтобы отвратить дворянство отъ занятія хозяйствомъ и слить съ бюрократіей.

Говоря объ отвлеченіи русскаго дворянства отъ земли и жизни въ провинціи нельзя не упомянуть объ абсентеизмѣ. Абсентеизмъ есть одно изъ величайшихъ соціальныхъ золъ вездѣ, а тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ интеллигентный слой такъ малъ и провинція гибнетъ отъ недостатка просвѣщенныхъ центровъ. Скажутъ: нельзя же силою заставлять жить въ своемъ отечествѣ. Это вѣрно, но о воспрещеніи выѣзда заграницу не можетъ быть и рѣчи, хотя тѣ граждане и гражданки, которые предпочитаютъ годами гранить мостовыя Парижа, набережныя Ниццы и др. мѣста, гдѣ никакой наукѣ выучиться нельзя и никакихъ способностей, кромѣ способности къ бездѣльничанью, развить невозможно, гораздо лучше бы сдѣлали, если бы совсѣмъ оставили русское подданство. Мы не видимъ никакой пользы отъ такой связи со своимъ отечествомъ, которая выражается лишь въ полученіи изъ него доходовъ.

Напрасно думаютъ защитники „единства человѣчества“, что абсентеизмъ такое зло, которое присуще только Россіи и объясняется ея дурными порядками. На него обращено большое вниманіе и въ другихъ странахъ, а о средствахъ ограничить праздношатаніе заявлялось нерѣдко даже въ англійскомъ парламентѣ. Абсентеизмъ разоряетъ многія страны, имѣющія „правовый порядокъ“, между прочимъ, Ирландію, Румынію, Испанію, Италію. Но въ двухъ послѣднихъ странахъ экономисты жалуются лишь на то, что помѣщики и капиталисты не живутъ въ деревняхъ и провинціи, а по годамъ бездѣльничаютъ въ городахъ и, извлекая ренту изъ земли, истощаютъ послѣднюю. У насъ абсентеизмъ гораздо вреднѣе, ибо часть собственниковъ, и притомъ самая богатая и просвѣщенная, не только живетъ вдали отъ своихъ имѣній, но еще и вдали отъ

отечества въ чужихъ странахъ, обогащая тамошніе города, курорты и магазины, когда могла бы обогащать свои собственные. Даже минеральныя воды, на которыя другія національности пріѣзжаютъ искать облегченія и исцѣленія отъ недуговъ, русскіе и особенно русскія барыни ухитряются обращать въ мѣста бездѣльничанья, легкаго разврата и тщеславнаго мотовства.

Климатъ не предлогъ: въ Россіи разнообразіе климата сильнѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, у насъ есть и горы, и ледники, и морскія купанья. Отговорка, что заграницею лучше устроена жизнь, смысла не имѣетъ, потому что тамъ оттого и лучше все устроено, что пріѣзжаетъ много публики. Доводъ, что русскимъ выгоднѣе и пріятнѣе пользованіе иностранными минеральными водами, нежели своими, нисколько не убѣдителенъ. Да оттого русскія воды и неустроены, оттого проѣзды къ нимъ обходятся такъ дорого и оттого приходится платить на русскихъ водахъ за все втрое, что этими водами недостаточно еще пользуются. На деньги, которыя русскіе разбросали на иностранныхъ водахъ и купаньяхъ, наши курорты давно устроились и украсились бы, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, кавказскія воды или южные лиманы и грязи, привлекали бы тысячи людей и изъ-за границы. Давно ли Франценсбадъ былъ грязной дырой, а въ двадцать лѣтъ, наполовину на русскія деньги, онъ отлично обстроился? Дали бы тѣ же средства Липецку или Желѣзноводску и они завели бы тѣ же удобства. Но проживать заграницею и думать, что въ это время казна, т. е. тѣ же бѣдные податные классы, настроятъ дворцовъ, отелей и парковъ на русскихъ минеральныхъ водахъ и затѣмъ скажутъ гг. туристамъ: „пожалуйте, все для васъ готово“,—нелѣпо.

Да и кто доставилъ средства нашимъ абсентеистамъ шататься такъ легко заграницу, развѣ не та же казна и не тѣ же податныя сословія, приплачивающія изъ своего скуднаго заработка отъ 40 до 70 милліоновъ рублей въ годъ на желѣзныя дороги, которыхъ значительная часть этихъ классовъ въ глаза не видала и не увидитъ. Такъ не справедливо ли попросить хоть за это облегченіе въ путешествіи заплатить немного. Развѣ дамочка, жалующаяся теперь, что съ нея берутъ пошлину за паспортъ, была бы до желѣзныхъ дорогъ въ состояніи притащить изъ-за границы три сундука новыхъ платьевъ (причемъ она еще обманетъ, дѣлая глазки таможеннымъ чиновникамъ, на сотни рублей русскую казну въ таможенныхъ пошлинахъ)? Вѣдь безъ желѣзныхъ дорогъ ей потребовался бы другой экипажъ, а это стоило бы тысячи двѣ, три?

Было время полагали, что въ Россіи можно говорить только по-французски и учиться для того у иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Затѣмъ существовало мнѣніе, что пить можно только французское вино и носить французскіе перчатки и галстухи. Однако, теперь и гувернантки, и перчатки, и вино—русскія. Нужда выучила довольствоваться и улучшать ихъ. Птичьи выставки убѣдили насъ, что poulardes de Mans, которыми угощаютъ петербуржцевъ рестораторы, покупаются преспокойно въ Эстляндской губерніи. Мы увѣрены, что въ нѣсколько лѣтъ уничтожится и предразсудокъ, что лечиться и „жить для экономіи“ можно только заграницею.

Какъ средство противъ абсентеизма была предложена пошлина съ заграничныхъ паспортовъ; противъ этой пошлины завопили благимъ матомъ, и барыни, которыя на одно платье тратятъ болѣе, чѣмъ долженъ былъ стоить поспортъ, и семинаристы, которые Западной Европы не видали и никогда не увидятъ, и жиды, которые изъ Россіи не ѣздятъ, но со всей Европы сбѣгаются жить въ нашемъ отечествѣ, и даже органы мелкой прессы, потребители которой не „путешествуютъ“ далѣе портерныхъ и полицейскихъ участковъ. Порицатели увѣряли, что повышеніе пошлины на паспорты преграждаетъ русскимъ выѣздъ заграницу, обращаетъ Россію въ Китай, мѣшаетъ нашимъ гражданамъ учиться, мѣшаетъ сравнивать заграничные „правовые порядки“ съ отечественными безобразіями; налогъ-де „ужасенъ“, ибо „превышаетъ въ нѣсколько разъ сумму возможныхъ прямыхъ налоговъ на гражданина“; онъ стѣсняетъ законное право „искать временнаго мѣста, гдѣ человѣкъ чувствуетъ себя лучше“; налогъ неравномѣренъ; онъ несправедливъ, ибо препятствуетъ жить заграницею, гдѣ жизнь дешевле; наконецъ, если живущіе заграницею не платятъ налоговъ въ Россіи, то вмѣсто нихъ платятъ налоги пріѣзжающіе въ Россію иностранцы, а при новой пошлинѣ окажется, что бѣдные русскіе туристы будутъ платить налогъ дважды—своему правительству и иностранному *).

*) Вопли эти подѣйствовали. Въ 1883 г., когда г. Бунге предложилъ обложить паспорты сборомъ по 11 р. кред. въ мѣсяцъ, проектъ этотъ не прошелъ по причинамъ довольно оригинальнымъ. Дѣло въ томъ, что высокій налогъ на паспорты, установленный въ 1851 г. императоромъ Николаемъ I (налогъ, котораго, впрочемъ, никто не платилъ, получая свидѣтельство о болѣзни), былъ отмѣненъ въ день коронаціи императора Александра II особымъ указомъ, изданнымъ въ числѣ другихъ указовъ, даровавшихъ по случаю этого дня разныя милости. Такъ какъ 1883 году опять пришлось быть годомъ коронаціи, то про-

Барыни шумѣли въ салонахъ, мужчины упражнялись на страницахъ „Новостей“ и т. п. органовъ. Послушать ихъ, такъ за человѣка страшно становилось, какъ говоритъ Шекспиръ. Помилуйте, писалъ г. Боборыкинъ „вы должны платить съ желанія подышать другимъ воздухомъ, видѣть прекрасную природу, убѣжать отъ уксусныхъ физіономій Невскаго и петербургскихъ гостинныхъ, канцелярій и вечеровъ, освѣжить свою душу зрѣлищемъ болѣе разумнаго существованія, постоять передъ великими произведеніями искусства, пожать руку людямъ, двигающимъ науку и политическую жизнь“...

Какая блестящая тирада! Недоставало въ ней только одного—логики, хотя тотъ же г. Боборыкинъ увѣрялъ нѣсколькими строками ниже, что думать учился по логикѣ Милля. Если бы это было такъ, то г. Боборыкинъ не полагалъ бы, что заплатить что либо за право видѣть прекрасную природу составляетъ нѣчто возмущающее западную душу. Нѣтъ налога, который нельзя было бы не представить въ видѣ покушенія на какое либо изъ священныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Налогъ на желѣзнодорожные билеты есть по этой теоріи налогъ на право двигаться, налогъ на страхованіе—налогъ на предусмотрительность, налогъ съ наслѣдствъ—налогъ на заботливость родителей о потомствѣ, налогъ съ недвижимыхъ имуществъ—налогъ на священное право собственности, налогъ съ водки—налогъ на право жизни, ибо еще великій Молешотъ сказалъ, что „спиртъ есть сберегательная касса человѣческаго организма“, налогъ на вино — налогъ на долговѣчіе, ибо давно извѣстно, что „вино молоко стариковъ“. По этой теоріи пошлина съ привозныхъ матерій и готоваго платья равносильна налогу на право прикрывать свое голое тѣло, прикрывать которое указано было намъ еще при изгнаніи изъ рая. Такъ какъ одѣяніе состоитъ изъ трехъ вещей: сюртука, жилета и панталонъ, а пошлина съ готоваго платья равна 30 проц., т. е. трети стоимости всего платья, то, по мнѣнію гг. Боборыкиныхъ, пошлина эта очевидно равносильна приказанію ходить безъ третьей части костюма, т. е. ходить безъ панталонъ. Такъ что ли?

А ужъ, конечно, право носить панталоны, пить водку и оставить

тивники налога на паспорты нашли неловкимъ совпаденіе его съ этимъ торжествомъ. Г. Вышнеградскій внесъ въ Государственный Совѣтъ въ 1887 г. уже въ „исправленномъ“ видѣ, т. е. „благополучнимъ россіянамъ“ предлагалъ платить въ первый годъ 390 рублей, а со второго около 675 руб. Но проектъ этотъ былъ отвергнутъ и пошлина увеличена лишь на 5 руб.

наслѣдство поважнѣе оплакиваемаго г. Боборыкинымъ права „пожать руку иностраннымъ знаменитостямъ“ или права „постоять передъ произведеніями искусства“.

Одинъ публицистъ заболтался даже до того, что, забывая, что предполагалось брать не болѣе того за право жить внѣ отечества, что обязанъ заплатить каждый мужикъ или мѣщанинъ, желающій имѣть въ Россіи маленькую лавочку, увѣрялъ будто налогъ разрушитъ все дѣло Петра Великаго, и заставитъ насъ завидовать туркамъ и китайцамъ, „которые ничего не платятъ за свѣжій воздухъ, воспринимаемый ихъ легкими въ чужой странѣ“, „конфискуетъ“ у несчастныхъ русскихъ семействъ, „разорившихся часто не по своей винѣ“, половину ихъ дохода, и „парализуетъ торговлю, промышленность, всякое стремленіе къ усовершенствованію своихъ способностей и вообще народную предпріимчивость на всѣхъ поприщахъ общественной и частной жизни“; мало того, новый налогъ, „еще болѣе разовьетъ ту болѣзнь, которою страдаетъ все наше общество: привычку обходить законъ и обманывать казну“.

Словомъ, послѣ повышенія цѣны паспортовъ хоть ложись и помирай—Россія впадетъ въ дикое состояніе. Не знаемъ, гдѣ „усовершенствовали свои способности“ публицисты, прописавшіе вышеозначенныя предсказанія, но повидимому и „свѣжій воздухъ, воспринятый ими въ чужой странѣ“, не прочистилъ имъ достаточно мозговъ. Иначе они не приводили бы примѣра турокъ и китайцевъ, который прямо говоритъ не въ ихъ пользу. Хотя турки и китайцы налога на паспорты не платятъ, но достаточно умны, чтобы сидѣть дома и безъ цѣли по Европѣ не шататься. Публицисты приводили еще примѣръ англичанъ: англичане-де менѣе всего засиживаются и киснутъ у себя дома. „Хотя англичанъ и называютъ „торгашами“, но никто болѣе и щедрѣе ихъ не тратитъ денегъ заграницей“.

Да, это вѣрно, что англичане дома не сидятъ, но на одного англичанина, сорящаго попусту деньги въ Швейцаріи или въ Италіи, сто другихъ зарабатываютъ ихъ, разъѣзжая по всему свѣту, почему доходы, извлекаемые англичанами изъ другихъ странъ, считаются милліардами, да и тѣ англичане, что сорятъ деньги, ранѣе заработали ихъ по преимуществу заграницею или отъ заграничныхъ сношеній. У насъ же, наоборотъ, на одного русскаго, что-то изучающаго заграницею (о торговлѣ и говорить смѣшно), 999 только тратятъ деньги: мужчины на игру, дамы на наряды и содержаніе своихъ заграничныхъ любовниковъ и притомъ деньги исключительно отечественныя, а вовсе не такія, которыя заработаны заграницею.

Все наше барство поголовно перебывало въ послѣднія двадцать лѣтъ заграницею и оставило тамъ сотни милліоновъ рублей, нажитыхъ трудами русскаго народа. Спрашивается, что заимствовало оно оттуда полезнаго? Такъ можно ли серьезно и безъ жалкаго лицемѣрія толковать о культурномъ значеніи для Россіи отъ подобнаго шатанія за поисками новыхъ модъ и ради пустого фанфаронства. Потому и налогъ на праздношатаніе имѣетъ у насъ совсѣмъ не то значеніе, что въ другихъ странахъ. Вѣдь не даромъ же русскій народъ слова „транжирить“ (ѣздить заграницу) и безъ толку бросать деньги сдѣлалъ синонимами. Вѣдь языкъ народа—это его исторія и философія.

Наши quasi-либералы всегда заботятся о меньшей братіи и толкуютъ о равенствѣ только пока это не касается ихъ собственныхъ интересовъ. Такъ въ пошлинахъ съ паспортовъ представлялся отличный случай милліонъ рублей собрать не съ народа, а именно съ привиллегированныхъ классовъ, а между тѣмъ интеллигенты закричали гвалтъ и доказывали, что если бы существовалъ налогъ на паспорты, то никогда варяги не пріѣхали бы учить насъ уму разуму.

Мы относимся къ этому проще. Налогъ на заграничныя поѣздки, конечно, непріятенъ, но онъ не стѣснитъ поѣздки ради развлеченія, леченія и даже изученія. Три, четыре мѣсяца срокъ для этого достаточный, заплатить въ казну за это нѣсколько десятковъ рублей не разорительно. Какіе бы софизмы ни приводить, но заграничныя поѣздки есть для громаднаго большинства (матросы и т. п. лица налогу конечно подлежать не должны) предметъ роскоши, а во всѣхъ странахъ свѣта налогомъ прежде всего облагаютъ предметы роскоши и комфорта.

Каждая страна имѣетъ, конечно, на этотъ счетъ свои взгляды. Въ Англіи, напримѣръ, какъ предметы роскоши обложены: мужская прислуга, собственные экипажи, гербы, пудра, охота и пр. У насъ ничто изъ этого въ пользу казны не обложено, а какъ предметъ роскоши можно обложить поѣздки за границу. Никакими софизмами нельзя доказать, что жизнь заграницею, исключая торговыхъ дѣлъ, гдѣ барыши, конечно, съ избыткомъ покроютъ цѣнность паспорта, не есть проявленіе извѣстнаго достатка. Люди же достаточные у насъ никакихъ почти прямыхъ налоговъ не платятъ. Такой налогъ вовсе не „ужасенъ“, сравнительно съ суммою всевозможныхъ налоговъ на западныхъ гражданъ, между которыми не рѣдкость встрѣтить лицъ, уплачивающихъ десятки тысячъ рублей прямыхъ налоговъ. При этомъ иностранецъ, отправляющійся въ Россію, вынужденъ

все таки платить у себя и подоходный налогъ, и классный и т. п., русскій же человѣкъ, уплачивающій одни косвенные налоги, ничего уже не платитъ для Россіи, хотя вовсе не отказывается отъ правъ и преимуществъ русскаго гражданина, и изъ Россіи, а не изъ другого источника, требуетъ дохода или жалованья для проживанія заграницею, между тѣмъ это государство, обезпечивающее ему исправное полученіе доходовъ, необходимыхъ для проживанія заграницею, продолжаетъ существовать, требуя средствъ на содержаніе правительства, войска и суда. Слѣдовательно двойная уплата налога вовсе не такъ нелогична, она практикуется путешественниками всѣхъ государствъ, кромѣ Россіи.

Искать мѣста, гдѣ лучше, законное право каждаго человѣка и, конечно, государство не можетъ по современнымъ понятіямъ стѣснять права передвиженія. Но никто и не думалъ касаться подобнаго священнаго права. Рѣчь шла лишь о справедливости. Если мужикъ среднихъ губерній, имѣя нищенскій надѣлъ, во избѣжаніе голода и по необходимости уплатить подати, ѣдетъ на югъ Россіи на заработки и вынужденъ изъ своего скуднаго лѣтняго заработка отдать чуть ли не треть въ казну на выправку паспорта и на уплату налога за проѣздъ въ 3-мъ классѣ желѣзной дороги, то справедливо ли оставлять безъ соразмѣрной пошлины прогулки заграницу лицъ, изъятыхъ отъ другихъ видовъ налога. Между тѣмъ желаютъ, чтобы подобныя прогулки могли совершаться цѣлыми семьями, какъ будто бы семьи, а не отдѣльныя лица ѣдутъ заграницу по дѣламъ или ученія ради.

Мы не станемъ спорить, что и при паденіи нашего курса заграницею живутъ иногда дешевле, хотя поспорить можно. Но суть не въ этомъ; вексельный курсъ важенъ для всей Россіи, а путешественники и есть одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ къ пониженію курса и косвенному раззоренію Россіи. Изъ свѣдѣній таможень видно, что съ 1857 по 1877 годъ не вернулось въ Россію болѣе 450,000 русскихъ подданныхъ. Если выключить умершихъ, эмигрантовъ, жидковъ, удравшихъ отъ воинской повинности, и т. п., все таки останется свыше 100,000 рускихъ среднимъ числомъ постоянно пребывающихъ заграницею. Если положить, что хотя третья часть ихъ жила въ бездѣліи, питаясь исключительно доходами, присылаемыми изъ Россіи, то и это уже должно страшно угнетать нашъ курсъ, вслѣдствіе покупки на большія суммы траттъ. Считая, что эти лица издерживали въ годъ не болѣе въ среднемъ 1,000 руб. золотомъ на человѣка — что слишкомъ умѣренно, ибо есть лица,

ющія сотни тысячъ и милліоны, то вотъ уже капиталъ въ 45 милліоновъ кредитныхъ рублей, исчезавшій ежегодно заграницу, а къ этому надобно присоединить еще расходы 60,000 лицъ, вновь ежегодно отправлявшихся туда.

На это возражаютъ, что обратно иностранцы являются въ Россію. Да, являются, но что это за люди? Извѣстно, что иностранцевъ капиталистовъ и туристовъ ѣздитъ къ намъ очень мало, иностранная же эмиграція состоитъ изъ учителей, ремесленниковъ, артистовъ, гарманщиковъ, кокотокъ, публичныхъ женщинъ и всякихъ „рыцарей промышленности", чающихъ увезти что нибудь изъ Россіи, а вовсе не оставить въ ней деньги. Если въ видѣ исключенія поселится у насъ богатый человѣкъ изъ Англіи, Германіи или Греціи, то можно быть увѣреннымъ, что черезъ десять лѣтъ онъ увезетъ свой капиталъ обратно цѣликомъ, да еще съ большими процентами. Такимъ образомъ равновѣсія въ движеніи капиталовъ вовсе нѣтъ.

Съ насмѣшкою отнеслись даже къ заявленію, что въ числѣ доводовъ къ повышенію пошлины на паспорты былъ приведенъ расходъ на миссіи и консульства. Да, помилуйте, возражали на это, кто же не знаетъ, что „русскіе консулы и дипломатическіе представители относятся совершенно равнодушно къ русскимъ подданнымъ и никакого покровительства имъ не оказываютъ". Хотя это несправедливо, ибо есть не мало почтенныхъ и полезныхъ консуловъ и дипломатовъ, но если бы и не было ни одного, то доказывало бы лишь необходимость измѣнить персоналъ дипломатическаго вѣдомства, а не говорило бы ничего противъ принципа. Заграничное представительство стоитъ болѣе 3-хъ милл. рублей. Въ значительной мѣрѣ оно содержится въ интересахъ русскихъ путешественниковъ и справедливо заставить послѣднихъ принять участіе въ означенномъ расходѣ. Мы знаемъ, напримѣръ, одного генеральнаго консула, въ обязанность котораго входитъ препровожденіе на родину проигравшихся въ Монако нашихъ соотечественниковъ.

Одна газета съ ужасомъ заявляла еще, что если пошлину станутъ брать и съ прислуги, то придется мамокъ нанимать иностранныхъ, т. е. еще болѣе тратить русскихъ денегъ заграницею. Но, вонервыхъ, дѣтей могутъ кормить и матери. А затѣмъ, самая эта заботливость о развитіи русской „молочной промышленности" неумѣстна, ибо нѣтъ сомнѣнія, что всегда дешевле взять кормилицу на мѣстѣ, чѣмъ перевозить русскихъ бабъ тысячи верстъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Нисколько не трогателенъ и доводъ, что заграницею живутъ
азныя дамы, „лишенныя возможности поддерживать соотвѣтствую-
щее имъ положеніе въ высшемъ петербургскомъ обществѣ“. Оче-
идно, говорили, имъ придется покинуть русское подданство даже
езъ разрѣшенія правительства. А пусть покидаютъ, разъ онѣ жить
ъ Россіи болѣе не могутъ. Для Россіи эти дамы навсегда и безъ
ого потеряны, а потому безполезны, во Франціи же, если онѣ
олоды, то еще могутъ принести пользу, такъ какъ французская
татистика доказываетъ, что французскія женщины утрачиваютъ
пособность увеличивать населеніе, почему Франціи угрожаютъ въ
удущемъ великія бѣдствія.

„Современныя Извѣстія“ обратили вниманіе, что не только
аше общество, но даже московское духовенство ничѣмъ не ото-
валось на исполнившееся 17-го августа 1881 г. двухсотлѣтіе со
ня смерти патріарха Никона. „Будь живъ Погодинъ, писалъ г.
иляровъ-Платоновъ, какимъ бы горячимъ, рѣзкимъ словомъ ки-
нулъ бы онъ во всѣхъ насъ, непростительно забывшихъ эту вели-
ую годовщину!“

Никонъ, конечно, крупная фигура на блѣдномъ фонѣ русской
сторіи, такъ бѣдной вообще типическими лицами; его борьба съ
аремъ Алексѣемъ Михайловичемъ — гдѣ, впрочемъ, вся заслуга
ежитъ на сторонѣ царя, выказавшаго необыкновенные такт, тер-
ѣніе и добродушіе — составляетъ одну изъ занимательнѣйшихъ
раницъ русской исторіи; но еще вопросъ, чтобы наше общество
олжно было торжествовать, или, другими словами радоваться, при
оспоминаніи о дѣятельности патріарха Никона.

Реформа реформѣ рознь и разнѣ только иронически можно по-
авить въ заслугу Никону, что онъ „виновникъ колонизаціи ок-
аинъ Россіи, гдѣ подъ давленіемъ религіознаго гоненія звѣро-
аственныя мѣста населялись и вмѣсто деревъ умножались люди“!
ѣдь по такой теоріи турки, изгнавшіе греческихъ ученыхъ изъ
изантіи, виновники Возрожденія, а Карлъ I, выгнавшій пуританъ
ъ Сѣверную Америку, виновникъ процвѣтанія Новаго Свѣта.

Подобно другимъ крупнымъ историческимъ личностямъ, Никонъ
мѣлъ неистовыхъ хулителей, но имѣлъ также, и въ числѣ своихъ
овременниковъ, панегиристовъ. Послѣдніе создали Никону легенду,
оторая сохранилась до сихъ поръ не только въ памяти народной,
о и въ книгахъ. Покойный Соловьевъ, разобравъ съ замѣчатель-
нымъ безпристрастіемъ дѣло Никона по длиннымъ документамъ и
одвергнувъ затѣмъ свои изслѣдованія вторичной критикѣ, болѣе

всѣхъ содѣйствовалъ уничтоженію никоновской легенды. Послѣ трудовъ Соловьева Никонъ остается крупною историческою личностью, но симпатическая сторона дѣятельности ретиваго патріарха исчезаетъ.

Никонъ былъ не изъ числа тѣхъ людей, которые умѣютъ останавливаться, не доходить до крайности, умѣютъ пользоваться своею властью. Природа, одаривъ его способностью пробиваться впередъ, пріобрѣтать вліяніе, не дала ему нравственной твердости умѣрять порывы страстей; образованіе, котораго ему тогда негдѣ было получить, не могло въ этомъ отношеніи помочь природѣ; наконецъ, необыкновенное счастіе разнуздало его совершенно и непріятныя стороны его характера выступили рѣзко наружу.

„Званіе патріарха при жесткой природѣ Никона, говоритъ Соловьевъ, уничтожало всякую сдержку. Все вниманіе его было обращено на права высшаго истолкователя божественнаго закона, и въ этомъ значеніи онъ считалъ для себя все позволеннымъ; при недостаткѣ христіанскаго начала духа кротости и смиренія, обстановка святительской власти, глубокое уваженіе со стороны царя и всѣхъ подражавшихъ царю легко отуманили Никона и заставили его дѣйствительно считать себя вязателемъ и рѣшителемъ во всѣхъ дѣлахъ, обладающимъ высшими духовными дарами".

Всѣ были оскорблены властелинствомъ, крутостью нрава Никона, его ненасытимымъ корыстолюбіемъ и жестокостью наказаній, которымъ онъ подвергалъ виновныхъ. Наконецъ, Никонъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе исправленіемъ книгъ и наказаніями, которымъ подвергались люди, не хотѣвшіе принять этихъ исправленій. Вредныя послѣдствія поспѣшныхъ реформъ Никона въ церковномъ благоустройствѣ мы испытываемъ до сихъ поръ. Нетерпѣливостью и крутостью нрава Никонъ напоминалъ Петра, не имѣя практической сметки послѣдняго, почему, если реформы Петра повредили нашъ государственный организмъ, то по крайней мѣрѣ выучили русскихъ многимъ полезнымъ вещамъ.

Съ точки зрѣнія западничества, „пестрыя" затѣи Никона могутъ казаться необыкновенно прогрессивными, но исторія и по отношенію церкви и духовенства уничтожила предразсудокъ о какомъ-то окаменѣніи древней русской исторіи. Напротивъ, излишняя подражательность, скажемъ просто — обезьянство, была всегда нашимъ національнымъ порокомъ. Если новизны и заимствованія не прививались у насъ такъ быстро, какъ это инымъ желательно, то не надобно забывать, что Московское государство было государ-

во сельское и уединенное, въ противоположность западнымъ по-
рскимъ государствамъ, городскимъ по преимуществу.

До половины XVII столѣтія духовенство наше было живою частью
щества; реформамъ Никона и Петра Великаго обязано оно своимъ
нѣшнимъ положеніемъ. Оно такъ принижено, что извѣстный
оцессъ игумены Митрофаніи не возмутилъ, а скорѣе удивилъ
ше общество.

Въ западной Европѣ, въ странахъ католическихъ подобныя
оцессы не рѣдкость. Доктрина, что цѣль оправдываетъ средства,
ѣлась тамъ въ различные слои общества и съ успѣхомъ выдер-
иваетъ борьбу противъ лекарства, предлагаемаго въ видѣ на-
днаго образованія и свободной печати. Распространенію такой
ктрины содѣйствуетъ организація католическаго духовенства, не
язаннаго съ гражданскимъ обществомъ ни національными, ни се-
йными узами; іезуиты образуютъ родъ генеральнаго штаба этой
иіи и невидимо руководятъ ею съ тою же правильностью и не-
лонною послѣдовательностью, съ какою графъ Мольтке двигалъ
рманскою арміею. Для католическаго духовенства однимъ изъ лю-
ыхъ средствъ къ усиленію своего вліянія всегда было получе-
наслѣдствъ отъ богатыхъ людей, въ особенности женщинъ,
горыхъ болѣзнь или преклонные годы дѣлали боязливыми и суе-
рными. За неимѣніемъ подлиннаго согласія, іезуиты не задумы-
лись прибѣгать и къ подлогамъ, оправдываясь постоянно благо-
тивыми цѣлями. Процессовъ о подобныхъ дѣлахъ въ западныхъ
ахъ не мало.

Въ послѣднее время клерикальная тактика нѣсколько видоиз-
нилась: обширное развитіе кредитныхъ учрежденій, между кото-
ми не маловажное значеніе имѣютъ учрежденія для благотвори-
льности или для подачи помощи рабочему населенію, заставили
уитовъ обратить вниманіе на этотъ родъ дѣятельности. Процессы
нгранъ-Дюмонсо въ Бельгіи, Адель Шпицедеръ въ Германіи,
ту во Франціи и другіе показали, какимъ образомъ совершаю-
я теперь огромныя продѣлки въ кредитной сферѣ подъ при-
тіемъ религіозности и филантропіи.

Разоблаченіе всѣхъ этихъ случаевъ всегда сильно волнуетъ за-
но-европейское общество. Клерикальное вліяніе тамъ очень
ьно, и все, что служитъ къ уменьшенію нравственнаго или эко-
ическаго значенія духовенства, заживо задѣваетъ цѣлую партію,
, точнѣе, огромную часть населенія, тѣсно связанную съ этимъ
ніемъ своими интересами и слѣпо ему подчиняющуюся. Неза-

висимо отъ организаціи католической іерархіи, сохраненію такого вліянія способствуетъ то обстоятельство, что самые интересы католицизма сплелись чрезвычайно близко съ общественною жизнью нѣкоторыхъ государствъ. Въ странахъ католическихъ значительная часть низшаго и средняго, въ Бельгіи и Франціи и высшаго, образованія находится въ рукахъ духовенства; ему же принадлежитъ большинство благотворительныхъ учрежденій; оно располагаетъ весьма вліятельными органами печати; косвенно поддерживаетъ оно въ своей зависимости изящныя искусства; даже въ матеріальномъ отношеніи секуляризація имуществъ католическаго духовенства, начатая въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи, исполнена только въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія въ Испаніи, въ шестидесятыхъ годахъ въ Италіи и въ Австріи, и не коснулась еще Венгріи и Бельгіи.

Россія находится совсѣмъ въ другомъ положеніи. Реакція двадцатыхъ годовъ (при Магницкомъ и Руничѣ) явилась прежде всего на нѣмецкой почвѣ въ видѣ такъ называемаго въ литературѣ и искусствѣ романтизма, а въ религіозной сферѣ піетизма и мистицизма. Къ намъ же піетическія идеи пришли также изъ Германіи, такъ какъ туманный піетизмъ совершенно противорѣчитъ основному русскому взгляду на религію и нравственность. Піетизмъ дошелъ мало по малу въ Россіи до абсурда, но борьба съ ними Магницкихъ была лишь борьбою оттѣнковъ; въ сущности Магницкіе были „клерикалами“ чисто западнаго образца, не имѣя совершенно подъ собою почвы въ русскомъ обществѣ.

Клерикализмъ у насъ всегда былъ извнѣ навѣянной теоріей, менѣе всего имѣя связи съ дѣйствительными интересами русскаго духовенства. Поэтому-то защитники клерикализма и вынуждены впадать въ рѣзкое противорѣчіе съ дѣйствительностью. Графъ Валуевъ, напримѣръ въ романѣ „Лоринъ“—сводѣ мнѣній одного изъ нашихъ руководящихъ кружковъ, защищая созданіе клерикальной партіи въ Россіи, вынужденъ проповѣдывать безбрачіе духовенства—положеніе прямо противорѣчащее канонамъ и всей исторіи православной церкви.

Бѣлое духовенство наше прежде было совершенно органическою частью русскаго гражданскаго общества; чисто искусственно сложилось оно уже въ новѣйшее время въ кастовую организацію, продолжая, однако, пускать постоянно отпрыски въ народъ и пополняя изъ него новые элементы; свою обособленность оно понимаетъ чисто внѣшнимъ образомъ. Нѣсколько иначе организовалось черное

ховенство. Аскетизмъ былъ перенесенъ на русскую почву прямо
ъ Византіи; высшія духовныя лица, исключительно выходящія
ъ рядовъ чернаго духовенства, долго переходили къ намъ оттуда;
мало-по-малу монастырская жизнь привилась и къ намъ успѣшно.
отя русскій монахъ существенно отличенъ отъ монаха греческаго,
самостоятельное образованіе многочисленныхъ раскольничьихъ
итовъ съ ихъ старцами показываетъ, что аскетизмъ самъ по себѣ
былъ чуждъ славянской натурѣ. Соціальное неустройство болѣе
его содѣйствовало въ древнія времена возникновенію и обога-
енію новыхъ монастырскихъ общинъ.

Но XVI вѣкъ можно считать апогеемъ политическаго и соціаль-
аго вліянія нашего чернаго духовенства. Уже съ начала XVII сто-
ѣтія взглядъ правительства на значеніе монашества въ граждан-
комъ обществѣ замѣтно измѣнился, и началась постепенная секу-
ризація монастырскихъ имуществъ, богатства которыхъ состояли
огда главнымъ образомъ въ крѣпостныхъ людяхъ. Начатая еще
ри Іоаннѣ III, поддержанная соборами 1649 и 1681 гг., она
ыла энергически подвинута впередъ Петромъ Великимъ и за-
ончена Екатериной II. Петръ особенно былъ суровъ къ монаше-
ству, утверждая въ знаменитомъ Объявленіи 1724 г., что „Господь
е лишилъ такъ благодати Своей русскихъ царей, какъ греческихъ,
ъ неразсмотрѣніи сего *излишества*“ и что монаховъ „большая
асть бѣгутъ (въ монастыри) отъ податей и отъ лѣности, чтобы
аромъ хлѣбъ ѣсть“. У монастырей остались еще нѣкоторыя не-
вижимыя имущества и капиталы, но по отношенію къ прочимъ
идамъ владѣнія въ Россіи эта собственность уже не имѣетъ важ-
аго значенія. Строго говоря, монастыри сами по большей части,
тобъ существовать, должны были ожидать мірскихъ приношеній,
нѣкоторые обители живутъ просто подаяніемъ; при такомъ по-
ложеніи нечего было и думать объ организаціи общественнаго вос-
итанія, благотворительныхъ учрежденій, больницъ, миссіонерскихъ
чрежденій, печатанія книгъ и пр., словомъ всего того, что состав-
яетъ на западѣ силу католическаго духовенства. Воспитаніе и
лаготворительность сдѣлались въ Россіи, за немногими исключе-
іями, гражданскими, безъ клерикальнаго оттѣнка, а монастыри
реимущественно сосредоточились въ болѣе имъ свойственной ре-
игіозной сферѣ.

Но это оставалось, конечно, общимъ правиломъ. Существовали
всегда и исключенія, образцомъ которыхъ могли служить факты,
раскрытые процесомъ игуменьи Митрофаніи. Они показали, что въ

извѣстной, весьма небольшой, части нашего духовенства суще
ствуютъ поползновенія увеличивать свое имущество съ цѣлью, пр
крывать репутаціей блистательныхъ дѣлъ благотворенія, и доби
ваясь извѣстнаго общественнаго значенія и мірскаго вліянія. Дл
этого не гнушались иногда такими средствами, какъ вымоганіе
болѣзненныхъ и слабоумныхъ женщинъ (дѣло Медынцевой), поль
зованіе преувеличеннымъ понятіемъ объ отсутствіи религіозной сво
боды къ Россіи со стороны нѣкоторыхъ сектантовъ (дѣло Солодов
никова), — мы не говоримъ уже о другихъ еще болѣе предосуди
тельныхъ средствахъ. Процессъ игуменьи Митрофаніи открыл
вмѣстѣ съ тѣмъ, что существуетъ небольшой клерикальный кру
жокъ людей на столько близорукихъ, что ловкая интригантка могла
дурачить ихъ долгое время, оправдываясь громкими фразами и
пышными обѣщаніями. Кружокъ этотъ, однако, остается одино
кимъ и находитъ мало отголоска въ массѣ русскаго общества.
Приговоръ присяжныхъ по дѣлу Митрофаніи былъ встрѣченъ съ
общимъ почти сочувствіемъ, но сочувствіе это было совершенно
чуждо какого-либо злорадства, и это именно потому, что интел
лигенція наша чужда клерикальной закваски и видѣла въ игуменьѣ
Митрофаніи отдѣльное прискорбное явленіе, не усматривая въ дѣлѣ
ея никакой общественной опасности.

Но если таково отношеніе общества къ духовенству, то нельзя
не сказать, что бѣлое наше духовенство создало продуктъ, роль
котораго въ русской общественной жизни довольно фатальна—это
семинаристы, избравшіе себѣ свѣтскую карьеру. До нынѣшняго сто
лѣтія роль семинаристовъ была весьма приниженная, а при Петрѣ
ихъ безъ разсужденія, по мѣрѣ потребности, забирали въ рекруты.
Въ XIX столѣтіи семинаристы вторглись, со временъ Сперанскаго,
въ бюрократію, а въ 60-хъ годахъ въ литературу и науку. Въ обоихъ
этихъ областяхъ участіе семинаристовъ было весьма вредное: бю
рократія въ ихъ рукахъ получила какой-то бездушный характеръ,
а литераторы и ученые изъ бурсаковъ были отцами нашего нигилизма. Гибельное вліяніе бурсы на новѣйшую культуру ожидаетъ
еще своего историка.

Фальшивое представленіе о богатствѣ нашего духовенства, под
крѣпленное тенденціозной книгой Ростиславова: „Богатства на
шихъ монастырей“ отчасти существуетъ въ публикѣ. Вѣроятно
подъ вліяніемъ вышеозначенной книги газета „Современность“,
посвященная преимущественно интересамъ духовенства, напечатала
во время послѣдней войны слѣдующую замѣтку: „Государство мо-

священная преимущественно интересамъ духовенства, напечатала время послѣдней войны слѣдующую замѣтку: „Государство мо-ъ найти статью дохода, положительно никого не обременяя. о теперь нуждается въ драгоцѣнныхъ металлахъ. А какое коли-ство этихъ металловъ находится въ православныхъ монастыряхъ храмахъ Россіи, просто лежащее подъ спудомъ! Съ увѣрен-тью можно сказать, что не найдется храма, въ которомъ не ло бы какихъ либо серебряныхъ или золотыхъ вещей, давно шедшихъ изъ употребленія и валяющихся въ сундукахъ. Спра-вается: къ чему онѣ нужны? Извести ихъ нельзя, такъ какъ одятся въ описи, только храни напрасно"...

Не во гнѣвъ будь сказано духовной газетѣ, мы очень сомнѣ-мся, чтобы „не было въ Россіи храма, гдѣ бы золото и серебро валялось въ сундукахъ". Напротивъ, мы убѣждены, что изъ со-ка тысячъ церквей, разсѣянныхъ по Россіи и выстроенныхъ по-ительно на народные гроши, девяносто девять сотыхъ не только золота въ сундукахъ не имѣютъ, но и сами нуждаются въ не-одимомъ. Затѣмъ, конечно, есть въ городахъ и монастыряхъ мы богато снабженные; но однако, прежде чѣмъ приступить къ фискаціи, надобно имѣть въ виду два обстоятельства. Часть атствъ этихъ храмовъ въ утвари и прочихъ предметахъ обра-лась вѣками; отправляя эти предметы на монетный дворъ, мы извлеченія капитала, во всякомъ случаѣ ничтожнаго (это видно того разсчета, что 1,000 пудовъ серебра стоютъ всего одинъ ліонъ, а собрать такую массу серебра въ издѣліяхъ весьма со-ительно), мы уничтожимъ безъ слѣда единственные почти остатки ринаго русскаго искусства. Вандализмъ ничѣмъ не оправды-емый. Мы не говоримъ уже о нравственной точкѣ зрѣнія, о томъ, предметы, собранные въ нашихъ храмахъ, по большей части тавились изъ частныхъ пожертвованій, а нарушать волю жертво-телей государство имѣло бы права лишь въ случаѣ крайней не-одимости, въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда для общаго спа-нія не останавливаются ни передъ чѣмъ. Петръ Великій могъ, примѣръ, переливать въ пушки церковные колокола, потому что лѣтъ воевалъ съ Швеціей, а Швеція тогда была единственнымъ точникомъ для снабженія мѣдью и онъ рисковалъ бы иначе аться безъ орудійнаго металла. Несомнѣнно также, что отбира-изъ храмовъ ихъ движимаго имущества произвело бы на народъ благопріятное впечатлѣніе и заставило бы его считать условія

войны гораздо болѣе тягостными, чѣмъ они представлялись въ д
ствительности.

Мы не хотимъ, впрочемъ, утверждать, что наше духовное
словіе и монастыри не должны принимать дѣятельнаго участія
общихъ издержкахъ и пожертвованіяхъ. Они могутъ это дѣ
разными путями и безъ сплава предметовъ, драгоцѣнныхъ въ
захъ народа.

ГЛАВА XIII.

Крестьяне и фабричные.

ложеніе крестьянъ послѣ реформы. — Жалобы на недостатокъ надѣловъ. — мѣна подушной подати.—Народная нравственность. — Положеніе фабричнаго сословія.—Законъ о наймѣ рабочихъ.—Кустарная промышленность.

Статья „Journal de St. Pétersbourg“, восхвалявшая остзейскіе земельные порядки, очень понравилась одному изъ нашихъ крупнѣйшихъ поземельныхъ собственниковъ графу Орлову-Давыдову и онъ въ письмѣ на имя редактора нашей французской газеты поставилъ вопросъ: не нужно ли прежде всѣхъ другихъ реформъ реформировать нашихъ реформаторовъ? Къ такому выводу почтенный графъ пришелъ, сравнивая положеніе крестьянъ въ Россіи до освобожденія и послѣ освобожденія крестьянъ.

До освобожденія, говоритъ графъ Орловъ-Давыдовъ, великорусскіе крестьяне пользовались матеріальнымъ благосостояніемъ сравненно высшимъ, чѣмъ прибалтійскіе крестьяне, теперь, наоборотъ, они далеко отстали отъ послѣднихъ и еще болѣе отстанутъ въ будущемъ. Въ подтвержденіе своего положенія графъ нарисовалъ манчивую картину крѣпостного благополучія. На сѣверѣ Россіи, воритъ онъ, у крестьянъ было мало скота и небольшія запашки, о при системѣ оброка процвѣтало множество мелкихъ отраслей промышленности, почему капиталы быстро накоплялись и крестьяне не только выкупали себя, но и образовывали первоклассныя торговыя фирмы. На югѣ не было капиталистовъ, зато села были окружены скирдами хлѣба, которыя не успѣвали обмолачивать. Въ большинствѣ селъ у мужика были по двѣ и по три лошади, а иные крестьяне имѣли до 30 лошадей и занимались зимою извозомъ.

Съ тѣхъ поръ все это совершенно, по словамъ графа, измѣ-

нилось и, подъ вліяніемъ круговой поруки, крестьяне остались лиш
при самомъ необходимомъ. Въ Серпуховскомъ уѣздѣ, напримѣр
нѣкогда богатѣйшемъ, гдѣ не было и неурожаевъ, крестьяне обѣд
нѣли до того, что на 120 душъ мужского пола остается 30 л
шадей; количество это, понятно, совершенно недостаточно дл
обработки 120 надѣловъ, почему большая часть земель запуще
или же крестьяне нанимаютъ лошадей за лихвенные проценты
Недоимки ростутъ въ ужасающей прогрессіи. Въ Катурской волост
бывшей графини Орловой, за недоимку были проданы великолѣпны
лѣса за нѣсколько сотъ тысячъ рублей, а недоимка не уменьшилась

Величайшее несчастіе для современнаго крестьянскаго сельскаг
хозяйства, по мнѣнію графа Орлова-Давыдова, состоитъ въ недо
статкѣ луговъ и сѣнокосовъ; нанимать помѣщичьи луга у крестьян
нѣтъ средствъ, постоянное же распахиваніе своихъ надѣловъ слу
житъ главною причиною истощенія почвы и неурожаевъ. Совсѣм
не то мы видимъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Таковы положенія графа Орлова-Давыдова. Это уже не первое,
сдѣланное въ томъ же родѣ заявленіе, выходящее изъ обоихъ ла-
герей—и крѣпостническаго, и демократическаго. Не отрицая вѣр-
ности фактовъ, указанныхъ графомъ тамъ, гдѣ онъ пріурочиваетъ
эти факты къ извѣстнымъ мѣстностямъ, мы не можемъ, однако,
признать за подобными частными заявленіями рѣшающаго значенія.
Россія очень велика, составить себѣ общую картину ея положенія
чрезвычайно трудно. Во всякомъ случаѣ, крайне сомнительно, чтобы
до эмансипаціи было такъ хорошо, а послѣ нея все сдѣлалось
уже такъ дурно.

До освобожденія, напримѣръ, въ 40-хъ годахъ, болѣе 10,000
крестьянъ ежегодно убѣгали отъ своихъ помѣщиковъ, это фактъ
официально подтвержденный. „Отъ хорошаго житья не побѣжишь",
говоритъ пословица. Далеко также не всѣ благоденствовали. Всѣмъ
извѣстно, напримѣръ, дѣло помѣщиковъ Дубровиныхъ, которые 3
своихъ взрослыхъ крѣпостныхъ (2,500 душъ) отдали въ работы на
фабрики съ условіемъ получать за нихъ заработную плату, земли
же за проданныхъ фабричныхъ присоединили къ барской запашкѣ
и затѣмъ остальную 1/4 крестьянъ выгоняли поголовно на барщину,
вынуждая этихъ несчастныхъ не только обрабатывать всю землю,
но и платить подати за отданныхъ въ фабричную работу. Дѣло до-
ходило до Государственнаго Совѣта, но и тамъ распоряженіе по-
мѣщика было признано законнымъ. Скажутъ, это отдѣльные случаи;
можетъ быть, но и факты, въ родѣ приводимыхъ графомъ Орло-

ымъ-Давыдовымъ объ его Серпуховскомъ имѣніи, также, вѣроятно, ринадлежатъ къ отдѣльнымъ случаямъ.

Мы того мнѣнія, что жалобы на повсемѣстное обѣднѣніе крестьянъ въ Россіи едва ли могутъ быть обобщаемы, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ и даже въ разныхъ мѣстностяхъ слѣды подобнаго обѣднѣнія дѣйствительно наблюдаются. Дѣло въ томъ, что случаи обѣднѣнія въ различныхъ мѣстахъ Россіи замѣчались, вѣроятно, и въ крѣпостную эпоху, но о нихъ не смѣли или не желали говорить.

Когда было устроено Министерство Государственныхъ Имуществъ, учрежденіе котораго Гакстгаузенъ считалъ величайшей реформой въ Россіи послѣ Петровскихъ реформъ, то повсюду раздались жалобы помѣщиковъ и земской полиціи, что государственные крестьяне разорены въ конецъ; съ того времени прошло благополучно сорокъ лѣтъ; теперь подобные же вопли слышатся о помѣщичьихъ крестьянахъ. Для оцѣнки явленія обѣднѣнія надобно брать не отдѣльные цифры и случаи, а, какъ учитъ статистика, общіе итоги; только сумма явленій, гдѣ плюсы и минусы, выгоды и потери взаимно уравновѣшиваются, даетъ право дѣлать то или другое заключеніе.

Вотъ въ общихъ-то итогахъ этого обѣднѣнія крестьянскаго сословія пока еще никто не доказалъ, да его и не замѣчается, къ какому бы роду явленій мы ни обращались. Когда сводится экономическій балансъ Россіи за истекшій годъ, то обыкновенно, какъ ни верти, приходится сказать:—скверно! На слѣдующій годъ опять „скверно“ или „того хуже“, а смотришь Россія стоитъ себѣ и хоть не Богъ вѣсть какъ развивается, все же и не идетъ назадъ по пути экономическаго прогресса. Изъ чего надобно заключить, что мы видимъ только поверхность экономической жизни, схватываемъ ея отдѣльныя проявленія, но въ общемъ она слишкомъ сложна и замысловата въ Россіи, чтобы быть уловленною и понятою однимъ бѣглымъ взглядомъ.

Говорятъ, что крестьяне разорены недоимками, однако предположенія бюджета о податяхъ исправно осуществляются и недоимка пропорціонально меньше, чѣмъ она была въ крѣпостную эпоху. Говорятъ, крестьяне пропились въ конецъ, однако каждый годъ питейный доходъ поступаетъ исправно и даже ростетъ, значитъ тѣ же, если не большія средства остаются въ рукахъ мужика для кутежа. Положимъ, не велико счастіе, что мужикъ имѣетъ возможность пропить ежегодно одну и ту же сумму, но не все же онъ

пропиваетъ. Извѣстно, что кромѣ потребленія водки ежегодно увеличивается въ Россіи потребленіе чая, сахара, дешевыхъ мануфактуръ, керосина, кожевеннаго товара, самоваровъ и т. д. Обороты Нижегородской ярмарки, главнаго торга крестьянскихъ товаровъ, растутъ; значитъ, увеличивается и потребленіе товаровъ, если не всегда полезныхъ, то во всякомъ случаѣ не вредныхъ для крестьянскаго хозяйства.

Есть признаки еще болѣе благопріятные. Какую, напримѣръ, массу помѣщичьихъ и казенныхъ земель арендуютъ крестьяне; ежегодно послѣдніе покупаютъ также не малое количество помѣщичьей земли въ свою полную собственность. На югѣ Россіи локомобили чрезвычайно распространились въ средѣ крестьянъ; департаментъ земледѣлія съ удивленіемъ констатировалъ также во множествѣ крестьянскихъ хозяйствъ разныя нововведенія по части агрономіи, культуру новыхъ растеній и т. п.

Отвергать значеніе подобныхъ фактовъ, собранныхъ изо всей Россіи, рѣшительно нѣтъ повода, а особенно когда они подкрѣпляются данными объ увеличеніи мѣстнаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ, о быстромъ возростаніи внутренней промышленности, о необыкновенно аккуратномъ и бездоимочномъ исполненіи военной повинности, о повышеніи заработной платы и т. д. Одна свекло-сахарная промышленность передаетъ крестьянамъ въ юго-западномъ краѣ денегъ за одинъ годъ вдесятеро болѣе, чѣмъ заботливость ихъ бывшихъ крѣпостныхъ владѣльцевъ передавала въ десять лѣтъ. Если и въ крѣпостную эпоху Елисѣевы дѣлались милліонерами, то теперь можно назвать въ черноземной полосѣ крестьянъ, сдѣлавшихся помѣщиками десятковъ тысячъ черноземной земли.

Такимъ образомъ надобно провѣрить еще весьма обстоятельно и всесторонне заявленія объ обѣднѣніи Россіи и крестьянъ, прежде чѣмъ начинать плакаться, почему въ 1861 г. не восторжествовали остзейскіе порядки. По нашему мнѣнію, смѣшно полагать теперь, какъ въ 1861 г., что аграрная реформа совершена у насъ будто бы образцовымъ образомъ, которому можетъ завидовать Западная Европа, но несомнѣнно, что жизнь лучше всего переучитъ нашихъ реформаторовъ. Наша таможенная политика служитъ тому порукою.

Жалобы на крестьянское разореніе идутъ изъ противуположныхъ лагерей. Изъ демократическаго особенно напирали на недостаточность надѣловъ и ссылались на цифры книги профессора Янсона о крестьянскомъ землевладѣніи и выводы не менѣе тенденціозной книги г. Энгельгардта: „Изъ деревни“; эти разсужденія

отозвались нелѣпыми толками въ средѣ крестьянъ о какомъ-то передѣлѣ земель — совершенно противномъ инструкціи губернскимъ комитетамъ, гдѣ было положительно выражено, что никакого увеличенія разъ сдѣланныхъ надѣловъ законодательнымъ путемъ не будетъ.

Вопросъ о надѣлахъ, конечно, по незнакомству съ условіями многихъ мѣстностей, кажется нашимъ либераламъ самымъ незамысловатымъ для рѣшенія. По картѣ земля наша широко раскинулась и вдоль и поперегъ; какъ, кажется, не облагодѣтельствовать всѣхъ и каждаго кусочками этой земли, которая велика, если не обильна. Въ сущности же аграрный вопросъ въ Россіи, какъ и вездѣ, одинъ изъ самыхъ сложныхъ и мудреныхъ. Реформы, въ родѣ реформы 1861 г., подготовляются вѣками и думать, что ихъ можно повторять когда вздумается, чистѣйшее ребячество. Не то что разверстка земель, простое межеваніе тянется у насъ столѣтіе и не видать конца этой скромной операціи. Начатый же надѣлъ государственныхъ крестьянъ въ сѣверныхъ губерніяхъ пришлось просто бросить по невозможности осуществлять проекты, сочиненные въ канцеляріи.

Не говоримъ уже о томъ, что теорія и практика — двѣ вещи разныя. Въ теоріи можно говорить о прирѣзкѣ изъ земель казенныхъ, но на практикѣ эта мѣра явится дѣломъ невозможнымъ, если вникнуть во всѣ обстоятельства. Вопервыхъ, свободныхъ земель казенныхъ далеко не одинаковое количество въ разныхъ губерніяхъ. Гдѣ ихъ много (такихъ губерній уже очень мало), тамъ крестьяне или сами надѣлены хорошо землею, или легко арендуютъ ее на льготныхъ условіяхъ; гдѣ населеніе скучено и земли дороги, тамъ, само собою разумѣется, и казенной земли мало или ея вовсе нѣтъ; наконецъ на сѣверѣ казна дѣйствительно владѣетъ огромными пространствами, но эти площади покрыты лѣсами, подъ пашни рѣдко гдѣ годятся, да въ этихъ губерніяхъ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ относительно весьма немного.

Самое серьезное возраженіе можетъ быть, конечно, сдѣлано еще въ томъ отношеніи, что казенныя земли вовсе не перемѣшаны такъ съ землями частныхъ владѣльцевъ, чтобы представлялось возможнымъ—кромѣ рѣдкихъ случаевъ—прирѣзывать ихъ вездѣ, гдѣ оказалась бы на то потребность, да и такая прирѣзка однимъ—являлась бы явною несправедливостью по отношенію къ остальнымъ крестьянскимъ обществамъ.

Нѣтъ спора, что свободныя казенныя земли — запасъ для буду-

щихъ поколѣній русскаго крестьянства, но это уже сложный вопросъ о колонизаціи. Касательно послѣдней достаточно извѣстно, что колонизаціонный вопросъ находится у насъ въ крайне неудовлетворительномъ положеніи. Русскій человѣкъ въ душѣ колонизаторъ, вся Россія есть громадная колонія русскаго, преимущественно великорусскаго племени въ земляхъ финскихъ и тюркскихъ племенъ, между тѣмъ вѣковая колонизація наша шла до сихъ поръ исключительно какъ бы стихійнымъ образомъ. Правительство, въ особенности въ прежнее крѣпостное время, скорѣе стѣсняло ее, нежели поощряло, а если гдѣ и регулировало—то исключительно только тамъ, гдѣ эта колонизація имѣла значеніе политическое.

Взять колонизацію серьезно въ руки правительства, какъ это сдѣлано въ Соединенныхъ Штатахъ, открыть ей свободные пути, организовать особыя для переселенцевъ учрежденія, издать твердыя правила, подчинить все дѣло гласности, стараться экономизировать народныя силы, растрачивающіяся въ безконечныхъ шатаньяхъ съ мѣста на мѣсто за поисками земель, которыя нерѣдко ждутъ рукъ, — конечно, одна изъ серьезнѣйшихъ задачъ нашего государственнаго управленія. Къ ней приступили было весьма робко въ 1881 г., но остановились на полумѣрахъ, опасаясь, что крестьянская масса вся подымется со своихъ мѣстъ въ поискахъ за кисельными берегами.

Колонизація не удовлетворитъ быть можетъ тѣхъ, кто желаетъ во что бы то ни стало увеличенія надѣловъ, но за то она — путь самый раціональный и единственный. Людямъ, любящимъ рѣшать государственные вопросы съ плеча и говорящимъ, что передѣлъ возможенъ и изъ частныхъ земель, если только правительство явится вновь посредникомъ, можно отвѣтить, становясь даже на ихъ точку зрѣнія, вопросомъ: представляется ли какая-нибудь выгода для самихъ крестьянъ отъ подобнаго разрѣшенія?

Еслибы правительство согласилось на новую гигантскую операцію отчужденія части помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ, то оно должно было бы это сдѣлать только справедливымъ для всѣхъ сторонъ образомъ, нигдѣ и ничѣмъ не нарушая правъ собственности. Ни о какомъ пожертвованіи со стороны помѣщиковъ не можетъ быть и рѣчи. Такихъ жертвъ въ принципѣ правительство не хотѣло требовать и въ 1861 году, хотя тогда еще можно было сказать въ оправданіе, что помѣщики расплачивались бы за пользованіе въ теченіе долгаго періода даровымъ крестьянскимъ трудомъ. Но теперь какой можетъ быть предлогъ для помѣщи-

чьяго самопожертвованія, тѣмъ болѣе, что въ двадцать послѣднихъ лѣтъ самый характеръ землевладѣнія во многихъ мѣстахъ Россіи коренным образомъ измѣнился: земли перешли въ руки купцевъ, евреевъ, разбогатѣвшихъ крестьянъ, цѣлыхъ крестьянскихъ общинъ, иностранныхъ переселенцевъ; даже тамъ, гдѣ онѣ остались въ прежнемъ видѣ, земли перешли къ новому поколѣнію, ничего общаго съ крѣпостнымъ трудомъ не имѣющему. Это не слова, а факты. По офиціальнымъ даннымъ, напримѣръ, въ Московской губерніи въ 1865 г. на одного крупнаго землевладѣльца изъ купцовъ приходилось 17 дворянъ, а въ 1877 г. — только около 4-хъ.

Осталось бы слѣдовательно выкупать земли, какъ выкупаютъ ихъ на другія обще-государственныя нужды, напримѣръ, подъ постройку желѣзныхъ дорогъ, но такой выкупъ дѣлается обыкновенно капитализаціей дохода, приносимаго землею, и бываетъ выше, а не ниже дѣйствительной стоимости земли. Что же бы тутъ выиграли крестьяне? Они получили бы тѣ самыя земли, которыя они и теперь имѣютъ полную возможность арендовать, но за цѣну нѣсколько высшую противъ существующихъ цѣнъ аренды. Высшую потому, что при выкупѣ нужно присчитать потерю на курсѣ при реализаціи бумагъ, расходы самой реализаціи, содержаніе разныхъ учрежденій, которыя являлись бы руководителями операціи и посредниками между правительствомъ, крестьянами, помѣщиками и владѣльцами новыхъ выкупныхъ бумагъ, и т. д. Другими словами, крестьяне проиграли бы въ экономическомъ отношеніи, а отнюдь не выиграли бы.

Вопросъ о надѣлахъ заслуживаетъ еще разсмотрѣнія и съ агрономической точки зрѣнія. Какъ ни развернешь русскую исторію, такъ и читаешь съ поконъ вѣка жалобы на недостатокъ земли. Предки наши все брели врозь, отыскивая свободныя земли. Конечно, въ этомъ разбродѣ играли роль и вліянія политическія и соціальныя, но первое мѣсто принадлежитъ вліянію избранной системы культуры земли, которая въ Россіи всегда была исключительно экстензивная, если не прямо хищническая. Но пора, наконецъ, подумать и о какомъ-нибудь предѣлѣ подобной расточительности почвы. Если мы, захвативъ уже чуть не цѣлую часть свѣта и имѣя населеніе, даже въ наиболѣе заселенныхъ губерніяхъ, втрое и впятеро менѣе плотное, нежели въ такихъ странахъ Европы, гдѣ земледѣліе процвѣтаетъ, жалуемся на недостатокъ земли, то что же будетъ далѣе?

Легкость пріобрѣтенія новыхъ земель только закрѣпитъ на дол-

гое время экстензивное и неразсчетливое сельское хозяйство, а вовсе не обезпечитъ будущаго. Въ этомъ случаѣ нельзя порадоваться сдѣланному исключительно въ пользу крестьянъ облегченію аренды казенныхъ оброчныхъ статей подъ обезпеченіе круговой поруки обществъ и учрежденію Крестьянскаго банка.

Крестьянскій банкъ, кромѣ еще большаго расширенія хищническаго хозяйства, вреденъ въ томъ отношеніи, что создаетъ на казенныя деньги изъ кулаковъ и міроѣдовъ какія-то привиллегированныя круговыя товарищества, своего рода крестьянскую аристократію. Затѣмъ недостаточно еще кредита для покупки земли, деньги нужны и для обзаведенія инвентаря, и на улучшеніе хозяйства. Въ настоящемъ же своемъ видѣ главную пользу отъ Крестьянскаго банка извлекаютъ помѣщики, спустившіе крестьянамъ по очень высокой цѣнѣ, при посредствѣ правительства, ненужныя имъ земли.

Для крестьянъ меліораціонный кредитъ важнѣе, чѣмъ кредитъ для покупки земли, ибо нельзя не замѣтить въ ихъ оправданіе, что измѣненія системы культуры не всегда въ ихъ власти—даже тамъ, гдѣ является полное сознаніе въ необходимости этихъ измѣненій. Мы укажемъ хотя на одинъ примѣръ весьма, по нашему мнѣнію, убѣдительный. Экстензивное хозяйство является послѣдствіемъ плохого удобренія полей, которыя быстро истощаются, а возобновленіе плодородія на однажды истощенныхъ пашняхъ требуетъ большихъ затратъ труда и капитала, нежели распашка нетронутой цѣлины. Если же поля въ Россіи дурно удобряются, то виною тому не всегда небрежность или нежеланіе землевладѣльцевъ и крестьянъ, а недостатокъ скота, служащаго источникомъ удобренія. Что же мы тутъ видимъ на практикѣ? Скотоводство, которое составляетъ основаніе будущаго улучшенія хозяйства въ Россіи и увеличенія доходности земель, по официальнымъ даннымъ, сокращается и особенно это прискорбное сокращеніе замѣтно въ крестьянскомъ быту.

Скотоводство же уменьшается потому, что свободныхъ полей для выпаса дѣлается все менѣе, а воспитаніе скота на сухомъ кормѣ требуетъ поваренной соли, которой у насъ недоставало изъ-за высокаго акциза въ пищу даже крестьянамъ. Мы не говоримъ уже о гибели скота десятками тысячъ головъ отъ эпидемій, обусловливаемыхъ дурнымъ устройствомъ ветеринарной части. Мало скота—дурной урожай, при плохомъ урожаѣ—податная несостоятельность, затѣмъ продажа за недоимку скота, т. е. еще большее разстройство хозяйства. И такъ, переселенія, мѣры для развитія скотовод-

ства, отмѣна соляного налога, сложеніе подушной подати — вотъ средства для поднятія крестьянскаго благосостоянія. Можно быть увѣреннымъ, что раціонально приложенныя къ жизни, эти мѣры вмѣстѣ съ развитіемъ сельскихъ кредитныхъ учрежденій могутъ принести гораздо болѣе пользы нашему земледѣльческому населенію чѣмъ увеличеніе его надѣловъ. До сихъ поръ же дѣйствовали въ противоположномъ направленіи и даже на Уралѣ горнозаводскимъ пастеровымъ, 200 лѣтъ какъ покинувшимъ земледѣліе, для „обезпеченія быта“ навязывали клочки каменистой и тундристой земли.

Часть этихъ desiderata уже осуществлена: къ организаціи переселеній сдѣланъ приступъ, выкупные платежи понижены для помѣщичьихъ крестьянъ, соляной налогъ уничтоженъ, а подушная подать отмѣнена для помѣщичьихъ крестьянъ и обращена въ выкупные платежи для государственныхъ.

То равнодушіе, съ которымъ встрѣчено было извѣстіе объ отмѣнѣ подушной подати, послѣ того какъ было исписано столько бумаги о необходимости этой отмѣны и столько было въ свое время сказано горячихъ фразъ, подтверждаетъ, что наше молодое общество желаетъ преобразованій не въ силу глубоко сознанной потребности, а лишь въ силу моды, или случайно навѣянныхъ теорій. То же самое произошло и при отмѣнѣ соляного налога. Его громили какъ ненавистный для народа, когда же правительство пошло на встрѣчу общественному мнѣнію, то важность его пожертвованія, слишкомъ въ 6 милл. руб. въ годъ, никѣмъ оцѣнена не была, и сомнительно даже, зналъ ли русскій „народъ“ объ отмѣнѣ въ его пользу соляного акциза.

Значеніе отмѣны подушной подати не слѣдуетъ, впрочемъ, преувеличивать; рубль или полтора, которые платилъ крестьянинъ, среднимъ числомъ, съ души въ 1885 году, далеко не то по своей тягости, что были 74 копѣйки, которыя приходилось платить подушной подати русскому мужику въ 1722 г. при Петрѣ Великомъ. Нынѣшнюю тягость налога надобно считать по крайней мѣрѣ вдесятеро большей. Съ другой стороны, народъ подушную подать давно включилъ въ распредѣляемый имъ одинаково по тяглямъ цѣлый рядъ платежей выкупныхъ, оброчныхъ, земскихъ, мірскихъ. Въ глазахъ мужика не было рѣшительно никакого различія въ этихъ сборахъ и потому отмѣна одного государственнаго подушнаго сбора, представляя извѣстное облегченіе, въ сущности не измѣнила до сихъ времени существенно способа самообложенія, который выработалъ нашъ народъ подъ вліяніемъ подушной подати.

Подать эта, какъ извѣстно, была однимъ изъ проявленій крутого деспотизма Петра I и представляла шагъ назадъ въ финансовой системѣ Россіи. Графъ Канкринъ, какъ нѣмецъ, конечно взялъ Петра подъ свою защиту и, утверждая, что „предстоятъ большія затрудненія перемѣнить подушную систему, при маломъ образованіи сносную, на другую, большему образованію болѣе свойственную", повторяетъ только въ этомъ случаѣ извѣстную пословицу: „что русскому здорово—то нѣмцу смерть!" Но и Канкринъ не могъ не признать, что при Петрѣ „казна по соразмѣрности стала бѣднѣе".

Болѣе безпристрастный историкъ нашихъ финансовъ, графъ Д. А. Толстой, справедливѣе взглянулъ на это дѣло. Указавъ на удобства до-петровской системы „посошнаго" обложенія, основаннаго на кадастрѣ, графъ въ своей „Исторіи финансовыхъ учрежденій Россіи" говоритъ: „Только въ 1722 году Россія лишилась своей народной кадастраціи, на мѣсто которой введенъ былъ подушный сборъ. Такимъ образомъ положенъ былъ конецъ развитію посошной подати, развитію, обѣщавшему несомнѣнную пользу для государственнаго благосостоянія, и мѣсто его заступила варяжская дань подъ новымъ названіемъ. Опыты вѣковъ въ этомъ отношеніи были потеряны; но слѣдующимъ государямъ оставлено въ удѣлъ возсозданіе того, что уже существовало, но мгновенно уничтжено, и кадастрація, которая лежала въ основаніи посошной подати, при всѣхъ трудахъ и усиліяхъ, не можетъ еще быть введена и въ настоящее время"...

Замѣчательно, что современники Петра вполнѣ понимали неправомѣрность введеннаго имъ налога. Извѣстный Посошковъ, котораго профессоръ Брикнеръ называетъ русскимъ Монтескье, писалъ не безъ ироніи: „Въ счисленіи душевномъ не чаю я прокуду быть, понеже душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны не имущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя"...

Справедливо, впрочемъ, замѣтить, что русскій Монтескье изъ крестьянъ петровскаго времени опередилъ въ данномъ случаѣ не только своихъ современниковъ, но и финансовую практику нашего вѣка. Хотя нѣкоторые публицисты наивно полагаютъ, будто бы подушная подать составляетъ спеціальную принадлежность бѣдной Россіи, но это невѣрно—подушная подать благополучно существуетъ до сихъ поръ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Швейцаріи, во Франціи, а отчасти и въ Пруссіи.

При этомъ въ этихъ странахъ, изъ которыхъ первыя три—рес

ублики, она именно существуетъ какъ личная или поголовная подать съ души „неосязаемой и умомъ непостижимой", у насъ же, слѣдствіе того, что фискъ имѣлъ дѣло не съ единичными плательщиками, а съ цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ, подушная подать издавна обратилась изъ личной въ имущественную и подоходную. Въ виду такой раскладки и привычки народа къ означенному налогу, нѣкоторые финансисты и находили, что его трогать не слѣдуетъ, ибо безъ дохода, приносимаго подушною податью, правительство все-таки обойтись не можетъ, а неизвѣстно еще какъ будутъ переложены на массу населенія вновь изобрѣтаемые взамѣнъ подушной подати налоги, по преимуществу косвенные. Мы полагаемъ, однако, что отмѣна подушной подати была сдѣлана правильно и своевременно.

Значеніе этого преобразованія главнымъ образомъ политическое. Конечно, для народа, который платитъ въ годъ свыше 200 милл. питейнаго налога, 50 милл. рублей подушной подати, изъ коей половина немедленно еще переведена на землю въ видѣ повышенія оброчной подати государственныхъ крестьянъ, не составляетъ коренного облегченія. Но значительное облегченіе произойдетъ косвенно, другимъ путемъ, а именно отъ снятія тѣхъ узъ, которыя, главнымъ образомъ, закрѣпляли низшіе классы населенія землѣ въ видахъ обезпеченія исправной уплаты подушной подати

Не нужно, однако, и въ этомъ случаѣ черезчуръ увлекаться возможными результатами отмѣны подушной подати. Эта отмѣна позволитъ сдѣлать облегченіе въ круговой порукѣ и паспортной системѣ, но уничтожить существующую финансовую крестьянскую организацію не можетъ, ибо она вызывалась не подушною только податью, но и общиннымъ владѣніемъ землею, съ подушною раскладкою всѣхъ платежей и повинностей, лежащихъ на сельскомъ населеніи. Понадобятся еще десятки лѣтъ, а можетъ быть и вѣка, чтобы русскій крестьянинъ сталъ вполнѣ независимою ни отъ кого единицею. Да и вопросъ, будетъ ли онъ тогда счастливѣе и не придется ли вновь законодательнымъ путемъ соединять сельское населеніе въ какія либо прочныя хозяйственныя корпораціи или союзы?

По крайней мѣрѣ со всѣхъ концовъ Россіи приходятъ прискорбныя извѣстія объ упадкѣ въ народѣ нравственности и о томъ, что въ нравственномъ отношеніи крестьянскій земледѣльческій классъ населенія не представляетъ болѣе никакого отличія отъ рабочихъ классовъ—городского, ремесленнаго и фабричнаго. Одни

и тѣ же пороки и въ одинаковой почти степени развились теперь во всѣхъ низшихъ классахъ населенія, между тѣмъ какъ лѣтъ двадцать и болѣе тому назадъ земледѣльческое сословіе въ нравственномъ отношеніи стояло неизмѣримо выше настоящаго уровня.

Поразительныя свѣдѣнія сообщилъ на этотъ счетъ бывшій предсѣдатель ростовской земской управы г. Титовъ въ своемъ любопытномъ изслѣдованіи, изданномъ на казенный счетъ. По словамъ г. Титова, въ прежнее время крестьянинъ былъ сѣръ: ходилъ въ домотканной пестрядинной рубахѣ и портахъ, сермягѣ, овчинѣ, да въ лаптяхъ; но въ нравственномъ отношеніи онъ былъ чище, чѣмъ теперь, что должно цѣниться много дороже нынѣшняго красиваго платья. Господствующіе въ средѣ крестьянскаго населенія пороки—это пьянство, полная безнравственность въ обращеніи одного пола съ другимъ, картежная игра и кляузничество.

Пьянство въ послѣднее время приняло по-истинѣ грандіозные размѣры. Пьянствуютъ крестьяне и въ будни, и въ праздникъ, и въ рабочую и нерабочую пору. Выражается оно то въ видѣ поголовнаго пьянства цѣлыми селеніями (мірскія попойки), то въ видѣ компанейскаго и одиночнаго кабацкаго или домашняго пьянства. Пьетъ и старый и молодой, пропивая послѣдніе свои мірскіе или отцовскіе гроши; денегъ нѣтъ — тащитъ и пропиваетъ продукты, закладываетъ или вовсе пропиваетъ съ себя или съ жены одежду и, наконецъ, когда ничего въ домѣ не останется, воруетъ у сосѣда. Глядя на мужчинъ, женщины, даже дѣти и молодыя дѣвушки стали втягиваться въ пьянство. Въ Ярославской губерніи нерѣдкость встрѣтить теперь пьяницъ даже 13—14 лѣтъ.

Картежная игра, по словамъ г. Титова, особенно развита между молодымъ холостымъ народомъ и подростками, но и большая часть женатыхъ молодыхъ крестьянъ не прочь, какъ они выражаются, „посмотрѣть въ святцы“. Картежная игра—это второе главное зло послѣ пьянства, доводящее крестьянскія семьи до разоренія и преступленій. Ради ея оставляются иногда гулянья, дѣвичьи хороводы, бесѣды и др. любимыя удовольствія крестьянской молодежи. Въ воскресенья и праздники въ селеніяхъ вы не встрѣтите часто на улицѣ никого изъ молодыхъ людей: они сидятъ по сараямъ и ометамъ или просто на травѣ и играютъ въ карты. Зимою и осенью картежная игра происходитъ въ трактирахъ или въ нарочно приспособленныхъ у бѣдныхъ, за небольшую плату, домахъ! Плутни, ссоры и драки въ картежной игрѣ неизбѣжны.

На бесѣдахъ у молодцовъ съ дѣвицами происходятъ отврати-

ьныя сцены. Молодыя дѣвушки, пріучившись къ безобразію, по-
тно, по выходѣ въ замужество, не могутъ быть вѣрными женами.
рностью къ своимъ женамъ не отличаются, въ свою очередь, и
чины. Отхожіе промыслы въ особенности дѣйствуютъ губительно
этотъ счетъ. Распространеніе сифилиса во всѣхъ его формахъ
крестьянскомъ сословіи самое ужасное зло. Не рѣдки также
чаи рожденія дѣтей молодыми крестьянками, при чемъ бываютъ
чаи дѣтоубійства. Впрочемъ, замѣчаетъ г. Титовъ, „ужъ до
о развились умственныя способности въ настоящее время, что
одыя дѣвушки нашли средство изгонять свой плодъ".

Развившееся кляузничество выражается въ массѣ всякаго рода
ъ, производящихся въ волостныхъ судахъ, крестьянскихъ при-
ствіяхъ, мировыхъ и судебныхъ присутствіяхъ. Въ торговопро-
пленномъ и въ общинномъ и частномъ землевладѣніи, и въ
ейныхъ дѣлахъ постоянные споры, тяжбы, словомъ, „всѣ пере-
лись". Такое сутяжничество возбуждаетъ великое удовольствіе
тнаго волостного начальства, въ особенности волостныхъ судей
исарей, не отличающихся нигдѣ честностью и трезвостью, но
авляетъ истинное мученіе для лицъ, обязанныхъ отправлять
осудіе въ крестьянскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ.

Описанное положеніе вещей, хотя вовсе не новость для людей,
ющихъ Россію и безпристрастныхъ, заслуживаетъ полнаго вни-
ія. Пьянство народа представляетъ явленіе старое. Еще въ концѣ
вѣка знаменитый святой Кириллъ Бѣлозерскій писалъ къ
у великаго князя Андрею Дмитріевичу Можайскому: „Чтобы
мы въ твоей отчинѣ не было: отъ нея великая пагуба душамъ;
тіане пропиваются, а души ихъ гибнутъ"*)... Но такіе пороки,

*) Пьянство несомнѣнно увеличивается во всей Европѣ, причины этого яв-
весьма сложны, изъ мѣръ же, противодѣйствующихъ пьянству, лучшая
ки ограниченіе числа кабаковъ, хотя тѣ ограниченія, которыя сдѣланы
ъ Швеціи, Норвегіи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ и др. странахъ, оцѣ-
тся разными писателями различно: одни находятъ, что они принесли
, другіе, что остались безъ вліянія. Enquête, сдѣланная комиссіей палаты
въ въ 1878 г. выказала плохіе результаты строгихъ законовъ 1872 и
г. въ Англіи; въ Норвичѣ, кабаки свободны и пьяныхъ мало, а въ Ливер-
кабаковъ пропорціонально очень мало, пьянство же страшное. Въ Голлан-
исло кабаковъ сокращено на двѣ трети, но пьянство не уменьшилось въ
ке пропорціи. Статистическое бюро Швейцарской республики, собравъ свѣ-
о пьянствѣ, также высказалось противъ ограничительныхъ мѣръ. Въ
ія приложеніе готеборгской системы не уменьшило числа опившихся; въ
ндіи было уменьшено число винокуренныхъ заводовъ, а въ Даніи умень-

какъ картежная игра, сплошной развратъ между дѣвушками и мно гими замужними женщинами, мотовство, подражаніе въ одеждѣ ще гольскимъ костюмамъ городскихъ классовъ, сильно развившіяс плутни, мошенничество и сутяжничество, явились плодомъ съ од ной стороны болѣе тѣснаго сближенія крестьянъ съ другими сосло віями, а съ другой—предоставленія крестьянскаго сословія совер шенному произволу ихъ собственнаго самоуправленія, въ коем петербургскіе доктринеры видѣли торжество „великихъ принципов 89 года".

Нельзя, конечно, картины, нарисованной г. Титовымъ, обоб щать для всей Россіи, но то обстоятельство, что она представляет явленіе общее цѣлымъ уѣздамъ, а наши уѣзды побольше многих германскихъ государствъ, уже не можетъ не возбуждать ряда тр вожныхъ вопросовъ.

Обрисовавъ рѣзкими чертами упадокъ народной нравственност г. Титовъ пытался указать и на тѣ мѣры, которыми она могла б укрѣпиться въ будущемъ. Онъ не предлагаетъ опеки надъ кр стьянами въ видѣ земскихъ начальниковъ или волостелей. По е мнѣнію, необходимо расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, устро ство ремесленныхъ школъ, сельскихъ выставокъ, ссудо-сберегател ныхъ товариществъ и кассъ, чайныхъ лавочекъ, народныхъ чит ленъ и библіотекъ, улучшеніе персонала народныхъ учителей. Др гими словами, г. Титовъ, какъ земскій дѣятель, держится систе „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись"...

На самомъ же дѣлѣ польза, по крайней мѣрѣ, въ нравстве

шено число заводовъ и дано общинамъ право сокращать число питейныхъ за деній, но пьянство въ обѣихъ странахъ увеличивается; пропорціонально Данія самая пьяная страна въ Европѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ кажд штатъ имѣетъ на этотъ счетъ различные взгляды; замѣчательно, однако, что с тистика тамъ пришла къ неожиданному выводу, будто чѣмъ меньше въ как либо штатѣ (конечно пропорціонально) кабаковъ, тѣмъ больше идіотовъ. Бельгіи и Швейцаріи конгрессы и ученые пришли къ заключенію, что пьянс связано съ бѣдностью населенія и что единственное противъ него средств хорошая пища и хорошее образованіе. Однако, по нашему мнѣнію, нельзя утв ждать, что ограничительные законы не принесли никакой пользы, ибо вовсе извѣстно, какъ быстро развилось бы пьянство безъ существованія этихъ за новъ. Само собою, что нельзя приписывать всю причину пьянства числу пи ныхъ заведеній и на сокращеніи одного этого числа строить планы нравствени возрожденія народа, но кабаки, какъ и дома терпимости и игорныя до должны быть ограничиваемы и строго контролируемы. Замѣчательно еще, чуть только заходитъ рѣчь о свободѣ кабаковъ, будь это въ Россіи или Западѣ, какъ радикалы и жиды трогательно протягиваютъ другъ другу ру

мъ отношеніи для крестьянъ отъ образованія — вопросъ весьма орный. Поэтому едва ли можно радоваться, что для крестьянихъ мальчиковъ побужденіемъ къ посѣщенію школы, явились перь льготы по отправленію воинской повинности для окончивихъ успѣшно курсъ начальной школы. Впрочемъ опасность еще очень велика. Если принять, какъ вычисляютъ иностранные атистики, школьный возрастъ отъ 7 до 14 лѣтъ и что этотъ зрастъ составляетъ 15% населенія, то число учащихся у насъ жно бы простираться до 17 милл., а между тѣмъ въ дѣйствиьности оно менѣе въ 10—12 разъ этого числа. И это слава гу, такъ какъ народные учителя по большей части fruits secs ловнаго сословія. Положеніе ихъ печально. Число учителей и ительницъ, получающихъ годичнаго содержанія менѣе 100 руб., ставляетъ около 25% общаго числа преподающихъ въ народныхъ илищахъ; получающихъ отъ 100 до 200 руб.—около 50%; свыше 0—около 7%. Слѣдовательно, $^3/_4$ изъ общаго числа учителей и ительницъ получаютъ содержаніе, которое не можетъ считаться только удовлетворительнымъ, но скорѣе можетъ назваться нищенимъ, ибо теперь каждый здоровый кузнецъ легко заработываетъ ъ 300 до 400 руб. въ годъ.

Въ виду этихъ данныхъ нельзя не согласиться съ графомъ Толимъ писавшемъ въ своемъ отчетѣ по министерству за 1874 годъ, о „обученіе для большинства учащихся въ нашихъ школахъ (надныхъ) представляется, *по крайней мѣрѣ*, безполезнымъ и уже въ какомъ случаѣ не можетъ вести къ осуществленію той высокой задачи, которая положена въ основаніе нашей школы“...

Разбиравшееся во владимірскомъ окружномъ судѣ дѣло о безпоядкахъ въ началѣ февраля 1885 г. на Никольской мануфактурѣ торищества „Саввы Морозова сынъ и комп.“ уничтожило одинъ изъ едразсудковъ, оставшихся у насъ отъ „добраго“ стараго времени, то фабричнаго сословія въ западномъ смыслѣ въ Россіи не суствуетъ и что наши фабричные, работая часть года на фабрикъ, а часть возвращаясь, „на лоно природы“, то къ своимъ баъ, то къ сельскимъ занятіямъ, представляютъ особое сословіе дей, ничего общаго съ западнымъ пролетаріатомъ не имѣющее. Оказывается, что, вмѣсто идилліи, мы встрѣчаемся съ положиьнымъ фактомъ, что революціонная пропаганда коснулась уже асъ и фабричнаго сословія, а послѣднее формулируетъ буквально тѣ же требованія, что и рабочіе въ Западной Европѣ. Ко-

нечно, все это въ зародышѣ, но разъ есть почва и есть плевел
послѣдніе взойдутъ и распространятся.

Изъ обвинительнаго акта во владимірскомъ процессѣ усматр
валось, что по вечерамъ въ казармахъ морозовскіе рабочіе собир
лись разсуждать о тягостномъ положеніи трудящихся классовъ, ч
имъ при этомъ рабочими же читались статьи по экономическим
вопросамъ, толковалось объ *эксплуатаціи труда* и совѣтывалос
совокупными усиліями добиваться возвышенія заработной плат
Одинъ изъ рабочихъ, не понимая значенія среднихъ статистиче
скихъ цифръ, объяснялъ, что каждый рабочій зарабатываетъ м
хозяина 1,470 или 1,740 руб. Когда губернаторъ потребовалъ от
одного изъ главныхъ зачинщиковъ объясненія, то онъ отвѣтил
„мы передъ *капиталистами* говорить не можемъ“...

Эти поступки, эти слова въ устахъ фабричныхъ, помыслы ко
торыхъ были до сихъ поръ направлены къ тому, чтобы въ свобод
ное отъ занятій время выпить водки и поиграть на гармоникѣ
очень характерны. Конечно, скажутъ, что они случайность, чт
нельзя изъ отдѣльныхъ фразъ дѣлать какіе-либо рѣшительные вы
воды. Но точно то же говорилось, когда извѣстное слѣдствіе сена
тора Жихарева открыло зародыши революціонной пропаганды в
многихъ мѣстностяхъ Россіи въ такихъ слояхъ населенія, которы
до того были, казалось, совсѣмъ беззаботны на счетъ политики и
общественныхъ вопросовъ.

Всѣмъ памятно, какъ встрѣтили жихаревскія разоблаченія. Боль
шинство и, прежде всѣхъ, судебное сословіе, увидѣли въ них
клевету на нашу провинцію, нѣчто въ родѣ выдумокъ наполеонов
скихъ agents provocateurs съ цѣлью отличиться, усмиряя несуще
ствующія волненія и открывая никогда не происходившіе заговоры
Послѣдствія показали, однако, что слѣдствіе Жихарева было тольк
легкимъ приподнятіемъ занавѣса, скрывавшаго многое, происходив
шее внутри Россіи, что тѣ классы общества и тѣ города, которы
привыкли считать богоспасаемыми, выставили изъ себя такихъ дѣя
телей, политическій фанатизмъ которыхъ заставилъ вздрогнуть и
заговорить всю Европу.

Мы, впрочемъ, не думаемъ рѣшать вопроса, насколько безпо
рядки, происходившіе въ той или другой фабрикѣ, служатъ болѣ
или менѣе тревожнымъ симптомомъ въ политическомъ отношеніи
Замѣчательно, однако, что съ каждымъ двадцатилѣтіемъ наше
исторіи, революціонная пропаганда мѣняла въ Россіи объектъ сво
ихъ дѣйствій.

Въ двадцатыхъ годахъ о революціяхъ и конституціяхъ мечтали толковали у насъ только въ высшемъ обществѣ; кн. Волконскіе, убецкіе, графы Чернышевы, Каховскіе и друг. декабристы изъ рдейцевъ и аристократической молодежи разговаривали между бою, преимущественно по-французски, восхищались республикою атона, Брутомъ и Ріего, а спасеніе Россіи видѣли въ подражаніи панскимъ кортесамъ 1812 г.

Въ сороковыхъ годахъ движеніе перешло въ среду помѣщиковъ, ербургскихъ чиновниковъ и литераторовъ. Герценъ, Огаревъ, трашевцы принадлежали къ дворянству и вообще зажиточному ассу населенія. Идеаломъ ихъ былъ Луи Бланъ, вдохновите-ми — французская литература іюльской монархіи. Идеалы свои и искали не въ герояхъ древности, а въ оригинальныхъ фанта-ихъ Фурье и въ романахъ Эженя Сю.

Двадцать лѣтъ спустя, въ шестидесятыхъ годахъ выступаетъ вая формація дѣятелей; дворянскій элементъ въ немъ очень кабъ; разночинцы, семинаристы, мѣщане, получившіе гимназическое и частью высшее образованіе, дѣвицы изъ тѣхъ же сосло-й, „цибулизованные“ евреи — вотъ контингентъ революціонной ятельности, вотъ откуда набирались сотрудники подпольныхъ даній, фабриканты динамита и авторы дерзкихъ покушеній. Люди и отвергали литературу и искусство, потому герои ли древности, рои ли Комитета общественнаго спасенія, для нихъ безразличны, тя анархическія теоріи ихъ несомнѣнно взяты напрокатъ.

Наконецъ, еще черезъ двадцать лѣтъ, броженіе, хотя и мало, оникаетъ въ рабочій классъ, фабричные начинаютъ и въ Россіи лковать объ эксплуатаціи труда капиталомъ... Очень вѣроятно, о черезъ новое двадцатилѣтіе, т. е. примѣрно въ началѣ буду-аго столѣтія, услышатъ о подобныхъ же толкахъ въ средѣ сель-аго населенія. Какъ идеи Маркса и интернаціоналки внѣдряются перь въ среду фабричныхъ, такъ быть можетъ гдѣ-нибудь въ рниговской или Новгородской губерніяхъ, съ распространеніемъ амотности, явятся, пожалуй, отголоски ирландскаго аграрнаго иженія.

Но если до сихъ поръ „хожденіе въ народъ“ приводило только полному разочарованію революціонныхъ дѣятелей, то надобно нать, что и черезъ двадцать лѣтъ всѣ попытки впустить въ огомилліонную массу сельскаго населенія Россіи зародыши анта-изма будутъ неудачны. Масса эта, какъ показываетъ исторія, все не инертна, но совершающіеся въ ней умственные процессы

не поддаются легко наблюденію, а еще менѣе руководству извн
Болѣе вліяетъ на народъ сила нагляднаго примѣра, нежели пр
паганда. Поэтому многія дурныя стороны другихъ классовъ нас
ленія, напримѣръ, щегольство, карточную игру, кляузничест
и т. д. народъ усваиваетъ мало-по-малу, тогда какъ отвлеченны
теоріи остаются ему чужды.

Поэтому за народъ нашъ можно, кажется, быть спокойнымъ
Онъ не измѣнитъ такъ легко своей самобытности, какъ это проб
вали сдѣлать высшіе классы въ прошломъ столѣтіи. Надобно пр
этомъ еще имѣть въ виду, что, распространяясь вглубь, револю
ціонная идея теряетъ у насъ свою силу сверху. Тѣ классы нас
ленія, которые ранѣе другихъ получили возможность съ нею зна
комиться, замѣтно становятся теперь консервативными. Въ настоя
щее время трудно найти между людьми серьезными изъ аристо
кратіи или дворянства такихъ, которые думали бы о республикахъ и
организаціи труда, какъ въ 20-хъ или 40-хъ годахъ. Мало-по-мал
здравый смыслъ возьметъ верхъ и въ главной массѣ средняго со
словія. Уже теперь можно видѣть, что отвлеченная доктрина
безпочвенный радикализмъ все менѣе и менѣе имѣютъ успѣха в
умахъ людей просвѣщенныхъ; они импонируютъ только полуне
вѣждамъ.

Такимъ образомъ, русское общество содержитъ въ себѣ доста
точный коррективъ для угрожающихъ ему болѣзней и какъ бы н
казалась инымъ опасною анархическая пропаганда, разъ она захо
дитъ въ захолустье, въ темную и грубую сферу фабричнаго населе
нія, но можно думать, что эти успѣхи будутъ компенсироваться отре
вленіемъ высшихъ и образованныхъ классовъ.

Вслѣдствіе успѣховъ техники и сокращенія отъ того необходи
маго числа рабочихъ рукъ, наша фабричная и заводская промыш
ленность никогда не жаловалась на недостатокъ послѣднихъ; жа
лобы фабрикантовъ и заводчиковъ не имѣли ничего общаго с
жалобами сельскихъ хозяевъ, для которыхъ вопросъ о регулирова
ніи найма рабочихъ — вопросъ жизненный. Совсѣмъ наоборотъ
вслѣдствіе чрезвычайныхъ колебаній въ фабричной производитель
ности, положеніе фабрично-заводскихъ рабочихъ стало очень не
прочнымъ и зависимымъ, такъ какъ возможность сокращенія зара
ботка, т. е. средствъ къ существованію, всегда виситъ какъ Дамо
кловъ мечъ надъ рабочимъ, особенно въ моментъ продолжительнаг
кризиса.

Были, правда, наивные люди, которые полагали, что надѣломъ

крестьянъ наши низшія сословія такъ обезпечены, что находятся внѣ вліяній какихъ бы то ни было кризисовъ, но непродолжительный опытъ доказалъ, что въ фабрично-заводскихъ мѣстностяхъ надѣлы прокормить населенія не могутъ, они, или скорѣе платежи за нихъ, иногда даже въ тягость крестьянамъ и вопросъ о рабочемъ пролетаріатѣ самъ собою возникаетъ въ Россіи съ увеличеніемъ населенія, съ расширеніемъ промышленности и съ прекращеніемъ прежнихъ патріархальныхъ отношеній, когда заводчикъ, который былъ, по большей части, помѣщикомъ, кормилъ, лечилъ и призрѣвалъ своихъ рабочихъ, взносилъ за нихъ подати, давалъ даровой лѣсъ, покосы и пр., требуя взамѣнъ обязательнаго труда.

Волненія, бывшія на разныхъ фабрикахъ, и особенно во Владимірской губерніи, указали на необходимость заняться и этимъ вопросомъ, пересмотрѣть существующіе законы о наймѣ рабочихъ для фабрикъ и заводовъ и составить новое, болѣе общее законоположеніе, отвѣчающее современнымъ условіямъ. Съ этою цѣлью была образована комиссія подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Плеве, и выработанный ею проектъ обратился въ законъ.

Въ общемъ законъ этотъ включилъ въ себя существовавшія постановленія о наймѣ рабочихъ, но значительно развилъ ихъ и дополнилъ, притомъ почти исключительно въ интересахъ рабочаго сословія. Заботливость о послѣднемъ проглядываетъ въ каждой статьѣ и какъ законодательство создало у насъ мало-по-малу изъ крестьянскаго землевладѣнія привиллегированный видъ собственности, такъ, по новому закону заработокъ фабрично-заводскихъ рабочихъ (salaire), который западные писатели называли „послѣднимъ видоизмѣненіемъ рабства», становится въ извѣстной степени привиллегированнымъ видомъ дохода, неприкосновеннымъ въ извѣстной его части.

Для обезпеченія интересовъ рабочаго сословія учреждена фабричная инспекція и, какъ апелляціонная для послѣдней инстанція—губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія. Вслѣдствіе недостатка денегъ, на первый разъ инспекціи учреждены только въ губерніяхъ московскаго, петербургскаго и владимірскаго фабричныхъ районовъ, хотя не слѣдовало лишать большую часть Россіи ея услугъ. Средствъ же для организаціи подобной инспекціи у Министерства Финансовъ достаточно. Оно, во-первыхъ. могло употребить для этого деньги, ассигнованныя на инспекціи работы малолѣтныхъ, ибо въ двойной инспекціи фабрики не нуждались, затѣмъ главныя средства могли дать давно ожидаемое и всячески тормо-

зимое соединеніе казенныхъ палатъ съ акцизными управленіями сокращеніе хотя на половину числа податныхъ инспекторовъ. Послѣднимъ, какъ оказалось, не много работы и они выдумываютъ себѣ занятія, въ родѣ, напримѣръ, ставленія своихъ штемпелей на всѣхъ выдаваемыхъ торговыхъ документахъ! Уменьшатъ расходы на податныхъ инспекторовъ хотя на треть, средства для организаціи фабричной инспекціи нашлись бы, тѣмъ болѣе, что эти инспекторы могутъ исполнять и обязанности по провѣркѣ подоходнаго обложенія фабрикъ и заводовъ. У насъ есть фабричная инспекція для горныхъ заводовъ и промысловъ и тѣ же инспекторы наблюдаютъ за исправнымъ поступленіемъ горныхъ податей.

Фабричное присутствіе, по нашему мнѣнію, учрежденіе также излишнее, разъ есть губернское правленіе. Достаточно было преобразовать послѣднее. Теперь же столько устроено и еще задумано губернскихъ присутствій и все изъ однихъ и тѣхъ же лицъ (губернаторъ, прокуроръ, предсѣдатель земской управы и т. д.), что послѣднимъ скоро не будетъ хватать дней и часовъ засѣдать въ этихъ присутствіяхъ, даже оставляя свои прямыя обязанности.

Новый проектъ сохранилъ рабочую книжку, но условія найма, которыя рабочему должны быть заранѣе извѣстны и въ книжкѣ прописаны, онъ ставитъ въ зависимость отъ правилъ, утвержденныхъ фабричнымъ инспекторомъ, а въ случаѣ спора фабриканта съ послѣднимъ, фабричнымъ присутствіемъ; равнымъ образомъ инспекторъ же утверждаетъ размѣры штрафовъ и вычетовъ, которые въ общемъ итогѣ не должны, однако, превосходить извѣстной части заработной платы. Послѣдняя не можетъ отвѣтствовать и за другіе долги рабочаго болѣе чѣмъ въ одной трети.

Ни на какія работы, кромѣ означенныхъ въ условіи найма, рабочій употребляемъ быть не можетъ,—статья, которая навѣрное подастъ поводъ къ пререканіямъ, въ виду трудности предусмотрѣть иныя работы. Въ счетъ заработной платы рабочій не можетъ получить ничего, кромѣ наличныхъ денегъ; сроки выдачи послѣдней также регулируются закономъ; затѣмъ рабочій не можетъ быть уволенъ безъ предупрежденія по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли и безъ предупрежденія же за двѣ недѣли фабрикантъ не можетъ ни сокращать числа рабочихъ дней, ни уменьшать числа рабочихъ часовъ и вообще какимъ бы то ни было косвеннымъ путемъ уменьшать заработную плату.

Весьма важно также нововведеніе, состоящее въ томъ, что всѣ штрафы и вычеты съ рабочихъ за прогулы и порчу матеріаловъ

будутъ поступать не въ пользу фабрикантовъ и заводчиковъ, а въ особые въ каждой губерніи благотворительные капиталы. Съ перваго взгляда эта мѣра не совсѣмъ справедлива, ибо отъ прогуловъ и порчи матеріаловъ страдаетъ фабрикантъ, который ничѣмъ не останется вознагражденнымъ за понесенный убытокъ, но такое постановленіе сдѣлано въ виду того, что многіе фабриканты слишкомъ уже злоупотребляли штрафами и помощью послѣднихъ просто сокращали условленную заранѣе заработную плату, случалось, на 40 проц. Это и было главною причиною волненій на фабрикахъ, сопровождавшихся не рѣдко прискорбными насиліями.

Если фабриканты и заводчики въ данномъ случаѣ теряютъ, то интересы ихъ съ лихвою вознаграждаются въ другой статьѣ закона. А именно, хотя рабочіе также не имѣютъ права оставлять работы безъ согласія хозяина, не предупредивъ за двѣ недѣли, но въ томъ случаѣ, когда хозяева за свои отказы подвергаются отвѣтственности гражданской, рабочіе, въ изъятіе изъ общаго порядка, подвергаются отвѣтственности уголовной. Они могутъ быть приговариваемы къ аресту отъ одного до трехъ мѣсяцевъ. Это весьма практическое средство, которое отчасти въ интересахъ и рабочихъ. Само собою, что если оставленіе работы произошло вслѣдствіе стачки и сопровождалось дѣяніемъ, воспрещаемымъ закономъ, то наказаніе усиливается.

Въ частности можно, конечно, сдѣлать къ закону не мало замѣчаній, но въ общемъ онъ представляетъ значительный шагъ впередъ въ нашемъ весьма отсталомъ и неполномъ фабричномъ законодательствѣ. При составленіи закона было принято во вниманіе и мнѣніе представителей нашихъ фабрикантовъ, но подобныя законы никогда нельзя оцѣнить иначе, какъ въ практическомъ примѣненіи; на бумагѣ можно сочинить вещь очень хорошую, которая совсѣмъ потомъ окажется неприложимою въ русской дѣйствительности. Регламентація промышленности въ особенности трудно поддается кабинетнымъ измышленіямъ.

Многое зависитъ и отъ персонала фабричной инспекціи. Главный инспекторъ фабрикъ издалъ объемистый отчетъ, гдѣ цѣлая глава посвящена объясненію, почему фабричная инспекція поручена у насъ не спеціалистамъ этого дѣла, а докторамъ, педагогамъ, адвокатамъ и т. п. диллетантамъ. Очень можетъ быть, что дѣлать такой выборъ вызывалось какими-либо высшими соображеніями, но нѣтъ сомнѣнія, что съ самаго начала примѣненія новаго фабричнаго закона возникли между фабрикантами и инспекціею прере-

канія, которыя, обостряясь все болѣе и болѣе, не пройдутъ безслѣдно на взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ и вообще на ходѣ фабричнаго дѣла. Полемическія статьи въ quasi-радикальныхъ московскихъ газетахъ съ одной стороны, оффиціальныя жалобы на фабричную инспекцію, вслѣдствіе ея дѣйствій несогласныхъ съ закономъ, не приносящихъ никакой пользы рабочимъ, въ защиту которыхъ она выступаетъ—съ другой, породили видъ какой-то борьбы, радующей многихъ. „Наконецъ-то и наши рабочіе дождались своего 19-го февраля"!—восклицалъ членъ фабричнаго присутствія московскаго округа, прокуроръ окружного суда г. Обнинскій, въ „Юридическомъ Вѣстникѣ".

Подобное тенденціозное отношеніе къ фабричному вопросу со стороны крупнаго агента правительства, имѣющаго прямую возможность дѣйствовать въ области фабричной промышленности—чрезвычайно характерно. А такъ какъ голосъ прокурора не является исключительнымъ, а наоборотъ, характеризуетъ собою, къ сожалѣнію, настроеніе большинства дѣятелей фабричной инспекціи, то не мудрено, что дѣйствія инспекціи успѣли уже возбудить крайнее неудовольствіе какъ между фабрикантами, такъ и въ средѣ самихъ рабочихъ и между послѣдними уже были случаи, когда неудовольствіе это выразилось въ острой формѣ.

Нѣтъ, спора, что правительство имѣетъ не только право, но и обязанность регулировать отношенія хозяевъ и рабочихъ. Но между полною свободою и тѣсною регламентаціею — промежутокъ огромный, и у насъ, гдѣ столько лѣтъ на этотъ предметъ не обращалось вниманія, переходъ отъ свободы къ реглатентаціи долженъ дѣлаться съ большою осторожностію и надлежащимъ тактомъ, иначе могутъ получиться результаты нежелательные и прямо даже противуположные ожидаемымъ. Это ужъ было видно на приложеніи закона о работѣ малолѣтнихъ, который благодаря дѣйствіямъ инспекціи, привелъ вмѣсто огражденія участи малолѣтокъ къ поголовному изгнанію ихъ съ множества фабрикъ. Славянская натура по ея врожденной распущенности труднѣе всего подчиняется щепетильной регламентаціи. Поэтому наши инспектора твердо должны помнить, что le mieux est l'ennemi du bien и не спѣшить усердствовать, а тѣмъ болѣе выходя за рамки, указанныя закономъ.

Къ числу кабинетныхъ фантазій относятся, по нашему мнѣнію, и всѣ проекты урегулированія кустарной промышленности. Вопросъ о ней теперь модный, онъ, впрочемъ, сталъ таковымъ очень недавно. Еще лѣтъ двадцать пять назадъ о кустарной промышленности въ

Петербургѣ знали немногіе спеціалисты, а большинство чиновниковъ, особенно изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній, наивно полагало, что кустарною промышленностью иронически называется искусство ходить съ дамами въ кусты.

Открыли въ кустарной промышленности Америку—новый историческій и культурный міръ нѣсколько радикальныхъ публицистовъ. Не будучи вовсе знакомыми съ народнымъ бытомъ, они вообразили въ нашемъ кустарномъ производствѣ зачатки какихъ-то фаланстеровъ, которые при надлежащей организаціи не только убьютъ соперничество „проклятаго капиталистическаго“ производства, но въ будущемъ облагодѣтельствуютъ рабочую массу и въ Россіи, и въ цѣломъ свѣтѣ. До чего доходило невѣжество апостоловъ этой новой экономической революціи, видно изъ того, что они полагали, будто кустарное производство есть спеціальная принадлежность Россіи, а между тѣмъ кустарное производство въ большей или меньшей степени существуетъ во всемъ мірѣ и до сихъ поръ благополучно здравствуетъ даже въ Англіи. Подобное же невѣжественное незнаніе приписало исключительно Россіи мірское владѣніе землею и артели.

Какъ бы то ни было, но агитація въ пользу кустарной промышленности сдѣлала свое дѣло: учредилась по обычаю комиссія, подъ предсѣдательствомъ отставнаго фритредера г. Андреева, начали издаваться на казенный счетъ томы „трудовъ“ (это тоже своего рода кустарное производство петербургскихъ чиновниковъ), а затѣмъ стали поговаривать уже объ учрежденіи какой нибудь канцеляріи съ приличнымъ штатомъ для надлежащаго покровительства кустарной промышленности. Всѣ „краснокожіе“ радуются такимъ замысламъ, прозрѣвая обращеніе уломскихъ кузнецовъ и мстерскихъ богомазовъ въ рабочихъ „національныхъ мастерскихъ“; мы же рѣшительно не видимъ, въ какой формѣ можетъ быть оказано правительствомъ и его органами воздѣйствіе на кустарную промышленность. Чтобы оцѣнить затруднительность правительственнаго вмѣшательства и регламентаціи, надобно только вникнуть въ сущность этого дѣла. О кустарной промышленности существуетъ уже почти литература (изданъ даже ей особый указатель), но изъ всего напечатаннаго никто, кажется, яснѣе и трезвѣе не взглянулъ на вопросъ, какъ В. П. Безобразовъ въ его любопытномъ и, къ сожалѣнію, мало кому извѣстномъ „Отчетѣ о всероссійской художественно-промышленной выставкѣ 1882 года“. Хотя воззрѣнія плодовитаго экономиста и искуснаго гастронома (извѣстные „экономическіе

обѣды" у Донона есть торжество его свѣдѣній въ обѣихъ отрасляхъ знанія) по части политической экономіи, застывшія на формулахъ 30-хъ годовъ, считаются иными младенческими, но вѣдь и устами младенцевъ гласитъ иногда истина. А въ данномъ случаѣ г. Безобразовъ, изучившій кустарную промышленность въ Россіи не на обѣдахъ, а на дѣлѣ, вполнѣ правъ.

По мнѣнію почтеннаго академика, сущность кустарнаго промышленнаго занятія заключается въ томъ, что оно не есть систематически устроенное съ коммерческою цѣлью промышленное предпріятіе, а есть не что иное какъ обычай, обрядъ, навыкъ жизни, съ которымъ неразрывно живетъ производитель, какъ со всякимъ другимъ обычаемъ, безсознательно ему прирожденнымъ. Такъ или иначе зачавшись, кустарное производство срастается съ народною жизнью, дѣлается въ ней самобытнымъ, невольнымъ занятіемъ, которое не придумано и не предпринято производителемъ, какъ нужное, выгодное ему занятіе. Онъ можетъ разлучиться съ нимъ, какъ можетъ разлучиться со всякимъ обычаемъ, но только при величайшихъ нравственныхъ усиліяхъ и жертвахъ, можетъ и продолжать это занятіе всю свою жизнь, и обучать ему дѣтей и внуковъ, хотя бы, съ перемѣною экономическихъ обстоятельствъ и условій времени, оно его разоряло и онъ бы отъ него хозяйственно погибалъ со всѣмъ своимъ потомствомъ.

Отсюда самый отличительный наружный признакъ кустарничества: оно связано исторически съ самымъ бытомъ народа и, подобно всѣмъ народнымъ обычаямъ и нравамъ, распространяется въ населеніяхъ эпидемически, какъ всякая психическая, племенная наклонность отъ одного къ другому и въ пространствѣ (по сосѣдству, въ географическихъ районахъ) и во времени (по наслѣдству и преданію). Оно распространяется своею стихійною силою, вопреки всякимъ противоположнымъ экономическимъ условіямъ даннаго производства,—распространяется, напримѣръ, когда всѣ промышленныя обстоятельства сдѣлались крайне для него невыгодны.

Черезъ усиленное предложеніе товара, кустарное производство сбиваетъ цѣны, тогда какъ спросъ на товаръ и безъ того сократился, когда сырые матеріалы вздорожали, когда конкурренція другихъ, болѣе дешевыхъ и болѣе доброкачественныхъ (напр. фабричныхъ и машинныхъ) издѣлій угнетаетъ это производство. Совсѣмъ напротивъ случается, что кустарное производство сокращается и даже исчезаетъ, вопреки всякимъ промышленнымъ разсчетамъ, когда спросъ на его произведенія возникаетъ вновь или усиливается. На-

примѣръ, такимъ образомъ стало у насъ вымирать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кружевное дѣло, когда вкусъ публики русской и иностранной къ нашимъ кружевамъ оживился, и Министерство Финансовъ должно было уже искусственно снова водворять привычку къ этому занятію.

„Кустарь, весьма мѣтко говоритъ г-нъ Безобразовъ, производитъ какъ можетъ и сколько можетъ, и такъ же сбываетъ свои издѣлія сколько можетъ и какъ можетъ, не справляясь ни съ какими коммерческими обстоятельствами своего товара, потому что онъ не можетъ не производить и не сбывать, каковы бы ни были окружающія его условія рынка, такъ же какъ не можетъ, напр., не перекрестясь сѣсть за столъ и встать изъ-за стола“.

Указанная сущность кустарнаго производства объясняетъ трудность всякаго посторонняго личнаго на него вліянія изъ другой умственной сферы частной, земской, правительственной, хотя бы при самой добросовѣстной и полезной цѣли, и тугость, съ которою оно поддается всякимъ постороннимъ дѣйствіямъ, даже при сознаніи въ средѣ кустарныхъ производителей нужды въ предлагаемыхъ имъ перемѣнахъ въ ходѣ ихъ занятій. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ кустарной промышленности происходили у насъ весьма коренныя измѣненія, но они всегда выходили отъ людей, выросшихъ въ ея нрѣ, практически въ немъ дѣйствовавшихъ и жившихъ, а не явившихся налетомъ извнѣ.

Можно себѣ представить, что выйдетъ, когда реформами подобныхъ чисто стихійныхъ явленій займутся чиновники! Насколько теорія безсильна здѣсь помочь дѣйствительности, доказывается хотя двумя явленіями. Кустари наиболѣе, какъ извѣстно, нуждаются въ дешевомъ сыромъ матеріалѣ для своихъ работъ и въ дешевомъ кредитѣ, который ставилъ бы ихъ въ независимость отъ кулаковъ скупщиковъ. Чего бы, казалось, проще устроить для кустарей склады различныхъ имъ потребныхъ матеріаловъ и затѣмъ завести такія кредитныя учрежденія, которыя давали бы кустарямъ небольшія ссуды подъ круговую поруку на льготныхъ условіяхъ. Но это просто только кажется съ виду, на бумагѣ, а если бы администрація подобныя вещи дѣйствительно завела, то кустарямъ не было бы нисколько легче, а казна или земство, которыя бы это устроили, понесли огромные убытки.

Дѣло въ томъ, что какіе бы склады ни устраивать, съ какимъ бы малымъ накладнымъ процентомъ изъ него кустарямъ матеріалы ни отпускать, они всетаки обойдутся дороже той ломи и того

брака, которые кустари пріобрѣтаютъ для себя, а главное знаютъ, гдѣ пріобрѣсти. Нуженъ кустарямъ горючій матеріалъ, казна можетъ сколько угодно понижать лѣсныя пошлины, топливо обойдется кустарю изъ казенныхъ дачъ дороже, чѣмъ если онъ пріобрѣтетъ его изъ похищеннаго казеннаго или помѣщичьяго лѣса, или изъ лѣса, срубленнаго на лѣсномъ надѣлѣ государственныхъ крестьянъ, безъ всякаго разсчета о лѣсномъ хозяйствѣ. Затѣмъ никакой идеальный кредитъ не сравнится съ кредитомъ для кустаря того кулака, который его въ сущности эксплоатируетъ, потому что кулакъ, давая деньги, беретъ въ уплату товаръ, рискъ продажи коего оставляетъ за собою и затѣмъ знаетъ гдѣ этотъ товаръ сбыть. Чиновники же, раздавъ кустарямъ деньги, и получивъ въ обезпеченіе гвозди, замки, ведра, полушубки, съ этими гвоздями и ведрами такъ на рукахъ и останутся.

То же замѣчаніе можетъ касаться и улучшенія технической стороны дѣла въ кустарномъ производствѣ. Очень грустно, конечно, что кустари, очень искусные по своему, лишены нерѣдко элементарныхъ даже техническихъ познаній, техническая рутина, истекающая изъ сущности кустарнаго производства, должна, однако, оставаться его неотъемлемою принадлежностью. Разъ же на казенный или земскій счетъ начнутъ распространять въ средѣ кустарей усовершенствованные технические процессы, то съ одной стороны убьютъ и разорятъ остальное кустарное населеніе, незнакомое съ этими процессами, но занимающееся тѣмъ же производствомъ, съ другой — заставятъ очень быстро кустарей перейдти въ ненавистное радикальнымъ писателямъ и чиновникамъ капиталистическое производство. И въ настоящее время можно указать въ Россіи не мало отраслей кустарнаго производства, которыя перешли въ фабрично-заводское, предпринимательское производство безъ всякаго посторонняго вліянія, одною силою вещей.

Сравнивая цифры г. Орлова*) съ прежними оффиціальными отчетами, видно, что, благодаря покровительственному тарифу, дѣйствующему въ Россіи непрерывно съ 1822 года, наша промышленная производительность ростетъ очень быстро, и фраза, что „Россія есть земледѣльческое государство“, давно отошла въ область преданій. Прибавляя, Азіятскую Россію и горное дѣло, окажется, что при постоянной фабричной работѣ около милліона людей по-

*) *П. А. Орловъ.* Указатель фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ Царствомъ Польскимъ и Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ.

учается продуктовъ почти на полтора милліарда рублей въ годъ. юда не входятъ еще ни ремесленное, ни кустарное производства. олтора милліарда—цифра внушительная!

Двадцать лѣтъ назадъ общій итогъ фабрично-заводской произ-одительности Россіи не достигалъ и половины этой цифры. Въ йствительности она была еще большая, если принять въ расчетъ эффиціентъ вранья, такъ какъ невѣрность показаній фабрикан-овъ направлена во всѣхъ случаяхъ въ одну и ту же сторону, а менно—къ уменьшенію размѣровъ производства. У насъ есть уже абрики приготовляющія издѣлій на 15 милл. рублей въ годъ.

Созданіе подобныхъ центровъ можетъ быть оплакиваемо защит-иками кустарной промышленности на артельныхъ началахъ; но о экономическій фактъ, съ которымъ нельзя не считаться. Чтобы риготовить продуктовъ на 15 мил. руб., надобно двѣ губерніи ку-тарей, здѣсь же тотъ же результатъ получается трудами 2—3,000 еловѣкъ. Сбереженіе физическихъ усилій, времени и капитала не-мнѣнное. Конечно, быстрый ростъ крупнаго промышленнаго про-зводства непремѣнно создастъ у насъ тѣ же соціальные недуги, го и на Западѣ, но сознаніе этого не можетъ остановить явленія, ѣкъ сказать, стихійнаго. Поэтому намъ слѣдуетъ не мечтать о озможности вернуться къ періоду мелкой промышленности, а, на-ротивъ, думать, какъ воспользоваться уроками Западной Европы, редотвратить по возможности вредныя послѣдствія капиталистиче-каго производства.

ГЛАВА XIV.

Сепаратизмъ и инородцы.

Украйнофильство.—Польскія иллюзіи.—Роль нѣмцевъ въ Россіи.—Прибалтійскій край и Дерптскій университетъ.—Иностранцы.—Армяне.—Туркестанъ.

Россія болѣе двухсотъ лѣтъ ведетъ завоевательную политику, неудивительно, что вопросъ о сепаратизмѣ нѣкоторыхъ не совсѣмъ еще плотно сплотившихся частей Имперіи и объ инородцахъ весьма важенъ. Ему одному слѣдовало бы посвятить не главу, а цѣлую книгу, да и въ книгѣ не исчерпать всего обширнаго вопроса.

О ненормальномъ положеніи Финляндіи, созданномъ милостью Александра I, мы говорили. Достаточно сказать что шведской культурѣ была отдана земля, гдѣ еще въ XIV столѣтіи была учреждена православная корельская епархія. Изъ другихъ присоединеній Россіи Малороссія считалась самымъ прочнымъ, пока такъ называемые украинофилы (созданіе нашей же дурной школы) не подняли вновь вопроса объ этомъ соединеніи.

8-го января 1654 г., послѣ продолжительныхъ переговоровъ, гдѣ всегда осторожное московское правительство высказывало гораздо менѣе охоты принимать въ свое подданство казаковъ, нежели казаки показали стремленія подчиниться Москвѣ, торжественно и добровольно свершился актъ соединенія Малороссіи съ Великороссіей, увѣковѣченный теперь прекраснымъ памятникомъ, воздвигнутымъ въ Кіевѣ. Невольно представляется вопросъ: измѣнилось ли положеніе вещей, которое двѣсти тридцать пять лѣтъ назадъ значительную часть малорусскаго племени заставило искать спасенія въ тѣсномъ сближеніи съ государствомъ московскимъ? Затѣмъ проиграла или выиграла та землица, что могла

ваться тогда полунезависимой Малороссіей — готовая впрочемъ
аться съ отчаянія татарскому хану—отъ соединенія съ Велико-
сіей и, наконецъ, жива ли еще идея Богдана Хмельницкаго,
ъ политическая сила?

За двѣсти лѣтъ Польша утратила свою независимость и военно-
стократическая республика, державшая въ своихъ рукахъ мил-
ны русскаго и литовскаго народа, перешла въ область исторіи,
далеко польщизна и іезуитскій духъ не утратили своего зна-
ія и еще въ 1863 г. серьезно подымался вопросъ о пожертво-
ін для нихъ значительной части Западной Россіи. Мы не го-
имъ уже о малороссахъ Захолмской Руси, которые и до сихъ
ъ оффиціально включены въ Царство Польское и пользуются
всякаго съ ихъ стороны желанія тѣми остатками старо-поль-
й государственности, которые сберегаются еще въ губерніяхъ
вислянскихъ.

Но если и считать Польшу окончательно исключенною изъ
итическихъ факторовъ, которые могутъ передѣлывать карту
дней Европы, то и въ такомъ случаѣ raison d'être сліянія Руси
ной и сѣверной нисколько не потеряло своего значенія. Самая
ьша и составная часть ея, Литва, при посредствѣ которой ма-
оссы и попали въ подданство поляковъ, собралась во-едино и
ѣпилась, какъ военное орудіе противъ напора германцевъ, на-
шихъ съ X и XI вѣка быстро распространяться на Востокъ.
итическія обстоятельства, въ особенности религіозныя смуты,
били одно время давленіе германскаго племени, но во второй
овинѣ XIX столѣтія мы явились свидѣтелями новаго разцвѣта
ецкихъ силъ. Германія заняла такое прочное и могущественное
оженіе въ серединѣ Европы, имѣетъ такой избытокъ свобод-
ъ рукъ, что никакое второстепенное славянское государство не
жится противъ нея, какъ не удержались въ свое время про-
ъ напора нѣмцевъ западныя славянскія монархіи. Короче го-
, малороссы, какъ и поляки, если желаютъ сохранить свою
янскую физіономію, если не хотятъ, чтобы ихъ постигла при-
бная участь славянъ полабскихъ и прибалтійскихъ, совер-
но онѣмеченныхъ, то имъ ничего не остается, какъ и впредь
ко держаться „царя восточнаго, православнаго". Таковъ роковой
ъ исторіи, и малѣйшая рознь будетъ гибельна для отщепен-
ъ.

Вопросъ о выгодахъ и потеряхъ малороссійскаго племени отъ
иненія съ Москвою — вопросъ весьма деликатный и сложный.

Вырывая отдѣльные факты можно, конечно, всегда доказывать, ч
та или другая часть государства въ данную минуту играетъ ро
пріемыша въ семьѣ; мы ежедневно читаемъ, напримѣръ, жало
окраинъ, что ихъ забываютъ въ Петербургѣ, а рядомъ такія
жалобы, что у насъ слишкомъ много хлопочутъ объ окраинахъ,
не видятъ того, что творится въ двухъ шагахъ отъ столицы. Н
сомнѣнно, что и по отношенію къ Малороссіи можно, держась
добной системы, наговорить не мало жалкихъ словъ. „Украин
филы" занимались этимъ съ усердіемъ и все, что, напримѣръ, п
сано было о введеніи Екатериною II въ Малороссіи крѣпостно
права не лишено основанія.

Но въ исторіи народа за двѣсти лѣтъ надобно брать не отдѣ
ныя явленія, а общія черты и смотрѣть на окончательные резу
таты. По ходу исторіи самостоятельнымъ малороссійское пле
быть не могло и даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно имѣло quasi-са
бытность, высшіе классы его немедленно измѣняли народу и т
нули къ Литвѣ, Польшѣ и Турціи; думать поэтому, что малоросс
ское племя создало бы какую-то новую цивилизацію, явилось
замѣтнымъ культурнымъ элементомъ въ ряду европейскихъ на
довъ, значитъ фантазировать. Въ реальномъ же отношеніи не
жетъ быть никакого сомнѣнія, что малороссійскій народъ выигр
отъ сліянія съ Москвою.

Россія освободила огромную массу малороссовъ отъ рабства
бывшихъ польскихъ воеводствахъ юго-западной Росссіи, затѣ
своими побѣдами надъ турками и татарами Россія не только ус
коила навсегда бывшую Украйну отъ военныхъ тревогъ, но
открыла для малороссовъ огромную новую область: Новороссійс
край и Кавказъ сѣверный и сѣверо-западный колонизиров
главнымъ образомъ малороссами. Въ экономическомъ отноше
земледѣльческая Малороссія очень выиграла отъ тѣсной св
съ промышленною и торговою Великороссіей. Это прекрасно р
яснено въ замѣчательной книгѣ Ивана Аксакова объ укра
скихъ ярмаркахъ. Насколько возможно, Россія поддерживал
самостоятельную промышленность Малороссіи, напримѣръ, свек
сахарную. Въ культурномъ отношеніи Малороссія также не
играла. Три университета устроены среди территоріи, населен
малороссами, и столько же ихъ для всей остальной Россіи, не
тая Царства Польскаго и Прибалтійскаго края. Гоголь, коне
пріобрѣлъ крупное значеніе и даже европейскую извѣстность,
тому, что сталъ писателемъ русскимъ, а не мѣстнымъ. Множе

другихъ писателей и ученыхъ малороссійскаго происхожденія съ честью подвизались въ русской литературѣ и наукѣ и принесли этимъ попутно не малую пользу своей родинѣ. Церковь наша всегда имѣла множество высшихъ представителей малороссійскаго происхожденія. Въ XVIII вѣкѣ, благодаря вліянію придворныхъ духовниковъ, малороссы имѣли даже почти монополію занятія высшихъ духовныхъ должностей, монополію, которой завидовало прочее русское духовенство. На гражданскомъ поприщѣ множество малороссовъ достигло самаго высокаго оффиціальнаго положенія: Безбородки, Кочубеи, Разумовскіе, Трощинскіе, Паскевичи, Дурново, Вронченки, Завадовскіе и т. д., и т. д. занимали первостепенные посты. Въ гражданской службѣ огромное число чиновниковъ—изъ малороссовъ, и они также временами монополизировали свое положеніе. Въ арміи нашей число унтеръ-офицеровъ изъ „хохловъ“ всегда, пропорціонально, болѣе числа представителей другихъ населяющихъ Россію племенъ.

Конечно, малороссы обязаны этимъ положеніемъ своимъ природнымъ способностямъ: серьезности своего характера, настойчивости, соединенной съ тонкостью ума, добродушію съ оттѣнкомъ юмора, храбрости на войнѣ, но это показываетъ, что никакихъ причинъ они жаловаться не имѣютъ и что желаніе переяславльской рады быть „все едино“ вполнѣ осуществилось: никакой разницы въ правахъ для малороссовъ въ обще-русской семьѣ нѣтъ. Напротивъ, въ гражданскихъ законахъ сохранены даже для жителей бывшей Малороссіи Хмельницкаго нѣкоторыя особенности и привиллегіи, весьма, впрочемъ, незначительныя.

На послѣдній изъ поставленныхъ нами вопросовъ — отвѣтъ также нетруденъ. До сихъ поръ три милліона малороссовъ, населяющіе Червонную Русь, оторваны отъ общаго отечества и лишены даже своего имени, чтобы носить какія-то фантастическія клички рутеновъ или руссиновъ. Эта интересная часть малорусскаго народа ждетъ еще своего Богдана Хмельницкаго и своего Быговскаго; заря освобожденія ея не занималась, а до того она принуждена отстаивать самобытность и православную вѣру отъ дружнаго напора культуры нѣмецкой и польско-іезуитской. И полудикіе мадьяры, и молдаване, и тѣ имѣютъ претензію—часть прикарпатскихъ малороссовъ уловить въ нѣдра своей фантастической цивилизаціи. Правда, на этой отрасли малороссійскаго народа, подъ видомъ интеллигенціи, образовался уже легкій налетъ измѣнниковъ славянству, но такое явленіе не ново; на него указывалъ уже

Самаринъ въ своемъ отвѣтѣ Кулишу въ то время, когда послѣдній еще былъ столпомъ украинофильства. Волна событій смоетъ эту легкую пѣну и сознаніе благъ единенія славяно-русскихъ племенъ переживетъ вѣка.

Гораздо сложнѣе и затруднительнѣе для разрѣшенія вопросъ польскій. Если есть люди, къ которымъ всецѣло прилагается изрѣченіе Наполеона о тѣхъ, которые „ничего не забыли и ничему не научились“, то это именно поляки. Ничего откровенно-циничнѣе по этой части трудно найти, чтобы приближалось къ открытому письму маркиза Велепольскаго къ редактору „Московскихъ Вѣдомостей“, напечатанному, подъ видомъ защиты польскаго народа, въ потворствѣ злодѣянію 1-го марта.

Свои „права“ на торжественное обращеніе къ русской публикѣ маркизъ Велепольскій основывалъ на покушеніяхъ, которымъ подвергался его отецъ. Это упоминаніе о человѣкѣ, котораго близорукая двуличная политика принесла Россіи и Польшѣ неисчислимыя бѣдствія, мы считаемъ совершенно неумѣстнымъ. Польскіе революціонеры въ своемъ бѣшеномъ отчаяніи покушались одинаково и на тѣхъ, которые въ сущности дѣйствовали имъ въ руку (таковые, къ несчастью, были и между русскими администраторами), и на тѣхъ, которые мѣшали ихъ кознямъ. Что же это доказываетъ кромѣ легкомыслія, свойственнаго полякамъ?

Русское общественное мнѣніе и русская исторія давно разобрали правыхъ отъ виноватыхъ; когда нибудь и польская исторія оцѣнитъ, кто принесъ болѣе вреда Польшѣ; тѣ, кто, подвергая свою жизнь опасности, лѣзли на висѣлицу, или же тѣ, кто съ доктринерскимъ іезуитизмомъ подготовляли порядокъ вещей, не дававшій другого выхода, кромѣ рѣзни и казней. Такимъ образомъ маркизу Велепольскому именно изъ уваженія къ памяти его отца одного изъ главныхъ виновниковъ возстанія, менѣе чѣмъ кому либо приличествовало говорить о прискорбныхъ событіяхъ начала 60-хъ годовъ. Посмотримъ, однако, насколько умудрили маркиза типичнаго представителя поляковъ, эти событія.

Начать съ того, что авторъ письма спѣшилъ доказывать, будто возстаніе 1863 года было дѣломъ только кружка революціонеровъ отчасти международныхъ, а по преимуществу воспитанныхъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ! Это увѣреніе возмутило даже полякій патріотизмъ газеты, напечатавшей письмо маркиза Велепольскаго, и она на другой день замѣтила, что въ возстаніи участвовала „масса польскаго населенія“, вѣрнѣе бы слѣдовало сказать

масса шляхты и городскаго населенія, т. е. той же шляхты, духовенства, ремесленниковъ и евреевъ.

Обвинять русскія школы въ подготовленіи къ возстанію 1863 г. не совсѣмъ основательно. Правда, большинство крупныхъ революціонныхъ дѣятелей вышло изъ брестскаго корпуса и изъ университетовъ (петербургскаго, кіевскаго и московскаго), но первый былъ почти исключительно наполненъ дѣтьми польской шляхты, а въ послѣднихъ польскіе студенты всегда составляли совершенно особые кружки и корпораціи, недоступные для русскихъ, кружки, жившіе въ отдѣльномъ мірѣ понятій и мечтаній. Очень можетъ быть, что въ эти кружки улавливались и болѣе слабоумные изъ русской молодежи, но несомнѣнно, что взаимно русское вліяніе на польскіе кружки было совершенно ничтожно.

Между тѣмъ, маркизъ Велепольскій дѣлаетъ смѣлое заключеніе. что „винить однихъ поляковъ за 1863 годъ было бы и несправедливо и невѣрно". Но если бы и допустять противное, то, спрашиваетъ маркизъ: „прилично-ли побѣдителю истязать такимъ образомъ морально и издѣваться надъ побѣжденными? Въ правѣ ли владыка жаловаться на невольника за ту дешевую отраву, которую ему, будто бы, преподносилъ сей послѣдній?"... „Не мое, конечно, дѣло, продолжаетъ маркизъ, разсуждать, не кроется ли въ существѣ отношеній, основанныхъ на рабствѣ, зло — одинаково убійственное и для господина, и для раба; но имѣю основаніе утверждать, что если бы позднее потомство стало возсоздавать исторію XIX вѣка, то оно бы вывело, конечно, то заключеніе, что поляки должно быть сильно угнетали русскихъ, коль скоро сіи послѣдніе питаютъ къ нимъ такую страшную ненависть".

Оставляя въ сторонѣ фразы о „рабствѣ" поляковъ и положеніи ихъ схожемъ съ положеніемъ „невольниковъ", не помѣшавшемъ однако—замѣтимъ въ скобахъ—автору письма безъ труда дослужиться до чина тайнаго совѣтника и до высокихъ должностей и придворныхъ званій въ той же Россіи, нельзя не подивиться наивности вопроса объ угнетеніи русскихъ поляками. Да что же такое вся польская исторія, съ XVI вѣка до освобожденія крестьянъ во второй половинѣ XIX вѣка, какъ не исторія угнетенія польскимъ панствомъ съ его западными культурой и религіей русскаго мужества, его культуры и его религіи? Неужели распаденіе Польши объясняется только интригами Россіи, или какъ презрительно называлъ маркизъ „великаго княжества московскаго?" Даже польскіе историки не фальсифицируютъ уже подобнымъ образомъ

своей исторіи и откровенно сознаются въ грѣхахъ своихъ предковъ противъ казаковъ, низшихъ сословій и православной вѣры.

Дѣло еще не въ оцѣнкѣ польской исторіи вообще и исторіи возстанія 1863 г. въ частности. Авторъ письма, подъ видомъ разбора дальнѣйшей русской политики въ Польшѣ, пояснялъ, что желать этой политики значитъ жаждать новаго кровопролитія, новыхъ конфискацій, новой наживы русскимъ чиновникамъ и жалѣть даже этой доли земли, той доли воздуха, которыя все-таки остались за поляками. И послѣ такого недобросовѣстнаго упрека реформамъ 1864—66 годовъ, понимать и оцѣнить которыя начинаютъ уже и иностранцы, маркизъ Велепольскій заявлялъ, что его путь прямой и что въ средѣ русскаго народа непремѣнно найдутся люди благонамѣренные, которые подадутъ ему руку и съ которыми онъ и его единомышленники сойдутся въ идеѣ общаго блага!

Да, это путь прямой... къ новому возстанію. Само собою, что маркизъ Велепольскій и его товарищи не думаютъ о революціяхъ, даже вѣроятно проклинаютъ ихъ въ душѣ, но иллюзіи, возбуждаемыя подобными рѣчами въ шаткой польской интеллигенціи логическимъ послѣдствіемъ имѣли до сихъ поръ возстанія. Трудно примирить и успокоить человѣка доказывая ему, что онъ находится въ тягостномъ рабствѣ и горькой неволѣ.

Есть, однако, несомнѣнные признаки, что и въ средѣ польскаго общества, подъ впечатлѣніемъ грубой германской политики, подъ вліяніемъ систематическаго русскаго воспитанія и въ виду явной выгодности для поляковъ отъ соединенія съ Россіей въ экономическомъ отношеніи, явилась уже по отношенію къ намъ реакція. Въ былое время ни одинъ журналистъ не смѣлъ произнести имя Россіи, теперь явилась возможность въ самой Варшавѣ создаться органу, проповѣдывавшему если не соединеніе, то сближеніе съ Россіей. Служба въ Россіи, артистическая карьера въ Россіи представляется для поляковъ чѣмъ-то нормальнымъ и желательнымъ. Сами русскіе встрѣчаютъ въ Варшавѣ другой пріемъ, чѣмъ прежде. Но не смотря на успокоительные признаки, въ общемъ русскіе и поляки не перестаютъ еще находиться другъ къ другу въ положеніи воюющихъ сторонъ, если не во всей массѣ, то по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нѣкоторымъ сословіямъ. На нашу бѣду эта война поддерживается близорукой и коварной политикой Австро-Венгріи, которая изъ Галиціи, гдѣ три пятыхъ населенія русскаго создала очагъ польскихъ притязаній.

Связь съ Галиціей сильнѣе всего у крупнаго дворянства, к

торое, съ его многочисленными прихлебателями, наиболѣе, конечно, недовольно существующимъ порядкомъ вещей. Политически роль шляхты и магнатовъ сведена впрочемъ къ нулю и въ общественной жизни участіе ихъ слабое. Единственно, въ чемъ проявляется существованіе польской аристократіи въ общерусской жизни, то это въ участіи на скачкахъ. Послѣ помѣщиковъ, въ числѣ элементовъ, наиболѣе враждебныхъ Россіи, надобно считать извѣстную долю польской интеллигенціи: журналистовъ, литераторовъ, художниковъ и часть той арміи „эмеритовъ"—отставныхъ чиновниковъ, которая осталась отъ бывшихъ варшавскихъ правительственныхъ комиссій, т. е. министерствъ.

Затѣмъ намъ остается, конечно, очень враждебнымъ католическое духовенство. Оно имѣетъ огромное вліяніе черезъ женщинъ и всегда отличалось фанатизмомъ и узкостью воззрѣній. Послѣ новаго соглашенія съ папою и замѣщенія вакантныхъ епископскихъ каѳедръ, оно сильно подняло голову. А что администрація дѣйствуетъ не довольно настойчиво и послѣдовательно, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что законъ, столь ясный и категорическій, о закрытіи монастырей въ Царствѣ Польскомъ до сихъ поръ окончательно не приведенъ въ исполненіе. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1884 г. помѣщены любопытныя свѣдѣнія о тайной католической пропагандѣ, чрезвычайно дѣятельно ведущейся въ нашей западной окраинѣ, съ цѣлью поддержать остатки польскаго вліянія.

Буржуазія, сословіе почти отсутствовавшее въ старинной Польшѣ, быстро развивается въ Царствѣ Польскомъ подъ вліяніемъ индустріализма, притягивая къ себѣ элементы изъ другихъ сословій, а также ассимилируя въ польскую культуру евреевъ и нѣмцевъ. Среднее сословіе — наиболѣе вліятельный теперь, быть можетъ, политическій элементъ въ краѣ, во всякомъ случаѣ онъ будетъ такимъ—не сегодня, завтра. Въ немъ-то, по нашему мнѣнію, и гнѣздится центръ тяжести для созданія modus vivendi, который, рано или поздно, долженъ непремѣнно установиться въ нашихъ отношеніяхъ къ полякамъ, или, вѣрнѣе, въ ихъ отношеніяхъ къ намъ.

Этому среднему сословію положительно выгодно соединеніе съ Россіей и, наоборотъ, автономія Царства Польскаго, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, напримѣръ, въ Финляндіи, была бы крайне разорительною. Интересы, связывающіе это сословіе съ Россіей, различны. Прежде всего Царство Польское сдѣлалось фабрично-заводскимъ райономъ, который не можетъ жить безъ обширнаго

рынка, какъ Россія; русскіе продукты на польскіе рынки являются мало, польскіе же широко распространяются по Россіи. Затѣмъ Россія служитъ поприщемъ для службы и наживы людямъ изъ польскаго средняго сословія. При развитіи образованія, они на своей маленькой территоріи задохлись бы отъ конкуренціи. Взвѣсивъ это, можно думать, что въ средѣ польскаго средняго сословія, если существуетъ ненависть къ Россіи, то болѣе на словахъ, по привычкѣ и модѣ. Въ душѣ представители этого сословія начинаютъ сознавать, что настоящее положеніе вещей для нихъ самое выгодное и что не надобно его разрушать во имя смутныхъ фантазій.

Крестьянство считается важнѣйшимъ оплотомъ русскаго вліянія въ Царствѣ Польскомъ и для пріобрѣтенія его расположенія приняты были энергическія мѣры. Петербургскіе канцелярскіе демократы смотрѣли на Царство, какъ на чистое поле, и реформу провели прямо въ пользу крестьянъ. Крестьянская земля въ Царствѣ Польскомъ неприкосновенна, какъ вакуфы въ мусульманскихъ странахъ; наоборотъ, сервитуты въ пользу крестьянъ тщательно сохранены и изъ обычая обращены, гдѣ возможно, въ фактическое право. Можно ли считать, однако, крестьянъ окончательно пріобрѣтенными въ нашу пользу? На это существуютъ разныя воззрѣнія. Одни находятъ, что и здѣсь иллюзіями не слѣдуетъ увлекаться. Реформа совершилась двадцать лѣтъ назадъ, старики-свидѣтели прежнихъ тягостей вымираютъ, а новое поколѣніе крестьянъ выросло уже въ томъ представленіи, что оно какъ бы всегда пользовалось настоящимъ благополучіемъ и естественно не находитъ своего положенія ужъ очень розовымъ, а желаетъ лучшаго.

Оптимисты на это возражаютъ, что мнѣнія крестьянской массы никто знать не можетъ, хотя она всегда была въ Польшѣ спокойнѣе и консервативнѣе, чѣмъ шляхта. Зѣвать, впрочемъ не нужно, ибо, вслѣдствіе всеобщей воинской повинности, въ средѣ сельскаго сословія имѣется тысячъ сто обученныхъ военному ремеслу людей, т. е. такой контингентъ для національной арміи, котораго никогда не имѣли прежнія возстанія.

„Благодаря газетамъ, говоритъ графъ П. А. Валуевъ въ своемъ романѣ „Лоринъ“, всякая желчь теперь можетъ дѣлаться чернилами“. Какъ бы въ подтвержденіе этого афоризма, какой-то „остзейскій баронъ“, желчь котораго была возбуждена парижскою рѣчью Скобелева о нѣмцахъ въ Россіи, обратилъ эту желчь въ чернила, при помощи которыхъ написалъ въ „Голосѣ“ длинный фельетонъ

съ цѣлью доказать, что „ненависть русскихъ къ нѣмцамъ есть искусственное произведеніе славянофильскихъ теоретиковъ“ и что „ненависть эта—дѣланная, воображаемая и относится къ нѣмцу отвлеченному, фиктивному. Ненависть дѣланная и незаслуженная, потому что нѣмцы дурного вліянія на Россію не имѣли“. Напротивъ, во всѣхъ-де сферахъ нѣмцы оказали будто бы великія услуги Россіи.

Если же обвиненія противъ нѣмцевъ повторяются и все больше и больше укрѣпляются въ общественномъ сознаніи, то это имѣетъ, по мнѣнію г. барона, всѣ характерные признаки миѳа. „Подобно всѣмъ миѳамъ, и этотъ миѳъ имѣетъ историческое зерно или начало; въ этомъ случаѣ зерномъ служитъ деспотизмъ Бирона. Имя этого свирѣпаго временщика приводится постоянно съ явною тенденціозностью, какъ типичный образчикъ нѣмца, захватившаго власть въ Россіи, тогда какъ память его особенно ненавистна именно русскимъ нѣмцамъ, которыхъ онъ опозорилъ. Впрочемъ, прибавляетъ г. баронъ, свергнулъ его другой нѣмецъ, Минихъ. Наконецъ, это—„дѣла давно минувшихъ дней“, и мы едва ли въ чемъ-нибудь ощущаемъ теперь послѣдствія этого печальнаго періода нашей исторіи“.

И такъ, не будь Бирона, кромѣ любви къ нѣмцамъ, ничего у насъ не было бы. Мы, признаться это заключеніе считаемъ издѣвательствомъ надъ русской исторіей, опровергаемымъ фактами всѣмъ извѣстными и бьющими въ глаза.

Заблужденія г. остзейскаго барона, какъ и всѣхъ его единомышленниковъ, и русскихъ, и иностранныхъ, зиждутся главнымъ образомъ на представленіи будто бы Россія въ XVII вѣкѣ представляла хаосъ, мерзость запустѣнія, въ которыхъ Петръ, при помощи нѣмцевъ, водворилъ культуру. Такъ, дѣйствительно, думали и русскіе въ наивномъ преклоненіи передъ пудрою и башмаками съ пряжками въ половинѣ XVIII вѣка, а въ XIX вѣкѣ Ѳаддей Булгаринъ, бывшій уланскій офицеръ наполеоновской арміи, предлагалъ Россію переименовать въ Петровію, а русскихъ въ петровцевъ;—но не такъ было на самомъ дѣлѣ.

Россія и до Петра имѣла бюрократію, регулярную армію, искусно вела дипломатическія сношенія, имѣла сводъ законовъ, сочиненный не въ канцеляріи, а на земскомъ соборѣ, имѣла даже театральное училище. Многіе военные и дипломаты, которые прославили царствованіе Петра Великаго, получили свое воспитаніе не у нѣмцевъ, а при дворѣ царей Алексѣя и Ѳедора. То же самое

и въ промышленномъ отношеніи: первые купеческіе корабли строилъ при Петрѣ Баженовъ, первый каналъ проводилъ Сердюковъ, горные заводы устраивалъ Демидовъ и т. д. Нѣмцы играли, конечно, роль, но эта роль буквально та, которую иностранцы играютъ теперь въ Японіи. Роль отчасти полезная для страны, но въ значительной степени и эксплоататорская. Было бы страннымъ приписывать, однако, возрожденіе Японіи нѣмцамъ или какимъ-либо другимъ иностранцамъ.

Другая ошибка г. остзейскаго барона состояла въ томъ, что онъ, обозрѣвая русскую исторію за два послѣдніе вѣка, повсюду встрѣчалъ русскихъ, нѣмцевъ же лишь въ качествѣ исполнителей и то не во всѣ царствованія. Но было бы странно, еслибы русская исторія могла обойтись безъ русскихъ! Дѣло не въ томъ, что и русскимъ „позволено“ также играть роль въ русской исторіи, а въ той удивительной пропорціи, которая существовала въ Россіи, начиная съ XVIII вѣка, между числомъ выдающихся особъ нѣмецкаго и русскаго происхожденія. Вѣдь не надобно забывать, что число чисто нѣмецкаго населенія, игравшаго роль въ судьбахъ Россіи, т. е. остзейскаго дворянства и заѣзжихъ авантюристовъ (нѣмецкіе колонисты въ счетъ не идутъ), совершенно ничтожно, сравнительно съ массою русскаго населенія, но такова ли пропорція, когда посмотришь адресъ-календари, списки высшихъ чиновъ и ознакомишься съ событіями нашей государственной и военной жизни.

Въ придворной сферѣ, всегда вліятельной въ монархическомъ государствѣ, число нѣмцевъ у насъ было весьма значительно, ослабѣвъ лишь въ послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ, когда русскому элементу вообще данъ большій просторъ и большее значеніе. Не повторяя довольно извѣстныхъ историческихъ фактовъ, стоитъ пересчитать нѣмецкія фамиліи первыхъ чиновъ двора со времени переименованія стольниковъ, кравчихъ, конюшихъ въ оберъ-гофмаршалы, оберъ-шенки и оберъ-шталмейстеры.

Въ дипломатіи хотя нѣтъ, какъ мы говорили, народа болѣе одареннаго на этотъ счетъ какъ русскіе, — хотя дипломаты съ чисторусскими именами только и оказывались вполнѣ надежными и дѣйствительно принесли услуги, нѣмцы всегда преобладали. Важны еще не столько имена, сколько духъ. Наши дипломатическія воззрѣнія были твердо установлены нѣмцемъ Остерманомъ въ смыслѣ преклоненія передъ Австріей, да такъ и замерли до конца 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, получивъ высшее свое выра-

женіе въ политикѣ Нессельроде, который хотя происходилъ изъ португальскихъ евреевъ, но по воспитанію и тенденціямъ былъ чистокровнымъ нѣмцемъ.

То же самое въ военной части. Идеи Фридриха Великаго, не смотря на опытъ французской революціи и Наполеона I, не смотря на собственный опытъ Суворова и друг., оставались у насъ въ великой чести до конца Крымской войны. Субординація, механическое исполненіе обязанностей, взглядъ на солдата, какъ на фигуранта и автомата, предположеніе, что одна голова можетъ думать за всѣхъ, — словомъ, фридриховскія, нѣмецкія идеи могли лучше всего осуществляться тѣми же нѣмцами, и мы видимъ, какъ нѣмцы заполонили русскую армію. Даже въ нынѣшнемъ столѣтіи иностранные нѣмцы Бенигсенъ и Дибичъ стояли во главѣ русской арміи. Затѣмъ, кто не знаетъ исторіи штаба Барклая-де-Толли, гдѣ Ермоловъ тщетно искалъ человѣка „понимающаго по-русски", похожденій всѣхъ этихъ Буксгевденовъ, Витгенштейновъ, Сакеновъ, Винценгероде и т. д. Достаточно прочесть хотя строго цензурные солдатскіе разсказы покойнаго Скобелева (отца), чтобы сообразить какую роль играло тогда нѣмецкое начальство. Настала Восточная война 1853—56 года и на Дунаѣ въ арміи снова оказалось столько начальствующихъ нѣмцевъ, что появилась военная обличительная литература съ цѣлью противодѣйствія.

Въ знаменитой брошюрѣ Менькова о нѣмцахъ на Дунаѣ доказывалось тогда, что каждый нѣмецъ въ Россіи родится съ петлей съ одной стороны и крючкомъ съ другой, почему невидимо одинъ нѣмецъ на службѣ зацѣпляетъ другого и тянетъ его вверхъ. Это не шутка. Въ „Военномъ Сборникѣ" 60-хъ годовъ были напечатаны оффиціальныя данныя, изъ которыхъ оказалось, что лютеранъ, т. е. нѣмцевъ, въ прапорщичьихъ чинахъ у насъ 20 проц. всего числа офицеровъ, а въ генеральскихъ—болѣе 70 проц., т. е., другими словами, нѣмцы попадали въ генералы среднимъ числомъ въ три съ половиною раза быстрѣе, нежели русскіе! Это ли не краснорѣчивыя цифры, г. остзейскій баронъ? И причемъ тутъ Биронъ и „дѣла минувшихъ дней".

На гражданскую часть русскіе нѣмцы не могли также никогда пожаловаться. Не даромъ остроумный поэтъ когда-то сказалъ, говоря о „русскомъ богѣ":

Богъ разныхъ иноземцевъ,
Переступившихъ нашъ порогъ,
Богъ преимущественно нѣмцевъ.

Масса должностей весьма вліятельныхъ и важныхъ была у нихъ въ рукахъ, были цѣлыя вѣдомства, гдѣ нѣмцы занимали всѣ выдающіяся мѣста и катались, какъ сыръ въ маслѣ. Намъ скажутъ, что нѣмцы дали Россіи для гражданской службы графовъ Сиверса, Канкрина, мы поблагодаримъ за это, но напомнимъ, что нѣмцамъ же мы обязаны государственными людьми, въ родѣ графа Клейнмихеля, графа Бенкендорфа, графа Берга и мн. др.

Важны еще, повторяемъ, какъ говорили о дипломатіи и военномъ дѣлѣ, не имена, а идеи. А кому же, какъ не нѣмцамъ обязана наша бюрократія прискорбнымъ воззрѣніемъ, что народъ грубая масса, изъ которой по произволу можно сдѣлать что угодно. Русская бюрократія XVI и XVII вѣка, очевидно, не такъ смотрѣла на вещи. Наоборотъ, какой нибудь графъ Аракчеевъ — этотъ геній бездушнаго педантизма, хотя и направленнаго къ благу отвлеченнаго государства—развѣ не прототипъ русскаго нѣмца, развѣ не плодъ долголѣтнихъ нѣмецкихъ попеченій о Россіи?

Въ Аракчеевѣ именно воплощенъ нѣмецкій военный человѣкъ половины XVIII вѣка. Извѣстно, что тому, что называется „фронтомъ“, до Фридриха Великаго военные люди не придавали особаго значенія. До Морица Саксонскаго солдаты не ходили даже „въ ногу“. Пруссаки первые начали отъ солдатъ требовать точности балетныхъ артистовъ. Фридрихъ II придавалъ стройности построеній такое важное значеніе, что у него цѣлыя отдѣльныя части маршировали развериутымъ фронтомъ, держа „глаза направо“ и сохраняя строгое равненіе. Побѣды Фридриха заставили всю тактику перестроить на фронтовомъ началѣ; подражателей явилось множество. Извѣстно, какое обожаніе существовало къ идеямъ Фридриха у насъ при Петрѣ III и въ концѣ прошлаго столѣтія: изъ-за фрунтовыхъ идей былъ удаленъ Суворовъ, но за то онѣ были на руку такимъ ограниченнымъ людямъ, какъ Аракчеевъ, который игралъ видную роль уже тогда и смолоду всосалъ въ себя нѣмецкія военныя идеи и остался вѣренъ имъ до конца жизни.

Нѣмецкая наука въ Россіи лучше всего изображается петербургской академіей наукъ. Извѣстно, что это учрежденіе положило начало въ Россіи взгляду на науку какъ на источникъ „кормленія“. Нѣмецкіе ученые передавали свои мѣста и каѳедры по наслѣдству, вѣря ранѣе Дарвина въ наслѣдственность талантовъ, мало того, считая, что эти таланты передаются даже отъ тестя къ зятю! Фуссъ, напримѣръ, получилъ такимъ образомъ мѣсто въ академіи, а не прошло нѣсколькихъ лѣтъ и въ той же академіи оказалось

уже четыре Фусса, что и заставило одного острякa того времени дать нашей академіи прозвище „Vierfüssige Akademie“. Таковою осталась она и по нынѣшній день.

Что сказать объ устроенныхъ въ Россіи нѣмцами фабрикахъ, банкахъ, страховыхъ обществахъ, на которые ссылался съ гордостью г. остзейскій баронъ. Кому неизвѣстно, что эти учрежденія главнымъ образомъ были направлены къ эксплоатаціи Россіи. Въ каждомъ изъ подобныхъ учрежденій на всѣхъ мало-мальски выдающихся мѣстахъ сидятъ нѣмцы и нѣмцами погоняютъ, пишутъ по-нѣмецки и разговариваютъ по-нѣмецки, книги также ведутъ по-нѣмецки, а наживъ русскія деньги или передаютъ дѣло другому нѣмцу, или уѣзжаютъ заграницу...

Въ одномъ мы, впрочемъ, согласны съ г. остзейскимъ барономъ—это, что въ послѣднія двадцать пять лѣтъ произошла значительная реакція. Нѣмецкая партія хотя и существуетъ въ высшихъ сферахъ, но вліяніе ея съ каждымъ днемъ уменьшается. Партія эта, правда, состояла не изъ однихъ нѣмцевъ, но число и настоящихъ нѣмцевъ и русскихъ нѣмецкой партіи быстро уменьшается за смертью (Мейендорфъ, князь Павелъ Ливенъ, князь Суворовъ графъ Литке и другіе), новыхъ же видныхъ дѣятелей на смѣну не является. Добрый знакъ! Съ преобразованіемъ Прибалтійскаго края—этой важнѣйшей нѣмецкой твердыни—и въ особенности съ реформой Дерптскаго университета—вліяніе котораго на возрожденіе нѣмецкой силы въ Россіи еще недостаточно оцѣнено—роль русскихъ нѣмцевъ, по всей вѣроятности еще болѣе съузится.

Относительно обрусѣнія Прибалтійскаго края мы считаемъ совершенно излишнимъ разбирать запоздавшій на два вѣка протестъ балтійцевъ по существу. Еще Екатерина II—нѣмка, замѣтимъ, по рожденію—сказала, что она не лифляндская герцогиня, а всероссійская императрица. Такое отношеніе верховной власти къ остзейскимъ претензіямъ еще болѣе имѣетъ мѣста въ настоящее время пробужденія русскаго народнаго сознанія.

Господамъ балтійцамъ давно пора забыть, какъ они были подъ началомъ своего епископа, который, въ свою очередь, былъ вассаломъ гросмейстера тевтонскаго ордена въ Маріенбургѣ, а этотъ въ подчиненіи у Польши и т. д. Три вѣка прошли съ тѣхъ поръ, польское и шведское владычество смѣнило владычество нѣмецкихъ рыцарей, а теперь Россія имѣетъ свои права, поважнѣе правъ, основанныхъ на буллахъ римскихъ папъ и на капитуляціяхъ, подписанныхъ сто восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ русскими генералами.

Спросите любого балтійскаго нѣмца, желаетъ ли онъ, чтобы Германія держалась постановленій Вѣнскаго конгресса? Онъ въ ужасѣ замашетъ руками. Между тѣмъ, тотъ же нѣмецъ требуетъ, чтобы Россія чтила, какъ святыню, каждую букву Ништадтскаго мира, заключеннаго сто лѣтъ ранѣе, забывъ, что послѣ того Россія три раза побѣдоносно воевала со Швеціей.

Да и много ли нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ? Если кровныхъ германцевъ тамъ нѣтъ и пяти процентовъ, то при такомъ отношеніи татары съ большимъ правомъ могли бы требовать, чтобы дѣлопроизводство въ Сенатѣ и министерствахъ велось у насъ не на русскомъ, а на татарскомъ языкѣ.

Не безъ удовольствія, конечно, всѣ, кому дорого достоинство Россіи, видятъ теперь, что правительство, оставивъ свою политику долготерпѣнія по отношенію къ прибалтійской окраинѣ, рѣшилось, наконецъ, поддержать тамъ значеніе государственнаго языка и ввести русскую полицію, русскій судъ и русскую школу. Надобно желать только, чтобы означенная рѣшимость была поддерживаема и впредь съ должною настойчивостью, для чего, къ сожалѣнію, прошедшая исторія отношеній къ Прибалтійскому краю примѣровъ почти не представляетъ. За исключеніемъ времени Екатерины II и ея генералъ-губернатора Броуна, можно сказать, что нѣмецкая культура развивалась и укрѣплялась на эсто-латышской окраинѣ съ благословенія правительства и при его содѣйствіи. Апогея своего подобная анти-русская политика достигла при управленіи князя Суворова, послѣ котораго естественно возникла реакція, ибо больше идти ужъ было некуда, оставалось развѣ просить о включеніи Эстъ, Ливъ и Куръ-ляндіи въ составъ пресловутаго „германскаго соуса".

Вопросъ о введеніи русскаго языка въ „дѣлопроизводство" прибалтійскихъ губерній, какъ извѣстно, вопросъ не новый. Онъ предрѣшенъ былъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, но принятыя тогда рѣшенія только нынче приводятся въ исполненіе. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, со временъ генерала Тимашева, въ этомъ дѣлѣ шло совершенно послѣдовательно и неуклонно и въ этомъ его историческая заслуга; не прибѣгая къ рѣзкимъ мѣрамъ, могущимъ вызывать недоразумѣнія и неудобства для народностей, населяющихъ край, оно потребовало на первое время употребленія обще-государственнаго русскаго языка только тамъ, гдѣ это необходимо и практически исполнимо, т. е., гдѣ онъ является языкомъ оффиціальнымъ, дѣловымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и остальныя реформы, при всемъ противодѣйствіи гг. балтійцевъ, особенно бароновъ, удастся осуществить безъ большихъ замѣшательствъ, припомнивъ, что въ онѣмеченіи края виноваты были болѣе всего мы сами. Наиболѣе рѣшительный шагъ къ этому былъ сдѣланъ не потомками бременскихъ купцовъ и рыцарей, которые съ величайшихъ трудомъ удерживали свое владычество и вліяніе, тѣснимое со всѣхъ сторонъ русскими, литовцами, поляками, датчанами и шведами, а основаніемъ въ царствованіе Александра I въ Дерптѣ германскаго университета. Устроить центръ нѣмецкой цивилизаціи въ городѣ, основанномъ Ярославомъ Мудрымъ въ двухъ шагахъ отъ Пскова, было по истинѣ геніальнымъ маневромъ петербургскихъ германофиловъ, и съ тѣхъ поръ успѣхъ онѣмечиванія прибалтійской окраины пошелъ гигантскими шагами впередъ.

То, чего сдѣлать купцы, обсчитывая туземную массу, или рыцари, выколачивая изъ нея палками повинности, никакъ не могли, стало легкимъ и доступнымъ, когда наиболѣе смышленые представители этой массы, при помощи университста и его каѳедръ, начали живо обращаться въ нѣмцевъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ настоящихъ германцевъ, гораздо менѣе, чѣмъ на Волгѣ въ Самарской и Саратовской губерніяхъ; но въ то время, когда безъ нѣмецкаго университета эти двѣ губерніи остаются чисто русскими, въ Прибалтійскомъ краѣ Дерптскій университетъ рѣшительно германизируетъ массу населенія. Это достигается созданіемъ промежуточнаго между немногочисленными потомками пришлыхъ рыцарей и купцовъ и милліоннымъ сельскимъ туземнымъ населеніемъ сословія изъ туземцевъ же, пріобщившихся въ Дерптѣ нѣмецкой культуры. Сословіе, въ которое входятъ такіе вліятельные для народа элементы, какъ пасторы, учителя, журналисты, управители, мелкіе чиновники и т. д., служитъ отличнымъ проводникомъ германизаціи въ среду инородческаго населенія.

Пока будетъ существовать сила, ассимилирующая сначала въ нѣмецкую вѣру лучшія части эстовъ и латышей и затѣмъ постепенно, при помощи этихъ прозелитовъ, распространяющая нѣмецкія воззрѣнія, вкусы и обычаи въ массу, до тѣхъ поръ всѣ разговоры о серьезномъ противодѣйствіи постепенному онѣмеченію Прибалтійскаго края совершенно напрасны. Безполезно общипывать листья громаднаго ядовитаго дерева, когда стволъ его цѣлъ, а корни питаются совершенно свободно въ соотвѣтствующей почвѣ. Поэтому всѣ административныя распоряженія о введеніи русскаго языка

въ употребленіе останутся мертвою буквою, или будутъ исполняться лишь до назначенія новыхъ, менѣе энергическихъ губернаторовъ, пока не устранится главный источникъ, который вынуждаетъ каждаго образованнаго прибалтійца русскимъ языкомъ пренебрегать, а нѣмецкій считать чѣмъ-то священнымъ, ибо онъ даетъ средство пріобщиться къ высшимъ благамъ обще-европейской цивилизаціи.

Дѣйствительно, можетъ ли быть у жителей Прибалтійскаго края потребность изучать русскій языкъ, какъ извѣстно, не легкій, только для того, чтобы объясняться на немъ въ нѣсколькихъ канцеляріяхъ. Пропагандировать этотъ языкъ должно поэтому не канцелярской только перепиской, а такимъ положеніемъ русскаго языка, чтобы только при его помощи жители края, особенно эсты и латыши, и могли достигать высшей культуры.

Для этого нѣтъ и не можетъ быть другого средства, кромѣ постепеннаго преобразованія Дерптскаго университета изъ нѣмецкаго въ русскій. Учрежденіе нѣмецкаго университета въ Дерптѣ оправдывалось тѣмъ соображеніемъ, что иначе прибалтійскіе нѣмцы ѣздили бы учиться въ заграничные германскіе университеты и тамъ заражались бы вреднымъ для Россіи политическимъ духомъ. Но, во-первыхъ, ѣздить учиться за границу стоитъ не дешево, да и теперь это средство не закрыто для богатыхъ людей. Затѣмъ съ политической точки зрѣнія вовсе не такъ опасно, что настоящіе рижскіе или ревельскіе нѣмцы получали высокое мнѣніе о Германіи, учась гдѣ либо въ Галле или въ Іенѣ, какъ онѣмечиваніе при помощи Дерптскаго университета всей массы эсто-латышскихъ юношей. А Дерптскій университетъ, если просмотрѣть списки его студентовъ, наполненъ не нѣмцами, а именно эстами, латышами, поляками и русскими; нѣмцы составляютъ въ общемъ итогѣ меньшинство.

Одно время, когда графъ Д. А. Толстой управлялъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, существовало предположеніе перевести Дерптскій университетъ въ Полоцкъ и сдѣлать его русскимъ университетомъ. Такая мѣра едва ли необходима и во всякомъ случаѣ обошлась бы очень дорого въ финансовомъ отношеніи. Гораздо проще, дешевле и цѣлесообразнѣе, оставивъ университетъ въ Дерптѣ и, не трогая до времени его богословскаго факультста, который со временемъ можетъ быть выдѣленъ въ особое высшее церковное училище, преобразовать остальные фукультеты примѣнительно къ новому уставу русскихъ университетовъ. При этомъ по примѣру преобразованія варшавской главной школы въ университетъ, чтеніе

дметовъ на русскомъ языкѣ могло бы вводиться постепенно, или замѣщеніи профессорскихъ каѳедръ новыми профессорами.

Выше мы говорили объ эксплоататорскихъ наклонностяхъ нѣмцевъ Россіи по отношенію къ промышленности и торговлѣ. Нельзя ако, какъ теперь вошло въ моду, утверждать, что иностранный ентъ не принесъ намъ никакой пользы и что слѣдуетъ стре-ться изгнать иностранцевъ даже изъ такихъ мѣстъ, гдѣ они ъ въ политическомъ и стратегическомъ отношеніи вовсе не рожаютъ.

Кому извѣстна промышленная исторія Россіи, тотъ знаетъ, что остранцамъ обязаны мы устройствомъ множества полезныхъ оизводствъ и ремеслъ. Иностранцы завели въ Россіи первые ме-ническіе заводы, тонкорунное овцеводство, стеариновое производ-во, разныя химическія производства, мануфактуры набивныхъ тка-й, стеклянное и фарфоровое производства, аптеки и множество угихъ второстепенныхъ отраслей промышленности. Россія никакъ раззорилась, а обогатилась отъ этихъ производствъ и конечно теряла бы болѣе, если бы еще десятки лѣтъ дожидалась, пока до обходимости означенныхъ отраслей промышленности дошелъ бы Россіи кто либо своимъ умомъ.

Не слѣдуетъ думать также будто бы введеніе новыхъ производствъ и посредствѣ иностранцевъ есть какое-то присущее одной Россіи леніе. Оно повторялось повсемѣстно. Англичане устроили и вили важное для Франціи производство виноградныхъ водокъ ньяка), англичанинъ Кокериль первый ввелъ въ Бельгіи меха-ическое дѣло въ большомъ видѣ (ту же роль у насъ игралъ ан-чанинъ Бердъ); Пруссія обязана французамъ множествомъ отра-й промышленности; французы завели шелковыя фабрики въ гліи и почти повсюду въ Европѣ, хотя у нихъ самихъ шелко-производство устроено итальянцами; французы распространили одѣліе даже на мысѣ Доброй Надежды; нѣмецъ завелъ въ Аме-ѣ фабрикацію швейныхъ машинъ, принявшую такіе грандіоз-размѣры. Очень часто также разные народы имѣютъ особыя обности къ извѣстной дѣятельности: такъ повсемѣстно банкиры— и, механики—англичане, а греки владѣютъ хлѣбной торговлей олько у насъ, но въ Италіи, Франціи и даже въ Лондонѣ.

Въ Англіи, Франціи и Сѣверной Америкѣ нѣтъ правда иностран-ь акціонерныхъ обществъ, а имѣются они только въ Турціи, ніи, Австріи, Италіи, Португаліи, Египтѣ, во всѣхъ колоніяхъ, Остъ-Индіи, въ южной Америкѣ и въ Россіи; но явленіе это вовсе

не грустное, а какъ нельзя болѣе естественное. Акціонерное общ
ство есть только способъ реализаціи капиталовъ. Гдѣ же ихъ соб
рать какъ не тамъ, гдѣ капиталы дешевы, гдѣ ихъ изобиліе? П
нятно, что въ Англіи, гдѣ деньги приносятъ 2 проц., ихъ охот
дадутъ для Испаніи, гдѣ они приносятъ безъ труда 10 проц., и
для Россіи, гдѣ они даютъ 8 проц. Но какой бы имѣло смыс
собирать въ Италіи и Австріи дорогіе капиталы для Англіи, что
помѣстить ихъ изъ 3—4 проц. Отчего же капиталы такъ и
бильны именно въ Англіи, Голландіи и Франціи, то на это отв
чаетъ исторія и нельзя же намъ патріотизма ради отказывать
отъ дешеваго орудія производства только потому, что мы выст
пили на промышленное поприще двѣсти лѣтъ позже и не стал
еще прочно на ноги.

Затѣмъ рядомъ съ предпріятіями, эксплоатировавшими Россію
многіе иностранные капиталисты довѣрчиво присылали въ Россію
милліоны и никогда ихъ болѣе не грабежа. Такова исторія почт
всѣхъ крупныхъ иностранныхъ предпріятій послѣдняго десятилѣтія
въ особенности теряли французы, какъ имѣвшіе менѣе связей в
нашей странѣ и потому болѣе рисковавшіе.

Даже для иностранцевъ, прямо эксплоатировавшихъ Россію
надобно сдѣлать маленькую оговорку. Если разобрать безпристрастн
ихъ исторію, то легко убѣдиться, что ихъ эксплоатація основыва
лась не столько на томъ, что они были иностранцами, а на том
что лица эти находились въ сдѣлкахъ съ чиновниками, ихъ при
звавшими и развязавшими имъ руки для наживы. Вотъ объ этихъ-т
рабахъ лѣнивыхъ и лукавыхъ, не берегшихъ достоянія своего гос
подина, и слѣдовало бы позаботиться ранѣе, чѣмъ объ ограниченіи
прилива иностранныхъ капитала и труда въ Россію.

Между инородцами, вредными для Россіи, въ смыслѣ эксплоа
таціи, первое мѣсто занимаютъ евреи, о которыхъ мы ниже гово
римъ подробно въ особой главѣ, и армяне. Армянъ въ Россіи
около двухъ милліоновъ, но большая часть ихъ мирное земледѣль
ческое населеніе; вредны собственно армяне-торговцы и особенно
армянская интеллигенція, явно враждебная Россіи, хотя и воспи
тывающаяся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Отъ временъ Екатерины II и Александра I, когда иностранцы
и даже инородцы считались существами высшей породы и всѣ
чески снабжались привилегіями, сохранился въ Россіи курьезны
остатокъ маленькой армянской республики среди сплошного мор
русскаго населенія—автономія города Нахичевани. Нахичевань в

Россіи извѣстенъ только по своему „университету“, т. е. по фабрикѣ фальшивыхъ ассигнацій, которая тутъ долгое время мирно процвѣтала подъ сѣнью жалованныхъ грамотъ и армянскаго самоуправленія. И до сихъ поръ многіе не знаютъ, что есть такой курьезный городъ въ Россіи, который живетъ въ разрѣзъ съ общими интересами русской торговли и русскаго населенія.

De facto армянскій Нахичевань и русскій Ростовъ-на-Дону, лежащіе по сосѣдству, подошли другъ къ другу постройками и совершенно слились по берегу рѣки Дона; если они не сливаются выше, то удерживаются отъ этого искусственно. Нахичевань заселяется и застраивается въ послѣднее время русскими, преимущественно изъ Ростова; собственно армянское его населеніе прироста не даетъ. Всякая часть любого города, раздѣленная отъ другой части, напримѣръ, рѣкою, съ гораздо большимъ основаніемъ можетъ быть признана отдѣльнымъ городомъ, чѣмъ Нахичевань, который не имѣетъ даже естественной границы и раздѣленъ межею.

Слитые воедино въ географическомъ отношеніи, Ростовъ и Нахичевань составляютъ одно цѣлое и въ экономическомъ смыслѣ; разница только въ томъ, что Нахичевань, какъ меньшая величина, естественно тяготѣетъ къ Ростову, какъ величинѣ крупнѣйшей, одаренной сильною жизненностью и задатками развитія, въ чемъ безспорно свидѣтельствуетъ внѣшній видъ обоихъ городовъ и ихъ бюджеты за послѣднія 25 лѣтъ, въ теченіи которыхъ Нахичевань, не смотря на упорное сопротивленіе нѣсколькихъ семействъ, распоряжающихся наслѣдственно его самоуправленіемъ, настолько поглощается Ростовомъ, что онъ сталъ частью Ростова. Это ясно слѣдуетъ изъ того, напримѣръ, что въ Ростовѣ можно насчитать массу промышленныхъ и торговыхъ заведеній, принадлежащихъ лицамъ, имѣющимъ осѣдлость въ Нахичевани. Коренные жители Нахичевани—армяне строятъ дома въ Ростовѣ и торговлю ведутъ въ немъ. Обратнаго явленія не замѣчается. Значитъ Нахичевань самъ по себѣ, при существованіи рядомъ съ нимъ Ростова, не представляетъ условій для обособленнаго существованія, такъ какъ добрая часть его населенія своему труду и капиталу ищетъ помѣщенія въ Ростовѣ, а крупнѣйшіе капиталисты Нахичевани, исконные его обыватели, обзавелись и обзаводятся домами въ Ростовѣ и становятся его гражданами.

Армянскія привилегіи Нахичевани быть можетъ имѣли свой raison d'être въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія — хотя мы въ этомъ сомнѣваемся, — но сто лѣтъ тому спустя не имѣется ника-

кихъ основаній поддерживать отдѣльное существованіе, рядомъ, бокъ-о-бокъ, двухъ городовъ, которые составляютъ одно цѣлое, но розни которыхъ обусловлена лишь различіемъ національности вліятельной части горожанъ одного изъ нихъ и стремленіемъ къ замкнутости и обособленію. Привилегіи были даны армянамъ очевидно въ интересахъ развитія края, но онѣ обратили ихъ только къ собственному обогащенію и края не развили, дѣло доходило до того, что Нахичевань отказывался продолжать шоссе, доведенное до границъ города, только бы оставаться обособленнымъ!

Одновременно съ армянскою республикою въ Нахичевани была основана подобная же греческая республика въ Маріуполѣ. Ее, однако, преспокойно уничтожили и никакого вреда отъ того, даже для самихъ грековъ, не произошло. Ничего другого не остается сдѣлать и для Нахичевани.

Мы говорили объ иностранцахъ и инородцахъ вредныхъ *). Затѣмъ, въ Россіи еще множество инородцевъ, среди которыхъ мы вносимъ цивилизацію и которыя могутъ быть опасны только при полномъ съ нашей стороны неумѣніи съ ними обращаться. Таково большинство инородцевъ въ Сибири, по Волгѣ, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ. Быстрое упроченіе нашего владычества въ Средней Азіи создало намъ, а особенно послѣ того какъ г. Анненковъ провезъ по своей желѣзной дорогѣ французскихъ корреспондентовъ, репутацію великихъ искусниковъ въ обращеньи съ инородцами. Хотя надобно признаться, что далеко гг. ташкентцы не всегда были такъ безупречны. Достаточно припомнить шумъ, надѣланный депешей, американскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ г. Скайлера, помѣщенной въ Красной Книгѣ, представляемой ежегодно президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Конгрессу, за 1874 г. Разоблаченія г. Скайлера, съѣздившаго въ Туркестанъ, нѣкоторыхъ недостатковъ тамошней администраціи показались многимъ защитникамъ канцелярской тайны до такой степени рѣзкими, что они въ фактѣ ихъ обнародованія готовы были видѣть чуть ли не повтореніе извѣстнаго дѣла г. Катакази. Намъ кажется, однако, что въ этихъ двухъ случаяхъ была неизмѣримая разница, и если дѣйствительно нѣкоторыя показанія г. Скайлера имѣли сильный оттѣнокъ

*) Выше ничего не сказано еще объ одномъ вредномъ инородческомъ элементѣ—китайцахъ въ Приамурскомъ краѣ. Подробно этотъ вопросъ разобранъ гг. Крестовскимъ, Скальковскимъ и др. изслѣдователями торговли Приморской области.

мѣстныхъ недоброжелательныхъ сплетень, то многія изъ явленій, указанныхъ г. Скайлеромъ, не только извѣстны были всѣмъ и каждому по слухамъ изъ Ташкента, но и по личному опыту въ любой изъ внутреннихъ губерній.

Изложивъ вкратцѣ сущность, дѣйствовавшей въ краѣ, системы русскаго управленія, г. Скайлеръ говорилъ, что въ Туркестанскомъ краѣ, равняющемся приблизительно Франціи и Италіи, взятымъ вмѣстѣ, при внутреннихъ условіяхъ быта и малочисленности русскихъ войскъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайно трудно установить правильный методъ управленія. Первыя неудачи въ примѣненіи системы оказались вслѣдствіе незнанія въ началѣ ни страны, ни мѣстнаго нарѣчія со стороны русскихъ чиновниковъ, которые назначались изъ военныхъ. Уже очень скоро обнаружилось, что положеніе, занятое ими, дало возможность обогащенія и удовлетворенія личныхъ вкусовъ на счетъ туземцевъ, за что, впрочемъ, и не взыскивалось слишкомъ строго.

Подобное явленіе г. Скайлеръ объясняетъ тѣмъ, что уѣздное начальство удалено отъ глазъ и контроля центральной администраціи: по назначеніи на должность, офицеры вскорѣ вступали на путь азіатскихъ порядковъ, злоупотребляли своею властью, считая себя почти внѣ всякой отвѣтственности. Поразительный тому примѣръ былъ въ Кураминскомъ уѣздѣ, наиболѣе плодородномъ и гуще населенномъ изъ всего округа; начальникъ Кураминскаго уѣзда собралъ въ одинъ годъ 90,000 рублей разными незаконными налогами и всѣ ихъ прожилъ, кромѣ другихъ еще казенныхъ денегъ. Въ числѣ разныхъ нововведеній, въ виду благосостоянія края, открыты были сберегательныя кассы; но послѣдовавшимъ распоряженіемъ деньги эти разрѣшено обратить на административныя нужды уѣзда. Фондъ, состоявшій приблизительно изъ 22,000 р., исчезъ при этомъ совершенно, и неизвѣстно куда; въ отчетѣ объ этой суммѣ упоминалась лишь отдѣлка дома мѣстнаго уѣзднаго начальника. Деньги, по словамъ г. Скайлера, выжимались у туземцевъ во всякое время и подъ всякими предлогами; такъ, напримѣръ, запрещено было переѣзжать черезъ Сыръ-Дарью въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, кромѣ указанныхъ. А указанныя мѣста находились на землѣ пріятелей уѣзднаго начальника. Когда это дѣло слишкомъ огласилось, губернаторъ былъ вынужденъ обратить на него вниманіе и удалилъ начальника изъ уѣзда; но, вмѣсто всякаго взысканія, перевелъ его въ другую мѣстность. Начальникъ Перовскаго уѣзда былъ смѣщенъ за взятки и разнаго

рода вымогательства, но переведенъ оттуда въ Ауліе-Ата, а отсюда опять удаленъ за требованіе отъ туземцевъ денегъ, будто бы на заготовку верблюдовъ для хивинской экспедиціи. Такимъ образомъ, многіе были удаляемы съ постовъ за ихъ дѣйствія, но немедленно назначались на другія должности. Съ другой стороны, если кто-либо пытался извѣстить публику о настоящемъ положеніи дѣлъ, того постигала неминуемая кара; такъ, начальникъ Уратюбскаго уѣзда былъ смѣненъ и высланъ изъ округа за отправку въ Петербургъ письма съ заявленіемъ о томъ, что безпорядки въ Ходжентѣ возникли вслѣдствіе чрезмѣрнаго повышенія налоговъ.

Замѣчателенъ еще такой случай: Офицеръ, имѣвшій въ рукахъ значительныя казенныя деньги, донесъ о похищеніи у него этой суммы киргизами. Ближайшіе къ мѣсту происшествія киргизы были вслѣдствіе этого арестованы и, послѣ долгаго допроса, нѣкоторые изъ нихъ сознались въ преступленіи. Пока продолжался допросъ, офицеръ застрѣлился, оставивъ письмо, которымъ заявлялъ, что онъ самъ прокутилъ казенныя деньги и сослался на киргизовъ лишь для того только, чтобъ выгородить себя. При этомъ возникъ вопросъ: почему же они сознались? По изслѣдованіи оказалось, что офицеръ производившій допросы въ Вѣрномъ, вынуждалъ у киргизъ сознаніе пыткой. Въ Копалѣ былъ еще слѣдующій казусъ: мѣстный уѣздный начальникъ, ненавидимый туземцами за его вымогательства, найденъ былъ израненнымъ и ограбленнымъ. До шестидесяти киргизовъ обвинялись въ этомъ преступленіи, и во главѣ ихъ султанъ Тезекъ, маіоръ русской арміи, у котораго нашли часть похищенныхъ вещей. На слѣдствіи одинъ изъ казаковъ сознался, что подбросилъ эти вещи въ палатку Тезека, по приказанію самого судьи. Это было сдѣлано потому, что судья желалъ угодить высокопоставленному сановнику. При открытіи хивинской экспедиціи, понадобилось 14,000 верблюдовъ, т. е. 14% всего количества верблюдовъ, имѣющагося въ округѣ, и было условлено, что за каждаго павшаго верблюда заплатятъ по 50 р. Трудности экспедиціи были такъ велики, что всѣ почти верблюды пали въ пути, и приходилось выплатить туземцамъ до 700,000 р. Одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ, полагая, что представился случай доказать свое усердіе, заявилъ подвластному населенію, что правительство никогда имъ не заплатитъ за верблюдовъ, и что гораздо было бы лучше подарить ихъ. Онъ столько потратилъ при этомъ краснорѣчія, что туземцы согласились. Примѣру этого начальника послѣдовали другіе, въ большей части уѣздовъ; а въ результатѣ оказа-

залось въ туземцахъ убѣжденіе, что правительство просто отняло у нихъ верблюдовъ.

Было бы, впрочемъ, вполнѣ несправедливо, замѣчаетъ. г. Скайлеръ, винить во всѣхъ этихъ безпорядкахъ генералъ-губернаторовъ. Чиновники, отправлявшіеся въ Ташкентъ, составляли вообще такой плохой матеріалъ, изъ какого не могло и выработаться хорошаго орудія. Одни ѣхали въ Ташкентъ ради усиленнаго содержанія и сокращенныхъ сроковъ службы для полученія пенсіи; другіе—въ надеждѣ на скорую разживу. Въ большинствѣ случаевъ, они пріѣзжали или присылались по причинѣ множества долговъ, или разнаго рода скандальныхъ происшествій, не дававшихъ имъ возможности жить въ иной мѣстности Имперіи. На Ташкентъ смотрѣли, словомъ, какъ на исправительное заведеніе.

Несмотря на плохую администрацію края, по мнѣнію американскаго дипломата, населеніе, въ сущности довольно русскимъ владычествомъ, находя его гораздо лучшимъ, сравнительно съ тѣмъ, что было до тѣхъ поръ; неудовольствіе же его относилось преимущественно къ отдѣльнымъ личностяхъ, которыя притѣсняли его. Очевидно, однако, что повтореніе подобныхъ злоупотребленій могло возбудить со временемъ общее недовѣріе къ администраціи. Когда русскіе вступили въ край, населеніемъ овладѣла безпредѣльная радость, при мысли, что теперь жизнь каждаго станетъ считаться неотъемлемою его собственностью, а имущество ограждено будетъ отъ всякаго произвольнаго побора и захвата. Кромѣ того, громадный наплывъ непроизводительнаго населенія усилилъ спросъ на трудъ, отчего мѣстныя цѣны поднялись; выгоды ощутили и землевладѣльцы и торговцы. Но постепенно, не видя значительной перемѣны къ лучшему, населеніе, могло вспомнить магометанское владычество, такъ-какъ оно уже начинаетъ забывать все, что терпѣло отъ хановъ, помышляя лишь о стѣсненіяхъ, какія выноситъ отъ русскихъ чиновниковъ.

Г. Скайлеръ разбиралъ послѣдовательно различныя стороны туркестанской администраціи. Въ отношеніи религіи туземцевъ, образъ дѣйствій русскихъ заслуживаетъ, по его мнѣнію, высшей степени одобренія. Свобода исповѣданія магометанской вѣры вполнѣ предоставлена туземцамъ, лишь дервишамъ запрещено являться въ города, гдѣ они нарушаютъ общественное спокойствіе.

Для дѣла образованія русскими сдѣлано мало. Разъ или два было предлагаемо ввести обученіе русскому языку и преподаваніе наукъ въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ школахъ, но за отсутствіемъ

иниціативы со стороны властей, дѣло кончилось ничѣмъ. Это неудобно потому, что администрація постоянно нуждается въ переводчикахъ и употребляетъ для этой цѣли туземцевъ, плохо понимающихъ по-русски, или казаковъ, плохо знающихъ мѣстное нарѣчіе. Неточность перевода служитъ не только источникомъ большихъ затрудненій, но была уже причиною многихъ смѣшныхъ и вредныхъ для правительства ошибокъ.

Относительно матеріальныхъ интересовъ края, русскіе, по словамъ г. Скайлера, заботливѣе, хотя ихъ старанія не всегда увѣнчиваются успѣхомъ. Дороги всюду исправляются (несмотря на то, что въ самой Россіи нѣтъ порядочныхъ дорогъ), чрезъ рѣки выстроены мосты, начаты работы по проведенію ирригаціонныхъ каналовъ. Русскимъ инженерамъ слѣдуетъ, однако, поучиться у туземцевъ дѣлу ирригаціи. Хотя жители Туркестана, въ сущности, гораздо болѣе зажиточны, чѣмъ жители многихъ изъ нашихъ губерній, особенно сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ, но платятъ налоговъ менѣе, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ, чѣмъ жители бѣднѣйшихъ русскихъ губерній. Для торговли и промышленности сравнительно сдѣлано немного. Торговые договоры заключены, правда, съ Бухарой, Кашгаромъ и Хивой; но администрація не всего настаивала на соблюденіи договоровъ въ силѣ. Былъ и такой случай. Г. Глуховскому пришло на мысль открыть въ Ташкентѣ большую ярмарку, на которую, какъ онъ увѣрялъ, хлынетъ вся Средняя Азія. Множество зданій было настроена для этой цѣли. Когда же наступило открытіе ярмарки, на нее никто не явился; тогда послѣдовало предписаніе закрыть базаръ въ Ташкентѣ на время, предназначенное для ярмарки. Но и это не помогло. Тогда наложены были тяжелые штрафы на тузумцевъ и прочихъ торговцеаъ, не явившихся по предписанію; даже препровождали туда съ конвоемъ. Русскіе купцы сами принялись ходатайствовать объ отмѣнѣ ярмарки, вслѣдствіе которой туземцы не могли торговать обычнымъ путемъ, а почему не могли и уплатить занятыхъ ими денегъ.

Не смотря на рѣзкій тонъ и черезъ-чуръ откровенное изложеніе нѣкоторыхъ подробностей, свойственное, впрочемъ, американской дипломатіи, какъ и американской журналистикѣ, г. Скайлеръ въ заключеніе своего отчета становился на сторону нашихъ интересовъ и признавалъ великую цивилизующую миссію Россіи въ Средней Азіи. Безъ сомнѣнія, многое изъ сообщеннаго имъ не совсѣмъ пріятно для нашего самолюбія, но не въ натурѣ русской обижаться обличеніями: достаточно указать на успѣхъ у

насъ сочиненій Герберштейна, Кастера, Кюстина и др., содержащихъ самую злую сатиру различныхъ эпохъ нашей исторической жизни; затѣмъ дѣла съ полудикими народностями такого рода, что мало кто, положа руку на сердце, признаетъ свою политику относительно ихъ образцовою: англичане въ Индіи, французы въ Алжирѣ и Индо-Китаѣ, голландцы на Суматрѣ и т. д. представляютъ примѣры неумѣлыхъ и часто недостойныхъ отношеній къ слабѣйшимъ. Въ дѣлѣ гуманности и нѣкотораго врожденнаго такта первенство, во всякомъ случаѣ, по этой части останется за русскими. Мы не говоримъ уже о соотечественникахъ г. Скайлера, американцахъ: они начали и систематически продолжаютъ самое грубое и безчеловѣчное истребленіе индѣйцевъ, хотя гораздо менѣе развитые испанцы съумѣли въ южной и средней Америкѣ болѣе десятка милліоновъ тѣхъ же индѣйцевъ привлечь къ европейской цивилизаціи.

ГЛАВА XV.

Евреи.

Еврейскій вопросъ.—Расовыя черты евреевъ.—Евреи въ Англіи.—Положеніе евреевъ въ Россіи, ихъ плодовитость. — Евреи по отношенію къ воинской повинности, торговлѣ, питейному промыслу. — Мѣропріятія императора Николая I.

„Бить или не бить"—таковъ гамлетовскій вопросъ, который задавало себѣ населеніе юго-западной Россіи въ 1880—1882 гг. по отношенію къ евреямъ. Для насъ отвѣтъ на подобный вопросъ не затруднителенъ. Мы понимаемъ, хотя не извиняемъ взрывы народнаго негодованія, отдѣльныя проявленія накипѣвшей злобы, но возможность открытаго грабежа въ большихъ городахъ, служащихъ средоточіемъ властей и войска, глубоко возмутительна. Подобныя явленія позорятъ насъ и низводятъ Россію на степень некультурнаго государства, гдѣ каждый, взявшій въ руку палку, становится сейчасъ же капраломъ.

Такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо сомнѣніяхъ въ дѣлѣ охраненія еврейскаго имущества и личной безопасности отъ насилія грубой толпы. Какими бы сентиментальными теоріями ни задаваться, но дозволеніе нарушать уличный порядокъ никогда не должно имѣть мѣста. Надобно даже удивляться, какъ генералъ-губернаторы и губернаторы, облеченные широкими полномочіями извѣстнымъ закономъ 5 апрѣля 1879 г., не поспѣшили угрозою наказаніемъ за грабежъ и насиліе по военнымъ законамъ положить предѣлъ безпорядкамъ.

Репрессивными мѣрами, хотя бы и самыми строгими, не достигается, однако, устраненіе зла въ самомъ его корнѣ. Успокоеніе разыгравшихся страстей возвращаетъ все къ прежнему положенію, т. е. къ порядку вещей, когда подъ потухшимъ снаружи пепломъ

тлѣютъ искры, готовыя разгорѣться въ удобный моментъ большимъ пожаромъ. Очевидно, что средство къ устраненію безпорядковъ въ будущемъ находится только въ разрѣшеніи еврейскаго вопроса. Мѣрами же административными, увеличеніемъ числа полицейскихъ, изданіемъ прокламацій, призывающихъ къ спокойствію, и собираніемъ кавалерійскихъ отрядовъ въ городахъ, гдѣ предполагаются народныя сборища, невозможно разрѣшить еврейскаго вопроса. Между тѣмъ оставлять послѣдній въ настоящемъ его положеніи невозможно. Для южныхъ и западныхъ губерній Россіи это настоящій вопросъ сфинкса: „Отгадай, или я проглочу тебя“.

Евреи имѣютъ своихъ панегиристовъ и своихъ порицателей. Справедливость требуетъ сознаться, что въ литературѣ до появленія извѣстныхъ книгъ Дрюмона и интересной книги Дюринга „Die Judenfrage“ было болѣе первыхъ, нежели послѣднихъ, въ народномъ же сознаніи—наоборотъ, и встрѣчается множество людей честныхъ и добрыхъ, которые по трудно исправимымъ предразсудкамъ воспитанія нисколько не возмущаются преслѣдованіемъ евреевъ и готовы снисходительно прощать поступки, которые по отношенію къ другимъ классамъ населенія вызвали бы энергическія порицанія. Юдофилы бываютъ двухъ сортовъ: одни, происходящіе преимущественно изъ евреевъ, вращаются на избитыхъ фразахъ о талантливости еврейскаго племени; апостолъ Павелъ, Спиноза, Мендельсонъ, Лассаль, Мейерберъ, Гейне, Бёрне, Галеви, Дизраэли, Кремьё, Оффенбахъ, Рашель и т. д. не сходятъ у нихъ съ языка и служатъ аргументами о томъ, что евреи не уклоняются отъ общеевропейской цивилизаціи. Другіе, представителемъ которыхъ можно назвать между прочимъ, Маколея, стараются доказать, что извѣстные всѣмъ „жидовскія“ черты вовсе не присущи еврейскому племени, а созданы въ немъ чисто искусственно средневѣковыми преслѣдованіями. Еслибъ, говоритъ Маколей, начали во всей Европѣ преслѣдовать рыжихъ людей, то несомнѣнно, что всѣ рыжіе изъ чувства самосохраненія сложились бы въ такія же узкія корпораціи и выработали бы такіе же специфическіе признаки, которые такъ осуждаются теперь въ евреяхъ.

Противники еврейскаго элемента представили съ своей стороны многочисленные аргументы, которые съ замѣчательнымъ искусствомъ сгруппированы были въ мнѣніи меньшинства румынской палаты депутатовъ, по случаю перваго избіенія евреевъ въ разныхъ городахъ Молдавіи. Въ этомъ мнѣніи болѣе всего настаивалось на томъ, что евреи, вслѣдствіе своей религіи, которая есть въ то же время

и ихъ гражданская конституція, образуютъ непремѣнно государство въ государствѣ, несовмѣстное съ современнымъ порядкомъ вещей въ Европѣ; вредъ отъ подобной двойственности не замѣчается только тамъ, гдѣ число евреевъ относительно невелико, по сравненію съ прочимъ населеніемъ. При этомъ евреи говорятъ обыкновенно языкомъ чуждымъ той національности, среди которой живутъ, считаютъ осквернѣніемъ (трефа) употребленіе съѣстныхъ припасовъ, покупаемыхъ отъ христіанъ, хотя сами монополизируютъ торговлю этими предметами и ставятъ христіанъ въ зависимость по снабженію предметами первой необходимости. Плодовитость еврейскаго племени изумительна и доказана положительно всѣми статистиками. Въ особенности же вредъ евреевъ проистекаетъ отъ наклонности ихъ эксплоатировать менѣе развитыя расы. Въ странахъ, гдѣ евреи пользуются равноправностью и торговля процвѣтаетъ, евреевъ очень мало, и только денежные банкирскіе обороты находятся обыкновенно въ ихъ рукахъ; но, гдѣ населеніе простодушно, число евреевъ увеличивается непомѣрно, эксплоатація ихъ превосходитъ всѣ предѣлы и дѣлается для низшихъ классовъ совершенно невыносимою, отчего естественно рождается мысль о кровавыхъ репресаліяхъ. Такъ, въ Румыніи въ какія-нибудь десять лѣтъ число евреевъ съ 50,000 душъ поднялось до 500,000. Послѣ развитія вывоза хлѣба изъ дунайскихъ портовъ, при отношеніи одного еврея на четырехъ румынъ, положеніе Румыніи сдѣлалось отчаяннымъ; очень быстро все населеніе задолжало евреямъ, а собственность городская и поземельная начали переходить въ еврейскія руки. Тѣ же явленія наблюдаются въ Австріи, Венгріи, Германіи и у насъ.

Ссылка панегиристовъ на геніевъ изъ евреевъ говоритъ скорѣе противъ послѣднихъ, нежели за нихъ. Только освободившись отъ тупого деспотизма кагала и узкаго религіознаго фанатизма и ставъ нѣмцами, французами, англичанами и т. д., эти евреи получили возможность сдѣлаться извѣстными. Наоборотъ, тамъ, гдѣ при многочисленности своей евреи были сложены въ болѣе плотныя корпораціи, какъ въ Россіи или Польшѣ, никакихъ геніевъ еврейское племя пока не произвело, а съ поконъ вѣка занималось исключительно эксплоатаціей неразвитаго населенія, давало деньги на проценты, торговало водкою и развратомъ, брало церкви на откупъ и проч. Еще менѣе убѣдительно мнѣніе Маколея, потому что оно противорѣчитъ исторіи, которая очень хорошо освѣтила теперь положеніе евреевъ. Евреи, какъ раса совершенно чуждая индо-европейскимъ племенамъ, обладаютъ такими свойствами,

которыя рѣшительно не даютъ имъ возможности ассимилироваться, кромѣ, конечно, отдѣльныхъ случаевъ. Кто знакомъ съ исторіей и этнографіей, для того означенное явленіе весьма понятно.

Евреи вѣдь принадлежатъ къ тому же сирійскому племени, что финикіяне и карѳагеняне, которые и въ древнемъ мірѣ занимались почти исключительно торговлей, являясь только посредниками между производителями и потребителями; уже въ глубокой древности евреи были разсѣяны по Европѣ, Азіи и Африкѣ, жили отдѣльными колоніями въ городахъ и занимались торговлей и банкирскими операціями. Такое положеніе еврейскаго племени, какъ извѣстно, много способствовало быстрому распространенію христіанства въ древнемъ мірѣ. Современныя черты еврейскаго племени можно легко наблюдать и въ такомъ компетентномъ источникѣ, какъ Библія. Какъ хорошо, напримѣръ, обрисованъ еврейскій характеръ въ личности Якова, образчикѣ терпѣнія, предусмотрительности и ловкости, свойственныхъ племени. Въ Библіи евреи вообще очерчены тѣми же качествами, которыя дѣлаютъ ихъ ненавистными и нынѣ. Еще Господь повелѣлъ Моисею: „скажи сынамъ израилевымъ: вы народъ жестоковыйный“. Пророки Іезекіиль, Исайя и др. называютъ евреевъ не иначе, какъ народомъ „матежнымъ“, „съ лицомъ жестокимъ“, „безсердечнымъ“, „непокорнымъ“, „съ каменнымъ сердцемъ“, „злобнымъ“, „съ мѣднымъ лбомъ“, „вѣроломнымъ“, „обманщикомъ, несправедливымъ, преступнымъ и вносящимъ смуту“, „легкомысленнымъ“, „неблагодарнымъ“, „распущеннымъ“. Въ словахъ этихъ нѣтъ никакой разницы съ тѣми упреками, которые теперь ежедневно обращаются противъ евреевъ въ русскихъ, нѣмецкихъ, румынскихъ и венгерскихъ газетахъ. „Пройдите по улицамъ, смотрите всюду, говоритъ Іеремія о Іерусалимѣ, глядите и ищите на площадяхъ! Если вы найдете хотя одного человѣка, одного только человѣка, который дѣлаетъ добро и ищетъ правды, я пощажу городъ!“ Такого человѣка, однако, не нашлось...

Въ 3-мъ томѣ своей замѣчательной „Histoire universelle“ Маріусъ Фонтанъ блестящимъ образомъ очертилъ еврейскій характеръ, какъ онъ проявился въ древней еврейской исторіи, писанной самими евреями. „Раса, къ которой принадлежитъ Авраамъ говоритъ Фонтанъ, была азіятскою по преимуществу, пріученною къ суровому климату и нездоровой мѣстности и настолько проникнутою болѣзнями, что послѣднія какъ бы застраховали еврейское тѣло отъ новыхъ недуговъ. Проказа сдѣлалась для нихъ

чѣмъ-то въ родѣ оспопрививанія; она мучила ихъ постоянно, но и предохраняла; во всякомъ случаѣ евреи къ ней совершенно привыкли. Это внѣшнее возбужденіе какъ бы освобождало мозгъ еврея, который быстро схватывалъ вещи, тщательно вычислялъ послѣдствія и который глубоко обдумывалъ бы свои мысли, если бы страсти не были для него опасны, вліяя на тѣло разгоряченное, нетерпѣливое и возбужденное".

„Отличное орудіе размноженія, но самый дурной дѣятель, еврей никогда не знаетъ мѣры и его дѣянія превосходятъ, нерѣдко до оскорбленія здраваго смысла, предѣлы человѣческихъ чувствованій. Когда еврей господствуетъ, его начальствованіе всегда жестоко, какъ правитель—онъ дѣлается деспотомъ, какъ священникъ—его авторитетъ обращается въ тиранію, какъ пророкъ—проповѣдь его полна проклятій, какъ воинъ—его храбрость жестока, какъ философъ—его спокойствіе низость, какъ купецъ—его торговля обманъ. Семейство для него только ассоціація, любовь—одно чувственное наслажденіе".

„Разсѣявшись по Европѣ послѣ своего пораженія, евреи, всюду ненавидимые, презираемые и отвергнутые, естественно выдѣлились въ группы и потеряли выгоды начавшагося скрещиванія ихъ расы. Они сохранили, однако, свойство своего тѣла, сопротивляться эпидеміямъ и всякаго рода бѣдствіямъ. Необыкновенно повсюду живучіе, евреи менѣе подвержены смертности, чѣмъ арійскіе племена Европы; они постоянно плодятся во всѣхъ странахъ и подъ всѣми климатами, поощряемые къ воспроизведенію и своимъ законодательствомъ и требованіемъ своей плоти, вѣчно горящей и требующей движенія".

Нравы евреевъ, совершенно азіятскіе и упорные, не допускали улучшенія расы. Въ этомъ случаѣ евреи похожи на другихъ азіятовъ. Даже физически они нисколько не измѣнились съ вѣками и Библія описываетъ ихъ такими же, какими они встрѣчаются теперь отъ Ирландіи до Китая — худыми, малокровными, страдающими отъ накожныхъ болѣзней или халдейской лихорадки. „Хитрые, скрытные, упрямые, мстительные, говоритъ Фонтанъ—евреи дѣлаются легко жестокими и склонными къ хищенію, клеветѣ и убійству. Легкомысленные и волнующіеся, они не въ состояніи управляться и образуютъ то непокорное племя, тотъ „родъ съ лицомъ суровымъ и каменнымъ сердцемъ", который проклинаетъ Іезекіиль".

„Страстно любящіе интриги и крайне неблагодарные"—„распу-

енные какъ обманчивая тетива",—евреи никогда не подчиняются же тѣмъ, кого власть добровольно примутъ; извѣстно какъ они лоняются и скрываются отъ всѣхъ законовъ, изданныхъ даже ихъ пользу. Имѣя отъ природы „великое усердіе къ дурному", реи привели въ отчаяніе всѣхъ своихъ руководителей безъ исклю-нія. „Посмотри,—говоритъ Исаія, съ отчаяніемъ сознавая свое ссиліе,—я тебя сплавилъ въ горнѣ, но не получилъ серебра". собственному опыту великій пророкъ заявляетъ, что Израиль ичего не стоитъ"...

Такова дѣйствительная, а не фантастическая исторія еврейскаго рактера, обусловленнаго расовыми свойствами, а не преслѣдова-ми. Ненависть къ труду была уже у библейскаго еврея. Трудъ едставлялся ему наказаніемъ. „Благословеніе Божіе даетъ бо-ство, тяжелый трудъ не прибавляетъ ничего", иронически гла-ъ еврейская мудрость. Изъ Египта евреи ушли потому, что не тѣли работать надъ постройкою укрѣпленій отъ иноземнаго на-ствія, а „занимались пустыми рѣчами". „И сдѣлали, гласитъ ходъ (гл. 12, ст. 35), сыны израилевы по слову Моисея и про-ли у египтянъ вещей серебряныхъ и вещей золотыхъ и одеждъ. сподь же далъ милость народу въ глазахъ египтянъ, и они да-ли ему, и обобралъ онъ египтянъ". Такъ оставили евреи народъ, ь два вѣка кормившій.

Говоря объ этой наживѣ, юдофилы отрицаютъ, будто древніе реи занимались ростовщичествомъ и ссылаются на то, что въ ейскомъ законѣ дозволеніе давать въ ростъ деньги сдѣлано ько по отношенію къ иностранцамъ и то внѣ страны. Но из-тно, что жизнь и законъ дѣло разное, и изъ различныхъ мѣстъ бли легко усмотрѣть, что ростовщичество евреями отлично пра-ювалось. Въ притчахъ Соломона сказано: „кто увеличиваетъ е состояніе высокими процентами, собираетъ быть можетъ для о, кто раздастъ его бѣднымъ". Пророкъ Іеремія, жившій при мъ Іоакимѣ, говорилъ: „никому не давалъ я въ ростъ и мнѣ кто не давалъ въ ростъ, а всѣ проклинаютъ меня".

Наши юдофилы говорятъ, что ни Цицеронъ, ни Тацитъ не об-ляютъ евреевъ въ ростовщичествѣ и другихъ порокахъ, припи-аемыхъ евреямъ нынѣшними юдофобами. Они ненавидѣли-де еевъ за ихъ религію, которую смѣшивали съ христіанскою. Но вѣ наши юдофилы не знаютъ, что сотни другихъ мѣстъ у латин-хъ писателей свидѣтельствуютъ, что денежныя операціи, ростов-ичество, равно какъ и продажа стараго платья въ Римской им-

періи были повсемѣстно въ рукахъ евреевъ. Аполлоніусъ Молонъ краснорѣчивый учитель Цицерона и Цезаря, замѣтилъ, что „евре никогда не изобрѣли ничего такого, что могло быть полезно дл человѣчества“. И это вѣрно, ибо даже переводный вексель, изоб рѣтеніе котораго долгое время приписывали евреямъ, уже был извѣстенъ древнимъ грекамъ.

Римляне ненавидѣли евреевъ, и какъ образчикъ того, какъ тепл относились римляне къ евреямъ, приводимъ отзывъ одного из лучшихъ римскихъ поэтовъ. Марціалъ, описывая „запахъ жида“ сравниваетъ его съ „сѣрными парами Albula, кафтаномъ старог солдата, дымомъ потухающаго ночника, гнилью змѣинаго ложа вонью лисицы“...

Если христіане встрѣчены были такъ недружелюбно римским обществомъ и заслужили, между прочимъ, рѣзкій отзывъ Тацита то именно потому, что римляне смѣшивали сначала христіанъ с евреями, а къ послѣднимъ одинаково и чернь, и образованны людъ относились недружелюбно. Историки церкви справедливо на ходятъ, что окончательное разореніе Іерусалима Адріаномъ был счастливымъ событіемъ для христіанской церкви. Хотя отказ евреевъ-христіанъ помогать своимъ соотечественникамъ вызвалъ с стороны послѣднихъ жестокія преслѣдованія (Milman. Hist. of th Jews), но съ этого времени римляне стали различать обѣ религі и дѣло христіанъ окончательно избавилось отъ вліянія евреевъ, это вліяніе, независимо отъ возбужденія римлянъ, было вредно по существу. Извѣстно изъ „Дѣяній апостольскихъ“ и апостол скихъ посланій, что съ первыхъ же шаговъ христіанства обращен ные евреи желали непремѣнно господствовать въ церкви.

Отъ паденія Римской имперіи до нашего времени, самые ра личные народы, не имѣвшіе никакого отношенія къ латинским взглядамъ и предразсудкамъ, были очень суровы къ евреямъ. Впр чемъ, и тамъ, гдѣ къ евреямъ относились дружелюбно, какъ в Польшѣ или въ Голландскихъ штатахъ, они рѣшительно отъ то лучше не дѣлались, а сохраняли всѣ свои національные поро Занимая въ Амстердамѣ среди чистоплотныхъ голландцевъ выда щееся положеніе, евреи за триста лѣтъ не успѣли умыться. Здѣ не могло быть и рѣчи объ угнетеніи и неравноправности, но стои зайти въ еврейскій кварталъ Амстердама, пройтись по улицѣ Іоо Bree, чтобы рѣшительно не найти никакой разницы между амсте дамскими евреями, прибывшими въ началѣ XVII столѣтія изъ По тугаліи и родившими Спинозу, и жидами Елисаветграда или М

ны. Вольтеръ очень мѣтко замѣтилъ, что евреи признавали всегда лько двѣ священныя обязанности: плодиться и наживать деньги. тотъ великій защитникъ равноправности не сказалъ слова о равно- авности евреевъ. Все, что пожелалъ онъ имъ—это, чтобы ихъ не ли на кострахъ.

Юдофилы не задумываются, однако, утверждать, что во всѣ учшія историческія эпохи евреи были поддерживаемы и покро- тельствуемы", Исторія это-де вполнѣ подтверждаетъ: такіе госу- ри, какъ египетскіе Птоломеи, Людовикъ Благочестивый, многіе дающіеся папы покровительствовали евреямъ; на Востокѣ евреи, дто бы, почти никакимъ преслѣдованіямъ не подвергались; какъ сточные халифы, такъ и испанскіе также всегда относились къ мъ любезно. Ненависть и преслѣдованія противъ евреевъ и Европѣ возбуждались лишь фанатическимъ католическимъ духо- нствомъ.

Чтобы опровергнуть это вранье, надобно бы написать цѣлую игу, не говоря уже о явномъ противорѣчіи между словами о ъ, что ненависть возбуждало духовенство, а многіе папы по- овительствовали евреямъ. Напомнимъ, что изъ Птоломеевъ Фи- аторъ обязалъ клеймить евреевъ на кожѣ въ честь Бахуса ображеніемъ плющеваго листа. Калифы повелѣли евреямъ носить одеждѣ кусокъ желтаго сукна (желтый цвѣтъ издревле счи- ся презрительнымъ, что до сихъ поръ сохранилось въ такъ ываемыхъ „желтыхъ билетахъ" проститутокъ). Эту кокарду тре- али потомъ для евреевъ и въ Европѣ. Людовикъ Благочестивый казалъ сжечь всѣ экземпляры Талмуда и указомъ 1254 года ретилъ жидамъ заниматься ростовщичествомъ, пригласивъ ихъ етно въ 1001 разъ заниматься честнымъ трудомъ. Считать его ровителемъ евреевъ возможно развѣ по сравненію съ Карломъ VI, орый, въ 1394 г., изгналъ евреевъ изъ Франціи навсегда.

Ограниченія противъ евреевъ были отмѣнены въ Революцію, уже при Имперіи были отчасти возстановлены. Юдофилы увѣ- тъ, что Наполеонъ I только собирался принять строгія мѣры про- ь евреевъ, вслѣдствіе интригъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, опа- пихся конкурренціи, но вся агитація ни къ чему не при- . Въ дѣйствительности противъ евреевъ писали императору менитый генералъ Келерманъ и не менѣе знаменитый юристъ галисъ. Наполеонъ I оцѣнилъ вредное вліяніе евреевъ и издалъ ѣты 17-го марта и 20-го іюля 1808 года, которыми обязалъ евъ принять европейскія имена и не отлучаться отъ мѣста

жительства, а для каждой торговли и промысла получать ежего
возобновляемыя разрѣшенія; въ другіе департаменты еврей м
ѣхать лишь, купивъ тамъ недвижимую собственность, для заня
земледѣліемъ, а не для занятія торговлею. Кромѣ того, у евре
было отнято право въ рекруты давать за себя замѣстителей. Тол
въ Реставрацію всѣ эти стѣсненія были отмѣнены.

Не менѣе ложно и завѣреніе нашихъ юдофиловъ, что „на
стокѣ евреи почти никакимъ преслѣдованіямъ не подвергалис
Каждый, кто бывалъ на Востокѣ, знаетъ, что до сихъ поръ,
говоря уже о прежнихъ вѣкахъ, нѣтъ болѣе жалкаго и безпр
наго населенія, какъ именно евреи въ мусульманскихъ страна
хотя Коранъ съ уваженіемъ говоритъ и о Моисеѣ и о Библ
Отъ Сѣверной Африки до Средней Азіи евреи въ полномъ смы
слова паріи, повсюду также они неизмѣнно занимаются тамъ
стовщичествомъ. Извѣстно, что когда еврей Кремье воспользова
смутнымъ временемъ войны 1870 года, чтобы даровать равноп
ность алжирскимъ евреямъ, то это вызвало въ странѣ всеоб
негодованіе и было одною изъ причинъ возстанія арабовъ. Для
слѣднихъ жиды не люди: никогда арабская женщина не закро
лица при жидѣ, а арабъ, убившій жида, считалъ бы себя на к
обезчещеннымъ.

Евреи ничѣмъ не отличаются на Востокѣ отъ своихъ собр
въ другихъ странахъ. Въ южной Аравіи есть евреи, которые вы
изъ Палестины съ незапамятныхъ временъ, быть можетъ до Ро
ства Христова, между тѣмъ они ничѣмъ существенно, кромѣ
стюма, не отличаются отъ нашихъ литовскихъ жидовъ, замѣ
грязнымъ бурнусомъ лапсердакъ. Для юдофиловъ, утверждающ
что виною всему преслѣдованіе, также должно быть весьма пол
тельно изученіе того, что происходитъ нынѣ въ Англіи по от
шенію къ еврейскому вопросу.

Какъ извѣстно, евреи были изгнаны изъ Англіи при Эдуард
Долгое время англичане и слышать не хотѣли объ этомъ „и
витомъ племени“. Въ первый разъ, и то по строгому выбору, ев
были вновь допущены въ Англію при Кромвелѣ. Съ тѣхъ п
они мало по малу, втираясь всюду, добились, въ 50-хъ годахъ
нѣшняго столѣтія, полной эмансипаціи и достигли того, что гла
правительства и лидеромъ консервативной аристократической па
былъ еврей, хотя и крещеный—лордъ Биконсфильдъ. И въ на
ящее время два англійскихъ министра, Гошенъ и баронъ Вор
еврейскаго происхожденія.

Эмансипація хотя и сдѣлала евреевъ въ Англіи очень вліятельными, но не создала къ нимъ симпатій въ населеніи. Во всякомъ случаѣ на евреевъ не обращали большого вниманія, пока число ихъ не превосходило нѣсколько десятковъ тысячъ и англійскіе жиды по костюму, манерамъ и образованію всячески старались не отличаться отъ массы англійскаго народа. Индеферентное у себя дома къ жидамъ, англійское правительство проявляло къ нимъ ужасную нѣжность въ другихъ странахъ. Кто не знаетъ дѣлъ Кортары, Пачифико и др.? А во время Берлинскаго конгресса сидофильство Англіи дошло даже до цинизма, граничащаго съ семизмомъ.

Когда послѣ безпорядковъ, вызванныхъ въ Австро-Венгріи, Германіи и Россіи жидовской эксплоатаціей, началась хотя и въ слабыхъ, къ несчастію, размѣрахъ эмиграція евреевъ, англійская печать стала громить „дикость и варварство“ русскихъ, угнетающихъ такую „полезную часть населенія“ и пр. Эти любезности продолжались, однако, не долго. Стоило нѣсколькимъ русскимъ евреямъ явиться въ Лондонъ и попробовать быть тамъ ремесленниками, какъ общественное мнѣніе въ Англіи совершенно измѣнило свое направленіе.

Въ офиціальномъ отчетѣ министерство торговли (Board of Trade) писало, что наплывъ русскихъ и нѣмецкихъ жидовъ до такой степени запружаетъ лондонскій рынокъ, что заработная плата упала до minimum'а и тысячи англійскихъ рабочихъ дошли, вслѣдствіе того, до совершенной крайности. Благотворительное еврейское общество въ Лондонѣ—Jewish Board of Guardians объявило для ограниченія наплыва заграничныхъ жидовъ, что не будетъ давать пособій тѣмъ евреямъ, которые живутъ въ Лондонѣ менѣе 6-ти мѣсяцевъ. Правительство въ 1887 г. сдѣлало небольшое изслѣдованіе о численности жидовъ въ средѣ рабочаго населенія, для чего опросило 29,451 рабочихъ. Наконецъ, вмѣшалась въ дѣло палата лордовъ и назначила комиссію для изслѣдованія такъ называемой sweating system.

Эта „система потѣнія“ состоитъ въ томъ, что для приготовленія готоваго платья еврейскіе ремесленники нанимаютъ еврейскихъ же рабочихъ изъ бѣднѣйшихъ эмигрантовъ и, помѣщая ихъ у себя въ грязныхъ конурахъ и кормя въ проголодь, заставляютъ работать по 18 часовъ въ сутки. Платье, приготовленное подобнымъ трудомъ, обходится, понятно, по цѣнамъ, съ которыми никогда не

въ состояніи конкуррировать, привыкшій къ извѣстному комфорту англійскій рабочій.

Защитники евреевъ, напр., г. Рафаловичъ въ „Economiste Français", доказываютъ, что англичане должны быть рады, что имѣютъ такимъ образомъ дешевое платье; но еслибы англичане и радовались за покупку дрянного жидовскаго платья, то это нисколько не сдѣлаетъ сытыми тѣхъ тысячъ лондонскихъ рабочихъ, которые кормились до того отъ портняжнаго мастерства и содержали свои семейства. А перемѣнить профессію трудно вездѣ, въ Англіи же при изобиліи рабочихъ рукъ, почти невозможно.

Комиссія палаты лордовъ уже представила предварительный отчетъ, она не сдѣлала пока заключенія, но нашла вопросъ о жидовской конкурренціи очень важнымъ и потребовала расширенія своихъ полномочій. Палата лордовъ немедленно удовлетворила желаніе комиссіи.

Что же такъ напугало англичанъ? А то, что въ 1885 году пріѣхало въ Лондонъ 2,348 евреевъ, въ 1886 году—3,089 евреевъ, въ 1887 году—1,856 евреевъ (на половину изъ Россіи, на половину изъ Германіи). Хотя въ это время еврейское благотворительное общество доставило возможность уѣхать изъ Лондона 4,03 жидамъ (въ томъ числѣ 40 проц. уѣхало совсѣмъ изъ Европы), и остатокъ въ 3,155 жидовъ ужасаетъ англичанъ, между тѣмъ въ Лондонѣ болѣе 4 милліоновъ жителей.

Почему же англичане не ужасались ранѣе и не ужасаются положенію нашего Западнаго края, гдѣ живетъ отъ 5 до 6 милліоновъ жидовъ и гдѣ мѣстами послѣдніе составляютъ 70% населенія? Надобно еще замѣтить, что лондонскіе жиды-эмигранты почти исключительно труженники-ремесленники: портные, кондитеры, башмачники и рабочіе на табачныхъ фабрикахъ. Евреи-тунеядцы заграницу не уѣхали, а остались въ Россіи, ибо они отлично понимали, что ихъ ожидаетъ тамъ голодная смерть.

Примѣръ Англіи весьма поучителенъ; онъ доказываетъ, что ничтожное число евреевъ производитъ экономическія революціи. Это, впрочемъ, и безъ Лондона извѣстно у насъ на примѣрѣ Сибири, Москвы, Нижегородской ярмарки, Баку и т. д. Иностранный примѣръ только окончательно подтверждаетъ русскій опытъ.

Во всякомъ случаѣ еслибы юдофилы и были правы въ своихъ цитатахъ и дѣйствительно всѣ знаменитости міра и всѣ народы Востока и Запада, древняго и новаго времени обожали евреевъ, то это ни на волосъ не должно измѣнить нашей политики. Россія

ветъ собственнымъ умомъ, еврей ей извѣстенъ съ первыхъ лѣтъ
истории вовсе не теоретически, а на практикѣ. За послѣднія
о лѣтъ Россія испытала всѣ ужасы еврейской эксплоатаціи, те-
рь она видитъ нашествіе евреевъ въ такія профессіи, какъ ли-
ратурная, адвокатская, судебно-административная, гдѣ семиты
обенно могутъ быть вредны, а поэтому и должно принимать всѣ
ры, указываемыя ей чувствомъ самосохраненія и здравымъ
ысломъ.

Охранители еврейскихъ интересовъ въ Россіи въ числѣ перво-
енныхъ своихъ аргументовъ противъ категорическаго разрѣше-
я еврейскаго вопроса выставляютъ тотъ фактъ, что народъ нашъ
ксплоатируется не одними евреями, но и собственными кулаками
міроѣдами; такимъ образомъ ненависть къ евреямъ основывается
дто бы, главнымъ образомъ, на религіозной почвѣ, въ экономи-
ескомъ же отношеніи евреи составляютъ только частицу явленія,
рочно водворившагося въ русскомъ строѣ общественной жизни.
ъ весьма основательной статьѣ о евреяхъ—„Іудаизмъ въ Россіи“—
ъ журналѣ „Югъ“ г. А. Умисса убѣдительно опровергъ этотъ
ргументъ гг. юдофиловъ.

„Мы не знаемъ, говоритъ онъ, ни одного факта, который бы
казалъ на возбужденіе народа, или хотя бы отдѣльнаго села, на
улаковъ и міроѣдовъ, между тѣмъ факты возбужденія народа про-
въ евреевъ у всѣхъ на глазахъ. Очевидно, что народъ дѣлаетъ
акое-то различіе между кулаками съ одной стороны и евреями съ
ругой“. Это различіе дѣйствительно существуетъ. По словамъ
Умиссы, оно и качественное и количественное.

Народъ видитъ и знаетъ, что кулакъ есть продуктъ своей же
реды: онъ воспитанъ тѣмъ же бытомъ, тѣми же нравами, какими
спитанъ и самъ народъ; кулакъ такъ же большею частью негра-
отенъ, такъ же не любитъ судебнаго разбирательства, такъ же
товъ при случаѣ попьянствовать, такъ же дѣйствуетъ особнякомъ,
акъ и всякій другой членъ общины, не имѣя никакихъ связей съ
тальными кулаками; вслѣдствіе всего этого кулакъ и предста-
ется въ глазахъ народа такимъ же членомъ общины, какъ и всѣ
тальные, съ тою только разницею, что онъ, кулакъ, смышленнѣе
ѣхъ и устойчивѣе, а потому и пользуется нуждою и слабостями
оихъ собратовъ. И народъ знаетъ, что для обузданія хищниче-
ихъ инстинктовъ кулака и для примиренія съ нимъ существуетъ
ая, русская, народная почва. Эта почва удерживаетъ кулака въ
звѣстныхъ границахъ его дѣятельности и на этой почвѣ кулаки

нерѣдко измѣняютъ свой образъ дѣятельности и перестаютъ быт кулаками.

Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляется народу еврей. Это прежд всего продуктъ чуждой ему среды; человѣкъ, воспитанный чуждым ему нравами, религіей и привычками; онъ почти всегда грамотен и не только не боится судебнаго разбирательства, но, напротив постоянно прибѣгаетъ къ нему; онъ никогда не въ состояніи увлечься съ народомъ и попировать съ нимъ; дѣйствуетъ онъ н особнякомъ, какъ всякій кулакъ, а имѣетъ неразрывныя связи с всѣми другими евреями, которые всегда и во всемъ помогаютъ ем Въ силу этого онъ и представляется народу чѣмъ-то совершенно отдѣльнымъ отъ его общины, не имѣющимъ съ нею ничего общаго Народу онъ представляется несравненно смышленнѣе, грамотнѣе и устойчивѣе своего родного кулака, и народъ знаетъ, что дл обузданія его хищническихъ инстинктовъ и для примиренія съ ним не существуетъ никакой почвы, ибо еврей — это продуктъ совер шенно другого міра; онъ поэтому, конечно, и не дорожитъ русской средой, ему нечего и страшиться оторваться отъ нея: у него есть своя среда, своя община, въ которой живетъ и питается весь ег нравственный міръ.

Къ русской средѣ евреи относятся по стольку, по скольку среда эта обладаетъ имуществомъ и трудомъ; нѣтъ у нея ни того, ни другого — не существуетъ для нея и еврея, ибо еврей немедленно отшатывается отъ такой среды. Кулакъ же отшатнуться не можетъ, ибо у него нѣтъ другого міра, кромѣ русской среды, въ которомъ онъ могъ бы жить и питаться.

Не менѣе велико въ глазахъ народа и количественное различіе между кулакомъ съ одной стороны и евреемъ съ другой. Если взять статистическія цифры даже такой губерніи, какъ Херсонская, гдѣ наплывъ евреевъ дѣло сравнительно новое, то оказывается, что на каждые девять человѣкъ мѣстнаго коренного населенія приходится 1 еврей.

Между тѣмъ если мы примемъ во вниманіе, что не во всякомъ селѣ у насъ существуютъ кулаки и міроѣды, что иногда въ селѣ, состоящемъ изъ двухъ, трехъ тысячъ душъ, не насчитается и десяти кулаковъ, то различіе въ численности между кулаками съ одной стороны и евреями съ другой представляется въ глазахъ народа различіемъ громаднымъ.

Евреи, судя по лѣтописямъ, появляются въ Кіевѣ въ X вѣкѣ, а въ настоящее время въ одномъ юго-западномъ краѣ евреевъ на

читывается по оффиціальнымъ, далеко неточнымъ исчисленіямъ, выше 2.000,000 человѣкъ. Значеніе этой цифры легко оцѣнить изъ слѣдующихъ соображеній. Вся масса еврейскаго населенія, за исключеніемъ немногихъ ремесленниковъ, не принимаетъ участія въ производствѣ, а занимается исключительно посредничествомъ и торговлею. Не отвергая вовсе пользы посредничества, нужно замѣтить, что такого количества посредниковъ нашъ юго-западный край не требуетъ, потому что во Франціи, напримѣръ въ ея прежнемъ объемѣ, при населеніи въ 40 милліоновъ, число лицъ занимавшихся всѣми видами торговой дѣятельности оказалось по переписи 1.800,000 чел., а можно ли сравнивать торговые обороты Франціи и юго-западныхъ губерній?

При этомъ евреи составляютъ элементъ весьма подвижный, который просто наводняетъ то тотъ, то другой пунктъ, смотря по надобности и по успѣху ихъ спекуляцій. Извѣстно, напримѣръ, что въ Одессѣ наплывъ евреевъ принялъ угрожающіе размѣры недавно. Въ концѣ 60-хъ годовъ евреи стали являться туда цѣлыми полчищами. По переписи 1859 г. въ населеніи Одессы одинъ еврей приходился на 7,4 душъ не еврейскаго населенія, а перепись населенія 1873 года, опять таки весьма неполная, открыла, что въ Одессѣ, не смотря на общее увеличеніе населенія слишкомъ на 50%, одинъ еврей приходится на 3,7 душъ не еврейскаго населенія. Во многихъ городахъ, какъ Вильно, Житоміръ, Каменецъ-Подольскъ и др., не говоря уже о Бердичевѣ, Шкловѣ и др., число евреевъ превосходитъ даже далеко число христіанъ, т. е. число эксплоататоровъ число эксплоатируемыхъ.

По закону Дарвина о борьбѣ за существованіе слабѣйшая раса уступаетъ постепенно мѣсто сильнѣйшей, которая имѣетъ болѣе средствъ приспособляться къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ этомъ случаѣ статистика, указывая на постепенное и быстрое усиленіе на западѣ и югѣ Россіи еврейскаго элемента подтверждаетъ, что послѣдній находится тамъ очевидно въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ для своего существованія, какъ бы противное ни утверждали юдофилы.

Въ „Адресъ-Календарѣ Одесскаго градоначальства на 1882 годъ“, изданномъ мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ, была помѣщена весьма любопытная статья о движеніи одесскаго населенія въ 1880 году. Изъ цифровыхъ данныхъ этой статьи легко сдѣлать заключеніе на сколько справедливы вопли о тягостномъ будто бы положеніи евреевъ въ чертѣ ихъ осѣдлости.

Извѣстно, что населеніе Одессы помимо прилива извнѣ постоянно возростаетъ естественнымъ путемъ. Разсматривая совокупность данныхъ о смертности и рожденіяхъ за истекшій восьмилѣтній періодъ по вѣроисповѣднымъ группамъ оказывается, что еврейское населеніе Одессы возростаетъ гораздо быстрѣе населенія христіанскаго. Въ среднемъ выводѣ христіанское населеніе избыткомъ рожденій увеличивалось ежегодно на 78,2 душъ, еврейское—на 628,5 душъ! Приведенныя данныя показываютъ также, что еврейская группа одесскаго населенія возростаетъ естественнымъ только путемъ въ *восемь разъ быстрѣе* христіанской группы населенія!

Изъ таблицы браковъ видно, что въ среднемъ выводѣ за истекшій восьмилѣтній періодъ изъ общаго числа заключенныхъ въ Одессѣ браковъ, 65,59% оныхъ заключено между христіанами и 34,41%—между евреями, но такъ какъ еврейская часть населенія составляла только четвертую часть общей населенности Одессы, то въ сущности на долю евреевъ приходилось значительно большее число браковъ, чѣмъ слѣдовало бы по среднему разсчету, что показываетъ извѣстный уровень благосостоянія. Надобно принять затѣмъ во вниманіе, что на каждый заключенный христіанскій бракъ приходилось въ среднемъ, за восемь лѣтъ, выводѣ—4,54 рожденія, а на каждый еврейскій бракъ—4,63 рожденія, и что смертность дѣтей среди еврейскаго населенія составляла въ Одессѣ, 37,13%, умершихъ, а среди христіанскаго населенія—46,08%, т. е. почти на 9% болѣе. Другими словами, евреи имѣютъ болѣе средствъ воспитывать своихъ дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ.

Очевидно, что характерныя черты еврейскаго населенія (частые и ранніе браки, частые разводы, въ видахъ устраненія безплодныхъ браковъ, особое напряженіе солидарности въ борьбѣ съ окружающими элементами) создаютъ этой группѣ населенія особыя условія, благопріятствующія ея преуспѣянію. Извѣстный еврейскій писатель г. Богровъ въ письмѣ въ „Новое Время“ обвинялъ одесскій статистическій комитетъ, что онъ естественный приростъ еврейскаго населенія въ Одессѣ спутываетъ съ приливомъ евреевъ извнѣ. Между тѣмъ комитетъ очень тщательно различалъ оба эти фактора быстраго возростанія еврейскаго населенія. Скорѣе, можно думать, что комитетъ слишкомъ еще умѣренно вычислялъ естественное приращеніе евреевъ, т. е. перевѣсъ рожденій надъ смертностью, ибо вещь общеизвѣстная русскимъ статистикамъ, что рожденія младенцевъ женскаго пола весьма неполно регистрируются раввинами.

Слѣдовательно евреевъ всегда родится болѣе нежели это видно изъ оффиціальныхъ таблицъ.

Затѣмъ объясненіе г. Богрова, что естественный приростъ еврейскаго населенія зависитъ отъ библейскихъ добродѣтелей евреевъ, могъ лишь вызватѣ улыбку,—такъ наивно это заявленіе. Кому же неизвѣстно, что публичные дома не только южной и западной Россіи, но и всей Европы и дальняго Востока до Сингапура включительно переполнены еврейками. Едва ли дома „терпимости такое могучее орудіе для укрѣпленія семейныхъ узъ. А кромѣ обитательницъ этихъ домовъ какая еще масса еврейскихъ женщинъ промышляетъ развратомъ, какъ извѣстно это каждому, кто бывалъ въ жидовскихъ городкахъ и мѣстечкахъ, въ чертѣ ихъ осѣдлости.

Послѣ плодовитости другая характерная черта евреевъ—это ихъ склонность къ торговымъ спекуляціямъ. Торговлю наиболѣе важными товарами Россія все болѣе и болѣе отдаетъ въ руки евреевъ посредниковъ. А что такое посредничество евреевъ, видно напр. изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ оффиціальномъ „Вѣстн. промыш. и финансовъ“ о томъ, какъ ведется торговля хлѣбомъ изъ центральной Россіи черезъ Привислянскій край и далѣе въ Пруссію, гдѣ весь экспортъ поступаетъ цѣликомъ въ еврейскія руки.

Евреи покупатели до того малоденежны, что часто не имѣютъ 10 р. на задатокъ подъ партію хлѣба. Еврей-маклеръ покупаетъ хлѣба для покупателя еврея и получаетъ за это рубль съ вагона отъ продавца. На пріемку въ амбаръ посылается еврей-пріемщикъ, получающій 50 коп. отъ каждаго принятаго вагона. На станцію товаръ поступаетъ къ еврею-товароотправителю, который, за досмотръ при погрузкѣ и выправку документовъ, получаетъ по 30 к. съ вагона. Дубликатъ накладной погруженнаго товара передается продавцу, который вмѣстѣ съ покупателемъ идетъ въ ссудную еврейскую контору, выдающую ссуду подъ учетъ дубликата. Ссуда выдается въ полной стоимости товара и здѣсь же производится окончательный разсчетъ съ продавцомъ. По ссудамъ въ еврейскихъ конторахъ взимается 1—$1^1/_2$% за 10 дней, т. е. отъ 36 до 54% годовыхъ. Если взять во вниманіе, что и мѣшки еврей-экспортеръ покупаетъ у еврея же торговца мѣшками, то окажется, что отъ каждаго отправленнаго вагона хлѣба кормится цѣлый десятокъ еврейскихъ семей.

Безденежность экспортеровъ-евреевъ тѣмъ невыгодна для интересовъ нашей хлѣбной торговли, что весь хлѣбъ отправляется обремененнымъ подтоварной банковой ссудой и, по прибытіи на стан-

цію назначенія, долженъ быть немедленно проданъ, несмотря на какой бы то ни было уровень цѣнъ: никакая выдержка здѣсь немыслима и невозможна. Свою долю вліянія имѣетъ и тотъ начетъ по ссудамъ, который, въ видѣ 35—54% годовыхъ, въ данномъ случаѣ падаетъ на дѣло экспорта.

Добро бы еще дѣло ограничилось этими накладными расходами, но къ нимъ надобно прибавить потери отъ еврейскихъ плутней. О характерѣ этихъ плутней очень часто упоминалось въ нашей печати *). Въ южныхъ портахъ нашихъ, напримѣръ, при пріемѣ хлѣба въ магазины, обвѣсъ и обмѣръ — самое обыденное явленіе, выразившееся на мѣстѣ даже въ особомъ мѣстномъ жаргонѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ употребительнѣйшихъ словъ этого жаргона: „кашировать"—значитъ дѣлать скидку съ цѣны, подъ предлогомъ несоотвѣтствія товара пробѣ; „ецкать" — придираться къ продавцу, чтобы сбить цѣну; „положеніе на магазинъ"—вычетъ изъ общаго вѣса хлѣба и т. п. По нѣкоторымъ разсчетамъ, потеря продавцевъ хлѣба по этимъ только плутнямъ составляетъ болѣе 4%. Сколько же всего теряется такимъ образомъ понапрасно денегъ, которыя не достаются производителю землевладѣльцу и земледѣльцу.

Питейная торговля у насъ по преимуществу сосредоточена въ рукахъ евреевъ. Выясненіе вопроса о степени участія ихъ въ торговлѣ питьями въ Россіи дѣло впрочемъ не легкое; это выясненіе имѣетъ практическое значеніе только при опредѣленіи размѣровъ „подъименной" торговли, т. е. содержанія заводовъ для выдѣлки крѣпкихъ напитковъ и питейныхъ заведеній на имя подставныхъ лицъ не изъ евреевъ **).

---

*) Въ любопытной, хотя и плохо написанной брошюрѣ о евреяхъ бессарабскій помѣщикъ г. Гриневичъ справедливо находилъ, что для борьбы съ евреями надобно помогать учрежденію провинціальныхъ органовъ гласности и дозволять, а не мѣшать послѣднимъ печатать статьи о кагалѣ и объ еврейскихъ продѣлкахъ. Съ другой стороны, для ознакомленія съ еврейскою изворотливостью и развращающимъ вліяніемъ на администрацію, г. Гриневичъ рекомендовалъ составленіе популярнаго свода наиболѣе интересныхъ дѣлъ, касающихся евреевъ и ихъ обычаевъ, по матеріаламъ, имѣющимся въ распоряженіи Министерствъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ.

**) Для комиссіи, пересматривавшей дѣйствующіе о евреяхъ въ Имперіи законы, департаментъ неокладныхъ сборовъ, вмѣстѣ съ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, собралъ подробныя свѣдѣнія о размѣрахъ еврейской питейной торговли въ Россіи. Свѣдѣнія эти, обработанныя г. Аленицынымъ, изданы отдѣльною книгою, чрезвычайно роскошно, съ такою массою графическихъ изображеній, что, подумаешь, что они назначены не для ученыхъ членовъ комиссіи,

Способовъ нарушать, или обходить мошенническимъ образомъ, ограниченія законнаго участія евреевъ въ питейной торговлѣ безчисленное множество. Наиболѣе практикуются слѣдующіе: открытіе заведенія на чужой землѣ, по соглашенію съ владѣльцемъ, на имя не-еврея и съ сидѣльцемъ изъ не-евреевъ; пріобрѣтеніе отъ не-еврея довѣренности на надзоръ за питейною торговлею, съ правомъ веденія всѣхъ дѣлъ; открытіе заведенія въ арендованномъ чужомъ домѣ на имя квартиранта не-еврея; содержаніе заведенія на имя хозяевъ дома, причемъ дѣйствительные хозяева, евреи, живутъ при немъ въ качествѣ квартирантовъ; наконецъ, разные другіе пріемы, въ которыхъ подставное лицо обыкновенно находится въ зависимости отъ еврея, или получаетъ отъ него гонораръ какъ за довѣренность, такъ и за выполненіе обязанностей хозяина или сидѣльца. Вообще дѣло подъименной торговли обставляется настолько „аккуратно“, что нѣтъ возможности разобраться въ немъ ни чинамъ акцизнаго, ни чинамъ прокурорскаго надзора.

Между тѣмъ дѣло это настолько производится явно и гласно, что для статистическихъ работъ евреи не считали даже нужнымъ скрываться. Благодаря подобной точности, мы знаемъ теперь, что противузаконно владѣли евреи въ чертѣ осѣдлости 46 проц. общаго числа трактировъ и харчевень, 45 проц. корчемъ, 54 проц. кабаковъ, 40 проц. винныхъ погребовъ, 29 проц. ренсковыхъ погребовъ. Въ Привислянскихъ губерніяхъ процентъ противузаконной еврейской торговли доходилъ, напримѣръ, по владѣнію корчмами до 89 проц.! А между тѣмъ гг. еврейскіе публицисты жалуются еще постоянно на притѣсненія еврейской торговли. Хороши притѣсненія, когда десять тысячъ евреевъ могутъ прямо и спокойно нарушать писанные для ихъ обузданія законы!

Для оцѣнки собственно статистическихъ цифръ, надобно имѣть въ виду, что черта еврейской осѣдлости обнимаетъ въ Россіи, кромѣ Привислянскаго края, только 15 губерній, въ прочихъ губерніяхъ евреи составляютъ еще, слава Богу! элементъ случайный. Теперь вотъ главные выводы г. Аленицына. Во всѣхъ обслѣдованныхъ частяхъ Россіи евреямъ принадлежало болѣе четверти всѣхъ питейныхъ заведеній, въ томъ числѣ въ Европейской Россіи нѣсколько менѣе трети, а въ Азіятской Россіи 4,1 проц. Совсѣмъ

а для людей, которые, какъ малые дѣти, не могутъ мыслить отвлеченно, а вырабатываютъ понятія по картинкамъ, лежащимъ передъ глазами. Это замѣчаніе мы дѣлаемъ мимоходомъ, графическій способъ имѣетъ свои достоинства, но злоупотреблять имъ въ статистикѣ нечего.

другія отношенія являются, если взять одну черту еврейской осѣдлости. Здѣсь евреи содержатъ только нѣсколько менѣе двухъ третей всѣхъ заведеній, а въ привислянскихъ губерніяхъ почти половину. Наибольшихъ размѣровъ достигаетъ еврейская питейная торговля въ губерніяхъ: Гродненской, Могилевской, Минской, Ковенской и Виленской, а именно отъ 95 до 90 проц. общаго числа заведеній.

Въ частности мы оставимъ безъ вниманія прочія губерніи Россіи, гдѣ евреевъ мало, слѣдовательно, и еврейскихъ заводовъ и кабаковъ не много, и обратимся къ чертѣ еврейской осѣдлости. Въ этомъ-то еврейскомъ царствѣ, гдѣ евреевъ въ десять разъ больше, чѣмъ ихъ было въ Іудеѣ во времена величайшей славы Давида и Соломона, евреямъ принадлежало *болѣе половины* всѣхъ винокуренныхъ заводовъ, *почти три четверти* пивоваренныхъ, *семь восьмыхъ* оптовыхъ складовъ спирта, немного менѣе *половины* трактировъ и харчевень, *свыше двухъ третей* корчемъ, около *двухъ третей* шинковъ и питейныхъ домовъ, *двѣ пятыхъ* винныхъ погребовъ и почти *половина* ренсковыхъ погребовъ и штофныхъ лавокъ.

Но это еще далеко не полная картина размѣровъ еврейской питейной торговли, ибо во избѣжаніе слишкомъ сложной работы не были собраны свѣдѣнія объ участіи евреевъ въ содержаніи водочныхъ и медоваренныхъ заводовъ, пивныхъ и портерныхъ лавокъ, временныхъ питейныхъ заведеній и т. п. А понятно, что и въ этого рода промышленности и въ торговлѣ участіе евреевъ должно быть не меньшее.

Можно указать очень мало мѣропріятій, которыя существенно повліяли до сихъ подъ на сближеніе евреевъ съ русскимъ населеніемъ. Самое жесткое изъ нихъ — рекрутская повинность всячески избѣгается евреями. Вѣдомость о выполненіи призыва къ отправленію воинской повинности въ 1876 году показала, напримѣръ, что принятыя передъ тѣмъ очень строгія мѣры къ привлеченію евреевъ къ отбыванію ненавистной для нихъ повинности все-таки не принесли существенной пользы; даже возстановленіе прежняго правила, чтобы недоимка по недобору изъ евреевъ непремѣнно пополнялась евреями и ни въ какомъ случаѣ не падала на христіанъ, повидимому осталась безсильною. Насколько велико уклоненіе евреевъ отъ воинской повинности, явствовало изъ слѣдующихъ данныхъ. Общее число лицъ, подлежавшихъ вынутію жеребья, составляло въ 1876 году 673,259, въ томъ числѣ евреевъ 28,372. Изъ означеннаго числа не явилось къ пріему 18,798, въ томъ числѣ евреевъ 5,875, т. е. евреевъ не явилось болѣе 20%, а другихъ сословій около

3%. Затѣмъ изъ числа назначенныхъ къ поступленію на службу по разверсткѣ дѣйствительно принято, не считая евреевъ, 189,482, а недобрано 270 человѣкъ, евреевъ же слѣдовало къ поступленію 6181, а недобрано 2,488, т. е. 40%. Такое количество недобора евреевъ показываетъ, что изъ явившихся къ призыву множество евреевъ было освобождено по болѣзненному состоянію или семейнымъ льготамъ, которыя евреи довольно искусно приготовляютъ заранѣе особою діэтою и поддѣлкою документовъ.

Въ царствованіе Императора Николая Павловича по отношенію къ еврейской военной повинности и вообще по отношенію къ евреямъ былъ изданъ рядъ замѣчательныхъ узаконеній, имѣвшихъ цѣлью урегулированіе положенія этой части нашего народонаселенія. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ означенныхъ узаконеній были потомъ отмѣнены, другія же хотя остались въ Сводѣ Законовъ, но, какъ теперь выяснилось, не исполнялись администраціей по слабости надзора со стороны тѣхъ лицъ, которыя обязаны были наблюдать за точнымъ исполненіемъ законовъ, а также отъ необыкновеннаго искуства евреевъ обходить законы.

Взглядъ покойнаго Государя на евреевъ хорошо видѣнъ изъ записокъ бывшаго генералъ-губернатора Сѣверо-западнаго края, Мирковича, отрывокъ которыхъ напечатанъ въ „Русской Старинѣ“. Мирковичъ—замѣтимъ, человѣкъ весьма просвѣщенный: онъ былъ директоромъ кадетскаго корпуса и помощникомъ Киселева въ Придунайскихъ княжествахъ — въ 1840 году, жаловался Николаю Павловичу, что будь Минская губернія въ рукахъ другихъ жителей, она была бы богата. „Но нынѣ, говорилъ онъ, во всѣхъ городахъ бѣдность, населеніе еврейское совершенно одолѣло христіанъ и кромѣ мелочной обманной ихъ торговли, никакой другой нѣтъ. Помѣщики хотя и занимаются своими имѣніями и фабриками сами, но всѣ ихъ произведенія попадаютъ въ руки жалкихъ евреевъ“. Пинскъ обратилъ на себя особенное вниманіе Мирковича; это лучшій уѣздный городъ Минской губерніи, говорилъ онъ, но большая часть населенія — еврейское.

— „Ихъ надо бы выжить и водворить тамъ русскихъ купцовъ, замѣтилъ Императоръ. Обдумай, какъ бы это сдѣлать; можно дать нашимъ привилегіи, которыя бы ихъ пріохотили селиться“.

Осматривая брестъ-литовскую крѣпость, Государь увидѣлъ огромную толпу евреевъ, слѣдовавшихъ внизу за нимъ, остановился и спросилъ Мирковича:

— „Чѣмъ они живутъ? Надо непремѣнно придумать, что съ

ними дѣлать, и этимъ тунеядцамъ дать работу. Мнѣ надо ихъ выжить отсюда. Послѣдній разъ, когда я былъ въ Одессѣ, встрѣтилъ я тамъ толпы шатающихся безъ дѣла цыганъ въ совершенной нищетѣ, нагіе, дѣвки восемнадцати лѣтъ голыя. Безобразіе и позоръ. Я говорю Воронцову: что ты ихъ не приведешь въ порядокъ? Онъ мнѣ отвѣчаетъ: мнѣ съ ними не сладить. Всѣ мѣры, которыя я принималъ, остались безъ успѣха.—Такъ постой, я съ ними слажу. Всѣхъ бродягъ и негодяевъ приказалъ брать, за опредѣленную поденную плату, на работу. Черезъ мѣсяцъ все исчезло. Можно бы и съ этими подобнымъ образомъ поступить. Подумай-ка, какъ бы изъ нихъ составить рабочія роты для крѣпостныхъ работъ".

Проходя въ комиссаріатъ, Государь опять увидѣлъ толпу евреевъ и сказалъ, обращаясь къ Мирковичу:

— „Voyez, voyez donc votre bon peuple. A tous les coeurs bien nés que la patrie est chère"!

Послѣднею фразою Государь, очевидно, намекалъ на то, что у евреевъ нѣтъ отечества. Въ арсеналѣ Государь обратилъ вниманіе фельдмаршала Паскевича на то, что на домахъ числа, опредѣляющія сроки ихъ сломки, не отвѣчаютъ дѣйствительной прочности зданій и прибавилъ:

— „Это надо передѣлать, тутъ виденъ явный подкупъ. Эти жиды кого не подкупятъ..."

Можно пожалѣть, что настойчивый и послѣдовательный въ своихъ дѣйствіяхъ Императоръ Николай, не довелъ своихъ предположеній относительно евреевъ до конца. И до сихъ поръ каждому, кто проѣзжаетъ по городамъ и мѣстечкамъ или желѣзнодорожнымъ станціямъ Западнаго края, невольно бросается въ глаза огромная толпа тунеядцевъ-евреевъ, снующихъ взадъ и впередъ. Подобнаго движенія нѣтъ въ самыхъ густо-населенныхъ мѣстахъ Западной Европы, но вся эта суета — одинъ обманъ глазъ и можетъ быть по справедливости приравнена къ работѣ пустой мельницы. Между тѣмъ вся эта нахальная толпа бездѣльниковъ одѣта, обута и накормлена на счетъ немногихъ оборванныхъ крестьянъ, робко поглядывающихъ на пришедшій къ станціи поѣздъ.

Вопросъ объ утилизаціи этого вреднѣйшаго пролетаріата остается на первой очереди, но едва ли у какой либо петербургской комиссіи, состоящей изъ полулиберальныхъ чиновниковъ, можетъ хватить достаточно смѣлости предложить мѣры практическія и строгія, которыя съ такой проницательностью и рѣшительностью истинно государственнаго человѣка высказывалъ Императоръ Николай.

ГЛАВА XVI.

Евреи.

Мѣры для разрѣшенія еврейскаго вопроса въ Россіи. — Полемика по поводу предложенныхъ мѣръ.—Эмиграція евреевъ.—Брошюра Демидова Санъ-Донато.—Майскіе законы.

Еврейскій вопросъ достался Россіи по наслѣдству отъ Польши. Лѣнивая и развращенная шляхта, жившая эксплоатаціей сельскаго населенія, неспособная къ труду и промышленности, охотно приняла себѣ въ пособники по эксплоатаціи евреевъ. Такимъ образомъ, земли Рѣчи Посполитой сдѣлались пріютомъ, куда собрались со всѣхъ концевъ Европы евреи. Присоединивъ послѣ 1772 года часть польскихъ областей, мы не могли продолжать прежней политики игнорированія евреевъ. Отъ послѣднихъ нельзя уже было открещиваться, какъ дѣлали Петръ Великій и Елизавета Петровна, объясняя первый, что у него и своихъ русскихъ плутовъ довольно, вторая—что не желаетъ отъ враговъ Христовыхъ интересной прибыли; пришлось съ евреями серьезно считаться.

Правительство наше, сознавая, что присутствіе большого числа евреевъ зло, взяло за образецъ медиковъ, которые не заботятся о части тѣла, пораженной извѣстной язвой, а стараются лишь воспрепятствовать дальнѣйшему распространенію болѣзни и зараженію здоровыхъ частей организма. Поэтому правительство не желало бороться съ евреями въ тѣхъ областяхъ, гдѣ они вѣками сидѣли уже на шеѣ мѣстнаго населенія, оно открыло даже еврейской предпріимчивости пустынный тогда Новороссійскій край, но затѣмъ тщательно продолжало охранять остальныя области Россіи отъ вторженія еврейской эксплоатаціи.

Заставы, однако, дѣлались все менѣе и менѣе строгими и те-

перь, обходя законъ, а еще чаще обходя администрацію, евреи разсыпались мало по малу по землѣ русской, повсюду возбуждая буквально тѣ же самыя жалобы, которыя они возбуждали въ Западной Россіи.

Въ послѣдней положеніе вещей сдѣлалось почти невыносимымъ, какимъ было оно въ половинѣ XVII столѣтія, въ моментъ полнаго торжества шляхты въ средѣ русскаго населенія. Что же предлагаютъ юдофилы для устраненія подобнаго прискорбнаго состоянія? А ничего болѣе, какъ распространеніе еврейства по всей Россіи, уничтоженіемъ всѣхъ легальныхъ ограниченій и полнымъ приравненіемъ евреевъ къ коренному русскому населенію. По мнѣнію „Порядка", „Голоса", „Новостей" и др. еврействующихъ органовъ, стоитъ снять карантинныя преграды и евреи, разсыропливаясь, такъ сказать, въ массѣ русскаго населенія, потеряютъ свои несимпатическія національныя черты и сдѣлаются полезною частью русскаго населенія.

Увы! Это весьма печальное заблужденіе. Разселеніе евреевъ по Россіи имѣло бы значеніе, еслибы извѣстная ихъ способность къ торговлѣ могла бы быть приложена съ выгодою, но торговый классъ, въ особенности по отраслямъ комиссіонерской и банкирской, къ которымъ несомнѣнно евреи имѣютъ блистательныя и рѣдкія способности, чтобы приносить пользу, не долженъ, какъ мы говорили, составлять болѣе извѣстнаго, весьма малаго процента всего населенія. Чѣмъ народъ бѣднѣе, некультурнѣе, малопромышленнѣе, тѣмъ классъ посредниковъ долженъ быть относительно менѣе. Поэтому вопросъ разрѣшался бы очень просто, еслибъ евреевъ въ Россіи было сто, двѣсти тысячъ. Тогда пожалуй отъ нихъ можно бы ждать пользы, за извѣстными неизбѣжными исключеніями. Но евреевъ въ Россіи нѣсколько милліоновъ, да если эмансипировать ихъ вполнѣ, то еще прибавится густая масса евреевъ изъ Румыніи, Австріи и Германіи. Что же дѣлать съ этими милліонами посредниковъ и комиссіонеровъ? Вѣдь они, не внося ничего въ народную производительность, лишь высосутъ въ нѣсколько лѣтъ всю непочатую еще часть Россіи.

Мало того, если евреи и при нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ плодятся, какъ несомнѣнно доказываетъ статистика, несравненно быстрѣе христіанскаго населенія въ южной и западной Россіи, то какъ быстро начнутъ плодиться они, получивъ возможность жить на счетъ цѣлой Россіи. Очень вѣроятно, что еврейское на-

ение въ Россіи дойдетъ тогда до десяти милліоновъ. Цифра, о
горой страшно и подумать!

Медицина давно установила фактъ, что нѣкоторые организмы
выносятъ присутствія извѣстныхъ веществъ хотя бы невинныхъ,
пр., земляники, раковъ, даже въ самомъ маломъ количествѣ. Это
йство называется идіосинкразіей. Бороться противъ него невоз-
жно и насиліе надъ подобнымъ организномъ производитъ только
ороги и страданія. Относительно евреевъ нашъ народный орга-
мъ находится отчасти въ состояніи идіосинкразіи. Какъ бы нѣ-
орые наивные публицисты ни доказывали благъ еврейской ци-
изаціи и талантливости племени, создавшаго Гейне и Мейер-
а, но народъ русскій, подобно венграмъ и румынамъ, открещи-
тся отъ этой цивилизаціи и отъ еврейскихъ талантовъ.

Безпорядки въ Ростовѣ-на-Дону, Екатеринославѣ и Нижнемъ
ородѣ отлично подтверждаютъ лживость теоріи, никогда не
ѣлявшейся нашимъ правительствомъ, будто бы разселеніе по
Россіи евреевъ малыми порціями, другими словами, упразд-
іе „черты осѣдлости", есть наилучшее рѣшеніе еврейскаго воп-
а. Въ вышеозначенныхъ городахъ евреевъ, сравнительно съ чис-
ъ евреевъ въ юго и сѣверо-западномъ краѣ и въ Бессарабіи,
ного, а сравнительно съ массою русскаго населенія даже и
ь мало, между тѣмъ безпорядки показали, что и этого коли-
ва евреевъ переварить не можетъ тамошній народный орга-
мъ.

Это подтверждается и другими примѣрами. Изъ оффиціальнаго
та г. Августиновича, напечатаннаго въ „Правительственномъ
ѣстникѣ", видно, что на Сахалинѣ колонизація шла спокойно и
ой торговли спиртомъ не было, пока въ числѣ ссыльно-каторж-
ъ не появилось случайно нѣсколькихъ евреевъ. Съ прибытіемъ
все измѣнилось. Спиртъ, не смотря на строжайшее преслѣдо-
е, сталъ привозиться тайно, зашитый въ шкурки животныхъ и
аваться по три рубля стаканъ, а затѣмъ, окончившіе свои сроки
ративніеся въ поселенцевъ, ссыльно-каторжные стали быстро
ивать данное имъ казною обзаведеніе, евреи же также быстро
чивать себѣ капитальчики. Ни одинъ почти еврей не подвер-
я тяжелымъ работамъ, пишетъ г. Августиновичъ. Средства
ь имъ возможность всегда нанимать вмѣсто себя другихъ ка-
ныхъ для выполненія рабочихъ уроковъ, а сами они въ то же
занимаются контрабандною продажею спиртныхъ напитковъ
у ссыльно-каторжными, у которыхъ они, подобно піявкамъ,

высасывают послѣднюю заработанную копѣйку и выманивают во одежду.

Закаспійская область также не относится къ мѣстностямъ, г разрѣшена еврейская осѣдлость, между тѣмъ, вотъ что писали „Новое Обозрѣніе“ изъ форта Александровскаго: „Разрушенію пр вильнаго и спокойнаго, установившагося многими годами, поряд нашей жизни очень усердно помогаютъ не вѣсть откуда явившіе евреи. Пронырливые, не останавливающіеся ни передъ каки средствами для выцѣживанія изъ степи всевозможныхъ соко сыны Израиля не мало содѣйствуютъ порчѣ отношеній степняко къ русскимъ. Пользуясь тѣмъ, что кредитъ степняковъ у мѣстны торговцевъ упалъ, евреи забрали киргизовъ въ свои руки, не оп стивъ, конечно, случая ставить должникамъ самыя обременител ныя условія, которыя съ теченіемъ времени сдѣлались тоже стымъ звукомъ“...

Фортъ Александровскъ (Тюбъ-Караганъ) на Каспійскомъ морѣ одна изъ самыхъ глухихъ мѣстностей не только Россіи, но и вс цивилизованнаго міра. Если здѣсь евреи успѣли установить мо полію, то что должно дѣлаться въ мѣстахъ болѣе населенны Если десятокъ евреевъ дѣлаетъ такой переворотъ въ цѣло краѣ, то что произошло бы съ Россіей, если бы исполнилась ме гг. Бакста, Мандельштама, Гинцбурга, Драбкина и комп. и евре предоставили бы свободно *культивировать* всѣ русскія губер внѣ черты постоянной осѣдлости.

Сильные безпорядки, уже не первые, въ Венгріи по поводу ев евъ доказываютъ, что и политическая эмансипація вовсе не р рѣшаетъ еврейскаго вопроса. Въ Венгріи евреи вполнѣ равнопра съ христіанами, но это не измѣнило свойствъ ихъ расы и нискол не уменьшило недоброжелательныхъ къ нимъ отношеній мѣстн не еврейскаго населенія. Мы ни на минуту не сомнѣваемся, равноправность евреевъ поведетъ и въ Россіи къ худшему злу тивъ нынѣшняго. Она равносильна поступку того человѣка, к рый, испугавшись дождя, кинулся въ воду. Ужь если хлопотат чемъ-либо въ настоящую минуту, если думать о коренномъ ра шеніи еврейскаго вопроса, то надобно заботиться вовсе не о ноправности, т. е. о прививкѣ еврейства ко всей Россіи, а на тивъ о возможномъ искорененіи его и изъ той части послѣдней, евреи укрѣпились въ силу историческихъ условій.

Но если равноправность и разселеніе не суть врачующія с тва, то должны же быть другіе какіе-нибудь пути для разрѣш

еврейскаго вопроса. Они дѣйствительно существуютъ. Ихъ и держится Румынія, систематически измѣнившая свое законодательство въ смыслѣ наилучшей постановки еврейскаго вопроса. Ограничительныя мѣры румынскаго законодательства, распространенныя сначала на села, затѣмъ на города и особенно на питейную торговлю, имѣли самыя благодѣтельныя послѣдствія; около половины евреевъ выселились въ Австрію, отчего, конечно, должна была оживиться мѣстная торговля въ Румыніи, угнетаемая эксплоатаціей.

Какъ и отъ всякой хронической болѣзни излечиться отъ еврейства нельзя. Слишкомъ радикальное леченіе можетъ повредить организму еще болѣе, чѣмъ самая болѣзнь. Но облегчить страданія возможно. Задача здѣсь одна: надобно добиваться не того только, чтобы евреи не могли эксплоатировать христіанское населеніе, что достигается различными ограниченіями, а чтобы еврейское населеніе всячески сокращалось въ Россіи, тогда какъ теперь оно растетъ очень быстро. Мы совершенно убѣждены, что пересмотромъ нашего законодательства можно въ значительной мѣрѣ добиться этого. Все сводится къ тому, чтобы для евреевъ сдѣлать болѣе выгодною эксплоатацію западной Европы и Америки, нежели Россіи. Если бы при этомъ ежегодно ассигновалось изъ государственнаго казначейства нѣсколько милліоновъ для облегченія эмиграціи еврейскаго пролетаріата, то этотъ переворотъ обошелся бы также благополучно, какъ обошелся онъ въ Ирландіи, во время великаго „исхода“ 1848—51 гг.

Евреи, какъ извѣстно, космополиты, они живутъ не на своей землѣ и не въ средѣ имъ почему-либо сочувственной, а гдѣ имъ выгоднѣе по теоріи: ubi bene ibi patria. Сдѣлалось имъ выгоднѣе въ концѣ 50-хъ годовъ жить въ Румыніи и въ южной Россіи и въ нѣсколько лѣтъ число евреевъ въ этой странѣ удесятерилось наплывомъ изъ всей Европы, къ глубокому отчаянію мѣстнаго населенія. Возможны, слѣдовательно, и обратныя явленія. Сдѣлайте еврею жизнь невыгодною, пребываніе неудобнымъ, онъ переселится туда, гдѣ ему покажется прибыльнѣе. Изъ Россіи не мало евреевъ отправляется ежегодно въ Америку. Вмѣсто разселенія евреевъ по Россіи постараемся разселить ихъ въ западной Европѣ и Америкѣ; тамъ на триста милліоновъ населенія евреевъ не наберется и милліона, т. е. и полпроцента, у насъ на девяносто милліоновъ ихъ пять милліоновъ, т. е. шесть процентовъ. Пожертвуемъ же Западу избытокъ этого способнаго племени. Оно и пригоднѣе тамъ, гдѣ капиталовъ больше, ремесленность очень развита, торговля гигант-

ская и нужда въ посредничествѣ постоянная. Такимъ образомъ мы окажемъ даже Европѣ и Соединеннымъ Штатамъ нѣкоторую услугу.

Для подобной услуги вовсе не надобно никакихъ насильственныхъ мѣръ; ни избивать, ни продавать въ рабство евреевъ не требуется, все это пріемы допотопные, столько же возмутительные, сколько и безполезные. Достаточно выработать такого рода постановленія о евреяхъ, которыя не только не давали бы приманки къ притоку новыхъ еврейскихъ силъ изъ-за границы, но всячески тянуло бы евреевъ къ отъѣзду заграницу и къ приложенію тамъ своихъ коммерческихъ способностей. Здѣсь недостаточно легкообходимыхъ воспрещеній содержать кабаки, или не ѣздить по Россіи. Надобно придумать цѣлый рядъ узаконеній, которыми воспрещались бы евреямъ пребываніе въ деревняхъ и всѣ такіе виды торговли, которые прямо или косвенно ведутъ къ эксплоатаціи низшей братіи; о покупкѣ или арендѣ земель евреями само собою не можетъ быть и рѣчи. Еврейское населеніе должно быть переписано и отдано подъ ближайшее наблюденіе особаго класса мировыхъ посредниковъ; школы для евреевъ должны быть учреждены повсемѣстно въ чисто русскомъ духѣ, смѣшанные браки евреевъ съ православными и католиками позволены, а для евреекъ даже и внутри Россіи, внѣ черты постоянной еврейской осѣдлости. Положимъ, что отъ получающихся такимъ образомъ „метисовъ“ пользы будетъ сначала немного, но надобно замѣтить, что, благодаря незаконнымъ рожденіямъ, и теперь Россія, имѣющая милліонное еврейское населеніе, не можетъ избавиться отъ скрещиванія двухъ расъ, арійской и семитской. Разница, однако, будетъ та, что при разрѣшеніи смѣшанныхъ браковъ (для чего надобно будетъ соборное постановленіе), получающіеся ублюдки будутъ воспитываться не еврейскимъ семействомъ и не будутъ исповѣдывать столь опасный для нихъ моисеевъ законъ. Затѣмъ хотя часть нажитаго евреями добра будетъ возвращаться въ христіанскія руки помощью приданаго, дарственныхъ записей и т. п. Воинская повинность должна отбываться евреями съ необыкновенною тщательностью безъ послабленій.

Вѣнцомъ всему должно служить однако учрежденіе, облегчающее еврейскія выселенія изъ Россіи. Графъ Н. П. Игнатьевъ прекрасно охарактеризовалъ значеніе этой мѣры, сказавъ депутатамъ „Еврейскаго всемірнаго союза“, что евреи люди въ Россіи совершенно свободные, ибо для нихъ всегда широко открыта... западная граница. Вопросъ только въ томъ, что для серьезной эмиграціи нужны деньги, ибо само собою разумѣется, эмигрировать будутъ

не богатые евреи, а бѣдняки, не имѣющіе куска хлѣба. Если бы правительство ассигновало ежегодно хотя по 20 милл. рубл. на поощреніе еврейскаго выселенія, то это было бы истиннымъ благодѣяніемъ не только для евреевъ, но и для цѣлой Россіи.

Если кому эта сумма, въ виду состоянія нашихъ финансовъ, покажется значительною, то можно показать, пользуясь книгою Дрюмона, на источникъ для покрытія расходовъ, который будетъ полнѣ справедливъ. Извѣстно, что евреи наживаютъ ежегодно въ Россіи милліоны и десятки милліоновъ не трудясь, не изобрѣтая и вообще не занимаясь—за исключеніемъ небольшого числа еврейскихъ ремесленниковъ, совершенныхъ пролетаріевъ—никакимъ производительнымъ трудомъ. Слѣдовательно если у евреевъ является капиталъ, то онъ несомнѣнно продуктъ эксплуатаціи и государство вправѣ облагать подобный продуктъ соотвѣтственнымъ налогомъ на пользу общую, чтобы нѣсколько возстановить равновѣсіе.

Мы не предлагаемъ, однако, облагать евреевъ налогомъ въ пользу эксплуатируемыхъ христіанъ. При всей своей справедливости,—ибо ради евреевъ содержится гораздо болѣе полиціи, акцизныхъ чиновниковъ, судей, не говоря уже объ учебныхъ заведеніяхъ,—спеціальный еврейскій налогъ сейчасъ бы вызвалъ жалобы и притѣсненіе. Ничто не мѣшаетъ, однако, обложить евреевъ сборомъ въ пользу ихъ меньшей братіи. Для этого надо бы взять за основаніе налогъ съ наслѣдства, который падаетъ исключительно на зажиточные классы населенія. Если къ этому налогу для евреевъ сдѣлать поправку въ томъ смыслѣ, что съ каждаго еврейскаго наслѣдства взимается прогрессивно, смотря по размѣру наслѣдства, отъ 5 до 50 проц. въ пользу еврейскаго переселенческаго фонда, то двадцать милліоновъ, о которыхъ сказано выше, нашлись бы безъ большого затрудненія. А на двадцать милліоновъ можно ежегодно содѣйствовать выселенію до 100,000 евреевъ, что въ двадцать лѣтъ очистило бы значительно наши западныя и южныя губерніи отъ эксплуататорскаго населенія.

Затѣмъ, подражая Австраліи, мы можемъ допускать выѣздъ извѣстной категоріи евреевъ: купцовъ, ремесленниковъ, техниковъ, врачей, адвокатовъ, учителей и т. п. за черту осѣдлости, со взиманіемъ съ каждаго извѣстной профессіональной пошлины. Подобная пошлина могла бы доставить нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ и также послужить для образованія фонда, необходимаго для выдачи пособій при выселеніи евреевъ изъ мѣстъ ихъ постоянной осѣдлости заграницу.

Помощь бѣднымъ евреямъ на отъѣздъ изъ Россіи должна, однако, дѣлаться подъ круговой отвѣтственностью, дабы еврей, получивъ казенную ссуду, не могъ снова вернуться въ Россію и взять, пожалуй, вторую ссуду. Лицо, разъ получившее субсидію на выѣздъ изъ Россіи, не имѣетъ права возвращаться. Всѣ формальности по оставленію евреями русскаго подданства должны быть упрощены и удешевлены до-нельзя, а для иностранцевъ еврейскаго вѣроисповѣданія въѣздъ въ Россію разъ навсегда безусловно запрещенъ, хотя бы на 24 часа, хотя бы въ составѣ дипломатическаго корпуса, или съ предложеніемъ отъ Ротшильдовъ даромъ заплатить всѣ наши государственные долги.

Нѣтъ сомнѣнія, что можно указанныя выше мѣры дополнить еще многими, не менѣе существенными. Но и перечисленныхъ достаточно, чтобы при энергическомъ и честномъ ихъ приложеніи и при затратѣ суммы, вдесятеро меньшей той, что евреи нажили въ Россіи на однѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, черта осѣдлости очистилась бы отъ половины своего еврейскаго населенія. Уже это было бы огромнымъ шагомъ впередъ.

[Въ нашей мысли нѣтъ ничего невѣроятнаго. Не говоря уже о библейскомъ исходѣ изъ Египта, мы напомнимъ еще разъ, что безъ малѣйшихъ насилій и потрясеній Ирландія въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ лишилась около трехъ милліоновъ тяготившаго ее избытка населенія. При новомъ „исходѣ“ евреевъ, Гинцбурги и другіе агенты „Всемірнаго еврейскаго союза“ въ Россіи могутъ взять на себя почетную роль вождей народа, которую играли нѣкогда Ааронъ и другіе поклонники золотого тельца.

Изложенный проектъ, напечатанный въ „Новомъ Времени“, очень не понравился евреямъ и русско-еврейской печати. Еще бы! Не для ихъ удовольствія онъ и былъ писанъ; цѣль его была болѣе серьезная — обсудить основательно и безъ фальшиваго лицемѣрія роковой для Россіи вопросъ. Вмѣсто подробнаго обсужденія, юдофильскія газеты прибѣгли къ наглой лжи, приписывая намъ мнѣнія, которыхъ у насъ и въ умѣ не было.

„Journal de St.-Pétersbourg“ увѣрялъ, напримѣръ, что мы ставимъ вопросъ, слѣдуетъ ли бить или не бить евреевъ, и находимъ „невѣроятнымъ“ оправданіе насилій; между тѣмъ, въ нашей статьѣ ясно было сказано, что подобный вопросъ задавала *толпа* на улицахъ Россіи; мы же только удивлялись слабости мѣръ, принимаемыхъ противъ грабежа, поджога и насилій, а вовсе не оправдывали, тѣмъ болѣе не одобряли послѣднихъ. Указывая на то,

прежде пытались устроить еврейскія земледѣльческія колоніи, но попытки эти не увѣнчались успѣхомъ, французская газета утверждала, что попытки эти не оправдали возлагавшихся на нихъ ожиданій, вслѣдствіе того, что у насъ привыкли слишкомъ нетерпѣливо ждать плодовъ, которые созрѣть могутъ только медленно.

„Голосъ“ еще рѣзче приписывалъ намъ проектъ изгнать евреевъ насильно изъ Россіи и съ пафосомъ восклицалъ: „Новое Время“ предлагаетъ русскому государству ни болѣе ни менѣе, какъ низойти на степень древняго Египта, а русскому государю снизойти до египетскаго Фараона Рамзеса!“

Мы не станемъ разбирать удивительной исторической проницательности „Голоса“, такъ категорически опредѣлившаго фараона, при которомъ произошелъ Исходъ — надъ чѣмъ тщетно ломала головы нѣмецкая критика. Но напомнимъ, что и въ Библіи нѣтъ рѣчи объ „изгнаніи“ евреевъ: рѣчь шла лишь, чтобы „отпустить“ ихъ. Дѣло, однако, не въ библейскихъ порядкахъ, а въ поощреніи эмиграціи. Въ этомъ рѣшительно нѣтъ ничего возмутительнаго или позорнаго для Россіи. Многія государства организуютъ эмиграцію своихъ подданныхъ заграницу на широкихъ началахъ. Эмиграція идетъ дѣятельно изъ Англіи, скандинавскихъ государствъ, Германіи, Португаліи и Сѣверной Италіи. Неужели все это страны азіятскія, какъ утверждалъ „Голосъ“, увѣрявшій, со словъ одного изъ писателей XVIII вѣка, что государство, гдѣ не благоденствуетъ каждый изъ гражданъ, есть только прикраса беззаконнаго самовластія.

Въ XVIII вѣкѣ могли забавляться подобными утопическими мечтаніями. Теперь думаютъ иначе и никто не видитъ бѣды, если ирландецъ или датчанинъ, тяготящій своихъ собратій избыткомъ предложенія рукъ, отправляется искать счастья въ другой странѣ, а не требуетъ droit au travail отъ своего государства. Евреевъ у насъ избытокъ. Въ этомъ все ихъ несчастье и вся суть еврейскаго вопроса. Вмѣсто разселенія евреевъ по Волгѣ и Оби, мы рекомендовали мѣры содѣйствовать разселенію ихъ по Рейну, Сенѣ и Миссури. О насиліи тутъ нѣтъ рѣчи.

„Голосъ“ пугалъ насъ даже такимъ наивнымъ вопросомъ: „А что, если и нѣкоторыя другія племена, населяющія нынѣ Россію, усмотрятъ въ этой государственной организаціи выселенія евреевъ особую привиллегію для еврейскаго племени и попросятъ объ организаціи такого же выселенія и для себя“? Ну что же, и слава Богу, отвѣтимъ мы, пусть выселяются и другіе. Да здѣсь даже нѣтъ

ничего новаго; изъ Россіи выселялись крымскіе татары трижды, выселялись кавказскіе горцы, выселялись нѣмецкіе колонисты. Каждый изъ нихъ искалъ лучшаго и нелѣпо было бы препятствовать такому естественному стремленію.

„Порядокъ“ такъ взволновался нашимъ проектомъ, что даже полемизировавшая съ нимъ „Русь“ отложила свою бесѣду о евреяхъ до того времени, когда мысли „Порядка“ не придутъ, по словамъ Аксакова, *въ порядокъ*.

У „Порядка“ неимѣлось никакого плана разрѣшенія еврейскаго вопроса. Суть его статей состояла лишь въ отрицаніи или вѣрнѣе порицаніи проекта „Новаго Времени“, который какъ ни судить, но все-таки нельзя не признать единственнымъ, предложившимъ какое-либо практическое разрѣшеніе еврейскаго вопроса въ Россіи. Не угодно ли сравнить его хоть съ тѣмъ, что предлагалъ въ „Порядкѣ“ покойный Кавелинъ, въ длинномъ, многорѣчивомъ фельетонѣ. По словамъ Кавелина „нужны умныя мѣры и умныя дѣла“. Чего, кажется, лучше. Въ чемъ же состояли эти умныя предложенія.

На это Кавелинъ дать, однако, отвѣтъ затруднялся. Онъ стоялъ за равноправность, потому что: „народный геній лежитъ, по его словамъ, въ идеалѣ всеобщаго добра и правды, который живетъ въ сердцахъ людей, носится передъ ними, какъ руководящій свѣточъ, въ самыя темныя и погибельныя времена, и потухаетъ тогда лишь, когда умираетъ народная психея“. Однако, не смотря на этотъ „свѣточъ“, человѣкъ сороковыхъ годовъ прибавлялъ: „Съ предразсудками, привычками, обстоятельствами надо считаться. Если теперешнее состояніе невѣжественныхъ еврейскихъ и крестьянскихъ массъ дѣлаетъ немедленное уравненіе въ правахъ тѣхъ и другихъ невозможнымъ, удержимъ тѣ или другія необходимѣйшія ограниченія, но будемъ на нихъ смотрѣть, какъ на неизбѣжное зло, которое, при первой же возможности, должно уступить мѣсто полной равноправности“.

Спрашивается, чѣмъ это мнѣніе отличается отъ нашего? Мы тоже ничего не имѣли бы противъ равноправности, если бы евреевъ въ Россіи считалось сто тысячъ, но разъ ихъ въ 50 разъ болѣе, необходимыя ограниченія неизбѣжны.

Для разрѣшенія еврейскаго вопроса Кавелинъ предлагалъ еще: „отличные“ законы, которыхъ нельзя было бы обойти, „прекрасныхъ“ судей и полицейскихъ чиновниковъ, развитіе въ народѣ предпріимчивости, образованія и кредита. Но это вѣдь есть разрѣше-

ніе русскаго, а не еврейскаго вопроса. Въ томъ и штука, какъ добиться этой *идеальной* Россіи, гдѣ все будетъ хорошо и благоустроенно. Разъ же это идеалъ, то не слѣдуетъ ли подумать о томъ, что же дѣлать въ ожиданіи идеала. Мы же увѣрены, что когда Россія начнетъ приближаться къ идеалу Кавелина, о евреяхъ заботиться не придется по той простой причинѣ, что они тогда разбѣгутся изъ Россіи. Извѣстно, что евреи терпѣть не могутъ идеальнаго порядка вещей и неохотно живутъ въ Англіи, Франціи, Швейцаріи и другихъ высокоцивилизованныхъ странахъ. Напротивъ, ихъ геній влечетъ ихъ въ страны мало культурныя, въ Россію, славянскія земли Австріи, Румынію, сѣверную Африку, въ среду простодушную и не предпріимчивую; тамъ они готовы претерпѣвать какія угодно преслѣдованія, не соображая вовсе, умираетъ или не умираетъ „народная психея", о которой говорилъ Кавелинъ, а просто—можно ли жить безъ труда на чужой счетъ, помощью незамысловатыхъ гешефтовъ.

Въ другомъ фельетонѣ „Порядка" нѣкто г. К. В—нко старался разбить насъ помощью статистики и исторіи. Вся аргументація у него, какъ и у другихъ защитниковъ еврейской равноправности, вертѣлась на скученности, отъ которой-де гибнутъ евреи и невольно поѣдаютъ своихъ сосѣдей. Неужели, однако, Поляковъ выстроилъ свои сѣверныя дороги, поглотившія десятки казенныхъ милліоновъ, Розенталь устроилъ Центральный банкъ, Коганъ. Малькіель и Варшавскій морили на Дунаѣ русскую армію, потому что отъ скученности имъ нечего было ѣсть?

Чѣмъ мы гарантированы, что равноправность не создастъ намъ тысячей новыхъ Поляковыхъ, Малькіелей и т. д.? Даже пропорціональное отношеніе евреевъ къ прочему населенію еще ничего не значитъ и не гарантируетъ отъ эксплоатаціи. Такъ, въ губерніяхъ Ковенской, Минской, Могилевской и друг., гдѣ евреевъ пропорціонально общему населенію болѣе всего, не было большихъ безпорядковъ, а они были чрезвычайно жестоки въ Екатеринославской губерніи, гдѣ евреевъ много-много сорокъ тысячъ.

Правда „Порядокъ" объяснялъ еврейскіе безпорядки самыми разнообразными посторонними причинами, даже какою-то „борьбою одного эксплоататорскаго элемента противъ другого". Фальшь очевидная. Приписывать безпорядки наущенію русскихъ купцовъ безсмысленно, потому что періодическія избіенія евреевъ на Украйнѣ совершались задолго до появленія тамъ великорусскаго элемента или такъ называемыхъ „кацаповъ". Это стихійное движеніе воз-

буждается на югѣ періодически, на почвѣ экономической и исторической. Исторія Украйны полна подобными движеніями, а иногда они принимали колоссально-трагическіе размѣры. Вспомнимъ, напримѣръ, хоть уманскую рѣзню 1768 г., когда въ одинъ день было вырѣзано товарищами Гонты и Желѣзняка все еврейское населеніе Умани, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Любопытенъ текстъ капитуляціи уманскаго замка: 1) казаки не будутъ рѣзать католиковъ, шлякту и полаковъ вообще, имѣнія ихъ не тронутъ; 2) въ жидахъ и ихъ имѣніи вольны. Это писали не нигилисты, на участіе которыхъ въ безпорядкахъ намекалъ „Порядокъ", а запорожскіе казаки.

Какъ ни краснорѣчивы эти факты, но ихъ не хотятъ знать нашіи юдофилы. Г. В—нко договаривался до нижеслѣдующей нелѣпости: „Если бы даже евреи признаны были населеніемъ безусловно вреднымъ, то и тогда зло это, по справедливости, должно бы быть раздѣлено поровну между всѣми націями и провинціями Россіи, а не исключительно и искуственно сосредоточено въ однѣхъ только западныхъ провинціяхъ„. Отличное понятіе о справедливости? У меня язва, положимъ, на рукѣ, такъ вмѣсто того, чтобы лечить руку, по справедливости я долженъ раздѣлить язвы поровну по всему своему тѣлу...

Далѣе этого остроумнаго положенія сотрудникъ „Порядка" не шелъ, потому, что нельзя же признать серьезнымъ манилювское предложеніе для разрѣшенія еврейскаго вопроса: „внести новую мысль въ среду еврейскую", для чего употребить школу, литературу и рабочія общества.

Стоитъ, впрочемъ, остановиться на нѣкоторыхъ статистическихъ и другихъ выводахъ г. В—нко. Публицистъ „Порядка" между прочимъ доказывалъ, что евреи вовсе не могутъ быть названы непроизводительнымъ классомъ. Для этого онъ ссылался на статистическіе выводы Чубинскаго въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край". По этимъ выводамъ изъ 750,000 евреевъ въ юго-западномъ краѣ, т. е. въ трехъ губерніяхъ, имѣвшихъ около $6^1/_2$ милл. населенія, (приходилось раввиновъ, меламдовъ и учителей 60,000. Какая, подумаешь, ученая нація! Одинъ человѣкъ учитъ десять остальныхъ; вопросъ только чему онъ учитъ?

На это отвѣтъ даютъ прочія цифры. По словамъ Чубинскаго въ тѣхъ же трехъ губерніяхъ евреевъ-шинкарей 110,000. Другими словами, на каждые 60 человѣкъ русскаго населенія, включая жен

щинъ, грудныхъ дѣтей и старцевъ, приходилось по шинкарю. Великолѣпная пропорція! Тѣмъ болѣе замѣчательная, что по оффиціальнымъ даннымъ (по числу выданныхъ патентовъ) въ юго-западномъ краѣ было не болѣе 12,000 питейныхъ домовъ, шинковъ, корчемъ, выставокъ и пр., и по закону 14-го мая 1874 года евреямъ въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости питейная торговля дозволяется не иначе, какъ въ собственныхъ домахъ, а сидѣльцы-евреи допускаются въ питейной торговлѣ лишь въ заведеніяхъ своихъ единовѣрцевъ.

Несмотря на эти существенныя съ виду ограниченія, на каждый шинокъ юго-западнаго края приходилось, среднимъ числомъ, по девяти евреевъ шинкарей! Тутъ очевидно что-то не такъ. Или край переполненъ тайными шинками, уклоняющимися отъ акцизнаго надзора, или же цифры Чубинскаго далеки отъ того, чтобы ихъ считать непреложными и строить на нихъ симпатичные евреямъ выводы.

Отыскавъ въ той же статистикѣ Чубинскаго несчетное число евреевъ-ремесленниковъ, „Порядокъ“ серьезно доказывалъ, что выселеніе евреевъ по нашему плану было бы равносильно лишенію цѣлаго края ремесленности — „вещь совершенно невозможная“, говорилъ онъ. Да кто же станетъ спорить противъ? Никогда не предлагали мы поголовнаго выселенія евреевъ, а тѣмъ болѣе полезныхъ элементовъ общества, какъ ремесленниковъ, техниковъ, врачей, художниковъ и т. д. Мы рекомендовали мѣры только противъ эксплоататоровъ, т. е. противъ посредниковъ. Зло именно въ невѣроятномъ избыткѣ послѣднихъ. Вѣдь положительно теперь на югѣ, а особенно на западѣ Россіи нельзя ни родиться, ни умереть, ни жениться, ни купить, ни продать, ни найти кредитъ, ни совершить какую бы то ни было гражданскую сдѣлку помимо еврея.

Возраженіе „Порядка“, что во всемъ свѣтѣ колонизація направляется изъ гуще населенныхъ странъ въ слабѣе населенныя, мы считаемъ пустымъ. Это справедливо лишь относительно земледѣльческой колонизаціи, ищущей свободной земли. Евреи же главнымъ образомъ торговцы, а торговля только и процвѣтаетъ тамъ, гдѣ населеніе очень густо. Наконецъ, вышеозначенному положенію противорѣчатъ всѣмъ извѣстные факты. Франція гуще населена, нежели Германія и Италія, между тѣмъ во Франціи масса нѣмецкихъ и итальянскихъ эмигрантовъ. Въ одномъ густо-населенномъ Парижѣ ихъ болѣе ста тысячъ. Англія гуще населена, нежели Ирландія, однако не англичане эмигрируютъ въ Ирландію, а

ирландцы въ Англію и т. д. Стало быть разселеніе части русскихъ евреевъ по Западной Европѣ и Америкѣ вещь очень возможная и вѣроятная.

Катковъ, который къ евреямъ чувствовалъ, какъ извѣстно, весьма подозрительную нѣжность, также видѣлъ въ еврейскихъ побоищахъ „слѣды какой-то агитаціи", и думалъ, что побоища были кѣмъ-то подготовлены. При этомъ одинъ изъ источниковъ безпорядковъ онъ усматривалъ въ томъ, что еврей у насъ находится „какъ бы внѣ закона".

Противъ всѣхъ этихъ „какъ-бы", „какой-то" и „кѣмъ-то" можно однако возразить указаніемъ на примѣръ Румыніи и Венгріи. Тамъ никакихъ нигилистовъ въ нашемъ смыслѣ нѣтъ, а евреевъ бьютъ преисправно, и въ палатахъ обѣихъ государствъ есть даже особыя антисемитскія партіи. Катковъ былъ согласенъ, что разъ у насъ есть еврейскій вопросъ, то нужно озаботиться его разрѣшеніемъ. Если тутъ встрѣчаются какія либо затрудненія, нужно разъяснить и такъ или иначе преодолѣть и уладить ихъ. „Нельзя, говорилъ онъ, всѣхъ евреевъ собрать въ одну шею, чтобы заразъ отрубить имъ всѣмъ головы; нельзя также выгнать ихъ всѣхъ за нашу границу".

Совершенно справедливо, но въ томъ и вопросъ, что сдѣлать? Вотъ „Новости" и въ нижегородскомъ погромѣ видѣли только новый предлогъ къ эмансипаціи евреевъ. По поводу предположенія объ употребленіи евреями человѣческой крови „Новости" повторяли нелѣпую сказку своихъ ученыхъ, будто подозрѣніе въ употребленіи человѣческой крови произошло отъ смѣшенія въ понятіяхъ древнихъ римлянъ евреевъ съ христіанами. Между тѣмъ несомнѣнно, что это подозрѣніе вытекло изъ факта человѣческихъ жертвъ, которыя евреи, подобно всѣмъ семитамъ, приносили, на что и въ Библіи есть множество указаній. Приносятъ ли они ихъ теперь — также вопросъ, который далеко не выясненъ.

„Новости" воспользовались въ защиту эмансипаціи даже тѣмъ аргументомъ, что въ Кунавинѣ жило немного евреевъ. Значитъ, говорила газета, все равно, много или мало евреевъ въ данной мѣстности, еврейскій-де вопросъ не въ этомъ. Но, во-первыхъ, неизвѣстно еще, сколько евреевъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, а особенно во время ярмарки. Мы убѣждены, что ихъ тьма тьмущая, хотя полиція можетъ быть того не знала или не хотѣла знать. Во-вторыхъ, то, что русскій народъ не переваритъ евреевъ даже въ

малыхъ порціяхъ, вовсе, какъ мы уже говорили, не служитъ доводомъ въ пользу эмансипаціи, скорѣе наоборотъ.

Нелѣпо также объяснять движеніе толпы уже совершенно безъ всякихъ причинъ. „Били евреевъ, говорятъ „Новости", потому, что кто нибудь закричалъ „бей!" Но вѣдь такіе крики раздаются ежедневно въ пьяной толпѣ, почему же гнѣвъ толпы не обрушивается на нѣмцевъ, армянъ, калмыковъ, молдаванъ, а именно на евреевъ, и при томъ въ такихъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, какъ восточная Пруссія, Венгрія, Румынія, Варшава, Ростовъ-на-Дону и Нижній.

„Новости" и на это находятъ объясненіе. Народъ-де въ Россіи знаетъ, что остальныя племена съ нимъ равноправны, между тѣмъ, „законъ, ограничивающій право жительства евреевъ извѣстной полосой имперіи, невольно можетъ побуждать народъ смотрѣть на единичныхъ евреевъ, появляющихся за этой чертой, какъ на какихъ-то паріевъ и правонарушителей... Невѣжественной толпѣ, возбуждаемой суевѣріемъ, невольно кажется, что она наказываетъ правонарушителей, когда бьетъ и даже убиваетъ евреевъ".

Что за вздоръ! Во-первыхъ, въ Германіи и Венгріи евреи равноправны, а анти-семитскія движенія существуютъ, во-вторыхъ, можно быть убѣжденнымъ, что изъ десяти тысячъ человѣкъ русскаго населенія едва ли одинъ знаетъ законы объ осѣдлости евреевъ и подозрѣваетъ, что права евреевъ чѣмъ либо ограничены въ Россіи. Напротивъ, въ глазахъ мужика еврей долженъ представляться,—да онъ такимъ и представляется,—совершенно свободнымъ и привиллегированнымъ человѣкомъ, ибо еврей не подчиненъ круговой порукѣ, не прикрѣпленъ къ общинѣ, не несетъ натуральныхъ повинностей, не можетъ быть высѣченъ по прихоти сельскихъ властей и т. д. Во всякомъ случаѣ, если бы народъ и зналъ, что права евреевъ чѣмъ-то ограничены, то забавно думать, что буйная чернь является какою-то возстановительницею нарушенныхъ евреями статей Свода Законовъ.

Предлагая поощрять смѣшанные браки евреевъ, мы, конечно, не мечтали, будто бы русскія графини станутъ выходить замужъ за еврейскихъ кабатчиковъ, но г. Богровъ выразилъ сомнѣніе, рѣшится ли кто либо изъ интеллигентокъ добровольно изъ С.-Петербурга уѣхать въ Бердичевъ. Ничего подобнаго понятно мы не предлагали. И теперь уже имѣется много еврейской интеллигенціи съ русскимъ воспитаніемъ: адвокатовъ, купцовъ, врачей, артистовъ и т. д.; законъ запрещаетъ имъ браки съ христіанами;

по нашему мнѣнію, нѣтъ необходимости настаивать на этомъ запрещеніи и, разъ оно будетъ снято, мы убѣждены, многія русскія, даже аристократки, не побрезгаютъ выйти замужъ за евреевъ, какъ тому имѣются многочисленные примѣры на Западѣ, да имѣются и у насъ, съ тою разницею, что евреи вынуждены были мѣнять религію, что для взрослаго человѣка всегда нѣсколько унизительно, даже и при извѣстной степени индиферентизма. Браки образованныхъ евреекъ съ христіанами будутъ еще чаще. Скорѣйшее же обрусѣніе еврейской интеллигенціи, конечно, важное орудіе ассимиляціи.

Затѣмъ, смѣшанные браки возможны и для массы евреевъ. Этимъ будутъ пользоваться свободно еврейскія женщины, т. е. половина еврейскаго населенія и, конечно, нѣтъ никакого препятствія дозволить еврейкѣ, вышедшей замужъ за христіанина, проживать гдѣ угодно. Гораздо рѣже будутъ встрѣчаться браки христіанокъ съ евреями не изъ интеллигентнаго слоя общества. Но это происходитъ не потому, что въ Одессѣ, Варшавѣ, Минскѣ, Митавѣ, Бердичевѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ евреямъ пребывать дозволено, жить хуже, нежели въ Вологдѣ, Пензѣ или Симбирскѣ, а потому, что еврейская темная масса живетъ замкнутою, своеобразною и неопрятною жизнью, съ которой очень трудно освоиться христіанкѣ. Но эта трудность будетъ въ началѣ. Когда же подобныхъ браковъ явится нѣсколько тысячъ и когда мало-по-малу поднимется нравственный уровень еврейскаго населенія, когда оно хоть съ внѣшней стороны умоется и приберется, число браковъ христіанокъ съ евреями и въ массѣ народа возрастетъ. Явятся русско-еврейскіе метисы, чуждые предразсудковъ расы, и при ихъ помощи ассимиляція пойдетъ еще скорѣе, какъ идетъ, напримѣръ, смѣшеніе кавказской расы съ индѣйской въ южной Америкѣ.

„Ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка“... Эти слова изъ безсмертной комедіи Фонвизина пришли намъ на память при чтеніи направленной противъ нашего проекта брошюры подъ названіемъ „Еврейскій вопросъ въ Россіи“, которую подарилъ русской публикѣ покойный П. П. Демидовъ Санъ-Донато. Литературный талантъ у послѣдняго явился поздно. Правда, Жанъ-Жакъ Руссо и Вальтеръ-Скоттъ начали писать когда имъ перевалило за сорокъ лѣтъ; но это еще не значитъ, что стоитъ взяться за перо, когда стукнетъ четвертый десятокъ, чтобы сдѣлаться Руссо или Вальтеръ-Скоттомъ. Впрочемъ, если бы соединить таланты обоихъ, то все-таки

е хватило бы ихъ для защиты такого неправаго дѣла, обѣлять оторое смѣло взялся Демидовъ.

Да онъ и не далъ себѣ большого труда вникнуть въ сущность опроса, а съ свойственною всѣмъ юдофильскимъ публицистамъ азвязностью ограничился общими фразами, не стѣсняясь въ обра-ценіи съ фактами изъ исторіи, изъ современной политической изни и изъ науки государственнаго хозяйства. Мало того, въ за-иту еврейской эксплоатаціи онъ цитировалъ даже Аксакова, ко-орый въ прекрасныхъ статьяхъ въ „Руси“ выказалъ себя вели-айшимъ врагомъ еврейской эмансипаціи.

Игнорируя исторію, Демидовъ утверждалъ, напримѣръ, будто ы до крестовыхъ походовъ евреи пользовались „общимъ уваже-іемъ, какъ хранители и распространители знаній классической ревности“, и что только со времени крестовыхъ походовъ положе-іе евреевъ совсѣмъ измѣнилось, въ чемъ-де виноваты были не вреи, а христіанскій фанатизмъ. „Только съ этого времени въ историческихъ памятникахъ начинаютъ появляться жалобы на экс-лоатацію евреевъ!“

Обращаясь къ современности, Демидовъ не задумывался утверж-дать, будто антисемитское движеніе, проявившееся въ послѣд-ее время съ такою силою въ Австро-Венгріи и Германіи, „объ-сняется въ первой странѣ господствующей тамъ общею націо-альною рознью, а во второй — борьбою политическихъ партій“. Еще оригинальнѣе завѣреніе, что „послѣ крестьянской реформы помѣщики, освободившіеся отъ своей безпечности, крестьяне отъ вязывавшихъ ихъ крѣпостныхъ путъ, уже менѣе нуждаются въ услугахъ евреевъ, вслѣдствіе чего послѣдніе лишились значитель-ой доли заработковъ“. Быстрое развитіе желѣзныхъ дорогъ и па-оходства также будто бы значительно сократило источники про-итанія для нашихъ евреевъ! Демидовъ Санъ-Донато подтверждалъ ѣдность евреевъ тѣмъ, что „содержаніе еврея не велико: утромъ онъ ѣстъ рѣдьку, лукъ, чеснокъ или селедку съ хлѣбомъ, зажиточ-ые пьютъ чай, въ обѣдъ супъ съ кореньями, рыбой или говяди-ой, вечеромъ тоже“.

Меню для члена яхтъ-клуба, конечно, не роскошное, но оче-видно Демидовъ не подозрѣвалъ, что $^2/_3$ русскаго населенія видятъ на своемъ столѣ мясо два раза въ годъ, а не по два раза въ день.

Наконецъ, какъ Monsieur Jourdain говорилъ прозою того не подозрѣвая, такъ Демидовъ per Judaei gloriam majorem становился ничего не подозрѣвая соціалистомъ. Довольно странно, напримѣръ,

изъ устъ сего архи-милліонера было слышать, что „хищническая эксплоатація народнаго труда есть *явленіе общее* въ современномъ экономическомъ строѣ народной жизни, а причины его коренятся въ самыхъ *основахъ народнаго хозяйства*“ или что „торговая дѣятельность сама по себѣ не можетъ считаться производительной“.

Оставляя Демидова въ сторонѣ, какъ socialiste malgré-lui, нельзя не остановиться на его незнаніи того, что 3,500 лѣтъ тому назадъ евреи были буквально таковыми же, какіе они теперь. Ни для кого не секретъ, что *недостатки* еврейскаго племени совершенно неискоренимы, ибо они составляютъ ихъ расовыя отличія и надѣяться на ихъ измѣненіе такъ же безумно, какъ мечтать, что негры будутъ когда-либо имѣть прямые волоса, а краснокожіе индѣйцы—черный цвѣтъ кожи. Затѣмъ *достоинства* евреевъ краснорѣчиво описаны въ „La France Juive“, которая и на Западѣ открыла многимъ глаза, а въ Россіи положительно должна быть бы издана на казенный счетъ въ руководство философамъ вродѣ Демидова Санъ-Донато. Затѣмъ даже безспорныя достоинства евреевъ: ихъ склонность къ семейной жизни и происходящая отсюда плодовитость, выносливость и бережливость, способность къ финансовымъ комбинаціямъ и т. д., обращаются, какъ извѣстно, во вредъ христіанскому населенію, почему не могутъ служить какимъ-либо аргументомъ въ пользу расширенія правъ.

Нашъ историческій опытъ нисколько не опровергъ такого воззрѣнія на еврейскую природу и потому неудивительно, что русское законодательство, гуманное ко всѣмъ чувашамъ и пшаво-хевсурамъ, не задумавшееся и для дикихъ ахалъ-текинцевъ не устанавливать никакихъ ограничительныхъ правилъ о границахъ осѣдлости и т. п., издавна признало евреевъ „болѣе вредными, нежели полезными для государства“. „Евреи, говорится въ одномъ указѣ, не могутъ приносить существенной пользы государству, и самыя мѣры, которыя принимало правительство къ извлеченію изъ сего племени пользы для государства, не могли имѣть желаемаго успѣха“. Онѣ никогда и не будутъ имѣть успѣха, если въ своей политикѣ по еврейскому вопросу мы будемъ держаться той шаткости, которая видна изъ перечисленія мѣропріятій, сдѣланнаго Демидовымъ. Изъ его книги видно, что всѣ серьезныя, рѣшительныя мѣры черезъ четыре или пять лѣтъ смягчались, или же разныя вѣдомства не стѣснялись параллельно издавать законы, парализовавшіе примѣненіе коренного закона о евреяхъ. Въ особенности мирволило у насъ послѣднимъ Министерство Финансовъ.

Евреи, понятно, пользовались такимъ положеніемъ вещей. Въ
0 г. состоялось распоряженіе объ отдачѣ въ нѣкоторыхъ обще-
ихъ евреевъ въ военную службу за недоимки въ податяхъ.
авдывая такую мѣру, указъ иронически говорилъ: „казна не
учаетъ почти ничего съ евреевъ, между тѣмъ какъ они, без-
станно обращаясь съ просьбами о взысканіи съ нихъ, вмѣсто
рутъ въ натурѣ, денегъ, показываютъ, что должны быть въ со-
ніи платить подати, если бы не уклонялись отъ сего". Деми-
ь наивно и этотъ замѣчательный указъ приводилъ не къ обви-
ію евреевъ, а къ обвиненію правительства!

За проповѣдь эмиграціи еврейскіе органы печати предлагали
нить насъ, ссылаясь на законъ, карающій подговоръ поддан-
ъ какого-либо государства къ выселенію, но еврейскіе публи-
ты забыли, что идея эмиграціи относительно евреевъ поднята
всъ самимъ правительствомъ. Именно въ царствованіе Павла
а предоставлена евреямъ „свобода по заплатѣ трехлѣтней двой-
подати выѣхать изъ Имперіи, а которые изъ нихъ по точному
ѣдованію не въ состояніи были заплатить трехгодичной подати,
овыхъ повелѣвалось высылать заграницу и безъ онаго платежа".
слѣднее въ 1800 году было замѣнено отправленіемъ евреевъ „на
оты въ казенные рудокопные заводы". Мы болѣе гуманны и
желаемъ ни насильной высылки евреевъ, ни ссылки ихъ на ру-
опные заводы.

Демидовъ Санъ-Донато въ своей книгѣ предлагалъ прямо про-
ложное, а именно, полную свободу повсемѣстнаго жительства
евреевъ, дабы дать имъ возможность распространиться по всей
сіи. Нелѣпость такого предложенія доказана выше и мы не
аемъ нужнымъ къ нему возвращаться, какъ не понимаемъ
писать книгу, чтобы повторить подобное неновое и вовсе не
юумное предложеніе. Вообще мы не понимаемъ цѣли для рус-
о барина, къ тому же еще такъ поверхностно знакомаго съ
жою жизнью, изучившаго и еврейскій вопросъ, повидимому, по
ѣ „Жидовка", сдѣлаться адвокатомъ еврейскаго размноженія.
этого и среди жидковъ нашлось бы достаточно отважныхъ
ицистовъ. Если же Демидову Санъ-Донато захотѣлось отъ скуки
игинальничать, то онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы, по при-
у своего знаменитаго предка, принялся своими руками ковать
во въ кузницѣ, нежели издавать на роскошной бумагѣ книжки
ащиту такого дурного дѣла.

Еврейскіе безпорядки не остались безъ результата. Графъ Н. П.

Игнатьевъ имѣлъ достаточно смѣлости, чтобы заняться еврейски
вопросомъ. Предварительно вопросъ этотъ былъ переданъ на р
смотрѣніе земскихъ комиссій въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ живутъ евр
Большинство гласныхъ энергически доказывали необходимость о
ниченія во что бы то ни стало еврейской эксплоатаціи. Они на
дили, что шинокъ и земля должны быть совершенно изъяты
области дѣятельности евреевъ, какъ единственное средство пред
вратить обнищаніе крестьянскаго населенія. Нѣкоторые предлаг
закономъ опредѣлить извѣстный процентъ еврейскаго населе
далѣе котораго наплывъ евреевъ и въ города и въ села долженъ б
прекращенъ. Другіе гласные шли далѣе и, поставляя на видъ,
свободная экономическая борьба сельскаго населенія, при преи
ществахъ евреевъ въ образованіи и богатствѣ, а также при р
вращенности у насъ сельскихъ властей, немыслима, доказывали,
еврей долженъ быть изгнанъ изъ села, гдѣ до сихъ поръ о
кромѣ вреда, ничего не дѣлалъ. Право на покупку земель, ко
рое, по мнѣнію гг. юдофиловъ, якобы даровано евреямъ верхов
властью, по мнѣнію земства было не болѣе какъ кодификаціон
ошибкою, растолкованною либеральными судами и нотаріусами
пользу евреевъ.

Гласный полтавскаго земства Квитка, вполнѣ сочувствуя с
снительнымъ мѣрамъ для права постояннаго жительства евре
въ селахъ, весьма остроумно затруднялся понять, какихъ это пр
добиваются еще евреи; при извѣстной послѣдовательности, сравни
евреевъ съ русскимъ сельскимъ населеніемъ, слѣдовало бы на н
распространить право сельскаго обывателя быть посаженнымъ п
арестъ волостнымъ старшиной, быть сосланнымъ въ Сибирь по
говору общества и, наконецъ, быть высѣченному 20-ю ударами
зогъ по приговору волостного суда. Онъ находилъ, что права
реевъ и въ настоящее время достаточно широки, и ни чѣмъ
оправдываются; напримѣръ, право на даровое воспитаніе въ гим
зіяхъ, переполненныхъ въ южномъ краѣ евреями; между тѣмъ
мназіи содержатся на средства крестьянъ и землевладѣльцевъ,
евреи, какъ торговый классъ, почти не участвуютъ въ расход
по государственному и земскому бюджету. Вообще, по мнѣнію
Квитки, расширеніе правъ, котораго добиваются евреи, до с
поръ ими не заслужено ни характеромъ ихъ дѣятельности, ни
полненіемъ обязанностей хорошихъ гражданъ. Расширеніе пр
евреевъ могло бы имѣть мѣсто лишь при добросовѣстномъ исп
неніи ими обязанностей, а уклоненіе отъ общевоинской повинно

реевъ, обнаруживающееся постоянно, не даетъ евреямъ права ебовать уравненія своего положенія съ кореннымъ населеніемъ періи. Принятіе мѣръ противъ кагальной организаціи еврейскихъ щинъ является необходимостью. Независимо сего, въ виду того, о значительная часть евреевъ принадлежитъ къ талмудистамъ, обходимо выяснить сущность этого ученія, содержащаго догматы, отивные существованію всякаго нееврейскаго гражданскаго обще-ва. Въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на часть талмуда дъ названіемъ трактатъ „объ идолослуженіи". Изученіе этого актата привело г. Квитку къ убѣжденію, что еврейство почти достуно ни христіанской пропагандѣ, ни слиянію на поприщѣ равненія правъ. Единственно, что въ этомъ отношеніи возможно дѣлать, это допущеніе смѣшанныхъ браковъ съ христіанами. Пріобрѣтеніе же земель должно быть, по словамъ г. Квитки, навсегда крыто евреямъ, во-первыхъ, по существу правъ, сопряженныхъ землевладѣніемъ; во-вторыхъ, существующее малоземелье крестьянъ требуетъ направленія мобилизаціи земель въ руки земледѣльцевъ. Наконецъ, сохраненіе земли въ рукахъ коренныхъ жителей даетъ навсегда прочное орудіе для экономической борьбы съ евреями.

Само собою разумѣется, что евреи при одномъ слухѣ объ отнятіи у нихъ способовъ эксплоатировать русское населеніе закричали гвалтъ. Юдофильствующія газеты, ссылаясь даже на то, что отшильды *весьма честные люди,* серьезно утверждали будто всѣ преки евреевъ въ дурныхъ качествахъ — клевета, выдуманная губернскими еврейскими комиссіями! На эти крики обращено вниманія не было и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ выработало новыя узаконенія о евреяхъ. Эти предложенія, внесенныя въ Комитетъ Министровъ, можно было упрекнуть развѣ въ чрезвычайной умѣренности. Въ нихъ далеко еще до радикальнаго разрѣшенія еврейскаго вопроса. Во всякомъ случаѣ это былъ минимумъ требованій, безъ котораго нельзя было успокоить югъ Россіи. Министерство полагало, во-первыхъ, воспретить евреямъ осѣдлость, водвореніе и жительство внѣ городовъ и мѣстечекъ въ предѣлахъ черты еврейской осѣдлости; во-вторыхъ, предоставить сельскимъ обществамъ выселять по приговорамъ, по простому большинству голосовъ, евреевъ, пребываніе коихъ въ ихъ селахъ имъ нежелательно; втретьихъ, воспретить евреямъ пріобрѣтать недвижимыя имущества внѣ черты городовъ и мѣстечекъ и, въ четвертыхъ,

воспретить евреямъ торговлю спиртными напитками и виномъ, с
томъ и въ розницу, внѣ черты городовъ и мѣстечекъ.

Каждая изъ этихъ мѣръ вызвала возраженія юдофиловъ, но І
споди что это за возраженія! Ограниченіе пребыванія евреевъ
селахъ заставитъ будто бы евреевъ откупаться отъ выселенія, др
гими словами, обложитъ евреевъ налогомъ въ пользу крестьянск
общества. Чтожъ, тѣмъ лучше! Если допускать евреевъ обира
крестьянъ, то непонятно, почему несправедливо желать, чтобы
же евреи отдали хотя что нибудь въ пользу крестьянъ.

Противъ запрещенія пріобрѣтать земли выставлялся аргумент
будто всего въ пользованіи евреевъ находится теперь въ 15-ти г
берніяхъ „съ небольшимъ полтора милліона десятинъ, т. е. д
Россіи капля въ морѣ". Но позвольте гг. юдофилы, это и для Ро
сіи не капля. Полтора милліона десятинъ площадь порядочной г
берніи, а если выключить казенные и горнозаводскіе лѣса, песк
степи и тундры, т. е. болѣе половины Европейской Россіи, то э
площадь и теперь будетъ замѣтна, что же станетъ, когда еврея
дадутъ возможность жить не въ 15, а въ 90 губерніяхъ.

Еще удивительнѣе были аргументы противъ воспрещенія з
ниматься питейной торговлей. Отымая кабакъ у евреевъ, говорил
защитники евреевъ, заставятъ заниматься этою грязною, антип
тичною профессіею русскихъ, слѣдовательно русскій народъ
нравственномъ отношеніи потеряетъ. Какая, подумаешь, нѣжна
заботливость о нашемъ народѣ! Но, во-первыхъ, представляет
вопросъ: нужно ли еще все то число кабаковъ, которое существует
теперь и гдѣ подъ видомъ питейной торговли производится мн
жество другихъ темныхъ промысловъ, во-вторыхъ, если извѣстно
число россіянъ и обратится вновь къ кабацкому ремеслу, то вс
таки для народа выигрышъ будетъ не малый. Если не матеріал
ными, то хоть нравственными узами русскій сидѣлецъ связанъ с
русскимъ народомъ, тогда какъ еврей всегда останется чужим
пришлымъ эксплоататоромъ, который и родившись въ Россіи г
воритъ на иностранномъ жаргонѣ.

Въ окончательной формѣ закона новыя ограниченія евреев
проектированные графомъ Н. П. Игнатьевымъ, еще сократились. Кт
знаетъ, какъ велика еврейская сила на всемірныхъ торжищах
какъ умѣетъ она улавливать въ свои сѣти самые разнообразны
элементы, къ чьему только содѣйствію она не прибѣгаетъ, начина
отъ американскихъ радикаловъ и кончая Катковымъ, Краевским

К°, тотъ поймет, съ какимъ затрудненіемъ связано проведеніе
кихъ бы то ни было серьезныхъ мѣропріятій, направленныхъ про-
въ еврейской эксплоатаціи кореннаго населенія. Временныя пра-
ла 1882 г. не заключали поэтому даже тѣхъ скромныхъ предпо-
женій, которыя ожидались на основаніи слуховъ о трудахъ гу-
рнскихъ земскихъ еврейскихъ комитетовъ. Такъ, во временныхъ
равилахъ не было ни слова о правѣ сельскихъ обществъ выселять
льшинствомъ голосовъ евреевъ, дѣятельность которыхъ признана
детъ вредною, хотя тѣ же общества своихъ сочленовъ, рус-
ихъ крестьянъ, могутъ не только выселять изъ своихъ селе-
й, но даже преспокойно ссылать на житье въ Сибирь. Въ пра-
илахъ не было и воспрещенія евреямъ заниматься питейной торго-
ей, хотя кабакъ, по отзыву всѣхъ земскихъ людей, и служитъ
авнымъ средствомъ еврейской эксплоатаціи.

Затѣмъ оставлены вовсе безъ разрѣшенія не менѣе важные во-
росы объ организаціи и облегченіи еврейской эмиграціи и объ
ничтоженіи самостоятельности еврейскихъ обществъ, поддерживае-
ой особыми спеціальными еврейскими налогами.

Одновременно съ временными правилами о евреяхъ распубли-
ованы были два сенатскихъ указа: одинъ — о твердомъ рѣшеніи
равительства преслѣдовать всякія насилія надъ личностью и иму-
ествомъ евреевъ и другой, что чиновники, небрежные въ преду-
режденіи насилій надъ евреями, будутъ устраняемы отъ должно-
тей. Это заявленіе правительства имѣло цѣлью предупредить
сякія попытки иностранныхъ державъ вступаться за нашихъ ев-
реевъ и вторгаться въ наши внутреннія дѣла, такъ какъ не могло
ыть сомнѣнія, чтобы правительство на минуту задумалось передъ
реслѣдованіемъ насилій надъ личностью и собственностью. Ра
нымъ обратомъ чиновники, небрежные въ исполненіи своихъ обя-
анностей, должны на основаніи существующихъ въ Россіи зако-
новъ, устраняться отъ должностей, касается ли эта небрежность
евреевъ или чего другого.

Замѣчательно, что одновременно съ Россіей и Финляндія, подъ
видомъ пересмотра правъ евреевъ, ограничила послѣднія, а именно
финляндскій сеймъ предлагалъ уничтожить прежнее неограничен-
ное право отставныхъ нижнихъ чиновъ изъ евреевъ селиться по-
всемѣстно въ Финляндіи. Въ Россіи, какъ извѣстно, подобнаго огра-
ниченія долго не существовало.

Все что игнатьевскій законъ не разрѣшилъ, надѣялись разобрать

въ высшей еврейской комиссіи, образованной подъ предсѣдатель
ствомъ графа Палена. Къ сожалѣнію, большинство въ этой комис
сіи оказалось юдофильскимъ, поэтому комиссію пришлось закрыт
до окончанія ея трудовъ. Этому закрытію можно только порадо
ваться, хотя еврейскій вопросъ продолжаетъ оставаться откры
тымъ.

ГЛАВА XVII.

Финансы.

Значеніе для финансовъ общественнаго контроля. — Вліяніе народнаго характера. — Исторія нашихъ финансовъ. — Изобрѣтательность по части налоговъ. — Государственные расходы и бережливость. — Курьезы бюджета. — Спеціальные капиталы и депозиты.

Ежемѣсячный журналъ „Наблюдатель“, разбирая дурное состояніе нашихъ городскихъ финансовъ, между прочимъ писалъ: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что лишь только общественныя учрежденія перестанутъ быть лжеобщественными, лишь только явятся дѣйствительные общественные представители, во всеоружіи приличествующей имъ власти и правъ, — само собою сдѣлается невозможнымъ взиманіе какихъ бы то ни было платежей несообразно доходу населенія, какъ невозможно будетъ и расходованіе этихъ платежей несоотвѣтственно дѣйствительнымъ потребностямъ“.

Такъ, дѣйствительно, учитъ доктрина. Но весьма большой вопросъ: на самомъ ли дѣлѣ финансы улучшаются и расходы сокращаются, сообразно съ расширеніемъ общественнаго самоуправленія? На этотъ счетъ очень любопытныя указанія можно найти въ книгѣ, изданной клубомъ Кобдена въ Лондонѣ въ 1876 г. о бюджетахъ европейскихъ и американскихъ государствъ. Клубъ этотъ, представляющій ученое и экономическое общество, нарочно собиралъ свѣдѣнія относительно возможности учрежденія болѣе серьезнаго контроля надъ расходами.

Въ своихъ письмахъ къ знаменитѣйшимъ экономистамъ и финансистамъ разныхъ государствъ клубъ поставилъ въ программу вопросъ: „доказалъ ли опытъ, что способы, употребляемые законодательною властью для разсмотрѣнія бюджета, уменьшили расходы

или ограничили административныя злоупотребленія?“ Въ большин
ствѣ отвѣтовъ, полученныхъ клубомъ Кобдена, было высказано т
мнѣніе, что парламентское разсмотрѣніе бюджетовъ безсильно про
тивъ постояннаго возрастанія государственныхъ расходовъ. Морис
Блокъ, въ своемъ отвѣтѣ, разбирающемъ не одни только француз
скіе финансы, говоритъ, что изслѣдованія привели его къ заклю
ченію, что во всѣхъ странахъ, безъ изъятія, расходы увеличиваются
какъ отъ увеличенія населенія, такъ и отъ увеличенія государ
ственныхъ потребностей. Но весьма вѣроятно, что бюджеты возро
стаютъ быстрѣе, чѣмъ слѣдовало бы. Относительно же злоупотре
бленій, повсемѣстно на этотъ счетъ встрѣчающихся, то ихъ можно
развѣ уменьшить, но не уничтожить вовсе, ибо размѣръ каждаго
расхода дѣло гадательное и вызываетъ всегда много доводовъ за и
противъ, а краснорѣчивый министръ найдетъ безъ труда больши
ство въ палатѣ для одобренія того, чего онъ проситъ.

Утвердительно высказался въ пользу парламентскаго контроля,
въ смыслѣ ограниченія расходовъ, членъ рейхсрата, баронъ Кю
бекъ. Онъ подтверждаетъ, что и въ Австріи и въ Венгріи за де
сять послѣднихъ лѣтъ палаты, а равно делегаціи уменьшали раз
мѣры расходовъ, проектированныхъ правительствомъ. Копенгаген
скій профессоръ Фредериксенъ и директоръ банка Шпонекъ также
заявляютъ, что датскія палаты скромны, вѣрнѣе даже скупы на
расходы, но объясняютъ это явленіе тѣмъ, что господствующая
партія крестьянъ находится въ оппозиціи; дѣло пошло бы иначе,
если бы въ Даніи не было постояннаго конфликта и министерство
представляло бы большинство палаты. Теперь же послѣдняя отка
зываетъ въ каждомъ новомъ расходѣ, а министерство въ каждой
реформѣ. Въ нейтральномъ, повидимому, положеніи находится Шве
ція; тамъ государственные расходы ростутъ, но они покрываются
исключительно отъ нормальнаго прироста доходовъ, ибо размѣръ
налоговъ не только не увеличивался, но постоянно уменьшался.

Профессоръ Нассе говоритъ, что въ Германіи, сравнивая нынѣ
шнее финансовое положеніе съ тѣмъ, что было до 1848 г. при
абсолютизмѣ, нельзя не признать послѣдняго гораздо болѣе эко
номнымъ. Абсолютная монархія въ Пруссіи боялась повышенія на
логовъ и крайне осторожна была въ расходахъ. По мнѣнію про
фессора, если абсолютизмъ такъ долго просуществовалъ въ Прус
сіи, то единственно благодаря своему превосходному финансовому
управленію. Представительство нѣсколько вліяетъ на ограниченіе
въ Германіи военныхъ расходовъ, но съ другой стороны оно само

вовлекаетъ правительство въ новые расходы, а администрація, заручившись разъ согласіемъ палатъ, не вынуждена уже, какъ прежде, считаться съ общественнымъ мнѣніемъ.

Во Франціи, по словамъ Франкевиля, Леона Сея и др., палаты вовсе не думаютъ о сокращеніи расходовъ, или объ уничтоженіи административныхъ злоупотребленій; напротивъ того, такъ какъ во Франціи каждый членъ палаты можетъ предложить новый расходъ, не спрашивая предварительно согласія правительства, то французскій бюджетъ находится постоянно въ опасности со стороны людей, которые обязаны были бы прежде всѣхъ останавливать государство на наклонной плоскости увеличенія издержекъ. Палаты, говоритъ Сей, не только не удерживаютъ правительство республики, но поощряютъ его къ увеличенію суммы расходовъ.

Не лучше идутъ дѣла въ республикѣ американской. По свидѣтельству Форстера и Уэльса, расходы всѣхъ вѣдомствъ ростутъ въ Америкѣ съ 1861 г. и представительство безсильно водворить экономію: это касается одинаково и федеральнаго бюджета и бюджетовъ отдѣльныхъ штатовъ и городовъ. „Все становится въ Соединенныхъ Штатахъ дешевле, говорятъ названные финансисты, кромѣ правительства“.

Въ Португаліи, по заявленію Фиганьера, на памяти его, если и были сдѣланы какія либо сокращенія въ расходахъ, то единственно по иниціативѣ правительства. Въ Италіи, по мнѣнію депутата Брольо, бывшаго министра Мингети и др., и правительство, и палаты довольно экономны (скупость, замѣтимъ, въ итальянскомъ характерѣ), но Брольо сожалѣетъ, что итальянскіе депутаты, подобно французскимъ имѣютъ по конституціи право предлагать новые расходы, яко бы на полезныя цѣли; депутаты южныхъ провинцій въ особенности часто злоупотребляютъ этимъ правомъ.

Самое удивительное, что даже въ государствахъ, почитаемыхъ за идеалъ отличнаго финансоваго хозяйства, въ Голландіи и Бельгіи, раздаются жалобы на представительство. Въ Голландіи, говоритъ профессоръ Фишерингъ, палаты были безсильны сократить расходы и по военной и по гражданской части. Только проценты по государственному долгу уменьшились отъ погашенія послѣдняго. Еще рѣзче нападаетъ на представительство членъ бельгійской палаты и профессоръ Легарди де-Больe. По его словамъ, ни въ Бельгіи, ни въ Англіи въ палатахъ идея экономіи не могла никогда восторжествовать. На это, кромѣ политики и угодливости интересамъ партій, вліяетъ болѣе всего современная тенденція возлагать

на государство множество такихъ функцій, которыя прежде подлежали частной дѣятельности. Тенденція эта въ наукѣ, какъ извѣстно, называется „государственнымъ соціализмомъ“.

Объ Англіи нѣтъ ничего въ книгѣ клуба Кобдена. Для дополненія ея картины замѣтимъ, на основаніи свидѣтельства Эрскинъ Мая и другихъ спеціалистовъ, что на обсужденіе бюджета въ англійскомъ парламентѣ употребляется самое небольшое количество времени, иногда одинъ день, и затѣмъ сокращенія, дѣлаемыя палатой общинъ, совершенно ничтожны; рѣдко достигаютъ они 150 тысячъ рублей, а одинъ годъ всѣ урѣзки, сдѣланныя палатой, ограничились исключеніемъ жалованья одному сторожу въ Британскомъ музеѣ! Сравнительно съ этимъ крупныя сокращенія нашего департамента экономіи Государственнаго Совѣта въ росписи, которыя иногда достигали до 70 милл. рублей, покажутся огромными.

Въ англійской палатѣ общинъ только одно правительство имѣетъ право предлагать новые расходы, или вообще увеличеніе финансовой тягости народа; отдѣльные члены лишены права иниціативы на этотъ счетъ. Парламентъ смотритъ на означенное ограниченіе такъ строго, что безъ милосердія вычеркиваетъ изъ новыхъ законовъ всѣ постановленія или измѣненія, которыя могли бы хотя косвенно вызвать новые расходы или новые платежи. Изъ-за этого уже происходило нѣсколько столкновеній палаты общинъ съ палатою лордомъ. Всѣ серьезные финансовые писатели очень одобряютъ подобное ограниченіе въ англійской конституціи.

Во всякомъ случаѣ, возвращаясь къ формулированному „Наблюдателемъ“ вопросу, мы видимъ изъ обозрѣнія финансовъ почти всѣхъ образованныхъ государствъ, что система представительства, а тѣмъ болѣе самый способъ его избранія не вліяютъ прямо на экономію въ финансовомъ дѣлѣ. Историческія привычки, характеръ народа, вкусы и нравы образованнаго общества, распространеніе экономическихъ познаній, политическія тенденціи, административная практика имѣютъ тутъ несравненно болѣе существенное значеніе. Государственное хозяйство есть сумма частныхъ хозяйствъ и гдѣ народъ лѣнивъ и бѣденъ, тамъ и правительство будетъ всегда бѣдно, хотя по наружности дѣла его и будутъ идти хорошо.

Финансы маленькихъ итальянскихъ деспотовъ были прекрасны, дефицита въ бюджетѣ не было, фонды стояли высоко, но зато въ Италіи не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни портовъ, ни школъ, ни честнаго суда и порядочную армію замѣняли услужливые

австрійцы. Духъ свободы, повѣявшій съ 1859 года, снабдилъ Италію недостававшими ей плодами современной цивилизаціи, но тутъ то и сказалось, что страна эта не въ состояніи расплатиться за нихъ и финансовая исторія ея сдѣлалась рядомъ дефицитовъ, покрываемыхъ невсегда благовидными средствами.

Чтобы убѣдиться, какъ важенъ народный характеръ въ дѣлѣ финансовъ, достаточно взглянуть на карту. Народы германской расы: нѣмцы, англичане, шведы, голландцы имѣютъ всѣ очень хорошія финансы, страны съ населеніемъ романскимъ и славянскимъ: Италія, Испанія, Россія, отчасти Австрія и Турція плохо сводятъ концы съ концами. Англійскія колоніи окупаютъ сами себя, голландскіе до 1869 года приносили даже барышъ, французскіе колоніи, испанскія республики не могутъ совладать съ финансовой неурядицей.

„Каковы ни были бы недостатки прусской финансовой администраціи, говоритъ Гиллебрантъ, но нельзя отрицать, что послѣ арміи она болѣе всего способствовала къ удержанію Пруссіей ея почетнаго положенія въ Европѣ и позволила государству, сравнительно небольшому и бѣдному, сохранить въ теченіи сорока лѣтъ положенія великой державы, не только не истощая экономическихъ силъ страны, но наоборотъ, развивая ихъ всячески. Порядокъ и бережливость никогда не переставали господствовать въ этой администраціи честной и аккуратной, которая, не смотря на столько разнообразныхъ требованій, успѣвала погашать государственный долгъ и по окончаніи разорительной войны нашла нѣсколько милліоновъ для прибавки жалованья бѣдныхъ чиновниковъ и учителей и возможность сократить наиболѣе отяготительные для народа налоги, напр., соляной. Передъ такимъ результатомъ можно только преклоняться, оставляя слово публичному кредиту, который говоритъ цифрами краснорѣчивѣе всѣхъ“. Понять настоящее политическое положеніе Пруссіи возможно только прослѣдивъ финансовую исторію Пруссіи, какимъ образомъ это государство терпѣливымъ и настойчивымъ трудомъ увеличило цѣнность и доходность своей бѣднѣйшей территоріи.

Въ русскихъ финансахъ также сказался характеръ русскаго народа. По нашему мнѣнію, изъ прежнихъ русскихъ дѣятелей только трое заслуживаютъ вниманія по своимъ оригинальнымъ экономическимъ взглядамъ: Петръ Великій, Посошковъ и Карамзинъ. Въ администраціи всего прошлаго столѣтія едва ли можно прослѣдить какіе либо строго проведенные экономическіе принципы. Фи-

нансами заправляли „какъ кому Богъ на душу положилъ". Нужно было доходовъ — размножали подати (конечно на низшія сословія) до невѣроятности, выпускали низкопробную монету и т. д.; попросятъ заводчики — налагаютъ запрещеніе на привозъ желѣза, попросятъ англичане — допускаютъ англійскіе товары чуть не безпошлинно. При этомъ бюджетъ былъ запутанъ, контроля никакого, а гласности еще менѣе. Половина сборовъ не достигала казначейства. Народъ страдалъ не столько отъ налоговъ, сколько отъ поборовъ. Поощреніе промышленности выражалось въ приписнѣ душъ: людей приписывали тысячами къ печамъ, молотамъ и веретенамъ.

При Екатеринѣ Великой сдѣлали опытъ выпуска ассигнацій. Приливъ капиталовъ, созданныхъ такимъ образомъ искусственно, сильно оживилъ производительность. Народъ въ простотѣ думалъ, что насталъ золотой вѣкъ и роскошь высшихъ сословій дошла до крайнихъ предѣловъ. Съ тѣхъ поръ другіе народы десятки лѣтъ покровительствовали промышленности, улучшали пути сообщенія, заводили торговыя связи, дѣлали реформы въ законодательствѣ, освобождали трудъ; у насъ, только выпускали ассигнаціи, пока рубль не сталъ четвертакомъ, и тогдашніе финансисты поняли, что это невинное занятіе влечетъ за собою страшную революцію имущественныхъ отношеній, обогащая однихъ и приводя въ нищету другихъ.

Спокойствіе, водворившееся послѣ 1815 года, приведя въ нормальное положеніе бюджетъ, позволило заняться кое-какими опытами для улучшенія нашего денежнаго обращенія. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ преобразованіяхъ того времени, принадлежала Сперанскому. Методъ Сперанскаго въ настоящее время уже достаточно изслѣдованъ. По его мнѣнію не могло быть противорѣчія между теоріею и практикою, и все, что хорошо укладывалось въ гладко-составленномъ канцелярскомъ докладѣ, казалось еще легче должно было приложиться къ безмолвной сорока-милліонной массѣ русскаго населенія. Послѣдствія показали однако, что и у этой массы были въ головѣ кое-какія идеи, шедшія въ разрѣзъ канцелярской мудрости; но на это не обратили сначала вниманія.

Ученіе Смита, пока было писано по-англійски, мало распространялось на континентѣ, но когда Сей изложилъ его легко и понятно, то и въ Россіи начали появляться экономисты. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Шторхъ писалъ у насъ сочиненія, для своего времени не лишенныя значенія; Тургеневъ издалъ въ либеральномъ

духѣ теорію налоговъ. Модныя идеи, распространяясь въ русской публикѣ, повліяли и на администрацію. Подъ вліяніемъ этихъ идей былъ изданъ извѣстный манифестъ 2 февраля 1810 года, гдѣ, къ великому скандалу публики, ассигнаціи признавались долгомъ правительства и заявлена была необходимость прекратить ихъ выпуски и сдѣлать обсужденіе бюджета гласнымъ. Конечно, послѣднее не было исполнено, но смутная идея о вредѣ ассигнацій осталась въ народѣ.

Между тѣмъ правительство было въ такомъ стѣсненномъ положеніи, что вскорѣ, опять увеличивъ безгранично выпускъ ассигнацій, оно принуждено было, вмѣсто государственнаго банкротства, указомъ 9 апрѣля 1812 года переложить весь счетъ съ серебрянаго рубля на ассигнаціонный. Такая великодушная мѣра противорѣчила уже окончательно всякой теоріи. Здравый смыслъ видитъ въ денежной единицѣ (валютѣ) мѣрило цѣнности, но сдѣлать мѣриломъ такое отвлеченное и неуловимое понятіе, какъ ассигнаціонный рубль, цѣна котораго мѣнялась ежедневно на каждой биржѣ, по прихоти мѣнялъ и банкировъ, было черезъ чуръ смѣло. Однако, къ величайшему удивленію, народъ нашъ принялъ это утопическое преобразованіе, и до сихъ поръ еще мѣстами ведетъ счетъ на ассигнаціи.

Съ водвореніемъ мира, практическіе дѣятели потеряли свою прелесть и снова выступили на сцену теоретики. Министерство Гурьева предприняло рядъ реформъ. Какого рода эти мѣропріятія, всѣмъ извѣстно, по близкимъ къ намъ примѣрамъ, а именно: *поддержка курса, заграничный заемъ для извлеченія ассигнацій* помощью *размѣна* и *либеральный тарифъ*. Результатъ вышелъ во всѣхъ отношеніяхъ неудачный: курсъ не поднялся; ассигнаціи жгли по напрасну; внѣшніе займы обременили казначейство, а либеральный тарифъ, по всенародному заявленію правительства (циркуляръ Нессельроде), только разорилъ фабрики и уменьшилъ нашъ отпускъ. Все это заранѣе было предсказано нашимъ купечествомъ въ обстоятельной запискѣ, не потерявшей своей цѣны и до сихъ поръ. Теоретики были пристыжены и до такой степени замолчали, что уже черезъ тридцать лѣтъ, какъ увидимъ ниже, объ ихъ неудачныхъ проектахъ вовсе и забыли.

Въ замѣнъ Гурьева, правительство избрало министромъ финансовъ Канкрина. Канкринъ былъ великій министръ, но министръ практикъ. Онъ написалъ правда нѣсколько темныхъ сочиненій понѣмецки, но всякій гимназистъ, пробѣжавшій современный учеб-

никъ политической экономіи, нашелъ бы въ нихъ много ошибокъ; но гимназисты наши по-нѣмецки не читаютъ, потому этотъ трудъ взялъ на себя академикъ Безобразовъ, доказавшій въ длинной рѣчи *), изданной на разныхъ языкахъ, что не было хуже министра какъ Канкринъ, и если Россія при немъ обогатилась, то эта заслуга ничтожна, сравнительно съ его преступленіями противъ теоріи.

Канкринъ, повторяемъ, былъ плохой теоретикъ, да и не любилъ идеологовъ. Система его была очень незамысловата, но дѣйствительна. Онъ зналъ, что ненужные государственные расходы вредны, потому сократилъ бюджетъ; онъ зналъ, что выпускъ ассигнацій вещь опасная, и не выпустилъ ни одной ассигнаціи и тѣмъ снова установилъ у насъ правильное денежное обращеніе. Онъ зналъ, что русская промышленность нуждается въ поощреніи, потому установилъ такой тарифъ, который и не красивъ казался тогдашнимъ либръ-эшанжистамъ, но который создалъ въ Россіи тысячь шесть новыхъ фабрикъ и заводовъ и, утроивъ таможенные доходы, далъ возможность нашему правительству содержать на страхъ европейской революціи милліонъ войска, да ссужать еще деньгами французское правительство въ 1847 г.

При Канкринѣ, какъ извѣстно, и въ Европѣ англійская теорія поколебалась: блистательное сочиненіе Листа и практическіе результаты германскаго таможеннаго союза подорвали довѣріе многихъ къ непогрѣшимости ученія Смита. Вотъ чѣмъ объясняется, что русскіе экономическіе писатели того времени вращались болѣе въ сферахъ официальной статистики.

Со смертью Канкрина, началась реакція и въ нашей финансовой администраціи, и въ нашей экономической литературѣ. Блистательный успѣхъ отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ въ Англіи, которымъ англичане умѣли затуманить множество недальновидныхъ экономистовъ, и благородный характеръ борьбы манчестерской лиги, представлявшей интересы массы противъ монополіи, привлекъ въ лагерь либръ-эшанжа двухъ сильныхъ бойцовъ: Бастіа и Мишеля Шевалье. Ихъ усиліями новая школа пріобрѣла много поклонниковъ и у насъ въ Россіи; хотя въ то же время Кэри и Либихъ дали сильное научное оружіе въ руки протекціонистовъ. Въ этотъ же періодъ, во Франціи и Германіи появилась многочисленная школа

*) W. Besobrasoff. De l'influence de la science économique sur la vie de l'Europe moderne.

соціалистовъ, которая надѣлала много шуму, благодаря практическимъ попыткамъ приложить свое ученіе, чему тревожное положеніе дѣлъ въ Европѣ около 1848 года давало удобный случай. Россіи, однако, въ то время соціализмъ почти не коснулся, и нашелъ лишь весьма слабый отголосокъ въ нѣкоторыхъ писателяхъ.

Либръ-эшанжъ распространялся преимущественно чрезъ университетское преподаваніе; тысячи молодыхъ людей принимали на вѣру слова учителей, что экономическая наука сказала свое послѣднее слово, и готовы были вносить это неправильное убѣжденіе въ дѣйствительность. Этому способствовало въ Россіи отсутствіе порядочныхъ сочиненій по политической экономіи. Тѣмъ же путемъ идеи проникали и въ нашу администрацію. Наиболѣе горячимъ приверженцемъ явился тогда молодой Тенгоборскій, бывшій кажется нашимъ консуломъ въ Даніи; переведенный въ Вѣну, онъ обратилъ на себя вниманіе правительства книгою объ австрійскихъ финансахъ. Своимъ же сочиненіемъ „Les forces productives de la Russie“ онъ сталъ оракуломъ петербургскаго кружка полуоффиціальныхъ экономистовъ. Сочиненіе это, представляющее довольно гладкое изложеніе весьма сомнительныхъ цифръ оффиціальной статистики, имѣло цѣлью доказать, что Россія есть государство земледѣльческое и промышленность можно поддерживать въ ней исключительно искусственными средствами. Благодаря разнымъ обстоятельствамъ и прекрасному французскому языку, оно было прославлено образцовымъ и заслужило одобреніе въ иностранныхъ литературахъ, хотя достаточно самой-поверхностной критики, чтобы видѣть всѣ недостатки этой тенденціозной книги. Около Тенгоборскаго образовалась цѣлая группа его учениковъ, которымъ случай представилъ играть притомъ значительную роль.

Подъ вліяніемъ фритредерской пропаганды правительство понизило, вопреки желанію даже финансоваго управленія, руководимаго Вронченкою, тарифъ въ 1850 году, но уже въ 1853 году начавшаяся война заставила позабыть всѣ теоріи и приняться за дѣло практически. Насталъ 1856 годъ, Россія выдержала страшную борьбу, но ассигнаціи опять возрасли въ обращеніи до 700 милліоновъ, и на денежномъ рынкѣ чувствовалось кое-какое замѣшательство. Правительство задумало послѣ войны рядъ реформъ; реформы всегда стоятъ денегъ, а такія, которыя глубоко затрогиваютъ народную жизнь, обходятся и очень дорого. Сдѣлалось ясно, что финансовый вопросъ выступаетъ на первый планъ; практическіе пріемы Брока не могли имѣть болѣе мѣста. Нужно было чего-то другого.

Въ это время какъ нарочно всѣ журналы говорили въ одинъ голосъ, что вся наша отсталость происходила отъ неуваженія къ европейской наукѣ. Теоретики торжествовали. Къ нимъ и обратились за совѣтами. Школа Тенгоборскаго получила такимъ образомъ огромный вѣсъ. Отъ нее зависѣла участь множества полезныхъ начинаній правительства.

Планъ новой реформы, повидимому совершенно согласный съ теоріей, былъ составленъ, но сочинители, роясь въ иностранныхъ книжкахъ, позабыли справиться не была ли Россія уже когда либо въ подобномъ же положеніи, и не предпринималось ли какихъ либо мѣръ для того, чтобы изъ него выйти.

Послѣдовательность плана экономистовъ видна изъ слѣдующей постепенности. Прежде всего понизили тарифъ, многіе промышленныя предпріятія закрылись; тогда пониженіемъ банковыхъ процентовъ заставили капиталы обратиться именно къ промышленности, сдѣлавшейся уже невыгодною. Собрали огромные капиталы, извлекали изъ обращенія и сожгли на 70 милліоновъ руб. кредитныхъ билетовъ; затѣмъ немедленно выпустили новыхъ на 100 м. руб., употребили большіе капиталы на поддержку курса, который конечно не поддержался, но закрыли по мысли Гагемейстера казенный поземельный кредитъ, какъ разъ въ то время, когда наступила эмансипація и потребность помѣщиковъ въ деньгахъ сдѣлалась крайне настоятельною. Обсужденіе вопроса о поземельномъ кредитѣ ограничилось трудами одной комиссіи, душею которой былъ г. Безобразовъ. Затѣмъ появился знаменитый проектъ г. Ламанскаго, сущность котораго состояла въ томъ, что курсъ упалъ будто бы на 20 проц. отъ избытка бумажекъ, слѣдовательно, извлекая избытокъ въ 20 проц., курсъ сдѣлается альпари и все придетъ въ нормальное положеніе. Заняли 100 новыхъ милліоновъ и начался размѣнъ: не успѣли еще размѣнять этихъ денегъ, а курсъ уже упалъ на 25 проц. Тутъ-то вспомнили, что въ 20 годахъ уже дѣлали подобные опыты и также безъ всякаго успѣха. Послѣ такого пораженія, теоретики передали дѣла финансовыя въ руки практиковъ, которые хотя финансовъ много не улучшили, но снабдили Россію сѣтью желѣзныхъ дорогъ и банковыхъ учрежденій. Рядомъ съ чѣмъ, какъ ядовитое дерево, быстро выросъ биржевой аферизмъ.

Что же дѣлала въ это время остальная часть нашей экономической литературы? Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что если слышались голоса, предостерегавшіе теоретиковъ отъ ихъ увлеченія, то остальная публика и особенно молодежь очень мало всѣмъ этимъ

тересовалась. Вниманіе ея было поглощено проповѣдью двухъ и трехъ публицистовъ, что всѣ экономисты невѣжды и негодяи что спасеніе Россіи и цѣлаго міра находится въ соціализмѣ и обенно въ организаціи труда по системѣ Луи Блана. Какимъ об-зомъ соціалистическія идеи проникли въ наше общество въ концѣ годовъ, и почему именно система Луи Блана, давно покончен-я и забытая, отъ которой отказался даже самъ ея остроумный горъ, могла обратить на себя вниманіе нашихъ публицистовъ, нять трудно. Тѣмъ не менѣе соціалистическая пропаганда дли-сь много лѣтъ безостановочно, окончательно спутывая слабыя ономическія понятія нашего общества. Нѣсколько голосовъ пров-вали было возражать соціалистамъ, доказывая, что ихъ разгла-льствованія стары, и что въ Россіи, гдѣ земля ищетъ человѣка, вно никакого смысла не имѣютъ, но безъ успѣха.

Только съ 1880 года начинается, вмѣстѣ съ нашимъ полити-скимъ возрожденіемъ, и болѣе толковый взглядъ на экономиче-ія потребности. Стало очевидно, что государство, столь обшир-е и разнообразное по своимъ условіямъ, не можетъ руководиться авилами, сочиненными гдѣ-то совсѣмъ при другихъ обстоятель-ахъ. Поученія, какого-нибудь Молинари или Луи Блана, можетъ ть и очень мудрыя для Бельгіи и Парижа, вовсе не идутъ къ ссіи.

Въ то же время и правительство заявило открыто, что и оно мѣрено держаться „самостоятельной торговой политики“ и не здовать внушеніямъ всегда готовыхъ на совѣты иностранцевъ. Первымъ министромъ финансовъ, серьезно взглянувшимъ на наше номическое положеніе дѣлъ, былъ г. Абаза. Г. Бунге, хотя и фессоръ политической экономіи, также стоялъ уже на болѣе ктической почвѣ. Относительно финансовыхъ реформъ при г. нге и косвенно г. Абазѣ, возникла весьма любопытная въ своемъ ѣ полемика въ видѣ брошюръ, напечатанныхъ и розданныхъ въ омъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Явленіе это не ое: государственные люди и прежде писали и подавали у насъ трудныя минуты записки о финансовомъ положеніи государства, ъ Россіи, гдѣ нѣтъ единодушнаго партійнаго кабинета, подоб-форма обмѣна мыслей весьма полезна, даже безусловно въ оторыхъ случаяхъ необходима.

Весь вопросъ, кромѣ отдѣльныхъ указаній по второстепеннымъ росамъ, сводился къ тому, что было причиною критическаго, по нію многихъ, положенія нашихъ финансовъ? Г. Смирновъ ви-

дѣлъ въ этомъ прямой результатъ неудачной финансовой политик
послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, результатъ которой финансова
управленіе г. Бунге хотя и сознавало, но вполнѣ отрѣшиться от
прежнихъ пріемовъ не могло. Г. Бунге доказывалъ, что вся бѣда
въ политикѣ, въ войнахъ, въ которыя была вовлечена Россія, и
обширныхъ вооруженіяхъ и непосильныхъ для такой бѣдной стран
расходахъ на военное и морское вѣдомства. Онъ признавалъ мн
гія ошибки финансоваго управленія, но объяснялъ ихъ необход
мостью и неизбѣжностью, частью вліяніемъ заблужденій дорефо
меннаго финансоваго управленія.

Можно, кажется, безошибочно сказать, что обѣ стороны бы
правы и неправы; доля истины заключалась и въ томъ и въ дру
гомъ объясненіи, ибо государственная жизнь настолько сложн
что трудно подводить ея многосторонніе фазисы къ одному како
либо рѣшенію. Политика и экономія шли постоянно рядомъ и
пути ухудшенія нашего финансоваго положенія.

Отрицать, что войны Крымская и Восточная, польское возст
ніе, экспедиціи кавказскія, туркестанскія, туркменскія, столкно
нія съ Китаемъ, замѣшательства изъ-за Афганистана и нѣкотор
другія частныя мобилизаціи имѣли вліяніе на увеличеніе наше
государственнаго долга, на выпускъ кредитныхъ билетовъ и
повышеніе курса, а слѣдовательно и на увеличеніе почти на тре
нашего расходнаго бюджета, — значило бы добровольно закрыва
глаза. Но и, помимо экстраординарныхъ военныхъ расходовъ, од
желаніе, чтобы Россія имѣла боевыя силы, стоящія на одномъ те
ническомъ уровнѣ съ другими великими державами, неизбѣж
должно было удвоить нашъ военный бюджетъ. Образованіе огро
наго резерва, перевооруженіе арміи новыми пушками, ружьям
патронами, снарядами, постройка крѣпостей, броненосный, кре
серійскій и миноносный флоты — все это потребовало огромныхъ
тратъ, препятствовать которымъ никакой министръ финансовъ
былъ бы въ силахъ.

Равнымъ образомъ, ни одинъ министръ финансовъ не м
устоять противъ того, чтобы были преобразованы наши суды, у
личено число гимназій и школъ, построены телеграфы, улучше
почты, увеличено нищенское содержаніе чиновниковъ, заведе
контроль расходовъ и т. п. Если въ этомъ случаѣ нѣкоторыя
траты были сдѣланы неправильно и непроизводительно, то не
добно забывать, что остается еще въ дѣлѣ улучшенія нашей гр
данской администраціи — если бы ее захотѣли, какъ армію, дер

на европейскомъ уровнѣ—по крайней мѣрѣ половина недодѣланнаго. А на эту додѣлку понадобятся новыя средства.

Политика играла роль и въ другихъ отношеніяхъ. Г. Смирновъ обвинялъ въ разореніи дворянства финансовое управленіе, зачѣмъ-де оно ликвидировало старые казенные банки въ моментъ крестьянской реформы и зачѣмъ допустило Общество взаимнаго поземельнаго кредита съ его металлической валютою? И то и другое было несомнѣнно крупными ошибками, но въ этихъ ли двухъ мѣропріятіяхъ корень обѣднѣнія дворянства? Дворянство обѣднѣло потому, что за право владѣнія крѣпостными, право, при которомъ оно жило въ довольствѣ, оно не получило ни копѣйки вознагражденія. Это была мѣра политическая, и финансовое управленіе тутъ ровно ни при чемъ. Съ другой стороны, правительство не долго оставило помѣщиковъ безъ помощи. Хотя старые банки не давали ссудъ, но зато правительство съ помѣщиковъ перевело на крестьянъ всѣ долги прежнимъ кредитнымъ установленіямъ, а это составило до 300 милліоновъ рублей; затѣмъ еще около 500 милліоновъ рублей помѣщики получили въ видѣ выкупныхъ за земли, которыми крестьяне отчасти испоконъ вѣка пользовались, отчасти въ которыхъ—какъ въ сѣверной полосѣ Россіи — вовсе не нуждались. На этой операціи правительство несло ежегодно 10 милл. руб. убытка. Если же эти 800 милліоновъ помѣщики въ нѣсколько лѣтъ промотали и прожили, то виною ужъ тутъ и не финансовое управленіе, и не правительство вообще, а исключительно само дворянство, его воспитаніе, привычки, складъ жизни.

Скажутъ, что правительство знало недостатки нашей помѣщичьей натуры и должно было принять ограничительныя мѣры. Но какъ-то странно было ждать, что въ моментъ, когда правительство даже крестьянъ хотѣло обратить въ вполнѣ свободныхъ и полноправныхъ гражданъ, оно вздумало бы закрѣпощать въ извѣстномъ смыслѣ дворянъ, эмансипированныхъ еще въ 1762 году. Въ послѣднее время финансовое управленіе стало еще внимательнѣе къ интересамъ дворянъ: и Дворянскій банкъ, и даже Крестьянскій—прямо созданы въ ихъ пользу, правительство ссудило ихъ нѣсколькими милліонами рублей безъ процентовъ; начинаютъ помѣщики жаловаться на взаимный поземельный кредитъ, правительство готово выкупить обязательства помѣщиковъ и, чтобы еще болѣе усилить свою щедрость, отсрочиваетъ исполненіе указовъ о погашеніи кредитныхъ билетовъ, рискуя скомпрометировать свой собственный кредитъ.

Но если ни вліянія политики иностранной и внутренней, ни вліянія народнаго характера и исторически усвоенныхъ дурныхъ привычекъ на наше финансовое положеніе нельзя отрицать, то въ одинаковой степени неразумно было бы отрицать и того, что всѣ подобныя дурныя вліянія были усугубляемы легкомысленною доктринерскою экономическою политикою, господствовавшею съ Крымской войны до 1880 года.

Никакими софизмами невозможно доказать, что для Россіи не принесли неисчислимаго вреда: пониженіе банковыхъ процентовъ, закрытіе государственнаго земельнаго кредита въ моментъ освобожденія крестьянъ, двукратное пониженіе таможеннаго тарифа въ 1857 и 1868 гг., постройка желѣзныхъ дорогъ изъ иностранныхъ матеріаловъ и подрывъ отъ того собственнаго горнаго и механическаго дѣла, дѣятельность Государственнаго банка для поощренія биржевой игры, несвоевременная попытка размѣна, постоянная игра на повышеніе вексельнаго курса на биржѣ, столь же беззаботные выпуски кредитныхъ билетовъ даже въ мирное время, совершенно противуположныя тому скупка золота и созданіе массы обязательствъ въ металлической валютѣ, расхищеніе части государственныхъ имуществъ, неосторожное введеніе питейно-акцизной системы и развитіе отъ того пьянства и т. д., и т. д. Этотъ списокъ можно бы очень распространить, не говоря уже о грѣхахъ отрицательныхъ, о томъ, что не было ничего предпринято для распространенія русской отпускной торговли, созданія торговаго флота, устройства на прочныхъ началахъ колонизаціи, пресѣченія желѣзнодорожныхъ вакханалій въ видѣ воровства на постройкѣ и игры провозными тарифами и т. д.

Съ отставкою Грейга финансовое управленіе въ значительной мѣрѣ стало на путь исправленія: таможенная политика сдѣлалась покровительственною, желѣзныя дороги строются по возможности изъ своихъ матеріаловъ, за дѣятельностью ихъ устраивается контроль, Государственный банкъ пересталъ быть вмѣстилищемъ разныхъ беззаконій и источниковъ аліотажа, сдѣланы попытки переложенія податной тягости на болѣе зажиточныя сословія, прекращенъ произвольный выпускъ кредитныхъ билетовъ и т. д. Но старая закваска еще дѣйствуетъ, многія изъ этихъ мѣръ исполнялись лицами, которыя сочиняли въ прежній періодъ мѣры противуположныя, почему мѣры на бумагѣ, какъ будто задуманныя въ извѣстномъ направленіи—что вышло, напр., съ питейными правилами—оказывались нерѣдко сдѣланными въ прямо противоположномъ.

Затѣмъ нельзя не упомянуть, что новая эпоха финансоваго управленія, рядомъ съ недостаточно внимательнымъ отношеніемъ къ важнѣйшему вопросу о денежномъ курсѣ, имѣла еще другой недостатокъ—изобрѣтеніе множества мелкихъ налоговъ.

Стремленіе фиска обложить все, что попадается на глаза, весьма древне. Св. Іустинъ Александрійскій пишетъ, что „одного священника на таможнѣ спросили о багажѣ; тотъ отвѣчалъ, что имѣетъ при себѣ только вѣру, благочестіе, справедливость и воздержаніе. Таможенный чиновникъ сейчасъ же потребовалъ оплатить эти четыре предмета“. У насъ еще ни вѣра, ни надежда, ни даже любовь не обложены (кромѣ какъ въ видѣ бенефисныхъ подношеній), но налоги на предметы самой первой необходимости изобрѣтались безпрерывно и безъ большихъ споровъ проходили.

Образчикомъ на этотъ счетъ можетъ послужить исторія налога на дрожжи, который пропустила безъ вниманія печать, хотя при его помощи съ публики собираютъ не менѣе $2^1/_2$ милліоновъ руб. въ годъ. Какіе-то крупные нѣмецкіе заводчики въ Прибалтійскомъ краѣ, желая устранить иностранную конкурренцію и убить мелкіе русскіе заводы, просили объ установленіи налога на дрожжи. Акцизное вѣдомство, мѣропріятія котораго по питейному и табачному акцизамъ не увеличивали, а уменьшали доходы, съ радостью ухватилось за мысль найти новый источникъ обложенія. Собрана была комиссія, въ которой оказалось — какъ потомъ въ нефтяной комиссіи—что никакихъ данныхъ о дрожжевомъ дѣлѣ у акцизнаго вѣдомства нѣтъ и никакого проекта оно заранѣе не приготовило! Не смотря на это, налогъ вотированъ съ разными отступленіями и оговорками противъ предложенія хитроумныхъ нѣмцевъ. Въ результатѣ вышелъ курьезъ—новое примѣненіе извѣстной пословицы: „что русскому здорово, то нѣмцу смерть“. Пострадали отъ налога именно тѣ крупные прибалтійскіе заводы, которые въ пользу своего кармана налогъ выдумали! Ихъ производство сократилось втрое и вчетверо, а взамѣнъ того, для наживы на счетъ казначейства, устроилось нѣсколько новыхъ дрожжевыхъ заводовъ средняго размѣра внутри Россіи.

Увѣряютъ, будто за послѣднее время введено въ Россіи шестьдесятъ новыхъ налоговъ. Это, конечно, преувеличено, но и сокращая цифру вдвое, нельзя не удивиться ей, особенно сравнительно съ дѣятельностью прежнихъ министровъ финансовъ. При всемъ ихъ эмпиризмѣ они ужасно берегли податныя силы и потому за десятки лѣтъ финансовой исторіи Россіи мы видимъ самыя незна-

чительныя измѣненія въ податной системѣ. Только при Петрѣ Великомъ, когда Россія стала вдругъ жить несвойственной ей западно-европейской жизнью, для добыванія денегъ облагали все и всѣхъ отъ вѣниковъ въ баняхъ и дуги извозчиковъ до вѣнчиковъ, возлагаемыхъ въ гробу на голову покойниковъ.

Мы уже говорили, что у насъ очень любятъ на словахъ и въ газетахъ печаловаться объ участи бѣднаго народа, о его податныхъ тягостяхъ и т. п., но какъ только заходила рѣчь, чтобы не много этихъ тягостей переложить съ плечъ мужика на плечи барина, такъ картина мѣнялась: о мужикѣ забывали и начинались упреки правительству, неумѣющему-де устроить финансы. Въ концѣ концевъ проходили только косвенные налоги и при томъ разсчитанные на потребленіе низшихъ классовъ населенія; напримѣръ, кофе, который пьетъ баринъ, платитъ 15—20% съ цѣны, а чай, который пьетъ мужикъ, отъ 50 до 100% и т. п. Но какъ только заходила рѣчь объ обложеніи высшихъ классовъ, такъ сейчасъ подымался вопль.

Какой нибудь налогъ съ безмезднаго перехода имуществъ, не дающій и трехъ милліоновъ, долгіе годы подвергался переработкамъ и исправленіямъ, пока не былъ приведенъ въ такое состояніе, что отъ него осталась идея, ожидаемый же доходъ испарился. Слухъ о маленькомъ прогрессивномъ налогѣ на пребываніе за границею привелъ въ ярость извѣстную часть нашего общества, а одновременно предположено было взимать новые 3½ милл. съ бѣднѣйшей части населенія помощью увеличенія гербоваго сбора, 9 милліоновъ лишнихъ съ массы курильщиковъ, въ томъ числѣ на 50 проц. увеличить цѣну махорки—этого единственнаго утѣшенія хохла и солдата, предполагалось сдѣлать дороже на 25 проц. необходимое въ повседневномъ быту желѣзо и т. д. Никому до означенныхъ повышеній дѣла не было, точно всѣ были въ убѣжденіи, что мужику это, кромѣ удовольствія, ничего не доставитъ.

Говорить о государственной росписи доходовъ и расходовъ—значитъ повторять въ сотый разъ давно извѣстныя истины, тѣмъ не менѣе подобное повтореніе, можно сказать, обязательно, потому что ни въ какомъ другомъ вопросѣ нововведенія не принимаются съ такимъ трудомъ, какъ въ финансахъ; съ другой стороны, никакой вопросъ не затрогиваетъ такъ близко всѣхъ интересовъ,—по знаменитому англійскому афоризму, что „умирать и платить налоги долженъ каждый“,—какъ вопросъ о бюджетѣ. Въ послѣднее время государственная роспись является у насъ въ формѣ довольно соблазни

тельной. Доходы равняются расходатъ, что казалось бы и требовалось доказать; наружное благополучіе не должно, однако, останавливать критику. Даже, при дѣйствительномъ перевѣсѣ въ доходахъ, обязанность публицистовъ указывать мѣры къ измѣненію системы, потому что государство уплачиваетъ налогами только извѣстныя необходимыя ему услуги, и никакихъ затѣмъ прибылей отъ первыхъ имѣть не должно.

Двѣ причины обусловливаютъ нѣкоторое недовѣріе къ результатамъ нашего финансоваго положенія: одна изъ нихъ лежитъ въ сознаніи неудовлетворительности нашего доходнаго бюджета, основаннаго на началахъ устарѣлыхъ; другая—въ непрочности бюджета расходовъ, расширеніе котораго съ трудомъ можетъ быть пріостановлено.

Мнѣнія извѣстнаго Мордвинова, критиковавшаго въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ нашу систему доходовъ за ея неудовлетворительность, могутъ быть повторены почти цѣликомъ и теперь. Главною тяжестью лежитъ она на низшемъ классѣ, а еще въ началѣ настоящаго столѣтія благородный дворянинъ россійскій, Николай Тургеневъ, писалъ, что правительство обязано стараться отклонять, сколь возможно, тяжесть налоговъ отъ простаго народа. Какъ много времени прошло съ той минуты и какъ мало сдѣлано въ этомъ отношеніи, не смотря на всѣ наши либеральныя начинанія и реформы. Какъ и во время крѣпостнаго права, главная тяжесть бюджета лежитъ не на имуществѣ, а на трудѣ, да еще вдобавокъ трудѣ мало вознаграждаемомъ, на трудѣ мускульномъ. Само правительство давно уже сознало неудовлетворительность податной системы и предприняло реформированіе ея, но въ какомъ направленіи совершалась эта реформа? Подушный и соляной налоги уничтожены, но ихъ смѣнило повышеніе косвенныхъ налоговъ, которые въ сущности падаютъ на тѣ же классы общества. Относительно государственныхъ расходовъ нужно замѣтить, что они опережаютъ приращеніе доходовъ, почему и вызываютъ созданіе налоговъ. Мы не безусловные противники расширенія бюджета и согласны съ мнѣніемъ Маня, что искусство расходовать состоитъ не въ томъ, чтобъ расходовать мало, а въ томъ, чтобъ расходовать производительно, но нельзя не признать, что въ порядокъ составленія смѣтъ разныхъ вѣдомствъ у насъ вкралась порядочная рутина. Каждый департаментъ заботится лишь о томъ, чтобы доходовъ въ предположеніи было не меньше прошлогодняго, для чего выводитъ доходы или по послѣднему поступленію, или по средней сложности,

какъ выгоднѣе; въ расходахъ же одна забота—не просить слишкомъ много противъ предыдущаго года. Требуется, однако, обыкновенно нѣсколько болѣе, но это la part du feu, та часть, которая оставляется для удовлетворенія требованій о сокращеніи расходовъ Министерства Финансовъ, Государственнаго Контроля и департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта. Требованіе какъ будто бы удовлетворяется, дѣлается сокращеніе, но въ дѣйствительности расходъ остается прежній; а такъ какъ нѣкоторые новые расходы неизбѣжны, то въ результатѣ получается постоянное возростаніе изъ года въ годъ бюджета.

Этому возростанію думали положить предѣлъ учрежденіемъ особой комиссіи о сокращеніи расходовъ. Комиссія умерла сама собою, да ей ничего и не оставалось болѣе дѣлать, ибо расходы можно уменьшить, лишь зная близко дѣло и разбирая происхожденіе въ смѣтахъ каждой копѣйки. И отдѣльныя вѣдомства не всегда въ силахъ производить у себя сокращенія, особенно когда дѣло касается отдаленныхъ областей, откуда не дождешься объясненій, или разныхъ техническихъ операцій, гдѣ своя рука владыка. Что же могла сдѣлать комиссія при одномъ изъ высшихъ государственныхъ учрежденій изъ нѣсколькихъ чиновниковъ не спеціалистовъ, работавшая въ придачу негласно. Какая была бы польза, если бы комиссія указала, положимъ, на сокращеніе разныхъ должностей на 20,000 рублей въ годъ, когда достаточно не совсѣмъ вѣрно, на нѣсколько копѣекъ, вычислить цѣну пуда сѣна, чтобы увеличить государственные расходы на милліонъ и болѣе.

Впрочемъ, и о мелочной бережливости у насъ въ послѣднее время позабыли. Увольняется ли какой-нибудь директоръ департамента, пробывшій полгода въ своей должности, ему оставляютъ нѣсколько тысячъ содержанія; переѣзжаетъ ли вновь назначенный губернаторъ изъ одного города въ другой, отстоящій по желѣзной дорогѣ въ 5-ти часахъ пути, ему даютъ столько же тысячъ на подъемъ; придетъ губернатору охота, вмѣсто оранжевыхъ погоновъ, дать своимъ полицейскимъ чинамъ голубые и вмѣсто черныхъ мундировъ облечь ихъ въ сѣрые, ему охотно отпускается на эту прихоть десятокъ тысячъ. Подобныхъ случаевъ можно насчитать сколько угодно. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности объясняется, вѣроятно, хорошими даже побужденіями, каждый соотвѣтствуетъ установившейся издавна административной практикѣ, но въ общемъ итогѣ они-то и составляютъ то неэкономное распоряженіе податными грошами, которое въ концѣ концевъ ведетъ къ дефицитамъ

и заставляетъ глубокіе министерскіе умы, по безсмертному выраженію Ѳедотова, „выжимать изъ камней сокъ“.

Само собою разумѣется, что экономіей въ административныхъ издержкахъ не достигается еще порядка въ финансахъ. Можно сколько угодно урѣзывать жалованье чиновникамъ, можно вовсе лишить ихъ наградъ и пособій, это все-таки очень немного поправитъ наше финансовое положеніе, принимая даже, что вышеозначенныя урѣзки не разрушатъ административной машины и не убьютъ въ служащихъ необходимой энергіи.

Мы указываемъ на экономію въ административныхъ издержкахъ лишь какъ на проявленіе извѣстной системы. Кто не бережливъ въ малыхъ суммахъ, обыкновенно бываетъ еще менѣе бережливъ въ крупныхъ, тѣмъ болѣе, что ассигнованіе послѣднихъ легко оправдывается громкими фразами въ родѣ: „поддержать достоинство передъ Европой“, „обезпечить безопасность государства“, „развить торговлю“, „прикрѣпить окраины“ и т. д. Между тѣмъ, лишь дѣйствуя съ достаточной энергіей на эти крупныя издержки, можно достигнуть сколько-нибудь осязательныхъ результатовъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ неустройствѣ нашихъ финансовъ виноватъ отчасти кризисъ, охватившій многія отрасли народнаго хозяйства какъ въ Россіи, такъ и въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы. Вызванный у насъ, главнымъ образомъ, упадкомъ хлѣбныхъ цѣнъ, сопровождавшимся значительнымъ уменьшеніемъ доходовъ и помѣщиковъ, и крестьянъ, а слѣдовательно и общимъ безденежьемъ, кризисъ этотъ естественно привелъ къ ослабленію спроса на произведенія промышленности, къ сокращенію потребленія и къ задержкѣ въ поступленіи косвенныхъ налоговъ: питейнаго, табачнаго и таможеннаго. Но, кромѣ кризиса, виновато и наше желаніе въ государственномъ, какъ и въ частномъ быту, жить не по средствамъ.

Вмѣсто чего либо существеннаго для поправленія финансовъ у насъ ограничивались жалобами на министра финансовъ, который точно какой-то докторъ-волшебникъ обязанъ былъ возстановлять мгновенно здоровье больного организма, истощеннаго продолжительными излишествами. При этомъ отъ министра финансовъ требовали не только, чтобы онъ сводилъ въ росписи концы съ концами, но являлся и благодѣтелемъ на счетъ казеннаго сундука всѣхъ отраслей промышленности, которыя почему либо находятся въ стѣсненномъ положеніи. А такъ какъ въ Россіи чуть не всѣ отрасли производительности находятся въ стѣсненномъ положеніи, то это же-

ланіе равносильно ихъ общему поступленію на казенное содержаніе. Вопросъ только, гдѣ же взять средства для подобнаго общаго облагодѣтельствованія?

Г. Бунге, когда былъ министромъ финансовъ, весьма резонно возсталъ противъ такого своеобразнаго государственнаго соціализма. Онъ напоминалъ, что „государство должно содѣйствовать только тому, что требуется его ближайшими интересами и представляетъ достаточныя ручательства въ успѣхѣ, а равно, что государству слѣдуетъ предпринимать только то, что оно можетъ исполнить хорошо и безъ убытка для казначейства".

Эти правила основаны и на экономическихъ, и на государственныхъ соображеніяхъ. Никакіе шарлатанскіе опыты въ государственномъ хозяйствѣ допущены быть не могутъ. Частныя лица, предпринимающія что либо на счетъ казны, въ случаѣ неудачи, теряютъ очень мало, или даже ничего. Государство, когда оно вступаетъ въ хозяйственныя операціи, имѣетъ дѣло съ казеннымъ управленіемъ, состоящимъ изъ лицъ, матеріально ничѣмъ не рискующихъ, тогда какъ казначейство рискуетъ иногда очень многимъ. Кромѣ того, растраченныя безплодно казенныя субсидіи и убыточное для финансовъ и для народа управленіе умаляютъ довѣріе къ правительству, которое назначаетъ исполнителей своихъ предначертаній.

Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ толковать о серьезныхъ сокращеніяхъ расходовъ, надобно самыя смѣты составлять болѣе раціонально, нежели это дѣлается нынѣ. Нашъ бюджетъ до преобразованій государственной росписи и системы разсмотрѣнія смѣтъ, сдѣланныхъ по иниціативѣ покойнаго Татаринова, представлялъ сплошной курьезъ, столько въ немъ было путаницы и недомолвокъ. Теперь наша государственная роспись значительно исправилась, хотя и нынѣ открываются крупныя недоразумѣнія и роспись даетъ все-таки неточное понятіе о размѣрѣ расходовъ по извѣстнымъ отраслямъ управленія. Дѣйствительное положеніе доходовъ и расходовъ государства неизвѣстно хорошенько и самому Министерству Финансовъ. Это явствуетъ изъ замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ труда И. И. Кауфмана: „Статистика государственныхъ финансовъ Россіи", изданнаго центральнымъ статистическимъ комитетомъ.

Когда были уничтожены экономическіе капиталы разныхъ вѣдомствъ, введено единство кассы, измѣненъ порядокъ составленія государственныхъ смѣтъ и преобразованъ Государственный Кон-

троль, котораго содержаніе, съ 200 тысячъ въ началѣ 60-хъ годовъ, увеличилось теперь свыше 3 мил. руб., многіе полагали, что въ финансовой отчетности водворится у насъ совершенная ясность и послѣдовательность. Но далеко не то оказывается на дѣлѣ.

Не только въ теченіи 1860-хъ, но и въ теченіи 1870-хъ и даже 1880-хъ годовъ, невозможно, напримѣръ, на основаніи однихъ только отчетовъ объ исполненіи государственныхъ росписей составить полное и точное изложеніе суммъ по доходамъ и расходамъ изъ чрезвычайныхъ рессурсовъ. Совершенной точности данныхъ препятствуетъ то, что указываемые обороты составляли изъятіе изъ общаго порядка документальнаго контроля. Затѣмъ они представляли изъятіе и изъ общаго кассоваго порядка, такъ какъ для большей ихъ части (въ томъ числѣ для оборотовъ бывшаго желѣзнодорожнаго фонда, достигавшихъ по приходу и расходу до 2 милльярдовъ рублей) существовали какъ бы особыя кассы (въ Государственномъ банкѣ и у заграничныхъ банкировъ), неподчиненныя общимъ кассовымъ правиламъ.

Чрезвычайные расходы изъ желѣзнодорожнаго фонда (а передъ тѣмъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, такіе же расходы на усиленіе размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ, на попытку возобновленія ихъ размѣна на звонкую монету, на уплату долговъ казначейства бывшимъ кредитнымъ установленіямъ и т. д.) представляли изъятіе и изъ общаго смѣтнаго порядка, такъ какъ они производились не на основаніи кредитовъ, для нихъ ассигнованныхъ Государственнымъ Совѣтомъ, а вслѣдствіе распоряженій другихъ высшихъ государственныхъ установленій (Комитета Министровъ, комитета финансовъ и т. д.). Наконецъ, обороты суммъ чрезвычайныхъ рессурсовъ являлись изъятіемъ еще и въ томъ отношеніи, что счетоводство и отчетность по нимъ не получили окончательнаго устройства, а оттого по нѣкоторымъ изъ нихъ данныя отчетовъ Государственнаго Контроля не представляются въ надлежащей полнотѣ. Такъ, неполнотою отличаются данныя о позаимствованіяхъ, которыя производились у Государственнаго банка въ 1876—1880 годахъ, для покрытія части чрезвычайныхъ расходовъ, какъ по военнымъ потребностямъ, такъ и вслѣдствіе истощенія желѣзнодорожнаго фонда, и для которыхъ Государственный банкъ производилъ временные выпуски кредитныхъ билетовъ.

Наконецъ, нѣкоторыя чрезвычайныя операціи (какъ, напримѣръ, по содѣйствію правительства къ выкупу земель бывшими помѣщичьими крестьянами, по покупкѣ и продажѣ золота, размѣннаго

фонда въ 1867—76 годахъ и по ликвидаціи бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій), оставались внѣ всякаго соотношенія съ прочими финансовыми оборотами до конца 1884 года.

Такимъ образомъ начало единства не получило еще достаточнаго осуществленія въ нашей государственной отчетности. „Множественность бюджетовъ“ имѣла у насъ обширное примѣненіе, и, не смотря на эту множественность, различные бюджеты все-таки не исчерпывали и не обнимали всѣхъ оборотовъ государственныхъ финансовъ, и нѣкоторыя, иногда значительныя суммы поступленій и платежей, проходили внѣ всякаго бюджета. Единству суммъ государственныхъ финансовъ препятствовало не только то, что онѣ дробились между различными бюджетами, внутренне не соединенными, иногда вслѣдствіе того минуя совсѣмъ всякій контроль, но еще болѣе то, что многоразличные бюджеты не сопоставлялись въ такомъ видѣ, чтобы видно было, какъ они охватываютъ всю совокупность финансовыхъ рессурсовъ и платежей изъ нихъ. Поэтому министръ финансовъ былъ лишенъ у насъ возможности составить себѣ полную картину всѣхъ средствъ, имѣвшихся въ распоряженіи финансоваго управленія, всѣхъ расходовъ, которые требуютъ удовлетворенія, и результатовъ соотношенія между общими суммами всѣхъ доходовъ и расходовъ. Добыть такія данныя возможно было лишь путемъ весьма сложнаго изслѣдованія.

Неясность нашего государственнаго счетоводства оказалась при заключеніи смѣты на 1887 годъ, когда выяснилось, что, одновременно съ дефицитомъ по смѣтѣ, у министерства финансовъ имѣлась огромная свободная наличность. Такихъ остатковъ, по исчисленіямъ г. Кауфмана, должно было состоять къ 1886 г. болѣе 84 мил. руб., къ 1885 г. болѣе даже 160 мил. руб.

Преобразованія, сдѣланныя г. Бунге уничтоженіемъ желѣзнодорожнаго фонда и ликвидаціоннаго счета бывшихъ кредитныхъ установленій и слитіемъ выкупной операціи съ бюджетомъ, въ значительной степени устранили бывшую путаницу, но остается еще сдѣлать многое для установленія дѣйствительнаго единства.

Необходимо сказать даже, что смѣты почти всѣхъ вѣдомствъ перепутаны между собою. Одно вѣдомство производитъ расходы, подходящіе скорѣе къ компетенціи другого, а иногда, наоборотъ, какъ бы уменьшаетъ свои расходы, оставляя часть ихъ по смѣтамъ совсѣмъ другихъ министерствъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что соотвѣтствующая перетасовка статей нашего бюджета такъ, чтобы было ясно видно, во что же, наконецъ, обходится извѣстная часть,

а не вѣдомство, была бы дѣломъ чрезвычайно полезнымъ. Надобно только удивляться, отчего это давно не сдѣлано, потому что на приведеніе бюджета въ ясность не требуется ни расходовъ, ни какихъ либо необыкновенныхъ усилій ума.

Мы не говоримъ о мелкихъ или случайныхъ недосмотрахъ, нѣтъ, дѣло касается милліоновъ. Возьмемъ, напримѣръ, полицію. Казалось бы, что содержаніе ея, по крайней мѣрѣ, въ той части, которая не падаетъ на городскія и земскія средства *), слѣдуетъ искать въ смѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; нисколько: болѣе $2^1/_2$ мил. руб. расходовъ по содержанію жандармскаго полицейскаго надзора включаются въ смѣту Военнаго Министерства, болѣе 200,000 рублей на промысловую полицію—въ смѣту Министерства Государственныхъ Имуществъ и т. д.

Точно также смѣта Военнаго Министерства вовсе не содержитъ въ себѣ всѣхъ расходовъ по военной части въ Россіи. Мѣстныя военныя издержки въ Царствѣ Польскомъ на сумму свыше милліона рублей включены въ смѣту Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; въ смѣтѣ департамента государственнаго казначейства помѣщаются ежегодно нѣсколько милліоновъ на расходы по другимъ чисто военнымъ издержкамъ.

Въ 1883 году расходы Военнаго Министерства опредѣлились, напримѣръ, въ 201.564,621 р., но очень бы ошибся финансистъ, который эту цифру счелъ бы предѣломъ военныхъ издержекъ Россіи. Цифра ихъ совсѣмъ другая, ибо сверхъ нея для нашей арміи, кромѣ расходовъ на пенсіи военнымъ (болѣе 10 мил. руб.), израсходовано Министерствомъ Финансовъ 4.050,408 р. на пособія нижнимъ чинамъ, 2.720,078 р. по рекрутскому набору, 1.009,843 р. на потерю на курсѣ финляндскихъ денегъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе содержанія русскихъ войскъ въ Финляндіи; были также расходы по военно-конской повинности и проч.; Министерство Внутреннихъ дѣлъ издержало на военныя потребности Царства Польскаго 2.100,935 руб. Складывая эти цифры, пришлось бы военныя издержки 1883 г. увеличить на 20 мил. рублей. Но и это опять невѣрно, такъ какъ по бюджету Военнаго Министерства въ разныхъ его параграфахъ и статьяхъ значатся, какъ мы сказали,

*) По поводу расходовъ полиціи и др. административныхъ, относимыхъ на городской и земскій счетъ, нельзя не обратить вниманія, что они производятся совершенно безконтрольно. Государственный Контроль не имѣетъ права вступаться въ эти расходы, а органы самоуправленія не могутъ добиться представленія имъ отчетовъ.

расходы корпуса жандармовъ, а жандармы составляютъ часть полиціи, въ смѣтѣ же Министерства Военнаго, а не Внутреннихъ Дѣлъ, находились расходы на управленіе кавказскими горцами 32,955 р., на почтовую и телеграфную часть въ Закаспійскомъ краѣ 38,954 руб. и на гражданское управленіе Туркестанскимъ краемъ, стоющее 1.726,953 р.

Въ расходахъ Военнаго Министерства, а не въ смѣтѣ Министерства Путей Сообщенія значилось 1.017,003 руб. расходовъ по достройкѣ и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, именно дорогъ Пинско-Жабинской и Закаспійской. Результаты этой военной эксплоатаціи не лишены интереса. На Закаспійскую дорогу израсходовано въ 1883 г. 596,812 руб., доходу же выручено 36,665 руб.—дефицитъ 560,147 руб. Этакой выгодной эксплоатаціи не было вѣроятно ни на одной дорогѣ со дня изобрѣтенія паровоза.

Военно-учебныя заведенія по смѣтѣ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній показаны въ 5.743,015 р., но если прибавить расходы разныхъ академій и юнкерскихъ училищъ, то получится весьма внушительная цифра 7.755,988 руб., которая навѣрное въ пять, если не въ десять разъ, превосходитъ то, что тратитъ на свои военныя школы Германія, офицеры которой считаются самыми учеными въ мірѣ.

Министерство Путей Сообщенія, дороги котораго эксплоатируются военнымъ вѣдомствомъ, издержало въ 1883 г. 184,020 руб. на постройку таможни въ Батумѣ, тогда какъ таможенный департаментъ израсходовалъ 16,358 р. на карантинную стражу, которая его не касается, а подчинена Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, по смѣтѣ коего поступаютъ карантинные сборы. Министерство Путей Сообщенія, а не городъ Петербургъ, какъ оказывалось, содержитъ Николаевскій мостъ и памятникъ Екатерины II (это тоже, видно, путь сообщенія), но объ исправленіи сквера около того же монумента заботилось Министерство Финансовъ, издержавшее на это 48,000 руб. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ видно изъ его смѣты, хлопотало объ изслѣдованіи р. Терека (между тѣмъ р. Аму изслѣдовало Министерство Путей Сообщенія), завѣдывало и эксплотировало, вмѣсто лѣсного департамента, лѣсами въ Семирѣченской области (расходъ 18,501 р.), производило ученое изслѣдованіе Тибета—43,580 р. (какъ будто Тибетъ относится къ „внутреннимъ дѣламъ“ Россіи) и выдавало субсидію въ 2,000 р. историческому журналу „Кіевская Старина“. Оно издержало также 417,283 р. на постройку и ремонтъ православныхъ церквей въ Западномъ краѣ,

ь Ригѣ и въ столицахъ, о чемъ скорѣе слѣдовало бы пещись Свя-
йшему Синоду. Наоборотъ, пособія отъ неурожая жителямъ Кав-
аза—46,594 р. были сдѣланы не по смѣтѣ Министерства Внутрен-
ихъ Дѣлъ или гражданскаго управленія Закавказскаго, края, а по
мѣтѣ кредитной канцеляріи; врачебную помощь на Мурманѣ ока-
ывалъ не медицинскій департаментъ, а департаментъ торговли и
ануфактуръ, онъ же сдѣлалъ съемку въ Семирѣченской области,
отя съемки у насъ находятся въ вѣдѣніи главнаго штаба. Мини-
ерство Внутреннихъ Дѣлъ истратило 17,548 р. на курьеровъ Го-
дарственной Канцеляріи и канцеляріи Комитета Министровъ. Оно
е собирало доходы отъ котиковаго промысла въ Тихомъ океанѣ
отъ каменнаго угля на Сахалинѣ — мѣсто которымъ въ смѣтѣ
инистерства Государственныхъ Имуществъ.

Въ то время, когда Министерство Внутреннихъ Дѣлъ поощряло
ауки; Министерство Финансовъ поддерживало искусства: департа-
ентъ государственнаго казначейства давалъ субсидію въ 14,500 р.
атру въ Гельсингфорсѣ, 3,000 р. рисовальной школѣ въ Одессѣ
исованіе поощряютъ еще многія другія вѣдомства), 10,000 р. на
даніе „Вѣстника изящныхъ искусствъ“ и 1,042 р. на канцеля-
ію начальника русскихъ художниковъ въ Римѣ (есть у насъ и
акой чинъ), департаментъ торговли и мануфактуръ издержалъ
,000 р. на изданіе сочиненія объ искусствѣ въ Средней Азіи.

Мы уже обращали вниманіе на чрезвычайную медленность за-
онодательныхъ работъ и указывали, что медленность эта въ осо-
енности велика, если по какому либо вопросу требуется заклю-
еніе Министерства Юстиціи, между тѣмъ оказывается, что это ми-
истерство имѣетъ особую статью „на ускореніе законодательныхъ
аботъ вообще“ и въ 1883 г. по ней издержало 32,931 р. Хотя
ъ этого кредита осталось неизрасходованными только 49 коп., но
аконодательныя работы не ускорились.

„Московскія Вѣдомости“, сличая между собою отчеты Государ-
веннаго Контроля, нашли какъ-то, что около десяти милліоновъ
ублей совершенно свободныхъ денегъ лежало въ казначействахъ
овсѣмъ позабытые и не имѣющіе опредѣленнаго значенія. Сумма
а образовалась потому, что не всѣ вѣдомства истратили тѣ кре-
иты, которые подлежали имъ къ отпуску въ льготные сроки (4-хъ
ѣсячный для обыкновенныхъ кредитовъ и двухлѣтній для строи-
ельныхъ) по окончаніи бюджетныхъ годовъ, между тѣмъ, остав-
іеся кредиты не были вполнѣ закрыты или не употреблены Ми-
истерствомъ Финансовъ на расходы, относимые „на остатки отъ

заключенныхъ смѣтъ". Такое открытіе не составляло сюрприза дл
тѣхъ, кому знакомы наши финансовые порядки, но не было пріятн
для Государственнаго Контроля, который считалъ принятую
насъ систему счетоводства чуть не образцовою, а между тѣмъ до
пустилъ просмотры на милліонныя суммы, обличаемые простым
сложеніемъ цифръ въ печатныхъ годовыхъ отчетахъ того же конт
роля. Но вѣдь еще въ Писаніи сказано: „Врачу, исцѣлися самъ"

Мы убѣждены, что если бы пересмотрѣть повнимательнѣе де
позитныя суммы всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій, то навѣрное на
шлось бы еще нѣсколько „завалящихъ" милліоновъ рублей, кото
рые совершенно свободно могли бы быть зачислены въ государ
ственную казну на пополненіе текущихъ расходовъ. Огромны
суммы лежатъ часто непроизводительно въ ожиданіи кредиторовъ
которые не являются да и не могутъ явиться, ибо претензіи их
сгорѣли или уничтожились десятки лѣтъ тому назадъ. Не есте
ственно ли подобные депозиты зачислить въ доходъ, а если, пач
чаянія, явятся получатели, то удовлетворять ихъ изъ текущих
расходовъ.

Другой источникъ, кромѣ депозитовъ, къ запутанности наше
государственнаго счетоводства представляютъ такъ называемы
„спеціальныя средства или капиталы" разныхъ вѣдомствъ. Суще
ствованіе нѣкоторыхъ изъ этихъ средствъ вполнѣ оправдывается
Капиталы для эмеритальныхъ кассъ или для выдачи стипендій н
принадлежатъ, напримѣръ, правительству; они только ввѣрены рас
поряженію правительства третьими лицами. Но затѣмъ есть масс
спеціальныхъ капиталовъ, гдѣ и доходы и расходы находятся со
вершенно à discrétion правительственныхъ учрежденій. Въ одном
Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ имѣется болѣе 40 милл. рубле
подобныхъ капиталовъ. Существованіе этихъ спеціальныхъ средств
ничѣмъ не оправдывается, кромѣ желанія производить изъ ни
расходы по возможности безконтрольно и не подчиняясь ежегод
нымъ урѣзкамъ при разсмотрѣніи государственной росписи.

Хотя смѣты доходовъ и расходовъ большинства нашихъ спе
ціальныхъ средствъ (именно большинства, а не всѣхъ) предста
ляются въ Государственный Совѣтъ вмѣстѣ съ бюджетомъ, но эт
одна канцелярская формальность, ибо эти смѣты почти не пров
ряются, такъ какъ состояніе ихъ не можетъ повліять на балан
государственной росписи, на сокращеніе или увеличеніе дефицит

Вотъ примѣръ образчика безцѣльнаго существованія спеціаль
наго капитала. Въ Министерствѣ Финансовъ имѣется въ процен

ихъ бумагахъ слишкомъ 35 милл. рубл. „капитала для постройки зармъ", пополняемаго особымъ сборомъ; расходовъ изъ этого капитала дѣлается очень мало, за невыработкою типа казармъ, и питалъ ростетъ. Самыя расходы исключены изъ государственной списи. Теперь спрашивается, какой смыслъ въ тотъ моментъ, гда правительство, ради дефицита, дѣлаетъ ежегодно долги, бе-ь подобный многомилліонный капиталъ? Не выгоднѣе ли было бы отребить его для покрытія дефицита, затѣмъ спеціальные сборы капиталъ зачислить въ доходъ, а на постройку казармъ отпускть деньги Военному Министерству по его расходной смѣтѣ. Скатъ, что на казармы можетъ понадобиться потомъ сразу огромя сумма. Очень вѣроятно, но тогда, когда она понадобится, ее можно занять; но зачѣмъ правительству было занимать деньги гда онѣ у него имѣлись на лицо подъ другимъ названіемъ. Тѣмъ нѣе, что занять со временемъ, быть можетъ, удастся на услохъ болѣе выгодныхъ. Подобныхъ спеціальныхъ капиталовъ можно звать десятки. Ихъ всѣ слѣдуетъ взять въ казну, какъ были ты въ 1859 году „экономическіе" капиталы разныхъ вѣдомствъ,) дало тогда возможность сократить число обращавшихся крегныхъ билетовъ.

Сколько мы знаемъ, Государственный Контроль еще со времени койнаго Татаринова велъ войну противъ спеціальныхъ капиталовъ и спеціальныхъ средствъ, но отчасти по духу рутины, отти же, какъ мы сказали, изъ желанія освободиться отъ финанюй опеки, всѣ вѣдомства очень любятъ обзаводиться такими собенными деньжонками, которыхъ они полные хозяева, не обрая вниманія, что общая кормилица, матушка казна, страдаетъ покровіемъ. Какой имѣетъ резонъ, однако, существованіе, поломъ, тюремнаго капитала, изъ котораго полмилліона расходуется тюрьмы, когда кромѣ того десять милліоновъ рублей ежегодно тъ на тюремную часть по смѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ общихъ расходовъ. Существованіе подобныхъ капиталовъ равильно иммобилизаціи казенныхъ милліоновъ въ моментъ, когда ударственное казначейство нуждается въ свободныхъ рессурсахъ. Есть также спеціальныя средства, которыхъ существованіе нельзя ѣ и вовсе объяснить. Напримѣръ, „Правительственный Вѣстникъ" Сельскій Вѣстникъ" существуютъ на спеціальныя средства, изъ орыхъ болѣе 20,000 р. идетъ ежегодно въ пособія чиновникъ. Можетъ быть это хорошо, но зачѣмъ же тогда множество гихъ казенныхъ журналовъ: „Морской Сборникъ", „Указатель

министерства финансовъ", „Горный журналъ" и пр. издаются
на спеціальныя средства, а прямо вносятся въ смѣты соотвѣтству
щихъ департаментовъ? Между тѣмъ, издавайся „Правительственн
Вѣстникъ" не на спеціальныя средства, государственное казначе
ство имѣло бы отъ него 20,000 р. чистаго дохода, которые тепе
расходятся въ видѣ наградъ, хотя для денежныхъ наградъ Мин
стерство Внутреннихъ Дѣлъ имѣетъ навѣрное въ своей смѣтѣ с
отвѣтствующій фондъ. Такихъ противорѣчій можно найти бе
конца; но всѣмъ имъ слѣдуетъ положить предѣлъ пересмотро
спеціальныхъ капиталовъ и средствъ. При подобной ревизіи н
вѣрное окажется, что каждое министерство хранитъ еще много на
кихъ капиталовъ, о существованіи которыхъ оно само не подозр
ваетъ. Капиталы же эти въ итогѣ составятъ солидныя суммы.

ГЛАВА XVIII.

Статистика и комиссіи.

Наша оффиціальная статистика: населенія, народнаго здравія, сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.—Комиссіи и изслѣдованія: Податная комиссія, комиссіи графа Валуева и г. Плеве, желѣзнодорожная комиссія графа Баранова.—Земскіе эксперты.

Въ странѣ съ такимъ бюрократическимъ строемъ какъ Россія, при ничтожествѣ самоуправленія, правительство не можетъ обходиться безъ постояннаго пособія статистики и безчисленнаго числа комиссій, а изрѣдка и безъ мѣстныхъ изслѣдованій (enquête).

Благодаря потребностямъ государства, статистика и служащая ей основаніемъ географія принадлежатъ даже къ числу тѣхъ весьма немногихъ наукъ, въ которыхъ русскіе сдѣлали довольно важныя открытія и совершили нѣкоторыя объемистыя работы. Эти успѣхи обусловливались разными причинами. Во первыхъ, статистика, географія и связанныя съ послѣднею астрономія, гидрографія и др. науки пользовались у насъ всегда особымъ покровительствомъ, какъ такія знанія, въ которыхъ трудно зафилософствоваться или въ которыхъ, по крайней мѣрѣ, мечтанія не идутъ далѣе Восточной Сибири, съ одной стороны, и небесныхъ сферъ — съ другой. Затѣмъ успѣхи ихъ въ Россіи объясняются преимущественно тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе дѣлали географическія открытія, а чиновники собирали статистическій матеріалъ, подобно тому, какъ извѣстный мольеровскій m-r Jourdain говорилъ прозою, т. е. сами того не подозрѣвая. Такая дѣятельность понятна: занимая и колонизируя постепенно, шагъ за шагомъ, территорію примѣрно въ седьмую часть земной суши, русскіе невольно открывали на этомъ пространствѣ множество новыхъ географическихъ фактовъ. Точно также

русскіе чиновники, въ безчисленномъ множествѣ разныхъ третныхъ и годовыхъ вѣдомостей и рапортовъ, накопляли громадный статистическій матеріалъ, который ждетъ еще дѣятелей науки для своей обработки.

Не всѣ, однако, труды русскихъ носили на себѣ отпечатокъ подобной безсознательности. Если Семенъ Дежневъ открылъ Беринговъ проливъ, а якутскіе купцы отыскали Алеутскіе острова и Аляску чисто ощупью, то такія работы, какъ опись нашихъ морей, и особенно описаніе сѣвернаго берега Сибири, кругосвѣтныя экспедиціи Крузенштерна, Коцебу, Литке и др., измѣреніе меридіана отъ Нордкапа до Дуная, параллели 52° сѣв. широты, спеціальная карта Западной Россіи, картографическія и географическія работы на Кавказѣ и въ Средней Азіи, многочисленныя экспедиціи академіи наукъ, генеральнаго штаба и мн. другіе труды, составляютъ уже результатъ серьезнаго отношенія къ наукѣ и пониманія ея значенія. Россія въ этомъ случаѣ показала себя даже въ первые періоды своей обновленной гражданственности. Возьмемъ для сравненія хотя Турцію. Тамъ также имѣются теперь броненосныя суда, армія, министерства, таможни, ассигнаціи и др. признаки европеизма; однако до сихъ поръ у турокъ нѣтъ ни одной карты, снятой турецкими топографами, кромѣ довольно невѣрной карты Филиппопольскаго округа. Въ Россіи, наоборотъ, еще при Петрѣ Великомъ, когда стригли насильно бороды и за отличіе въ религіозныхъ обрядахъ нашивали на воротникѣ особые знаки, правительство посылало ученыя экспедиціи въ Тихій океанъ и исправляло карту Каспійскаго моря.

Матеріалъ, собранный русскими по части статистики, географіи, картографіи, гидрографіи, этнографіи, геологіи и метеорологіи — громаденъ. Значительная часть его сдѣлалась уже достояніемъ общеевропейскимъ, но многое, и едва ли не большая часть, остается неизвѣстною, или, по крайней мѣрѣ, оцѣненною слишкомъ неболь шимъ кругомъ ученыхъ спеціалистовъ. Всемірныя выставки, гд Россія всегда была представлена болѣе или менѣе бѣдно, ознак мили нѣсколько иностранцевъ съ научными работами нашими п части статистики; но что знакомство это недостаточно — въ этом легко убѣдиться, развернувъ любое изъ иностранныхъ изданій, гд о Россіи, за рѣдкими исключеніями, трактуется съ почти совершен нымъ незнаніемъ не только нашихъ соціальныхъ, но даже и п литическихъ условій. Кромѣ названій двухъ-трехъ городовъ, н одинъ русскій географическій терминъ не передается безъ кове канія, часто очень забавнаго. Если же иностранцамъ неизвѣс

самое названіе вещи, то каково же должно быть познаніе ея сущности? Были и другіе примѣры. Нерѣдко казалось, что иностранцы, напримѣръ, Мурчисонъ, Гакстгаузенъ, Леруа Болье и др., дѣлали у насъ великія открытія; между тѣмъ эти ученые только удачно резюмировали матеріалы, собранные трудами десятковъ русскихъ дѣятелей.

Нашъ извѣстный химикъ, профессоръ Д. И. Менделѣевъ, произнесъ на одномъ изъ съѣздовъ естествоиспытателей рѣчь, гдѣ, при громкихъ аплодисментахъ публики, приглашалъ русскихъ ученыхъ заняться изслѣдованіемъ тѣхъ окраинъ Россіи, которыя до сихъ поръ остаются пустынями, но гдѣ между тѣмъ возможно вызвать дѣятельную общественную и экономическую жизнь.

Признаться сказать, мы не совсѣмъ понимаемъ мысль нашего ученаго. Если онъ хотѣлъ заявить, что и наши окраины заслуживаютъ изслѣдованія, то онъ повторилъ только истину давно извѣстную. Если развернуть исторію русской науки, то мы увидимъ, что съ первыхъ шаговъ ея, съ основанія въ началѣ XVIII столѣтія академіи наукъ въ Петербургѣ, окраины наиболѣе привлекали наши ученыя силы. Еще въ прошломъ столѣтіи Сибирь была описана довольно подробно (по сравненію, конечно, съ прочей Россіей) въ естественно-историческомъ и гидрографическомъ отношеніи, въ нынѣшнемъ столѣтіи, особенно при князѣ Воронцовѣ, Новороссійскій край и Кавказъ были предметомъ многихъ ученыхъ изслѣдованій. Позже вниманіе русскихъ ученыхъ обратилось на Туркестанъ и Киргизскія степи. Не мало сдѣлано у насъ въ разное время для описанія крайняго Сѣвера и т. д.

Такимъ образомъ, нельзя сказать, чтобы объ ученыхъ работахъ на окраинахъ въ Россіи не думали. Мы убѣждены даже, что о нихъ думали болѣе, нежели это было возможно при общей скудости нашихъ научныхъ силъ. Вообще въ Россіи недостаетъ еще не только отдѣльныхъ отрывочныхъ изслѣдованій, сколько систематической и ученой ихъ разработки. Пермская земская управа издала какъ-то указатель книгъ и статей о Пермской губерніи. Пермская губернія одна изъ нашихъ окраинъ, между тѣмъ оказывается, что на русскомъ только языкѣ объ этой губерніи, правда почти равной Франціи, написано болѣе полуторыхъ тысячъ сочиненій. Но кому у насъ извѣстны эти труды? Кто ими пользуется? Русскіе труды печатъ хламомъ. Когда же нужны какія нибудь обобщенія мы прибѣгаемъ къ пособію иностранцевъ; даже если разсматривать вопросъ количественно, то безъ всякаго сомнѣнія наши внутреннія

области и экономически и въ естественно-историческомъ отношеніи описаны гораздо менѣе, нежели окраины. Бѣглый сводъ того, что извѣстно о Россіи, былъ сдѣланъ въ весьма почтенныхъ, но, къ сожалѣнію, неоконченныхъ статистическихъ описаніяхъ разныхъ губерній Россіи офицерами генеральнаго штаба. Что же мы здѣсь видимъ? Чѣмъ центральнѣе губернія, тѣмъ свѣдѣнія о ней болѣе скудны, болѣе стары и болѣе отрывочны. Это фактъ.

Между тѣмъ можно ли сказать, что задачи на окраинахъ важнѣе, чѣмъ задачи внутри Россіи. Мы укажемъ хоть на слѣдующій примѣръ. Положимъ, изслѣдованіе окраинъ откроетъ новый клочекъ земли годный для колонизаціи. Это своего рода заслуга, хотя и не прямо практическая, такъ какъ у насъ уже извѣстны десятки милліоновъ десятинъ земли въ Западной Сибири, куда колонизаціи двигается медленно, ибо земли эти необмежеваны. Не бо́льшая ли была бы заслуга изучить и знать землю, которою мы уже пользуемся. Новороссійскій край, напримѣръ, содержащій болѣе 10-ти милліоновъ десятинъ отличной земли, только-что колонизованъ, жители не думаютъ изъ него выбираться, а профессоръ Линдеманъ предрекаетъ, какъ извѣстно, этому краю самую грустную будущность. А отчего? Оттого, что въ этомъ краѣ ведется по невѣжеству самая грабительская культура земли.

Вотъ и задача для нашихъ ученыхъ. Вмѣсто того, чтобы вновь изслѣдовать Камчатку, пусть изучаютъ геологію Новороссійскаго края, его климатъ, почву, гидрографію и гидрологію, фауну и флору; изучаютъ вновь подробно, детально, задавая себѣ всѣ современные при этомъ вопросы. Такое изслѣдованіе, конечно, полезнѣе изслѣдованія окраинъ.

Само собою разумѣется, что ученые люди свободны и никому не можетъ быть положено препятствій, если кто пожелаетъ свои усилія употреблять хоть на Чукотскомъ носу, но съѣзды и правительственныя учрежденія, по нашему мнѣнію, должны скорѣе направлять работы внутрь Россіи, а не къ окраинамъ. Вотъ въ этой-то организаціи ученыхъ работъ у насъ полный недостатокъ. Есть правда общества естествоиспытателей при университетахъ, но они слишкомъ бѣдны и слабы. Затѣмъ академія наукъ и обсерваторія физическая и астрономическая въ рукахъ пріѣзжихъ нѣмцевъ. Въ обширныхъ работахъ картографическихъ, гидрографическихъ, геологическихъ, военное, морское и горное вѣдомства преслѣдуютъ преимущественно свои ближайшія практическія цѣли и т. д. Необходимо стараться организовать нѣсколько живыхъ центральныхъ

учрежденій, такъ называемыхъ „институтовъ“, которые взяли бы въ свои руки ученыя работы въ Россіи и направили бы ихъ систематическимъ и раціональнымъ образомъ. Одно изслѣдованіе вреднаго вліянія истребленія лѣсовъ или вредныхъ насѣкомыхъ дастъ работу въ Россіи десяткамъ ученыхъ, труды которыхъ не пойдутъ на пополненіе нѣмецкихъ мемуаровъ и въ концѣ концовъ на обертки, а прямо войдутъ живою струею въ русскую жизнь. Такое же обширное поле для работъ историческихъ, археологическихъ, статистическихъ.

Но въ концѣ концовъ нигдѣ, однако, пословица le mieux est l'ennemi du bien не оправдывалась блистательнѣе, какъ на нашей оффиціальной статистикѣ. Въ прежнее время въ Россіи были напримѣръ недостаточныя статистическія свѣдѣнія о населеніи, но все-таки были, народныя переписи хотя страдали неполнотою, но дѣлались аккуратно, по крайней мѣрѣ мы знали хотя минимумъ населенія Россіи. Совсѣмъ не то стало съ преобразованіемъ статистики на новыхъ основаніяхъ. Хотя теперь въ каждой губерніи имѣется губернскій комитетъ, не считая еще разныхъ земскихъ и городскихъ статистическихъ бюро, а въ столицѣ имѣется совѣтъ и центральный комитетъ, но вся эта организація не дала ожидаемыхъ результатовъ. Если одинъ бѣглый обзоръ содержанія напечатанныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ матеріаловъ показываетъ, какое значительное приращеніе нашей статистики сдѣлано этимъ изданіемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ приходится убѣдиться, что въ послѣднемъ не проведена одна какая-нибудь строгая система. Каждый выпускъ представляетъ нѣчто особое: одинъ—начало громаднаго изслѣдованія, другой—учено-литературное произведеніе, третій—казенная вѣдомость, безъ малѣйшихъ объясненій, и т. д. Конечно, это не *лишаетъ* каждую часть извѣстнаго значенія, но не мѣшало бы побольше симметріи въ расположеніи, а еще болѣе въ хронологіи; а то въ однихъ частяхъ свѣдѣнія старыя, въ другихъ—новыя, въ однихъ—взятыя за одинъ годъ, въ другихъ—за цѣлые, болѣе или менѣе продолжительные, періоды. Такое разнообразіе ничѣмъ объяснено быть не можетъ, и производитъ непріятное впечатлѣніе въ трудахъ, надъ которыми работало много лицъ спеціально образованныхъ, и изданныхъ на казенный счетъ. Статистическіе труды, содержащіе въ себѣ цифровый матеріалъ, должны издаваться въ формахъ столь ясныхъ и удобныхъ, чтобы ими безъ затрудненія могли пользоваться и лица, очень мало знающія русскій языкъ.

Съ преобразованіемъ оффиціальной статистики мы, какъ сказано,

не имѣемъ уже точныхъ свѣдѣній о населеніи: переписи не дѣлалось съ 1858 года и теперь даже приблизительно неизвѣстно, сколько въ Россіи жителей. Говорятъ, что ихъ должно быть 120 милліоновъ, но очень возможно, что въ дѣйствительности жителей окажется милліоновъ на десять менѣе или—что вѣроятнѣе—болѣе этой цифры. Разница немаловажная, ибо десять милліоновъ, это—населеніе двухъ государствъ, какъ Бельгія и Голландія, или Швеція и Португалія.

Народныя переписи особаго затрудненія не представляютъ. Если ихъ могли дѣлать Моисей и царь Иродъ, то въ настоящее время подобныя операція стали гораздо легче. Равнымъ образомъ и относительно Россіи исчисленіе населенія, конечно, значительно облегчилось теперь, благодаря грамотности и устройству путей сообщенія, противъ того, что было при Петрѣ Великомъ и Елизаветѣ Петровнѣ. Почему же, спрашивается, тридцать лѣтъ у насъ не могли приступить къ такой простой операціи?

Отвѣтомъ на это служитъ вышеприведенная французская пословица. Центральный статистическій комитетъ находилъ, что повторять перепись въ XIX вѣкѣ съ нехитрыми пріемами XVIII столѣтія неприлично, а необходимо сдѣлать перепись согласно всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ науки; удовлетвореніе же этимъ требованіямъ для страны, занимающей такое пространство, нелегко и особенно недешево. Извольте тутъ науку прилагать къ киргизамъ, перекочевывающимъ съ мѣста на мѣсто, или къ чукчамъ, которые даже нижне-колымскаго исправника, главнаго представителя цивилизаціи въ краѣ, никогда не видятъ въ глаза.

Что такое примѣненіе статистической науки обойдется недешево, видно изъ того, что, по слухамъ, новая перепись должна стоить три милліона рублей и жителей предлагали даже обложить гербовымъ сборомъ за дачу о себѣ свѣдѣній, что прямо противорѣчитъ началамъ экономической науки. Налогъ, а наипаче гербовый, есть плата за услугу, оказываемую правительствомъ частному лицу; какую же, спрашивается, оказываетъ услугу администрація каждому лицу въ отдѣльности, занося его въ статистическія вѣдомости? Понятны взысканія за укрывательство, за уклоненіе отъ дачи показаній при переписи, но плата за внесеніе въ списки населенія рѣшительно необъяснима.

Мы не споримъ, что въ настоящее время нельзя сдѣлать переписи, какъ дѣлали ее при Моисеѣ и Елизаветѣ Петровнѣ, но это опять не доказываетъ, что необходимы непремѣнно три милліона

рублей. Можетъ быть, перепись и не потребовала бы такой суммы. Все зависитъ отъ того, какими идеалами будутъ задаваться. Въ статистикѣ важно не столько разнообразіе, сколько точность свѣдѣній: лучше имѣть пять-шесть данныхъ безусловно точныхъ, нежели набрать массу цифръ невѣрныхъ и неполныхъ, изъ которыхъ при всѣхъ теоретическихъ поправкахъ погрѣшностей никакихъ выводовъ сдѣлать нельзя. Для общенародной переписи именно должна быть скромная программа, во-первыхъ, по невозможности порядочно исполнить программу болѣе широкую для многихъ мѣстностей Имперіи, во-вторыхъ, потому что обработка милліардовъ цифръ потребуетъ огромнаго труда, долгихъ лѣтъ и, запоздавъ значительно выходомъ въ свѣтъ, въ сущности принесетъ очень немного пользы, скорѣе даже вредъ, потому что задержитъ періодическое повтореніе переписи.

Въ маломъ видѣ это можно провѣрить на переписи Петербурга. Городская управа издала нѣсколько огромныхъ томовъ результатовъ означенной переписи. Каждымъ томомъ можно убить быка, если сильно ударить его по лбу. Мы съ недоумѣніемъ разсматривали изданные управою безконечные столбцы цифръ съ безчисленными изъ нихъ комбинаціями, и не могли сообразить, кто и когда будетъ дѣлать изъ этихъ цифръ практическое примѣненіе. Мы глубоко убѣждены, что никогда эти томы не только читаться, но и развертываться не будутъ, а спокойно сгніютъ въ подвалахъ Думы или съѣдятся крысами въ архивахъ тѣхъ учрежденій, куда они будутъ разосланы. Между тѣмъ, тѣ же данныя конденсированныя толково въ одномъ томѣ приличныхъ размѣровъ и убористаго штрифта, могли бы сдѣлаться настольною книгой каждаго интересующагося экономическою жизнью Петербурга. Тотъ же упрекъ слѣдуетъ сдѣлать и земскимъ статистическимъ изданіемъ, они печатали чуть не поименно списки мужиковъ и для отдѣльныхъ уѣздовъ нагромоздили цѣлые томы.

Статистическіе труды, чтобъ приносить пользу, не должны представлять только обширный матеріалъ въ сыромъ видѣ; такой матеріалъ интересенъ двумъ-тремъ спеціалистамъ-изслѣдователямъ, для которыхъ не составитъ большаго труда обратиться и къ первоначальнымъ источникамъ. Для публики, не только образованной, но и ученой, статистическія изданія должны быть сколь возможно систематизированы и сжаты по объему. Въ томъ то и состоитъ искусство статистика, чтобъ изъ милліона цифръ создать ясную картину того предмета, который описываешь. Безъ этого статистика

обращается въ какое-то чудовищное нагроможденіе вѣдомостей, таблицъ и цифръ. Такая статистика не только не приноситъ пользы, но, вводя въ заблужденіе, можетъ принести часто и вредъ.

Правда, тотъ же внушительный объемъ въ статистическихъ изданіяхъ замѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ; но примѣромъ противнаго можетъ служить Англія, гдѣ статистическія изданія являются всегда въ удобочитаемомъ видѣ. За границею можно еще оправдываться тѣмъ, что правительство издаетъ только сырые матеріалы, а частные статистики и издатели сконцентрировываютъ ихъ въ разныя книги, изданія, ежегодники и т. п. Въ Россіи нѣтъ и этой отговорки; потому то любопытнѣйшіе матеріалы оставляются у насъ безъ вниманія, и казенныя изданія не находятъ себѣ покупателей и читателей.

Если для переписи одного города понадобилось изданіе подобнаго количества объемистыхъ фоліантовъ, то съ ужасомъ можно подумать, какую библіотеку придется отпечатать для обработки результатовъ переписи всей Россіи. Если бы мы могли еще удивлять Европу блестящимъ положеніемъ у насъ статистической науки, а то вѣдь все равно изданія на русскомъ языкѣ для европейской печати также чужды, какъ на китайскомъ или грузинскомъ.

У насъ уже издревле каждое вѣдомство старалось жить особою жизнью и собирать отъ своихъ подчиненныхъ свѣдѣнія, которыя безъ труда можно бы имѣть, справившись въ лежащемъ по сосѣдству департаментѣ. Въ результатѣ получается масса излишней переписки, а частныя лица, которымъ надоѣдаютъ безпрерывными запросами, и особенно полиція, къ которой въ концѣ концовъ всѣ эти запросы обращаются, стараются отвѣчать кое-какъ. Поэтому то почти всѣ наши спеціальныя официальныя статистики и отличаются массою цифръ самаго сомнительнаго достоинства.

Извѣстный спеціалистъ по судебной медицинѣ, лейбъ-медикъ І. В. Бертенсонъ, изслѣдуя положеніе у насъ медицинско-санитарной статистики, нашелъ, что статистическій матеріалъ по этой части, представляемый врачами въ сыромъ, такъ сказать, видѣ, страдаетъ значительною неполнотою и несвоевременностью, а потому не можетъ служить основаніемъ къ непогрѣшительнымъ медико-статистическимъ выводамъ, на основаніи которыхъ получалась бы возможность вполнѣ ознакомиться съ санитарными условіями губерній и явленіями общественной жизни.

Подъ статистикой понимаютъ или простое исчисленіе различныхъ явленій, или соотвѣтствующее систематическое собраніе фак-

товъ, служащихъ основаніемъ къ качественной оцѣнкѣ цифровыхъ данныхъ. Для медицинской статистики послѣдній способъ безусловно необходимъ. Для этого слѣдовало бы имѣть, однако, не только цифры о числѣ больныхъ и о причинахъ заболѣваній, но какую либо увѣренность въ правильной регистраціи болѣзней, или, покрайней мѣрѣ, хотя бы фактическое число смертныхъ случаевъ, съ обозначеніемъ причины смерти. Къ сожалѣнію, при настоящихъ устарѣлыхъ условіяхъ организаціи врачебной части въ Имперіи, при отсутствіи какихъ либо, соотвѣтствующихъ потребностямъ времени, врачебныхъ узаконеній, при неопредѣленныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находятся врачи различныхъ вѣдомствъ къ центральнымъ врачебнымъ учрежденіямъ, при розни во взглядахъ на санитарное дѣло и къ тому же, при какомъ то искусственно созданномъ антагонизмѣ между врачебными органами различныхъ вѣдомствъ,—не представляется возможнымъ направлять общественную дѣятельность врачей въ смыслѣ, требуемомъ санитарными нуждами огромнаго населенія, не только всего государства, или губерніи, но даже и любого уѣзда.

При этомъ для какихъ либо выводовъ въ отношеніи санитарныхъ вопросовъ первой важности, мы встрѣчаемся съ пробѣлами даже въ тѣхъ скудныхъ статистическихъ свѣдѣніяхъ, которыя собираются оффиціальнымъ путемъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій д-ръ Гюбнеръ иронически указывалъ на Шлиссельбургскій уѣздъ, какъ на обѣтованную землю, гдѣ смертность въ 1876 г. представлялась въ пять разъ меньше противъ того, какъ она обыкновенно бываетъ въ благоустроенныхъ здоровыхъ городахъ. Всякому понятно, кто знакомъ съ значеніемъ медицинской статистики и съ условіями собиранія статистическихъ свѣдѣній у насъ, что представить цифры, которыя указывали бы на относительно частое заболѣваніе и смертность, въ зависимости отъ характера болѣзней и отъ другихъ причинъ, въ цѣломъ населеніи и въ отдѣльныхъ классахъ его, вліяющихъ на здоровье, сообразно условіямъ общественной жизни, занятій и быта народонаселенія, невозможно. Это составляетъ, пока, идеальный трудъ, для котораго не существуетъ въ Россіи достаточно данныхъ, въ особенности непогрѣшительныхъ; не существуетъ даже должной номенклатуры болѣзней.

Въ 1876 году, въ засѣданіяхъ московской губернской комиссіи обсуждался вопросъ о томъ, какая номенклатура болѣзней должна быть принята въ земской медицинской практикѣ, какъ наиболѣе раціональная для собиранія свѣдѣній о болѣзненности населенія

въ цѣляхъ санитарнаго изслѣдованія губерніи? При этомъ было признано, что всѣ извѣстныя номенклатуры, въ практическомъ отношеніи, представляютъ весьма важныя неудобства, препятствующія правильной регистраціи болѣзней и даютъ поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ при составленіи свода свѣдѣній. Плодомъ трудовъ этой комиссіи явились 272 названія болѣзней для земскихъ врачей и 160 названій, вошедшихъ въ краткую номенклатуру болѣзней для земскихъ фельдшеровъ!

Долгое время была очень плохо поставлена у насъ и сельскохозяйственная статистика, хотя ею занималось нѣсколько вѣдомствъ, даже Министерствомъ Финансовъ поручено было казеннымъ палатамъ доставлять департаменту окладныхъ сборовъ свѣдѣнія о видахъ на урожай хлѣбовъ и травъ по уѣздамъ. Свѣдѣнія эти будто были необходимы для того, чтобъ можно было заранѣе предвидѣть, насколько успѣшнаго сбора податей можно ожидать въ данный годъ, а также для наблюденія за тѣмъ, чтобъ и въ дѣйствительности поступленіе это соотвѣтствовало платежнымъ средствамъ сельскаго населенія. Эти свѣдѣнія казенныя палаты обязывались собирать чрезъ посредство своихъ чиновниковъ, командируемыхъ для провѣрки торговли, и казначеевъ, которые должны разспрашивать объ урожаяхъ прибывающихъ въ казначейства для взноса сборовъ сельскихъ старостъ, сборщиковъ податей, волостныхъ старшинъ, арендаторовъ имѣній и другихъ сельскихъ обывателей.

Мы весьма сомнѣваемся, чтобы разговоры нашихъ казначеевъ съ сельскими старостами принесли бы какую бы то ни было пользу статистикѣ. Дѣло казначеевъ считать и не просчитывать казенныя деньги и глядѣть, чтобы не было подкоповъ подъ казначейства, а не заниматься разговорами, да и подобные разговоры не имѣютъ значенія, потому что въ статистическихъ данныхъ только извѣстный итогъ явленій даетъ возможность сдѣлать какой-либо выводъ, отдѣльныя же субъективныя заявленія не имѣютъ ровно никакого значенія. Казначеямъ же, заваленнымъ своею работою, да и безъ малѣйшей подготовки къ оцѣнкѣ сельско-хозяйственныхъ явленій, рѣшительно нѣтъ времени обобщать и провѣрять собранныя при помощи „живого слова“ данныя.

Между тѣмъ, у насъ имѣется департаментъ земледѣлія Министерства Государственныхъ Имуществъ, спеціально занимающійся статистикою земледѣлія, и департаментъ хозяйственный Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на обязанности котораго лежитъ народное продовольствіе и который обязанъ имѣть точныя свѣдѣнія объ уро-

жанъ; такъ не проще ли департаменту окладныхъ сборовъ было получать копіи со свѣдѣній этихъ двухъ компетентныхъ учрежденій, нежели обращать своихъ казначеевъ въ импровизированныхъ статистиковъ.

Въ настоящее время, благодаря иниціативѣ г. Ермолова, сельскохозяйственная статистика у насъ организована въ довольно приличномъ видѣ по американскому образцу и, печатаемые три раза въ годъ, отчеты по свѣдѣніямъ, полученнымъ непосредственно отъ сельскихъ хозяевъ, имѣютъ дѣйствительную цѣнность.

Недурно у насъ была организована и юридическая статистика г. Утинымъ, но, къ сожалѣнію, ея отчеты страшно запаздываютъ въ печати.

Необходимость статистическихъ свѣдѣній о фабрикахъ и заводахъ сознана была въ русскомъ законодательствѣ чуть ли не ранѣе чѣмъ заграницею, но въ то время, когда на Западѣ дѣло это организовано давно какъ слѣдуетъ, у насъ промышленная статистика, кромѣ статистики горной и производствъ, обложенныхъ акцизомъ, можно сказать не существуетъ. Ибо нельзя же назвать статистикой безпорядочныя, не полныя, а подчасъ и безграмотныя вѣдомости, собираемыя становыми приставами и пересылаемыя безъ провѣрки губернаторами въ департаментъ торговли и мануфактуръ. Показанія фабрикантовъ о числѣ рабочихъ и суммѣ производства не всегда бываютъ вѣрны или по недостатку вниманія къ дѣлу, или по непониманію вопросовъ, или наконецъ по боязни миимыхъ фискальныхъ цѣлей. Обработка свѣдѣній ограничивалась тѣмъ, что кто либо изъ гг. чиновниковъ составлялъ изъ вѣдомостей небольшую табличку общихъ итоговъ, складывая вмѣстѣ свѣдѣнія вѣрныя съ завѣдомо неточтными и невѣроятными.

Департаментъ не имѣлъ у себя статистическаго бюро, т. е. лицъ, которыя могли бы своевременно провѣрять вѣдомости, возвращать ихъ для исправленія, или дополнять вѣдомости изъ другихъ источниковъ, исправляя показанія однихъ показаніями другихъ — какъ поступалъ, напримѣръ, горный ученый комитетъ для горной статистики. Поэтому случалось, что завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія получались изъ года въ годъ и чиновники только утѣшали себя тѣмъ, что и въ невѣрности этихъ показаній есть извѣстная постоянная пропорція, какъ бы *коэффиціентъ вранья*, вычисленіемъ котораго можно добиться истины. Для статистики промышленности интереснѣе всего знать количество производства. Только подобныя свѣдѣнія могутъ быть подвергнуты критикѣ и принести практиче-

скую пользу. Разработка ихъ затруднительна и требуетъ отличнаго знанія технологіи, между тѣмъ у насъ лица, занимавшіяся промышленною статистикою, пренебрегали даже элементарными техническими знаніями.

Къ числу трудностей, которыя приходится побѣждать еще промышленной статистикѣ, слѣдуетъ указать и на невозможность во многихъ случаяхъ точнаго разграниченія фабрично-заводскаго производства отъ промышленности сельско-хозяйственной и ремесленной, почему общіе итоги легко могутъ быть увеличены или уменьшены по произволу.

Между тѣмъ возможны ли какія либо сужденія о тарифахъ, о промышленномъ законодательствѣ и т. п., если нѣтъ даже приблизительно вѣрныхъ свѣдѣній, показывающихъ положеніе и періодическія измѣненія различныхъ отраслей нашей промышленности.

Будь у насъ хорошая фабричная статистика, развѣ можно было бы такъ долго игнорировать фактъ, что, подъ вліяніемъ повышенія пошлинъ въ 1876 году у насъ развилось не внутреннее производство, а перенеслись черезъ прусскую границу десятки нѣмецкихъ фабрикъ, переработывавшихъ иностранное сырье иностранными рабочими, на иностранномъ топливѣ и заставлявшихъ платить русскихъ потребителей въ три дорога за свои произведенія!

Устройство хорошаго статистическаго бюро при департаментѣ торговли и мануфактуръ было вовсе незатруднительно. И г. Бунге положилъ ему начало, организовавъ для того особое отдѣленіе. Къ сожалѣнію, излишнее усердіе исполнителей повредило дѣлу.

Въ 1882 г., въ подражаніе Западной Европѣ, былъ изданъ у насъ законъ въ огражденіе труда малолѣтнихъ; законъ этотъ оставался мертвою буквою до 1884 года, когда онъ былъ видоизмѣненъ и учреждена фабричная инспекція для наблюденія за исполненіемъ правилъ. Инспекція эта, по примѣру г. Янжула, утонула въ статистическомъ матеріалѣ. Департаментомъ торговли и мануфактуръ напечатано было нѣсколько томовъ, составлявшихъ отчеты фабричныхъ инспекторовъ за 1885 годъ; каждый томъ заключалъ по отчету одного инспектора и, судя по этой пропорціи, черезъ нѣсколько лѣтъ не хватило бы человѣческой жизни только на то, чтобы ознакомиться съ одними рапортами фабричной инспекціи.

Такое изобиліе отчетности зависѣло, конечно, отъ того, что по новости дѣла на должности инспекторовъ попали люди, хотя весьма почтенные, но диллетанты изъ профессоровъ, докторовъ и т. п., для которыхъ всѣ впечатлѣнія на фабрикахъ были новы; инспектора

оражались тѣмъ, что весьма само по себѣ естественно, отмѣчали акъ удивительныя явленія всѣмъ извѣстныя вещи и по поводу хъ пускались въ длинныя сентиментально-гуманитарныя разсуженія на тему: „какъ бы хорошо было, если бы и т. д.“. Такимъ бразомъ отчеты обращались въ путевыя впечатлѣнія членовъ Пикискаго клуба. Къ счастью эти публикаціи не повторились.

Статистика нашей внѣшней торговли сдѣлала за послѣдніе ды несомнѣнные успѣхи, благодаря замѣчательному трудолюбію и анію дѣла завѣдывающаго ею г. Штейна. Конечно, цифры этой атистики во многихъ случаяхъ далеки отъ точности, но этотъ едостатокъ общъ трудамъ подобнаго рода во всѣхъ государствахъ лежитъ въ корнѣ вещей — въ невозможности заставить тысячи юдей раскрывать свои торговыя операціи съ полною откровенностью и подробностью. Во всякомъ случаѣ, собираемый и публикуемый таможеннымъ вѣдомствомъ матеріалъ совершенно достатоенъ для той цѣли, для которой онъ собирается. Самое важное, тобы опубликованіе его не запаздывало, а въ этомъ случаѣ наобно признать, что наша таможенная статистика опережаетъ всѣ ругіе официальные отчеты въ Россіи.

Въ настоящее время Германія, Австро-Венгрія, Италія, Франція и Бельгія признали возможнымъ отказаться отъ собиранія вѣдѣній о цѣнахъ товаровъ отъ провозителей, а взамѣнъ того тановили особыя системы собиранія такъ называемыхъ торговыхъ ѣнъ. Для этого ежегодно приглашаются въ особыя комиссіи главнѣйшіе представители различныхъ отраслей торговли, которые, въ чествѣ экспертовъ, выводятъ среднія цѣны товаровъ для статистики внѣшней торговли. Оцѣнки эти выражаютъ среднія цѣны товаровъ на границѣ государства, т. е. для привозныхъ товаровъ—ѣну ихъ до уплаты ввозныхъ таможенныхъ пошлинъ и до доставки вара отъ границы къ мѣсту назначенія внутри страны; а для возимыхъ товаровъ—цѣну по доставкѣ на границу и со включеніемъ вывозной таможенной пошлины. Этотъ способъ, хотя и не етъ безусловно точныхъ результатовъ, но, при его помощи, можно подойти ближе къ истинѣ, чѣмъ путемъ собиранія показаній ъ товаропровозителей.

Въ виду этого, департаментъ таможенныхъ сборовъ и сдѣлалъ пытку примѣненія способа торговыхъ цѣнъ къ статистикѣ внѣшней торговли Россіи, съ нѣкоторыми, однако, отступленіями отъ рядка, принятаго въ иностранныхъ государствахъ, а именно: и значительномъ протяженіи государственной границы Россіи

и въ виду существованія большой разницы въ цѣнахъ на различ
ныхъ ея окраинахъ, департаментъ не нашелъ возможнымъ прини
мать одну цѣну товаровъ безразлично для всѣхъ частей границ
а полагалъ, что необходима особая оцѣнка товаровъ для каждо
изъ подраздѣленій государственной границы. Затѣмъ департамент
полагалъ не прибѣгать до времени къ созыву комиссіи въ С.-Пе
тербургѣ и въ главныхъ коммерческихъ центрахъ, а взамѣнъ этог
препроводить въ отдѣленіе совѣта торговли и мануфактуръ в
Москвѣ, въ мѣстные комитеты торговли и мануфактуръ и бирже
вые комитеты оттиски перечня товаровъ, принятаго для статистик
внѣшней торговли Россіи, съ тѣмъ, чтобы главнѣйшими предста
вителями торговли и промышленности были проставлены въ пе
речняхъ торговыя цѣны за отчетный годъ.

Одобряя попытку департамента таможенныхъ сборовъ улучшит
свою статистику, мы должны замѣтить, что полная успѣшность резуль
татовъ этихъ попытокъ сомнительна. Извѣстно, что торговыя цѣн
существуютъ лишь на товары, притомъ различнаго сорта, въ „Обзор
внѣшней торговли“ же показываются не товары, а тарифныя статьи
соединяющія иногда товары весьма различной цѣнности. Затѣм
какія могутъ быть торговыя цѣны для машинъ, галантерейных
издѣлій, растеній и множества другихъ товаровъ? Такимъ образом
безъ купеческихъ и экспедиторскихъ показаній совершенно обойт
тись для статистики нельзя, а ошибки въ иныхъ случаяхъ будут
менѣе, чѣмъ ошибки отъ неточнаго исчисленія торговыхъ цѣн

И заграницею вычисленіе цѣнности товаровъ для статистик
внѣшней торговли сопряжено съ огромными затрудненіями, хот
тамъ купцы гораздо образованнѣе нашихъ и имѣются вездѣ тор
говыя палаты, а равно масса торговыхъ циркуляровъ и коммерче
скихъ газетъ. И тамъ выводъ хотя приблизительно точнаго баланс
по международной торговлѣ считается вещью почти неразрѣшимою
Какъ трудно имѣть истинныя свѣдѣнія о цѣнахъ, доказывается си
стемою собиранія у насъ и такъ называемыхъ „справочныхъ цѣнъ“
всегда далекихъ отъ истины. Эти цѣны весьма важный матеріалъ
между тѣмъ для статистики внутренней торговли.

Кромѣ собиранія статистическаго матеріала въ видѣ безчи
сленныхъ отчетовъ, правительство знакомится съ нуждами разныхъ
частей Имперіи при помощи особыхъ комиссій съ участіемъ раз
наго рода представителей мѣстныхъ интересовъ. Эти комиссіи н
нужно смѣшивать съ чисто чиновничьими комиссіями при разныхъ
министерствахъ и другихъ учрежденіяхъ, между которыми ос

нно прославилась такъ называемая Податная комиссія, издавая болѣе 40 томовъ своихъ трудовъ, гдѣ не мало разсужденій о алогахъ въ древней Индіи и Финикіи, но которая за 25 лѣтъ работала лишь два или три проекта, въ томъ числѣ и проектъ ваго гербоваго устава, сразу оказавшіеся на практикѣ не приодными.

Между комиссіями смѣшаннаго характера наиболѣе занимали волновали общественное мнѣніе комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства, подъ предсѣдательствомъ графа Ваева и г. Плеве, окружные сельско-хозяйственные съѣзды, протированные свѣтлѣйш. князя. Ливеномъ, желѣзнодорожная комиссія афа Баранова и совѣщанія свѣдущихъ людей, собранныя графомъ гнатьевымъ. Не мало было разговоровъ еще о двухъ комиссіяхъ: устройству мѣстнаго управленія подъ предсѣдательствомъ г. Каова и еврейской подъ предсѣдательствомъ графа Палена, но о ятельности этихъ комиссій распространяться не стоитъ, ибо онѣ крылись не окончивъ своихъ трудовъ.

Графъ Валуевъ, управляя Министерствомъ Государственныхъ муществъ, думалъ было одно время сдѣлать его спеціальнымъ миистерствомъ сельскаго хозяйства. Въ этомъ смыслѣ ожидались два ропріятія: дополненіе совѣта министерства почетными членами ъ сельскихъ хозяевъ и назначеніе особой комиссіи, подъ предательствомъ министра, для изслѣдованія положенія сельской изводительности. Первый проектъ не осуществился, а комиссія я изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи была учреждена въ 1872 году. Подобныя слѣдованія давно въ большомъ ходу въ Европѣ. Тамъ они обыкновенно предпринимаются тогда, когда текущія свѣдѣнія, собираемыя администраціей, дѣлаются недостаточными. Поэтому коссіи — enquêtes стараются отдѣлить отъ администраціи и сдѣлать независимыми. Чаще всего назначаются эти комиссіи отъ конодательныхъ учрежденій. Комиссія дѣйствуетъ затѣмъ, какъ вое и самостоятельное учрежденіе, сносится со всѣми лицами учрежденіями и спрашиваетъ всѣхъ, кого ей заблагоразсудится. привычкѣ иностранцевъ къ гласности и публичному обсужію важнѣйшихъ вопросовъ, при сознаніи, что комиссія—учреніе вполнѣ независимое, спрашиваемые показываютъ по возможности правдиво, развѣ особыя соображенія, денежныя или погическія, заставляютъ скрывать истину, что и обнаруживается

перекрестнымъ допросомъ и повѣркою показаній сомнительныхъ с несомнѣнно точными или тщательно провѣренными.

Комиссія графа Валуева состояла изъ чиновниковъ разныхъ вѣ домствъ, т. е. исключительно изъ административнаго элемента; сель скіе хозяева были въ ней въ качествѣ экспертовъ только. Автори тетность предполагалось придать ей назначеніемъ въ предсѣдател самого министра; но едва-ли министръ, при многосложности своих занятій, могъ удѣлить достаточно времени, чтобъ работать въ комис сіи. Предсѣдательство министра, подобно предсѣдательству мини стра финансовъ въ Податной комиссіи, было болѣе почетнымъ. Всего комиссія имѣла 52 засѣданія, въ которыхъ принимали уча стіе 181 лицо, комиссія получила 3,303 письменныхъ и стено графированныхъ заявленій, издала нѣсколько огромныхъ томов трудовъ, содержащихъ драгоцѣнныя указанія и совѣты, но боль шая часть означенныхъ матеріаловъ, а равно и окончательных соображеній и заключеній комиссіи, касавшихся сельскаго хозяй ства, обложенія земель, кустарной промышленности, крестьянскаг хозяйства, умственнаго и нравственнаго состоянія крестьянъ, раз ныхъ мѣръ для поощренія крупныхъ и среднихъ хозяйствъ— мирно почили въ департаментскихъ архивахъ. Между тѣмъ, мно гія заявленія комиссіи, хотя бы, напримѣръ, о земельномъ обло женіи, имѣли насущный интересъ. Это зависѣло отъ того, что ко миссія была при министерствѣ, которое прямого участія ни в внутренней, ни въ финансовой политикѣ не имѣетъ.

Между тѣмъ, вопросы, затронутые комиссіей, не могли оста ваться безъ движенія. Быстро развивавшійся кризисъ въ хлѣб ной торговлѣ побудилъ Общество для содѣйствія русской промыш ленности и торговлѣ пригласить всѣ наши биржевые комитеты высказать свое мнѣніе. Нѣмцы, какъ народъ аккуратный, въ лиц рижскаго, ревельскаго и либавскаго биржевого комитета, ранѣе другихъ отозвались на приглашеніе общества. Въ ихъ запискахъ есть нѣсколько любопытныхъ указаній на мѣры, которыя боль всего содѣйствовали бы нашей хлѣбной торговлѣ въ конкурри ваніи ея съ Сѣверной Америкой и Остъ-Индіей, но комитеты дл исполненія этихъ мѣръ рѣшительнымъ образомъ совѣтовали н учреждать новыя комиссіи, ибо учрежденіе комиссій было бы равно сильно съ проволочкою дѣла, такъ какъ извѣстно изъ опытовъ, пи салъ рижскій биржевой комитетъ, что „подобными комиссіями хо собирается много „важныхъ матеріаловъ“, но не разрѣшаются с мые вопросы, не терпящіе отлагательства“...

Не взирая на такой взглядъ на комиссіи, по просьбѣ нѣсколь-ихъ землевладѣльцевъ объ изысканіи мѣръ къ улучшенію ны-ѣшняго положенія землевладѣнія въ Россіи, въ 1888 г. вновь была бразована при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ комиссія изъ редставителей разныхъ вѣдомствъ при участіи экспертовъ. Ко-иссія получила названіе комиссіи по поводу паденія цѣнъ на ельско-хозяйственныя произведенія.

Это названіе должно вызвать нѣкоторое недоразумѣніе. Цѣны, акъ справедливо говорятъ купцы, „Богъ строитъ", и едва-ли какая-ибо комиссія въ состояніи своими протоколами измѣнить цѣны родуктовъ, устанавливаемыя всемірною конкурренціею. Уже съ ерваго же засѣданія комиссіи выяснилось, что кризисъ сельско-озяйственный теперь повсемѣстенъ, что Россія потеряла свое режнее выгодное положеніе единственной „житницы Европы", оэтому и рѣчи не можетъ быть съ нашей стороны о поднятіи ѣнъ. Все, чего можно достигнуть — это уменьшенія издержекъ роизводства и измѣненія системы культуры. Но если поставить адачею комиссіи—указаніе мѣръ въ такомъ именно направленіи, о въ кругъ ея дѣятельности войдетъ безчисленное множество вопро-овъ, можно сказать, почти все русское законодательство, ибо что рямо или косвенно не вліяетъ на издержки производства?

Комиссія, впрочемъ, повидимому, такъ широко и понимаетъ вою задачу. Въ программу своихъ занятій она безъ протеста ключила обсужденіе всѣхъ мѣръ къ поднятію доходности сель-кихъ хозяйствъ пониженіемъ издержекъ производства и облегче-іемъ сбыта произведеній. Для этого потребуется опредѣленіе со-тношенія цѣнъ на хлѣбныя произведенія со стоимостью ихъ про-зводства, и того значенія, какое въ расходахъ по сельскому хо-яйству имѣютъ: ипотечная задолженность землевладѣнія, подат-ое обложеніе земли, издержки страхованія сельскихъ построекъ и родуктовъ, дѣйствующія правила краткосрочнаго кредита (лич-аго и подъ залогъ товаровъ) и ввозныя пошлины на сельско-хо-яйственныя машины и орудія. Затѣмъ указаніе главныхъ основа-ій упорядоченія, въ интересахъ сельскаго хозяйства, тарифнаго ѣла и тѣхъ измѣненій, которыя желательны въ существующихъ законеніяхъ, правилахъ и условіяхъ, касающихся отношеній же-ѣзныхъ дорогъ къ грузохозяевамъ. Въ виду зависимости цѣнъ на ельско-хозяйственные продукты внутри Имперіи отъ состоянія еждународнаго рынка, комиссія должна будетъ обсудить и мѣры

для достиженія большей прибыльности экспорта земледѣльческих продуктовъ.

Независимо отъ этого на комиссію ляжетъ разсмотрѣніе различныхъ предположеній относительно упорядоченія нашего внутренняго рынка, какъ то: улучшенія условій сбыта крестьянскаго хлѣба устройства товарныхъ складовъ для хлѣбныхъ грузовъ; доставленія производителямъ возможности своевременно получать точныя свѣдѣнія о цѣнахъ на главныя сельско-хозяйственныя произведенія; мѣры поощренія сельско-хозяйственныхъ винокуренныхъ заводовъ и другихъ производствъ для переработки на мѣстѣ земледѣльческихъ произведеній и устраненіе торговаго посредничества въ снабженіи военнаго вѣдомства нужными для него запасами провіанта и фуража.

Только по указаннымъ выше вопросамъ задача комиссіи представляется непосильною для какого угодно собранія чиновниковъ и спеціалистовъ. Очевидно комиссія можетъ только слегка намѣтить эти вопросы, выяснить ихъ взаимное соотношеніе, опредѣлить важность и несостоятельность каждаго изъ нихъ; но разработку вопросовъ она должна предоставить подлежащимъ вѣдомствамъ.

Опасность для комиссій имѣть слишкомъ широкія программы доказала уже комиссія графа Валуева, поэтому нельзя — и не будучи скептикомъ — не выразить благочестиваго желанія, чтобы новая комиссія не тратила свое время и трудъ, если не получитъ увѣренности въ томъ, что заявленія ея не постигнетъ та же печальная участь И безъ всякихъ комиссій, при помощи періодической печати, заявленій отдѣльныхъ лицъ, отчасти земскихъ собраній, нужды наши въ области сельскаго хозяйства достаточно выяснились. Не достаетъ не матеріаловъ въ подтвержденіе жалобъ, а людей, которые отнеслись бы къ этимъ жалобамъ участливымъ образомъ и хотя бы одно мѣропріятіе, благопріятное для нашего землевладѣнія, довели до конца безъ всякихъ урѣзокъ и уступокъ гибельной доктринѣ.

Случалось, впрочемъ, что самое полученіе свѣдѣній было у насъ затруднено оппозиціей со стороны общества. Одинъ изъ подобныхъ казусовъ приключился съ извѣстнымъ проектомъ окружныхъ сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ, проведеннымъ княземъ Ливеномъ. Съѣзды эти предполагалось образовать по районамъ изъ чиновниковъ и сельскихъ хозяевъ. Голосъ помѣщиковъ очень важенъ конечно, въ разъясненіи вопросовъ, касающихся земледѣлія и сельской промышленности, но не всякій, однако, помѣщикъ можетъ

съ достаточною компетентностью представлять нужды сельскаго хозяйства. По вопросамъ техническимъ еще не такъ трудно избрать помѣщиковъ-агрономовъ, хозяйство которыхъ извѣстно какъ образцовое; но интересы земледѣлія далеко еще не разрѣшаются вопросами спеціальными; вопросы финансовые и др. имѣютъ не меньшее значеніе для успѣховъ сельскаго хозяйства, а обсуждать подобные вопросы съ должною авторитетностью, заявлять о нуждахъ мѣстностей Россіи, предлагать совѣты, заслуживающіе серьознаго вниманія, могутъ только лица, уполномоченныя другими землевладѣльцами. Способъ избранія подобныхъ лицъ представилъ нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ у насъ признано невозможнымъ устраивать какіе-либо прямые выборы въ средѣ землевладѣльцевъ. По этому выборъ уполномоченныхъ на съѣзды былъ предоставленъ губернскимъ земскимъ собраніямъ и сельско-хозяйственнымъ обществамъ.

Къ сожалѣнію, законъ объ окружныхъ съѣздахъ вышелъ въ 1880 г., когда въ обществѣ бродили совсѣмъ другія идеи, поэтому съѣзды, представляя лишь легкій пальятивъ существующему порядку, были встрѣчены просто враждебно и печатью и обществомъ. Земства и ученыя общества не хотѣли выбирать уполномоченныхъ въ съѣзды. Даже С.-Петербургское собраніе сельскихъ хозяевъ, обыкновенно столь мирное и спокойное, какъ только занялось, по приглашенію министра государственныхъ имуществъ и с.-петербургскаго губернатора, вопросомъ о съѣздахъ, какъ немедленно обратилось въ арену горячихъ прекаканій. Собранію предстояло разсмотрѣть составленную министерствомъ программу перваго очереднаго съѣзда и выбрать двухъ депутатовъ, на имѣвшій быть въ концѣ января 1881 года въ С.-Петербургѣ, окружной сельско-хозяйственный съѣздъ для губерній Петербургской, Новгородской, Псковской и Эстляндской.

Прежде чѣмъ обсуждать программу и пополнять ее, согласно приглашенію министерства какими-либо новыми пунктами, нѣкоторые члены собранія полагали болѣе цѣлесообразнымъ, по примѣру Императорскаго Вольно-экономическаго общества, разсмотрѣть вопросъ: насколько удовлетворительна вообще организаціи съѣздовъ и не слѣдуетъ ли, въ виду того, что правила о съѣздахъ „временныя“, просить объ ихъ скорѣйшемъ измѣненіи въ томъ смыслѣ, чтобы элементъ сельско-хозяйственный и учено-агрономическій на съѣздахъ былъ усиленъ сравнительно съ элементомъ административнымъ?

два землевладѣльца. Все это были лица болѣе или менѣе извѣстныя въ нашемъ земствѣ, такъ сказать цвѣтъ русскаго самоуправленія.

Роль grand électeur'а въ этомъ случаѣ игралъ, говорятъ, г. Воейковъ. Изъ списка экспертовъ нельзя было не видѣть, что представлены были оба направленія нашего дворянства; приглашеніе экспертовъ отъ крестьянскаго сословія было признано излишнимъ. Ближайшее знакомство съ приглашенными лицами еще лучше укажетъ, какой именно оттѣнокъ мнѣнія преобладалъ въ собраніяхъ, гдѣ, кромѣ того, приняли регулирующее участіе три министра: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ.

Москва, какъ ей и подобало, была представлена широко — четырьмя экспертами. Всѣ они были строго консервативнаго оттѣнка. Это г. Наумовъ — весьма блѣдный, хотя и дѣятельный городской и земскій дѣятель Первопрестольной. Князь Щербатовъ, не совсѣмъ удачно дебютировавшій въ качествѣ саратовскаго губернскаго предводителя и московскаго городскаго головы, а затѣмъ предсѣдателя одной изъ желѣзнодорожныхъ подкомиссій, гдѣ его дублировалъ г. Чичеринъ. Князь, которому было заранѣе можно предсказать, весьма скромную роль въ комиссіи, принадлежитъ къ числу лицъ, мечтающихъ о возможности создать на нашей почвѣ нѣчто въ родѣ англійскихъ порядковъ. Г. Д. Самаринъ долго былъ извѣстенъ лишь тѣмъ, что онъ братъ извѣстнаго Юрія Самарина, блестящаго публициста славянофильской школы и одного изъ творцовъ 19-го февраля и крестьянской реформы въ Польшѣ. Д. Самаринъ обратилъ на себя вниманіе, выступивъ противникомъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія, для чего онъ разгромилъ въ „Руси" книжку профессора Янсона, сдѣлавшуюся кораномъ газетныхъ сотрудниковъ, желающихъ потосковать въ передовыхъ статьяхъ объ участи мужичковъ. Четвертый представитель Москвы — по званію предсѣдатель тамошняго общества сельскаго хозяйства — г. Шатиловъ, скорѣе долженъ быть причисленъ къ представителямъ Тульской губерніи. Въ этой губерніи г. Шатиловъ имѣетъ имѣнія, управляемыя образцовымъ образомъ. Эти имѣнія служатъ удивленіемъ для нашихъ агрономовъ, хотя не даютъ дохода. Прогрессистъ въ сельскомъ хозяйствѣ, г. Шатиловъ далеко не слыветъ таковымъ въ политическихъ убѣжденіяхъ.

Югъ представлялся въ коммисіи покойными Галаганомъ и Бекарюковымъ. Первый былъ тогда только попечителемъ Галагановской коллегіи въ Кіевѣ. Коллегія эта pendant Катковскому лицею, который, въ свою очередь, слабая копія англійскихъ школъ. Черни-

овское земство, котораго Галаганъ былъ представителемъ, отли-
ается очень радикальнымъ оттѣнкомъ, но Галаганъ не грѣшилъ
по этой части даже въ юности своей. То же можно сказать и о
Бекаревичѣ, весьма популярномъ въ Харьковѣ, а въ Петербургѣ
извѣстномъ по весьма энергической дѣятельности по очищенію об-
щества взаимнаго поземельнаго кредита.

Къ восточнымъ представителямъ въ комиссіи могутъ быть отне-
сены покойный князь А. И. Васильчиковъ, важнѣйшія имѣнія ко-
тораго находятся въ Тамбовской губерніи, г. Дмитріевъ, сызран-
скій помѣщикъ, и уфимскій земецъ г. Дашковъ. Первые два очень
хорошо извѣстны и слыли даже одно время корифеями либераль-
ной партіи. Князь Васильчиковъ—авторъ нѣсколькихъ поверхност-
ныхъ книгъ по вопросамъ народнаго хозяйства, имѣвшихъ большой
успѣхъ. Въ комиссіи князь Васильчиковъ едва ли не былъ самымъ
либеральнымъ дѣятелемъ. Къ числу таковыхъ г. Дмитріевъ былъ
отнесенъ, въ свое время, по недоразумѣнію. Извѣстно, что вмѣстѣ
съ г. Чичеринымъ онъ вздумалъ возстать въ совѣтѣ московскаго
университета противъ покойнаго Леонтьева. Но грянулъ громъ изъ
редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ и дерзкіе были повергнуты въ
прахъ или, выражаясь оффиціально, оставлены за штатомъ, стя-
жавъ однако нѣкоторую популярность въ публикѣ. Г. Дашковъ не
принадлежитъ къ числу новоявленныхъ уфимскихъ землевладѣль-
цевъ. Земли и заводы Дашковыхъ еще при Елизаветѣ Петровнѣ на-
ходились на тѣхъ же мѣстахъ, хотя выкроены равномѣрно изъ баш-
кирскихъ угодій. Г. Дашковъ человѣкъ умный и рѣчистый, пописы-
валъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Современномъ Обозрѣніи“.

Сѣверные депутаты должны быть по существу наиболѣе прогрес-
сивными, такъ какъ несомнѣнно, что землевладѣльцы изъ дво-
рянъ, за немногими исключеніями, тѣмъ свободномысленнѣе, чѣмъ
болѣе они потеряли отъ эмансипаціи, а дворяне во всѣхъ сѣвер-
ныхъ губерніяхъ отъ Псковской до Пермской несомнѣнно понесли
убытки. О ярославскомъ экспертѣ г. Калачевѣ мы, признаться, ни-
чего не знаемъ, кромѣ того, что онъ братъ извѣстнаго археолога
и юриста. Г. Оленина, тверскаго представителя нельзя считать
реакціонеромъ. Во всемъ тверскомъ земствѣ нѣтъ правой стороны,
а однѣ лѣвыя стороны, отъ радикаловъ, пріѣзжающихъ въ кра-
сныхъ рубашкахъ и смазныхъ сапогахъ, до лѣваго центра. Г. Оле-
нинъ именно изъ тверской лѣвой, человѣкъ ничѣмъ не выдающійся,
но благонамѣренный. Г. Колюпановъ, давно представляющій Вет-
лужскій уѣздъ по довѣренности г. Лугинина, которому, кажется,

принадлежитъ чуть не весь этотъ глухой край мха и морошки, хорошо извѣстенъ, какъ бывшій сотрудникъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, даже стяжавшій имъ первое изъ предостереженій, данное по новому закону о печати 1865 года. Фактъ этотъ не останется не замѣченнымъ въ исторіи нашей журналистики. Г. Колюпановъ причисляется къ той школѣ либеральныхъ народолюбивыхъ публицистовъ, которая ввела въ моду пріемъ съ одной стороны сознаваться, а съ другой—признаваться. Трудамъ „свѣдущихъ людей“ пописывались панегирики въ нѣкоторыхъ газетахъ, но къ ихъ дѣятельности, оставившей впрочемъ нѣкоторый слѣдъ, публика относилась довольно скептически; мысль о дальнѣйшемъ расширеніи компетенціи „свѣдущихъ людей“, какъ извѣстно, успѣха не имѣла.

ГЛАВА XIX.

Судъ.

Основы суда и правовый порядокъ. — Недостатки стараго судоустройства.—Судебная реформа.—Судъ и печать.—Безобразія адвокатуры.

Столѣтнее торжество „великихъ принциповъ 89 года", распространившихся даже на Японію, повело къ результатамъ, которые во многихъ отношеніяхъ не оправдали преувеличенныхъ ожиданій философовъ-реформаторовъ XVIII столѣтія и ихъ дѣтища—доктринеровъ XIX столѣтія. На Западѣ появился уже цѣлый рядъ сочиненій, гдѣ весьма рѣзко подвергается критикѣ начало государственнаго устройства, недавно еще признававшагося идеальнымъ. Во Франціи съ такимъ трудомъ выступилъ Гастонъ Бержерэ. Книга его „Principes de Politique" отличается оригинальностью и смѣлостью воззрѣній на большинство вопросовъ государственнаго права. Авторъ не стѣсняется выступать защитникомъ крѣпкой власти и трудъ его долженъ привести въ ужасъ всѣхъ тѣхъ, кто въ „упраздненіи правительства", употребляя выраженіе Каткова, видитъ завѣтную цѣль реформъ въ государственной жизни.

По мнѣнію молодого французскаго мыслителя, отрицающаго всѣ тѣ формулы, на которыхъ строютъ свои софизмы гг. современные юристы, совершенно напрасно смѣшиваютъ юстицію со справедливостью. Справедливость (équité) есть первобытное и варварское состояніе юстиціи; чѣмъ болѣе послѣдняя развивается, тѣмъ болѣе она дѣлается свободной отъ началъ справедливости. Цѣль уголовнаго наказанія вовсе не въ опредѣленіи нравственныхъ побужденій преступника или его моральнаго достоинства, она обязана препятствовать появленію дѣйствій, запрещенныхъ законами. Наказывать слѣдуетъ за фактъ, а не за намѣреніе. Смѣшивая то и

другое, достигаютъ иногда результатовъ, которые удовлетворяютъ началамъ отвлеченной справедливости, но при этомъ жертвуютъ цѣлью юстиціи, которая должна охранять спокойствіе общества. Юстиція должна быть точна, строга и слѣпа.

Право творить судъ принадлежитъ тому, въ чьихъ рукахъ сила; отецъ семейства творитъ судъ надъ своими дѣтьми, помѣщикъ творилъ его въ прежнее время надъ своими крѣпостными, правительство творитъ его для народа. Магистратура, вслѣдствіе естественнаго въ болѣе развитомъ обществѣ раздѣленія труда, назначена для производства суда, но она дѣлаетъ это во имя правительства, по его уполномочію. Потребовалось странное и глубокое извращеніе идей, чтобы признать, что въ государствѣ есть власть судебная, отдѣльная и независимая отъ власти исполнительной. Можно раздѣлить аттрибуты власти, но нельзя дѣлить самую власть. Поэтому судьи такіе же органы власти исполнительной, какъ агенты фиска—по отношенію къ финансамъ, инженеры—по отношенію къ общественнымъ сооруженіямъ, офицеры и солдаты—по отношенію къ вооруженнымъ силамъ страны.

Идея независимой судебной власти вытекла изъ бывшихъ притязаній парламентовъ, узаконеніе ея создало бы анархію. Равнымъ образомъ, изъ старыхъ парламентовъ вытекло понятіе о несмѣняемости судей, какъ о чемъ-то существенно необходимомъ для независимости суда. Въ дѣйствительности же несмѣняемость была связана въ прежнее время съ продажею судебныхъ должностей. Правительство не могло лишить человѣка мѣста, за которое получило соотвѣтствующій капиталъ. Хотя продажа должностей отмѣнилась, но идея осталась.

Вліяніе несмѣняемости совершенно ничтожно, ибо правительство, не имѣя возможности держать въ рукахъ судей страхомъ увольненія, держитъ ихъ надеждой на повышеніе, что въ дѣйствительности одно и то же. Это вліяніе правительства вещь даже очень хорошая, потому что несмѣняемость судей въ чистомъ видѣ, создавала бы изъ судовъ самое опасное изъ учрежденій. Трудно вообразить себѣ, что было бы въ обществѣ, гдѣ судьи могли бы прилагать законы по собственному усмотрѣнію и руководствоваться страстями и мнѣніями, нерѣдко нелѣпыми, а въ то же время находились бы внѣ всякаго контролирующаго вліянія правительства и общественнаго мнѣнія.

Лучшая гарантія судей въ ихъ характерѣ, въ отвѣтственности и въ публичности ихъ дѣйствій. Если же нельзя избѣжать произ-

вола, то для подсудимаго выгоднѣе произволъ власти высшей, болѣе удаленной и потому болѣе образованной и безпристрастной, чѣмъ узкій произволъ мѣстной юстиціи. „Если нужно тирана, то наиболѣе могущественный всегда оказывается, говоритъ Бержерэ, наименѣе жестокимъ".

На этихъ основаніяхъ нельзя одобрить и учрежденіе присяжныхъ засѣдателей. Этотъ институтъ вытекъ изъ принципа, что каждый долженъ быть судимъ себѣ равными, между тѣмъ худшій судъ—это именно судъ равныхъ, хуже его только судъ низшихъ. Юстиція только тогда и представляетъ наиболѣе гарантій, когда производится лицами, стоящими по положенію и развитію выше подсудимаго. Капитанъ будетъ лучше всего судимъ генералами; среди нихъ онъ найдетъ гораздо болѣе познаній, безпристрастія и гдѣ нужно снисходительности; судимый капитанами же, онъ будетъ третированъ или какъ пріятель, или какъ соперникъ, потому къ нему будутъ они слишкомъ слабы или слишкомъ строги; судьи солдаты даже не поймутъ хорошенько защиты капитана и внесутъ много предубѣжденія. Въ гражданскомъ обществѣ нѣтъ такой очевидной іерархіи, но она существуетъ.

Поэтому-то при судѣ присяжныхъ мелкіе воришки лучше всего судятся, ихъ проступки разбираются спокойно и разсудительно; буржуа уже не можетъ быть такъ хорошо судимъ, потому что присяжные примѣшиваютъ свои домашніе интересы и взгляды; лицо высоко поставленное всегда будетъ дурно судимо, его встрѣтятъ зависть, или непониманіе положенія. Присяжные, призванные судить дѣла и вопросы, съ которыми не знакомы, въ жизни не сталкиваются, судить людей, въ обществѣ которыхъ они не вращаются, при всемъ добромъ желаніи, будутъ увлекаться мелочными соображеніями или сдѣлаютъ крупныя ошибки.

Для идеальной организаціи юстиціи надобны такія учрежденія, чтобы судьи или судья (Бержерэ предпочитаетъ судъ одного лица коллегіи, такъ какъ при этомъ нѣтъ возможности раздѣлять свою отвѣтственность) были выше людей и интересовъ, которыхъ они призваны судить. Такого рода юстиція существуетъ только для суда чиновниковъ въ нѣкоторыхъ государствахъ (между прочимъ у насъ), но ей прямо противорѣчитъ судъ присяжныхъ.

Если судъ послѣднихъ еще терпимъ, то это лишь потому, что онъ касается только дѣлъ уголовныхъ; къ тому же огромное большинство присяжныхъ относится къ среднему классу, почему на дѣлѣ судьи все-таки стоятъ выше подсудимыхъ, но, Боже избави,

если институтъ присяжныхъ распространится на полицейскіе суды и на гражданское судопроизводство, особенно если одновременно для выбора присяжныхъ отмѣнять всякій цензъ.

Ужъ и въ настоящее время во всѣхъ странахъ, гдѣ есть присяжные засѣдатели, можно наблюдать поразительныя аномаліи. То и дѣло происходятъ обвиненія и оправданія, которыхъ предвидѣть заранѣе было нельзя и еще труднѣе объяснить. Процессы обращаются въ лотереи, гдѣ можно вытащить и хорошій и дурной номеръ, во всякомъ случаѣ въ игру, гдѣ внѣшность подсудимаго и ловкость защитника вліяютъ на шансъ успѣха. Потому-то и видимъ ежедневно, что подсудимые, находившіеся въ одинаковыхъ условіяхъ, приговариваются въ разныхъ судахъ къ совершенно различнымъ наказаніямъ.

Въ сужденіяхъ присяжныхъ нѣтъ никакого постоянства, никакого соотношенія между различными рѣшеніями, никакихъ опредѣленныхъ правилъ, почему судимый присяжными подчиняется случайности состава списка, людскихъ страстей, направленія общественнаго мнѣнія и совпаденія обстоятельствъ. Поэтому, при расширеніи компетенціи присяжныхъ засѣдателей, изъ элемента государственной безопасности юстиція обратится въ причину общаго безпокойства и анархіи.

Знаменитѣйшіе въ исторіи судьи были тѣ, которые въ самыя бурныя эпохи оставались спокойными. Присяжные всегда слѣдуютъ настроенію минуты, ихъ рѣшенія основаны главнымъ образомъ на чувствѣ. Въ пользу присяжныхъ выставляютъ, что они лучше всего могутъ открывать намѣренія подсудимаго, что они легче становятся на его мѣсто и судятъ болѣе сердцемъ, нежели разсудкомъ. Но это объясненіе и есть важнѣйшее обвиненіе противъ суда присяжныхъ. Дѣло суда не дѣло чувства, а дѣло законности. Людей нужно судить не по ихъ намѣреніямъ, а по ихъ поступкамъ.

Если признавать мнѣнія массы за основаніе для приговора, то законъ Линча долженъ быть идеаломъ судебной процедуры. Распространеніе суда присяжныхъ Бержерэ объясняетъ тѣмъ, что власть желала свалить съ себя отвѣтственность за приговоры по важнымъ преступленіямъ, которыя влекли смертную казнь и другія тяжкія наказанія. Но эта уступка только проявленіе слабости власти. И у насъ, какъ видно изъ мотивовъ Государственной Канцеляріи къ судебнымъ уставамъ Александра II, однимъ изъ главныхъ побужденій къ введенію присяжныхъ было опасеніе, что коронные судьи могутъ ошибаться въ приговорахъ значительной важности.

Относительно наказаній Бержерэ также не сходится съ новѣй-
ими юристами. Онъ находитъ, что теоретически очень трудно
казать, почему тѣлесныя наказанія болѣе унизительны, чѣмъ тю-
мное заключеніе. Между тѣмъ тѣлесныя наказанія имѣютъ пре-
ущества въ томъ отношеніи, что они дѣйствуютъ сильнѣе, со-
ршаясь публично, вліяютъ болѣе на массу, могутъ назначаться
ропорціонально винѣ и потому быть справедливѣе всѣхъ другихъ
казаній. Выгода ихъ еще въ томъ, что они одновременно и тя-
елы, и преходящи, когда преступленіе забывается, забывается и
казаніе.

Тѣлесныя наказанія наводятъ на толпу спасительный страхъ и
тому имѣютъ достаточно предупредительное значеніе, не измѣ-
я притомъ натуры преступника, какъ это дѣлаетъ тюрьма. На-
нецъ, они стоятъ гораздо дешевле тюрьмы. Послѣдняя хотя въ
дѣ и вытѣснила въ новыхъ кодексахъ почти всѣ другіе виды
казаній, но въ дѣйствительности весьма несовершенный способъ
ысканія. Совмѣстное заключеніе развращаетъ окончательно пре-
упника, одиночное—дѣлаетъ его идіотомъ. Приговоръ публиченъ,
самое наказаніе совершается въ тайнѣ. Тюрьма также неравно-
рна; для однихъ она представляетъ улучшеніе образа жизни,
я другихъ — невыносимую пытку. Наказаніе это продолжается
гое время, когда публика забыла уже о преступленіи, почему
о не вліяетъ на массу, между тѣмъ существенно измѣняетъ здо-
вье, темпераментъ и характеръ заключеннаго. При своемъ рас-
страненіи тюрьма вызываетъ громадныя издержки для казны.
Штрафы и денежныя взысканія очень хорошій способъ нака-
нія, такъ какъ они вознаграждаютъ государство за расходы юсти-
, но народъ не любитъ этого рода взысканій, находя его неспра-
ливымъ для бѣдныхъ, сравнительно съ богатыми. По мнѣнію
ржерэ, штрафъ противенъ идеѣ равенства, но не юстиціи. Если
бито, положимъ, зеркало, то справедливо заставить заплатить за
о владѣльцу не пропорціонально богатству разбившаго, а про-
ціонально цѣнности вещи.

Какъ тѣлесныя наказанія были бы наилучшими за преступле-
противъ личности, такъ штрафъ лучшее наказаніе за престу-
нія противъ собственности. Но, чтобы онъ получилъ полное зна-
іе, необходимо, чтобы преступникъ, не имѣющій возможности
тѣстить вредъ, заработывалъ его своимъ трудомъ. Чѣмъ скорѣе
заработаетъ свою вину—тѣмъ лучше для него. Такимъ обра-
ъ изъ преступленія будетъ извлекаться польза для общества, а

наказаніе не будетъ состоять въ безцѣльномъ разстройствѣ орга
низма преступника.

Взгляды Бержерэ на счетъ судебнаго устройства поучительно
сравнить съ тѣми началами, которыя положены были въ реформ
1864 года. Извѣстно, что эта реформа явилась продуктомъ чтен
нѣсколькими правовѣдами французскихъ книжекъ и изученія по
койнымъ Зарудныимъ, который въ университетѣ приготовлялся быт
астрономомъ, итальянскаго законодательства. Что было бы, если б
тѣмъ же лицамъ могла попасться въ 60-хъ годахъ въ руки книга
подобная сочиненію Бержерэ?

Наши юристы вообще, какъ мы говорили, не особенно ломал
головы—взяли и перевели напр. сардинскій кодексъ уголовной проце
дуры съ легкими кое-гдѣ поправками. Этотъ плагіатъ докринерам
выставлялся за продуктъ великой государственной мудрости, чут
не законодательный памятникъ, во всякомъ случаѣ „послѣдне
слово науки". Въ числѣ гордостей новаго порядка, заимствован
наго изъ Сардиніи, считалось „гуманное" отношеніе судебнаг
слѣдствія къ подсудимому. Послѣдній избавлялся отъ необходимо
сти показывать противъ себя. Извѣстно, къ какимъ недоразумѣ
ніямъ это правило приводило у насъ. Одинъ адвокатъ буквальн
просилъ предсѣдателя окружного суда „остановить подсудимаг
ибо послѣдній своимъ неумѣстнымъ сознаніемъ нарушаетъ инт
ресы защиты и дурно вліяетъ на присяжныхъ!"

Эта хитроумная теорія свободы судебнаго слѣдствія была хот
взята нашими юристами у итальянцевъ, но источникъ ея въ Англі
откуда сардинскіе юристы въ свою очередь заимствовали свои с
дебные порядки. И что-жъ! Теперь, къ ужасу нашихъ доктрин
ровъ, англичане сами отказались отъ фикціи безучастія подс
димаго на судебномъ слѣдствіи. До сихъ же поръ англійскіе юр
сты придавали особое значеніе праву подсудимаго уклоняться от
дачи какихъ бы то ни было объясненій. Въ этомъ видѣли лу
шую гарантію неприкосновенности личной свободы и усматрива
даже преимущество англичанъ передъ другими націями. Мнѣні
однако, какъ видно, измѣнилось. Тѣ же юристы находятъ, чт
благодаря вышеозначенной фикціи, судъ лишался во многих
случаяхъ лучшаго способа узнать истину; находятъ, что подсуд
мые даже выиграютъ отъ измѣненія системы, когда будетъ поз
лено невиннымъ болѣе удобно защищать и оправдывать себя.
словамъ англійскихъ юристовъ, существующее правило, быв

же, вслѣдъ за отмѣною пытки, быть можетъ, гарантіей, мало малу обратилось въ помѣху юстиціи.

Вотъ какъ опасно и неосторожно дѣлать заимствованія. Нельзя, очемъ, сказать, чтобы наши старые суды и судопроизводство требовали реформы. Хороши это были суды, когда самому министру юстиціи графу Панину пришлось дать взятку въ 100 руб. совершеніи рядной въ пользу дочери. По дѣлу Шидловскихъ одномъ и томъ же 7-мъ департаментѣ Правительствующаго ата послѣдовало 12 противорѣчивыхъ указовъ съ 1848 по 6 г., причемъ послѣ двадцати лѣтъ разбирательства разрѣшенъ ъ только вопросъ о предоставленіи хода сему дѣлу, по сущеу же оно еще не разсматривалось!

Суды наши со временъ Екатерины II основаны были, однако, выборомъ началѣ. Если они были плохи, то виноваты были не нціи, а люди. „До селѣ, писалъ кажъ то Герценъ, массы не ютъ понять своихъ правъ. Говорятъ „да какой голосъ имѣетъ ѣдатель въ палатѣ!“ Кто же въ этомъ виноватъ? Конечно не одательство. Такъ какъ оно не виновато въ томъ, что совѣтки не подаютъ голоса, боясь предсѣдателя или губернатора, въ къ, что журналъ составленъ весь секретаремъ нехорошо. Такъ къ оно не виновато въ томъ, что дворянинъ богатый и честный небрегаетъ службой; въ то самое время когда въ Остзейскихъ овинціяхъ отставные генералы, аристократы не стыдятся слуть нѣсколько трехлѣтій на самыхъ низшихъ мѣстахъ“...

Философы XVIII столѣтія отрицали, наоборотъ, вліяніе людей, характера и быта, они считали аксіомой, что въ рукахъ правительства находится безусловно благополучіе и культура каждаго рода. Всѣ недостатки, свойственные общественной жизни, приписались несовершенству учрежденій. Теорія эта доведена была ъ до абсурда соціалистами, которые серьезно убѣждены, что ченіемъ законовъ можно сдѣлать массу не только сытою, но родѣтельною. Не смотря на ежедневное противорѣчіе фаподобныхъ взглядовъ, они очень крѣпко держатся.

этому, весьма любопытно и поучительно встрѣчать въ пефакты, подтверждающіе, что учрежденія и въ томъ числѣ разъ они не отвѣтствуютъ складу народной жизни, остаются тельно безсильными и что только доктринерство можетъ осься въ убѣжденіи, будто то, что хорошо для Лондона и Амама, одинаково должно быть хорошо и для какой нибудь вретпольской губерніи или Дагестана, такъ какъ люди де вездѣ

люди и вездѣ имѣютъ руки и желудокъ, понятіе о добрѣ и з
вездѣ любятъ и ненавидятъ и вездѣ желаютъ платить какъ мо
менѣе податей. „Трудно думать, писалъ С. И. Зарудный, чт
люди *гдѣ либо и когда либо* были готовы для дурнаго и не зр
для хорошаго"!

Однимъ изъ поучительнѣйшихъ документовъ для убѣжде
въ противномъ могутъ служить новѣйшія путешествія въ К
сику. Мы особенно рекомендуемъ книгу: „En Corse" Поля Бур
корреспондента газеты „Temps". Изъ книги этой можно отли
убѣдиться, какъ самоуправленіе, гласный судъ и другія блага ц
воваго порядка въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова не то
ко не принесли Корсикѣ никакой пользы, но отодвинули ее
столѣтіе назадъ, такъ какъ къ населенію этого острова, по мѣтко
русскому выраженію, шли точно коровѣ сѣдло.

Корсиканцы—недурные по своему люди; они настойчивы, м
ды, когда нужно усердны, даже по своему честны, но тѣмъ
менѣе правовый порядокъ не для нихъ созданъ. Либеральныя у
режденія въ Корсикѣ ни на волосъ не измѣнили нравовъ жител
наоборотъ, нравы приспособились къ этимъ учрежденіямъ, что
эксплоатировать ихъ въ свою пользу и эксплоатировать въ сам
гнусномъ видѣ. Даже наука не помогаетъ. Вслѣдствіе стремле
къ службѣ, всѣ корсиканцы съ жадностью стремятся въ школы и
экзамены; даже пастухи получаютъ иногда баналаврскія званія:
эта жажда просвѣщенія не имѣетъ рѣшительно никакого значе
для цивилизаціи острова.

Съ начала нынѣшняго столѣтія Корсика обошлась Франціи
милліардъ и въ результатѣ 600 разбойниковъ разгуливаютъ
острову, остающемуся буквально въ томъ же положеніи, въ к
ромъ онъ былъ въ XIV столѣтіи, хотя островъ снабженъ въ
быткѣ всѣми атрибутами цивилизаціи и на немъ проведены от
ныя дороги, по которымъ, впрочемъ, никто не ѣздитъ, а е
возятъ кое-что, то на вьюкахъ. Русскихъ, конечно, очень мал
гутъ интересовать мѣры, которыми французы думаютъ улуч
положеніе Корсики, но любопытно заключеніе корреспондента до
нерскаго „Temps". По его словамъ, многіе желали бы уничто
вовсе на островѣ самоуправленіе и выборное начало; г. Бур
ходитъ это теперь невозможнымъ, но согласенъ, что на Ко
слишкомъ рано распространили французскія учрежденія. Ос
по его словамъ, губитъ „легальность"...Губернаторъ съ шир
полномочіями, не стѣсняющійся ни духомъ партіи, ни род

язями, скорѣе всего помогъ бы дѣлу. Но корреспондентъ не вѣритъ, чтобы у французскаго доктринерскаго правительства хватило смѣлости для подобнаго рѣшенія.

Намъ, впрочемъ, нѣтъ надобности ходить въ Корсику и даже на Кавказъ; мы убѣждены, что и русское общество, вопреки уставамъ 1864 г., вопреки мнѣнію профессора Фойницкаго, что „введеніе вчерашняго раба въ сословіе суда присяжныхъ увѣнчалось въ Россіи успѣхомъ затмившимъ опасенія практиковъ", просто-напросто не дошло даже до понятія о равенствѣ передъ судомъ. Каждый разъ, какъ на скамьѣ подсудимыхъ по какому либо несчастному стеченію обстоятельствъ приходится фигурировать аристократу, гусару, князю и какой нибудь пикантной дамочкѣ, сейчасъ начинаются охи, ахи, сочиняются взевозможныя извиненія и оправданія, и тамъ, смотришь, эти сентиментальныя воззрѣнія, наслѣдіе невѣжественныхъ предразсудковъ, возводятся кѣмъ либо въ юридическую теорію. А теоріи тутъ никакой нѣтъ, есть только общественная незрѣлость.

Это отлично можно было прослѣдить на дѣлѣ князя Шервашидзе, изрубившаго ни съ того ни съ сего купца въ ресторанѣ. И общество и даже часть печати стала на сторонѣ горячаго абхазскаго князя, требуя для лицъ военнаго сословія безнаказанности—принципа рѣшительно несовмѣстимаго съ условіями современнаго общества.

Мы не отрицаемъ ни права самозащиты, ни сословной или корпоративной чести, хотя приводившіеся въ защиту кн. Шервашидзе примѣры Америки и Франціи приводились не совсѣмъ удачно. Разсказы объ американскихъ револьверахъ относятся по большей части въ области газетныхъ утокъ, хотя, конечно, въ странѣ еще колонизирующейся и тамъ, гдѣ нѣтъ организованнаго суда, замозащита и самосудъ должны встрѣчаться чаще, чѣмъ гдѣ-либо. Во Франціи дуэли встрѣчаются отъ времени до времени, но можно ли сравнивать эти безкровныя состязанія съ тѣмъ, какъ въ XVII столѣтіи ежедневно рѣзались даже передъ глазами короля, въ его паркѣ (Pré-aux-clercs). Неужели однако можно сказать, что чья-либо честь ограждена теперь во Франціи хуже, чѣмъ триста лѣтъ назадъ?

Во всякомъ случаѣ мы не понимаемъ, какое отношеніе вопросы о самооборонѣ и сословной чести имѣли къ дѣлу князя Шервашидзе? Послѣднему не приходилось, какъ отлично доказалъ прокуроръ, прибѣгать къ самооборонѣ, ибо онъ былъ трезвъ и вооруженъ, а

противникъ его пьянъ, безоруженъ, да и не показывалъ призна ковъ наступленія. Изъ показаній одного изъ свидѣтелей, приведен ныхъ прокуроромъ, оказывалось даже, что приказчиковъ офицеры би до выступленія на сцену Шервашидзе. Значитъ, скорѣе потерпѣ шихъ можно было признать въ состояніи самообороны.

Еще меньше князь Шервашидзе могъ считаться защищающим честь мундира. Подъ послѣднимъ разумѣется не честь извѣстно части военнаго костюма, который, какъ предметъ неоодушевлен ный, ни чести, ни безчестія имѣть не можетъ, а честь извѣстнаг сословія или извѣстной корпораціи. Въ этомъ случаѣ князь Шер вашидзе могъ быть оскорбленъ или какъ представитель гвардей скаго гусарскаго полка, или какъ русскій офицеръ вообще. Но еда ли честь храбраго полка, имѣющаго свою славную боевую исторію могла пострадать изъ-за брани въ трактирномъ корридорѣ пьянаг приказчика, чтобы стоило проливать изъ-за этого кровь.

Изъ означеннаго дѣла, мы выводимъ совсѣмъ другую мораль нежели ту, которую хотѣли вывести защитники князя. Здѣсь не бы рѣчи объ антагонизмѣ сословій; хотя народъ нашъ и даже высше общество чужды милитаризма, но они любятъ и уважаютъ сво армію и военныхъ; достаточно вспомнить пріемъ, оказанный по всюду войскамъ, возвратившимся изъ похода въ 1878 году. В этомъ дѣлѣ была совсѣмъ другая подкладка. Стоило прислушаться к разговорамъ, особенно женщинъ, которыя откровеннѣе въ своих сужденіяхъ, и несомнѣнно оказывалось непониманіе въ русском обществѣ принципа, что всѣ равны передъ судомъ.

Съ такимъ понятіемъ надобно считаться, а въ виду этого н идеализировать на счетъ судебнаго устройства въ Россіи не приходи лось. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что судебное устройство наше нуж далось въ гласности, устности, состязательности, въ сокращеніи су дебныхъ инстанцій (ихъ было по нѣкоторымъ казеннымъ дѣлам до 11), въ ограниченіи силы формальныхъ доказательствъ. Но, къ сожалѣнію, не ограничились поправками въ этомъ смыслѣ. Гос дарственная Канцелярія, т. е. главнымъ образомъ Бутковъ и За рудный, пошла далѣе и передѣлала проектированные графом Блудовымъ судебные уставы въ чисто политическихъ видахъ, вы дѣливъ судебное вѣдомство изъ вѣдѣнія государственной власти введя институтъ присяжныхъ, образовавъ адвокатскую корпора цію, установивъ связь мироваго суда съ мѣстнымъ самоуправле ніемъ и предоставивъ судьямъ право толковать законъ по общем ихъ смыслу.

При этомъ новыя судебныя учрежденія, не имѣвшія связи съ торіей нашего судоустройства и организованныя по иностран-имъ образцамъ, вводились въ дѣйствіе въ эпоху весьма сильнаго збужденія умовъ, когда господствовалъ духъ разрушенія всѣхъ новъ. Составъ судовъ, прокуратуры и адвокатуры, наполнился оронниками отрицательнаго направленія, которые образовали ень сильную корпорацію. Поставленная въ положеніе независи-е, вооруженная правомъ казнить и миловать, корпорація эта олучила возможность существенно вліять на ходъ общественныхъ ѣлъ, и ея вліяніе сказалось поощреніемъ самыхъ безобразныхъ вленій „новаго" строя жизни и безпощаднымъ бичеваніемъ всего, о носило слѣды „дореформенной" эпохи. Исторія новыхъ судовъ редставляетъ безчисленные примѣры пристрастныхъ въ этомъ мыслѣ рѣшеній. Органы правосудія, какъ извѣстно изъ дѣлъ За-уличъ, Петрункевича и др., не останавливались даже предъ покро-ительствомъ государственной крамолѣ. Правосудіе стало руково-иться не столько закономъ и правдой, сколько тенденціей.

Дворянство было устранено отъ участія въ мѣстномъ судѣ и ьборы мировыхъ судей предоставлены безсословнымъ органамъ ашего самоуправленія. Недостатки земскихъ и городскихъ учреж-еній отразились конечно на ходѣ мѣстнаго правосудія. Люди са-остоятельные и добросовѣстные, нежелавшіе участвовать въ интри-ахъ партій, стали уклоняться отъ выборовъ, отчего судебно-миро-ой институтъ началъ наполняться лицами, не имѣющими никакой вязи съ мѣстностью и не трудно предвидѣть, до какого нравствен-аго паденія дойдетъ это учрежденіе при такомъ порядкѣ вещей, ѣмъ болѣе, что избирающія мировыхъ судей коллегіи, какъ мы ыше видѣли разбирая наше самоуправленіе, постепенно ухуд-аются и понижаются въ своемъ составѣ.

Подъ вліяніемъ ложной доктрины у насъ плохо дѣйствовали не олько выборный судъ, но и судьи по назначенію отъ правительства. агистратура наша то и дѣло, что старалась поиграть въ поли-ику. „Русскія Вѣдомости"—органъ юристовъ-доктринеровъ, разъ-снилъ какъ-то съ большою наивностью причину необъяснимой стро-ости нѣкоторыхъ судебныхъ приговоровъ, жертвою которой сдѣ-ался, между прочимъ, редакторъ „Новаго Времени", помѣстившій алобу путешественника, недовольнаго въ Вѣнѣ какимъ-то тур-омъ, водящимъ туристовъ по городу.

Оказывалось, что Турція и турецкіе подданные тутъ были не ричемъ; суды наши вовсе-де не задаются ангельскою юстиціею,

которая желаетъ свои попеченія распространять одинаково на весь міръ и каждаго угнетеннаго, хотя бы на островѣ Исландіи, который бы сыскалъ у себя рубль, чтобы нанять „брехунца“, принимать подъ свою защиту для возстановленія чести и добраго имени считая, впрочемъ, эту честь и это доброе имя чѣмъ-то стоящимъ внѣ сомнѣній, разъ человѣкъ живетъ заграницею, а не въ бѣдной странѣ, только недавно еще вкусившей отъ судебной реформы. Изъ словъ „Русскихъ Вѣдомостей“ выходило, что суды дѣйствовали такимъ образомъ для поднятія русской литературы! Судебныя палаты замѣтили, что литература въ послѣдніе годы стала падать, дѣлаться *консервативною* и сочли нужнымъ принять мѣры.

„60-е и 70-е годы, говорятъ „Русскія Вѣдомости“, были, какъ извѣстно, временемъ наибольшаго разцвѣта русской публицистики. Получивъ впервые возможность безтрепетнаго служенія обществу, русская пресса отдалась ему со всѣмъ пыломъ молодого увлеченія. Промахи были неизбѣжны, но они свидѣтельствовали, что огласившій невѣрный фактъ дѣйствовалъ по самымъ похвальнымъ побужденіямъ. Судебная власть, разбиравшая прегрѣшеніе печати, хорошо видѣла эти побужденія и ради ихъ отпускала самыя прегрѣшенія. Благодаря такому направленію печати, стала въ судахъ нашихъ складываться весьма благопріятная для печати юриспруденція. Такимъ образомъ, юридическая презумпція (praesumptio juris) была всецѣло на сторонѣ печати! А это значило очень много если не все“...

Теперь другія времена. Но если сталъ замѣчаться поворотъ въ юриспруденціи, то, говорятъ „Русскія Вѣдомости“, „нужно сознаться, что поводъ къ тому дала сама печать. Подобно тому какъ 60-е — 70-е годы были свидѣтелями разцвѣта честной русской публицистики, такъ 80-е ознаменовались нарожденіемъ грязной, уличной, большой и малой прессы, которая забыла великій завѣтъ Гоголя, что съ печатнымъ словомъ нужно обращаться честно“... Реакція и сказалась въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Въ прежнее время была вещь неслыханная, чтобы за диффамацію когда нибудь судъ назначилъ арестъ; до такой степени онъ вышелъ изъ употребленія, что многіе даже думали, что по закону и нельзя присуждать за диффамацію къ аресту. Теперь судебная власть, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, *вынуждена* была вспомнить объ имѣющемся въ ея распоряженіи „quos ego“ и присуждать къ тюремному заключенію за диффамацію.

Словомъ, виновата „позорная“ печать 80-хъ годовъ. Хотя она

и прикрывается „всѣми нужными щитами полицейской благонадежности“, но не выдерживаетъ сравненія съ „честною“, „безтрепетною“ печатью 60-хъ годовъ. Газетѣ на это можно бы напомнить, что она имѣетъ короткую память, такъ какъ питающіеся уличными скандалами органы преспокойно существовали въ 60-хъ и 70-хъ годахъ — достаточно вспомнить хотя процессы А. Заруднаго и И. Арсеньева — диффамація же процвѣтала тогда гораздо болѣе нынѣшняго и вовсе не безтрепетно, ибо что такое была, напримѣръ, знаменитая въ свое время „Искра“, какъ не сплошная диффамація, подъ самыми прозрачными псевдонимами еженедѣльно, съ цензурнаго благословенія, касавшаяся чести и добраго имени сотенъ лицъ. „Русскія Вѣдомости“ также забыли процессъ В. А. Крылова въ 60-хъ годахъ, который за диффамацію былъ приговоренъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы и выполнилъ этотъ срокъ. Но не въ этой исторической поправкѣ дѣло. Дѣло въ принципѣ: въ правѣ ли судъ увлекаться литературными теченіями и сообразно съ тѣмъ измѣнять свою юриспруденцію?

Если отбросить „щиты полицейской благонадежности“ и т. п. зоологическіе эпизоды „Русскихъ Вѣдомостей“, заимствованные изъ языка стараго подцензурнаго времени, то аргументація московской газеты сводилась къ тому, что, молъ, когда печать была „честная“, т. е. радикальная (въ понятіяхъ радикаловъ только они одни и честны, хотя состояніе кассъ земскихъ, городскихъ, судебныхъ и др. радикальныхъ учрежденій доказываетъ лучше всего противное), то судъ ей мирволилъ, теперь же, когда началась „реакція“, судъ долженъ сдѣлаться къ печати гораздо строже.

Но, принимая въ основаніе аргументацію „Русск. Вѣд.“, можно объяснить эту перемѣну иначе: пока печать добродушно относилась къ нашей „судебной республикѣ“, прощала ея увлеченія и ошибки, не замѣчала господствовавшаго въ ней фаворитизма, умалчивала о ежедневныхъ печальныхъ и комическихъ явленіяхъ и восхищалась не только судебной реформой, но и новыми судьями въ такой степени, что это сдѣлалось для печати общимъ мѣстомъ, избитымъ клише, которое также ежедневно вставлялось метранпажами въ газетныя гранки, какъ цѣна подписки или объявленія о мальцъ-экстрактахъ — судъ законно или незаконно мирволилъ печати. Но вотъ печать бросила дифирамбы и стала относиться къ суду критически — суды желаютъ воздѣйствовать на нее, вымещая на отдѣльныхъ представителяхъ свое неудовольствіе господствующей въ общественномъ мнѣніи „реакціей“...

Въ самомъ дѣлѣ, если судъ является полемистомъ въ дѣлахъ о печати, какъ можно заключать по „Русск. Вѣд.“, то почему же на эту судебную полемику, вооруженную приговорами къ тюрьмамъ, слѣдуетъ смотрѣть только съ точки зрѣнія крайняго защитника суда, какимъ является московская газета? Если судьи берутся не за свое дѣло, то вѣроятно они свое дѣло хорошо исполняли, что судъ производится „скорый и правый“, что судъ — совершенство, не требующее даже никакой критики и что судьямъ ничего не осталось дѣлать, какъ играть въ карты или заняться тюремною полемикою съ печатью? Но кто-жъ не знаетъ, что это не такъ? Кому не приходилось читать указаній печати на различныя судейскія разъясненія, которыя ведутъ къ ослабленію авторитета власти и къ увеличенію господствующаго повсемѣстно въ провинціи непорядка, на постоянное проигрываніе казною дѣлъ въ судебныхъ палатахъ, на возмутительные приговоры присяжныхъ, въ которыхъ нерѣдко виноваты не присяжные, а неумѣлое руководство судебными преніями въ окружныхъ судахъ и невозможно плохое производство судебныхъ слѣдствій, на многочисленныя прорѣхи въ мировой юстиціи и т. д. и т. д.? Да что указанія печати? Всѣ эти явленія обратили на себя вниманіе даже Министерства Юстиціи, часть ихъ засвидѣтельствована оффиціальными документами?... Какое же право у суда вести полемику посредствомъ тюремъ, если самъ онъ нуждается въ покаяніи и эпитиміяхъ?..

„Московскія Вѣдомости“ принялись крѣпко за судебную реформу и требовали коренной ломки уставовъ 1864 года. Мы не пойдемъ такъ далеко. Никакіе уставы не имѣютъ силы безъ людей, а съ хорошими людьми и всякіе уставы сносны, а не только нынѣшніе. Англійская юстиція почти до послѣднихъ лѣтъ имѣла совершенно средневѣковое устройство; до сихъ поръ въ низшихъ инстанціяхъ Англіи власть судебная не разграничена съ административной, только съ прошлаго года разграничена она съ земскимъ хозяйствомъ; это не мѣшало, однако, англійской юстиціи быть образцомъ и примѣромъ для юстиціи другихъ государствъ. Поэтому, вмѣсто ломки судебныхъ уставовъ, достаточно измѣнить въ нихъ только наиболѣе вопіющія части, особенно касающіяся присяжныхъ и адвокатуры, которыя не вяжутся ни съ нашимъ государственнымъ устройствомъ, ни съ исторіей, ни съ народнымъ бытомъ и нравами общества, а сверхъ того слѣдуетъ нѣсколько „почистить“ суды.

Операція эта крайне деликатная, но неизбѣжная, особенно если справедливо, какъ увѣряли „Русскія Вѣдомости“, что многихъ

судебныхъ чиновъ, вопросы литературные болѣе занимаютъ, чѣмъ интересы правосудія. Чины эти, обвиняя какого-либо литератора, вѣроятно желали не возстановить попранныя права, а уязвить какихъ-то непріятныхъ имъ агитаторовъ противъ „судебнаго самоуправства“. Могутъ ли быть однако допускаемы подобные порядки на судебной службѣ? Если Франція съ ея вѣковыми судебными учрежденіями не могла потерпѣть, чтобы политика и всякія посторонніе правосудію соображенія замѣшивались въ функціонированіе суда, то тѣмъ болѣе поблажка такому политиканству невозможна у насъ.

Да не подумаютъ, впрочемъ, что мы рекомендуемъ гекатомбы сдѣлавшихъ карьеру правовѣдовъ и другихъ фаворитовъ слѣпой Ѳемиды. Ничего подобнаго не требуется. При мягкости и безцвѣтности русскаго интеллигента достаточно нѣсколькихъ справедливыхъ примѣровъ, чтобы остальная масса быстро вошла въ надлежащія рамки и думала бы не о правахъ турецкихъ поддаиныхъ въ Австріи, а о ежедневно нарушаемыхъ правахъ русскихъ поддаиныхъ въ Россіи...

Уничтоженіе суда присяжныхъ и обузданіе адвокатуры (эти двѣ вещи между собою тѣсно связаны, ибо адвокатура преимущественно пользуется невѣжествомъ присяжныхъ), особенно настоятельны. Изъ свѣдѣній, собранныхъ г. В. Фуксомъ въ его прекрасной книгѣ: „Полиція и судъ“, видно, что за одно полугодіе 1888 г. присяжные произнесли 24 совершенно безсмысленныхъ вердикта, и гдѣ же? въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, т. е. въ наиболѣе интеллигентныхъ центрахъ нашей общественной жизни. А какіе вердикты произносились присяжными въ отдаленныхъ мѣстахъ, откуда не доходятъ извѣстія въ газеты въ теченіи двадцати пяти лѣтъ дѣятельности новыхъ судовъ?

Таганрогская таможенная эпопея, разбиравшаяся въ Харьковѣ, можетъ служить образчикомъ тѣхъ судилищъ, гдѣ фигурируютъ присяжные, иронически прозванные у насъ „представителями общественной совѣсти“. По этой общественной совѣсти выходитъ будто бы воровать не могутъ только богатые купцы, да и тѣ заслуживаютъ за это „снисхожденія“, для мелочи же купеческой и чиновной, а особенно для нижнихъ чиновъ честность — не обязательна. Само собою, что такая безнравственная теорія не высказывалась нашими присяжными, но какъ истинно русскіе люди (въ составѣ харьковскихъ присяжныхъ не было, кажется, ни одного жида), они, обвиняя нѣсколькихъ подсудимыхъ, истощили на этомъ весь запасъ энергіи и

довольные такимъ проявленіемъ строгости, сочли за собою нравственное право оправдать всѣхъ остальныхъ. Кто бывалъ присяжнымъ засѣдателемъ, подтвердитъ, что именно такъ постановляются у насъ всѣ приговоры. Сантиментальность обыкновенно заглушаетъ логику и уваженіе къ общественнымъ интересамъ. Интересны также отношенія къ суду нашей присяжной адвокатуры.

— Удивительное дѣло, замѣтилъ одно высокопоставленное лицо, разсуждая о таганрогскомъ процессѣ: на слѣдствіи всѣ эти провинціальные купцы и чиновники струсили и во всемъ сознавались, но когда наѣхали адвокаты, да еще столичные, тѣ же подсудимые набрались храбрости, стали запираться и отказываться отъ собственныхъ показаній"...

Въ этихъ словахъ горькая истина. Пробѣгая отчетъ о процессѣ, поражаешься, какъ постоянное обращеніе въ средѣ дѣльцовъ, расхитителей и воровъ понизило нравственный уровень нашей адвокатуры. Одною изъ цѣлей гласнаго суда предполагалось воспитаніе общества въ началахъ справедливости и доброй нравственности, выходитъ же наоборотъ, что отъ судебной практики люди, которыхъ ранѣе знали за почтенныхъ, не стыдятся проповѣдывать открыто самыя циническія и возмутительныя теоріи, и все это подъ предлогомъ іезуитскаго правила: „цѣль оправдываетъ средства". Какъ будто бы и дѣйствительно задача юстиціи состоитъ въ томъ, чтобы наибольшее число воровъ и другихъ преступниковъ ускользало отъ наказанія. Какъ будто бы адвокатъ имѣетъ право гордиться, если краснорѣчивыми софизмами, уловками, увертками ему удалось оправдать заѣдомаго мошенника.

Мы не станемъ перечислять всѣхъ перловъ адвокатскаго кривотолка, разсыпанныхъ на процессѣ въ Харьковѣ, но не можемъ не обратить вниманія, что прокуроръ палаты, г. Закревскій — имѣющій, замѣтимъ, репутацію либерала — вмѣсто того, чтобы громить недсудимыхъ, счелъ нужнымъ прочесть наставленіе адвокатамъ, какъ бы приглашая ихъ вадить нравственное чувство подсудимыхъ.

Дѣйствительно, можно ли было спокойно слушать, какъ г. Пассоверъ доказывалъ, что допущеніе экспертизы, разъяснившей путаницу таможенной процедуры, есть нарушеніе справедливости по отношенію къ подсудимымъ, или какъ г. Андреевскій просилъ прокурора не задавать вопросовъ его кліенту, который, какъ слабохарактерный человѣкъ, начнетъ еще сознаваться, хотя законъ даетъ ему право молчать. Г. Андреевскій не сообразилъ, видно, что, если законъ, подражая англійскимъ порядкамъ, даетъ подсудимому право

не отвѣчать на вопросы, то это не значитъ, что законъ рекомендуетъ подсудимому непремѣнно запирательство и не цѣнитъ чистосерденнаго сознанія и раскаянія.

Это еще сравнительно мелочи. Но что сказать о преслoвутомъ г. Александровѣ, защищавшемъ контрабанду вообще, какъ „психологическое“ отвращеніе отъ взноса „несимпатической и непопулярной повинности“. Интересно, гдѣ это такіе симпатическіе налоги и повинности? Развѣ налоги въ пользу адвокатовъ съ подсудимыхъ? Недоставало еще, чтобы г. Александровъ потребовалъ, чтобы судили не контрабандистовъ, а пограничную стражу—этихъ „современныхъ корсаровъ“, по словамъ одного такого же прелюбодѣя мысли, къ счастью, французскаго. Далѣе г. Александровъ утверждалъ, что подкупъ и соблазнъ чиновниковъ вовсе не есть преступленіе, хотя и значатся у насъ въ уложеніи. Упомянутый выше г. Пассоверъ—краса еврейской адвокатуры въ Петербургѣ—находилъ обкрадываніе казны провозомъ контрабанды среди пассажирскаго багажа весьма естественнымъ, почти похвальнымъ, за что и получилъ справедливый реприманднъ отъ прокурора. Отличился и г. Карабчевскій, хватившій, будто доносеніе о преступленіи есть шпіонство, дѣло позорное, коимъ должны заниматься лица, избравшія шпіонство своей профессіей, и наивно полагавшій, что его кліента Чуле обвиняютъ не за подлоги и злоупотребленія, а за „высшее образованіе“.

Приведенныхъ отрывковъ адвокатскаго краснорѣчія достаточно, чтобы указать, каковъ критерій юридическихъ и нравственныхъ понятій у людей, мнящихъ себя цвѣтомъ нашей адвокатуры. Что же должна изображать изъ себя мелкая адвокатская сошка, и особенно та часть ея, которая спеціально избрала задачею эксплуатацію крестьянскаго сословія? Какой сумбуръ въ понятіяхъ вынесли сотни лицъ разныхъ сословій изъ разныхъ городовъ Россіи, присутствовавшіе на процессѣ и слушавшіе вольно и невольно эти прелести? Само собою разумѣется, что вся защита адвокатовъ вращалась на томъ, что виноваты не таганрогскіе подсудимые, а высшее таможенное начальство, по нерасторопности или небрежности котораго таможенный уставъ нашъ не измѣняется и штаты таможень не соотвѣтствуютъ труду чиновниковъ.

Нельзя, конечно, отрицать ни устарѣлости нашихъ таможенныхъ порядковъ, ни неудовлетворительности устройства той или другой таможни, но обобщать эти явленія, а тѣмъ болѣе оправдывать ими отдѣльныя преступленія нѣтъ никакого основанія. Сложность та-

моженной процедуры и недостатокъ лицъ могли оправдывать задержку въ очисткѣ товаровъ, ошибки въ опредѣленіи пошлинъ и т. п. проступки, но никакъ не объяснять систематически организованнаго воровства, которое нѣсколько лѣтъ подъ рядъ практиковалось въ таганрогской таможнѣ.

Таможня, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ, казенные заводы, интендантство, кораблестроеніе, городское и земское хозяйство повсюду служатъ ареною для воровства. Будетъ ли это происходить въ деспотической Турціи или свободной Америкѣ, въ монархической Англіи или республиканской Франціи, всегда въ этихъ сферахъ государственной дѣятельности злоупотребленія наиболѣе часты и сильны. Дѣло, значитъ, не въ регламентахъ или числѣ чиновниковъ, а въ законѣ, по которому людское корыстолюбіе прямо пропорціонально количеству предметовъ, удобныхъ для покражи. Очень легко быть честнымъ тамъ, гдѣ не представляется случаевъ для воровства, хотя, конечно, есть исключенія и въ подобныхъ случаяхъ, какъ въ видѣ исключенія бываютъ милліонеры, зачитывающіе чужія книги или ворующіе бездѣлушки.

Тотъ или другой регламентъ облегчитъ или затруднитъ надзоръ, но предупредить или вызвать преступленіе онъ не можетъ. Совсѣмъ другая роль суда. Если бы наша „общественная совѣсть“ не оправдывала такъ много преступниковъ и не проявляла бы капризно неумѣстную строгость къ однимъ и еще чаще столь же неумѣстную снисходительность къ другимъ, то конечно случаи хищеній были бы гораздо рѣже. Требовать же, чтобъ русскія таможни имѣли какое-то идеальное устройство—рѣшительно невозможно, на это не достанетъ ни денегъ ни людей. Таможни наши не хуже и не лучше множества другихъ административныхъ учрежденій и улучшатся онѣ параллельно съ послѣдними.

Адвокатскихъ безобразій можно бы собрать томы. Не успѣла, напримѣръ, публика успокоиться отъ возмутительной рѣчи одного изъ московскихъ прелюбодѣевъ мысли, доказывавшаго, что почтовымъ чиновникамъ красть весьма даже похвально, если они своимъ воровствомъ думаютъ досадить князю Бисмарку и берлинскимъ банкирамъ, какъ подобный же субъектъ на восточной окраинѣ Россіи проповѣдывалъ не менѣе безнравственныя теоріи.

Въ Екатеринбургѣ разбиралось дѣло о двухъ горнопромышленникахъ, которые, устроивъ фиктивную разработку платины, въ сущности скупали платину, украденную съ промысловъ наслѣдниковъ Демидова Санъ-Донато. Такъ какъ означенные воры не не-

суть тѣхъ накладныхъ расходовъ, которые имѣютъ заводы Демидова по содержанію администраціи, по платежу государственныхъ и земскихъ налоговъ, въ томъ числѣ, полуторной горной подати (какъ заводы посессіонные), по обезпеченію обширнаго горнозаводскаго населенія, по охраненію приписанныхъ къ заводамъ казенныхъ лѣсовъ и пр., то понятно они могли давать за такъ называемую „старательскую“ платину нѣсколько дороже за золотникъ, чѣмъ даетъ заводская администрація, почему рабочимъ и было выгодно сбывать похищенную платину. На этомъ-то екатеринбургскій адвокатъ и построилъ свою аргументацію.

Онъ указалъ на то, что „золотопромышленники, подобные Скрябину или Бочкову (такъ назывались воры), являются *благодѣтелями* рабочихъ, и если съ юридической *чисто формальной* стороны они виноваты, то, по существу, ихъ слѣдуетъ *наградить*, а не карать“... Кража драгоцѣнныхъ металловъ да еще съ казенныхъ земель (особенно у насъ строго наказуемая) это, изволите ли видѣть, „чистая формальность“, воровъ же, если они изъ украденнаго дѣлятся со своими сообщниками, слѣдуетъ „награждать“, ибо они народные „благодѣтели!“

Любопытно, какъ могли быть допущены такія возмутительныя рѣчи, и гдѣ же—на судѣ, который и созданъ для того, чтобы водворять въ народѣ чувство законности. Слѣдуетъ удивляться, какъ предсѣдатель суда не прекратилъ произнесеніе означенныхъ софизмовъ, а затѣмъ спросить, къ чему же провинціальнымъ окружнымъ судамъ даны права совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ? Очевидно для того, чтобы они слѣдили за нравственнымъ состояніемъ адвокатовъ и въ случаѣ слишкомъ яснаго проявленія преступнаго мысли привлекали виновныхъ къ отвѣтственности.

Вопросъ этотъ вовсе не маловаженъ, онъ выходитъ изъ рамокъ текущаго судебнаго разбирательства и получаетъ значеніе государственнаго. На Уралѣ напр. населеніе и безъ того поголовно склонно къ воровству драгоцѣнныхъ металловъ. Прогрессъ гуманности сдѣлалъ то, что дѣла по этой части, до 1870 года разбиравшіяся военнымъ судомъ, переданы общей гражданской юстиціи. Но едва ли прогрессъ долженъ простираться до полной безнаказанности преступленій и до того, что являлись люди, которые публично на судѣ увѣщевали населеніе воровать, ибо въ этомъ не только нѣтъ преступленія, но усматривается даже общее благо.

Курьезно еще, что корреспондентъ „Новостей“, сообщавшій о процессѣ, хотя и не скрывалъ, что судились обыкновенные воры, но

считалъ нужнымъ ехидно замѣтить, что Демидовы, продавая свою платину въ Англію, ничѣмъ не рискуя и не затрачивая ни копѣйки, наживаютъ будто бы руками старателей по 3,000 р. на пудъ, а Франція, конкуррируя съ Англіей, платитъ за русскую платину до 5,500 руб., такъ что англичане, въ свою очередь, наживаютъ по 1,000 руб. на пудъ.

Если демидовскіе заводы имѣютъ большіе барыши отъ платины, то за то имѣютъ огромные, несравненно по суммѣ большіе, убытки отъ выплавки мѣди, выдѣлки рельсовъ и добычи каменнаго угля, слѣдовательно тутъ только частица обширнаго горнозаводскаго хозяйства. Если французы покупаютъ платину въ Англіи, а не на Уралѣ, то вѣроятно имѣютъ для того свои вѣскія причины. Во всякомъ случаѣ какое отношеніе означенныя замѣчанія корреспондента имѣли къ дѣлу о воровствѣ платины? Вѣдь если заводы и не получали бы ничего кромѣ барышей, то это представляло бы лишь счастливую случайность, которой можно завидовать, но это нисколько не уполномочиваетъ публику красть изъ заводскихъ кармановъ, хотя бы и съ благословенія гг. адвокатовъ и корреспондентовъ.

Господа россійскіе адвокаты положительно хотятъ создать новый кодексъ нравственности, не только не имѣющій ничего общаго съ заповѣдями Господними и съ гражданскими законами всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, но прямо имъ противоположный. Недаромъ г. Неклюдовъ, также бывшій когда то либераломъ, возмущенный тѣмъ, что ему по обязанности оберъ-прокурора приходится читать и слышать, просилъ Сенатъ установить надъ адвокатурой строгій контроль. По его словамъ, значительная часть нареканій на новые суды „заслуженно падаетъ на долю защиты, прибѣгающей къ однимъ и тѣмъ же неблаговиднымъ средствамъ: къ обѣленію злодѣя и стремленію во что бы то ни стало, не стѣсняясь ничѣмъ, отмстить, распять и свидѣтелей, и потерпѣвшихъ, обвинительную власть и законъ".

ГЛАВА XX.

Школа.

Потребности нашей школы.—Объ умственномъ пролетаріатѣ.—Новый университетскій уставъ.—Тѣлесныя наказанія въ школѣ.—Женское образованіе.

„Какъ тѣло, говорилъ геніальный кардиналъ Ришелье въ своемъ духовномъ завѣщаніи, — которое во всѣхъ частяхъ имѣло бы глаза, несомнѣнно являлось бы уродливымъ, такъ и государство станетъ уродливымъ, если всѣ его подданные сдѣлаются учеными. Никто не будетъ тогда повиноваться, а гордость и самонадѣянность станутъ обыкновеннѣйшимъ явленіемъ". Вотъ слова, которыя объяснятъ многія страницы нашей новѣйшей исторіи!

Злодѣяніе 1-го марта вызвало безконечныя разсужденія о причинахъ, породившихъ у насъ явленія самаго революціоннаго характера. Причины эти давно были очевидны, но либеральное лицемѣріе не дозволяло формулировать ихъ съ достаточною ясностью, и если и позволяло, то не давало все-таки возможности осуществить рядъ мѣропріятій, способныхъ сдѣлаться частью правительственной программы, которая замѣнила бы систему реакціонныхъ или прогрессивныхъ замазываній, которой мы упорно держались.

Къ счастью, иностранцы могутъ бить откровеннѣе насъ на этотъ счетъ. „Times", напримѣръ, въ прекрасной статьѣ, прямо обвинилъ нашу систему воспитанія, считающуюся у насъ образомъ чего-то ужасно прогрессивнаго, способнаго съ оранжерейной быстротой создать въ Россіи такое число быстрыхъ разумовъ Платоновъ и Невтоновъ, которое сразу поставитъ русскую культуру на уровень съ культурою Западной Европы. Само собою разумѣется, что мы говоримъ не о педагогическихъ системахъ классицизма или реализма, имѣющихъ каждая и свои достоинства и свои недостат-

ки, а о системѣ воспитанія въ политическомъ смыслѣ, начатой еще съ конца XVII вѣка и съ тѣхъ поръ тщательно и энергически поддерживаемой.

Дѣйствительно, уже съ Петра Великаго началась погоня за „новыми людьми“; ихъ на казенныя средства правительство думало создать какъ бы внѣ той среды, которую представляло современное общество и народъ. Петръ приготовлялъ себѣ такимъ образомъ чиновниковъ и офицеровъ; Бецкій думалъ создать новую породу людей изъ подкидышей, лишенныхъ всякаго общенія съ окружающимъ міромъ, и новую породу матерей изъ дѣвочекъ, удаленныхъ съ семилѣтняго возраста изъ родительской семьи; Сперанскій полагалъ въ поповичахъ и кутейникахъ найти матеріалъ для идеальной бюрократіи; императоръ Николай въ школахъ кантонистовъ искалъ средствъ для воспитанія народа на началахъ строгой дисциплины. Все это явленія одного порядка — поставить систему воспитанія въ исключительную зависимость отъ казенной потребности, понимаемой съ односторонней и узкоутилитарной точки зрѣнія.

Новое время не принесло намъ на этотъ счетъ ничего новаго. Реформа потребовала много людей съ извѣстной суммой образованія, развивающаяся экономическая дѣятельность также выказала недостатокъ людей съ техническою подготовкою, и вотъ пошли въ ходъ старые пріемы для приготовленія необходимыхъ государству людей. Нашъ воспитательный идеалъ состоитъ не въ томъ, чтобы разливать образованіе во всѣхъ сферахъ, чтобы сапожникъ могъ найти для своего сына хорошую ремесленную школу, чтобы среднія учебныя заведенія давали дѣтямъ средняго сословія, зажиточнаго купечества, чиновниковъ возможность дѣльнаго и толковаго воспитанія, чтобы немногочисленныя высшія учебныя заведенія стали храмами науки, богатыми средствами, независимыми, со слушателями не ищущими и потому не имѣющими ни времени, ни желанія посѣщать лекціи; чтобы эти храмы были поставлены въ такой средѣ, гдѣ жизнь не тягостна для молодежи, спокойна; чтобы техническія заведенія строго удовлетворяли потребностямъ въ техникахъ, а не служили сборищемъ юныхъ карьеристовъ, ищущихъ чиновъ и наживы въ будущемъ, а до времени считающихъ дурнымъ тономъ посѣщать лекціи.

Нѣтъ, наша система воспитанія сводится къ воспроизведенію Ломоносовыхъ. Намъ все кажется, что въ темной массѣ разсѣяны въ неизвѣстности геніи, которые должны быть отысканы и, какою

ı было бы ихъ первоначальное положеніе, какова бы ни была среда, гдѣ они вращались, на казенныя средства возведены на епень академиковъ и свѣтилъ науки. Эта погоня ведетъ къ тому, о мы снабжаемъ казенными стипендіями даже такія учебныя заденія, которыя и безъ того не знаютъ какъ избавиться отъ изтка желающихъ получить въ нихъ образованіе. Между тѣмъ на и растраченныя стипендіи, собранныя вмѣстѣ, можно бы создать мѣсленную школу въ уѣздномъ городѣ или опытную ферму въ ревнѣ.

Результатъ существующей системы всѣмъ извѣстенъ: Ломоновыхъ, ни даже четверть-Ломоносовыхъ, не отыскивается, масса людей получаетъ поверхностнѣйшее образованіе и въ то же емя, когда среднихъ школъ мало, профессіональныхъ еще меньше, ісшія, къ несчастію сосредоточившіяся еще въ столицахъ, гдѣ изнь дорога и полна для молодежи лишеній и соблазновъ и выдна только профессорамъ-карьеристамъ, считаютъ тысячи номильныхъ слушателей. Оттого найти хорошаго повара или честго кассира даже въ столицѣ считается вещью почти невѣроятю, а плохихъ инженеровъ съ красивыми дипломами и адвокатовъ ъ малѣйшей опытности—сотни. О воспитаніи нѣтъ нигдѣ рѣчи, ша школа заботится исключительно, чтобы снабдить мозги модыхъ людей отрывками научныхъ познаній, поэтому понятія ига постепенно падаютъ, а въ искусствѣ приготовлять динамитe составы наша молодежь удивляетъ даже спеціалистовъ.

Очевидно, что здѣсь-то широкое поле для революціонной проганды. Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ „Times“, массѣ отыть въ Россіи и, скажемъ даже, облегченъ дост пъ къ цивилиціи, но она совершенно не подготовляется воспитаніемъ къ сонію своихъ правъ и обязанностей. Низшіе и даже средніе ассы въ своей средѣ живутъ такъ же, какъ жили триста лѣтъ му назадъ, а интеллигенція вращается въ искуственно созданной иосферѣ политическихъ мечтаній, навѣянныхъ исключительно адными образцами.

„Проживая гдѣ нибудь въ деревнѣ, писалъ „Times“, молодой овѣкъ ни о какихъ высокихъ предметахъ не думалъ и не мечъ,—для этого ему не хватало образованія, его умственный гоонтъ былъ слишкомъ узокъ. Но вотъ онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ Москву въ качествѣ студента и тутъ обстановка его мѣняется. ъ начинаетъ заниматься самообразованіемъ, наталкивается на жество книгъ, развитіе его недостаточно, чтобы разобраться въ

массѣ новыхъ мыслей и впечатлѣній, онъ не въ состояніи отне
стись критически къ тѣмъ посуламъ всякихъ благъ, какіе встр
чаются ему въ книгахъ философскаго и коммунистическаго содер
жанія. Молодая, горячая голова воспріимчива, искренно и съ легк
вѣріемъ поддается совѣтамъ умозрительныхъ благодѣтелей челов
чества. Такимъ образомъ и создается мало по малу самообученны
и своеобразный реформаторъ. Наталкиваясь же на ненормальност
жизни, на проявленія произвола дурныхъ исполнителей закон
реформаторъ этотъ постепенно убѣждается, что съ этимъ необх
димо покончить и его молодыя силы должны быть употреблены н
борьбу съ этими аномаліями. Перенося отвѣтственность за все н
правительство, онъ направляетъ свои усилія на борьбу съ нимъ".

Тутъ что ни слово, то правда. У насъ достаточно гонялись з
призраками, усматривая политическую опасность вовсе не там
гдѣ она есть: то стѣсняли какое нибудь скромное мѣстное нач
наніе, то преслѣдовали газету за рѣзкую фразу, между тѣмъ обр
зованіе болѣе всего требовало самаго широкаго вниманія и уничт
женія бьющихъ глаза аномалій. Это образованіе рѣшительно н
соотвѣтствовало основному строю Россіи, ея быту и исторіи. Н
соотвѣтственное покровительство высшему образованію въ ущер
низшему должно было непремѣнно отозваться у насъ созданіем
умственнаго пролетаріата, представляющаго наиболѣе удобную поч
для всякаго рода анархическихъ теорій. Подобное явленіе зам
чается, впрочемъ, и заграницею и уже обращаетъ на себя внима
тамошнихъ публицистовъ.

„Пауперизмъ, котораго надобно теперь опасаться на Запад
говоритъ, напримѣръ Леруа Болье въ своей интересной книг
Essai sur la répartition des richeses"—книгѣ, замѣтимъ, написанн
хотя и въ оптимистическомъ, но крайне либеральномъ направл
ніи—не находится въ средѣ несчастныхъ, неумѣющихъ ни читат
ни писать, но именно въ средѣ людей образованныхъ, способны
къ кабинетнымъ занятіямъ; вотъ истинно бѣдные, которыхъ ци
лизація, если не примутъ надлежащихъ мѣръ, создастъ въ бу
щемъ легіоны"... „Созданіе и развитіе этого пауперизма подг
живаетъ даровое обученіе въ среднихъ и особенно высшихъ уч
ныхъ заведеніяхъ; поэтому всѣ лица, снабженныя дипломами, и ес
пролетаріи будущаго, тысячу разъ болѣе достойныя сожалѣн
вслѣдствіе непропорціональности между ихъ потребностями и и
средствами къ жизни, нежели простые рабочіе, которые въ бл
комъ будущемъ вездѣ, а теперь уже во многихъ мѣстахъ опла

ваются лучше, нежели всѣ эти полуученые, выходящіе изъ нашихъ поверхностныхъ школъ"...

Замѣчательно, что ничтожное вознагражденіе умственнаго труда проявляется даже въ такихъ странахъ, гдѣ представляется самое широкое поприще для человѣческой предпріимчивости. Въ Сиднеѣ, въ Австраліи, поденная плата каменьщику въ 8 часовую смѣну равняется 11—13 шиллингамъ, т. е. 5 руб., между тѣмъ образованные люди съ трудомъ получаютъ въ Сиднеѣ половину этого вознагражденія. Въ банкахъ, напримѣръ, легко имѣть хорошаго конторщика за 75 фунт. стерл. въ годъ. То же самое и во Франціи. Въ Парижѣ хорошій работникъ заработываетъ 7—8 франковъ въ день, не считая добавочныхъ часовъ, широко оплачиваемыхъ, въ итогѣ это составляетъ 2—2500 франковъ въ годъ, между тѣмъ чиновнику очень трудно найти мѣсто съ вознагражденіемъ болѣе 1500—1800 франковъ въ годъ.

Еще Прудонъ въ своихъ „Contradictions économiques" ужасался постоянно возрастающаго числа артистовъ, инженеровъ, архитекторовъ и проч. спеціалистовъ, ежегодно выходящихъ изъ школъ. Но что означала конкуренція въ этихъ сферахъ во времена Прудона сравнительно съ настоящимъ временемъ!

Само собою разумѣется, что распространеніе познаній — дѣло полезное, но не надобно упускать также изъ виду, что излишнее предложеніе умственнаго труда понижаетъ его цѣнность на рынкѣ. Поэтому при избыткѣ ревности правительства, общественныя и благотворительныя учрежденія легко превосходятъ надлежащую мѣру. Если, говоритъ Леруа Болье, сдѣлать высшее образованіе даровымъ, а техническое и среднее доступнымъ массѣ людей безъ состоянія и съ посредственными способностями, если учредить технической школы въ каждомъ городѣ, даже, какъ предлагаютъ, въ каждомъ кварталѣ города, то въ результатѣ подобнаго легкомысленнаго направленія получится ежегодное приготовленіе десятковъ тысячъ молодыхъ мужчинъ и женщинъ къ либеральнымъ профессіямъ, къ артистической карьерѣ, къ государственной службѣ и т. д., другими словами, получится искаженіе здравыхъ экономическихъ отношеній; предложеніе извѣстныхъ услугъ превзойдетъ значительно спросъ на нихъ, вознагражденіе за умственный трудъ понизится вѣроятно и въ обществѣ явится масса лицъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію.

Не смотря на эту опасность, большая часть государствъ идетъ именно по этому ложному пути. Между тѣмъ нѣтъ деликатнѣе воп-

роса о высшемъ и особенно техническомъ образованіи. Когда государство, вмѣсто распространенія общаго образованія, фабрикуетъ на свой счетъ ученыхъ, чиновниковъ, инженеровъ, артистовъ, мастеровъ и т. д., то оно беретъ на себя вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно непосильную задачу распредѣлять въ странѣ обязанности и трудъ. Оно какъ бы подражаетъ законодателямъ древности и среднихъ вѣковъ, когда опредѣлялось число работниковъ, долженствовавшихъ трудиться въ каждомъ отдѣльномъ ремеслѣ. Государство вмѣшивается такимъ образомъ въ рынокъ труда и опредѣляетъ предложеніе и спросъ, но очевидно, что, желая регулировать этотъ рынокъ, оно скорѣе вноситъ въ него смуту.

Эти разсужденія западныхъ публицистовъ, подтвердить которыя многочисленными примѣрами очень не трудно, заслуживаютъ вниманія нашего общества съ его стремленіемъ къ созданію стипендій и всяческихъ искусственныхъ поощреній высшаго образованія, гдѣ уровень просвѣщенія ставятъ въ прямую зависимость отъ числа лицъ, получившихъ дипломы казенныхъ учебныхъ заведеній. Какъ двѣсти лѣтъ назадъ академія наукъ была устроена въ Россіи ранѣе, чѣмъ появилась первая гимназія, такъ еще недавно образованіе Россіи мѣрилось числомъ стипендій, выданнымъ семинаристамъ и евреямъ въ университетахъ на счетъ сбора съ массы русскаго народа, остававшагося темнымъ и безграмотнымъ. Результаты извѣстны; реакція была естественна.

Франція, гдѣ вѣра въ то, что государство обязано на казенный счетъ сдѣлать всѣхъ образованными, особенно была сильна, подаетъ теперь примѣръ разочарованія. Не безъ нѣкотораго уличнаго скандала, возстановленъ тамъ сборъ за слушаніе лекцій въ факультетахъ, соотвѣтствующихъ нашимъ университетамъ. Сборъ этотъ составляетъ 120 франковъ въ годъ (около 50 руб.) съ каждаго студента, не считая сбора за право пользованія библіотекою съ слушателей словеснаго и юридическаго факультетовъ и за пользованіе лабораторіями съ математиковъ и естественниковъ.

Любопытно, что всѣ почти безъ исключенія органы французской печати одобрили это возстановленіе. Конечно, говорили они, сборъ, дающій всего 140—150 тыс. руб. въ годъ, совершенно ничтоженъ въ финансовомъ отношеніи для государства съ бюджетомъ слишкомъ въ милліардъ рублей, но важенъ не доходъ, а принципъ, по коему за высшее образованіе должны платить тѣ, которые его благами надѣются воспользоваться.

При настоящемъ положеніи вещей, по мнѣнію тѣхъ же орга-

новъ, знаніе грамоты и ариѳметики сдѣлалось вещью почти для всѣхъ необходимою. Государство обязано давать это познаніе, но и здѣсь дароваго исполненія означеннаго обязательства вправѣ требовать развѣ люди, лишенные всякихъ средствъ. Въ среднемъ образованіи роль государства должна быть гораздо уже. Государство можетъ открыть даромъ двери гимназій особенно выдающимся личностямъ, оно можетъ давать стипендіи какимъ-нибудь сиротамъ людей, сложившихъ голову за отечество, но несправедливо на счетъ народа воспитывать въ теченіе семи-восьми лѣтъ людей, добивающихся болѣе легкаго способа существованія въ либеральныхъ профессіяхъ. Тутъ кстати припомнить, что подобное стремленіе рѣзко бросалось въ глаза и у насъ въ южныхъ и западныхъ учебныхъ округахъ, гдѣ евреи, составляющіе только десятую часть населенія, занимали въ казенныхъ гимназіяхъ болѣе половины мѣстъ.

Даровое высшее образованіе, говорятъ французскіе публицисты, не имѣетъ ни предлога, ни извиненія. Хотя во Франціи число казенныхъ стипендій росло въ послѣднее время во всѣхъ факультетахъ, но идея платить жалованье молодымъ людямъ, чтобы они сидѣли въ аудиторіяхъ, одна изъ самыхъ странныхъ. Быть чиновникомъ еще на школьной скамьѣ—перспектива пріятная, но пора отказаться отъ подобнаго несправедливаго порядка вещей. Если кто желаетъ быть докторомъ, адвокатомъ, судьею, чиновникомъ, пусть заплатитъ за свое обученіе, а не требуетъ его отъ плательщиковъ налоговъ.

Вопросъ этотъ имѣетъ главнымъ образомъ соціальное значеніе черезчуръ даровое высшее и даже среднее образованіе производитъ постоянный переворотъ въ общественномъ складѣ и разрушаетъ то необходимое соотношеніе, которое непремѣнно должно существовать между различными классами общества. Въ цивилизованномъ государствѣ должно сохраняться извѣстное равновѣсіе сословій. Необходимо, чтобы часть населенія занималась тяжелыми работами, часть работала на фабрикахъ, часть посвящала себя земледѣлію или торговлѣ. Необходимо, чтобы гораздо меньшая часть предавалась изученію наукъ. Замѣнить эти отношенія и направить граждан къ либеральнымъ профессіямъ, безъ того обремененнымъ людьми безъ дѣла, значитъ идти и противъ здраваго смысла и противъ природы вещей*).

*) Въ „Восточномъ Обозрѣніи“ къ свѣдѣнію учащихся сибирякъ сообщаетъ, въ какихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, высшихъ и спеціальныхъ,

Эти разсужденія, эти повторенія мысли Ришелье или вѣрнѣе мудрецовъ Греціи, которыя покажутся, конечно, многимъ нашимъ умникамъ „ужасно отсталыми“ и „ужасно пошлыми“ не трудно по отношенію къ Россіи иллюстрировать безчисленнымъ множествомъ конкретныхъ примѣровъ.

Мы знаемъ, напримѣръ, въ Петербургѣ заведеніе, приготовляющее спеціалистовъ, имѣющихъ весьма ограниченный кругъ дѣятельности. Заведеніе это и безъ стипендій и пособій стоило бы правительству очень дорого, 120,000 р., что при десяткѣ потребныхъ ежегодно спеціалистовъ опредѣляетъ расходъ на каждаго изъ бюджета, т. е. изъ доходовъ массы населенія, въ 12,000 р. Желающихъ поступить въ означенное заведеніе является ежегодно 300—400, принимается по конкурсному испытанію и по протекціи 30—40. Казалось бы о чемъ хлопотать еще, разъ желающихъ добыть спеціальный дипломъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ имѣется мѣстъ въ училищѣ? Что же дѣлаетъ заведеніе? Оно собираетъ за право слушанія лекцій по 60 р. въ годъ со студента и тѣмъ же студентамъ выдаетъ обратно въ пособіе. Это составляетъ сумму въ $16^1/_2$ тыс. р., которую болѣе состоятельные люди вносятъ въ пользу менѣе состоятельныхъ или же болѣе склонныхъ къ попрошайству. Сверхъ того, ежегодно раздается тѣмъ же студентамъ разныхъ стипендій и пособій до 20 тыс. р., не считая случайныхъ сборовъ отъ концертовъ и т. п. Раздѣляя на число потребныхъ государству спеціалистовъ, оба вида пособій составятъ еще по 4,000 р. на каждаго т. е. такую сумму, на которую можно содержать прекрасную сельскую школу въ теченіи цѣлаго года. Всего значитъ каждый спеціалистъ вышеозначеннаго заведенія, примѣняющій свои познанія на свою пользу, обходится казнѣ въ 18—20,000 р.

Спрашивается, почему это такъ дѣлается? А потому лишь, что всѣ высшія заведенія устроены у насъ на подобныхъ началахъ что до сихъ поръ господствуетъ предразсудокъ, будто государство не только должно доставлять высшее образованіе даромъ, но и приплачивать за него, и что чѣмъ менѣе у кого средствъ получить это образованіе, тѣмъ болѣе должны быть жертвы со стороны казны При этомъ никто не соображаетъ, что такого рода пожертвованія

можно получить образованіе въ Петербургѣ. Изъ сообщенія видно, что въ спиц имѣется школа массажистокъ,—полезное и для здоровыхъ сибирячекъ прекрасное поле для упражненія мускуловъ,—но изъ дальнѣйшаго объясненія усматривалось что для пріема въ эту школу требуется, какъ въ университ, диплом средняго образованія!

собираются съ той части населенія, для которой дорогъ каждый грошъ, и что они ведутъ въ сословномъ государствѣ, какъ Россія, къ созданію класса людей, находящихся внѣ дѣйствительныхъ условій жизни, оторванныхъ отъ почвы, несоотвѣтствующихъ по своему воспитанію тому кругу, гдѣ имъ придется вращаться, а нерѣдко даже и физически разстроенныхъ непосильною для молодого человѣка борьбою съ окружающей обстановкой.

По этому поводу нельзя не согласиться съ извѣстнымъ профессоромъ Крафтъ-Эбингомъ, который въ своей замѣчательной книгѣ „Нашъ нервный вѣкъ" указываетъ на стремленіе къ высшему образованію, какъ на одну изъ величайшихъ опасностей для будущихъ поколѣній.

„Стремленіе пробиться впередъ, говоритъ онъ, столь же развито, какъ и страсть возвыситься. Весьма естественно поэтому, что юноша часто избираетъ себѣ карьеру, которая не только превышаетъ матеріальныя средства родителей, но и его собственныя силы. Никогда еще наплывъ въ высшія мужскія и женскія учебныя заведенія не былъ такъ великъ, какъ въ настоящее время. Ясно, что при этихъ условіяхъ должна явиться масса бездарныхъ, неспособныхъ, посредственныхъ и соціально неразвитыхъ элементовъ, тормозящихъ нерѣдко дѣло развитія нашихъ учебныхъ заведеній, гдѣ многіе на неосторожно выбранномъ пути терпятъ крушеніе"...

Система колебаній по отношенію къ университетскому образованію, на которую справедливо указывали какъ на одинъ изъ главныхъ стимуловъ къ нигилистической крамолѣ, можно было видѣть на примѣненіи новаго университетскаго устава. По чрезвычайной осторожности всѣ старые студенты были оставлены по отношенію къ ихъ экзаменамъ подъ дѣйствіемъ отмѣненнаго устава 1863 года. Если такую реформу, какъ реформу 19-го февраля 1861 года, сочли возможнымъ примѣнить одновременно къ 20 милліонамъ, то трудно оцѣнить необычайную осторожность въ примѣненіи устава, касавшагося всего пяти учебныхъ заведеній. Администрація не можетъ же сама сомнѣваться въ достоинствѣ созданнаго ею новаго порядка вещей. Впрочемъ, можетъ быть, примѣненіе новаго университетскаго устава замедлилось лишь обыкновенными канцелярскими порядками, требующими глубокихъ размышленій надъ самыми простыми вещами.

Къ числу достоинствъ новаго университетскаго устава нельзя не отнести то, что при немъ сдѣлалось болѣе возможнымъ читать

лекціи надлежащимъ образомъ. У насъ, какъ мы говорили, вся заботливость по отношенію къ университетскому образованію сводилась къ искусственному привлеченію въ университеты, помощью чиновъ, привилегій по военной повинности, стипендій, пособій, подаяній и отчасти укрѣпленія въ обществѣ предразсудка, что человѣкъ, имѣющій университетскій дипломъ, пріобрѣтаетъ будто бы тѣ умственныя качества, которыхъ у него отъ рожденія не было. Это утроило число студентовъ, но никто не позаботился раздвинуть стѣны университетовъ для помѣщенія всѣхъ привлеченныхъ такимъ образомъ слушателей.

Пока занятія студентовъ ограничивались обсужденіемъ въ кухмистерскихъ и товарищескихъ квартирахъ высшихъ политическихъ и философскихъ вопросовъ, посѣщеніе же лекцій профессоровъ, кромѣ нѣсколькихъ, любившихъ на лекціяхъ ввертывать радикальныя фразы, считалось наивною нелѣпостью или признакомъ дурного тона, дѣла шли хорошо. Совсѣмъ иначе пошло, когда студентовъ стали „подтягивать“ и требовать, чтобы они исправно посѣщали лекціи. При этомъ выяснилось, что если бы всѣ студенты дѣйствительно явились на лекціи, то имъ недостало бы мѣста въ аудиторіяхъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія давно это знало и неоднократно заявляло, что настоятельная потребность расширенія университетскихъ помѣщеній несомнѣнна. Одинъ изъ товарищей министра, ревизуя Харьковскій университетъ, сдѣлалъ въ своемъ отчетѣ любопытное описаніе положенія послѣдняго. По словамъ отчета, „для цѣлей преподаванія въ Харьковѣ отданы всѣ помѣщенія, состоявшія въ распоряженіи университета: ни ректоръ, ни проректоръ квартиръ въ университетѣ не имѣютъ. Библіотека стѣснена до крайности. Зоологическій и зоотомическій кабинеты представляютъ скорѣе склады научныхъ предметовъ, пользованіе которыми для студентовъ дѣлается почти „невозможнымъ“. Одно изъ самыхъ дорогихъ научныхъ пособій университета — гербарій, помѣщается въ галлереѣ, неотапливаемой зимою и доступъ въ которую совершенно неудобенъ не только для студентовъ, но даже для преподавателей“.

За неимѣніемъ мѣста, Харьковскій университетъ не имѣлъ вовсе нѣкоторыхъ изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, полагаемыхъ уставомъ, напримѣръ, особаго отдѣленія химической лабораторіи для работъ по части токсикологіи и судебной медицины. Университетъ не имѣлъ спеціальныхъ клиникъ (кромѣ глазной), учреж-

віе которыхъ разрѣшается уставомъ и неотложно требуется современнымъ состояніемъ науки. Мало того, студентамъ негдѣ даже было повѣсить верхняго платья, такъ какъ ихъ около 1,000, а вѣшалокъ въ сборной комнатѣ 150. Число аудиторій такъ незначительно (свободныхъ 8), что на одну и ту же комнату нерѣдко предъявляли требованія одновременно нѣсколько профессоровъ. Аудиторіи, за исключеніемъ одной, тѣсны до того, что не вмѣщали часто и одной трети обязательныхъ слушателей. Преподаватели должны раздѣлять своихъ слушателей на группы (4, 6 и даже до 10) и заниматься по очереди съ каждою изъ группъ. Въ аудиторіи профессора физіологіи помѣщалось около 40 человѣкъ, а слушателей было 180. У профессора физики обязательныхъ слушателей до 300, а мѣстъ 60. У профессора гистологіи аудиторія имѣла всего 8 квадратныхъ саженъ, а слушателей 180. Практическія занятія по зоотоміи, по словамъ отчета, были немыслимы въ виду тѣсноты: мѣстъ—6, слушателей 180. У профессора химіи аудиторія вмѣщаетъ 70 лицъ, а слушателей 270; въ лабораторіи же 34 мѣста, а должно работать 350. У другого профессора химіи мѣстъ въ аудиторіи 70 и въ лабораторіи 30, а слушателей 300. Въ нѣкоторыхъ кабинетахъ предметы и препараты установлены въ шкафахъ въ шесть рядовъ, а матеріалъ, необходимый для лекцій, лежитъ на полу.

Не имѣя средствъ вмѣстить всѣхъ слушателей, университетъ, очевидно, не могъ ни требовать отъ студентовъ постоянныхъ и послѣдовательныхъ занятій, ни слѣдить за ними. Не представляя собой такой организаціи, при которой возможно было бы поставить учащуюся молодежь въ условія правильнаго, систематическаго труда, составляющаго лучшее средство для отрезвленія молодого ума, университетъ переставалъ исполнять свое назначеніе. Такимъ образомъ, замѣчается въ отчетѣ, „въ анормальныхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ которыя поставлена внутренняя жизнь Харьковскаго университета, слѣдуетъ прежде всего искать объясненія тѣхъ печальныхъ явленій, которыя ознаменовали нынѣшній (1881—1882) учебный годъ. Отсутствіе контроля надъ занятіями учащейся молодежи, обусловливаемое невозможностью установить для нея обязательность постояннаго и непрерывнаго труда, легко могло привести къ образованію той группы праздной и безпокойной молодежи, которая принимала дѣятельное участіе во всѣхъ безпорядкахъ... При невозможности требовать отъ каждаго изъ вступившихъ въ университетъ, чтобы онъ на первыхъ же порахъ принялся за ра-

боту, университетъ перестаетъ быть учебнымъ заведеніемъ, а дѣлается мѣстомъ постояннаго сборища падкой на увлеченія и неопытной молодежи, поставленной въ крайне неблагопріятныя нравственныя условія"...

Въ такомъ же положеніи, какъ Харьковскій, или въ подобномъ, находились, по всей вѣроятности, и другіе наши университеты въ моментъ когда студенты были въ такой модѣ у „мыслящихъ мозговъ".

Новый уставъ не раздвинулъ стѣнъ заведеній и кореннымъ образомъ не измѣнилъ тѣхъ привилегій, которыми приманивались къ университету люди, которые при нормальномъ порядкѣ вещей оставались бы сельскими дьячками или писцами въ земскихъ управахъ, но онъ по крайней мѣрѣ далъ возможность учиться. Извѣстно, что по новому уставу никто не обязанъ слушать всѣ факультетскіе предметы, можно слушать только нѣкоторые изъ нихъ; поэтому нѣтъ надобности для каждаго даже третьестепеннаго предмета имѣть аудиторію на 50 — 70 человѣкъ; затѣмъ, за слушаніе лекцій, по новому университетскому уставу, приходится платить деньги, а такъ какъ никто не пожелаетъ платить за слушаніе въ такой аудиторіи, куда даже и попасть нельзя, то очевидно, что каждый профессоръ будетъ имѣть только то число слушателей, которое позволяютъ размѣры заведенія.

Вопросомъ объ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній у насъ сильно занимались, но онъ все-таки рѣшенъ въ концѣ концовъ неудовлетворительно. Наилучшее рѣшеніе его было уже, впрочемъ, проектировано, а именно, чтобы гимназіи труднодоступныя готовили въ университеты и др. высшія учебныя заведенія, а реальныя школы служили сами по себѣ для окончательнаго полученія образованія для лицъ средняго сословія. Какъ и что надобно сдѣлать для реформы въ этомъ смыслѣ — конечно требуетъ болѣе подробныхъ разъясненій со стороны педагоговъ-спеціалистовъ. Мы должны заявить, однако, что наше мнѣніе клонится вовсе не къ ограниченію средствъ, затрачиваемыхъ правительствомъ на образованіе вообще, или къ прегражденію совершенно доступа въ высшія учебныя заведенія лицамъ низшихъ сословій. Но образованіе должно быть организовано разумно, широко и практически; оно не должно служить къ умственному вырожденію человѣчества—такъ какъ правъ былъ ораторъ, сказавшій, что только лѣнтяи въ школѣ годятся теперь къ чему нибудь въ практической жизни; оно должно

служить дѣйствительною школою для народа на всѣхъ ступеняхъ его жизни.

Къ числу разумныхъ и практическихъ мѣръ нельзя не отнести понятый въ административныхъ сферахъ вопросъ: не слѣдуетъ ли вновь ввести въ среднія учебныя заведенія тѣлесныя наказанія, которыя замѣнили бы выдачу „волчьихъ паспортовъ“ и тѣмъ хотя нѣсколько уменьшили бы число молодежи, лишаемой за дѣтскія продѣлки возможности получить кое-какое образованіе. Педагоги с.-петербургскаго учебнаго округа, спрошенные по этому поводу, отвѣтили, что признаютъ пользу тѣлесныхъ наказаній только въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, и то какъ послѣднее средство для неисправимыхъ воспитанниковъ, притомъ не иначе каждый разъ, какъ съ согласія родителей.

Эти многочисленныя оговорки покажутся быть можетъ смѣшными тѣмъ, кто помнитъ нашу педагогическую практику тридцать или сорокъ лѣтъ назадъ, когда преобладала теорія Іисуса сына Сирахова, что любя юношу необходимо сокрушать ему ребра. Не важутся онѣ и съ современною педагогическою практикою Германіи и Англіи. Но надобно радоваться и тому, что наши педагоги настолько просвѣтлѣли, что взглянули наконецъ на вопросъ практически и не воспользовались случаемъ, чтобы нагородить высокогуманной чепухи.

Въ утѣшеніе же тѣхъ, которыхъ возмущаетъ мысль, что можно будетъ вновь посѣчь какого нибудь двѣнадцатилѣтняго шалуна, а при случаѣ двадцатилѣтняго болвана, мы укажемъ, что одинъ изъ самыхъ модныхъ нынѣ философовъ—Шопенгауеръ, въ извѣстномъ сочиненіи: „Paregra u Paralipomena“, вышедшемъ въ 1851 году, доказываетъ, что и для взрослыхъ тѣлесное наказаніе одно изъ самыхъ естественныхъ, отвращеніе къ которому зависитъ только отъ предразсудка, искусственно воспитаннаго въ человѣчествѣ, и происхожденіе котораго онъ подробно разбираетъ въ своей книгѣ.

По мнѣнію Шопенгауера, безпристрастное изслѣдованіе убѣждаетъ, что бить также естественно для человѣка, какъ кусаться животнымъ плотоядным, или бодаться животнымъ, имѣющимъ рога. Человѣка по преимуществу можно назвать дерущимся животнымъ. Потому-то мы возмущаемся, слыша, что одинъ человѣкъ укусилъ другого, наоборотъ, давать и получать удары кажется для людей чѣмъ-то обыкновеннымъ и встрѣчается безпрерывно. „Понятно, говоритъ Шопенгауеръ, что люди высшаго образованія избѣгаютъ подобныхъ случайностей, ограничивая свои естествен-

ныя наклонности, но жестоко убѣждать цѣлый народъ, или даже одинъ какой-либо классъ общества, будто получить ударъ есть невообразимое бѣдствіе, которое вызываетъ въ возмездіе смерть и человѣкоубійство. Въ этомъ свѣтѣ слишкомъ много настоящихъ бѣдствій, чтобы было разумно изобрѣтать воображаемыя, которыя влекутъ, однако, за собою настоящія, но такова сила этого злаго и глупаго предразсудка".

Согласно съ подобнымъ взглядомъ Шопенгауеръ не одобряетъ правительствъ и законодательныхъ собраній, помогающихъ укрѣпленію предразсудка, уничтожая и въ средѣ военной и въ средѣ гражданской тѣлесныя наказанія. Правительства думаютъ, что дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ въ интересѣ гуманности, на дѣлѣ же укрѣпляютъ увлеченіе гибельное и противоестественное, которое принесло столько бѣдъ въ новыя времена и котораго вовсе не знала древность.

„За всѣ проступки, кромѣ самыхъ важныхъ, заключаетъ франкфуртскій философъ, наносить удары есть наказаніе, которое человѣку прежде всего приходитъ въ голову, значитъ оно самое естественное. Кого не убѣдишь словами, навѣрно убѣдишь побоями. Поэтому наказывать умѣреннымъ сѣченіемъ того, кого нельзя наказать штрафами — за неимѣніемъ состоянія, или потерею свободы—если въ трудахъ виновнаго нуждаешься—представляется актомъ столько же справедливымъ, сколько и натуральнымъ. Противъ этого не было высказано никакихъ серьезныхъ возраженій. Обыкновенно толкуютъ о „человѣческомъ достоинствѣ" — выраженіи основанномъ не на какомъ-либо яспомъ понятіи, а лишь на гибельномъ предразсудкѣ...".

Русскій народъ, впрочемъ, раньше Шопенгауера установилъ на тѣлесныя наказанія свои собственныя воззрѣнія, которыя искажены у насъ были только въ послѣднее время юристами при измѣненіяхъ въ уголовномъ судопроизводствѣ, измѣненіяхъ впрочемъ, не столько по буквѣ закона, которая сохранила тѣлесныя наказанія (кромѣ какъ для женщинъ), сколько по практикѣ. За симъ если для взрослыхъ еще можно спорить о вредѣ и пользѣ телѣсныхъ наказаній, то для дѣтей польза ихъ не должна бы кажется отрицаться послѣ сдѣланнаго грустнаго опыта.

Русскій народъ имѣетъ здравый взглядъ и на то, что называется женскимъ образованіемъ, рѣзко расходясь въ этомъ случаѣ съ „интеллигенціей". Послѣдняя, подъ вліяніемъ идей 60-хъ годовъ, въ то время

когда въ Европѣ только еще осторожно поговаривали о расширеніи женскаго средняго образованія, сразу учредила въ одной столицѣ три женскихъ университета: педагогическіе курсы, женскіе медицинскіе курсы и высшіе женскіе курсы. Слушательницъ въ эти курсы привалило тысячами: были такія, которыя никогда ничему научиться и не могли, еще болѣе было такихъ, которыхъ учить было нечего, ибо слишкомъ ужъ много знали. За Петербургомъ поспѣшила, конечно, провинція: курсы явились въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, въ Казани. Педагогическіе курсы имѣли спеціальное назначеніе, особой роли въ Петербургѣ не играли и прочіе курсы на нихъ, смотрѣли съ презрѣніемъ. Медицинскіе курсы очень въ свое время шумѣли, но когда Военное Министерство уразумѣло, что ничего, кромѣ вреда, для дисциплины отъ такого учрежденія быть не можетъ, курсы быстро захирѣли; одни высшіе бестужевскіе курсы, не смотря на нѣкоторыя заведенныя ограниченія, ставшія совершенно неизбѣжными, держались при пожертвованіяхъ радикальныхъ купчихъ и земскихъ преобразователей и городскихъ думъ, которыя вмѣсто того, чтобы снабжать города чистою водою, приличнымъ освѣщеніемъ и удалять нечистоты, забавлялись вопросами о развитіи женщинъ. Обзавелись курсы домами и, мало того, возбудился даже вопросъ о дарованіи ихъ воспитанницамъ, пополняемымъ главнымъ образомъ жидовскими и поповскими дочерьми, служебныхъ правъ, ибо въ этой привиллегіи единственный-де исходъ для „упроченія“ высшаго женскаго образованія въ Россіи. „Дать высшее образованіе и не дать никакихъ правъ, все равно, что научить сотни лицъ корабельному искусству и отправить ихъ въ Сахару“, писалъ какой-то комикъ.

Дѣйствительно, совершенно вѣрно, если до сихъ поръ человѣкъ, запомнившій у насъ слегка для экзамена нѣсколько такъ называемыхъ „высшихъ предметовъ“—запомнить которые, кстати сказать гораздо легче, нежели запомнить „низшіе“ — получалъ дипломъ, дававшій ему чинъ X или IX класса, т. е. капитана, то логически, казалось бы, нѣтъ повода и слушательницамъ высшихъ курсовъ отказывать въ чинахъ. Но вопросъ въ томъ, какъ мы выше видѣли, справедливо ли и для мужчинъ сохранять существующія привиллегіи высшаго образованія? Если въ немъ есть дѣйствительная потребность для женщинъ,—въ чемъ мы совершенно сомнѣваемся,—если встрѣчаются иногда субъекты, которымъ кругъ семейнаго хозяйства слишкомъ тѣсенъ, что-жъ, нѣтъ повода препятствовать по-

добнымъ женщинамъ учиться, хотя бы и слегка; государство обязано не стѣснять подобныя стремленія. Но на этомъ оканчивается роль государства.

У насъ ссылаются часто на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, но мы лично убѣдились, что ученость американскихъ женщинъ вовсе не такъ велика, какъ думаютъ, а презрѣніе къ „синимъ чулкамъ" въ Америкѣ сильнѣе чѣмъ гдѣ либо. Теперь произошло утѣшительное явленіе: обращено, наконецъ, вниманіе на высшія женскія заведенія, пріемъ въ нихъ на время прекращенъ; этому порадовались всѣ разумные люди въ Россіи, хотя образованіе для современнаго общества продолжаетъ быть фетишемъ, ради котораго забываются и здравый смыслъ и уроки исторіи. Мы же согласны съ писателемъ, находившимъ, что „въ тотъ день, когда всѣ женщины будутъ играть на фортепіано, а всѣ мужчины выучатся читать, міръ будетъ въ полномъ разстройствѣ".

Вмѣсто ребяческихъ попытокъ создать для женщинъ университеты, гораздо лучше было бы обратить вниманіе на улучшеніе средне-образовательныхъ и профессіональныхъ школъ для женщинъ.

Многіе еще помнятъ тѣ порицанія, которыя сыпались на институты, въ былое время воспитывавшіе лучшую часть нашего женскаго общества. Надъ ними тяготѣло обвиненіе, будто они выпускали дѣвушекъ, совершенно непригодныхъ къ дѣйствительной жизни. Кромѣ того, институты, какъ закрытыя заведенія, отрывали дѣтей отъ семьи, устраняли совершенно родителей отъ воспитанія ихъ и создавали, по окончаніи курса, совершенно чуждыя имъ существа. Учрежденіе первыхъ женскихъ гимназій было откликомъ на эти сѣтованія общества, почему и было встрѣчено съ сочувствіемъ: женское образованіе стало доступнымъ для всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, причемъ учащіяся не удалялись отъ домашней среды и находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ семейной обстановки.

Прошло, однако, слишкомъ тридцать лѣтъ со времени учрежденія женскихъ гимназій; въ этотъ періодъ времени обучилось въ гимназіяхъ много дѣвушекъ, нѣсколько поколѣній. Что же сдѣлали гимназіи въ дѣлѣ учебно-воспитательномъ, что дали онѣ русскому обществу, и какъ смотритъ на нихъ само общество?

Теперь, значительная часть общества несомнѣнно пришла къ сознанію, что гимназическое образованіе не можетъ быть достоя-

іемъ всѣхъ сословій. Въ глазахъ этой части общества уже съ яс-остію опредѣлились отрицательные результаты, происшедшіе от-ого, что гимназіи, незамѣтнымъ для себя образомъ, превратились ъ благотворительныя учрежденія, пріюты, куда подъ предлогомъ ченія, стекаются дѣвочки, чтобы укрыться отъ холода, черной ра-оты, нерѣдко побоевъ, и при этомъ одѣться на счетъ различныхъ бществъ вспомоществованія.

Это сознаніе—ни для кого не новость; мнѣніе о необходимости бученія дѣвочекъ неимущихъ классовъ — не отвлеченнымъ зна-іямъ, а ремесламъ, которыя бы дали имъ обезпеченное существо-аніе и соотвѣтствующее соціальное положеніе—пріобрѣтаетъ себѣ е болѣе и болѣе сторонниковъ, и кто же не согласится, что для бщества, гораздо нужнѣе хорошо обученныя и грамотныя порт-ихи, перчаточницы, поварихи, нежели нищенствующія и мало-рамотныя учительницы, въ которыхъ даже нѣтъ и надобности, акъ какъ ихъ развелось на Руси чуть ли не столько, сколько са-ихъ учащихся.

Выходъ, по нашему мнѣнію, одинъ. Какъ бы демократично по ѣоимъ идеямъ общество ни было, оно все-таки различается не олько по оффиціальнымъ перегородкамъ, но и по достатку, вку-амъ, привычкамъ, образу жизни. Смѣшивать въ силу какого-то :опическаго равенства въ одной аудиторіи принцессъ и кухарокъ выработывать совершенно отвлеченный типъ „умной и граціоз-ой женщины“ — нелѣпость. Женское воспитаніе должно удовле-орять разнообразнымъ требованіямъ общества. Закрытые инсти-ты, куда теперь принимаютъ по преимуществу сиротъ и дѣтей дныхъ чиновниковъ, должны, наоборотъ, какъ французскія coun-ts, сдѣлаться пріютами для воспитанія женщинъ, требующихъ онченнаго образованія. Женскія гимназіи, число которыхъ на-бно сократить втрое, должны воспитывать женщинъ такого круга, торый бы давалъ потомъ примѣненіе полученнымъ въ гимназіяхъ знаніямъ. Затѣмъ, для массы разночинцевъ, мѣщанъ, евреевъ лжны быть устроены городскія женскія училища съ программою ень простою, съ развитіемъ преподаванія рукодѣлій и домашняго зяйства.

И теперь все это у насъ есть, но дурно устроено, плохо регла-нтировано и не соотвѣтствуетъ дѣйствительной потребности. гественной группировки легко, однако, достигнуть, установивъ личныя платы въ заведеніяхъ, смотря по степени его совер-

шенства. Теперь же, когда можно за нѣсколько рублей получит
не только высшее образованіе, но и изучить музыку, танцы, ин
странные языки, ни одна прачка, конечно, не задумывается дава
его своей дочери, не размышляя, что такимъ образомъ она не о
легчаетъ ей карьеру, а завѣдомо губитъ всю ея будущую жизнь
отдаетъ въ жертву проституціи.

ГЛАВА XXI.

Школа.

ianie успѣховъ техники.—Положеніе у насъ техническаго образованія.—Технологическій институтъ. — Сельскохозяйственное образованіе. — Коммерческое училище.—Театральные курсы.

Торговый и промышленный кризисъ тяготѣетъ надъ цѣлымъ ромъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ онъ достигъ уже весьма опасаго момента. Не только фабрики и заводы повсюду находятся въ стоѣ, но возбуждается въ Европѣ вопросъ, что будетъ съ земле-ліемъ, которое во многихъ мѣстахъ не окупаетъ расходовъ производства. Недавно еще считалось какъ бы аксіомой, и американій экономистъ Кэри построилъ на ней свою систему, что въ то ремя, когда фабрикаты будутъ постоянно дешевѣть съ успѣхами ники, сырые матеріалы и въ особенности жизненные припасы жны дорожать отъ увеличенія населенія. Теперь мы видимъ, что женіе цѣнъ одинаково коснулось какъ издѣлій, такъ и хлѣба и утихъ продуктовъ земли.

Въ объясненіе кризиса явилась уже цѣлая литература. Конечно, ьной производительности не легче отъ этихъ объясненій, но все дто пріятнѣе умирать, когда знаешь по крайней мѣрѣ отъ кай болѣзни и какъ она называется по латыни. У больного отыется одинъ элементъ страданія — неизвѣстность. Кризисъ приписывали политическимъ обстоятельствамъ: гигантскимъ вооружеіъ и соціалистической пропагандѣ, которая дѣлаетъ рабочихъ) болѣе и болѣе требовательными; приписывали постоянному ицѣненію серебра и исчезновенію его изъ роли монеты; припивали — болѣе вѣрно — избытку производства, которое шло совер-

шенно не въ соотвѣтствіи съ возрастаніемъ населенія и потребительной способности послѣдняго.

Неудовлетворившись однако этими объясненіями, ученые приялись за суть вещей и причину современнаго бѣдственнаго положенія они отыскиваютъ уже въ изобрѣтательности человѣческаго ума, которая своимъ примѣненіемъ къ техникѣ производства и перевозки непремѣнно должна была произвести рано или поздно экономическую революцію.

Если громадные успѣхи промышленной техники, а также улучшенія по части путей сообщенія, кредита, страхованія и проч. долго не производили своего вліянія на паденіе цѣнъ, то причиною тому была постройка сѣти рельсовыхъ путей. Эта колоссальная операція, достигшая своего апогея въ 1870 г., когда въ теченіе года было сооружено 22,000 верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, утилизировала въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ избытокъ механическихъ силъ созданныхъ научными изобрѣтеніями.

Но та же сѣть желѣзныхъ дорогъ, временно поглощавшая избыточныя силы промышленности, и стала по своемъ окончаніи одною изъ причинъ кризиса. До постройки рельсовой сѣти каждый народъ жилъ почти особнякомъ, покупалъ извнѣ мало и фабрики соображались съ мѣстнымъ хорошо ему извѣстнымъ райономъ потребителей. Совсѣмъ другое стало послѣ открытія сѣти. Теперь имѣя заводъ въ Силезіи, можно наводнять извѣстнымъ продуктомъ рынокъ Португаліи или Индіи, вовсе не соображаясь съ тѣмъ, какъ это отразится на интересахъ мѣстныхъ производителей.

Въ придачу успѣхи техники сдѣлали то, что перевозка по желѣзнымъ дорогамъ удешевлена за 20 лѣтъ въ три раза. Еще большаго успѣха достигли въ морской перевозкѣ. Здѣсь транспортъ товаровъ удешевился въ десять разъ. Причиною переворота былъ Суэзскій каналъ. Благодаря ему парусный флотъ быстро уничтожился и замѣнился паровымъ, а такъ какъ паровое судно совершаетъ свои операціи въ три и четыре раза скорѣе чѣмъ парусное то вышло, что въ десять, пятнадцать лѣтъ торговый флотъ и средства морскаго передвиженія утроились.

Новѣйшія примѣненія электричества только усилятъ это вліяніе переворота, сдѣланнаго изобрѣтеніемъ паровой машины и другими продуктами науки. Въ будущемъ нужно ожидать новаго паденія цѣнъ. Разсчивывать, что колоніальная политика дастъ исходъ избытку производительности и, усиливая спросъ, подниметь цѣны — праздная мечта. Наоборотъ, надобно ожидать, что если китайцы

японцы введутъ у себя паровыя машины и другія европейскія изобрѣтенія, то станутъ въ такое положеніе, что заполонятъ европейскіе и американскіе рынки и тогда не они у насъ, а мы у нихъ будемъ въ экономической кабалѣ.

Съ такимъ объясненіемъ кризиса нельзя не согласиться. Съ другой стороны, нельзя не признать подобное объясненіе весьма печальнымъ. Ибо что же подѣлаешь противъ прогресса и науки? Выходитъ, что чѣмъ болѣе мы будемъ усиливать изобрѣтательность нашего ума, тѣмъ болѣе только повредимъ мы себѣ въ будущемъ! Это пессимистическое сознаніе начинаетъ проникать даже въ среду экономистовъ — этихъ послѣднихъ столповъ оптимизма, которые, какъ докторъ Панглосъ, вѣровали, что „все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ", учили, что все на свѣтѣ такъ цѣлесообразно, что для того, чтобы носить очки, природа сейчасъ же создала человѣку носъ. И эти люди увидѣли, наконецъ, нѣчто далѣе своего носа.

Эмиль де-Лавелэ, одинъ изъ этихъ экономистовъ—весьма, впрочемъ, талантливый и здравомыслящій — описывая недавно Сербію пришелъ къ выводамъ, оригинальнымъ для бельгійца. По его мнѣнію, сербскій народъ едвали не счастливѣйшій въ Европѣ, такъ какъ живетъ на своей собственной землѣ, разводитъ свиней въ лѣсахъ и пашетъ землю первобытными орудіями; сербы почти не имѣютъ фабрикъ и только начинаютъ вкушать прелести заботливой о благѣ народа бюрократіи. Ничего другого, кромѣ какъ отстранить себя подолѣе отъ язвы политиканства и индустріализма для Сербіи Лавелэ и не желаетъ. Само собою, что подобное желаніе идетъ въ прямой разрѣзъ съ намѣреніями и дѣйствіями великихъ сербскихъ государственныхъ людей.

Разочарованіе, испытываемое лучшими умами въ Европѣ передъ результатами хваленаго прогресса, весьма поучительно. Особенно оно поучительно для людей мыслящихъ въ тѣхъ странахъ, которыя историческимъ путемъ не увязли еще по уши въ западно-европейской культурѣ и могутъ еще создать себѣ modus vivendi, не слѣдуя рабски въ ту петлю, въ которую попало уже столько народовъ. Съ этой-то точки зрѣнія и вопросъ о техническомъ образованіи и высшихъ техническихъ школахъ нуждается у насъ въ пересмотрѣ, и вовсе не съ маниловской точки зрѣнія. Это серьезный практическій вопросъ, который долженъ быть разрѣшаемъ практически. Не удивлять Европу намъ нужно блестящими цифрами

на бумагѣ, а толково расходовать и живыя и матеріальныя силы страны.

Давно уже слышатся жалобы на то, что многіе изъ молодыхъ людей, получающихъ техническое образованіе, не находятъ себѣ соотвѣтствующихъ практическихъ занятій и, по окончаніи курса наукъ, принуждены оставаться безъ всякаго дѣла, увеличивая собою контингентъ праздныхъ людей или такъ называемаго „умственнаго пролетаріата"; но ни у кого нѣтъ желанія помочь этому дѣлу. Напротивъ того, по разъ установившейся рутинѣ, мы не можемъ пропустить никакого предлога, чтобы не придумать хотя нѣсколько стипендій, т. е. лучшаго способа сдѣлать нѣсколькихъ молодыхъ людей несчастными на всю жизнь. Мало того, покойный „Голосъ" увѣрялъ даже, что вся революція въ умахъ зависитъ отъ того, что у насъ слишкомъ мало высшихъ техническихъ школъ и что онѣ по большей части сосредоточены въ Петербургѣ. „Есть ли у насъ, спрашивалъ онъ, въ достаточномъ числѣ училища, которыя дѣйствительно могли бы удовлетворять народнымъ потребностямъ, которыя поддерживали бы и вели впередъ наше земледѣліе и находящіяся въ зачаточномъ состояніи разныя наши мастерства и фабричные промыслы? Есть ли у насъ въ достаточномъ числѣ высшія училища, куда могли бы поступать воспитанники реальныхъ училищъ?" Въ отвѣтъ „Голосъ" находилъ, что всего этого недостаточно, ибо горный корпусъ одинъ на всю Россію, путейскій одинъ, технологическихъ институтовъ три и т. д.

Въ дѣйствительности, у насъ не только не мало, а скорѣе изобиліе высшихъ техническихъ заведеній. По крайней мѣрѣ по всѣмъ отраслямъ техническихъ знаній они приготовляютъ ежегодно число спеціалистовъ, превосходящее потребность въ послѣднихъ. Такъ, хотя горный корпусъ одинъ на всю Россію, между тѣмъ и теперь изъ тридцати или сорока инженеровъ, получавшихъ ежегодно патенты въ этомъ заведеніи, едва третья часть и рѣдко половина въ состояніи была найти себѣ занятія по горнозаводской спеціальности, хотя у насъ еще много казенныхъ заводовъ, обязательно берущихъ молодыхъ горныхъ инженеровъ. Въ Англіи горное дѣло вдесятеро больше нашего, а горная школа все-таки одна на всю Англію.

Кромѣ горнаго института, у насъ по части высшихъ школъ имѣются для спеціальности строительной и архитектурной три высшихъ заведенія, технологическихъ институтовъ четыре, лѣсныхъ, сельскохозяйственныхъ и межевыхъ четыре и т. д., не считая еще

инженерной и артиллерійской академій, морского трехническаго училища и морской академіи, которыя также высшія техническія школы. При графѣ Милютинѣ ходили было слухи объ учрежденіи интендантской академіи, а недавно учреждена высшая школа для почтово-телеграфныхъ чиновниковъ! Такимъ образомъ въ Россіи скорѣе роскошь, нежели недостатокъ въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ. Стоитъ, напримѣръ, взять для сравненія хотя Францію: она имѣетъ гораздо менѣе подобныхъ заведеній, хотя ея культура и промышленность куда выше противъ нашихъ.

Жалоба, что высшія заведенія находятся въ столицѣ также невѣрна, потому что треть высшихъ заведеній находится внѣ столицы, но, даже и не споря о цифрѣ, нельзя согласиться въ пользѣ, ожидаемой отъ перенесенія высшихъ техническихъ школъ подальше отъ Петербурга. Петровская академія, давшая послѣ медицинской академіи важнѣйшій контингентъ революціонеровъ, вполнѣ это доказала; то же подтвердилъ бывшій въ Горкахъ земледѣльческій институтъ; послѣдній служитъ также отличнымъ примѣромъ, какъ понижается уровень академическаго образованія при удаленіи высшаго спеціальнаго заведенія отъ умственныхъ центровъ.

У насъ есть недостатокъ въ техническихъ школахъ, но исключительно въ низшихъ и особенно среднихъ. „Голосъ“ какъ бы предчувствовалъ это, говоря, что некому руководить въ Россіи народнымъ „мастерствомъ“, но онъ противорѣчилъ себѣ, полагая помочь недостатку открытіемъ воспитанникамъ реальныхъ училищъ доступа въ университеты. Наши реальныя училища тѣмъ и дурны, что они представляютъ изъ себя тѣ же гимназіи; изъ воспитанника подобнаго училища при пребываніи въ высшей школѣ мастера никогда не получится. Вотъ здѣсь дѣйствительный пробѣлъ нашего техническаго образованія. Стоитъ подсчитать студентовъ высшихъ техническихъ заведеній, которыхъ въ итогѣ не одна тысяча, чтобы увидѣть, что воспитанники среднихъ школъ составляютъ передъ ними небольшую группу, а между тѣмъ желательно бы видѣть совершенно обратную пропорцію, потому что инженеровъ требуется очень немного, а въ ученыхъ мастерахъ, уставщикахъ, штейгерахъ и т. п. лицахъ потребность огромная, которая еще будетъ расти изъ года въ годъ.

Никто не будетъ спорить, что паровая машина безусловно лучше и выгоднѣе конной силы, но безуменъ тотъ, кто для движенія механизма, требующаго одной лошади, построитъ паровую машину. Паровая мельница работаетъ выгоднѣе вѣтряной, но ни-

кто для размола двадцати, сорока, кулей въ годъ паровыхъ мельницъ не заводитъ. Точно также и техническое образованіе. Если общество нуждается въ одномъ инженерѣ и десяти кузнецахъ, то хотя бы явилось изъ десяти человѣкъ пять съ инженерными дипломами, результатъ будетъ одинъ и тотъ же. Инженерный трудъ упадетъ въ цѣнѣ, къ нему явится пренебреженіе, въ кузнецахъ же будетъ недостатокъ и цѣна на нихъ подымется. Скажутъ высшее образованіе не бѣда; оно и для кузнеца послужитъ великою помощью, позволитъ ему повести свое ремесло по наукѣ, сдѣлать разныя открытія, остроумныя приспособленія и т. д. Это теорія. На дѣлѣ ни одинъ инженеръ, хотя бы ихъ было безъ дѣла тысяча, въ кузнецы не пойдетъ, а предпочтетъ оставаться умственнымъ пролетаріемъ. Мало того, еслибы онъ и пошелъ, то ничего путнаго не вышло бы, потому что для ремесла недостаточно одного только знанія да добраго желанія, а требуется и извѣстная практическая сноровка, пріобрѣтаемая отчасти наслѣдственно, воспитаніемъ съ дѣтства при извѣстной обстановкѣ.

У насъ, при существующей системѣ стипендій, какой нибудь способный мѣщанинъ или сынъ мелкаго чиновника учится шесть лѣтъ въ реальномъ училищѣ и затѣмъ пять лѣтъ въ высшемъ учебномъ заведеніи въ Петербургѣ, чтобы, имѣя въ карманѣ патентъ инженера, поступить контролеромъ конно-желѣзной дороги или волостнымъ писаремъ. Между тѣмъ тотъ же мальчикъ въ четыре, пять лѣтъ прошелъ бы курсъ средняго техническаго заведенія, сдѣлался бы техникомъ и получая тысячу, двѣ, а иногда и болѣе въ годъ жалованья, могъ бы уже двадцати лѣтъ отъ роду содержать и себя и свою семью, сохраняя при этомъ скромныя привычки, полученныя въ дѣтствѣ, а не пріобрѣтая съ патентомъ искусственныхъ потребностей человѣка высшей породы.

Такимъ образомъ, техническое образованіе нуждается у насъ ни въ увеличеніи числа высшихъ школъ, ни въ перенесеніи ихъ въ другія мѣста. Послѣднее при проблематическомъ успѣхѣ (съ политической точки зрѣнія) потребуетъ еще милліона или двухъ непроизводительнаго расхода. Увеличивать нужно только число ремесленныхъ школъ, которымъ, конечно, мѣсто въ провинціи и даже въ селахъ среди большого скопленія фабрикъ и заводовъ.

Высшія же техническія заведенія нуждаются въ другой реформѣ. Они привлекаютъ тысячи слушателей вовсе не потому, что въ Россіи дѣйствительно есть потребность въ такой массѣ спеціалистовъ, а потому, что эти заведенія даютъ чины и огромныя права,

(озволяютъ уклоняться отъ воинской повинности и слишкомъ лег-
имъ надзоромъ за учащимися и малыми требованіями, при огром-
ыхъ стипендіяхъ и пособіяхъ, доставляютъ возможность молодымъ
юдямъ проводить нѣсколько лѣтъ въ столицѣ подъ предлогомъ
ысшаго образованія. Мы говоримъ предлогомъ потому, что были
ерѣдко студенты, состоявшіе сразу въ двухъ, трехъ заведеніяхъ,
затѣмъ половина студентовъ никогда лекцій не посѣщала, а
дала лишь выпускного экзамена для полученія патента и чина.

Реформа высшихъ техническихъ школъ должна состоять прежде
сего въ болѣе строгой сортировкѣ студентовъ, въ оставленіи, по-
ощью благоразумныхъ правилъ, только того числа молодыхъ лю-
ей, которые дѣйствительно желаютъ окончить курсъ, въ болѣе
трогой и осмотрительной системѣ стипендій и пособій, дабы не
оздавать такихъ спеціалистовъ, въ которыхъ нѣтъ вовсе нужды,
ъ уменьшеніи изъятій отъ воинской повинности и въ особенности
ъ отнятіи у высшихъ техническихъ заведеній права раздачею чи-
овъ фабриковать вмѣсто техниковъ чиновниковъ. Чины или права
на чины должны получаться лишь тѣми техниками, которые, по-
ступивъ на казенную службу, по надлежащемъ практическомъ испы-
аніи, будутъ соотвѣтствовать извѣстнымъ правительственнымъ по-
ребностямъ. Для такихъ лицъ можно производить особыя провѣ-
очныя испытанія, но пора оставить отсталую систему награжденія
инами за то, что человѣкъ выучилъ химію или скотоводство.

Есть еще одинъ вопросъ, заслуживающій вниманія: каждая изъ
ашихъ высшихъ школъ имѣетъ по пяти курсовъ, хотя спеціаль-
ые предметы преподаются обыкновенно въ двухъ, трехъ курсахъ,
аждое изъ спеціальныхъ заведеній должно имѣть по два и по
ри курса приготовительныхъ, гдѣ читаются тѣ же предметы, что
и въ физико-математическихъ факультетахъ университетовъ, но
итаются приноровленными къ потребностямъ не университетскаго,
а высшаго техническаго образованія. Такая непроизводительная
атрата денегъ на множество параллельныхъ и однородныхъ ка-
едръ зависитъ отъ того, что у насъ не существуетъ политехнической
школы или института, который служилъ бы промежуточнымъ зве-
номъ между гимназіей и высшимъ техническимъ заведеніемъ. Будь
у насъ подобная школа, горныя, путейскія и т. п. заведенія на-
считывали бы своихъ студентовъ много-много десятками, а пра-
вительство сберегло бы не одну сотню тысячъ рублей. Въ Харь-
ковѣ именно слѣдовало воспользоваться выстроенными тамъ зда-
ніями не для устройства никому ненужнаго технологическаго

института, а для устройства въ Россіи политехнической школы. Такое заведеніе составляетъ давно потребность нашего высшаго воспитанія и еслибы у насъ была подобная школа, то изъ воспитанниковъ среднихъ заведеній приготовлялся бы всегда огромный контингентъ лицъ, способныхъ занять техническія должности, стоило бы имъ прослушать годъ или два курсы чисто спеціальныхъ наукъ. При такой системѣ правительство не встрѣчало бы ни малѣйшихъ затрудненій въ приготовленіи для себя инженеровъ путейскихъ, горныхъ, кораблестроительныхъ, ученыхъ артиллеристовъ, телеграфистовъ, топографовъ и т. д. Каждое вѣдомство имѣло бы тогда для этого небольшую спеціальную школу, разсчитанную по дѣйствительной потребности въ техникахъ того или другого наименованія. На сбереженіе, полученное такимъ образомъ, можно бы устроить десятокъ новыхъ среднихъ техническихъ учебныхъ заведеній, число которыхъ у насъ, повторяемъ, недостаточно.

Есть еще одна выгода отъ устройства политехнической школы. Теперь всѣ лица, не оканчивающія пятилѣтній курсъ горнаго, путейскаго и т. п. институтовъ, какъ бы теряютъ напрасно три, четыре года усиленнаго труда *). При существованіи политехнической школы, эти лица, послѣ трехлѣтнихъ занятій, имѣли бы уже всетаки патентъ такого заведенія, который давалъ бы имъ право занимать множество техническихъ должностей, гдѣ не требуется знаній инженера, но гдѣ необходимо образованіе повыше средняго или чисто практическаго.

Когда на практикѣ подымался у насъ вопросъ объ избыткѣ техниковъ, то обыкновенно, вмѣсто сокращенія ихъ придумывали средства заставить ихъ дать занятія. У насъ существуютъ четыре ветеринарныхъ института; всѣ эти заведенія въ совокупности выпускаютъ ежегодно отъ 60 до 80 ветеринаровъ. Но не всѣ оканчивающіе курсъ ветеринары получаютъ мѣста; многіе изъ нихъ долго еще по выходѣ изъ учебнаго заведенія мыкаются по свѣту, неумѣвая, зачѣмъ они пріобрѣтали познанія, которыхъ нѣтъ возможности приложить въ Россіи съ пользой. Одно время до 150 ветеринарныхъ врачей, между которыми были окончившіе курсъ уже нѣсколько лѣтъ, сидѣли безъ дѣла лишенныя надежды пристроиться куда-либо по своей спеціальности. Понятно, вся эта масса молодыхъ ветеринаровъ терпѣла страшную нужду. Будетъ ли когда-

*) Нѣкоторыя исключенія сдѣланы только для такъ называемыхъ „техниковъ“ Министерства Путей Сообщенія.

нибудь на столько большой запросъ, чтобы имъ могли воспользоваться всѣ находящіеся „не у дѣлъ“ ветеринары, это не извѣстно и подлежитъ сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ, разсчитывать на усиленный запросъ на ветеринаровъ со стороны государства или земства нѣтъ пока большого основанія.

Таковы факты. Казалось бы, что если на какую отрасль труда запроса нѣтъ, надобно уменьшить предложеніе этого труда. Дѣло ясное: слѣдуетъ или закрыть одинъ изъ ветеринарныхъ институтовъ, давъ его средствамъ другое назначеніе, болѣе соотвѣтствующее нуждамъ Россіи, или ограничить число воспитанниковъ въ ветеринарныхъ заведеніяхъ. Но подобное рѣшеніе слишкомъ просто, чтобы его приняли. Какимъ образомъ русское общество можетъ дать работу 150 праздныхъ спеціалистамъ? задали вопросъ „Новости“ и отвѣтили, что это будетъ возможно, если наше общество создастъ разъ и навсегда такія условія, при которыхъ оканчивающіе курсъ ветеринары никогда не оставались бы праздными. Условія эти заключаются въ раціональномъ веденіи сельскаго хозяйства.

Какое, видите, простое и удачное рѣшеніе. 80 милліоновъ сельскаго населенія Россіи по бытовымъ, историческимъ и другимъ условіямъ ведутъ свое хозяйство по старинѣ, рутинно, западная наука представляетъ для нихъ только отвлеченные рецепты, которые надобно еще испробовать и примѣнить къ порядкамъ русской жизни, и вдругъ все это предлагается „разъ и на всегда“ бросить и измѣнить для того, чтобы нѣсколько сфабрикованныхъ на казенный счетъ, безъ всякой надобности, полуспеціалистовъ нашли себѣ мѣста съ обезпеченнымъ жалованьемъ!

Это дикое предложеніе уже у насъ не первое. Развѣ мы не видѣли проекта г. Вальдемара, принятаго и въ оффиціальныхъ сферахъ, устройствомъ мореходныхъ школъ, заводимыхъ даже вдали отъ морей, дать толчекъ образованію не существующаго почти въ Россіи торговаго флота. Въ результатѣ ни одного купеческаго корабля не прибавилось, но получились школы, гдѣ учителей болѣе, чѣмъ учениковъ, и воспитанники которыхъ, привлекаемые исключительно льготою отъ воинской повинности, опять лишь съ казенною приплатою принимаются на суда для плаванія.

Другой примѣръ былъ въ устройствѣ Харьковскаго технологическаго института. Министерство Финансовъ, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ разныхъ ходатайствъ, задумало лѣтъ десять тому назадъ устроить технологическій институтъ въ Харьковѣ, въ такой мѣстности, гдѣ фабрикъ и заводовъ мало, но гдѣ они должны были,

по мнѣнію министерства, возникнуть. Выстроили зданіе, но затѣмъ сообразили, что такъ какъ и тѣмъ технологамъ, которые оканчиваютъ курсъ въ другихъ мѣстахъ, въ Петербургѣ, Ригѣ и Москвѣ, дѣваться некуда, ибо существующія этого рода заведенія приготовляютъ такой избытокъ техниковъ, что послѣдніе остаются по годамъ безъ занятій, то едва ли практично тратить деньги на приготовленіе новыхъ сотенъ „лишнихъ людей“. Наши южные фабриканты и сельскіе хозяева и не думали давать этимъ излишнимъ техникамъ у себя пріютъ и работу, но когда явилось весьма разумное предположеніе отсрочить открытіе заведенія, въ воспитанникахъ котораго нѣтъ надобности, то тѣ же фабриканты, сельскіе хозяева, городскіе и земскіе представители одолѣвали правительство петиціями. Оно и понятно: подписаться на просьбѣ дешевле и безопаснѣе, чѣмъ взять къ себѣ молодого техника, дать ему жалованье и рискнуть поручить ему веденіе своихъ дѣлъ. Просьбы и мольбы имѣли успѣхъ, и проектъ харьковскаго технологическаго института былъ внесенъ въ Государственный совѣтъ, послѣ того какъ уставъ его былъ одобренъ комиссіей подъ предсѣдательствомъ г. Георгіевскаго.

Г. Георгіевскій извѣстный классикъ, потому въ вопросахъ техническихъ компетентность его можно и оспаривать. Съ точки же зрѣнія воспитанія юношества Харьковскій технологическій институтъ никакъ нельзя признать удовлетворительнымъ. Это только копія съ С.-петербургскаго технологическаго института. Между тѣмъ существующія технологическіе институты на столько превосходили потребность нашей полуиностранной промышленности, что огромное число технологовъ съ отличными аттестатами оставались безъ занятій и поступали куда угодно на службу писцами, чертежниками и т. п. Зачѣмъ же еще было плодить число подобныхъ умственныхъ пролетаріевъ и заставлять молодежь тратиться на образованіе, которое въ практической жизни имъ не нужно?

Очень заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что у насъ есть классъ фабрикантовъ, болѣе или менѣе образованныхъ, проникнутыхъ сознаніемъ своихъ общихъ интересовъ и ищущихъ русскихъ техниковъ. Нѣтъ ничего пестрѣе состава владѣльцевъ промышленныхъ заведеній въ Россіи. Тутъ или иностранцы, весьма мало интересующіеся тѣмъ, что дѣлается въ Россіи и лишь затратившіе свои капиталы въ вѣрныя предпріятія, или баричи (какъ напр. наши горные, суконные или сахарные заводчики и фабриканты), развѣ прапрадѣды которыхъ кое-что смыслили въ промышленномъ

лѣ, или простые малограмотные кулаки, умѣющіе гораздо ловче сплоатировать свободнаго русскаго мужика, чѣмъ фабриканты-оряне 30-хъ годовъ эксплоатировали мужика крѣпостного. Тутъ обы образованные дѣти этихъ кулаковъ, но все образованіе коихъ одится къ употребленію французской помады и къ шансонеткамъ вицы Альфонсины; наконецъ, очень много фабрикъ принадлежитъ теперь тому темному и безличному стаду, которое называется ціонерами и которое своими руководителями выбираетъ чиновниковъ.

Словомъ, настоящихъ „предпринимателей", какихъ разумѣетъ литическая экономія и каковыми прудъ пруди въ Англіи или рманіи, у насъ очень мало, да и тѣ отлично знаютъ, что для орѣйшаго процвѣтанія того или другого завода нѣтъ вовсе набности въ техникахъ, а достаточно иногда своевременное и усердое посѣщеніе съ задняго крыльца пяти, шести департаментовъ зныхъ министерствъ, называть которыя излишне, ибо они и безъ дебныхъ процессовъ всѣмъ прекрасно извѣстны.

Единственное оправданіе для устройства въ Харьковѣ высшаго ехническаго заведенія была возможность заставить уроженцевъ говосточной Россіи и Кавказа слушать лекціи ближе къ ихъ родинѣ, но вопросъ, насколько это выгодно для самого юношества? онечно, въ Харьковѣ климатъ лучше для уроженцевъ юга, за то столицѣ молодой человѣкъ издалека легче находитъ себѣ поддержку, встрѣчая здѣсь чаще родныхъ, земляковъ, отыскивая уроки; аконецъ, пріисканіе мѣста для службы удобнѣе изъ Петербурга, гдѣ такая масса фабрикъ и правленій, нежели изъ Харькова, удаленнаго отъ промышленныхъ центровъ. Такимъ образомъ, только граничивая пріемъ въ петербургскія заведенія, можно заставить молодежь предпочитать Харьковъ столицѣ. Хотя мы въ принципѣ стоимъ распредѣленіе учебныхъ заведеній по различнымъ частямъ Россіи считаемъ сосредоточеніе ихъ въ одномъ пунктѣ имперіи великимъ бѣдствіемъ, все-таки трудно и съ этой точки понуждать кого либо учиться въ томъ, а не въ другомъ мѣстѣ.

Наше правительство тратитъ ежегодно свыше 650,000 руб. на ельско-хозяйственное образованіе въ Россіи, не считая расхода изъ ціальныхъ суммъ, и получаетъ приэтомъ результаты болѣе чѣмъ скромные. Въ особенности долгое время была неудачна дѣятельность етровской земледѣльческой академіи. Такъ какъ наши сельско-хозяйственныя учебныя заведенія скопированы, какъ и многія другія

бюрократическія затѣи, съ французскаго, то любопытно сравнить какъ подобныя же учрежденія дѣйствуютъ во Франціи?

Нѣкоторыя на этотъ счетъ указанія мы нашли въ преніяхъ происходившихъ въ засѣданіяхъ Парижскаго экономическаго общества, при обсужденіи вопроса о сельско-хозяйственномъ образованіи во Франціи. Изъ преній выяснилось, что мы не много можемъ позавидовать Франціи: и тамъ, хотя о сельско-хозяйственномъ образованіи начали заботиться еще при Генрихѣ IV, а уже въ началѣ прошлаго столѣтія организовали его на широкихъ началахъ, результаты были получены самые ничтожные—de plus médiocres, по выраженію ветерана французской агрономической науки Ришара дю-Канталя.

Ришаръ дю-Канталь изложилъ въ своей рѣчи всю исторію этого дѣла во Франціи и объяснилъ широкіе планы, сочиненные на счетъ спеціальнаго сельско-хозяйственнаго образованія Конвентомъ, планы какъ и многія другія созданія революціи, оставшіеся на бумагѣ. Ораторъ рекомендовалъ возвратиться къ этимъ идеямъ и прежде всего ввести преподаваніе агрономіи во всѣ народныя училища, такъ какъ невѣжество есть-де главный врагъ земледѣлія.

Противъ этого предложенія рѣзко возсталъ Бераръ Варанья, доказывая, что для развитія сельско-хозяйственнаго образованія еще ничего не значитъ учрежденіе школъ, курсовъ, ассигнованіе кредитовъ и т. п. Прежде всего надобно, чтобы у населенія явилась потребность въ подобномъ образованіи, а ея-то во Франціи незамѣтно. Въ 1848 г. былъ изданъ по этой части законъ, но онъ не только не осуществился, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Франція пошла назадъ, если не считать учрежденія въ 1876 г. въ Парижѣ высшаго агрономическаго института. Окружныхъ училищъ по закону 1848 г. слѣдовало имѣть 20, ихъ теперь только три; учебныхъ фермъ въ 1848 г. было 70, теперь ихъ осталось во Франціи и Алжирѣ 15, причемъ всѣ согласны, что система учебныхъ фермъ устарѣла и болѣе не годится. Законъ 1879 года обязалъ всѣ департаменты открыть курсы агрономіи; многіе департаменты этого, однако, не исполнили, а тамъ, гдѣ это исполнено, у профессоровъ нѣтъ слушателей. Мало того, нѣкоторые департаменты опредѣлили стипендіи въ практическихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ сосѣднихъ департаментовъ, но охотниковъ воспользоваться стипендіями не находится. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что во Франціи стипендіи не есть милостыня, выдаваемая въ видѣ преміи наиболѣе

покойнымъ студентамъ, а лишь средство заставить послѣднихъ
ленно работать.

Въ общемъ выводѣ Бераръ Вараньякъ доказывалъ, что щедрость
авительства въ сельско-хозяйственномъ образованіи излишня, если
опирается на дѣйствительную потребность. Ту же идею прово-
лъ и другой ораторъ, Мюллеръ. „Если бросаютъ, говоритъ онъ,
ршедшія деньги на энциклопедическое воспитаніе мальчиковъ
дѣвочекъ, то это не резонъ, чтобы съ такою же легкостью тра-
нись деньги на обученіе агрономіи лицъ, которыя ею не могутъ
спользоваться". Учить агрономіи къ тому же вовсе не такъ просто.
ть сотни популярныхъ руководствъ, написанныхъ знаменитостями,
никогда крестьянинъ не узнаетъ изъ этихъ книгъ того, что
гко дастся ему наглядно на фермѣ его отца. Ибо сельское хо-
йство, прежде всего, искусство. Ученые, какъ Бусенго, которые
мали практически заниматься сельскимъ хозяйствомъ, терпѣли
егда огромные денежные убытки.

Учрежденіе отдѣльныхъ курсовъ агрономіи по департаментамъ
юллеръ считаетъ брошенными деньгами, такъ какъ налету схва-
нные случайными слушателями отрывки знаній пользы принести
могутъ. Окружныя училища болѣе полезны; въ особенности онъ
хвалилъ школу въ Гриньонѣ; школа въ Монпелье сдѣлала многое
борьбѣ съ филоксерой, а въ Гранъ-Жуанѣ — по части примѣ-
нія животнаго угля къ удобренію бретонскихъ ландъ. Отъ выс-
аго же агрономическаго института Мюллеръ ровно ничего не ожи-
етъ.

Это заведеніе посѣщается иностранцами и столичными и город-
ими жителями, изъ которыхъ много-много могутъ выйти чинов-
ики сельско-хозяйственнаго департамента, а не сельскіе хозяева.
амая идея института приготовлять управляющихъ, или, какъ они
бя громко называютъ, „сельско-хозяйственныхъ инженеровъ", не-
ѣна. Во Франціи управляющіе почти не требуются: каждый, кто
завѣдываетъ имѣніемъ самъ, предпочитаетъ отдать его въ аренду
ермерамъ или овцеводамъ. Да никто молодого ученика института
не возьметъ въ управляющіе, потому что если технологъ можетъ
ерезъ годъ по окончаніи курса въ заведеніи управлять фабрикою,
управленіе имѣніемъ гораздо болѣе сложно и ранѣе четырехъ,
яти лѣтъ практической дѣятельности нельзя и думать сдѣлаться
орядочнымъ управляющимъ.

Вышеозначенныя разсужденія удивительно подходятъ къ нашей
етровской академіи и объясняютъ ея неудовлетворительные ре-

зультаты, поглотившіе столько казенныхъ денегъ. Въ концѣ концовъ Мюллеръ нашелъ, что преподаваніе агрономіи въ народныхъ училищахъ—о чемъ, въ скобкахъ сказать, такъ заботилось наше земство—совершенно безполезно; среднія сельско-хозяйственныя школы въ ограниченномъ числѣ не лишни, если имѣютъ въ виду настоящихъ земледѣльцевъ и для послѣднихъ вполнѣ приспособлены; наконецъ, высшій агрономическій институтъ долженъ принимать только сыновей помѣщиковъ, которые пожелаютъ или сами завѣдывать достающимися имъ по наслѣдству имѣніями, или научиться получше контролировать своихъ фермеровъ и арендаторовъ.

„Несмотря на неблагопріятную обстановку, говорилось въ одномъ адресѣ, поднесенномъ петербургскому Коммерческому училищу въ день его столѣтняго юбилея, русское купечество не осталось чуждымъ умственному движенію, начавшемуся съ прошлаго столѣтія въ привилегированной части нашего общества, и съумѣло оцѣнить зародившееся въ послѣдней стремленіе къ образованію". Едва-ли можно придумать что-либо ошибочнѣе этихъ словъ, особенно принявъ въ разсчетъ обстановку, при которой они были сказаны.

Коммерческое училище основалъ дворянинъ Демидовъ, по своему времени либералъ, прослывшій чудакомъ. На капиталъ Демидова училище устроилось въ Москвѣ, но за неимѣніемъ желающихъ поступать изъ торговаго сословія, въ купцы приготовлялись лица изъ подкидышей Воспитательнаго Дома. Система эта приносила скудные результаты и училище перенесли въ Петербургъ, устроили на манеръ кадетскаго корпуса закрытымъ заведеніемъ и съ военной формой для воспитанниковъ. Половина окончившихъ курсъ была казенными стипендіатами и шла въ чиновники; только въ послѣднее время, когда, съ развитіемъ банковъ и акціонерныхъ обществъ, явился запросъ на бухгалтеровъ, т. е. оказалось, что у насъ мало людей, знающихъ даже ариѳметику, воспитанниковъ Коммерческаго училища начали наконецъ принимать въ частную службу, и приливъ желающихъ поступить въ это заведеніе увеличился, почему въ Петербургѣ возникло второе коммерческое училище—Петровское, а ранѣе устроились такія же заведенія въ Москвѣ и Одессѣ. Все это факты, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что стремленіе къ образованію въ русскомъ купечествѣ нужно считать не съ прошлаго столѣтія, а едва ли не съ того времени, когда задумана всесословная военная повинность.

„Купечества родители неразумѣющи и непонятны о добрѣ своихъ дѣтей", писалъ Бецкій въ прошломъ столѣтіи; къ сожалѣнію,

ова эти не потеряли значенія и по настоящее время — обстоятельство тѣмъ болѣе интересное, что купечество не можетъ отговариваться единственнымъ аргументомъ для оправданія, недостаткомъ денежныхъ средствъ. Ни одинъ слой населенія въ Россіи не располагалъ такими значительными и свободными денежными средствами, и ни одинъ не пожертвовалъ менѣе на дѣло образованія. Это происходило вовсе не отъ скупости, русскому характеру несвойственной, потому что то же самое купечество жертвовало и продолжаетъ жертвовать значительные капиталы для иныхъ цѣлей. Если прибавить къ послѣднимъ пожертвованія въ пользу раскола, то затрата купечества на разныя цѣли можетъ считаться десятками милліоновъ рублей. Но купечество инстинктивно сознавало, что существовавшія заведенія ему не подходятъ.

Помочь дѣлу образованія русскаго купечества не могутъ заведенія, въ родѣ петербургскаго Коммерческаго училища. При всѣхъ его заслугахъ, выразившихся въ приготовленіи 3,000 молодыхъ людей, училище это устроено было на началахъ, положительно пережившихъ свое время и не выдерживающихъ критики.

Оно грѣшило, во-первыхъ, большою замкнутостью, созданной, хотимъ, не уставомъ, а практикой. Торговля составляетъ, конечно, особое и своеобразное занятіе; но торговое сословіе не можетъ образовать теперь какой-либо касты. Это признается давно нашимъ законодательствомъ, которое одинаково поощряетъ торговлю помѣщиковъ, какъ и торговлю крестьянъ, и не возбраняетъ торговыхъ занятій даже чиновникамъ. Мы видимъ, напримѣръ, въ акціонерныхъ обществахъ, что важнѣйшія должности переполнены людьми привилегированныхъ сословій. Неужели для этихъ людей не нужны тѣ же познанія въ бухгалтеріи, товаровѣдѣніи, торговлѣ правѣ и другихъ коммерческихъ наукахъ, какъ и для купцовъ по происхожденію?

Второй недостатокъ Коммерческаго училища—соединеніе въ одно общее воспитательнаго заведенія съ техническимъ. Для воспитанія этого обширнаго сословія, какъ купеческое, и вообще средняго (буржуазіи), никогда не достанетъ спеціальныхъ заведеній; да подобныя и совершенно излишни, потому что воспитаніе купцовъ не должно отличаться какими-либо существенными особенностями. Нѣтъ такой грамматики или ариѳметики, которыя съ дѣтства вырабатывали бы коммерческія способности у людей, у которыхъ подобныхъ способностей нѣтъ. Для купечества за рѣдкими исключеніями совершенно достаточно курса реальнаго училища,

гдѣ оно пріобрѣтетъ тотъ фондъ первоначальныхъ познаній, который составляетъ необходимость для такъ называемыхъ образованныхъ людей; чисто коммерческія, т. е. спеціальныя познанія, должны пріобрѣтаться затѣмъ или на практикѣ или, для меньшинства, въ спеціальныхъ заведеніяхъ.

Мы не будемъ говорить о такихъ частныхъ недостаткахъ настоящаго Коммерческаго училища, какъ его закрытость, дороговизна платы, дѣлающая помѣщеніе въ немъ дѣтей небогатыхъ родителей весьма затруднительнымъ, изобиліе вслѣдствіе того казенныхъ стипендій, хотя подобное заведеніе не должно бы вовсе имѣть официальнаго характера и т. п. Все это частности—чисто второстепенныя, при обсужденіи общаго вопроса о распространеніи въ Россіи коммерческихъ познаній. Для послѣдняго нужно желать не распложенія многоклассныхъ закрытыхъ заведеній, а устройства десяти или пятнадцати, открытыхъ для всѣхъ желающихъ за умѣренную плату, двухгодичныхъ курсовъ политической экономіи, товаровѣдѣнія, бухгалтеріи и коммерческой ариѳметики, коммерческой географіи и статистики, торговаго права, исторіи торговли и торговой корреспонденціи. Всѣ эти предметы настолько немногосложны, что двухгодичныхъ занятій за глаза достаточно для ихъ основательнаго теоретическаго усвоенія. Для практическаго же знанія, конечно, необходимы занятія болѣе или менѣе продолжительныя, по окончаніи курса, въ банкахъ, конторахъ, акціонерныхъ обществахъ, на биржѣ, въ таможняхъ, при портахъ и другихъ учрежденіяхъ. Поэтому для воспитанниковъ подобныхъ курсовъ важны не столько дипломы, чины или какія-либо преимущества въ гражданской службѣ, сколько возможность сразу помѣститься, по выходѣ изъ училища, къ практическимъ занятіямъ. Особый совѣтъ изъ уважаемыхъ представителей торговли и промышленности, устроенный при каждомъ такомъ заведеніи, долженъ, по нашему мнѣнію, имѣть цѣлью удовлетворять именно этой необходимой для каждаго спеціальнаго заведенія потребности.

Отсутствіе нашихъ торговыхъ домовъ заграницею и въ колоніяхъ на отдаленныхъ рынкахъ, приписывается нелюбви къ переселенію между тѣмъ вѣрнѣе приписать это совершенному недостатку людей, достаточно для того подготовленныхъ. При существующей у насъ системѣ воспитанія Россія имѣетъ „фабрики“ для приготовленія эмигрантовъ способныхъ удивлять Европу безшабашностью, но ни одинъ изъ нихъ, не смотря на ученую степень, не только не знаетъ иностранныхъ языковъ, но даже не имѣетъ порядочна

очерка; о бухгалтеріи, коммерческой географіи нечего и говорить. овсѣмъ не такъ подготовляютъ свою молодежь англичане и нѣмцы. ни посылаютъ ее въ отдаленныя государства, вовсе не для по-ленія тамъ, а чтобъ они привыкли къ торговому дѣлу въ ши-бихъ размѣрахъ и нажили честнымъ путемъ состояніе. Такимъ разомъ, и не любя эмигрировать, каждая нація безъ труда мо-етъ принимать участіе въ торговой дѣятельности далекихъ странъ. же въ узкихъ интересахъ консульской службы необходимо пре-разовать нашу систему коммерческаго воспитанія.

У насъ и въ такую отрасль спеціальной подготовки, какъ театраль-я, вносятъ теперь тѣ же неудачные пріемы, о которыхъ сказано ше. Осенью 1888 года открылись въ Петербургѣ и Москвѣ при -тральныхъ училищахъ (посвященныхъ воспитанію балетныхъ ар-стовъ) курсы драматическаго искусства. На курсахъ этихъ положено -подавать, между прочимъ, „исторію театра и драмы", „все-цую бытовую исторію", „гримъ" и „пластику". Хотя такихъ къ не существуетъ, но профессора конечно нашлись, и лицамъ, чившимъ пластику и гримъ, обѣщаны даже особыя права. Че-ѣкъ съ пластикой и знающій исторію быта и подати будетъ тить другія и солдатчину отправлять иначе.

Откуда явился проектъ курсовъ—мы не знаемъ, но, очевидно, вытекъ изъ предположенія, будто бы актеровъ можно вы-ть быть талантливыми и что въ Россіи будто бы недостатокъ актерахъ. Къ несчастью, у насъ артистовъ и артистокъ избы-ъ, ими переполнены гулянья и трактиры въ Москвѣ и Петер-ѣ, артисты безъ мѣста просятъ милостыню, талантовъ же дѣй-тельно очень мало и каждый день дѣлается меньше. Только курсовъ талантовъ вовсе не прибавится.

Гидро написалъ нелѣпую диссертацію, названную имъ впро-„Парадоксомъ", гдѣ доказывалъ, что для актера талантъ ни-можно-де всякому выучиться играть. И великіе люди способны ждаться. Нѣмцы, у которыхъ всегда актеры были или без-ые или безъ изящнаго вкуса, подхватили съ восторгомъ идею о. У насъ г. Боборыкинъ довелъ ее до абсурда. Онъ читалъ чныя лекціи, составившія потомъ цѣлую книгу, гдѣ доказы-что актерамъ надобно только изучать анатомію и физіологію, Ѣмъ игра дѣло плевое, желаешь изобразить ужасъ—дерни му-№ 15, желаешь представить меланхолическую любовь—мус-№ 187. Просто и мило.

ъ свое время надъ этимъ смѣялись, но никто не придавалъ

значенія, если не считать драматическихъ курсовъ на „раціональныхъ“ началахъ г. Коровякова, гдѣ преподавалъ самъ Боборыкинъ, но они не то что талантовъ, а и сносныхъ выходныхъ актеровъ не дали. Да и можно ли сомнѣваться въ абсурдности желанія выучить актера играть, когда это искусство наиболѣе субъективное и въ обезьянахъ безъ всякихъ курсовъ развито еще болѣе чѣмъ въ людяхъ.

Мы не отрицаемъ, впрочемъ, пользу извѣстнаго образованія актеровъ и не доказываемъ, что артистовъ надобно брать изъ водовозовъ. Наоборотъ, не только образованіе, но даже воспитаніе весьма не лишнее для сценическихъ дѣятелей. Мы считаемъ только, что сценическій талантъ не можетъ развиться ученіемъ, тѣмъ болѣе высокимъ требованіемъ для поступленія на курсы. Г. Киселевскій былъ даже старшимъ нотаріусомъ окружнаго суда, но это не мѣшало ему играть во сто разъ хуже, чѣмъ Мартынов и Щепкинъ, вышедшіе изъ неудавшихся балетныхъ фигурантовъ. Самъ создатель русскаго театра былъ только грамотный купеческій сынъ; изъ мелкой купеческой среды были и два величайшіе таланта русской сцены Дмитревскій и Мочаловъ. Чтобы разочароваться въ безполезности курсовъ, слѣдуетъ прочесть біографіи знаменитѣйшихъ артистовъ. Какую „всеобщую бытовую исторію“ изучала Сара Бернаръ, между тѣмъ эта артистка, по воспитанію и образу жизни лишь ординарная парижская кокотка, потрясала зрителей въ роляхъ испанскихъ маркизъ, византійскихъ императрицъ и т. п., кто училъ пластикѣ и гриму Цукки, начавшую свою карьеру гдѣ-то въ фларентійскомъ балаганѣ? Такова же исторія полуграмотной Рашели, воскресившей трагедію, и сотни другихъ театральныхъ знаменитостей женскаго и мужскаго пола. Никакихъ высшихъ драматическихъ курсовъ онѣ не проходили и ни за какими дипломами, выдаваемыми „по засвидѣтельствованію губернскаго начальства“, не гонялись.

Вообще уровень образованія и развитія иностранныхъ актеровъ нисколько не выше нашихъ, поэтому напрасно требовать для поступленія на новые курсы гимназическаго аттестата, что приравниваетъ ихъ къ университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ.

Мы понимаемъ, что можно учить музыканта, танцовщика, фигляца, потому что здѣсь есть извѣстная техника, но выучиться игрѣ всегда останется мечтою бездарностей. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ артиста полезны совѣты хорошаго актера, да и то не всякаго.

актеру не худо умѣть ходить, танцовать, одѣваться, полезно вращаться въ театральномъ мірѣ, кое-что читать, кромѣ „Листковъ“, слушать указанія опытныхъ театраловъ и т. д. Но для этого никакихъ курсовъ, да еще казенныхъ, и никакихъ дипломовъ не требуется. Женщины не нуждаются даже и въ совѣтахъ; онѣ на столько прирожденныя актрисы, что сразу оказываются готовыми къ сценѣ. Случалось и не рѣдко, что кулисы портили ихъ дарованіе.

Самое вредное отъ курсовъ будетъ то, что они еще усилятъ и безъ того излишній приливъ молодыхъ силъ къ театральной карьерѣ и увеличатъ число недоучекъ и непризнанныхъ талантовъ — самую несчастную и вредную часть общества. А то еще пожалуй, глядя на казенные курсы, и земства станутъ заводить земскіе драматическіе курсы на счетъ пожарнаго и продовольственнаго капиталовъ.

Въ правилахъ о курсахъ нельзя не обратить вниманія и на слѣдующее обстоятельство. Они создаютъ между актерами родъ гвардіи. Лица, кончившія курсъ въ курсахъ, утверждаются въ правахъ некласснаго художника на казенной сценѣ черезъ три года, на частной черезъ десять лѣтъ. Почему такая огромная разница? У насъ самая значительная разница службы ученой отъ неученой (напр. по пенсіямъ) считается въ пропорціи какъ 7 къ 5, здѣсь же пропорція какъ 10 къ 3.

ГЛАВА XXII.

Печать.

Печать въ Россіи, вліяніе иностранной литературы. — Законъ о печати, его послѣднія измѣненія. — Подсудность печати. — Право служащихъ выражать свои мнѣнія печатно.—Малая и провинціальная печать. — Губернскія вѣдомости.

Юбилейное торжество въ Петербургѣ въ память трехсотлѣтія перваго печатника въ Россіи Ивана Ѳедорова послужило лучшей иллюстраціей положенія у насъ печати и во очію подтверждало горькія слова одной изъ московскихъ газетъ, что наша печать еще не вышла изъ періода печатанія этикетовъ на бутылки и прейсъ-курантовъ чайныхъ торговцевъ, сила ея же еще впереди.

Нѣсколько издателей-торговцевъ, нѣсколько полуиностранныхъ типографщиковъ, третьестепенные литераторы — таковы уполномоченные печати, говорившіе отъ ея имени на юбилейныхъ торжествахъ общія мѣста и безсодержательныя фразы. Эта скудость мыслей и бѣдность представительства вовсе не случайная. Конечно, на юбилей печати можно было собрать у насъ и Каткова и Аксакова, и Льва Толстого, Гончарова и Салтыкова, и Сѣченова, и Костомарова. Но не собрались они вмѣстѣ не только по нежеланію, а потому, что и время для торжества русскаго печатнаго слова еще не наступило. Да и офиціальный міръ не даромъ присутствовалъ на юбилеѣ только въ видѣ начальства надъ цензурою и инспекторовъ типографій.

Если смотрѣть на книгопечатаніе, какъ на ремесло, то, конечно, за триста лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ Ѳедоровъ вынужденъ былъ бѣжить въ Польшу, можно отмѣтить въ Россіи извѣстный прогрессъ,— исключительно, впрочемъ, заимствованный, такъ какъ никакихъ собственныхъ открытій и примѣненій за это время у насъ въ пе

чатномъ дѣлѣ сдѣлано не было и мы оставались только копіистами западной Европы. Надобно даже къ стыду сознаться, что триста лѣтъ тому назадъ у насъ было болѣе техническої оригинальности. Русскія рукописи XV и XVI столѣтій имѣютъ совершенно своеобразную орнаментику и рѣзко отличаются отъ рукописей заграничныхъ, печатныя же книги наши лишены всякой самостоятельности по внѣшнему виду.

Но не прогрессъ техники прославляли въ юбилейныхъ рѣчахъ. Славословилось болѣе значеніе печати въ обществѣ, роль ея въ русскомъ прогрессѣ. Къ сожалѣнію и на этотъ счетъ наши успѣхи такъ скромны, что на юбилеѣ скорѣе можно бы было пересчитать наши недостатки, нежели наши побѣды.

Почти до 60-хъ годовъ нынѣшняго солѣтія то, что называется „печатью“, было достояніемъ только одного класса общества и въ этомъ классѣ иностранная книга и иностранная мысль почти всегда играли болѣе важную роль въ смыслѣ культурнаго значенія. Въ массу народа проникали кое-какія произведенія типографскаго станка: календари, учебники, лубочныя картинки, поваренныя книги и сонники; но эта литература, которая недавно еще составляла умственный обиходъ и зажиточнаго помѣщичьяго семейства, не составляетъ еще печати.

За двѣсти лѣтъ въ Россіи было издано—на казенный преимущественно счетъ—множество книгъ, но эти изданія, выпущенныя болѣе вслѣдствіе подражанія Западу и потребности писать у людей, которые обучены были у насъ писательскому ремеслу, какъ они могли бы быть обучены фехтованію или ветеринарному искусству, погребены въ библіотекахъ или ушли на макулатуру, такъ какъ кругъ читателей въ Россіи былъ всегда чрезвычайно ограниченъ. Нигдѣ, мы полагаемъ, нѣтъ такой массы непрочитанныхъ и не разрѣзанныхъ книгъ, какъ у насъ.

Было бы очень любопытно составить списокъ книгъ, которыя имѣли успѣхъ въ Россіи за сто лѣтъ. Списокъ былъ бы крайне ограниченъ, да и успѣхъ слѣдовало бы понимать въ самомъ узкомъ смыслѣ. Классическихъ книгъ, т. е. такихъ, изданіямъ которыхъ нѣтъ былъ бы потерянъ, въ которыхъ встрѣчалась бы постоянная нужда, которыя бы изъ года въ годъ перечитывались и потомъ вновь въ разныхъ мѣстахъ перепечатывались, въ Россіи вовсе нѣтъ. Соотвѣтственно съ этимъ книжная торговля и издательство въ Россіи было всегда не выгодно, разъ оно выходило изъ рамокъ мелочного торгашества и эксплоатаціи. Не этимъ ли объясняется,

что и нынѣ здравствующій потомокъ Ивана Ѳедорова не занялся печатаніемъ книгъ, а пошелъ служить въ жандармы...

Какъ низко стояла у насъ печать, показываетъ и то, что рядомъ съ нею въ Россіи никогда не прекращалась рукописная литература. На Западѣ и эротическія произведенія, даже самыя грязныя, всѣ давно напечатаны, у насъ же до сихъ поръ процвѣтаетъ рукописная литература сатирическая, политическая и богословская. Вся литература раскола исключительно почти питается рукописными изданіями. Явленіе это обусловлено впрочемъ отчасти нашимъ законодательствомъ о печати и взглядами правительства.

Правительство въ Россіи признавало, съ Ивана Грознаго, пользу книгопечатанія и тратило на изданіе книгъ утилитарнаго направленія не мало денегъ, но оно только въ послѣднія двадцать лѣтъ согласилось признать печать въ ея совокупности полезнымъ элементомъ общественности. Многимъ ли извѣстенъ фактъ, что еще въ 1855 г., несмотря на сильныя протекціи, цензоръ Снегиревъ былъ уволенъ отъ службы за то, что позволилъ упомянуть о Новиковѣ въ исторіи столѣтія московскаго университета! А Новиковъ былъ одинъ изъ не многихъ у насъ дѣятелей печати въ серьезномъ смыслѣ этого слова.

Новиковъ въ прошломъ столѣтіи; попытки кружка Карамзина въ началѣ нынѣшняго; Надеждинъ и Полевой въ 30 годахъ; два, три подцензурныхъ журнала и „Московскій Сборникъ“ въ 40-хъ годахъ — вотъ и вся наша печать до царствованія Александра II. Незначительность ея вынудила созданіе, по иниціативѣ Герцена, русской печати заграницею. Послѣдняя существуетъ и до сихъ поръ, но значеніе ея весьма ослабѣло съ созданіемъ болѣе независимой печати въ Россіи. „Русскій Вѣстникъ“ и „Современникъ“, а затѣмъ съ 1863 года нѣсколько газетъ въ столицахъ резюмируютъ политическую и общественную печать послѣдняго двадцатилѣтія.

Очевидно, дѣло еще въ самомъ зародышѣ. Конечно, съ тѣхъ временъ, когда сажали на гауптвахту Булгарина на томъ основаніи, что онъ „начальникъ русской литературы и за нее потому отвѣтчикъ“ и когда самыя высокопоставленныя лица думали, что Гоголь тѣмъ знаменитъ, что написалъ „Тарантасъ“, сдѣланъ нѣкоторый прогрессъ, но настоящаго юбилейнаго торжества русской печати намъ еще придется подождать, вѣроятно, долго.

Мы не умаляемъ, однако, заслугъ отдѣльныхъ личностей, тружениковъ нашей печати и литературы, хотя факты неоспорим

доказываютъ, что русское общество долго жило, волновалось, глупѣло и умнѣло помимо вліянія этой печати. Извѣстно, напримѣръ, что не было въ Россіи печати пошлѣе, безсодержательнѣе и казеннѣе временъ Крымской войны. А между тѣмъ въ эту самую войну произошелъ великій переломъ въ сознаніи нашего общества, которое поняло свое ничтожество и отсталость, переломъ, который отразился на всемъ, начиная отъ политическаго строя государства и кончая русскимъ искусствомъ.

Къ сожалѣнію съ этого перелома началось торжество заимствованныхъ изъ заграницы идей. Семинаристы, овладѣвшіе нашею литературою съ половины 50-хъ годовъ, знали Европу только по книгамъ и вѣрили книгамъ, почерпая въ послѣднихъ понятіе о прогрессѣ. Одинъ изъ нашихъ убѣжденнѣйшихъ западниковъ г. Боборыкинъ въ слѣдующихъ словахъ воспѣлъ это заимствованіе.

„Сослужила намъ, говоритъ онъ, службу Европа, тотчасъ послѣ того, какъ разгромила Севастополь. И не перечислить добра, какое „заграница“ доставила намъ. Курсъ стоялъ хорошій (?). Всѣ дѣлали экономію (??). Тысячи семействъ селились въ Дрезденѣ, Женевѣ, Гейдельбергѣ, Брюсселѣ, для удобной и дешевой жизни, всего больше для воспитанія дѣтей, для ихъ здоровья и развитія. Сотни, тысячи молодыхъ людей работали на Западѣ въ теченіи цѣлой четверти столѣтія, занимали потомъ каѳедры, писали, основывали журналы, печатали книги, строили, хозяйничали, распространяли знаніе и здоровыя идеи. Въ эту четверть вѣка сдѣлано, подъ прямымъ вліяніемъ Запада, все, что только у насъ привилось *хорошаго*“...

И какихъ только не обрушилось послѣ того на нашу матушку Россію, по словамъ г. Боборыкина, благодѣяній. У насъ, напримѣръ, принято считать 60-е годы (вторую половину) и 70-е уже началомъ политической реакціи, но не такъ смотритъ г. Боборыкинъ: „Подойдите, говоритъ онъ, къ шкафу съ книгами въ вашемъ кабинетѣ. Вы смотрите на эти книги шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ... Бокль, Милль, Льюисъ, Спенсеръ, Бентамъ, Контъ, Беккарія, Тэнъ, Дарвинъ... Помните: какое откровеніе принесла съ собою книга Бокля? Вѣдь она составила эпоху... Впервые публика стала думать о томъ, что есть въ жизни общества такіе же законы, какъ въ природѣ. А Дарвинъ! Опять эпоха! Чрезъ всю науку, публицистику, мораль, соціологію, черезъ все міровоззрѣніе нѣсколькихъ генерацій прошелъ у насъ дарвинизмъ; да и теперь онъ руководитъ тѣми, кто работаетъ надъ законами природы и человѣческаго

роста. Думать стали учиться по логикѣ Милля. Онъ же освѣтилъ и экономическую жизнь современнаго человѣчества. Онъ же сгруппировалъ всѣхъ вокругъ вопроса о правахъ женщины, о политической свободѣ, о представительствѣ... Тѣмъ кто искалъ прочной подпоры всему своему опыту и мышленію Огюстъ Контъ указывалъ систему, вбиравшую въ себя всю исторію человѣка и его умственнаго движенія. Позитивизмъ сталъ выговаривать свое слово по-русски"...

„Въ какихъ нибудь десять-пятнадцать лѣтъ почти все, что Франція, Германія и Англія дали новому мышленію и новой наукѣ, было перенесено, говоритъ г. Боборыкинъ, на нашу почву. Трудно даже повѣрить, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ уровень умственнаго настроенія стоялъ *такъ высоко*. Всякій уважающій себя человѣкъ ставилъ себѣ въ первый долгъ: привести въ гармонію свои принципы съ тѣмъ, какъ онъ живетъ, отвѣтить на самые основные вопросы, безъ которыхъ никто не можетъ ни правильно работать умомъ, ни знать въ чемъ нравственность и гдѣ общественность"...

Мы нарочно цѣликомъ выписали курьезную болтовню г. Боборыкина. Читатель съ недоумѣніемъ, конечно, спроситъ, когда же надъ нашею страною стояла такая благодать, когда это люди жили у насъ исключительно по Дарвину, Спенсеру и Боклю? Г. Боборыкинъ прямо даже опредѣляетъ, что это произошло лишь послѣ того, какъ русскіе поѣхали учиться заграницу. Но на это можно бы отвѣтить, что книги Бокля, Дарвина и Спенсера появились только въ концѣ 70-хъ годовъ и въ шестидесятыхъ, слѣдовательно ранѣе онѣ все равно не могли оказать своего полезнаго вліянія на наше общество. Затѣмъ, чтобы прочесть Бокля не было надобности ѣхать въ Англію, это можно было сдѣлать и въ Россіи. вліяніе его не прошло бы безслѣдно, какъ не прошло въ свое время на русскую мысль безслѣдно вліяніе Вольтера, Байрона или Гегеля.

Но дѣло еще не въ этомъ, а въ томъ, дѣйствительно ли столько хорошаго сдѣлалось у насъ подъ вліяніемъ Боклей и Спенсеровъ тѣми тысячами россіянъ, которые воспитывались въ Дрезденѣ, Женевѣ, Гейдельбергѣ и Брюсселѣ, и дѣйствительно ли у насъ такъ высоко стояла умственная жизнь пятнадцать и двадцать лѣтъ назадъ? По нашему мнѣнію, факты говорятъ совершенно противное.

Тѣ реформы, которыми гордятся наши либералы, были не только задуманы, но и введены въ такое время (до 1865 года), когда ни Бокли, ни Спенсеры никакого вліянія оказывать не могли и такимъ

поколѣніемъ, для котораго эти мыслители были совершенно чуждыми. Въ важнѣйшей реформѣ—крестьянской душою были люди сороковыхъ годовъ—или либеральные чиновники, какъ Жуковскій, Домонтовичъ, братья Семеновы, или славянофилы Самаринъ, князь Черкаскій. Затѣмъ нельзя отрицать, что Бокль, Спенсеръ, Контъ и др. были у насъ въ модѣ, но это именно были „люди", а не сущность дѣла, какъ были въ модѣ въ Россіи и утилитарныя теоріи Бентама рядомъ съ мистическими теоріями германскихъ теозофовъ и какъ рядомъ съ крѣпостнымъ правомъ уживались въ нѣкоторыхъ не крѣпкихъ русскихъ головахъ сантиментальныя идеи Руссо о безусловномъ равенствѣ людей между собою.

Въ сорокъ лѣтъ рѣдко кто мѣняетъ свои идеи, тутъ дѣйствуетъ не теорія, а жизненный опытъ. Слѣдовательно, если теоріи Боклей и Спенсеровъ могли произвести сильное впечатлѣніе, то именно на нынѣшнее поколѣніе дѣловыхъ людей и чиновниковъ, которое пятнадцать и двадцать лѣтъ назадъ было на университетской скамьѣ и съ увлеченіемъ молодости впитывало въ себя результаты новыхъ ученій. Гдѣ же плоды этого впитыванія?

Послушайте, что говоритъ тотъ же г. Боборыкинъ: „никогда еще, по крайней мѣрѣ, на нашей памяти, не выползало изъ темныхъ норъ столько враговъ Европы, всего культурнаго свѣта, какъ нынче. Прислушайтесь, присмотритесь... Какъ все глухо и плоско вокругъ васъ. Полное безплодіе. Мысль размѣнялась до жалости. Что было вычитано изъ книгъ западныхъ мыслителей—позабылось. Никому не стыдно недавняго прошлаго"... Вотъ слѣдовательно каковы плоды многолѣтняго высокаго стоянія науки, о которомъ фантазируетъ г. Боборыкинъ. А открытое послѣднимъ приведеніе въ гармонію у русскихъ людей принциповъ съ общественной правдой, въ чемъ оно выражается? Не въ повальномъ ли воровствѣ, охватившемъ наши интеллигентныя сферы и заставляющимъ дрожать за всѣ банковыя и земскія кассы?

Выводъ одинъ. Если мы были плохи и оказались снова такими плохими, какъ полагаетъ г. Боборыкинъ, то конечно, ни мечтанія о конституціи, ни новыя книги о „правахъ женщины" не сдѣлаютъ насъ лучшими. Мы же безъ пустого самомнѣнія вѣримъ въ прогрессъ русскаго общества. Если мы и не хороши, то все-таки лучше и главное умнѣе того, что были двадцать лѣтъ назадъ. Культурностью мы очень отстали отъ Европы, да едва ли когда ее и догонимъ, но не въ этой догонкѣ состоитъ задача Россіи. Отрицать же прогрессъ и думать, что онъ выражается лишь въ увлеченіи

той или другой книжкой или теоріей, значитъ не имѣть никакого понятія объ исторіи нашего отечества.

Нельзя, однако, отрицать пользы, принесенной для Россіи и для самого правительства отъ освобожденія печати отъ излишнихъ цензурныхъ стѣсненій. Если печать оказала не мало и дурнаго вліянія, то причина тому не въ недостаткѣ цензуры. Въ общемъ печать подцензурная была еще вреднѣе нецензурной. Это не признавалось, впрочемъ, никогда нашей администраціей и законъ о печати 1865 г., дополненный разными ограниченіями въ 1872 и 1879 годахъ, въ 1883 году подвергся новымъ измѣненіямъ въ смыслѣ расширенія цензуры. Приготовленный при графѣ Игнатьевѣ, законъ касался двухъ пунктовъ. Министру внутреннихъ дѣлъ давалось право, вмѣсто пріостановки изданія на 6 мѣсяцевъ, подчинять его цензурѣ на неопредѣленный срокъ; во-вторыхъ, относительно полнаго прекращенія изданія за такъ называемое вредное направленіе, министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ испрашивать не разрѣшеніе Правительствующаго Сената, какъ было прежде, а особой комиссіи изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода.

Значеніе этихъ нововведеній опредѣлить не трудно. Подчиненіе газетъ предварительной цензурѣ имѣло цѣлью обезпечить за газетою благонадежное направленіе, но опытъ довольно продолжительный какъ мы говорили, доказалъ, что именно подъ цензурою удобнѣе всего процвѣтать противоположнымъ направленіямъ. Цензоръ, рискующій только выговоромъ или много своимъ мѣстомъ въ 3,000 руб. жалованья, никогда не можетъ быть такъ строгъ и внимателенъ, какъ редакторъ, рискующій потерею дохода въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей и нерѣдко средствами къ жизни. Затѣмъ извѣстно, что серьезные консервативные органы, напр., „Московскія Вѣдомости“ появились у насъ только при нѣкоторой свободѣ печати, при цензурѣ, какая она была при Николаѣ I, они были немыслимы, ибо цензура одинаково не любитъ независимости ни въ либеральномъ, ни въ консервативномъ отношеніи. И позже строго консервативная „Москва“ Аксакова подвергалась несчетному числу предостереженій за вредное направленіе, когда нигилистическіе органы Благосвѣтлова и др. процвѣтали и никогда не хотѣли издаваться безъ цензуры.

Учрежденіе высшей комиссіи также не новость въ Россіи. Мы, конечно, не смѣемъ думать, что законъ 1865 года измѣнили по недовѣрію къ рѣшеніямъ Сената; учрежденіе высшей комиссіи оче-

видно мотивировалось желаніемъ помочь министру внутреннихъ дѣлъ въ опредѣленіи, что такое вредное направленіе печати. Другими словами, комиссія сдѣлана высшимъ цензурнымъ органомъ, который разсматриваетъ заключенія совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Такимъ образомъ надъ прессою воздвигнута уже іерархія надзора въ четыре степени въ такомъ порядкѣ: цензоръ, цензурный комитетъ, главное управленіе по дѣламъ печати, высшая комиссія. Послѣдняя, какъ мы сказали, не новость. При Императорѣ Николаѣ I въ 1849 году, когда цензура была въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, была уже учреждаема комиссія изъ государственныхъ сановниковъ для высшаго наблюденія не только за печатью, но и за самимъ цензурнымъ вѣдомствомъ. Результатовъ, однако, отъ комиссіи, душею которой былъ баронъ М. А. Корфъ, повидимому не послѣдовало, ибо комиссію закрыли въ 1855 году.

Признавая за правительствомъ полное право и даже обязанность противодѣйствовать распространенію тѣхъ идей, которыя оно считаетъ вредными и опасными для общественнаго порядка и спокойствія, мы считаетъ, однако, что опытъ нѣсколькихъ вѣковъ заставляетъ придти къ заключенію, что противодѣйствіе это наимѣнѣе успѣшно достигается путемъ прямой репрессіи. Насколько оказываются недѣйствительными собственно цензурныя ограниченія печати, разъ общественное мнѣніе вышло изъ пеленокъ и начинаетъ интересоваться политическими и общественными вопросами, доказывается примѣромъ Франціи. Въ одномъ нынѣшнемъ столѣтіи въ этой странѣ было издано болѣе десяти разныхъ весьма строгихъ законовъ о печати и ни одинъ изъ нихъ ни на волосъ не измѣнилъ естественнаго и рокового хода событій. Если же являлась реакція, то она вызывалась или ходомъ событій или возникновеніемъ въ самомъ обществѣ и въ печати противуположныхъ теченій. Такъ было въ годахъ 20-хъ, 50-хъ и въ концѣ 80-хъ.

Правительство во Франціи неоднократно принимало весьма рѣшительныя мѣры противъ печати. Безуспѣшность ихъ чрезвычайно поучительна, доказывая, какъ въ деликатномъ вопросѣ управленія умами безсильна бываетъ государственная власть. Между попытками обуздать печать замѣчательны особенно рѣшеніе Наполеона I силою конфисковать всѣ газеты и планъ Вильеля, во время Реставраціи, скупить всѣ оппозиціонныя газеты.

Истощивъ противъ печати весь арсеналъ цензурныхъ ограниченій, Наполеонъ I рѣшился не отступать даже передъ самой

возмутительной спoліаціей чужой собственности. Декретомъ 18 января 1811 года газета „Journal des Débats“, называвшаяся тогда „Journal de l'Empire“ и подчиненная въ 1805 году строгой цензурѣ, была объявлена собственностью государства. Газета, принадлежавшая Бертену и приносившая 200,000 франковъ чистаго дохода, была раздѣлена на 24 пая, изъ которыхъ восемь отданы департаменту полиціи, а остальные шестнадцать распредѣлены между нѣкоторыми придворными и оффиціозными литераторами. Пенсіи, выплачиваемыя редакціей, были прекращены и правительство конфисковало не только право изданія, но и кассу газеты, запасъ бумаги и даже мебель редакціи.

Мотивы декрета, объявлявшіе причины этого неслыханнаго насилія, весьма оригинальны. Доходъ отъ газеты, гласилъ наполеоновскій декретъ, можетъ стать собственностью только въ силу особой концессіи (!), между тѣмъ „Journal de l'Empire“ никому концессіонированъ не былъ; его владѣльцы наживали отъ запрещенія тридцати другихъ газетъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ гораздо болѣе, чѣмъ затратили на свое изданіе; наконецъ, гласилъ декретъ, сверхъ цензуры всѣ способы вліянія на редакцію газеты должны принадлежать людямъ благонадежнымъ, извѣстнымъ своею преданностью правительству и независимостью отъ иностранныхъ вліяній.

Конфискація „Débats“ не была отдѣльнымъ актомъ произвола. Она распространилась на всѣ парижскія газеты, даже на „Journal de Paris“, принадлежавшій графу Редереру и герцогу Бассано, двумъ высокимъ сановникамъ имперіи. Послѣ этого число газетъ было ограничено въ Парижѣ до четырехъ, а въ каждомъ департаментѣ оставлено по одной. Десять лѣтъ спустя, Наполеонъ I, совершившій эти подвиги, находясь на островѣ св. Елены, философски записалъ въ своемъ дневникѣ: „Ограниченіе или запрещеніе свободы печати есть вопіющая аномалія, актъ безумія...“

Не менѣе любопытенъ планъ Вильеля. Въ 1819 году цензура газетъ была уничтожена во Франціи и замѣнена залогами, отвѣтственными редакторами и строжайшими взысканіями. Не довольствуясь этимъ, Вильель, послѣ убійства герцога Беррійскаго, провелъ въ палатахъ законъ, такъ называемый loi de tendance, дававшій ему право преслѣдовать не проступки печати, а *вредное направленіе*. Законъ этотъ оказался, однако, безсильнымъ и Вильель составилъ планъ *погасить* (amortir) всю оппозиціонную печать, была ли она роялистской или республиканской. Планъ этотъ чисто финансовый и основывался на томъ, что газеты во Франціи изда-

тся на паяхъ. Изъ разоблаченій, сдѣланныхъ ультра-роялистомъ Сабурдонэ въ засѣданіи палаты депутатовъ 12 іюля 1824 года, видно, что Вильель отдѣлялъ по 2 милліона въ годъ изъ кредитовъ, ассигнованныхъ на содержаніе двора, полиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ, въ особый фондъ, на который скупались паи въ оппозиціонныхъ газетахъ, такъ, чтобы вездѣ въ редакціяхъ получалось большинство голосовъ; новыхъ же въ это время газетъ не разрѣшалось ни одной. Изъ купленныхъ газетъ нѣкоторыя закрывались, другимъ давались благонадежные редакторы, причемъ весьма коварно каждая газета должна была нѣсколько отличаться въ своемъ направленіи: „Gazette de France“ была, напримѣръ, чисто роялистская, „Journal de Paris“ полулиберальною, для „Drapeau Blanc“, бывшей газеты горячаго Мартенваля, вынуждены были сохранить „нѣкоторую долю свободы и даже оттѣнокъ преувеличенія“, иначе, гласилъ министерскій докладъ, газета эта растеряла бы подписчиковъ.

Вильель принялся за дѣло съ большимъ усердіемъ, число парижскихъ газетъ быстро убывало и за нѣкоторыя изъ нихъ платилось по милліону франковъ. Въ концѣ концовъ, однако, *погасить* французскую печать не удалось, общественное мнѣніе очнулось и уже въ 1828 году министерство Мартиньяка уничтожило окончательно цензуру, монополію изданій и законъ о вредномъ направленіи.

Что же значатъ сравнительно съ подобными грандіозными планами попытки второстепенныхъ цензурныхъ ограниченій, исполненіе которыхъ поневолѣ поручается лицамъ, естественно подчиняющимся водовороту общественнаго мнѣнія, лишеннымъ нерѣдко почвы и неубѣжденнымъ, что такое или другое направленіе продержится достаточно долго въ высшей адмистраціи?

Мысль подчинять въ видѣ наказанія безцензурныя изданія цензурѣ было уже въ виду при самомъ составленіи закона 6-го апрѣля 1865 года, но отвергнута тогда Государственнымъ Совѣтомъ. А именно изъ правительственнаго объясненія, напечатаннаго въ „Сѣверной Почтѣ“, газетѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 21-го декабря 1867 года, видно, что проектъ закона о печати былъ вырабатываемъ двумя спеціальными комиссіями. Первая изъ нихъ, учрежденная при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, въ 1862 г., подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Оболенскаго и состоявшая изъ Цеэ, Штюрмера, Веселовскаго, Воронова и Андреевскаго, единогласно полагала принять три вида административныхъ взысканій, въ слѣдующей постепенности: 1) двукратное

публичное предвареніе, 2) *подчиненіе изданія предварительной цензурѣ*, и 3) совершенное запрещеніе изданія. Вторая комиссія, учрежденная въ 1863 году при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, равнымъ образомъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Оболенскаго, и состоявшая изъ Никитенко, Ржевскаго, Бычкова, Гиляровa-Платонова, Погорѣльскаго, Андреевскаго, Фукса и Ѳеоктистова приняла по большинству голосовъ слѣдующій порядокъ: послѣ двухъ предваренiй — прямо прекращеніе изданія. Министръ внутреннихъ дѣлъ (П. А. Валуевъ), внося проектъ устава о книгопечатаніи въ Государственный Совѣтъ, предлагалъ: повременное изданіе, подвергшееся въ теченіе одного года двумъ предостереженіямъ, считать по третьему прекращеннымъ, если послѣднее предостереженіе состоится въ теченіе того же самаго года или послѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ. Но въ Государственномъ Совѣтѣ восторжествовалъ болѣе справедливый взглядъ и установлено было окончательное, вошедшее въ законъ, правило, на основаніи котораго повременное изданіе подлежитъ, по третьему предостереженію, *лишь пріостановкѣ на срокъ* не свыше шести мѣсяцевъ, по распоряженію министра, а совершенному прекращенію оно можетъ подвергнуться лишь по опредѣленію Правительствующаго Сената.

Въ настоящее время судебныя гарантіи для печати признаны излишними и прекращеніе изданій дѣлается административнымъ порядкомъ по представленію министра внутреннихъ дѣлъ въ высшую комиссію, въ которой министръ состоитъ членомъ и куда представителямъ обвиняемаго органа печати доступъ закрытъ.

Вышеозначенное „правительственное объясненіе“ содержитъ весьма любопытное извлеченіе изъ сужденій комиссіи, составлявшей первоначальный проектъ закона о печати, гдѣ доказывается, почему для взысканія съ повременныхъ изданій административный порядокъ удобнѣе судебнаго и отчего въ законѣ не слѣдуетъ объяснять, что такое разумѣется подъ словомъ *вредное направленіе*. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что при обсужденіи первоначальнаго проекта устава о книгопечатаніи во второй комиссіи 1863 года нашлись три члена этой комиссіи (вѣроятно, гг. Гиляровъ-Платоновъ, Андреевскій и Ѳеоктистовъ), которые заявили, что они вообще не могутъ допустить права административной власти налагать взысканія безъ суда по дѣламъ печати. Но шесть членовъ были совершенно противоположнаго мнѣнія. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, принялъ сторону этихъ послѣднихъ.

„Нерѣдко всѣ нарушенія законовъ о печати, говоритъ комис-

сія, отдѣльно взятыя, не представляя собою ничего особенно важнаго, въ совокупности и послѣдовательности выражаютъ цѣлое направленіе, преслѣдовать которое медленнымъ судебнымъ порядкомъ бываетъ нетолько неудобно, но и не всегда возможно. Цензура имѣетъ цѣлью предупредить необходимость подобныхъ преслѣдованій, и ее замѣнить могутъ только правила административныхъ взысканій, опредѣляемыхъ установленною властью, по собственному усмотрѣнію и *безъ всякихъ формъ, ограждающихъ отъ произвола* (?). Подобныя взысканія могутъ останавливать, карать и тѣмъ предупреждать зло скоро, вѣрно и рѣшительно. Но принять за общую систему такой порядокъ преслѣдованія было бы нимало *не согласно съ понятіемъ о правильномъ законодательствѣ.* Подобному произволу нельзя обязательно подчинить повременныя изданія, не нарушая самыхъ существенныхъ правъ издателей". Выходитъ, что комиссія сама какъ будто принимала съ большою осторожностью систему административныхъ взысканій, какъ бы отдавая предпочтеніе цензурѣ, какъ орудію менѣе доступному административному произволу. Дѣйствительно, въ защиту системы предостереженій, заимствованной изъ Франціи, комиссія не нашла другихъ аргументовъ, кромѣ приведенія цѣликомъ двухъ циркуляровъ извѣстнаго министра полиціи Мопа къ префектамъ, изданныхъ послѣ переворота 2-го декабря, когда Наполеонъ III силою захватилъ власть. Мопа доказываетъ въ одномъ изъ циркуляровъ, что разъ правительство даетъ разрѣшеніе на изданіе газетъ, оно *логически* получаетъ тѣмъ право прекращать ихъ! То есть, по логикѣ Мопа, если петербургская управа даетъ, напримѣръ, разрѣшеніе строить дома въ столицѣ, то она получаетъ этимъ право уничтожать ихъ безъ вознагражденія домовладѣльцевъ...

Въ другомъ циркулярѣ Мопа опредѣляетъ, что̀ слѣдуетъ считать вреднымъ направленіемъ. По толкованію дѣятеля 2-го декабря, то направленіе вредно, которое недовольно государственнымъ переворотомъ. Это, по крайней мѣрѣ, ясно. Наша же комиссія 1862 г. сама отказалась точно опредѣлить случаи, возбуждающіе административныя взысканія.

„При невозможности, говоритъ она, начертать какія-либо правила по сему предмету, признается *болѣе примѣчнымъ* вовсе не указывать въ законѣ, за что̀ именно и въ какихъ случаяхъ повременныя изданія могутъ подлежать административному взысканію. Словомъ: *вредное направленіе* выражается мысль общая, неограничивающая, конечно, полнаго произвола при толкованіи от-

носительнаго понятія *вреда;* но такъ какъ нѣтъ никакой возможности, даже приблизительно, опредѣлить безспорные признаки вреднаго направленія, то *приличные, откровенные и достойные* не прикрывать законъ наружною формою опредѣлительности, когда внутреннее содержаніе его не подходитъ ни подъ какое положительное опредѣленіе".

Это сознаніе по своему весьма замѣчательно. Извѣстно, что достоинство каждаго уголовнаго законодательства состоитъ въ точнѣйшемъ опредѣленіи понятія и состава преступленія. Нельзя, напримѣръ, карать за убійство, если нельзя положительно опредѣлить, что отъ чьей-либо злой воли кто-нибудь лишился жизни. Комиссія же признавала возможнымъ наказывать и весьма строго за преступленія печати, заранѣе отказываясь объяснить въ точности въ чемъ именно эти преступленія состоятъ.

Не лишнее также замѣтить, что нигдѣ уже въ Западной Европѣ, система административныхъ взысканій по отношенію къ печати не практикуется болѣе, исключая случаевъ, какъ, напримѣръ, во Франціи, осаднаго положенія. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ проступки и преступленія печати вѣдаются судами.

Въ Англіи хотя существуютъ еще кое-какіе драконовскіе законы противъ печати, но они давно забыты и положительно можно сказать, что тамъ спеціальнаго законодательства о печати не имѣется, но безусловная свобода печати вовсе не подразумѣваетъ ея безнаказанности. Не только за оскорбленіе государя и правительства но и частныхъ лицъ иски предъявляются нерѣдко въ великобританскихъ общихъ судахъ и наказываются болѣе или менѣе строго, или же вызываютъ денежныя вознагражденія потерпѣвшимъ.

Во Франціи дѣла о безнравственности печати, о диффамаціи, о нарушеніи печатью разныхъ постановленій о печати судятся полицейскими судами (tribunaux de police correctionelle), всѣ прочіе проступки и преступленія подлежатъ окружнымъ судамъ (cours d'assises) съ участіемъ присяжныхъ, причемъ принята отличная система строго наказывать газеты печатаніемъ на ихъ счетъ судебныхъ рѣшеній по выбору лица и въ самыхъ дорогихъ газетахъ.

Въ Германіи по новому общему федеральному закону о печати отмѣнены всѣ отдѣльныя законодательства и никакая цензура впредь не дозволена, арестованіе какого бы то ни было печатнаго изданія можетъ быть сдѣлано лишь по необходимости на тѣхъ же основаніяхъ, какъ вообще налагается арестъ для судебной процедуры. Вѣдается печать въ Германіи общими судами и преступленія

ея судятся при участіи присяжныхъ. Въ Австріи преступленія печати также подлежатъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ Бельгіи печать свободна и судится съ участіемъ присяжныхъ. Въ случаяхъ клеветы доказательства допускаются лишь относительно чиновниковъ. Право возраженія признано, но оно не должно превышать двойного текста статьи, на которую слѣдуетъ возраженіе. Это право выговорено въ законодательствахъ нѣкоторыхъ другихъ странъ. Въ Голландіи всѣ проступки и преступленія печати судятся обыкновенными судами.

Въ Швейцаріи конституція ограничивается объявленіемъ, что печать свободна, предоставляя кантонамъ выработать для печати отдѣльные законы. На дѣлѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ европейскихъ государствъ, нѣтъ ни залоговъ, ни штемпельной пошлины. Судится печать съ присяжными.

Въ Испаніи по закону 1873 года печать чрезвычайно свободна. Точно также въ Италіи. Тамъ дѣла печати разбираются ассизными судами съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, исключая мелкихъ проступковъ, разбираемыхъ въ полицейскихъ судахъ. Судъ имѣетъ право конфисковать нумеръ, но никакое учрежденіе не можетъ прекратить изданіе журнала и газеты. Впрочемъ изданіе не можетъ выходить пока отвѣтственный редакторъ находится въ тюрьмѣ или редакція не въ состояніи уплатить судебныхъ штрафовъ.

Оригинальнѣе законодательство о печати въ Швеціи. Для охраненія ея свободы сеймъ, еще съ 1812 года, избираетъ особую коммиссію, засѣдающую подъ предсѣдательствомъ особаго прокурора, назначаемаго сеймомъ для наблюденія за ходомъ правосудія. Проступки печати судятся присяжными, при чемъ составъ послѣднихъ опредѣляется слѣдующимъ способомъ: трое присяжныхъ выбираютя подсудимымъ, трое обвинителемъ, трое судомъ. Для обвинительнаго приговора по дѣламъ печати необходимо большинство двухъ третей голосовъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ, конечно, и признаковъ спеціальныхъ законовъ о печати. Но свобода печати не доходитъ и тамъ до безнаказанности: журналистъ, какъ и всѣ граждане Союза, отвѣчаетъ за свои дѣйствія. Присяжные въ Америкѣ строго разбираютъ клеветы и диффамаціи путемъ печати. Обычай, однако, допускаетъ въ этомъ широкую свободу для оцѣнки чиновниковъ и особено кандидатовъ на выборныя должности. Вмѣшательство администраціи проявляется чрезвычайно рѣдко. Она не дозволяла во время войны публиковать заранѣе передвиженія войскъ. Во время

существованія невольничества, въ южныхъ штатахъ нельзя было писать въ духѣ аболиціонномъ.

Почти во всѣхъ законодательствахъ о печати установлена давность для преступленій, по большей части три мѣсяца послѣ появленія заподозрѣннаго изданія въ свѣтъ. Большинство законов регулируютъ также степень отвѣтственности автора, редактора, издателя, типографщика. Послѣднихъ въ случаѣ если авторъ оказывается неизвѣстнымъ.

Есть еще одно повсемѣстное и неизбѣжное ограниченіе свободы печати—это для служащихъ. Военное Министерство подтвердило у насъ для военнослужащихъ воспрещеніе издавать въ свѣтъ сочиненія, заключающія въ себѣ что-либо касающееся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній Россійскаго государства, безъ дозволенія своихъ начальствъ. Это напоминаніе вызвало различные толки.

Нѣкоторые наши органы поняли его въ столь буквальномъ смыслѣ, что, по ихъ мнѣнію, ни одинъ чиновникъ или военный не можетъ предать тисненію плода своего литературнаго вдохновенія. „Голосъ“, опредѣливъ, что 90 процентовъ нашей текущей литературы принадлежитъ чиновникамъ, находилъ, что воспрещеніе писать чиновникамъ равносильно было бы запрещенію самаго существованія русской литературы. Дѣйствительно, при запрещеніи чиновникамъ писать, „Голоса“ не существовало бы, потому что одна половина его статей сочинялась разными вицъ-мундирными либералами, а другая представляла копію съ официальныхъ бумагъ, сочиненныхъ тѣми же вицъ-мундирами. Но если русская литература и безъ чиновниковъ въ настоящее время могла бы здравствовать, то во всякомъ случаѣ справедливость требуетъ замѣтить, что безъ чиновниковъ, представляющихъ въ Россіи крупную часть интеллигенціи, не только литература, но и публицистика потеряла бы очень много.

За статьею 529 III тома Св. Законовъ не лежалъ, однако, такой запретительный смыслъ, какой въ ней видѣлъ „Голосъ“. Неоспоримый фактъ, что статья эта, просуществовавъ около шестидесяти лѣтъ, не помѣшала нашей литературѣ жить по преимуществу чиновничьимъ умомъ, доказываетъ уже, что статья и въ глазахъ правительства не имѣла того значенія, которое ей приписывали. Цѣль закона лучше всего познается изъ мотивовъ, послужившихъ къ его изданію.

Статья 529 возникла, какъ оказывается, изъ положенія Комитета Министровъ 1-го марта 1824 года, сдѣланнаго вслѣдствіе записки всемогущаго тогда графа Аракчеева, въ которой изъяс-

лось, что до свѣдѣнія Государя Императора дошло, что „нѣкоторые изъ служащихъ и отставныхъ чиновниковъ позволяютъ себѣ издавать въ свѣтъ печатныя извѣстія о поступкахъ своихъ *въ исполненіи возложенныхъ на нихъ должностей;* а другіе, напротивъ, такими же печатными извѣстіями опровергаютъ первыя, и что отсюда проистекаютъ неприличныя сужденія, доводящія до нескромности о предметахъ, какъ по обязанностямъ службы, такъ и по самымъ правиламъ благопристойности".

Съ такимъ толкованіемъ существованіе вышеозначенной статьи закона вполнѣ понятно. Никакое правительство не можетъ допустить, чтобы его исполнительные органы, т. е. чиновники не сохраняли гдѣ нужно канцелярскую тайну или нарушали дисциплину, а тѣмъ болѣе не можетъ оно допустить, чтобы подобныя нарушенія дѣлались путемъ печати, т. е. получали возможно широкую огласку. Очевидно, что и статья 529 имѣла значеніе именно въ этомъ смыслѣ. Это есть весьма естественное оружіе въ рукахъ высшей администраціи для дисциплинированія своихъ подчиненныхъ.

Случаи, что статья могла бы примѣняться, встрѣчаются. Всѣмъ памятна, напримѣръ исторія генерала Романовскаго, который на основаніи оффиціальныхъ документовъ описалъ среднеазіятскія событія 60-хъ годовъ въ особой книгѣ, выставивъ въ каррикатурномъ видѣ своихъ бывшихъ начальниковъ. Другой случай еще крупнѣе: въ парижскомъ журналѣ „Nouvelle Revue" появилась въ 1880 г. статья о послѣдней войнѣ, весьма нелестная для нашего военнаго вѣдомства и для дипломатіи, что по себѣ не важно, но важно было то, что въ статьѣ цѣликомъ цитировались секретнѣйшія дипломатическія депеши. Въ обоихъ случаяхъ виновные подходили вполнѣ подъ статью 529 и если она къ нимъ приложена не была, то потому, что у насъ вообще принято избѣгать судебнаго разбирательства, а предпочитаются патріархальныя административныя взысканія.

Такимъ образомъ ни отъ существованія статьи, ни отъ напоминанія объ ея существованіи никакой опасности и стѣсненія для нашей литературы не усматривалось. Вредъ могъ произойти лишь отъ неразумнаго толкованія статьи иными начальниками, которые не только что воспретили бы подчиненнымъ заниматься литературою безъ своего разрѣшенія, но, пожалуй, еще стали бы доискиваться косвенными путями, не пописываетъ ли кто статеекъ. Но въ этомъ случаѣ разъясненіе по военному вѣдомству служитъ достаточною уздою. Военное вѣдомство отмѣнило испрашиваніе дозволенія на изданіе литературныхъ сочиненій, полагая очевидно, что

общая для всѣхъ служащихъ, какого бы они вѣдомства ни были, статья въ гражданскихъ законахъ даетъ достаточно гарантіи правительству противъ рѣзкаго нарушенія со стороны его агентовъ обязанности поддерживать „политику“ правительства.

По этому вопросу возникъ еще слѣдующій казусъ. Оберъ-прокуроръ 1-го департамента Правительствующаго Сената г. Евреиновъ напечаталъ брошюру: „Замѣтки о мѣстной реформѣ“, имѣвшую цѣлью примирить два выказавшіяся въ русской литературѣ и администраціи теченія: одно, которое желало бы отказаться отъ реформъ послѣдняго времени и вернуться къ сословности и къ опекѣ надъ крестьянами; другое, которое желаетъ сохранить реформы въ цѣлости, защищаетъ безсословность и восторгается крестьянскимъ и земскимъ самоуправленіемъ, видя въ нихъ только начало „увѣнчанія зданія“. Какъ всѣ примирительныя попытки, проектъ г. Евреинова не удовлетворилъ, конечно, никого, но вызвалъ филиппику „Гражданина“, который писалъ:

„Что бы грозный графъ Панинъ сдѣлалъ съ такимъ оберъ-прокуроромъ, за панибрата считающимъ и министра внутреннихъ дѣлъ, и членовъ Государственнаго Совѣта,—*страшно подумать*“... Но, видно, нѣкоторыя понятія о тактѣ, о государственной и іерархической дисциплинѣ съ тѣхъ поръ измѣнились, если не только этотъ фактъ возможенъ, но даже считается какъ бы въ порядкѣ вещей.

Что графъ Панинъ былъ диковатъ и что надобно удивляться какъ человѣкъ съ такими узкими воззрѣніями и съ такими дѣтскими причудами могъ болѣе двадцати лѣтъ занимать министерскій постъ—несомнѣнно. Можетъ быть онъ и стеръ бы съ лица земли прокурора, дерзнувшаго смѣть свое сужденіе имѣть, да еще въ печати. Это не значитъ, однако, что прокуроры не могутъ у насъ имѣть своихъ сужденій и что, излагая ихъ на бумагѣ, какъ полагаетъ „Гражданинъ“, „судебные люди живутъ въ кредитъ вольностями XX вѣка“.

Хотя и во времена графа Панина чиновники не разсматривались какъ автоматы, обязанные лишь вторить своему начальству, хотя и тогда законъ не только дозволялъ, а обязывалъ чиновниковъ отстаивать то, что казалось имъ несогласнымъ съ ихъ убѣжденіемъ и съ долгомъ службы, но законъ не регулировалъ тогда и не обезпечивалъ право чиновниковъ высказывать свои мысли и убѣжденія печатно. Съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ разъяснился. Законъ о печати 1865 г. даровалъ каждому русскому подданному, чиновнику и не чиновнику, право обсуждать въ печати дѣйствія и предположенія правительства, обсуждать „въ приличной формѣ“. Раз-

форма прилична, нѣтъ повода считать статью, написанную чиновникомъ, предосудительною. Новѣйшій законъ 1883 г. пояснилъ еще точнѣе это право для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Подтверждая право ихъ излагать свои мысли въ печати, онъ ограничилъ чиновниковъ, по весьма основательнымъ соображеніямъ соблюденія канцелярской тайны и служебной дисциплины, только въ одномъ, именно въ правѣ безъ разрѣшенія начальства дѣлать предметомъ своихъ печатныхъ сочиненій дѣла, довѣренныя имъ по службѣ.

Такъ, прокурору возбраняется безъ разрѣшенія писать о дѣлахъ его суда, чиновнику медицинскаго департамента—о санитарныхъ проектахъ департамента, но первый можетъ какія угодно излагать мысли „въ приличной формѣ“ о фортификаціи, а второй о государственномъ коннозаводствѣ, стихи и водевили могутъ писать всѣ чиновники.

Защищая извѣстную долю свободы печати даже для служащихъ, мы должны, однако, заявить, что въ странѣ сословной, какъ Россія, и съ такимъ государственнымъ устройствомъ свободная печать должна быть удѣломъ развитаго меньшинства, поэтому о полной свободѣ провинціальной прессы у насъ мечтать рано, а о свободѣ, данной такъ называемой малой прессѣ, можно только пожалѣть, потому что эта свобода обратилась единственно на пользу шантажа. Цензура же успѣховъ малой прессы въ ея спеціальномъ назначеніи не стѣснила бы, это доказывается отличною организаціею малой прессы или такъ называемыхъ „курьерковъ“ въ Варшавѣ. Для политической и серьезной печати мы противники цензуры, а ограниченія злоупотребленій печати видѣли бы въ высокомъ денежномъ залогѣ для издателей и въ крупныхъ денежныхъ штрафахъ, налагаемыхъ, однако, за рѣдкими исключеніями судебнымъ порядкомъ, само собою разумѣется безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

Провинціальная печать за исключеніемъ двухъ или трехъ органовъ вродѣ „Кіевлянина“ и „Южнаго Края“, у насъ только отрыжка радикальной столичной печати, сконцентрировавшейся теперь почему то въ купеческой Москвѣ; поэтому правительство очень много принесло бы пользы, если бы заботилось о болѣе внимательномъ изданіи губернскихъ вѣдомостей. Официальные органы у насъ еще могутъ быть весьма полезны, доказательство „Сельскій Вѣстникъ“ и “Вѣстникъ Финансовъ, торговли и промышленности“. Одна изъ столичныхъ газетъ обратила уже вниманіе, что исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени учрежденія губернскихъ вѣдомостей, этихъ представителей оффиціальной и полуоффиціаль-

ной печати въ провинціи, и выразила надежду, что вѣдомости станутъ наконецъ ближе къ „народу".

Если подъ послѣднимъ надобно разумѣть публику волостныхъ правленій, то желаніе псевдо-либеральной газеты не совсѣмъ ясно. Роль губернскихъ вѣдомостей вовсе не въ популяризаціи для крестьянъ разныхъ свѣдѣній; для этого имѣются особыя изданія. Скорѣе пожеланіе надобно понимать обратно, т. е., чтобы распространеніе образованія въ народѣ создало въ средѣ его кружокъ читателей, для которыхъ изданіе, и не приноровленное спеціально къ узкому кругу воззрѣній и полному отсутствію первоначальнаго образованія, сдѣлалось бы доступнымъ.

Роль губернскихъ вѣдомостей вполнѣ опредѣлилась и польза ихъ дальнѣйшаго существованія не подлежитъ, кажется, спору. Не говоря уже о необходимости для губернской администраціи имѣть органъ печати для своихъ публикацій, въ каждой губерніи полезно имѣть періодическое изданіе, на страницахъ котораго разработывались бы и печатались матеріалы по мѣстной исторіи, статистикѣ, географіи, этнографіи, археологіи, хозяйству и вообще по всѣмъ серьезнымъ вопросамъ, интересующимъ извѣстный районъ. Статьямъ подобнаго рода недоступны столичные органы, ими пренебрегаютъ и большинство органовъ „независимой" провинціальной прессы, занимающейся пародированіемъ по части политики самыхъ жалкихъ органовъ столичной печати, да мелкими скандальчиками и объявленіями.

Губернскія вѣдомости принято за обычай ругать повально, какъ собраніе никѣмъ не читаемой макулатуры, годной развѣ на обертки. Между тѣмъ и въ настоящемъ ихъ скромномъ видѣ вѣдомости удовлетворяютъ своему назначенію и ругаютъ ихъ болѣе тѣ, которые въ вѣдомости никогда не заглядываютъ, или же наивные люди, полагающіе, что когда-либо какія нибудь „Енисейскія Губернскія Вѣдомости" могутъ напоминать „Times" или „Revue des deux mondes". По поводу того, что губернскія вѣдомости собираютъ для изученія Россіи огромный матеріалъ, мы нашли очень любопытное указаніе.

Ужь на что кажется спеціальная наука геологія, но вотъ что говоритъ г. Карпинскій, директоръ геологическаго комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ печатномъ отчетѣ комитета за 1882 — 1884 г.: „Благодаря содѣйствію начальниковъ губерній, геологическій комитетъ получаетъ безвозмездно губернскія вѣдомости 14-ти губерній. Насколько существенную пользу можетъ

принести геологіи страны такое постоянное полученіе геологическимъ комитетомъ губернскихъ вѣдомостей, можно судить уже по тому, что просмотръ только четырнадцати изъ этихъ изданій въ теченіе одного года далъ возможность завѣдующему библіотекою комитета отобрать изъ нихъ 36 статей и замѣтокъ, имѣющихъ геологическій и физико-географическій интересъ"...

Нѣтъ сомнѣнія, что такое богатство геологическихъ данныхъ не случайное; если бы спеціалисты и по другимъ отраслямъ отечествовѣдѣнія пересматривали внимательно губернскія вѣдомости, то навѣрное нашли бы себѣ не менѣе обильную жатву. Эта увѣренность лучше всего опредѣляетъ, что дѣлать съ губернскими вѣдомостями. Нужна не ихъ реформа съ цѣлью подлитія какого-то простонароднаго духа, не пріученіе редакторовъ вѣдомостей играть на радикальной балалайкѣ, а расширеніе ихъ денежныхъ средствъ и прежде всего изданіе хорошаго систематическаго предметнаго указателя содержанія всѣхъ губернскихъ вѣдомостей за истекшія 50 лѣтъ. Такая книга, изданіе которой не потребовало бы со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ значительныхъ расходовъ, была бы истиннымъ подаркомъ всѣмъ занимающимся изученіемъ Россіи.

ГЛАВА XXIII.

Театръ.

Историческій очеркъ. — Паденіе казенныхъ театровъ. — Монополія и свобода театровъ. — Зрѣлища въ посту. — Театръ въ Москвѣ и въ провинціи. — Развлеченія толпы.

Нѣтъ сомнѣнія, что потребность въ сценическихъ представленіяхъ существуетъ у всѣхъ народовъ. Русскіе не дѣлаютъ въ этомъ отношеніи исключенія, и люди, незнакомые съ исторіей театра, быть можетъ, удивятся, узнавъ, что слѣды попытокъ хореграфическихъ представленій сохранились у насъ отъ временъ Михаила Ѳедоровича, а комедіи Мольера, въ переводѣ царевны Софіи и другихъ, исполнялись представителями высшей московской аристократіи еще въ 70-хъ годахъ XVII столѣтія. Но если потребность въ театрѣ присуща каждому народу, то очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, будто интересъ общества и спросъ на извѣстную отрасль искусства вызываетъ непремѣнно таланты и подымаетъ искусство. Къ несчастью, таланты по щучьему велѣнію не родятся.

Современное общество въ Англіи и Испаніи нисколько не менѣе внимательно къ драматическому искусству, чѣмъ общество XVII столѣтія, и навѣрное предъявляетъ къ искусству болѣе высшія требованія и идеалы, между тѣмъ драма въ обѣихъ этихъ странахъ приведена къ ничтожеству. Музыка въ свободной Италіи пародія той, которая была въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія; драматическое искусство въ Германіи, несмотря на широко развитую культуру, въ жалкомъ состояніи даже противъ того, чѣмъ оно было въ эпоху величайшаго политическаго и моральнаго угнетенія нѣмцевъ внутренними и внѣшними деспотами. Значитъ, въ процвѣта-

ніи искусства и въ появленіи оригинальныхъ талантовъ есть элементъ случайности, который не легко поддается опредѣленію.

Этою случайностью, быть можетъ, объясняется и отсталое положеніе русской сцены, несмотря на многолѣтнія попытки создать ее, на любовь публики къ зрѣлищамъ, на извѣстную музыкальность славянской расы, на способность русскихъ къ подражанію и на систематическое покровительство правительства. Виноватъ, быть можетъ, и нашъ климатъ, кладущій непреодолимыя препятствія къ тому, чтобы театральныя зрѣлища пріобрѣли въ Россіи популярность, которую они имѣли въ Греціи или древнемъ Римѣ. Во всякомъ случаѣ русское искусство еще не проявилось съ достаточною опредѣленностью. Въ смыслѣ школы самостоятельной, оригинальной и законченной, его еще нѣтъ ни въ одной сферѣ сценической дѣятельности.

Нашъ драматическій театръ никакимъ образомъ не можетъ быть названъ Comédie russe; у него нѣтъ ни опредѣленнаго репертуара, ни театральныхъ традицій. Какъ въ XVII вѣкѣ у насъ играли Мольера рядомъ съ мистеріями Симеона Полоцкаго, а въ антрактахъ смотрѣли на хожденіе по канату, такъ и нынѣ одни и тѣ же артисты исполняютъ сегодня Шекспира, а завтра оперетку, и публика лишена всякаго эстетическаго критерія для оцѣнки игры отечественныхъ артистовъ, руководствуясь единственно модою и личными симпатіями. Только по сравненію съ иностранными артистами она считаетъ эту игру не вполнѣ удовлетворительною. — „Я, братецъ, о русскихъ комедіантахъ въ подробности не вхожу“, говорилъ великій князь Павелъ Петровичъ Порошину слишкомъ сто лѣтъ назадъ, „для того, что они дурно играютъ“. Эта оцѣнка приложима и къ настоящему времени, хотя по своему старые русскіе артисты играли относительно гораздо лучше настоящихъ. Дмитревскій въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія удивлялъ своею игрою Лекеня и Гаррика; онъ не побоялся играть въ Парижѣ въ „Альзирѣ“ и „Заирѣ“. Каратыгины, посѣтившіе Парижъ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, также имѣли успѣхъ въ тамошнихъ артистическихъ сферахъ. Возможно ли представить себѣ кого-либо изъ современныхъ намъ артистовъ, удивляющихъ Парижъ или Лондонъ? Конечно, игра въ трагедіяхъ, какъ основанная на извѣстныхъ пріемахъ, легче перенималась, чѣмъ нынѣшнее реальное исполненіе, все-таки разница въ игрѣ между старыми русскими и современными артистами не подлежитъ сомнѣнію.

Русское лирическое искусство еще менѣе вышло изъ періода

первоначальныхъ попытокъ, хотя и оно имѣетъ уже за собою порядочную старину. Русскихъ композиторовъ наберется уже нѣсколько десятковъ, — въ самое неблагопріятное для русской оперы время, въ царствованіе Николая Павловича, было поставлено на Большомъ театрѣ 17 новыхъ русскихъ оперъ 10 композиторовъ, — но въ результатѣ едва ли не правъ былъ „Figaro", замѣтившій по поводу русскаго концерта въ Парижѣ во время всемірной выставки, что „La vie pour le tzar" — старая лошадь, на которой русскіе, кажется, довольно поѣздили передъ Европой за 50 лѣтъ". Но Глинка и въ его итальянскихъ формахъ еще колоссъ между русскими оперными композиторами. Послѣдніе до Кавоса, да и послѣ, вплоть до Верстовскаго, скорѣе авторы куплетовъ къ скучнымъ водевилямъ; до начала нынѣшняго столѣтія не было даже различія между русскими оперными и драматическими артистами. Новые же геніи нашей оперы, воспѣтые г. Стасовымъ: Кюи, Римскій-Корсаковъ, Бородинъ, Мусоргскій совершенно удалились отъ русскаго искусства. Они образуютъ подъ-отдѣленіе германскаго искусства, хотя нѣмцы отказываются отъ подобныхъ незаконныхъ дѣтищъ. Это не искусство, а какое-то публичное жеваніе тряпки. Относительно исполненія оперъ русскіе пѣвцы также никакой школы выработать не успѣли. Пѣвцы екатерининскихъ и александровскихъ временъ музыки почти совсѣмъ не знали; были даже такіе, что не знали вовсе нотъ и разучивали свои партіи послуху, какъ канарейки. Только съ устройства консерваторіи могла зайти рѣчь о солидномъ образованіи лирическихъ артистовъ. До сихъ поръ, однако, удачный дебютъ на какой-либо второстепенной „италіанской" сценѣ считается для „русскаго" пѣвца лучшею рекомендаціею и русская опера не можетъ обойтись безъ иностранцевъ, особенно чеховъ, а послѣднее время въ нее проникли итальянцы и евреи. Не смотря на консерваторіи, капельмейстеры также всѣ иностранцы.

Русская хореграфія, судя по вниманію къ ней высшихъ сферъ, должна бы, казалось богъ вѣсть какъ процвѣсти. Еще графъ Безбородко ничтожной танцовщицѣ Ленушкѣ выхлопоталъ въ приданое упраздненный городъ Рожественъ съ 80,000 дохода, домъ въ Петербургѣ въ 300,000 руб. и мужу чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника! Но такія административныя щедроты, а равно балетоманія, свирѣпствовавшая въ Петербургѣ вплоть до пятидесятыхъ годовъ и достигавшая своего апогея въ началѣ нынѣшняго столѣтія, не создали національной хореграфической школы. Хореграфія какъ была принесена къ намъ искусствомъ итальянскимъ, слегка усовер-

шенствованнымъ французами, такъ и осталась, и изобрѣтенная французомъ Огюстомъ „русская пляска“ дѣла существенно не измѣнила. Предоставленная самой себѣ русская хореографія быстро впадала въ рутину, и только появленіе иностранныхъ знаменитостей давало ей по временамъ движеніе впередъ. Впрочемъ, наши балерины имѣли успѣхъ на заграничныхъ сценахъ и до послѣдняго времени.

Таковы результаты столѣтняго существованія театра. У насъ были, между тѣмъ, таланты. Драматическая труппа гордится Дмитревскимъ, Я. Шумскимъ, Гамбуровымъ, Крутицкимъ, Рыкаловымъ, Шушеринымъ, Яковлевымъ, Бобровымъ, Мочаловымъ, Каратыгинымъ, Щепкинымъ, Шумскимъ, Брянскимъ, Сосницкимъ, Мартыновымъ, Максимовымъ, Самойловымъ, Васильевымъ, Ивановою, Каратыгиною, Сахаровою, Воробьевою, Семеновою, Асенковою, Дюръ, Колосовою, Самойловыми, Снѣтковою, Линскою, Савиною и др.

Русская опера, болѣе другихъ бѣдная до сихъ поръ талантами, вспоминаетъ Злова, Климовскаго, Ефремова, Самойлова, Петрова, Семенову, Сандунову, Фодоръ, Воробьеву, Черникову, Лавровскую и друг.

Наконецъ балетъ выставилъ на первый планъ Берилову, Колосову, Данилову, Иконину, Истомину, Лихутину, Зубову, Телешеву, Смирнову, Андреянову, Богданову, Петипа (Суровщикову), Муравьеву, Вергину, Соколову, Валберха (Лѣсогорова) и др.

Силъ, значитъ, было довольно, и силы эти вышли изъ „народа“, ибо высшіе классы общества до послѣдняго почти времени чуждались артистической карьеры. Если труды этихъ талантовъ разбивались и по большей части пропали, не создавъ ни въ одной отрасли искусства русской школы, то значитъ были на то препятствія. Не зависѣли ли послѣднія отъ источника откуда выходили артисты, объусловливавшаго отсутствіе воспитанія, того воспитанія, которое, по словамъ Лейбница, все, ибо и „медвѣдей заставляетъ танцовать“...

Что же пожелать нашему театру въ будущемъ? Желанія эти могутъ быть весьма разнохарактерны; мы укажемъ на наиболѣе существенныя.

Прежде всего, надобно желать интеллигентнаго управленія. На этотъ счетъ дирекція театровъ за сто лѣтъ похвалиться не можетъ, и графъ Милорадовичъ, устроившій изъ театральнаго училища Parc aux Cerfs на казенной дачѣ въ Екатерингофѣ, и А. М. Гедеоновъ, говорившій подчиненнымъ: „Воруйте, чортъ васъ возьми,

пока я живъ", суть два преобладавшихъ типа нашихъ театральныхъ администраторовъ.

Самое лучшее было бы, театральную дирекцію, какъ учрежденіе устарѣлое, упразднить, а вновь образовать департаментъ или управленіе изящныхъ искусствъ, которому, кромѣ театровъ, поручить академію художествъ, Эрмитажъ, театральныя школы, консерваторіи и др. учрежденія, касающіяся изящныхъ искусствъ. Придворные театры завѣдуемые спеціалистами, должны имѣть монополію, ибо только при ней столичная сцена можетъ служить школою изящнаго вкуса въ Россіи.

Затѣмъ необходима развитая публика. Масса, конечно, всегда будетъ къ зрѣлищамъ относиться неинтеллигентно, но у насъ и въ „сливкахъ" общества замѣчается скорѣе пониженіе вкуса, нежели повышеніе по отношенію къ театру. Наши театралы всегда отличались страннымъ непостоянствомъ воззрѣній, дѣлаясь изъ почитателей балета итальяноманами, затѣмъ гиппоманами, далѣе увлекались музыкою будущаго, и въ заключеніе опереткой; все-таки прежде было болѣе истинныхъ любителей, цѣнителей и знатоковъ театра. Порода же записныхъ театраловъ, жившихъ въ театрѣ и для театра, людей, которые, какъ князь Шаховской, отъ неуспѣха какого-либо водевиля рвали на себя волосы и впадали въ отчаяніе, совсѣмъ, можно сказать, вывелась.

Этихъ цѣнителей, необходимыхъ для развитія артистовъ, не замѣняетъ мало по малу развивающаяся критика, театральная и музыкальная. Хотя есть наивные люди, утверждающіе, даже въ печати, что въ былое время были необыкновенные критики театра, тогда какъ нынѣ имѣются лишь рецензенты, но это одно недоразумѣніе, основанное на томъ, что въ старые театральные отчеты никто не заглядываетъ.

Уровень театрально-музыкальной критики благодаря возникновенію рядомъ съ критикою такъ называемыхъ „рецензентовъ", питающихся насчетъ кулисъ, у насъ еще все-таки довольно низокъ; повышаясь постепенно, онъ подыметъ вкусы публики, будетъ вліять и на артистовъ и на театральную администрацію. Словомъ, если театральное начальство, публика и критика улучшатся и станутъ серьезнѣе, то черезъ сто лѣтъ наши потомки имѣютъ шансы отпраздновать юбилей русскаго театра съ большею гордостью нежели мы...

Увольненіе барона Кистера отъ завѣдыванія казенными театрами заставило возликовать всѣхъ, кому были дороги интересы искусства. Дѣйствительно, трудно понять, въ силу какихъ сообра-

женій, почтенный баронъ, въ молодости спеціально изучавшій садоводство,—которое съ Людовика XIV перестало считаться искусствомъ, а затѣмъ служившій кассиромъ, былъ признанъ компетентнымъ въ театральномъ дѣлѣ. Въ оправданіе барона можно привести, однако, что онъ никогда никакихъ эстетическихъ претензій не заявлялъ, а задачею своею положилъ благоразумную экономію.

Исторія нашего театральнаго управленія до барона Кистера незамысловата. Одинъ начальникъ театровъ, танцуя въ будуарѣ танцовщицы, сломалъ себѣ ногу, другой выйдя изъ будуара танцовщицы, поѣхалъ усмирять бунтовщиковъ на Сенатской площади и былъ убитъ, третій въ будуарѣ танцовщины двадцать лѣтъ управлялъ русскимъ искусствомъ и т. д. и т. д. до безконечности. Это одна сторона управленія и напрасно вольтеріанцы станутъ возражать что-либо. Другая сторона—это, выражаясь моднымъ словомъ, хищеніе.

Екатерина II приходила въ ужасъ отъ воровства въ театральномъ управленіи, при Александрѣ I и Николаѣ I директоры рвали на головѣ волосы съ отчаянія. О болѣе новыхъ временахъ умолчимъ, хотя извѣстно, что кассиры и смотрителя театровъ, получая по 300 руб. въ годъ жалованья, ухитрялись держать экипажи и имѣть отличныя дачи, громадное зданіе дирекціи наполнено было квартирами какихъ-то докторовъ и портнихъ, всѣ служащіе отъ режиссеровъ до капельдинеровъ эксплоатировали артистовъ, а при постановкѣ новаго балета или оперы, публика заранѣе распредѣляла по пальцамъ: этому столько, тому столько, а этому ничего.

Князь Тюфякинъ былъ единственнымъ директоромъ съ основанія русскаго театра, при которомъ не только не было дефицита, но который заплатилъ даже долги прежнихъ управленій. Онъ эксплоатировалъ съ этою цѣлью пристрастіе тогдашняго общества до всего французскаго, пристрастіе, дошедшее въ царствованіе Александра I до уродливыхъ крайностей.

По словамъ записокъ Рафаила Зотова, бывшаго начальника репертуарной части, князь Тюфякинъ составилъ остроумный планъ: зная, что жажда къ французскимъ спектаклямъ не испугается никакихъ стѣсненій, онъ объявилъ общій абонементъ для русскихъ и французскихъ представленій, такъ что за три послѣднія въ недѣлю—абонирующійся долженъ былъ смотрѣть и четыре русскихъ. Галломаны поморщились, но абонировались, хотя абонементъ стоилъ тогда 1,000 рублей и выше. „Абонировавшаяся публика, пишетъ г. Божеряновъ въ „Исторіи Большого театра“, состояла изъ высшаго

петербургскаго общества, которое гораздо рѣже нынѣшняго посѣщало русскіе спектакли, потому что почти никогда и между собою не говорило по-русски. Будучи принуждено посѣщать національные спектакли, оно, во-первыхъ, нѣсколько познакомилось съ русскою литературою; во-вторыхъ, увидѣло, что на нашей сценѣ много отличныхъ, первоклассныхъ дарованій; актеры же, съ своей стороны, чувствуя, что зрители ихъ уже не тѣ гостинно-дворцы и чиновники средняго сословія, которые имъ за все хлопаютъ и вызываютъ, стали облагораживать свою игру".

Мы привели цѣликомъ эти строки, хотя признаться преувеличеніе въ нихъ очевидно. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, русскій театръ чуждъ для нашего высшаго общества и если „хитрость" князя Тюфякина удалась, то на очень короткій срокъ. Во всякомъ случаѣ, князь Тюфякинъ съ его экономіей — чудо между директорами императорскихъ театровъ. Дефицитъ, какъ извѣстно, составлялъ всегда ихъ принадлежность и не исчезалъ даже при баронѣ Кистерѣ, который многими считался алегорическимъ воплощеніемъ экономіи. Театральный дефицитъ озабочивалъ правительство еще въ прошломъ столѣтіи. На представленную ей завѣдывавшими въ 80-хъ годахъ императорскими театрами, Соймоновымъ и Храповицкимъ, записку о долгахъ, императрица Екатерина II написала на докладѣ: „Я и теперь не вѣдаю, чего вы отъ меня хотите? Я согласилась выдать 163,000 руб. и особенно на долю дирекціи и комитету, а годовое для того не назначаю, что надѣюсь, что вы излишнихъ людей отпустите и во всемъ сдѣлаете укращеніе расхода, *какъ у порядочныхъ и усердныхъ людей* водится". Но напрасны были ожиданія императрицы. „Укращенія" расходовъ не дождется, вѣроятно, и XX столѣтіе.

Третьимъ традиціоннымъ свойствомъ театральнаго управленія за сто лѣтъ были презрѣніе къ собственному національному искусству и пресмыканіе передъ иностраннымъ. Исключеніе дѣлалось лишь для балета (и то не всегда) по причинамъ, изложеннымъ выше. Въ извиненіе театральнаго управленія надобно, однако, тутъ прибавить, что такое предпочтеніе чужого своему обусловливалось вкусами вліятельныхъ петербургскихъ сферъ. Услыша олимпійское замѣчаніе, что безсмертная опера Глинки c'est la musique des cochers, директоръ, конечно, не рѣшался хлопотать о роскошной обстановкѣ подобнаго не аристократическаго зрѣлища.

Итакъ, въ общемъ итогѣ наслѣдникамъ г. Кистера, подъ иго немъ театральнаго управленія, досталась не совсѣмъ казист

мѣсь непотизма, хищенія и обезьянства. Каждый, кто пожелалъ ы принести театральному дѣлу пользу, долженъ былъ начать войну ъ предразсудками и злоупотребленіями, накопившимися десятками ѣтъ. Только при особомъ усердіи и знаніи всѣхъ тонкостей искус-ства можно было при подобныхъ условіяхъ сдѣлать что-нибудь.

Къ сожалѣнію, новый директоръ, не подготовленный своею ужбою (аташе въ Парижѣ) къ завѣдыванію большимъ казеннымъ зяйствомъ, не въ силахъ былъ оправдать ожиданія публики. Раз-ливающійся Большой театръ, окруженный какими-то уродливыми ревянными пристройками, въ мѣстности, гдѣ по закону деревянныя стройки воспрещены, характеризуетъ отчасти современное поло-женіе столичныхъ театровъ.

Десять лѣтъ назадъ, при дефицитѣ въ 150,000 руб., въ С.-Пе-рбургѣ все-таки были русская и итальянская опера, три русскихъ атра, балетъ, французскій и нѣмецкій театръ, театральное училище спитывало актеровъ, танцовщиковъ и музыкантовъ, декораціи ри-вали русскіе художники, на сценѣ было немало русскихъ талан-въ, иностранные первоклассные таланты съ радостью ѣхали въ етербургъ; мѣстъ для публики при восьми сценахъ на всѣхъ хва-ло, толкотня была только на Масляной. Казенныя труппы рабо-ли понемногу и лѣтомъ на Каменноостровскомъ театрѣ, нынѣ же обращенномъ въ развалины.

Какъ приключилось, что у насъ театры развалились, дефицитъ ясятерился, вмѣсто одного покойнаго П. С. Ѳедорова создался ный штатъ заправилъ, половина сценъ закрылась и въ русской рѣ запѣли разныя Медеи и Туроли, а въ балетѣ даже чинов-ковъ стали назначать изъ итальянцевъ, много разъ разъяснялось, бенно „Новымъ Временемъ“ и гг. Аверкіевымъ и Танѣевымъ, станавливаться на этомъ не стоитъ.

Уже первый годъ новыхъ порядковъ показалъ, что пресловутое днятіе казенныхъ театровъ на подобающую высоту“ выражается самыхъ странныхъ и неудачныхъ мѣропріятіяхъ, которыя бьютъ карману публику и въ концѣ концовъ проводятъ къ дезорга-ціи столичной сцены, не смотря на плоскіе панегирики, рас-вшіеся на первыхъ порахъ въ разныхъ газетахъ нѣсколькими ьями, увлеченными притворно или въ дѣйствительности общей тицей, окрещенной громкимъ названіемъ „театральныхъ ре-въ“.

Въ „Голосѣ“, въ которомъ любили помѣщать плоды своей музы вники разныхъ канцелярій, какой-то господинъ напечаталъ,

подъ видомъ фельетона, длиннѣйшее оправданіе всему, что натвор
лось въ театральномъ управленіи и что за годъ стало притче
во языцѣхъ для людей прямо или косвенно незаинтересованны
въ дѣлѣ. Кто авторъ панегирика мы не знаемъ; можетъ быть он
былъ изъ плеяды знаменитыхъ „подпоручиковъ", можетъ быть это е
принадлежала богатая идея фойе Большого театра помощью др
пировокъ сдѣлать поразительно похожимъ на одну изъ залъ Па
кина трактира, мы этого не вѣдаемъ, но убѣждены, что, какъ гов
левская слесарша, авторъ самъ себя высѣкъ собственными арг
ментами.

Въ одномъ, впрочемъ, мы согласны съ авторомъ, что наши к
зенные театры и театральная администрація несомнѣнно нужд
лись въ преобразованіяхъ. Это не значило, однако, что всякое и
мѣненіе, какъ бы оно сдѣлано ни было и хотя бы шло въ разрѣ
съ интересами публики, послѣдняя должна одобрять и считать ж
ланными „реформами". Авторъ панегирика увлекся такъ, что уві
рялъ даже, будто бы всѣ сдѣланныя въ театрахъ измѣненія бы
продиктованы публикою и печатью, что публика оцѣнила уже бл
новаго управленія, а если были недовольные, то это или родств
ники уволенныхъ театральныхъ чиновниковъ и капельдинеро
или же абоненты итальянской оперы, которые привыкли къ свои
ложамъ въ Большомъ театрѣ, какъ животныя привыкаютъ къ ст
ламъ, и на которыхъ ничѣмъ, кромѣ приглашенія г. Мазини, у
дить было нельзя.

По словамъ панегирика, прежняя театральная администра
представляла изъ себя поголовное воровство, оно было еще т
опаснѣе, что стало наслѣдственнымъ. Благодаря этому воров
театры давали дефицитъ въ 160 — 200,000 рублей ежегодно.
такого факта слѣдовало, кажется, что если бы воровъ прогна
взять честныхъ людей, то на полученное сбереженіе можно
сдѣлать необходимыя въ театрѣ улучшенія въ содержаніи а
стовъ и служащихъ и т. п. Это кажется такъ по простой че
ческой логикѣ, но не такъ смотрѣлъ авторъ панегирика. Он
воритъ: воровъ мы прогнали, дефицитъ же достигъ свыше 1.40
рублей, но „необходимо замѣтить, прибавлялъ онъ, что эта
представляетъ крайній возможный предѣлъ дефицита". Хор
утѣшеніе! Да возможная ли вещь, чтобы русскій народъ изъ с
кармана приплачивалъ болѣе милліона рублей въ годъ на
чтобы С.-Петербургъ имѣлъ нѣсколько театровъ для своего ра
ченія? Весь бюджетъ столицы составляетъ только 7 милл.

ть и полиція, и постройки, и больницы, и освѣщеніе, и пожар-
я часть, и многое другое, а театральное управленіе требовало изъ
зны $1^1/_2$ милл. рубл. только за удовольствіе, доставляемое извѣст-
й части столичнаго общества.

Мы поняли бы, если бы это былъ еще какой-то налогъ въ
ьзу нашей интеллигенціи, съ цѣлью дать ей возможность на досугѣ
лаждаться сценою, а то вѣдь нѣтъ, и эту самую посѣщающую теа-
ı часть общества, такъ называемую „публику", дирекція обложила
ьма тяжело. Съ перваго же сезона въ итальянской оперѣ цѣны
и повышены, въ русскомъ театрѣ также и число русскихъ сценъ
трехъ сокращено до одной, въ нѣмецкомъ театрѣ и балетѣ цѣны
оены, во французскомъ удвоены и утроены. Остались цѣны безъ
ѣненія только въ русской оперѣ, между тѣмъ, если гдѣ было
можно повысить цѣны, то именно въ русской оперѣ, какъ въ
у возростающей любви публики къ этому роду зрѣлищъ, такъ и
бенно вслѣдствіе значительнаго увеличенія расходовъ на рус-
ю оперу.

„Правда, публика платитъ дорого, писалъ панегиристъ, но за
вмѣсто трехъ скверныхъ русскихъ сценъ имѣется теперь одна
разцовая", оркестръ русской оперы увеличенъ, итальянская и
нцузская труппы прекрасныя, содержаніе артистовъ и служа-
съ увеличено, обстановка пьесъ превосходная и дирекція не
етъ (подлинное выраженіе) болѣе пьесъ и партитуръ..."

Почему сокращеніе трехъ русскихъ театровъ на одинъ должно
ичивать расходы, остается для необучавшихся новой театраль-
ариѳметикѣ темнымъ. Затѣмъ, „образцовою" наша русская
ша не сдѣлалась. Мало того, хотя два театра уничтожены, но
кая труппа оставлена по прежнему тройною, если не четверною,
льшинство артистовъ сидитъ сложа руки, получая казенныя
ги. Въ русской оперѣ оркестръ увеличенъ, но вѣдь это глу-
олько могутъ удивляться, отчего есть недовольные даже тѣмъ,
увеличено число музыкантовъ. Подобные господа вообража-
что чѣмъ больше музыкантовъ, тѣмъ лучше: la mariée
plus belle. Они не понимаютъ, что сила оркестра въ прямой
съ размѣромъ залы, силою голосовъ исполнителей, даже съ
ми зрителей: шумъ, хотя бы и гармоничный, далеко не для
пріятенъ. Въ русской оперѣ также приглашено было нѣ-
ко ненужныхъ артистовъ, сидѣвшихъ безъ занятій.

гносительно увеличенія жалованья артистовъ и служащихъ

надобно оговориться. Конечно, многіе получали скудное вознаграж-
деніе, но нельзя при расходованіи казенныхъ денегъ руководить
одними чувствами гуманности, не задаваясь и экономическими со-
ображеніями. Танцовщицы, напримѣръ, получали отъ 400 до 1,200
Это не очень много, но вѣдь надобно вспомнить, что таково жа-
лованье большинства офицеровъ и чиновниковъ, оно вдвое бол
жалованья гувернантокъ и учительницъ. Танцовщица молодая же-
щина, жила въ семьѣ, гдѣ мать, отецъ—буде таковой имѣлся—
сестры, братья всѣ что-нибудь заработывали и, складывая сп
средства, жили скромно. Между тѣмъ, 36-ти лѣтъ отъ роду, т.
еще въ молодыхъ годахъ, жалованье танцовщицы обращается в
пенсію. Теперь танцовщицамъ (кромѣ балеринъ) назначено бе
малѣйшаго торга, по благоусмотрѣнію, жалованье отъ 600 д
4,500 руб. Это, конечно, пріятно танцовщицамъ и ихъ поклонн
камъ, но во что же обходится при этомъ балетъ, который ес
для большой сцены необходимъ, то въ предѣлахъ благоразумія,
относя сотенъ тысячъ его содержанія на государственное каз
чейство. Что и прежніе оклады были достаточны, доказывало
обстоятельство, что въ театральное училище нельзя было попас
иначе, какъ по особой протекціи.

То же относится и до содержанія чиновниковъ. Очень ху
если, напримѣръ, прежній дѣлецъ дирекціи, получая 300 руб. в
годъ, кралъ еще 300 рублей. Но чѣмъ лучше, если вмѣсто эт
птенца старой администраціи посадить новичка, который ниче
не знаетъ, ничего не дѣлаетъ, а потребуетъ за свое ничего-нед
ніе 3,000 рублей въ годъ. Мы не говоримъ уже объ учрежде
должностей инспекторовъ портныхъ и цвѣтовъ, смотрителей к
сокъ, о командировкахъ заграницу, объ отдѣлкѣ на казенный сч
обширныхъ квартиръ и т. д.

Хорошая обстановка пьесъ, на которую указывалъ г. пан
ристъ, доказываетъ только, что денегъ не жалѣютъ на костю
декораціи и обстановку, но искусство не въ томъ, чтобы истра
какъ можно болѣе денегъ, а въ томъ, чтобы на тѣ же деньги с
лать лучше прежняго. За желаніе платить болѣе гонорара
скимъ авторамъ всѣ похвалили дирекцію, равно какъ и за усту
требованіямъ Общества французскихъ драматическихъ писат
хотя дирекція вовсе не обязана платить за всѣ иностранныя п
и партитуры. Здѣсь никакого воровства не было и г. панегири
напрасно ссылался на литературную конвенцію. Хоть бы онъ

италъ „Правительственный Вѣстникъ", гдѣ прямо было разъяснено
наченіе литературной конвенціи, нынѣ кстати и уничтоженной.

Къ числу заслугъ новаго театральнаго управленія, а такъ же,
ъ причинамъ крупнаго дефицита, отнесенъ авторомъ панегирика—
тказъ отъ субсидіи города, отъ налога съ частныхъ зрѣлищъ и
гъ монополіи афишъ. Дирекція потеряла такимъ образомъ около
00,000 руб. въ годъ. Мы, признаться, и здѣсь не видимъ никакой
слуги. Дирекція могла отказаться отъ этихъ вещей, только подъ
епремѣннымъ условіемъ сводить бюджетъ безъ дефицита.

Какая справедливость брать изъ казеннаго сундука милліонъ,
е. брать ихъ изъ податныхъ суммъ русскаго народа, которому
отъ оперы, и отъ балета ни тепло, ни холодно, а великодушно
ѣлать пожертвованія въ пользу петербургскихъ балагановъ,
. Гинцбурга и Картавова, магазиновъ, публикующихъ о привозѣ
стрицъ, и т. п. Субсидія города Петербурга также въ тысячу разъ
аконнѣе, чѣмъ погашеніе театральнаго дефицита на казенныя
редства. Хорошіе театры одно изъ удобствъ столичной жизни,
весьма естественно, если городъ понесетъ часть расходовъ по до-
тавленію жителямъ этого рода удобства. Трудно постигнуть, по-
ему содержаніе образцовой сцены менѣе касается города, чѣмъ
апр. содержаніе монументовъ.

Слѣдующія семь сезоновъ только ухудшили качество казенныхъ
атровъ, и „реформы" какъ будто задались цѣлью сдѣлать театры
возможности менѣе доступными массѣ публики. Они стали
ке не по карману, напримѣръ, военнымъ и потребовалась особая
гота о выдачѣ билетовъ офицерамъ за половинную цѣну, сопря-
енная съ исполненіемъ разныхъ сложныхъ формальностей. Въ
ромъ времени и для остальной публики театръ сдѣлается при-
легіей доступной лишь для небольшого кружка.

Эта дороговизна театра тѣмъ замѣчательнѣе, что нисколько не
твѣтствуетъ улучшенію достоинства предлагаемыхъ зрѣлищъ.
альянская опера, которою гордился Петербургъ и которая до-
авляла большое эстетическое наслажденіе, уничтожена, повиди-
му, навсегда; русскій драматическій театръ потерялъ многихъ
нтливыхъ сюжетовъ и новыхъ не отыскалъ; русская опера
ратилась въ складъ ненужныхъ пѣвицъ и вынуждена дозволять
ебя пѣть иностранкамъ на ихъ языкѣ; балетъ поддерживаетъ
е существованіе исключительно выпискою иностранныхъ арти-
въ. Иностранцы стали занимать при театрѣ обязанности капель-
йстеровъ, режисссеровъ, точно мы возвращаемся ко временамъ

Анны Іоановны. Нѣкоторыя сцены въ полномъ упадкѣ, напримѣръ нѣмецкая. Если вѣрить берлинскимъ газетамъ, то артисты этой сцены никогда не видятъ своего начальства, иначе какъ на фотографіи. Вещь заграницею не понятная. Московскіе театры не имѣютъ особаго директора; ими завѣдуютъ изъ Петербурга, въ виду этого жалованье увеличено директору съ 6 до 10 тысячъ рублей, а управляющему конторою съ 3 до 5 тысячъ. Начальникъ монтировочной части переименованъ въ завѣдывающаго и ему положено четыре помощника и т. д. По этому случаю нельзя не вспомнить, что, во время процвѣтанія казеннаго театра, П. С. Федоровъ завѣдывалъ театральнымъ училищемъ, занимая вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность начальника репертуарной части въ шести трупахъ, тогда какъ теперь почти во всѣхъ театрахъ заведены особые начальники репертуара, изъ которыхъ нѣкоторые получаютъ болѣе 10,000 руб. въ годъ жалованья.

Послѣднимъ проявленіемъ „реформатской“ дѣятельности по части театровъ была организація пресловутой конторы записей. Даже скромнѣйшій и дипломатичнѣйшій „Journal de St.-Pétersbourg“ возмутился созданіемъ этого учрежденія, выдуманнаго, по мнѣнію газеты, для стѣсненія публики. „Journal de St.-Pétersbourg“ наивно удивлялся, почему вмѣсто конторы не назначили просто прибавки къ цѣнамъ билетовъ, если послѣдніе брать ранѣе въ кассѣ; это не требовало бы, говорилъ онъ, лишнихъ служащихъ. Но тутъ-то и видна наивность газеты. Какая же это была бы „реформа“, если бы не требовалось учреждать новыхъ чиновниковъ и чиновницъ, да надъ ними смотрителей и контролеровъ.

Чиновники эти погулявъ за лѣто, получая исправно жалованье и освѣжившись къ осени, придумали себѣ слѣдующую забаву. Четыре раза въ день въ лотерею разыгрываются письма публики, полученныя въ конторѣ записей. Сооружается какая-то громадная копилка, туда складываютъ письма, затѣмъ копилку трясутъ и, наконецъ, вытаскиваютъ счастливые билеты. Занятіе очень напоминаетъ игру въ лото нашихъ бабушекъ, но тѣ по крайней мѣрѣ занимались имъ даромъ, или на свои деньги, здѣсь же играющимъ, или вѣрнѣе, играющимся, казна выдаетъ жалованье.

Дефицитъ зависѣлъ еще не только отъ тароватаго управленія, но и отъ упраздненія бывшей монополіи дирекціи. Противъ этой монополіи давно ратовало наше общественное мнѣніе. Какъ извѣстно, свобода театровъ для провинцій всегда существовала, но для столицъ она давалась постепенно въ очень нерѣшительной фор-

и только съ 1881 года частные театры окончательно были разрѣшены.

Интересны въ этомъ отношеніи разсужденія бывшаго министра двора, графа В. Ѳ. Адлерберга, въ концѣ 50-хъ годовъ „Относительно дарованія частной предпріимчивости полной свободы заводить въ столицѣ національные театры всякаго рода и для всѣхъ сословій — писалъ покойный графъ — обязываюсь замѣтить слѣдующее. Указомъ императрицы Екатериною II 1783 г. даровано это право, однако только два лица открыли частные театры въ Москвѣ. Ни-кто другой этимъ правомъ не воспользовался и эти два лица кончили банкротствомъ, что доказываетъ, что въ Россіи любовь къ драматическому искусству не была развита и не сильно развилась, что до сихъ поръ только императорскіе театры и театральная школа имѣли вліяніе на установленіе и развитіе (хотя слабое и не изящное ни во вкусѣ, ни въ направленіи) сценической литературы и на формированіе артистовъ. Не спорю, что соревнованіе между нѣсколькими театрами, желаніе поступить на сцену императорскую могутъ поощрить и писателей, и артистовъ, могутъ усовершенствовать произведенія первыхъ и дарованія послѣднихъ, но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ: время ли теперь даровать своду и принесетъ ли она ту пользу, которую желаютъ извлечь"?

Графъ В. Ѳ. Адлербергъ на это отвѣчаетъ рѣшительно—нѣтъ. Нынѣ въ особенности — говоритъ онъ — у насъ литература, не чисто-литература, стремящаяся къ усовершенствованію вкуса, языка, къ исправленію нравовъ, къ утвержденію порядка, законовъ, нравственности, вѣры,—она единственно политическая и направленная затемъ косвеннымъ къ ниспроверженію существующаго законнаго порядка. Уже въ царствованіе блаженныя памяти императора Николая Павловича она взяла это пагубное направленіе, которое хотя постепенно и осторожно, но постоянно и послѣдовательно развилось, ускользнуло отъ взгляда тогдашней строгой цензуры и успѣло установить въ обществѣ сильное мнѣніе, противное правительству. Въ этомъ направленіи, въ этомъ духѣ пишутся нетолько журналы, но и повѣсти, романы и театральныя пьесы; все клонится къ тому, чтобы возбудить общественное мнѣніе, противное правительственнымъ лицамъ, распоряженіямъ и установленіямъ, посредствомъ чего намѣреваются идти и далѣе".

„Частные театры, которые за 75 лѣтъ тому назадъ, не учредились, теперь, по словамъ графа, учредятся во множествѣ, какъ средство политической пропаганды, ибо въ нихъ желающіе перево-

рота найдутъ вѣрное средство дѣйствовать на всѣ сословія сильн
и скоро, а паче на простой народъ, въ такой степени важный дл
него теперь. Напрасно думаютъ, что правительство обрѣтетъ этим
театрами способъ нравственно образовать простой народъ, указывая
въ какомъ направленіи и духѣ должны быть писаны пьесы дл
сихъ театровъ. Правительство даже при самомъ началѣ не был
въ состояніи оградить его отъ сочиненій совершенно противныхъ
если не въ цѣломъ, то въ частныхъ выходкахъ, изъ которы
одной можетъ быть достаточно для опроверженія всего писанна
въ его духѣ. Никакая цензура, никакая полицейская мѣра от
этого не оградитъ"...

Частныя сцены теперь учредились; по части банкротства они
правда, не многимъ ушли отъ временъ екатерининскихъ предпри
нимателей, но ужь въ политической пропагандѣ ихъ заподозрит
невозможно. Въ этомъ случаѣ предсказанія графа Адлерберга н
оправдались; но послѣдній вѣрно оцѣнилъ, что для искусств
отъ упраздненія монополіи пользы не будетъ никакой. Частная ан
треприза сдѣлалась у насъ средствомъ для распространенія опе
ретки и сценическаго разврата, она понизила и опошлила и бе
того невысокій вкусъ публики. Въ этомъ случаѣ театральные ре
форматоры 80-хъ годовъ были менѣе проницательны, чѣмъ адми
страторы 60-хъ годовъ.

Нашъ, хотя и короткій опытъ это вполнѣ доказываетъ: мы не
видѣли пока ни одной серьезной попытки создать въ Петер
бургѣ русскій театръ, который если и не конкурировалъ бы с
Александринкой, то по крайней мѣрѣ служилъ бы подспорье
для казенной сцены. Устройство такого театра дѣло не легко
потому что, кромѣ солиднаго капитала, затрачиваемаго безъ спеку
лятивной цѣли, здѣсь требуется особое умѣніе въ составленіи
труппы и являются громадныя затрудненія въ пріобрѣтеніи соб
ственнаго репертуара. Какъ бы репортеры ни расписывали краси
частной сцены, она скоро обанкротится, когда публика смекне
что ее стараются провести.

Зная это, наши доморощенные Монтиньи и Коненги изъ
ставныхъ половыхъ не ухищряются созданіемъ русской сцены, а пр
берутся за оперетку, которая съ конца 50-хъ годовъ стала по
среди дороги между лирическимъ искусствомъ и порнографіей. Та
кого рода товаръ всегда находитъ себѣ покупателей, а при неум
ломъ управленіи казенными театрами число покупателей долж
еще увеличиться. Опереточные театры если и не удержатся,

потому развѣ, что это жанръ случайный: остроумные либретисты и мелодическіе композиторы вымираютъ, репертуаръ талантливыхъ оперетокъ очень не великъ, а публикѣ должны рано или поздно надоѣсть одни и тѣ же дурачества, даже подъ музыку.

Кромѣ оперетки отъ свободы театровъ повезло въ Петербургѣ почему-то польскому театру. Какъ былъ въ свое время періодъ увлеченія греческими кухмистерскими, такъ въ короткій промежутокъ въ Петербургѣ перебывало три драматическихъ польскихъ труппы, одна опереточная и три балетныя. Откуда такая благодать для Петербурга, понять трудно. Что здѣшняя польская колонія, знающая отлично русскій и французскій языки, мало нуждалась въ собственномъ театрѣ, доказывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что польскій театръ плохо посѣщался, хотя репортеры изъ кожи лѣзли расхваливая своихъ артистовъ и упрекая польскую колонію въ постыдномъ равнодушіи. Еще менѣе нуждалась въ польскомъ театрѣ русская публика. Хотя польскіе актеры, особенно мужчины, играли недурно, но репертуаръ польскаго театра таковъ, что интереса представлять не можетъ, исключая случайнаго интереса, какъ это, молъ, по-польски говорятъ на сценѣ. Пьесы съ тенденціей, буде таковыя имѣются, не попадали на нашу сцену, своего Фредро только поляки могутъ принимать за Мольера, а ихъ новѣйшіе авторы рисуютъ бытъ, который въ нашемъ обществѣ, взволнованномъ и проникнутомъ соціальными идеями, кажется чѣмъ-то старосвѣтскимъ и дореформеннымъ. Наконецъ, главное основаніе польскаго театра, какъ и другихъ сценъ, составляетъ французскій репертуаръ, а въ Петербургѣ тѣ же пьесы можно удобнѣе видѣть на французскомъ языкѣ или въ русской передѣлкѣ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ польскій театръ въ Петербургѣ былъ явленіемъ совершенно неразумнымъ, не имѣвшимъ никакого прочнаго задатка на успѣхъ. Польскія труппы просуществовали еще менѣе, чѣмъ греческія кухмистерскія.

Мы глубоко убѣждены, что отъ свободы театровъ въ будущемъ можно ожидать только поощренія разврата. Если правительство регламентируетъ аптеки, то еще съ большимъ правомъ оно должно регламентировать театры: послѣдніе въ состояніи отравить публику почище всѣхъ аптекъ въ сложности. Дозволяя безграничную свободу сценическихъ представленій, мы создадимъ только массу балагановъ и отдѣльныхъ псевдо-знаменитостей, но не создадимъ ни одной сцены, ни одной серьезной труппы. „Цензура нравовъ“ безусловно необходима для всякаго рода публичныхъ представленій

и безъ нея не обходится ни одно самое свободное государство въ мірѣ. Строгость идетъ даже въ этомъ случаѣ обратно пропорціонально прочимъ „вольностямъ“. Такъ, въ Англіи ни одинъ театръ не поставитъ у себя теперь тѣхъ скабрезныхъ комедій Уичерли и Конгрива, которыя свободно игрались въ семнадцатомъ столѣтіи.

Въ 1888 г. во Франціи возбуждался вопросъ объ отмѣнѣ, экономіи ради, цензуры для драматическихъ произведеній, возникающій тамъ періодически и до сихъ поръ всегда разрѣшаемый отрицательно. „Figaro“ пожелалъ выслушать мнѣніе по этому вопросу нѣкоторыхъ корифеевъ французской драматической литературы—лицъ, которыхъ интересы наиболѣе связаны съ существованіемъ театра. А. Дюма, Ренанъ, Зола, Додэ, Э. Ожье написали свои мнѣнія и всѣ, кромѣ Зола, склонялись къ необходимости сохраненія цензуры. Мнѣніе Зола о томъ, что торговля зрѣлищами тоже самое, что торговля свѣчами, не болѣе какъ остроумный парадоксъ. И торговлѣ свѣчами и саломъ вовсе не предоставлено полной свободы, торговая полиція слѣдитъ и за этимъ промысломъ и преслѣдуетъ фальсификаціи. Если бы, какъ справедливо указалъ Ренанъ, театръ оставался удѣломъ образованнаго кружка, какимъ былъ сто лѣтъ назадъ, то само собою никакой цензуры давно бы не слѣдовало имѣть, но театръ демократизируется; на одинъ театръ съ эстетическими задачами приходится теперь десять театровъ и кафе-шантановъ, преслѣдующихъ исключительно меркантильныя цѣли; для этого рода зрѣлищъ одного внѣшняго полицейскаго надзора за порядкомъ недостаточно. Никакое государство, устанавливающее наказаніе за развратъ, не должно терпѣть публичной проповѣди послѣдняго на сценѣ, хотя бы и въ замаскированной формѣ.

Вообще весьма заблуждаются тѣ, которые въ свободѣ видятъ средство поднять въ Россіи сцену. Свобода, по нашему мнѣнію, обѣщаетъ увеличить число мѣстъ зрѣлища и развлеченій, но такъ какъ инстикты и вкусы массы публики грубы и анти-эстетичны, то удовлетвореніе этихъ инстинктовъ составитъ важнѣйшую задачу частной антрепризы, для которой хорошій дивидендъ поважнѣе всякихъ эстетикъ. Въ подтвержденіе справедливости этого воззрѣнія можно привести и примѣръ Парижа, гдѣ за двадцать лѣтъ свободы театровъ не создалось ни одной серьезной новой сцены, а наоборотъ, уничтожилась итальянская опера, составлявшая любимое развлеченіе лучшей части парижскаго общества.

Одною изъ мѣръ для поощренія у насъ частныхъ театровъ въ столицѣ было ограниченіе казенныхъ сценъ давать представленія въ

посту. Каждый разъ съ наступленіемъ великаго поста возбуждалось недоумѣніе, почему продолжается запрещеніе именно на всѣ нравственныя и разумныя зрѣлища, каковы оперные и драматическіе спектакли дирекціи, а рядомъ процвѣтаютъ цирки, фокусники, соблазнительныя живыя картины, куплеты и какъ вѣнецъ всего — оперетка, распѣваемая дѣвицами самаго невеликопостнаго направленія, декольтированными не только съ верху, съ низу, но даже и сбоку.

Въ оправданіе этого говорятъ, что спектакли оставлены лишь для многочисленныхъ въ Россіи иностранцевъ и иновѣрцевъ. Но если бы это было такъ, то слѣдовало бы при выдачѣ въ кассахъ билетовъ требовать представленія паспортовъ съ визами консуловъ. Въ дѣйствительности же наши экономные иностранцы менѣе всего посѣщаютъ въ посту спектакли, и всѣ театры, а особенно веселые, наполнены русскими и православными. Наконецъ далеко не одними иностранными спектаклями ограничивается великопостный репертуаръ: цыганское пѣніе съ „восточными плясками“, скабрезныя шансонетки съ неприличными тѣлодвиженіями и гражданско-кабацкими мотивами, исполняемыя русскими на этотъ счетъ спеціалистами, являются постоянно на афишѣ. Въ живыхъ картинахъ цѣлуются, обнимаются и всячески амурятся также все русскіе дамы и кавалеры.

Мотивъ къ воспрещенію серьезныхъ и скромныхъ зрѣлищъ выставляется обыкновенно религіозный. На это особенно напиралъ въ свое время московскій митрополитъ Филаретъ. Христіанская-де церковь прокляла театральныя представленія, такъ неудобно дозволять ихъ въ тѣ дни, которые особенно чтятся церковью. На это можно замѣтить, что то, что проклято церковью, не слѣдовало бы поощрять ни въ какіе дни года. Къ счастію, запретъ, положенный церковью на зрѣлища, ровно никакого отношенія къ современному театру не имѣетъ.

Отцы церкви очевидно могли порицать и проклинать только то, что они знали и видѣли, и едва ли въ своихъ заклятіяхъ они являлись какими-то пророками въ будущемъ, распространяя анаѳемы на такіе виды искусства, о которыхъ никто не могъ имѣть и отдаленнаго подозрѣнія въ первые вѣка христіанства. Весьма понятно что и до аскетическаго направленія, охватившаго церковь въ V-мъ вѣкѣ, христіане не могли равнодушно относиться къ тѣмъ зрѣлищамъ, которыя давались публикѣ въ Римской имперіи; цирки, гдѣ убивали, жгли, терзали живыхъ людей на потѣху развращенной толпѣ, конечно, не могли рекомендоваться; комедія являлась въ

формѣ непристойныхъ фарсовъ, а трагедія, вытекшая изъ языческаго ритуала, въ основаніи своемъ имѣла Фатумъ, вовсе не вязавшійся съ понятіемъ христіанъ о промыслѣ Божіемъ. Да и означенныя драматическія представленія въ первые вѣка христіанства никакой роли уже не играли, циркъ стоялъ на первомъ планѣ въ ряду увеселеній, представленіямъ его давали такую важность, что историки временъ имперіи заносили многія изъ нихъ въ число важнѣйшихъ событій. Циркъ главнымъ образомъ и имѣли въ виду отцы церкви.

Но какъ могли они имѣть что-либо противъ современнаго театра, который даже въ первоначальной формѣ созданъ только въ XVI и XVII столѣтіяхъ, а нѣкоторые виды представленій, какъ опера и балетъ, выработали свои настоящія формы въ XVIII столѣтіи. Едва ли можно думать, чтобы тѣ же отцы, которые сдѣлали музыку, пѣніе, пляски и обличеніе пороковъ сатирическою проповѣдью, принадлежностью церковнаго ритуала, приравняли бы современныя нравоучительныя комедіи, патріотическія оперы и скромныя пляски къ боямъ гладіаторовъ, гдѣ рѣзали и душили ни въ чемъ неповинныхъ рабовъ и плѣнниковъ, и терзали праведниковъ дикими звѣрьми. Театръ въ лучшемъ видѣ, какъ онъ теперь существуетъ, есть мѣсто, гдѣ разныя искусства сочетаются для произведенія наибольшаго впечатлѣнія на массу; онъ имѣетъ столько же воспитательное, столько и эстетическое значеніе; христіанство никогда враждебно искусству не было. Даже самый аскетизмъ придавалъ ему одностороннее гіератическое направленіе, но не выступалъ рѣшительнымъ противникомъ искусства.

Всѣ искусства къ тому же сами по себѣ, не исключая скульптуры и танцевъ весьма цѣломудренны, нравственность нарушаетъ не искусство, а злоупотребленіе имъ, но для послѣдняго во всѣхъ странахъ существуетъ театральная цензура и полиція. Впрочемъ, между соборными запрещеніями и ст. 205 XIV тома нашего Свода Законовъ нѣтъ ничего общаго. Статья эта образовалась не изъ остатковъ каноническаго права, а изъ именного указа императора Павла дѣйствит. тайн. совѣтн. князю Юсупову, отъ 22-го декабря 1796 года, по которому „вольные спектакли“, т. е. представленія на частныхъ театрахъ, запрещались въ посты великій и успенскій и въ нѣкоторые другіе дни. Между прочимъ, представленія были запрещены во всѣ субботы и за двѣ недѣли до Рождества. Дни, въ которые спектакли были запрещены, мѣнялись затѣмъ нѣсколько разъ; это доказываетъ, что воспрещеніе никакого каноническаго

значенія не имѣло, а зависѣло отъ усмотрѣнія свѣтской власти, которая, то сокращая, то увеличивая число запретныхъ дней, думала оказать этимъ услугу нравственности, забывая, что мы живемъ не въ такое время, когда дѣйствительно возможно полное прекращеніе во время поста всякаго рода развлеченій, не исключая и публичныхъ.

Трудно предположить, что такимъ путемъ возможно увеличить число посѣтителей храмовъ въ посту. Слава Богу, у насъ въ храмахъ недостатка въ молящихся не бываетъ, да и если бы церковная служба и не привлекала нѣкоторую часть равнодушной къ религіи и ея обрядностямъ публики, то, конечно, не силою привлекать ее къ тому было бы въ духѣ православной церкви. Въ этомъ смыслѣ высказался уже въ свое время покойный митрополитъ Иннокентій, мнѣніе котораго, конечно, компетентнѣе, чѣмъ мнѣніе штатскихъ іезуитовъ à la Мещерскій, проповѣдующихъ, что даже устройство обыкновенныхъ баловъ по субботамъ есть дѣло возмутительное. Православная церковь пренебрегаетъ не только принужденіемъ, но такими средствами, къ которымъ прибѣгаетъ теперь католическая церковь на Западѣ, которая для привлеченія публики вступаетъ въ конкурренцію съ публичными зрѣлищами, приглашаетъ въ церкви лучшихъ пѣвцовъ и музыкантовъ и кладетъ музыку органа на мотивы вальсовъ изъ оперетокъ, и даже колокольный звонъ на фантазіи изъ итальянскихъ оперъ! Во всякомъ случаѣ, если стоять исключительно на церковной точкѣ зрѣнія, то слѣдовало бы воспретить въ посту не только казенные спектакли, но прежде всего всѣ такого рода развлеченія и увеселенія, которыя являются соблазнительными для времени молитвы и покаянія. Теперь же становится непонятнымъ, почему во время дней покаянія слушать „La fille de m-me Angot“ и „Mascotte“ можно, а „Жизнь за Царя“, гдѣ проповѣдуется въ эффектной формѣ беззавѣтное исполненіе долга, или „Рогнѣду“, изображающую торжество христіанства надъ язычествомъ—нельзя. Казенный балетъ причисленъ къ „русскимъ“ спектаклямъ и потому запрещенъ, хотя ногами и руками ни по-русски, ни на иностранныхъ языкахъ говорить нельзя, между тѣмъ такія же балетныя представленія даются въ посту въ циркѣ.

Запрещеніе драматическихъ спектаклей еще менѣе можетъ быть объяснено. Представленіе какой-либо комедіи равносильно публичному чтенію ея для массы. Публику занимаетъ здѣсь не то, что одинъ господинъ, надѣвъ фракъ, машетъ руками, а другой, въ

пиджакѣ, сидитъ въ креслахъ, скрестивъ ноги, а мысль автора, вложенная имъ въ уста актеровъ. Но въ такомъ случаѣ логика бы требовала запрещенія въ посту чтенія всякихъ произведеній мысли, романовъ, газетъ и т. д., ограничиваясь тропарями и кондаками. Церковь этого и требуетъ. Но возможно ли согласить подобное, въ своемъ родѣ весьма логичное, желаніе съ условіями современной дѣйствительности? Очевидно, нельзя, какъ нельзя, признавая, напримѣръ, въ законѣ обязанность посѣщать обѣдню, требовать, чтобы для нея отрывались отъ своихъ обязанностей кондукторы желѣзныхъ дорогъ, полицейскіе, почтальоны, доктора, хлѣбопеки и т. д.

Нельзя забывать также, что жизнь такъ сложна, что, гоняясь за удовлетвореніемъ одного христіанскаго идеала, мы непремѣнно нарушимъ другой. Милосердіе составляетъ, конечно, болѣе сущность христіанскаго ученія, чѣмъ строгое соблюденіе въ постное время ограниченій, установленныхъ для развратныхъ зрѣлищъ начала нашей эры, между тѣмъ, ради послѣдняго, вопреки милосердію, можетъ пострадать теперь неповинно не мало людей. „За нѣсколько тысячъ человѣкъ, говорила какъ-то одна газета, можно смѣло поручиться, что для нихъ два мѣсяца, отъ окончанія масляницы до Ѳоминой недѣли, будутъ имѣть полное значеніе *великаго поста*. Люди эти—актеры всѣхъ россійскихъ частныхъ театровъ съ ихъ семействами... Два мѣсяца поста дѣйствительно покажутся имъ временемъ полнаго воздержанія, такъ какъ большинству изъ нихъ придется кормиться буквально чѣмъ Богъ послалъ“... Да и не одни актеры страдаютъ, а цѣлыя тысячи людей музыкантовъ, статистовъ, театральныхъ служителей и друг. лицъ, имѣющихъ отношеніе къ сценѣ. Гораздо болѣе по-христіански было бы накормить этихъ бѣдняковъ, чѣмъ думать запрещеніемъ нѣсколькихъ спектаклей привлечь ко всенощной такую часть публики, которая и послѣ молитвы не прочь прокатиться на тройкахъ къ цыганкамъ.

Реформатская дѣятельность театральнаго управленія, распространилась, какъ мы сказали, и на Москву и тамъ вызвала столько же неудовольствій и опасеній, сколько и въ Петербургѣ. „Русь“ выступила защитницею автономіи московскихъ театровъ и резонно доказывала, что стремленіе къ какому-то „единству труппы“ можетъ превратить нашихъ артистовъ въ странствующихъ комедіантовъ. „Единство труппы! Зачѣмъ, спрашивалъ Аксаковъ.

То и было хорошо, что единства не было, что каждая сцена имѣла свою исторію, свои преданія, свою школу и служила нѣкоторымъ образомъ отраженіемъ вкуса, нравовъ и эстетическаго развитія мѣстной публики. Москва и Петербургъ — это два разныхъ міра: одинъ въ сердцѣ Россіи, другой, хоть и въ предѣлахъ еще Россійской имперіи, однакожъ на самой ея окраинѣ, вдобавокъ не русской; одинъ — первопрестольная столица русской земли, средоточіе русской народной жизни, другой — городъ чиновниковъ и гвардейцевъ, сѣдалище опутавшаго жизнь Россіи бюрократизма".

И именно московскій театръ славился своими художественными традиціями; его лѣтопись — лѣтопись русскаго драматическаго искусства по преимуществу; онъ воспиталъ не только знаменитѣйшихъ актеровъ-мастеровъ, но и драматурговъ. Несмотря на постоянныя мелочныя стѣсненія и до послѣдняго времени московская труппа умѣла достичь извѣстнаго совершенства, чѣмъ, по мнѣнію Аксакова, вѣроятно и провинилась передъ Петербургомъ.

„Отнынѣ, продолжаетъ „Русь", осѣдлой московской сцены, съ цѣльностью труппы, съ непрерывностью артистическихъ преданій — уже не будетъ. Такъ угодно Петербургу. Зачѣмъ Москвѣ имѣть лучшихъ актеровъ, хотя бы ею самою воспитанныхъ? въ ней вѣдь генералитета и вообще казенныхъ людей меньше. На этомъ, вѣроятно, основаніи, въ то время какъ для петербургской публики существуетъ четыре казенныхъ театра, въ Москвѣ ихъ всего два, и русская драматическая сцена — на все громадное населеніе, почти не уступающее петербургскому — должна довольствоваться однимъ Малымъ театромъ, вмѣщающимъ въ себѣ очень малое число публики... Странное поведеніе петербургскихъ начальствъ относительно первопрестольной, народной русской столицы, странное стремленіе умалять постепенно ея значеніе и держать въ черномъ тѣлѣ!.."

Эта іереміада имѣла полное основаніе. Театръ не казарма, искусство растеніе очень нѣжное и обращаться съ нимъ надобно весьма умѣлыми руками. Прилагать же къ искусству чисто канцелярскіе пріемы, значитъ прямо идти къ уничтоженію искусства. И безъ того вертоградъ россійскихъ музъ такъ бѣденъ. Единство управленія, впрочемъ, хотя и ухудшило московскіе театры, но для Петербурга ихъ артистическихъ силъ не ослабило. Послѣднія захирѣли сами по себѣ. Если дѣло такъ пошло въ Москвѣ, то о провинціи говорить нечего.

Одесситы съ гордостью показываютъ теперь всѣмъ пріѣзжимъ

великолѣпное зданіе театра, воздвигнутое городскою думою. Подъѣзды, галлереи, фойэ, все это въ новомъ театрѣ верхъ изящества, мебель даже въ райкѣ орѣховая, съ темно-малиновымъ плюшемъ, масса статуй и барельефовъ, въ отдѣлкѣ мозаика, лапись-лазурь, мраморъ, позолота, на порталахъ колоссальныя изваянія музъ. Все это стоило городу бездѣлицу — 1.200,000 рублей!

Но вотъ обратная сторона. Театръ построенъ на 2,000 человѣкъ. Полный сборъ при оперѣ 2,200 руб., при драмѣ 1,700 руб. Всего сбора возможно въ мѣсяцъ 60,000 р., а расходы на оперу 40,000 р. въ мѣсяцъ и на драму 20,000 р. Такимъ образомъ антрепренеры всегда будутъ въ убыткѣ, хотя городъ даетъ до ста тысячъ въ годъ безвозмездно въ пользу антрепренеровъ и кромѣ того костюмы на 25,000 руб. и всю театральную обстановку. Но такъ какъ едва ли возможно разсчитывать въ среднемъ и на половину полныхъ сборовъ, то надобно думать, что безъ огромной субсидіи, городской театръ въ Одессѣ въ приличномъ видѣ существовать не можетъ и новый театръ невольно вызоветъ большой расходъ, который Одесса, по неразумію своихъ муниципаловъ, легкомысленно возложила на долго на себя.

Театръ играетъ слишкомъ замѣтную теперь роль въ современной общественной жизни. Онъ сдѣлался потребностью значительнаго класса населенія, поэтому въ принципѣ мы не имѣемъ ничего противъ того, чтобы и наши провинціальные города удѣляли часть своихъ средствъ на поддержаніе хорошихъ театральныхъ зрѣлищъ. Не о единомъ хлѣбѣ человѣкъ живъ бываетъ. Жизнь, напримѣръ, въ третьестепенныхъ городахъ Италіи оттого такъ пріятна даже для иностранцевъ, что муниципалитеты поддерживаютъ театральныя антрепризы, наверстывая свои затраты другими средствами. У насъ точно такъ же города только выиграютъ въ матеріальномъ отношеніи, если сдѣлаютъ жизнь для развитого человѣка у себя сносною, а театръ именно одно изъ средствъ украсить существованіе. Но между благоразумною поддержкою и неблагоразумнымъ мотовствомъ — огромная разница. Сооруженіе же для театровъ огромныхъ дворцовъ есть именно мотовство, ничѣмъ не оправдываемое, которое не поддерживаетъ, а губитъ драматическое искусство, не говоря уже о томъ, что всѣ театры среднимъ числомъ въ тридцать лѣтъ непремѣнно сгораютъ отъ пожара, слѣдовательно къ расходу на постройку роскошныхъ дворцовъ надобно прибавить огромные расходы на погашеніе цѣнности этихъ построекъ.

Достоинство театра вовсе не въ плюшевыхъ скамьяхъ въ райкѣ:

о нелѣпая роскошь, совершенно безполезная и безцѣльная для одей, которые и у себя дома не привыкли къ какой бы ни было гкой мебели. Хорошій театръ тотъ, который имѣетъ удовлетво-тельный ансамбль въ исполненіи, приличный разнообразный ре-ртуаръ и удовлетворяетъ эстетическимъ требованіямъ. Ничего добнаго нельзя имѣть въ провинціальномъ городѣ, затративъ гни тысячъ и милліоны рублей на постройки и позолоту.

Парижъ ужъ на что богатый городъ, но и онъ ухудшилъ свою еру, когда затратилъ 40 милл. франковъ на постройку, знамени-го по безвкусію, роскоши и несообразію, зданія Grand opera. ромной субсидіи въ 900 тысячъ франковъ въ годъ едва хватаетъ, обы содержать зданіе, подметать его, освѣщать и пр.; о худо-ственныхъ затратахъ нечего и думать. Дѣло дошло до того, что трудомъ нашли антрепренеровъ, желавшихъ воспользоваться омной субсидіей, и пришлось дѣлать имъ разныя уступки, именно художественной части. Та же исторія въ Женевѣ. Городъ этотъ ь наслѣдства, завѣщаннаго герцогомъ Брауншвейгскимъ, употре-лъ 6 милл. франковъ на постройку великолѣпнѣйшаго городского атра, но такъ какъ, несмотря на богатство Женевы, публики ло и сборы очень плохи, то театръ весьма жалокъ и совсѣмъ не твѣтствуетъ зданію.

Одессѣ угрожаетъ подобная же участь. Или городъ долженъ бу-ъ давать огромную субсидію, что весьма невѣроятно, или антре-иза будетъ нести убытки. Для покрытія послѣднихъ у ней оста-ся два выхода, или ухудшить репертуаръ, расширяя отдѣлъ ретки и глупыхъ мелодрамъ, или же обирать артистовъ. Между ъ участь провинціальныхъ драматическихъ артистовъ, да и во-е артистовъ частныхъ труппъ, у насъ самая горькая. Это въ номъ смыслѣ слова пролетаріи, ничѣмъ не обезпеченные въ суще-ованіи и вѣчно голодающіе. Вмѣсто позолоты на креслахъ, было бы ѣе благоразумно позаботиться объ ихъ участи. Безъ роскошныхъ селъ можно еще обойтись, самые лучшіе парижскіе и итальян-театры очень бѣдно отдѣланы, безъ хорошихъ же артистовъ ръ немыслимъ. Онъ обращается иначе изъ „храма искусствъ“ балаганъ или еще хуже въ домъ терпимости. При этомъ, если со-ъ провинціальныхъ труппъ ухудшается, то непремѣнно соотвѣт-нно падаетъ и достоинство образцовыхъ столичныхъ труппъ; нихъ провинціальныя труппы своего рода резервуаръ, служа одной стороны школою молодымъ артистамъ-дебютантамъ, съ

другой принимая избытки казенной труппы, которая должна постоянно обновляться.

Ухудшеніе репертуара подъ вліяніемъ антрепренеровъ, старающихся лишь зашибить копѣйку, стало вопросомъ весьма важнымъ. „Новое Время“ справедливо замѣтило, разбирая какъ-то на первой страницѣ газеты, гдѣ обыкновенно третируются матеріи скучныя, вопросъ объ опереткѣ: „понятіе о матеріяхъ важныхъ и не важныхъ очень гибко, и Богъ вѣсть еще, что важнѣе въ настоящее время для будущихъ судебъ Россіи—конъюнктуры ли испанской политики, положеніе соціальнаго вопроса въ Ирландіи, или пріѣздъ новой опереточной звѣзды?“ Газетъ полагала, что послѣднее поважнѣе многаго другого, что считается по старой памяти очень важнымъ.

Оперетка дѣйствительно вовсе не такая пустая вещь, какъ кажется съ виду. Это не одинъ только способъ для мужчинъ безъ признака таланта, но съ сильными акцентами польскими, чешскими, армянскими, жидовскими и молдаванскими, для женщинъ съ еще меньшими задатками дарованія, но съ роскошными формами de la ceinture en haut и en bas, и для антрепренеровъ изъ трактирныхъ служителей и отставныхъ цирюльниковъ, заработывать денное пропитаніе, увеселяя тупоумную и развратную толпу. Оперетка становится съ одной стороны каѳедрой, откуда проповѣдываются нашему обществу нравственные, политическіе и общественные идеалы, съ другой въ опереткѣ мало по малу совмѣщаются всѣ отрасли нашего сценическаго искусства, и безъ того стоявшаго такъ непрочно. Словомъ, если Вольтеръ когда-то кощунственно назвалъ обѣдню „оперою для бѣдныхъ“, то оперетка и для богатыхъ, и для бѣдныхъ угрожаетъ замѣнить у насъ и университетъ, и академію художествъ, и консерваторію, а можетъ быть и обѣдню.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ помѣщены были любопытныя свѣдѣнія, какъ опереточная манія охватила все тифлисское общество отъ стараго до малаго, какъ въ мѣстной оффиціальной газетѣ появились стихи въ честь канкана и какъ чиновники главнаго кавказскаго управленія начали стрѣлять другъ въ друга. И все это сдѣлалъ пріѣздъ г-жи Свѣтовой, полной блондинки съ крикливымъ голосомъ и весьма микроскопическимъ талантомъ. „Здѣсь есть о чемъ подумать, писалъ корреспондентъ: къ кавказскимъ первобытнымъ народамъ, съ ихъ примитивными нравами, съ ихъ крѣпкими семейными устоями, столь же первобытнымъ, каковы были германцы въ отношеніи къ римлянамъ во времена упадка и разложенія Римской имперіи, мы заносимъ растлѣніе нравовъ, парижскій канканъ

широко раскрытымъ подоломъ и высоко поднятою ногою, фран-
зскую болѣзнь, оскорбляющія народную нравственность зрѣлища,
ловъ, всеобщую свистопляску..."

Корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" находилъ далѣе,
регулировать, наши театральныя зрѣлища есть прямая обязан-
ть цензурныхъ учрежденій. Столицы не такъ еще страдаютъ
господства канканнаго направленія на сценѣ. Рядомъ съ опе-
кою публика можетъ посѣщать и посѣщаетъ серьезные кон-
ты музыкальнаго общества и концерты выдающихся виртуозовъ
орошія драмы, и хорошо исполняемыя оперы. При интелли-
гномъ управленіи наша дирекція, безъ особаго труда могла бы
ѣшно соперничать съ опереткою не только зимою, но и лѣтомъ.
гое дѣло провинція. Тамъ положительно оперетка губитъ и
рное, и драматическое дѣло. Рядомъ съ „драматическимъ кабаз
ъ", при неразвитости нашей публики, при бѣдности ея эстети-
каго образованія, при обезьянскомъ увлеченіи модою, даже са-
глупой, при отсутствіи критики и при склонности къ скабрез-
у, другіе виды драматическихъ зрѣлищъ, существовать не мо-
ъ. Они кажутся скучными. Русская опера въ провинціи, уже
ино сказать, погибла подъ напоромъ оперетки и всѣ десятилѣтнія
лія консерваторій къ созданію персонала своихъ пѣвцовъ про-
и даромъ; такая же участь готовится и русскому драматическому
усству. При большей развязности инородцевъ, мы видимъ ихъ
обладающими на опереточныхъ сценахъ. Такимъ образомъ че-
ь нѣсколько лѣтъ выдающійся персоналъ нашихъ провинціаль-
ъ театровъ будетъ состоять изъ невозможной жидовско-космо-
итической смѣси, въ которой чисто русскаго элемента не оста-
ся.

Если болѣзнь извѣстна, то леченіе ея не менѣе ясно. По нашему
нію, средства для борьбы съ возростающей волной оперетки
ество должно искать не въ полицейскихъ только ограниченіяхъ
ь самомъ себѣ. Прежде всего слѣдуетъ осмотрительнѣе быть въ
орѣ зрѣлищъ. Никогда въ Парижѣ порядочное семейство не
етъ въ мелкій бульварный театрикъ, развѣ въ видѣ исключенія.
театры, гдѣ процвѣтаетъ оперетка, прибѣжище содержанокъ,
токъ и всякихъ дамъ полусвѣта. У насъ не то, какой-нибудь
ша для увеселенія везетъ своихъ дочерей и даже дѣтей въ
кадію". Но отчего же ужь не прямо къ Марцинкевичу или въ
феумъ", гдѣ также, вѣроятно, очень весело. Это касается не
ой оперетки. Въ былое время дѣвицъ высшаго круга въ Михай-

ловскій театръ вовсе не возили, а средняго увозили передъ посл
нимъ водевилемъ, обыкновенно скабрезнымъ. Теперь подобная р
derie показалась бы смѣшною. А строго говоря, смѣшного тутъ н
чего нѣтъ, ибо, пріучаясь съ дѣтства видѣть, что любовникъ всег
правъ и милъ, а мужъ всегда глупъ и виноватъ, молодая женщи
невольно вырабатывается въ тотъ ужасный типъ Полетты, котор
талантливая графиня Малья изобразила съ такою мѣткостью
„Autour de Mariage".

Затѣмъ на стражѣ нравственности должна стать и печать. П
слѣдняя до сихъ поръ дѣйствовала прямо въ противоположно
направленіи, иногда даже явно сводничая публику съ артистка
публикаціями о томъ, что такая-то свободна, такой-то любовни
сбавилъ пенсію, такая-то поссорилась съ тѣмъ-то и т. д. Сурова
когда рѣчь идетъ о казенныхъ театрахъ, считая даже презрите
ное отношеніе къ казенной сценѣ чуть не гражданскимъ под
гомъ политическаго радикализма, та же печать пресмыкается п
редъ антрепренерами драматическихъ кабаковъ. Какъ только р
цензіи касаются оперетокъ и тому подобныхъ вещей на частн
сценахъ, онѣ обращаются въ диѳирамбы. Директоры этихъ сп
называются не иначе, какъ „многоуважаемыми Болеславами С
ниславовичами", постановки „по обыкновенію роскошными и
разительно блестящими", кувырканія и козлогласованіе артисто
точно вырвавшихся изъ Вавилонской башни послѣ смѣшенія я
ковъ, „даровитою и полною жизни игрою", жеманныя ужимки
неприличныя тѣлодвиженія сорокалѣтнихъ пѣвицъ—„непостиж
граціозными и поэтически-цѣломудренными". Были выраженія
почище этого. Мы увѣрены, что на половину одурѣніе бѣдн
тифлисцевъ зависѣло отъ тѣхъ рекламъ, которыя они почти е
дневно вычитывали въ петербургскихъ газетахъ.

Если буржуазія наша отравляется опереткою, то и для низш
классовъ услужливые люди также заготовили своего рода за
Хроникеръ, „Новаго Времени", сдѣлавъ однажды весьма прав
и нисколько непреувеличенное описаніе публичныхъ баловъ П
бурга, извѣстныхъ въ старину подъ именемъ „танцъ-классовъ".
грустью замѣтилъ въ заключеніе: „вотъ какъ въ центрѣ го
увеселяются ежедневно тысячи петербуржцевъ, купаясь въ сл
канкана съ водкой, вотъ гдѣ и какъ цивилизуется петербург
работающее населеніе"... Одновременно извѣстный присяжный
ралистъ г. Евг. Марковъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостя
разбирая быстро возростающее въ массѣ стремленіе къ уве

ніямъ, обращающееся въ ежедневную потребность, отвѣтомъ на которую служатъ доступныя каждому поденьщику, каждой кухаркѣ заведенія, гдѣ они могутъ наслаждаться оркестрами музыки, фонтанами, картинами, обнаженными женщинами и виномъ восклицалъ: „этотъ постоянно разростающійся въ народной толпѣ вкусъ къ блестящимъ публичнымъ забавамъ развращаетъ толпу, дѣлаетъ ее сластолюбивою и циничною, завистливою и ненавидящею. Эта психическая зараза опаснѣе многихъ пугающихъ насъ вещественныхъ контагіевъ!“

Не становясь даже на такую широкую философскую точку зрѣнія, а пребывая въ узкой практической сферѣ, нельзя не сознаться, что указываемыя обоими публицистами явленія заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться.

Изъ кого состоитъ публика шато-дефлеровъ, орфеумовъ и т. п. притоновъ разврата, которыя мало по малу устраиваются во всѣхъ значительныхъ городахъ? Это мелкіе чиновники, приказчики, прислуга и затѣмъ масса женщинъ изъ мастерскихъ. Конечно, въ означенной толпѣ пребываетъ всегда порядочный процентъ трактирныхъ завсегдатаевъ и публичныхъ женщинъ, но не о нихъ можетъ идти рѣчь. Что въ концѣ концовъ извлекаютъ для себя вышеозначенные трудящіеся элементы среди подобныхъ увеселеній? Мы уже не говоримъ о нравственной заразѣ, но физически, какъ должны вліять на эту толпу безсонныя на пролетъ ночи? Еще ужаснѣе зараза эта въ экономическомъ отношеніи.

Человѣкъ съ извѣстнымъ достаткомъ, кромѣ рѣдкихъ исключеній, не будетъ искать развлеченій въ подобныхъ заведеніяхъ; они привлекаютъ только людей неприхотливыхъ и небрезгливыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. людей класса ниже средняго, со средствами ограниченными, съ жалованьями скромнѣйшими. Извѣстенъ довольно хорошо размѣръ заработковъ такого люда: онъ колеблется въ Петербургѣ напр. отъ 25 до 100 рублей въ мѣсяцъ, очень рѣдко превосходя послѣднюю цифру и даже рѣдко ее достигая. Теперь посмотримъ какой расходъ вызываетъ посѣщеніе публичныхъ баловъ. Одинъ входъ стоитъ рубль, затѣмъ надобно заплатить за храненіе платья; прибавить расходъ на закуску и на удовлетвореніе жажды, которая въ подобныхъ учрежденіяхъ имѣетъ особое свойство обостряться, составится уже по крайней мѣрѣ два рубля расхода. Другими словами, посѣщеніе увеселительныхъ притоновъ, даже не ежедневное, должно проглотить въ столицѣ весь

заработокъ мелкаго служащаго. Оно и для человѣка достаточнаго не показалось бы маленькимъ расходомъ.

Откуда же нибудь берутся, однако, тѣ сотни тысячъ рублей, которыя ежегодно загребаютъ содержатели вышеозначенныхъ заведеній, питаются же чѣмъ нибудь и тѣ феи, которыя наводняютъ эти заведенія,? Деньги, конечно, берутся изъ тѣхъ кармановъ, гдѣ онѣ лежатъ, т. е. изъ кармановъ лицъ, орфеумовъ не посѣщающихъ. Если бы посчитать, сколько ежедневно чинится подлоговъ, обмановъ, мошенничества, мелкаго и крупнаго воровства въ конторахъ, магазинахъ, лавкахъ и частныхъ домахъ, чтобы найти средства для питанія публичнаго разврата, то публика навѣрное ужаснулась бы.

Большинство игнорируетъ эту болячку, а полиція терпитъ ее, если даже не оказываетъ оффиціозное покровительство, содѣйствуя мирному разрѣшенію происходящихъ въ заведеніяхъ разныхъ дракъ и буйствъ, безъ помощи протоколовъ и тасканій въ участки. Совсѣмъ не такова должна быть роль полиціи: она обязана всячески пресѣкать развитіе подобныхъ притоновъ и сдѣлать существованіе ихъ рискованнымъ и невыгоднымъ. Ограниченіе увеселительныхъ заведеній вызоветъ, конечно, вопль въ извѣстной части нашей печати, принимающей близко къ сердцу все, что касается эксплуатаціи публики путемъ разврата. Мотивы для возраженій будутъ самые демократическіе, лицемѣрная заботливость объ интересахъ меньшей братіи.

— „Вы хотите запретить веселиться мелкому люду, скажутъ эти господа, между тѣмъ оставляете для высшихъ классовъ оперетку и право проводить ночи въ ресторанахъ и въ клубахъ".

На это мы прежде всего отвѣтимъ, что были бы очень рады если бы были положены какіе либо предѣлы распространенію разврата на театральныхъ подмосткахъ, ничего не имѣемъ и противъ ограниченій всенощныхъ бдѣній въ большихъ ресторнахъ и особенно противъ ограниченія азартной игры въ клубахъ запрещеніемъ играть въ карты женщинамъ и обложеніемъ клубныхъ доходовъ въ пользу благотворительныхъ городскихъ заведеній—отъ картъ 25%, а отъ штрафовъ за позднее сидѣніе 75%. Но и безъ этого оба явленія нельзя, строго говоря, сравнивать между собою.

Для оперетки, какъ и для прочихъ драматическихъ представленій, есть все-таки цензура; театры посѣщаются публикой, которая извѣстнымъ воспитаніемъ пріучаетъ вести себя болѣе или менѣе прилично, наконецъ, театры кончаются рано и могли бы окан

чиваться и еще ранѣе—въ Вѣнѣ они рѣдко продолжаются послѣ 10 часовъ вечера. Въ ресторанахъ собираются лишь люди со средствами или такіе, которымъ почему-либо эти заведенія считаютъ возможнымъ открывать кредитъ. Въ клубѣ ограниченія имѣются, хотя и слабыя, въ надзорѣ старшинъ и въ извѣстномъ уровнѣ требованій порядочности, предъявляемомъ каждымъ клубомъ къ своимъ членамъ и гостямъ. Ничего этого нѣтъ и въ поминѣ въ тѣхъ притонахъ, о которыхъ мы ведемъ рѣчь. Они разсчитаны на соблазнъ трудящагося и неразвитаго класса неприличною музыкою, водкою, канканомъ и сообществомъ женщинъ извѣстнаго рода.

Во всякомъ случаѣ ничего общаго между демократизмомъ и означенными заведеніями не имѣется. Они скорѣе входятъ въ область надзора врачебно-полицейскаго комитета.

Франція, безъ сомнѣнія, теперь страна демократическая, а Парижъ считается даже и главою радикальной демократіи, нигдѣ, однако, нѣтъ такихъ ограниченій по части публичныхъ увеселеній, какъ въ Парижѣ. Въ 11 часовъ ночи всѣ его публичныя залы закрываются и городская стража и городовые безъ церемоніи выталкиваютъ вонъ публику. О какихъ-нибудь снисхожденіяхъ, которыхъ можно было бы достигнуть, сунувъ полицейскому чиновнику, какъ выражаются персіяне, „кусокъ грязи“, въ Парижѣ нѣтъ и помину. Намъ замѣтятъ, что Парижъ городъ все-таки достаточно развратный. Это вѣрно, но кто знаетъ, чѣмъ бы онъ былъ, если бы полиція не стѣсняла еще всячески проявленія публичнаго разврата. Во время директоріи, какъ извѣстно, полиція была очень снисходительна, за то и оргіи достигали тогда возмутительно-колоссальныхъ размѣровъ.

Французская система даетъ, по крайней мѣрѣ, время рабочему населенію немного выспаться, а такая заботливость весьма существенна для народнаго здоровья. У насъ слѣдуетъ держаться подобной же системы: никакія публичныя увеселенія, кромѣ какъ въ клубахъ и тѣхъ, на которыя получены спеціальныя разрѣшенія, не должны дозволяться позже полуночи, а затѣмъ каждое изъ заведеній, служащихъ для увеселенія публики, обязано четвертую часть своей входной платы отдавать въ пользу городовъ на благотворительныя нужды. Если эти двѣ мѣры не сократятъ числа притоновъ и ихъ публики, то останется одно—снова закрыть заведенія, какъ было до начала 60-хъ годовъ, когда опять разрѣшили танцъ-классы или такъ называемые „семейные балы“, что привѣтство-

валось какъ одинъ изъ шаговъ на поприщѣ освобожденія городскаго населенія отъ административной опеки!

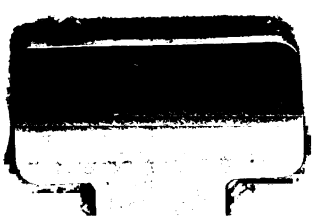
Предлагая мѣры противъ притоновъ, извѣстныхъ подъ названіемъ публичныхъ баловъ, мы были увѣрены, что непремѣнно найдутся газеты, которыя выступятъ въ роли адвокатовъ означенныхъ притоновъ. Такія газеты немедленно явились. „Новости“ первыя возопили: „Нельзя сказать, чтобы предлагаемая мѣра была особенно остроумна, въ смыслѣ серьезнаго публицистическаго рѣшенія даннаго вопроса, хотя она и практикуется въ Парижѣ. Читатель, озабоченный порчею нравовъ, въ правѣ ожидать отъ журналистики, въ освѣщеніи и разрѣшеніи этого важнаго соціальнаго вопроса чего нибудь поновѣе и похитрѣе элементарныхъ классическихъ полицейскихъ мѣропріятій, до которыхъ и Сквозникъ-Дмухановскій „своимъ умомъ“ доходилъ...

Это „поновѣе и похитрѣе“ предлагала „Петербургская Газета“. Этотъ органъ также обидѣлся предложеніемъ полицейскихъ ограниченій, въ доказательство недѣйствительности которыхъ сослался даже на римскую исторію! Римъ и „Марцинки“! Газетѣ „исторіи“, которыя разсказывала скотница Василиса, болѣе вѣроятно подходили бы, чѣмъ римская исторія. Казалось бы, что тутъ общаго, но газета изъ означенной исторіи извлекла мораль, что полицейскія ограниченія ничего не стоятъ, а надо бы-де развитіе народнаго образованія.

Прекрасное открытіе, доказывающее, впрочемъ, малое знакомство съ римской исторіей, ибо образованнѣйшіе римляне, какъ Горацій, Марціалъ, Катуллъ, Петроній, и были развратнѣйшими. Во вторыхъ, какъ это приложить образованіе къ публичнымъ баламъ? Слѣдуетъ-ли дожидаться, чтобы вся Россія стала образованная, но это едва-ли случится и въ XXV столѣтіи, или же дѣвицы изъ „Эльдорадо“ должны поступить на казенный счетъ на высшіе курсы. Но для этихъ дѣвицъ есть уже „пансіоны безъ древнихъ языковъ“. Такъ какъ двадцать пятаго столѣтія дожидаться долго, Петербургъ же очистить не худо, то, не смущаясь ссылками „Новостей“ на Гоголя и „Петербургской Газеты“ на Ювенала, можно въ такомъ простомъ вопросѣ дѣйствовать гораздо проще. Если на дворахъ замѣчаютъ нечистоты, то вѣдь дворникамъ не читаютъ лекцій гигіены или химіи (отдѣлъ о дезинфекціи), а приказываютъ убрать грязь; точно тѣ же разсужденія и пріемы должны прилагаться и къ увеселительнымъ притонамъ.

Философы могутъ разсуждать о причинахъ „поврежденія нра-

овъ", историки могутъ приводить остроумныя параллели между вавилонскими блудницами и современными „жертвами общественнаго темперамента", полиція же обязана дѣлать свое дѣло, т. е. всякое публичное проявленіе разврата пресѣкать. Насъ увѣряютъ, что этой мѣрой не уничтожить развратъ, что гдѣ нибудь онъ да проявится. Очень можетъ быть, но пока онъ еще проявится, его не будетъ тамъ, гдѣ онъ проявлялся. Развратъ можетъ быть будетъ по темнымъ закоулкамъ, гдѣ скопляется вообще всякая мерзость, но это не будетъ открыто, въ центрѣ городовъ, при электрическомъ и газовомъ освѣщеніи, для соблазна работающаго класса.

Цѣна 2 рубля

YC 72166